

Учебник русской истории-Сергей Платонов

С. Ф. Платонов

Учебник русской истории

§ 1. Предмет курса русской истории

Русское государство, в котором мы живем, ведет свое начало от IX в. по Р. Хр. Русские же племена, образовавшие это государство, существовали еще ранее. В начале своей исторической жизни они занимали только область р. Днепра с его притоками, область озера Ильменя с его реками, а также лежащие в промежутке между Днепром и Ильменем верховья Западной Двины и Волги. К числу **русских племен**, составлявших одну из ветвей великого Славянского племени, принадлежали: **поляне** — на среднем Днепре, **северяне** — на р. Десне, **древляне** и **дреговичи** — на р. Припяти, **радимичи** — на р. Соже, **кривичи** — на верховьях Днепра, Волги и Западной Двины, **словене** — на озере Ильмень. Между этими племенами вначале было очень мало взаимных связей; еще менее близости к ним было у окраинных племен: **вятичей** — на р. Оке, **волынян, бужан, дулебов** — на Западном Буге, **хорватов** — у Карпатских гор, **тиверцев** и **уличей** — на р. Днестре и у Черного моря (о тиверцах и уличах в точности даже не известно, можно ли их считать славянами).

Главное содержание курса русской истории должно составлять повествование о том, как из названных отдельных племен постепенно образовался единый русский народ и как он занял то громадное пространство, на котором теперь живет; как образовалось среди русских славян государство и какие перемены происходили в русском государственном и общественном быту до тех пор, пока он не принял современной нам формы Российской империи. Рассказ об этом естественно делится на три части. В первой излагается история первоначального Киевского государства, объединившего все мелкие племена вокруг одной столицы — Киева. Во второй излагается история тех государств (Новгородского, Литовско-Русского и Московского), которые образовались на Руси вслед за распадением Киевского государства. В третьей, наконец, излагается история Русской империи, объединившей в себе все земли, заселенные русскими людьми в разные времена.

Но раньше, чем начать рассказ о начале Русского государства, необходимо ознакомиться с тем, как жили племена русских славян до возникновения у них государственного порядка. Так как эти племена не были первыми и единственными «населенниками» нашей страны, то надобно узнать, кто жил здесь ранее славян и

кого застали славяне в своем соседстве, когда поселились на Днестре и Ильмене. Так как местность, занятая здесь русскими славянами, оказывает влияние на их хозяйство и быт, то надобно ознакомиться с характером страны, в которой возникло Русское государство, и с особенностями первоначального быта русских славян. Когда мы узнаем ту обстановку, в какой пришлось жить нашим далеким предкам, мы яснее поймем причины возникновения у них государства и лучше представим себе особенности общественного и государственного их устройства.

§ 2. Древнейшее население Европейской России

На всем пространстве Европейской России, и преимущественно на юге, близ Черного моря, находится достаточно «древностей», то есть памятников, оставшихся от древнейшего населения России в виде отдельных погребальных насыпей (курганов) и целых кладбищ (могильников), развалин городов и укреплений («городищ»), различных предметов быта (посуды, монет, драгоценных украшений). Наука об этих древностях (археология) успела определить, каким именно народностям принадлежат те или другие предметы древности. Древнейшие из них и самые замечательные суть памятники **греческие** и **скифские**. Из истории древней Эллады известно, что на северных берегах Черного моря (или Евксинского Понта, как называли его греки) возникло много греческих колоний, по преимуществу на устьях больших рек и при удобных морских бухтах. Из этих колоний наиболее известны: **Ольвия** при устье р. Буга, **Херсонес** (по-старорусски Корсунь) в окрестностях нынешнего Севастополя, **Пантикапей** на месте нынешней Керчи, **Фанагория** на Таманском полуострове, **Танаис** в устьях р. Дона. Колонизуя морское побережье, древние греки обыкновенно не удалялись от морского берега вглубь страны, а предпочитали привлекать туземцев на свои береговые рынки. На Черноморских берегах было то же самое: названные города не распространили своих владений внутрь материка, но тем не менее подчинили местных жителей своему культурному влиянию и привлекли их к оживленному торговому обмену. От туземцев-«варваров», которых греки называли **скифами**, они приобретали местные продукты, главным образом хлеб и рыбу, и отправляли в Элладу; а взамен продавали туземцам предметы греческого производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши).

Торговля сблизила греков с туземцами настолько, что образовались смешанные так называемые «эллино-скифские» поселения, а в Пантикапее возникло даже значительное государство, называемое Боспорским (от имени пролива Боспора Киммерийского). Под властью Боспорских царей объединились некоторые греческие города побережья и туземные племена, жившие у моря от Крыма до предгорий Кавказа. Боспорское царство и города Херсонес и Ольвия достигли значительного процветания и оставили после себя ряд замечательных памятников. Раскопки, предпринятые в Керчи (на месте древнего Пантикапея), в Херсонесе и Ольвии, открыли остатки городских укреплений и улиц, отдельных жилищ и храмов (языческой и позднейшей, христианской поры). В погребальных склепах этих городов (а также и в степных курганах) обнаружено много предметов греческого искусства, иногда высокой художественной ценности. Золотые украшения тончайшей работы и роскошные вазы, добытые этими раскопками, составляют лучшее в мире, по художественному значению и по количеству предметов, собрание Императорского Эрмитажа в Петрограде. Рядом с типичными вещами афинской работы (например, расписные вазы с рисунками на греческие темы) встречаются в этом собрании предметы, сработанные греческими мастерами на местный фасон, по-видимому, по заказу местных «варваров». Так, золотые ножны, сделанные для скифского меча, не похожего на греческие мечи, украшались чисто греческим орнаментом по вкусу мастера-грека. Металлические или глиняные вазы, сделанные по греческим образцам, снабжались иногда рисунками не греческого характера, а скифского, «варварского»: на них изображались фигуры туземцев и сцены из скифского быта. Две такие вазы пользуются всемирною известностью. Одна из них, золотая, вырыта из склепа в кургане Куль-Оба около г. Керчи; другая, серебряная, оказалась в большом кургане близ местечка Никополя на нижнем Днестре у речки Чертомлыка. На обеих вазах художественно представлены целые группы скифов в их национальной одежде и вооружении. Таким образом, греческое искусство служило здесь вкусом местных «варваров».

Для нас это обстоятельство важно потому, что мы получаем возможность непосредственно познакомиться с внешним видом тех скифов, с которыми имели дело греки на Черноморском побережье. В превосходно изваянных или нарисованных греческими мастерами фигурах скифских воинов и наездников мы отчетливо различаем черты арийского племени и всего скорее иранской его ветви. Из описаний скифского быта, оставленных греческими писателями, и из скифских погребений, раскопанных археологами, можно сделать тот же вывод. Греческий историк Геродот (V в. до Р. Х.), рассказывая о скифах, делит их на много племен и различает между ними кочевников и земледельцев. Первых он помещает ближе к морю — в степях, а вторых севернее — примерно на среднем течении Днестра. Земледелие было настолько развито у некоторых скифских

племен, что они торговали зерном, доставляя его в громадном количестве в греческие города для отправки в Элладу. Известно, например, что Аттика получала половину необходимого ей количества хлеба именно от скифов через Боспорское царство. Тех скифов, которые торговали с греками, и тех, которые кочевали вблизи от моря, греки более или менее знали, и потому Геродот дает о них любопытные и основательные сведения. Те же племена, которые жили в глубине нынешней России, грекам не были известны, и у Геродота мы читаем о них баснословные рассказы, которым невозможно верить.

§ 3. Русские славяне и их соседи

Что касается до славян, то древнейшим местом их жительства в Европе были, по-видимому, северные склоны Карпатских гор, где славяне под именем венедов и склавен были известны еще в готские и гуннские времена. Отсюда славяне разошлись в разные стороны: на юг (балканские славяне), на запад (чехи, моравы, поляки) и на восток (русские славяне). Восточная ветвь славян пришла на Днепр, вероятно, еще в VII в. и, постепенно расселяясь, дошла до озера Ильменя и до верхней Оки. Из русских славян (§ 1) вблизи Карпат остались хорваты и воляныне (дулебы, бужане). Поляне, древляне и дреговичи основались на правом берегу Днепра и на его правых притоках. Северяне, радимичи и вятичи перевалили за Днепр и сели на его левых притоках, причем вятичи успели продвинуться даже на Оку. Кривичи тоже вышли из системы Днепра на север, на верховья Волги и Западной Двины, а их отрасль словене заняли систему озера Ильменя. В своем движении вверх по Днепру, на северных и северо-восточных окраинах своих новых поселений, славяне пришли в непосредственную близость с финскими племенами, литовскими племенами и хазарами.

Самым диким из соседивших со славянами племен было финское племя, составляющее, по-видимому, одну из отраслей монгольской расы. В пределах нынешней России **финны** жили с незапамятной поры, подчиняясь культурному влиянию как скифов с сарматами, так позднее готов, тюрков, литовцев и славян. Делясь на много маленьких народцев (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемиса, вотяки, зыряне и мн. др.), финны занимали своими редкими и малыми поселениями лесные пространства всего русского севера. Разрозненные и не имевшие никакого внутреннего устройства, финские звероловецкие народцы оставались в первобытной дикости и простоте, легко поддаваясь всякому вторжению в их земли. Они или быстро подчинялись более культурным пришельцам и сливались с ними, или же без заметной борьбы уступали им свои владения и уходили от них на север или восток. Таким образом, с постепенным расселением славян в средней и северной России масса финских земель переходила к славянам, и в славянское население мирным путем вливался обруселый финский элемент. Лишь изредка там, где финские, жрецы-шаманы (по старому русскому названию, «волхвы» и «кудесники») поднимали свой народ на борьбу, финны становились против русских. Но эта борьба неизменно кончалась победою славянства, и начавшееся в VIII-IX вв. обрусение финнов неуклонно продолжалось и продолжается еще до наших дней. Одновременно с славянским воздействием на финнов началось сильное воздействие на них со стороны **болгар волжских** (тюркского народа, названного волжским в отличие от болгар дунайских). Пришедшие с низовья Волги к устьям Камы, кочевые болгары основались здесь и, не довольствуясь кочевьями, построили города, в которых началась оживленная торговля. Арабские и хазарские купцы привозили сюда с юга по Волге свои товары (между прочим, серебряную утварь, блюда, чаши и пр.); здесь они выменивали их на ценные меха, доставляемые с севера по Каме и верхней Волге. Сношения с арабами и хазарами распространили между болгарами магометанство и некоторую образованность. Главные болгарские города (в особенности город Болгар, или Булгар, на самой Волге) стали очень влиятельными центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Влияние болгарских городов сказывалось и на русских славянах, торговавших с болгарами, а впоследствии враждовавших с ними. В политическом отношении волжские болгары не были сильным народом. Завися первоначально от хазар, они имели, однако, особого хана и подчиненных ему царьков или князей. С падением Хазарского царства болгары существовали самостоятельно, но много терпели от русских и были окончательно разорены в XIII в. татарами (их потомки, чуваша, представляют теперь слабое и малоразвитое племя).

Литовские племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющие особую ветвь арийского племени, уже в глубокой древности (во II в. по Р. Хр.) заселяли те места, на которых позднее их застали славяне. Поселения литовцев занимали тогда бассейны рек Немана и Западной Двины и от Балтийского моря доходили до р. Припяти и истоков Днепра и Волги. Отступая постепенно перед славянами, литовцы сосредоточились по Неману и Западной Двине, в дремучих лесах ближайшей к морю полосы, и там надолго сохранили свой первоначальный быт. Племена их не были объединены; они делились на отдельные роды и взаимно враждовали. Религия литовцев заключалась в обожествлении сил природы (Перкун — бог грома), в почитании умерших предков и вообще находилась на низком уровне развития. Вопреки старым рассказам о литовских жрецах и различных святилищах теперь доказано, что у литовцев не было ни влиятельного жреческого сословия, ни торжественных религиозных церемоний. Каждая семья приносила жертвы богам и божкам, почитала животных и священные дубы, угощала души умерших и занималась гаданиями. Грубый и суровый быт литовцев, их бедность и дикость ставили их ниже славян и заставляли литву уступать славянам те литовские земли, на которые направлялась русская колонизация. Там же, где литовцы непосредственно соседнили с русскими, они заметно поддавались культурному их влиянию.

По отношению к финским и литовским своим соседям русские славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дело с **хазарами**. Кочевое тюркское племя хазар прочно осело на Кавказе и в южнорусских степях и стало заниматься земледелием, разведением винограда, рыболовством и торговлей. Зиму хазары проводили в городах, а на лето выселялись в степь к своим лугам, садам и полевым работам. Так как через земли хазар пролегали торговые пути из Европы в Азию, то хазарские города, стоявшие на этих путях, получили большое торговое значение и влияние. Особенно стали известны столичный город Итиль на нижней Волге, Семендер на Кавказе и крепость Саркел (по-русски Белая Вежа) на Дону близ Волги. Они были важными рынками, на которых торговали азиатские купцы с европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христиане. Влияние ислама и еврейства было особенно сильно среди хазар; хазарский хан («каган», или «хакан») со своим двором исповедовал иудейскую веру; в народе же всего более было распространено магометанство, но держались и христианская вера и язычество. Такое разноречие вело к веротерпимости и привлекало к хазарам поселенцев из многих стран. Когда в VIII ст. некоторые русские племена (поляне, северяне, радимичи, вятичи) были покорены хазарами, это хазарское иго

не было тяжелым для славян. Оно открыло для славян легкий доступ на хазарские рынки и втянуло русских в торговлю с Востоком. Многочисленные клады арабских монет (диргемов), находимые в разных местностях России, свидетельствуют о развитии этой восточной торговли в VIII–X вв. В эти именно века Русь находилась сначала под прямой хазарской властью, а затем под значительным хазарским влиянием. В X же веке, когда хазары ослабели от упорной борьбы с новым кочевым племенем — печенегами, русские стали сами нападать на хазар и много способствовали падению Хазарского государства.

К числу соседей и сожителей русских славян принадлежали **варяги**. Они жили «за морем» и приходили к славянам «из-за моря». Именем «варягов» («варангов», «варингов») не только славяне, но и другие народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманнов, выходивших из Скандинавии в другие страны. Такие выходцы стали появляться в IX в. среди славянских племен, на Волхове и Днепре, на Черном море и в Греции, в виде военных или торговых дружин. Они торговали или нанимались на русскую и византийскую военную службу или же просто искали добычи и грабили, где могли. Трудно сказать, что именно заставляло варягов так часто покидать свою родину и бродить на чужбине; в ту эпоху вообще было очень велико выселение норманнов из Скандинавских стран в среднюю и даже южную Европу: они нападали на Англию, Францию, Испанию, даже Италию. Среди же русских славян с середины IX ст. варягов было так много и к ним славяне так привыкли, что варягов можно назвать прямыми сожителями русских славян. Они вместе торговали с греками и арабами, вместе воевали против общих врагов, иногда ссорились и враждовали, причем то варяги подчиняли себе славян, то славяне прогоняли варягов «за море», на их родину. При тесном общении славян с варягами можно было бы ожидать влияния варягов на славянский быт. Но большого влияния их, по-видимому, не было, потому что в культурном отношении варяги не были выше славянского населения той эпохи.

§ 4. Страна русских славян

Спустившись с Карпатских высот на Среднерусскую равнину, русские славяне во многом должны были подчинить свой быт тем географическим условиям, в какие они попали на новых местах. Страна, занятая вновь славянами, не имела высоких гор, а представляла собою холмистую низменность с очень развитой сетью рек. Отсутствие гор позволяло славянам свободно и легко распространять свои поселения; а реки, отличавшиеся обилием воды и разнообразием направления, чрезвычайно облегчали передвижение и служили отличными путями сообщений. Славянское расселение и направлялось обыкновенно по рекам, причем племена и отдельные ветви племен рассаживались по речным системам, так что нам их легче всего приурочивать именно к рекам (например, северян — к Десне, радимичей к Сожу, древлян к Припяти, полочан к Полоте и т. д.). Когда славяне овладели истоками Днепра, Волги и Западной Двины на Алаунской возвышенности и перешли к озеру Ильменю и р. Волхову, в их руках оказались чрезвычайно важные пути сообщения, ведущие от Балтийского моря к Черному и Каспийскому. Главнейший из них — это «великий путь из варяг в греки» (так его называли в старину). Он вел из Финского залива в р. Неву, в Ладожское озеро, в р. Волхов, в озеро Ильмень, в р. Ловать; из Ловати, пользуясь мелкими речками и волоками, переходили в Западную Двину, а оттуда на верховья Днепра и Днепром выходили в Черное море к «грекам», то есть в Византию. Этим важным путем пользовались как сами славяне, так и варяги. Другой столь же важный путь шел по Волге, в землю волжских болгар и в Хазарское царство, на Каспийское море; чтобы попасть на Волгу, славяне пользовались ее притоками (Мологою, Шексною) и рекою Метою, впадающей в озеро Ильмень. В то же Хазарское царство вел и еще один важный речной путь: со среднего Днепра малыми реками на р. Донец и с Донца на Дон, откуда можно было идти и в Азовское, и в Каспийское моря. По этим путям славяне научились ездить торговать на иностранные рынки: к грекам, болгарам, хазарам. По этим путям и иностранные купцы ездили в русские города. Чем более осваивались славяне со своими речными путями, тем быстрее шло их расселение, тем дальше заходили их колонии в земле финнов (Ростов, Муром) и в земле хазар (Тмутаракань на Азовском море). Таким образом, развитая система рек в стране объясняет нам быстрое и широкое расселение русских племен на занятой ими равнине и раннее возникновение у них иноземной торговли.

Вследствие разнообразных природных условий вся площадь Европейской России разделяется на две различные по растительности полосы: северную — лесную и южную — степную. Границу между ними приблизительно может указать линия, проведенная по карте от Киева на устье р. Камы. На юг от этой линии идет сначала луговая степь с богатою травой и частыми перелесками на тучном черноземе; затем ближе к южным морям начинается настоящая степь, то есть безлесное пространство с редкою травой, местами бесплодное и вовсе обнаженное. При своем расселении в системе Днепра славяне заметно избегали степей и стремились в лесную полосу. Во-первых, степь представляла отличные условия для жизни кочевых племен, и в ней всегда бродили кочевники, опасные для оседлых поселений. Во-вторых, в хозяйственном отношении

степь давала славянину меньше, чем лес. Открытые пастбища и пашни в степях были небезопасны и всегда могли стать предметом нападения врага; в лесах безопаснее можно было и скот пасти, и пахать землю, расчистив под пашню огнем лесные поросли. Сверх того, в лесу можно было заниматься охотой и водить пчел, в лесных реках и озерах можно было ловить рыбу. Лес давал материал для построек, топлива и разных хозяйственных поделок; из лесов добывалась растительная и мясная пища; в лесу доставали мед, воск и ценные меха — предметы, которыми торговали наши предки. Таким образом, лес укрывал славян от кочевников, кормил их и снабжал товарами их рынки. Понятны поэтому боязнь славян перед степью и тяготение их к лесам. Славянские поселения мало выходили в луговую степь и совсем не доходили до открытых приморских степей.

Таким образом, характер страны, занятой русскими славянами, объясняет нам, почему расселение славян совершилось здесь скоро и легко на огромные пространства и почему славяне отделились от южных морей в лесную полосу среднего и верхнего Поднепровья.

В такой обстановке древнерусской жизни были и хорошие, и дурные стороны. Страна не ставила препятствий к широкому расселению, и наши предки очень быстро заняли обширные пространства и непрерывно продолжали свое колонизационное движение на север и северо-восток. В течение всего хода русской истории мы видим деятельную колонизацию сначала Европейской, затем Азиатской России русскими славянами. Удобства речных путей служили к тому, что между далеко разошедшимися племенами поддерживались деятельные сношения, и не порывалась родственная связь. Этим было облегчено образование среди славян единого государства и единой церкви и постепенно было подготовлено внутреннее сплочение всех племен в единый русский народ. Служа торговыми дорогами, реки способствовали развитию торговли в стране и обогащению городского населения. Таким образом, успехи государственности и общественности в древней Руси стояли в зависимости от географических условий.

Но те же географические условия покровительствовали и врагам Руси. Если мирные жители могли легко и удобно двигаться по своей стране, то и враги двигались по ней так же легко. Их не задерживали горы, ибо их не было; не затрудняли леса и болота, ибо чрез них были проложены пути; им показывали дорогу те же реки, по которым двигалось само население. Кочевые орды из южного степного пространства постоянно проникали на Русь, грабили ближайшие к степи места, уводили в плен жителей, угоняли скот. Тяжелая борьба с кочевниками была постоянною необходимостью для наших предков. Они в большом числе строили укрепленные города, окруженные валом и частоколом, и в них отсиживались от врага. (Валы от таких укреплений, «городища», сохранились во многих местах и до наших времен). В дремучих лесах скрывались славяне от вражеских набегов, зарывая в землю то, чего не могли и не успевали унести с собою. (Этим объясняется значительное число находимых в земле кладов, с монетами и драгоценностями иногда очень большой стоимости.) Постоянная опасность стремительного набега научила славянина не возводить богатых построек и не обзаводиться громоздким имуществом. Он был всегда готов сняться с места, уйти на время или же переселиться вовсе с опасного пункта. Такая подвижность и неприхотливость славян была отмечена иностранцами, знавшими их обычаи.

§ 5. Первоначальный быт русских славян

В первое время своей жизни на Днепре и Ильмене русские славяне сохраняли у себя патриархальный племенной быт. Они делились на известные уже нам племена; племя же состояло из родов, и, по старому выражению, жили наши предки «каждый с своим родом и на своих местах, владея каждый родом своим». Под именем рода разумелась совокупность родственных друг другу семей, живших вместе, владевших общою собственностью и управляемых одним родовым старшиною. Родовые старшины имели большую власть каждый в своем роде; а сойдясь вместе на совет (**вече**), они решали дела за все свое племя. Но так бывало только в особо важных случаях, например, в минуты общей опасности, грозившей всему племени. С течением же времени, когда племена и роды расселялись на больших пространствах, не только ослабевала связь между родами, но распадалась и самые роды, делясь на самостоятельные семьи. Каждая отдельная семья на просторе заводила свою особую пашню, имела свои особые покосы, особо охотилась и промышляла в лесах. Общая родовая собственность заменялась собственностью семейною. Точно так же переставала действовать и власть родовладыки: он не мог управлять сразу всеми хозяйствами родичей, если эти хозяйства были разбросаны на больших расстояниях. Власть родовладыки переходила к отцу каждой отдельной семьи, к домовладыке. С распадением родовых связей родичи переставали чувствовать свое взаимное родство и в случае нужды соединялись для общих дел уже не по родству, а по соседству. На общий совет (вече)

сходились домохозяева известной округи, и родные друг другу, и не родные одинаково. Соединенные одним каким-нибудь общим интересом, они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для ведения общих дел выборных старейшин. Таким образом, древнейшее родовое устройство заменялось постепенно общинным, причем в состав общин могли входить семьи, принадлежащие не только к разным родам, но даже к разным племенам. Так бывало в тех местах, где соседнили друг с другом различные племена, или же в тех местах, куда одновременно шла колонизация от нескольких племен (например, в верхнем Поволжье, которое заселялось и от кривичей, и от вятичей).

С развитием по русским рекам торгового движения к черноморским и каспийским рынкам в земле славян стали возникать большие города. Такими были: Киев — у полян, Чернигов — у северян, Любеч — у радимичей, Смоленск и Полоцк — у кривичей, Новгород — у ильменских славян и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцов и складочными местами для товаров. В них встречались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, с местными промышленниками и торговцами; происходил торг, составлялись торговые караваны и направлялись по торговым путям на хазарские и греческие рынки. Охрана товаров в складах и на путях требовала вооруженной силы; поэтому в городах образовались военные **дружины**, или товарищества, в состав которых входили свободные и сильные люди (витязи) разных народностей, всего чаще варяги. Во главе таких дружин стояли обыкновенно варяжские предводители — **конунги** (по-славянски конунг — князь). Они или сами торговали, охраняя оружием свои товары, или нанимались на службу в городах и оберегали города и городские торговые караваны; или же, наконец, конунги захватывали власть в городах и становились городскими владельческими **князьями**. А так как городу обыкновенно подчинялась окружающая его волость, то в таком случае образовывалось целое княжество, более или менее значительное по своему пространству. Предание говорит, что такие варяжские княжества были основаны, например, Аскольдом и Диром в Киеве, Рюриком в Новгороде, Рогволодом в Полоцке. Княжеская власть возникала у русских славян и независимо от варяжских конунгов; так, у древлян был свой местный князь, по имени Мал («бе бо имя ему Мал, князю Деревьску», — говорит современник).

Появление городов, а с ними торговых иноземцев и военных дружин на Руси колебало старый племенной быт русских племен еще больше, чем расселение на новых местах. Люди, собиравшиеся в города из разных мест, выходили из своих родовых союзов и соединялись по своим делам и занятиям в иного рода сообщества: становились воинами-дружинниками, вступали в торговые компании, обращались в городских промышленников. Вместо патриархального соединения родичей нарождались общественные классы в нашем смысле слова: людей военных, торговых, промышленных, которые зависели уже не от родовладык, а от городских властей — князей и хозяев. И те люди, которые оставались в волостях на своих пашнях и лесных угодьях, тоже чувствовали на себе влияние городов с их торговлею и промыслами. В прежнее патриархальное время каждый род и даже каждая семья, жившая особым двором, имели свое обособленное хозяйство. Каждый для себя пахал землю и охотился, сам себя обстраивал своим лесом, одевался и обувался в ткани и кожи своего собственного изделия; каждый сам для себя изготовлял все необходимые орудия. Обыкновенно со стороны ничего не покупалось и на сторону не продавалось. Запасалось и готовилось впрок только то, что необходимо было для своей семьи или рода. Такое хозяйство, независимое от других и не знающее торгового обмена продуктов, называется «натуральным». Когда на Руси развилась торговля, и выросли города, на городские рынки стал требоваться товар — всего более мед, воск и меха, ставшие главными предметами русского вывоза. Эти предметы добывались в лесах деревенским людом. Под влиянием спроса из городов их стали добывать уже не только для себя, но и на продажу. Из предметов домашнего потребления они обратились в товар: их меняли на другие товары или продавали на деньги, которых раньше не знали. Где прежде все необходимое производили сами для себя и сами же потребляли, там понемногу начали многое покупать со стороны и запасать товары для продажи или копить доходы за проданные товары (иначе говоря, стали образовывать капиталы). Вместо натурального хозяйства начиналось денежное.

Так постепенно изменялась жизнь наших предков. Из патриархального родового и племенного быта славяне постепенно переходили к общинному устройству и соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости, или княжества, в которых объединяли людей уже не родственные отношения, а гражданские и государственные.

Когда отдельные городские и племенные волости и княжества собрались вместе и объединились под одною государственною властью, тогда началось Русское государство.

§ 6. Предание о призвании варягов

Как и когда началась государственная жизнь у русских славян, наши предки не помнили. Когда у них появился интерес к прошлому, они стали собирать и записывать ходившие между ними предания о былой жизни славян вообще, и русских в частности, и стали искать справок в греческих исторических сочинениях (византийских «хрониках»), переведенных на славянский язык. Собрание таких народных преданий в соединении с выписками из греческих хроник было сделано в Киеве в XI в. и составило особую повесть о начале русского государства и о первых князьях в Киеве. В этой повести рассказ был расположен по годам (считая годы, или «лета», от сотворения мира) и доведен до 1074 г., до того времени, когда жил сам «летописец», то есть составитель этой **начальной летописи**. По старинному преданию, первым летописцем был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. На «начальной летописи» дело не остановилось: ее несколько раз переделывали и дополняли, сводя в одно повествование разные сказания и исторические записи, тогда существовавшие в Киеве и других местах. Так получился в начале XII в. Киевский **летописный свод**, составителем которого был игумен Киевского Выдубицкого монастыря Сильвестр. Его свод, носивший название «повесть временных лет», переписывался в разных городах и также дополнялся летописными записями: Киевскими, Новгородскими, Псковскими, Суздальскими и т. д. Число летописных сводов постепенно возросло; всякая местность имела своих особых летописцев, которые начинали свой труд «повестью временных лет», а продолжали его каждый по-своему, излагая историю главным образом своей земли и своего города.

Так как начало разных летописных сводов было одинаково, то приблизительно одинаков был везде и рассказ о начале государства на Руси. Этот рассказ таков.

В былое время варяги, приходя «из заморья», брали дань с Новгородских славян, с кривичей и с соседних финских племен. И вот данники восстали на варягов, прогнали их за море, стали сами собою владеть и ставить города. Но между ними начались усобицы, и встал город на город, и не стало в них правды. И они решили найти себе князя, который бы владел ими и устроил у них справедливый порядок. Они отправились в 862 г. за море к варягам-**руси** (потому, что, по мнению летописца, это варяжское племя называлось **русью** также, как другие варяжские племена назывались шведами, норманнами, англами, готами) и сказали **руси**: «Земля наша велика и обильна, а устройства (наряда) в ней нет: пойдите княжить и владеть нами». И вызвались три брата с своими родами и с дружиною (летописец думал, что они взяли с собою даже все племя **русь**). Старший из братьев **Рюрик** основался в Новгороде, другой — **Синеус** — на Белоозере, а третий — **Трувор** — в Изборске (близ Пскова). По смерти Синеуса и Трувора Рюрик стал единодержавным князем на севере, а его сын Игорь княжил уже и в Киеве, и в Новгороде. Так произошла династия, объединившая под своею властью племена русских славян.

В предании летописи не все ясно и достоверно. Во-первых, по рассказу летописи, Рюрик с варяжским племенем **русью** пришел в Новгород в 862 г. Между тем известно, что сильное племя **русь** воевало с греками на Черном море лет на 20 раньше, а на самый Царьград (Константинополь) **русь** в первый раз напала в июне 860 г. Стало быть, **хронология в летописи неверна, и год основания княжества в Новгороде летописью указан неточно**. Произошло это потому, что годы в летописном тексте ставились уже после того, как была составлена повесть о начале Руси, и ставились по догадкам, воспоминаниям и приблизительным вычислениям. Во-вторых, по летописи выходит так, что **русь** была одним из варяжских, то есть скандинавских, племен. Между тем известно, что греки не смешивали знакомое им племя **русь** с варягами; также и арабы, торговавшие на Каспийском побережье, знали племя **русь** и отличали его от варягов, которых они звали «варангами». Стало быть, **летописное предание, признав русь за одно из варяжских племен, сделало какую-то ошибку или неточность**. (Ученые давно, еще в XVIII в., заинтересовались рассказом летописи о призвании варягов-руси и толковали его различно. Одни (академик Байер и его последователи) под варягами правильно подразумевали норманнов, а доверяя летописи в том, что «**русь**» было племя варяжское, они и «**русь**» почитали норманскою. Против такого взгляда тогда же вооружился знаменитый М. В. Ломоносов. Он различал варягов и «**русь**» и производил «**русь**» из Пруссии, население которой считал славянским. Оба эти взгляда перешли в XIX в. и создали две ученых школы: **норманскую** и **славянскую**. Первая остается при старом убеждении, что «**русью**» назывались варяги, появившиеся в IX в. среди славянских племен на Днепре и давшие свое имя славянскому княжеству в Киеве. Вторая школа считает название «**русь**» местным, славянским, и думает, что оно принадлежало отдаленным предкам славян — роксаланам, или россаланам, жившим у Черного моря еще в эпоху Римской империи. (Наиболее яркими представителями этих школ в последнее время были: норманской — М.П. Погодин и славянской — И.Е.Забелин.)

Всего правильнее будет представлять себе дело так, что «**русью**» в древности наши предки называли не отдельное варяжское племя, ибо такого и не было, а варяжские дружины вообще. Как славянское название «**сумь**» означало тех финнов, которые сами себя звали *Suomi*, так у славян название «**русь**» означало прежде всего тех заморских варягов-шведов, которых финны звали *Ruotsi*. Это название «**русь**» ходило среди славян

одинаково с названием «варяги», чем и объясняется их соединение у летописца в одно выражение «варяги-русь». Образованные заморскими выходцами-варягами среди славян княжества стали зваться «рускими», а дружины «руских» князей от славян получили название «руси». Так как эти русские дружины действовали везде вместе с подчиненными им славянами, то название «русь» постепенно перешло и на славян, и на их страну. Греки варягами звали только тех северных выходцев-норманнов, которые поступали к ним на службу. Русью же греки звали большой и сильный народ, в составе которого были и славяне, и норманны и который жил вблизи Черного моря. — Прим. авт.)

Заметим, что когда в летописи речь идет о **стране**, то Русью называется Киевская область и вообще области, подвластные киевским князьям, то есть **славянская** земля. Когда же в летописи и у греческих писателей речь идет о **людях**, то русью называются не славяне, а норманны, а русским языком называется не славянский, а норманский. В тексте летописи приводятся имена послов от киевских князей в Грецию; эти послы — «от рода русского», и их имена не славянские, а норманские (таких имен известно почти сто). Греческий писатель император Константин Багрянородный (Порфирогенит) приводит в своем сочинении «Об управлении Византийской империи» названия порогов на р. Днепре «по-славянски» и «по-русски»: славянские названия близки к нашему языку, а «русские» названия суть чисто скандинавского корня. Значит, люди, называвшиеся русью, говорили по-скандинавски и принадлежали к северногерманским племенам (были «gentis Sueonum», как сказал один немецкий летописец IX в.); а страна, которую звали Русью по имени этих людей, была страной славянской.

Среди днепровских славян русь появилась в первой половине IX в. Еще раньше, чем потомство Рюрика перешло княжить из Новгорода в Киев, в Киеве уже были варяжские князья, нападавшие отсюда на Византию (860). С появлением же в Киеве новгородских князей Киев стал средоточием всей Руси.

§ 7. Варяжские князья

О деятельности полусказочного Рюрика (по-древнескандинавски Hroerekkr) в Новгороде почти не сохранилось преданий. Рассказывали, что он первоначально жил не в Новгороде, а в Ладоге, на устье р. Волхов, в Новгород же перешел после смерти братьев. Правление его возбуждало будто бы неудовольствие и вызвало даже мятеж под предводительством какого-то Вадима Храброго; но Рюрик убил Вадима и одолел восставших. Недовольные им бежали в Киев, где сидели уже варяжские дружинники Аскольд и Дир, оставившие дружину Рюрика и основавшие в Киеве свое княжество. Трудно, конечно, сказать, насколько справедливы все эти предания.

По смерти Рюрика (879) княжить в Новгороде стал его родственник Олег (по-древнескандинавски Helgi). Он пользовался властью как опекун малолетнего сына Рюрикова Игоря (по-древнескандинавски Ingvarr). Олег не остался в Новгороде: вместе с Игорем он двинулся на юг, по великому пути «из варяг в греки», покорил на Днепре Смоленск и Любеч и подошел к Киеву. Обманом он захватил здесь и погубил Аскольда и Дира на том основании, что они «не князья и не княжеского рода», между тем как сам он князь, а Игорь — Рюриков княжич. Заняв Киев, Олег основался в нем и сделал его столицей своего княжества, говоря, что Киев будет «матерью городов русских». Так удалось Олегу объединить в своих руках все главнейшие города по великому водному пути. Это и была его первая цель. Из Киева он продолжал свою объединительную деятельность: ходил на древлян, затем на северян и покорил их, далее подчинил себе радимичей. Под его рукою собрались, таким образом, все главнейшие племена русских славян, кроме окраинных, и все важнейшие русские города. Киев стал средоточием большого государства и освободил русские племена от хазарской зависимости. Сбросив хазарское иго, Олег старался укрепить свою страну крепостями со стороны восточных кочевников (как хазар, так и печенегов) и строил города по границе степи.

Но объединением славян Олег не ограничился. По примеру своих киевских предшественников, Аскольда и Дира, сделавших набеги на Византию, Олег задумал поход на греков. С большим войском «на конях и на кораблях» подошел он к Константинополю (907), опустошил его окрестности и осадил город. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», то есть откупились от разорения, и заключили с Русью договор, вторично подтвержденный в 912 г. Удача Олега произвела глубокое впечатление на Руси: Олега воспевали в песнях, и его подвиги изукрашали сказочными чертами. Из песен летописец занес в свою летопись рассказ о том, как Олег поставил свои суда на колеса и посуху на парусах «через поля» пошел к Царюграду. Из песни же, конечно, взята в летопись подробность о том, что Олег, «показуя победу», повесил свой щит в вратах Царяграда. Олегу дали прозвание «вещего» (мудрого, знающего то, что другим не дано знать). Деятельность Олега в самом деле имела исключительное значение: *Олег создал из разобщенных городов и племен большое*

государство, вывел славян из подчинения хазарам и устроил путем договоров правильные торговые сношения Руси с Византией; словом, он был создателем русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега (912) вступил во власть *Игорь*, по-видимому, не имевший таланта воина и правителя. Он сделал два набега в греческие владения: на Малую Азию и на Константинополь. В первый раз он понес жестокое поражение в морском бою, в котором греки применили особые суда с огнем и пускали «трубами огонь на лодьи русские». Во второй раз Игорь не дошел до Царяграда и помирился с греками на условиях, изложенных в договоре 945 г. Этот договор считается менее выгодным для Руси, чем договоры Олега. В походе Игоря против греков принимали участие и *печенеги* (§ 2), впервые при Игоре напавшие на Русскую землю, а затем помирившиеся с Игорем. Игорь окончил жизнь свою печально: он погиб в стране древлян, с которых хотел собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянского князя Мала, желавшего взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянам за смерть мужа составляют предмет поэтического предания, подробно рассказанного в летописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески *Helga*) осталась после Игоря с малолетним сыном Святославом и взяла на себя правление княжеством. По древнему славянскому обычаю, вдовы пользовались гражданской самостоятельностью и полноправием, и вообще положение женщины у славян было лучше, чем у других европейских народов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что княгиня Ольга стала правительницей. Отношение к ней летописца — самое сочувственное: он считает ее «мудрейши всех человек» и приписывает ей большие заботы об устройении земли. Объезжая свои владения, она везде устанавливала порядок и везде оставляла по себе добрую память. Главным же ее делом было принятие христианской веры и благочестивое путешествие в Царьград (957). По рассказу летописи, Ольгу крестили «царь с патриархом» в Цареграде, хотя вероятнее, что она крестилась дома, на Руси, ранее своей поездки в Грецию. Император Константин Багрянородный, с честью принявший Ольгу в своем дворце и описавший ее прием (в сочинении «Об обрядах Византийского двора»), повествует о русской княгине сдержанно и спокойно. Предание же, сложившееся на Руси о путешествии княгини, рассказывает, что император был поражен красотой и умом Ольги настолько, что даже хотел на ней жениться; однако Ольга уклонилась от этой чести. Она держала себя почтительно по отношению к патриарху, но вполне независимо по отношению к императору. Летописец даже уверен, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первых, она ловко сумела отказать от его сватовства, а во-вторых, она отказала ему в дани или дарах, на которые он будто бы легковерно рассчитывал. Таково было наивное предание, усвоившее Ольге исключительную мудрость и хитрость. С торжеством христианства на Руси память княгини Ольги, во святом крещении Елены, стала почитаться православною церковью и княгиня Ольга была причтена к лику святых.

Сын Ольги Святослав носил уже славянское имя, но нравом был типичный варяг-воин и дружинник. Едва успел он возмужать, как составил себе большую и храбрую дружину и с нею стал искать себе славы и добычи. Он рано вышел из-под влияния матери, «гневался на мать», когда она убеждала его креститься. «Как мне одному переменить веру? Дружина начнет смеяться надо мною», — говорил он. С дружиною он сжился крепко, вел с нею суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: «легко ходя, аки пардус (барс)», по выражению летописи.

Еще при жизни матери, оставив на попечении Ольги Киевское княжество, Святослав совершил свои первые блестящие походы. Он пошел на Оку и подчинил вятичей, которые тогда платили дань хазарам; затем обратился на хазар и разгромил Хазарское царство, взяв главные города хазар (Саркел и Итиль). Заодно Святослав победил племена ясов и касогов (черкесов) на р. Кубани и овладел местностью у Азовского моря под названием Таматарха (позднее Тмутаракань, а теперь Тамань). Наконец, Святослав, проникнув на Волгу, разорил землю камских болгар и взял их город Болгар. Словом, Святослав победил и разорил всех восточных соседей Руси, входивших в состав Хазарской державы. Главною силою в Черноморье становилась теперь Русь. Но падение Хазарского государства усиливало кочевых печенегов. В их распоряжение попадали теперь все южнорусские степи, занятые раньше хазарами; и самой Руси скоро пришлось испытать большие беды от этих кочевников.

Возвратясь в Киев после своих завоеваний на востоке, Святослав получил приглашение от греков помочь Византии в ее борьбе с дунайскими болгарами. Собрав большую рать, он завоевал Болгарию и остался там жить в г. Переяславце на Дунае, так как считал Болгарию своею собственностью. «Хочу жить в Переяславце Дунайском, — говорил он, — там — середина моей земли, там собираются всякие блага: от греков золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров — серебро и кони, из Руси — меха, воск и мед и рабы». Но ему пришлось на время вернуться из Болгарии в Киев, потому что на Русь в его отсутствие напали печенеги и осадили Киев. Киевляне с княгиней Ольгой и детьми Святослава едва отсиделись от грозного врага и послали к Святославу с упреками и с просьбою о помощи. Святослав пришел и прогнал печенегов в степь, но в Киеве не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ее кончины. Он исполнил ее желание; но, похоронив мать,

сейчас же ушел в Болгарию, оставив князьями на Руси своих сыновей. Однако греки не желали допустить господства русских над болгарами и потребовали удаления Святослава назад в Русь. Святослав отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византийский император Иоанн Цимисхий одолел Святослава. После ряда тяжелых усилий он запер русских в крепости Дористоле (теперь Силистрия) и вынудил Святослава заключить мир и очистить Болгарию. Войско Святослава, истомленное войною, на пути домой было захвачено в Днепровских порогах печенегами и рассеяно, а сам Святослав убит (972). Так печенеги довершили поражение русского князя, начатое греками.

После смерти Святослава на Руси между его сыновьями (Ярополком, Олегом и Владимиром) произошли кровавые междоусобия, в которых погибли братья князя Владимира, и он остался единодержавным государем. Потрясенное усобицами, Киевское княжество являло признаки внутреннего разложения, и Владимиру пришлось потратить много сил, чтобы усмирить варягов, служивших у него, и подчинить отложившиеся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось после неудач Святослава и внешнее могущество Руси. Владимир вел много войн с разными соседями за пограничные волости; воевал также с волжскими болгарами. Втянулся он и в войну с греками, в результате которой принял христианство по греческому обряду. Этим важнейшим событием окончился первый период власти варяжской династии на Руси.

§ 8. Значение деятельности варяжских князей

Главнейшим содержанием этого периода, как мы видим, были усилия киевских князей: 1) объединить русские племена и создать на Руси единое государство, 2) устроить как можно выгоднее торговые сношения с соседями и обезопасить торговое движение к иностранным рынкам и 3) оборонить Русь от внешних врагов.

Завладев сначала всем **путем «из варяг в греки»**, от Ладоги до Киева, киевские князья старались затем подчинить своей власти и те славянские племена, которые жили в стороне от этого пути (древляне, вятичи). В подчиненных областях они или правили лично, или посылали туда для управления своих сыновей и дружинников в качестве своих наместников («посадников»), или же, наконец, оставляли там местных князей «под рукою» своею. Главною задачею управления был тогда сбор «дани». Сам князь или его посадники объезжали волости, творя суд и расправу и собирая дань деньгами или натурою. Такой объезд назывался «полюдьем» и совершался по зимнему пути. К весне собранная князем дань свозилась на речные пристани, грузилась на суда и весною сплавлялась в Киев. В то же время «везли повоз», то есть доставляли дань, в Киев и из тех мест, где не успели побывать сами князья с дружинами. В руках киевских князей сосредоточивались таким образом большие запасы различных товаров, которыми князья и торговали, посылая их от себя в Грецию, или к хазарам, или (как Святослав) на Дунай.

Весною в Киеве составлялись большие торговые караваны из лодок, которые по-славянски назывались «ладьями», а по-гречески «моноксилами», то есть однодеревками. Такое название дано было ладьям потому, что их днище (киль) состояло из одного дерева; подобные ладьи подымали несколько сот пудов груза и до 40-50 человек экипажа. К ладьям княжеским присоединялись ладьи княжеской дружины и купцов («гостей»); караван охранялся княжескою стражею и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись вниз по Днепру. Вот как рассказывают современники о том караване, который шел в Константинополь:

Собравшись окончательно верстах в 50 ниже Киева, в Витичеве, караван оттуда двигался «в греческий путь». Плывая по Днепру, он достигал «порогов», то есть скалистых гранитных гряд, пересекающих течение Днепра в нескольких местах, недалеко от нынешнего города Екатеринослава. В порогах нельзя было плыть меж камней с полным грузом; иногда же и вовсе не было хода ладьям. Тогда пловцы приставали к берегу, разгружали суда, выводили скованных невольников, которых везли на продажу, тащили товары в обход порога по берегу, иногда даже перетаскивали посуху и самые ладьи. В то время, как одни обходили порог, другие охраняли их и сторожили берег, боясь нападения печенегов на караван. Пройдя пороги, русь выходила в Черное море и, держась болгарских берегов, достигала **Константинополя**. Огромный русский караван греки не пускали в стены своей столицы. Русь помещалась в предместье св. Мамы и жила там с полгода, пока не кончала свои торговые дела. Прибывших русских послов и купцов греки переписывали и по списку доставляли им съестные припасы от казны. Из предместья в самый Царьград греки допускали русских сразу не более 50 человек, без оружия и с провожатым; на зиму в Греции оставаться не позволяли никому. Таким образом, греки разрешали руси устраивать под Константинополем как бы свою ярмарку с их покровительством, но под надзором и с предосторожностями. Правила, которые устанавливали порядок торговли русских в Греции и определяли все возникавшие между русью и греками во время торгового отношения,

обыкновенно вносились в договоры и составляли главное их содержание. Вот почему эти договоры и называются торговыми. Для того, чтобы устроить общий для всей Руси ежегодный караван в Грецию и такие же караваны в другие места (в хазарский Итиль, в Дунайские области), киевские князья должны были тратить много труда и сил. На них лежала забота о том, чтобы своевременно свезти к Киеву свои товары, полученные в виде дани, и всякий купеческий товар, затем снабдить караваны сильной охраной и проводить их до места назначения, наконец, мирными сношениями или же оружием подготовить выгодные условия торговли в чужих странах. Походы киевских князей на Грецию, походы Святослава на Дон и Волгу были тесно связаны с торговыми делами Киева. Таким образом, торговля страны направляла собою внешнюю политику киевских князей. Кроме того, на князьях лежала забота об обороне государства от внешних врагов. Степняки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ее — Киев. Этот город лежал слишком близко к степному пространству и был открыт со стороны степи. Поэтому киевские князья понемногу окружают его крепостями, «рубят города» на границах степи и укрепляют самую границу валами и другими сооружениями. Чтобы степняки-печенеги не мешали торговому движению через степь, князья нападают на них в степи или же вступают с ними в дружбу и даже в союз, увлекая их вместе с собою на греков. Но такая дружба была все же исключением: обыкновенно Русь бывала в острой вражде с печенегами.

Из того, что было сказано о торговле Руси, можно заключить, в чем именно заключалось значение Киева и почему Олег дал ему имя «матери русских городов». Киев был самым южным городом на Днепре и соседил со степью. Поэтому в Киеве естественно собирались все те купцы, которые везли из Руси товары на юг и на восток. Здесь устраивался главный склад вывозимых товаров; здесь был главный рынок и для тех товаров, которые привозились на Русь своими и чужими купцами от хазар и греков. Словом, Киев был торговым центром всей тогдашней Руси; прочие торговые русские города зависели от него в своих торговых оборотах. Понятно, почему сильнейшие русские князья предпочитали Киев всякому иному городу и почему именно Киев стал столицей образованного этими князьями государства.

§ 9. Русское язычество. Крещение Руси

Мы сказали, что Киевский князь Владимир Святославич принял **христианство**. За крещением князя тотчас же последовало принятие христианства всею Русью и торжественное упразднение языческого культа на Руси.

Языческие верования наших предков вообще мало известны. Как и все арийцы, русские славяне поклонялись силам видимой природы и почитали предков. Силы природы воплощались у них в личные божества. Первое место среди них занимало божество солнца — Дажьбог (или Дажьдбог), Хорс, Велес (или Волос). Трудно сказать, почему ему давались различные имена; Дажьбога почитали как источник тепла и света, как подателя всех благ, Велеса — как покровителя стад или «скотьяго бога»; «великим Хорсом», по-видимому, называли самое солнечное светило, свершающее путь по небу. Другим божеством был Перун, в котором олицетворялась гроза со страшным громом и смертоносной молнией. Ветер имел свое божество — Стрибога. Небо, в котором пребывал Дажьбог, звалось Сварогом и считалось отцом солнца, почему Дажьбогу было усвоено отчество Сварожича. Божество земли носило имя Мать-Земля Сырая; почитая землю как свою мать, славяне чтили Дажьбога и Велеса как дедов человеческих. Но все эти образы богов не получили у славян той ясности и определенности, как, например, в более развитой греческой мифологии. Внешний культ у славян также не был развит: не было ни храмов, ни особого сословия жрецов. Кое-где на открытых местах ставились грубые изображения богов, «идолы». Им приносились жертвы, иногда даже человеческие, этим и ограничивалось идоло-служение. Замечательно, что варяжская (германская) мифология не оказала никакого влияния на славянскую, несмотря на политическое господство варягов; так было по той причине, что языческие верования варягов не были ни яснее, ни крепче славянских: варяги очень легко меняли свое язычество на славянский культ, если не принимали греческого христианства. Князь Игорь, варяг по происхождению, и его варяжская дружина уже клялись славянским Перуном и поклонялись его идолу.

Более культа видимой природы у русских славян был развит культ предков, связанный с родовым бытом славян. Родоначальник, давно умерший, обоготворялся и считался как бы живущим покровителем своего потомства. Его звали **родом**, **щуром** (отсюда наше слово **пращур**) и приносили ему жертвы. Прародительницы рода назывались **рожаницами** и почитались так же, как и **род**. С падением родовых связей, когда семьи обособились в отдельных дворах, место щура заступил семейный предок — **дедушка домовый**, покровитель своего двора, невидимо управляющий ходом его хозяйства. Вера в загробную жизнь, проникавшая весь этот культ предков, сказывалась и в том веровании, что души умерших будто бы бродили по земле и населяли поля, леса и воды (**русалки**). Веря в существование таинственных хозяев человеческих

жилищ, славянин искал таких же хозяев и вне жилищ — в лесу (**лешие**), в воде (**водяные**). Вся природа казалась ему одухотворенною и живою. Он вступал с ней в общение, хотел участвовать в тех переменах, которые совершались в природе, и сопровождал эти перемены различными обрядами. Так создавался круг языческих праздников, связанных с почитанием природы и с культом предков.

Наблюдая правильную смену лета зимою, а зимы летом, видя как бы уход солнца и тепла осенью и их возвращение весною, славяне приветствовали «поворот солнца на лето» особым праздником — колядою (от латинского *calendae*; другое название этого праздника «ов-сень» — от «о-весень»). За этим праздником следовали другие в честь того же солнца — проводы зимы, встреча весны («красная горка»), проводы лета (праздник «купалы»). Одновременно шли праздники и в воспоминание об умерших, носившие общее название **тризн**. Была весенняя тризна по предкам — «радуница», был летний праздник «русалий» такого же поминального характера. Обряды, сопровождавшие языческие праздники, пережили самое язычество. Они удержались в народе даже до нашего времени и были приурочены к праздникам христианского календаря: коляда — к Святкам, проводы зимы — к Масленице, красная горка и радуница — к Святой и Фоминой неделям, купала и русалии — к Иванову дню.

§ 10. Христианство на Руси до князя Владимира

Не достигшее большого развития и не имевшее внутренней крепости языческое мирозерцание наших предков должно было легко уступать посторонним религиозным влияниям. Если славяне легко примешивали к своим суевериям суеверия диких финнов и подпадали влиянию финских шаманов — «волхвов» и «кудесников», — то тем более должна была влиять христианская вера на тех из славян, которые могли ее познать. Торговые сношения с Грецией облегчали для Руси знакомство с Христовою верою. Варяжские купцы и дружинники, раньше и чаще славян ходившие в Царьград, прежде славян стали там обращаться в христианство и приносили на Русь новое учение, передавая его славянам. В княжение Игоря в Киеве была уже христианская церковь св. Илии, так как, по словам летописца, в Киев «мнози бо беша варязи христиани». В дружине самого князя Игоря было много христиан. Жена князя св. княгиня Ольга также была христианкою. Словом, христианская вера стала хорошо знакома киевлянам еще при первых варяжских князьях. Правда, Святослав был холоден к греческой вере; а при сыне его Владимире в Киеве еще стояли языческие «кумиры» (идолы) и еще бывали пред ними человеческие «требы», или жертвы. Летописец рассказывает, как при Владимире языческая толпа киевлян однажды (983) убила двух варягов-христиан, отца и сына, за отказ отца добровольно отдать своего сына в жертву «богам». Но все же, несмотря на это мучение христиан, христианство в Киеве продолжало распространяться и в общем делало большие успехи. Князь Владимир принял новую веру, имея полную возможность познакомиться с нею и узнать ее превосходство и внутреннюю силу.

§ 11. Летописное предание о крещении князя Владимира

О том, как крестился князь **Владимир** и как он крестил свой народ, на Руси существовало много преданий. Не помня точных обстоятельств дела, одни рассказывали, что князь крестился в Киеве; другие указывали место его крещения в городке Василёве (в 35 верстах от Киева); третьи говорили, что он принял крещение в Крыму, в греческом городе Корсуне (Херсонесе), после того, как взял этот город у греков. Лет сто спустя после крещения Руси летописец занес в свою летопись такие предания об этом событии:

Пришли (говорит он) к Владимиру (986) сначала волжские болгары, похваляя свое магометанство, затем немцы от римского папы, затем хазарские евреи с проповедью своего закона и, наконец, греческий философ с православным учением. Все они хотели привлечь Владимира в свою веру. Он же выслушивал их и всех отсылал прочь, кроме грека. С греком он беседовал долго, отпустил его с дарами и почестями, но пока не крестился. В следующем году (987) созвал Владимир своих советников и рассказал им о приходе к нему проповедников, прибавив, что более всего его поразили рассказы греческого философа о православной вере. Советники дали мысль князю послать в разные страны своих послов посмотреть, «кто како служит Богу». Побывав и на востоке, и на западе, послы попали в Царьград и были поражены там несказанным благолепием греческого богослужения. Они так и сказали Владимиру, прибавив, что сами не хотят оставаться более в язычестве, познав православие. Это испытание вер через послов решило дело. Владимир прямо спросил своих

советников: «Где крещение примем?» А они согласно ответили: «Где тебе любо». И вот в следующем, 988 году Владимир пошел с войсками на Корсунь и осадил его. Город упорно сопротивлялся. Владимир дал обет креститься, если возьмет Корсунь, и действительно взял его. Не крестясь еще, он послал в Царьград к царям-братьям Василию и Константину, грозя идти на них и требуя за себя замуж их сестру Анну. Цари сказали ему, что не могут выдать царевну замуж за «поганого», то есть за язычника. Владимир ответил, что готов креститься. Тогда цари прислали в Корсунь сестру свою и с нею духовенство, которое крестило русского князя и венчало его с царевною. Перед крещением Владимир заболел и ослеп, но чудесно исцелился во время самого таинства крещения. Помирясь с греками и отдав им Корсунь, он возвратился с православным духовенством в Киев и крестил всю Русь в православную греческую веру.

Таково сказание летописи. В нем, по-видимому, соединились в одну повесть разные предания: 1) предание о том, что Владимиру предлагали свою веру болгары, хазары, немцы и греки, пришедшие в Киев и жившие в нем; 2) предание о том, что Владимир, не только пребывавший во тьме язычества, но пораженный и физическою слепотою, чудесно во время крещения прозрел сразу и духовными и телесными очами, и 3) предание о том, что для принятия греческой веры Владимир счел нужным осадить греческий город Корсунь, чтобы вместе с ним как бы завоевать и веру греческую, приняв ее рукою победителя.

По сказаниям греков и арабов вот что известно о походе Владимира на Корсунь:

В то время в Византийской империи произошло восстание войска под предводительством полководца Варды-Фоки. Греческое правительство, не располагая силами, искало помощи у Киевского князя Владимира. Союз был заключен (987): Владимир соглашался послать свои войска в помощь Византии, за что получал руку греческой царевны Анны, а сам обязывался принять христианство. Благодаря русскому вмешательству мятеж был подавлен, и Варда-Фока погиб (988). Но византийцы после победы не исполнили своих обещаний, данных Владимиру. Тогда Владимир начал войну с греками, осадил и взял Корсунь, главный греческий город в Крыму, и настоял на исполнении греками договора. Он принял христианство и получил в супружество царевну (989). Где именно был он крещен и когда именно состоялось крещение, — в 988 или в 989 году, — точно неизвестно.

Возвратившись из Корсунского похода в Киев с греческим духовенством, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере. Он крестил в Киеве народ на берегах Днепра и его притока Почайны. Кумиры старых богов были повергнуты наземь и брошены в реку. На их местах были поставлены церкви. Так было и в других городах, где христианство водворяли княжеские наместники. По преданию, новая вера распространялась мирно, за исключением немногих мест. Так, в Новгороде пришлось применить силу. В глухих углах (например, у вятичей) язычество держалось, не уступая христианской проповеди, еще целые века; да и по всей стране старые верования не сразу были забыты народом и сплетались с новым вероучением в пеструю смесь веры и суеверия.

§ 12. Устройство церкви в древней Руси. Последствия принятия Русью христианства

Крещение Руси не следует представлять себе как одну простую перемену верований. Христианство, став господствующею религией на Руси, выразилось не только в проповеди и богослужении, но и в целом ряде новых установлений и учреждений. Из Греции пришла на Русь **иерархия**: в Киеве стал жить русский митрополит, поставляемый Константинопольским патриархом; в других городах были поставлены подчиненные митрополиту епископы (на первых порах их было пять, потом число их дошло до пятнадцати). В Киеве и во всех епархиях строились церкви и устраивались **монастыри**; причты церквей и братия монастырей подчинялись своему епископу, а через него митрополиту. Таким образом, власть митрополита простиралась на всю Русь и объединяла все духовенство страны. Вместе с христианством на Русь пришла **письменность**, а с нею книжное просвещение. Как ни слабо оно было на первых порах, оно все же оказывало могучее влияние на познавших его людей. Богослужебные и священные книги принесены были на Русь на доступном для всех языке славянском, том самом, на котором изложили их славянские первоучители св. Кирилл и Мефодий и их болгарские ученики. Язык этих книг был вполне понятен русским, и «книжное учение» было поэтому незатруднено. Тотчас по крещении на Руси возникают школы с учителями-священниками и появляются книжники-любители просвещения, собиравшие и переписывавшие книги. Митрополит и вообще духовенство управляли и судили подчиненных им людей так, как это делалось в греческой церкви, на основании особого сборника законов, **Номоканона**, получившего на Руси в болгарском переводе название **Кормчей книги**. В этом сборнике заключались церковные правила Апостольские и вселенских соборов, также гражданские законы православных Византийских императоров. Церкви принадлежали земли, на которых духовенство и монастыри вели хозяйство по-своему, руководясь византийскими обычаями и законами, устанавливая такие

юридические отношения к земледельцам, какие были приняты в Греции.

Таким образом, на Руси вместе с новым вероучением появились новые власти, новое просвещение, новые законы и суды, новые землевладельцы и новые землевладельческие обычаи. Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верою, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь. Для того, чтобы понять, как именно сказывалось это влияние, необходимо несколько ознакомиться с теми чертами общественного быта Руси в дохристианское время, которые наиболее характеризуют патриархальность тогдашних общественных отношений.

§ 13. Славяне до христианства

По нашим понятиям, государство, в котором мы живем, имеет право и в то же время обязанность карать виновных за преступления и проступки и по возможности предупреждать всякое нарушение порядка и права. Вор или убийца отыскивается и наказывается независимо от того, просят об этом или не просят потерпевшие от него люди. В древнейшее дохристианское время было не так. Князья не имели ни склонности, ни возможности вмешиваться в общественную жизнь и поддерживать порядок, когда к ним не обращалось за этим само население. Преступление тогда считалось «обидою», за которую должен был отплатить, «отомстить», сам обиженный или его род. Человека защищал не князь, а свои, близкие ему, люди; за убитого «мстили» отец, братья, дяди, племянники. Обычай «кровной мести» и вообще «мести» был так крепок и широко распространен, что его признавало даже тогдашнее законодательство. Иначе и быть не могло в таком обществе, где княжеская власть была еще слаба, где князь бывал иноплеменником и жил, окруженный дружиною таких же иноплеменников-варягов. Наподобие того, как варяжская дружина со своим конунгом-князем составляла особое сообщество среди славян, и сами славяне имели такие же особые союзы и сообщества. Они жили или родами, или общинами; в других случаях они сами устраивали дружины и торговые товарищества в городах. Человек, принадлежавший к какому-нибудь союзу или входивший в какое-нибудь сообщество, пользовался защитою рода, общины, дружины, товарищества и мало надеялся на князя. Лишенный же покровительства своих близких, прогнанный из какого-либо сообщества, человек становился беззащитным, потому что никто не считал себя обязанным прийти к нему на помощь: его можно было, по старому выражению, «убить во пса место» и остаться без всякого наказания и возмездия. Такие беспризорные и беззащитные люди назывались *изгоями* (от того же корня, как и слово «гой»: «гой еси» значило: будь здоров, будь жив); изгои были как бы «изжитые», выкинутые вон из жизни люди.

Родовой быт первоначально вел людей к обособлению. Роды жили замкнуто, чуждались один другого и враждовали один с другим. А между тем каждому роду было необходимо со стороны добывать невест для браков своих родичей. Отсюда возник обычай добывать их насилием и хитростью, посредством «умычки», или увоза. Впоследствии этот обычай смягчился: если невесту «умыкали», то по предварительному с нею уговору. В то же время возникли и другие способы заключения брака: жених мирно приходил за невестою и выкупал невесту у ее рода, уплачивая «вено». Кое-где, — там, где нравы были мягче, — брак подходил ближе к нашим обычаям: невеста приезжала в дом жениха, и за нею привозили ее приданое. Но так бывало, по словам летописца, только у полян. В прочих же местах семейный быт отличался грубостью, тем более что везде существовал обычай многоженства. Предание говорит, что сам князь Владимир до крещения своего тоже держался этого обычая. Положение женщины в семье, особенно при многоженстве, было очень нелегко, о чем свидетельствуют народные песни. В них горько оплакивается судьба девушки, отдаваемой или продаваемой в чужой род.

В языческое время на Руси было лишь одно общественное различие: люди делились на свободных и несвободных, или рабов. Свободные назывались **мужами**; рабы носили название **челядь** (в единственном числе **холоп**, **роба**). Положение рабов, очень многочисленных, было тяжело: они рассматривались как рабочий скот в хозяйстве своего господина. Они не могли иметь собственного имущества, не могли быть свидетелями в суде, не отвечали за свои преступления пред законом. За них отвечал господин, который имел право жизни и смерти над своим холопом и наказывал его сам, как хотел. Свободные люди находили себе защиту в своих родах и сообществах; холоп мог найти себе защиту только у господина; когда же господин его отпускал на волю или прогонял, раб становился изгоем и лишался покровительства и пристанища.

Таким образом, в языческом обществе княжеская власть не имела той силы и значения, какое имеет государственная власть теперь. Общество делилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своих членов. Вышедший из своего союза человек оказывался бесправным и беззащитным изгоем. Семья, при обычае многоженства, умычки и покупки невест, имела грубый языческий

характер. Рабство было очень распространено. Грубая сила господствовала в обществе, и человеческая личность сама по себе в нем не имела никакого значения.

Под влиянием христианства языческие порядки на Руси начали заметно смягчаться.

§ 14. Влияние христианства на Киевскую Русь

Христианская церковь, основанная на Руси князем Владимиром, не могла примириться с таким порядком. Вместе с Христовым учением о любви и милости церковь принесла на Русь и начала византийской культуры. Уча язычников вере, она стремилась улучшить их житейские порядки. Под влиянием христианства отдельные лица из языческой среды изменяли к лучшему свои взгляды и нравы, шли вослед Христу и являли высокие примеры нравственной христианской жизни и даже подвижничества. О самом князе Владимире предание говорит, что он смягчился под влиянием новой веры, стал милостив и ласков. Среди дружины и земских людей появилось много благочестивых христиан, почитавших церковь, любивших книги и иногда уходивших от мирских соблазнов в монастыри и в пустынное житье. Через свою иерархию и примером ревнителей новой веры церковь действовала на нравы и учреждения Руси. Проповедью и церковною практикою **она показывала, как надо жить и действовать** в делах личных и общественных.

Церковь старалась поднять значение княжеской власти. Князей она учила, как они должны управлять: «воспрещать злым и казнить разбойников». «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье», — говорило духовенство князю Владимиру, указывая ему, что князь не может оставаться безучастным к насилию и злу в своей земле, что он должен блюсти в ней порядок. Такой взгляд духовенство основывало на убеждении, что княжеская власть, как и всякая земная власть, учинена от Бога и должна творить Божью волю. Но так как «всяка власть от Бога» и так как князь «есть Божий слуга», то ему надлежит повиноваться и его надлежит чтить. Церковь требовала от подданных князя, чтобы они «имели приязнь» к князю, не мыслили на него зла и смотрели на него как на избранника Божия. Очень грубо было воззрение языческой Руси на князей как на дружинных конунгов, которые берут дань за свои военные услуги земле и которых можно прогонять, если они неуютны, и даже убивать (как древляне Игоря). Церковь всячески боролась с таким взглядом и поддерживала авторитет князей, смотря на них как на прирожденных и богоданных государей. Когда князья сами роняли свое достоинство в грубых ссорах и междоусобиях («которах» и «кормолах»), духовенство старалось мирить их и учить, чтобы они «чтили старейших» и «не переступали чужого предела». Так духовенство проводило в жизнь идеи правильного государственного порядка, имея пред собою пример Византии, где царская власть стояла очень высоко.

Найдя на Руси ряд союзов, родовых и племенных, дружинных и городских, церковь образовала собою особый союз — церковное общество; в состав его вошло духовенство, затем люди, которых церковь опекала и питала, и, наконец, люди, которые служили церкви и от нее зависели. **Церковь опекала и питала тех, кто не мог сам себя кормить**: нищих, больных, убогих. **Церковь давала приют и покровительство всем изгоям**, потерявшим защиту мирских обществ и союзов. Церковь получала в свое владение села, населенные рабами. И изгои, и рабы становились под защиту церкви и делались ее работниками. Всех своих людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книге) и по церковным обычаям; все эти люди выходили из подчинения князю и становились подданными церкви. И как бы ни был слаб или ничтожен церковный человек, церковь смотрела на него по-христиански — как на свободного человека. Для церковного сознания все были братья во Христе и не было пред Господом ни раба, ни господина. **В церкви не существовало рабства**: рабы, подаренные церкви, обращались в людей лично свободных; они были только прикреплены к церковной земле, жили на ней и работали на пользу церкви. Таким образом, **церковь давала светскому обществу пример нового, более совершенного и гуманного устройства**, в котором могли найти себе защиту и помощь все немощные и беззащитные.

Церковь затем влияла на улучшение семейных отношений и вообще нравственности в русском обществе. На основании греческого церковного закона, принятого и подтвержденного первыми русскими князьями в их «церковных уставах», все проступки и преступления против веры и нравственности подлежали суду не княжескому, а церковному. Церковные судьи, во-первых, судили за святотатство, еретичество, волшебство, языческие моления. Церковные судьи, во-вторых, ведали все семейные дела, возникавшие между мужьями и женами, родителями и детьми. Церковь старалась искоренить языческие обычаи и нравы в семейном быту: многоженство, умыкание и покупку жен, изгнание жены мужем, жестокости над женами и детьми и т. п. Применяя в своих судах византийские законы, более развитые, чем грубые юридические обычаи языческого общества, духовенство воспитывало лучшие нравы на Руси, насаждало лучшие порядки.

В особенности восставало духовенство против грубых форм рабства на Руси. В поучениях и проповедях, в беседах и разговорах представители духовенства деятельно учили господ быть милосердными с рабами и помнить, что раб — такой же человек и христианин, как и сам его господин. В поучениях запрещалось не только убивать, но и истязать раба. В некоторых случаях церковь прямо требовала у господ отпуска рабов и рабынь на свободу. Получая рабов в дар, церковь давала им права свободных людей и селила их на своих землях; по примеру церкви иногда то же делали и светские землевладельцы. Хотя такие примеры были и редки, хотя увещания благочестивых поучений и не искореняли рабства, однако изменялся и смягчался самый взгляд на раба, дурное обращение с рабами стало почитаться «грехом». Оно еще не каралось законом, но уже осуждалось церковью и становилось предосудительным.

Так широко было влияние церкви на гражданский быт языческого общества. Оно охватывало все стороны общественного устройства и подчиняло себе одинаково как политическую деятельность князей, так и частную жизнь всякой семьи. Это влияние было особенно деятельно и сильно благодаря одному обстоятельству. В то время, как княжеская власть на Руси была еще слаба и киевские князья, когда их становилось много, сами стремились к разделению государства, церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. **Настоящее единовластие на Руси явилось прежде всего в церкви**, и это сообщало церковному влиянию внутреннее единство и силу.

§ 15. Христианское просвещение на Руси

Рядом с воздействием церкви на гражданский быт Руси мы видим и просветительную деятельность церкви. Она была многообразна. Прежде всего просветительное значение имели те практические примеры новой христианской жизни, которые давали русским людям отдельные подвижники и целые общины подвижников — монастыри. Затем просветительное влияние оказывала письменность, как переводная греческая, так и оригинальная русская. Наконец, просветительное значение имели те предметы и памятники искусства, которые церковь создала на Руси с помощью греческих художников.

Примеры благочестивой христианской жизни являли как мирские, так и церковные люди. Летописец говорит, что сам князь Владимир после крещения стал добрым и милостивым, заботился об убогих и нищих, думал о книжном просвещении. Среди его сыновей были также благочестивые князья. В среде простых людей на первых же порах после принятия новой веры являются христиане в самом высоком смысле слова. Таков, например, Иларион, из священников села Берестова (около Киева), поставленный в сан русского митрополита за свое благочестие, ученость и удивительный ораторский талант. Таков инок св. Феодосии, игумен Печерского Киевского монастыря, с детства проникнутый Христовым учением, оставивший зажиточный дом для монашеской убогой жизни и стяжавший себе славу подвижника, писателя и проповедника. Влияние подобных людей в русском обществе было очень велико и благотворно. Вокруг них собирались их последователи и ученики и образовывали целые общины, называемые монастырями. Древние монастыри не всегда были похожи на нынешние. Удаляясь из городов в лесную глушь, тогдашние монахи составляли свое особое поселение как бы в пустыне, не имея до времени ни храма, ни монастырских стен. Их община кормилась своими трудами и терпела нужду даже во всем необходимом до той поры, пока не получала известности и не привлекала благочестивых поклонников. Строгая жизнь и трогательное братство иноков, способ хозяйства их, совершенно новый для языческой среды, основанный на личном бескорыстии иноков и на их неустанном труде на пользу братии, — все это очень сильно действовало на умы тогдашних людей. Они желали помочь благочестивой братии чем могли: строили в монастыре храмы, дарили монастырю земли и рабов, жертвовали золото и драгоценности. Скромная община монахов превращалась в богатый и благоустроенный монастырь и делалась религиозным и просветительным средоточием для своей области. Монастырь учил не только вере, но и «книжному почитанию», и хозяйственным приемам. В монастырях образовывались целые библиотеки и процветала грамотность; почти все знаменитые писатели Киевской Руси вышли из монастырей. Хозяйство монастырей устраивалось по византийским образцам и руководилось византийскими законами и правилами. В этом хозяйстве не было рабов, потому что церковь не допускала у себя рабства, и рабочий люд пользовался гражданскими правами, хотя и был прикреплен к церковной земле. На обширных землях монастырей все хозяйственные порядки устанавливались сообразно указаниям греческого закона и отличались правильностью и стройностью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладение становилось образцом не только для частных, но даже и для княжеских земельных хозяйств.

В первое время христианская письменность на Руси не была обширна. Книги, принесенные на Русь вместе с крещением, представляли собою болгарские переводы Библии, богослужебных книг, поучений,

исторических книг, Кормчей книги и т. п. Под влиянием этой болгарской письменности создавалась и собственная русская письменность, в которой главное место занимали летописи и жития святых, поучения и молитвы. Эта письменность, за немногими исключениями, не отличалась ни ученостью, ни литературным искусством. Первые киевские писатели были просто грамотными людьми, обладавшими некоторою начитанностью. Они подражали переводным образцам так, как умели, без школьной учености и риторического искусства. Тем не менее их произведения оказывали заметное влияние на духовную жизнь наших предков и содействовали смягчению нравов на Руси.

Наконец, христианская вера на Руси совершила переворот в области пластического искусства. Языческая Русь не имела храмов и довольствовалась изваяниями идолов. Христианство повело к созданию громадных каменных храмов в главнейших городах. Киевский храм Успения Богоматери, получивший название Десятинной церкви потому, что Владимир уделил на его содержание «десятину» (то есть десятую часть) княжеских доходов, был древнейшим каменным храмом в Киеве. Каменные храмы в Киеве, Новгороде и в других главнейших городах Руси были созданы вслед за Десятинною церковью. Они строились по византийским образцам и украшались богатыми мозаиками и фресками. Архитектурное дело и живопись под влиянием церковного строительства достигли в Киеве значительного развития. А с ними вместе развились и прочие искусства и художественные ремесла, в особенности же ювелирное дело и производство эмали. Первыми мастерами во всех отраслях художественного производства были, конечно, греки. Позднее под их руководством появились и русские мастера. Развилось, таким образом, национальное искусство. Но оно в Киевской Руси отличалось резко выраженным византийским характером и поэтому известно в науке под именем русско-византийского.

§ 16. Ярослав Мудрый. Киевское государство в XI-XII вв.

После смерти Владимира Святого (1050), также, как и после смерти Святослава, на Руси возникли княжеские междоусобия. Старший сын Владимира Святополк, заняв Киевский «стол», стремился истребить своих братьев для того, чтобы самому достигнуть единовластия. Из пяти братьев ему удалось умертвить трех (Бориса, Глеба и Святослава). Двое из них, князья **Борис и Глеб**, были застигнуты убийцами врасплох и не думали противиться старшему брату. Их мученическая смерть и их нравственная правота возбудили против Святополка общее негодование и вызвали благоговейное почтение к памяти погибших. Церковь причла их к лику святых, и в древней Руси князья-страдальцы стали примером братолюбия и кротости. Святополк же за братоубийство был уподоблен Каину и получил прозвание Окаянного. Четвертый брат Святополка **Ярослав**, бывший в Новгороде, уберегся от покушения Святополка, собрал войско из новгородцев и варягов и пошел на Святополка войною. Несмотря на то, что Святополку помог польский король (Болеслав Храбрый), Ярослав одолел Святополка и утвердился в Киеве, а Святополк погиб где-то в изгнании. Однако поражением и гибелью **Святополка Окаянного** не окончились усобицы. У Ярослава оставался в живых последний брат — **Мстислав**, княживший в Тмутаракани. Между ним и Ярославом вспыхнула война, последствием которой был раздел государства: Киев и земли к западу от Днепра получил Ярослав; Чернигов и земли к востоку от Днепра получил Мстислав. И только после смерти Мстислава Черниговского Ярославу удалось восстановить единовластие в Русской земле (1034).

Правление Ярослава снискало ему на Руси большую славу и любовь; за его ум и начитанность ему дали прозвище Мудрого. Ярослав очень любил читать книги и собирал их. Для него переводили книги с греческого языка и покупали книги славянские. Собрание книг, устроенное Ярославом при главном Киевском храме св. Софии Премудрости Божией, служило на пользу общую и было доступно всем, любившим книжную мудрость. Ярослав, по словам летописца, «насеял книжными словесами сердца верных людей»: он устраивал школы, строил церкви и приказывал духовенству учить людей, наставляя их в новой христианской вере. Так, Ярослав являлся просветителем Руси.

Он был и ее крепким защитником, деятельно охраняя границы государства от внешних врагов. Ему удалось между прочим наголову разбить печенегов и навсегда отогнать их от Киева (1034). Главные массы печенегов вскоре после этого ушли на Балканский полуостров; те же из них, которые остались в русских степях, на границах Киевского государства, признали власть русских князей и были замирены. Вместе с другими мелкими кочевыми племенами торков они составили полуоседлое инородческое население по реке Роси (правый приток Днепра) и с той стороны получили у русских людей название «черные клобуки» (каракалпаки) по своим черным меховым шапкам. Значение этой победы Ярослава над печенегами не было помрачено даже неудачей предпринятого при нем набега на Византию (1043). Трехлетняя война с греками,

вызванная этим набегом, была последним столкновением Руси с Византией и окончилась освобождением русских пленных, захваченных греками во время набега.

Киевское государство при Ярославе несомненно окрепло и процветало. Ярослав обладал большими богатствами, позволявшими ему предпринимать обширные и великолепные постройки (§ 15). В Киеве он выстроил замечательный храм св. Софии и несколько других каменных храмов и монастырей. В Новгороде при нем начали строить также храм св. Софии. Для своих построек Ярослав выписал из Греции мастеров и строительные материалы и, не щадя средств, достигал удивительных результатов. **Софийская церковь в Киеве** была для той эпохи одним из самых богатых и прекрасных сооружений во всей Европе. Торговля Руси при Ярославе связывала Киев оживленными сношениями почти со всеми странами Европейского юга и запада. Ярослав посылал своих послов и купцов в Германию, Францию, Венгрию, Польшу и Скандинавские страны. С дружественными правителями даже отдаленных государств Киевский князь вступал в родственные связи. Сам Ярослав был женат на шведской королевне Ингигерд (Ирине); три его сына женились на дочерях германских владетелей; дочери его вышли замуж за королей французского, венгерского и норвежского, наконец, четвертый его сын Всеволод был женат на родственнице византийского императора Константина Мономаха. Таким образом, Русь при Ярославе вошла в состав европейских государств и город Киев получил значение одного из крупных европейских центров, которому принадлежало торговое посредство между европейскими рынками и востоком.

§ 17. Удельный строй после Ярослава Мудрого

Единовластие, восстановленное Ярославом Мудрым после многих смут, окончательно исчезло на Руси с его кончиною (1054). При сыновьях и внуках Ярослава Киевское государство постепенно утратило свое единство и превратилось в ряд отдельных волостей, объединенных только тем, что у них была одна церковь и один княжеский род. Так как члены княжеского рода находились в постоянной вражде и междоусобице, то и волости, управляемые ими, не хранили мира между собою и чем далее, тем более питали взаимное отчуждение. Последствием такого политического беспорядка был общий упадок Киевской Руси — и политический, и экономический. Только что победившая печенегов Русь не могла собрать достаточно сил для борьбы с новым кочевым народом — половцами, которые появились в южных степях с середины XI в. Отлично пользуясь неурядицами на Руси, половцы «несли розно» Русскую землю: грабили ее и мешали русской торговле, захватив все пути из Руси на восток и юг. Общее разорение и обеднение было результатом княжеских усобиц и половецкого разбоя, и Киевская Русь понемногу захирела и запустела. Уже к XIII ст., всего лет 150 спустя по смерти Ярослава, Киевское государство можно считать распавшимся на несколько частей, а самый Киев — запустевшим и обедневшим городом.

Одной из причин такого бедствия был порядок княжеского владения, установившийся на Руси после Ярослава. Ярослав, по преданию, сам посадил своих сыновей по городам так, что старшему из них, **Изяславу**, достались Киев и Новгород, следующему — **Святославу** — Чернигов, следующему — **Всеволоду** — Переяславль и т. д. Старший брат почитался старшим, или «великим», князем, но он не один владел государством. Князья стояли на той мысли, что Русская земля принадлежала всему княжескому роду. Старший князь как родовладыка сидел в старшем городе Киеве, а прочие князья по родовому старшинству размещались в городах, более или менее значительных или богатых. Все князья самостоятельно управляли своими городами, и каждый из них как сын великого князя надеялся со временем сам стать великим князем, когда умрут его старшие братья, и он станет старшим в роде над своими братьями, сыновьями и племянниками. По родовому наследованию великому князю наследовал не его сын, а его брат, старший после него, а если не было в живых его братьев, то его старший племянник, то есть сын его старшего брата. Поэтому, когда в Киеве умирал великий князь, его место по правилу должен был заступить его брат, сидевший в Чернигове, а на его место в Чернигов переходил третий брат из Переяславля и т. д. Со смертью великого князя все князья подвигались на одно место ближе к Киеву, «восходили лестницею» к великому княжению, пока, наконец, его не достигали. Если же какой-либо князь умирал, не достигнув великого княжения в Киеве, то его дети теряли права свои на наследство в княжеском роде и считались «изгоями», которым уже «не было части в Русской земле». Сыновья же умершего великого князя, не оставаясь в Киеве, получали от нового великого князя особые волости наряду с прочими родичами.

Таковы были правила родового владения, признаваемые всеми членами княжеского рода. Но эти правила очень трудно было соблюдать: уже первые наследники Ярослава Мудрого дошли до ссор и междоусобиц, не сумев примирить и согласовать свои притязания. Киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из Киева

сначала киевлянами, а затем, когда ему удалось туда вернуться, его вторично прогнали оттуда родные братья его Святослав и Всеволод. Изяслав ушел в Германию и искал там помощи (у императора Генриха IV и папы Григория VII), однако без успеха. В Киеве укрепился Святослав и княжил там до своей смерти. Только по кончине Святослава Всеволод уступил Изяславу Киев; Изяслав снова стал (уже в третий раз) Киевским князем и скончался на великокняжеском столе. После него Киев перешел к Всеволоду. Таким образом, сыновья Ярослава Мудрого княжили в Киеве в таком порядке: Изяслав, Святослав, Изяслав, Всеволод. Если бы Святослав не захватил силою Киева и соблюдал бы обычай родового старшинства, то он не был бы вовсе великим князем, так как умер раньше своего старшего брата Изяслава.

Основываясь на этой мысли, Изяслав и Всеволод после смерти Святослава сочли его сыновей, Олега и Ярослава, изгоями и не пустили их в их «отчину» Чернигов. Началась тяжелая усобица между князьями и шла много лет в княжение Изяслава, Всеволода и сына Изяславов Святополка II (который как старший племянник наследовал в Киеве своему младшему дяде Всеволоду). В этой усобице приняли участие не только сыновья великих князей (то есть Святополк, сын Изяслава; Олег и Ярослав, дети Святослава; Владимир Мономах, сын Всеволода), но и другие князья-изгои, внуки и правнуки Ярослава, отцы которых умерли, не дождавшись великокняжеского стола. Таких князей-изгоев было несколько: великие князья или просто лишали их всякого наследства, или же давали им бедные волости на окраинах государства. В усобице, действуя насильем, изгои искали теперь возможности улучшить свое положение и получить свою часть в Русской земле. После многих лет борьбы князья решили покончить свои счета на общем съезде и в 1097 г. собрались в г. Любече. Там общим советом решили, чтобы каждый князь «держал отчину свою», то есть чтобы Святополк остался в Киеве, где сидел его отец Изяслав, а дети Святослава получили Чернигов, некогда принадлежавший их отцу, а Владимир Мономах сел в Переяславле, где сидел его отец Всеволод. Таким образом, Святославичи, сочтенные ранее за изгоев, были признаны теперь полноправными князьями. Что же касается до прочих князей-изгоев, то их устроили землями на юго-западных границах Руси.

Однако и после съезда смуты не кончились, а потому и постановление съезда не было соблюдено. Когда в Киеве умер великий князь Святополк (1113), киевляне не захотели принять на Киевский стол старейших в роде князей Святославичей из Чернигова, а просили к себе Владимира Мономаха из Переяславля.

Святославичей в Киеве считали виновниками смут, а Мономаха любили как защитника порядка и правды. Мономах сначала отказался идти в Киев мимо старших князей; но упорство киевлян заставило его согласиться, и, таким образом, народное избрание нарушило правильность родового преемства великокняжеского стола.

Из сказанного ясно, в чем заключались причины политических неурядиц в Киевской Руси: во-первых, установившийся после Ярослава Мудрого порядок княжеского владения и наследования был вообще очень сложен, а кроме того, и несправедлив по отношению к **князьям-изгоям**; поэтому всегда бывали князья недовольные, обделенные и обиженные. Во-вторых, сильнее князья в отношении слабейших часто допускали прямые обиды и насилия: братья, например, изгнали слабого Изяслава из Киева; дяди обидели своих племянников Святославичей. В-третьих, население, терпевшее от княжеских ссор, не хотело признавать княжеского старейшинства и не всегда повиновалось князьям: киевляне, например, изгнали от себя Изяслава, не пустили к себе Святославичей. Понятно, что при таких условиях правильное наследование столов стало невозможным и родовой порядок преемства власти должен был пасть.

§ 18. Владимир Мономах и судьбы Киевского великокняжеского стола до 1169 г.

Избрание **Владимира Мономаха** на Киевский стол было признано всем народом, который очень любил его, и всеми князьями, которые боялись и уважали Мономаха. Мономах вступил на великое княжение, уже имея 60 лет от роду, будучи богатым и сильным князем. Власть свою он умел держать крепко: те из князей, кто решался идти против его воли, жестоко платились за наклонность к междоусобию. Великий князь умел смирить непокорных и поддержать порядок в стране. Точно так же умел он быть грозным и для половцев, которые при нем не смели тревожить Русь. Понятно поэтому то чувство преданности и любви, какое питали к Мономаху русские люди. Он был самым чтимым князем и при жизни своей, и после смерти. Летописец называет его «чюдным князем», «милостивым паче меры» и «жалостливым». Личные свойства Мономаха узнаем мы из его собственных произведений, которые летописец приводит в своей летописи. Это — «поучение» детям и «послание» к князю Олегу Святославичу. Мужественный и деятельный, скромный и честный, благочестивый и милостивый, Мономах учит своих детей не лениться и самим трудиться, не полагаясь на слуг; быть гостеприимным и щедрым; веровать в Бога и проявлять свою веру добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею; держать клятву, любить мир, не гордиться и защищать слабых. В письме к Олегу Святославичу

Мономах кротко жалуется на то, что Олег, не ища мирного соглашения, начал с ним войну. В этой войне погиб один из сыновей Мономаха (Изяслав), и Мономах просит Олега освободить из плена жену убитого сына.

Утверждение в Киеве Владимира Мономаха мимо его старших родичей повело к падению родового единства в среде киевских князей и обострило вражду между разными ветвями княжеского рода. После смерти Мономаха Киев достался не братьям его, а его сыновьям и обратился таким образом в семейную собственность Мономаховичей. После старшего сына Мономаха, очень способного князя Мстислава (1125–1132), в Киеве один за другим княжили его родные братья. Пока они жили дружно, их власть в Киеве была крепка; когда же у них начался разлад, то против них поднялись сидевшие в Чернигове князья **Ольговичи** (сыновья и внуки Олега Святославича) и не раз силою завладевали Киевом. (Среди них особенно выдавался князь **Всеволод Ольгович**, которому удалось, захватив Киев, владеть им до самой своей кончины.) Но Мономаховичи, в свою очередь, не желали отказаться от обладания Киевом и тем самым признать над собою старшинство Ольговичей. Разгорелась долгая и упорная борьба за Киев. Победа в ней осталась в конце концов за потомством Мономаха. Со стороны Мономаховичей самыми видными борцами были старший внук Мономаха, **Изяслав Мстиславич**, и его сын, правнук Мономаха, **Мстислав Изяславич**. Оба они напоминали своего предка Мономаха воинскою доблестью. В особенности Изяслав Мстиславич выделялся из среды прочих князей своими талантами и отвагой: он был как один из самых любимых князей южной Руси восторженно прославлен летописью.

Но, побеждая Ольговичей, эти старшие Мономаховичи должны были бороться и со своею ближайшею роднёю — Мономаховичами младшей линии. К ней принадлежали меньший сын Мономаха **Юрий Долгорукий** и сын Юрия **Андрей Боголюбский**. Обыкновенно бывало так, что когда кто-либо из старших Мономаховичей отбивал Киев от Ольговичей, то на него ополчались родные его дяди, Мономаховичи же, и во имя своего семейного старшинства стремились сами утвердиться в Киеве. Так, дядя Юрий Долгорукий воевал с племянником Изяславом Мстиславичем, а дядя Андрей Боголюбский воевал с племянником Мстиславом Изяславичем. В конце концов Киев достался Андрею Боголюбскому (1169). Но к этому времени обстоятельства на Руси так переменились, и Киев так явно склонился к упадку, что Андрей не пожелал сам сидеть в Киеве и остался в любимом своем Ростово-Суздальском крае. Киев же, ограбленный и сожженный его войсками, был передан одному из подручных Андрею младших князей.

Таковы были судьбы Киевского великокняжеского стола. Он был жертвою постоянных междоусобий, возникавших вследствие того, что родовые понятия князей не соответствовали правильному государственному порядку. Не умея выработать правильного наследования власти и помирить притязания разных ветвей многолюдного княжеского рода, князья для решения своих споров очень легко обращались к оружию и начинали междоусобия («которы» и «коромолы») и в них «несли розно» Русскую землю, губили и свои, и земские силы. Во время борьбы за Киев в XII в. обнаружилось ясно, что княжеский единый род распался и что вместо него стало существовать несколько взаимно враждебных его ветвей, обратившихся как бы в особые роды. Эти ветви владели каждая своею «отчиною»: Ольговичи владели Черниговом, Северскою землею и Рязанским краем; Мономаховичи старшие — Смоленском, Переяславлем и землями на Волыни; Мономаховичи младшие — Ростово-Суздальским краем. В Полоцке со времен Владимира св. сидела особая княжеская ветвь, родоначальником которой был сын Владимира и его языческой жены Рогнеды князь Изяслав. Все эти ветви желали владеть Киевом как столицей единого когда-то государства и из своих гнезд силою «добывали» Киев друг у друга. Понятно, что при постоянной общей вражде Киевский князь уже не мог быть на самом деле единовластным государем и не мог рассчитывать на общее ему повиновение. Его не слушались ни князья, ни отдельные города. Каждая семья князей имела своего отдельного старшего «великого князя». Каждый большой город, не желая быть жертвою княжеских смут, хотел сам устраивать свои дела и норовил вступить со своим князем в договор с целью охранить себя от княжеского произвола. Государство, словом, разлагалось и потому слабело и беднело. Вместо единой Руси образовалось много «волостей», разрозненных и взаимно враждебных.

§ 19. Борьба Киевской Руси с кочевниками

Политическая неурядица была первым бедствием Киевской Руси. Вторым бедствием ее было соседство кочевников. Выше было сказано, что беспокоившие Русь **печенеги** были разбиты и прогнаны от Киева Ярославом Мудрым (1034). Вскоре после этого они совсем ушли из русских степей на Балканский полуостров. На их место из Азии появилось новое кочевое племя **половцев**, более сильное и беспокойное, чем печенеги. Впервые в 1061 г. половцы напали на русских и с тех пор непрерывно беспокоили русские области своими

набегами и разбоями. Они нападали врасплох на села и города, жгли их и разоряли, жителей убивали или уводили в плен. Пленных они обращали в своих рабов или же продавали в рабство в Крым, откуда рабы развозились в разные страны Европы и Азии. В лучшем случае, после многих страданий, пленные выкупались обратно на Русь или же убегали сами из половецкого плена. Набеги половцев на Русь были так часты, что их нельзя и перечислить; наиболее крупных насчитывают около 50 в полтора столетия (1061-1210). Разумеется, от половецкого «зла» страдали больше всего южные русские волости, которые прилегали к степям: Киевская, Переяславская, Черниговская (Северская) и др. Чем больше бывало здесь междоусобий, тем свободнее и удобнее могли половцы проникать на Русь. Иногда сами князья вмешивали «поганых» в свои распри и показывали им путь в Русскую землю, обращаясь к ним за военной помощью и натравливая их на своих врагов — русских же князей.

Печенеги

Но так бывало, конечно, не всегда. Обыкновенно князья заботились об обороне русского населения и как могли боролись с половцами. Во-первых, они так же, как и ранее против печенегов, строили против половцев укрепления на границе. Эти укрепления представляли собою сплошной вал со рвом; он тянулся на десятки верст по степи и закрывал собою вход в русские земли. Через него можно было проникнуть лишь в нарочно устроенные ворота, прикрытые укрепленными городами, в которых всегда находилась стража. Если половцам удавалось так или иначе перебраться за вал, население спасалось в этих городах и отсиживалось в осаде, пока половцы не уходили. Не довольствуясь постройкою укреплений, князья держали на своих границах вооруженные отряды для наблюдения за степью. Иногда эти отряды составлялись из замиренных печенегов и торков («черных клобуков»), которых нарочно селили на границах государства — в степи, чтобы они сохраняли подвижность и удаль кочевников и тем успешнее боролись со своими исконными врагами, такими же кочевниками, половцами. Иногда же сами князья берегли границу с собственными дружинами. Во-вторых, принимая на своих границах оборонительные меры, русские князья пытались, сверх того, и сами переходить в

наступление: они нападали на половцев в местах их кочевий для того, чтобы внушить им страх, отогнать их подальше от Руси и освободить от них торговые дороги, ведущие через степи к южным морям. Из всех князей в особенности Мономах отличался способностью переносить войну в половецкие кочевья, не ожидая половецких набегов на Русь. Он старался мирить убоицы и соединять силы враждующих князей против общего всем врага. Для этого он устраивал княжеские съезды и на них увещевал князей идти в степь на «поганных». Знаменит из таких съездов Долобский съезд (на Долобском озере близ Киева), на котором Владимир уговорил великого князя Святополка Изяславича начать поход на половцев. Последствием этого похода был разгром половецких сил (1103). К сожалению, после Мономаха постоянные убоицы князей не только давали половцам возможность оправляться от наносимых им ударов, но и вели к непрерывному их усилению. Половцы все более и более наседали на русские окраины, а наступательные действия против них русских князей становились менее часты и удачны. Так, предпринятый в 1185 г. в половецкие степи поход северских князей Игоря и Всеволода Святославичей (внуков Олега Святославича Черниговского) окончился их поражением и пленом. Подробности этого несчастного похода изложены в летописи и воспеты в знаменитой песне, носящей название «Слова о полку Игореве — Игоря, сына Святослава, внука Ольгова». Поражение русских дружин в далекой степи, плен нескольких князей и удачный побег Игоря из плена сильно действовали на умы русских людей. Причину неудачи Русь видела в отсутствии мира и согласия среди своих князей. Составитель «Слова о полку Игореве» горько жалуется на эту беду и призывает князей к единству и миру. Но увещания не помогали, князья продолжали ссориться, а половцы продолжали надвигаться на Русь. Наиболее близкое к степям Переяславское княжество во второй половине XII в. было почти занято половцами, которые в нем уже «жили», а не только его грабили наездом. Степные дороги оказывались совсем во власти кочевников. Русь потеряла свои владения на Азовском море (Тмутаракань), так как пути к ним были заняты половцами. Только с большим трудом русские купцы могли добираться через степь до Черного моря, и потому торговля Руси с Грецией постепенно падала и, наконец, совсем замерла. А вместе с этим упало и прежнее значение Киева. Отрезанный кочевниками от южных морей, Черного и Каспийского, Киев уже не мог посредничать в торговле Европы с востоком. Эта торговля нашла себе в ту эпоху иные пути, открытые благодаря Крестовым походам, и пользовалась средиземным бассейном. Киев же беднел и глож. Население южнорусских княжеств, не находя от постоянных убоиц и разбоев ни безопасности, ни заработка, понемногу оставляло свои места и переселялось подальше от степи или на север, или на запад. Так совершалось постепенное падение Киевского государства, утратившего свое политическое единство и торговое оживление.

§ 20. Внутренние порядки Киевской Руси

Как мы видели, Киевское государство в IX в. составилось из отдельных «волостей», или «княжеств», в которых когда-то сидели варяжские или же славянские князья, покоренные или истребленные киевскими великими князьями. Пока киевские князья были единовластны, волости повиновались им и управлялись княжескими наместниками («посадниками») из Киева. В должности таких посадников бывали как сыновья великих киевских князей, так и их дружинники. Когда же единовластие было утрачено и княжеский род размножился и разделился на ветви, тогда в каждом значительном городе оказались свои князья. Не все они хотели повиноваться Киевскому князю; очень часто они враждовали именно с Киевским великим князем и старались стать от него независимыми. Понемногу связь волостей с Киевом слабела и слабела; в XII в. Киевское государство снова превратилось в ряд волостей, или земель, друг от друга обособленных. Важнейшими из них были земли: **Киевская, Чернигово-Северская, Волынская и Галицкая** — в южной половине Руси; **Полоцкая, Смоленская, Новгородская, Ростово-Суздальская и Муромо-Рязанская** — в северной половине Руси.

В центре каждой из таких волостей, или земель, был город старший, или «великий», которому повиновалась вся волость и младшие в ней города, «пригороды» старшего города. По словам летописца, «Новгородци изначала и Смоленяне и Кияне и Полочане и вся власти (то есть волости), якоже на думу, на веча сходятся; на что-же старейший сдумают, на том же пригороди станут». Обычай вечевых совещаний существовал издревле в родовых союзах и общинах. Когда волости жили обособленно, они управлялись **вечами**: вече призывало и рядило князя; вече выбирало «старейшин», или «старцев», для управления мирскими делами; вече судило своих сограждан, начинало войны и заключало мир с соседями. Когда Киевская династия подчинила себе волости, деятельность вечевых собраний, естественно, сузилась: они стали ведать только свои местные общинные дела. Когда же в XII в. Киевская династия ослабела в междоусобицах, веча в волостях возвратились к прежней самостоятельности. Они вступали с князьями в договоры (ряды), призывали князей, угодных им, и не пускали в город князей нелюбимых; старались влиять на ход княжеских убоиц, требуя прекращения их или возбуждая войну против враждебных городу князей.

Для управления делами своего города вече выбирало своих людей, «старейшин». В их среде одним из самых заметных бывал **тысяцкий**. Тысяцкий начальствовал над городским ополчением, носившим название «тысячи»; ему были подчинены «сотские» и «десятские», начальники меньших отрядов. Когда князья были сильны и пользовались большою властью в волостях, то тысяцких назначали они; с падением их власти право выбирать тысяцкого переходило к вечу. Вече старших городов присваивало себе власть посылать от себя **посадников** в пригороды; а иногда, как, например, в Новгороде, оно и для самого старшего города избирало своего посадника, независимо от князя и княжеских чиновников. Так укреплялось в городах вечевое управление, с которым князьям приходилось считаться, а иногда и бороться.

Вечевые порядки нам мало известны, потому что от вечевых собраний не сохранилось никаких письменных документов. Обыкновенно на вече по звону колокола сходились все свободные взрослые люди города; если в городе бывали приезжие из пригородов люди, то и они шли на вече. Дело докладывалось вечу или князем, если вече собирал князь, или «старейшинами града», выборными властями города, составлявшими особый совет. Вече криком высказывало свое мнение. Для решения дела требовалось, чтобы все стали согласно на одной мысли; отдельных голосов не считали, а на глаз убеждались, что нет заметных возражений против господствующего мнения. Если же возражения были громки и упорны, и меньшинство не желало подчиниться большинству, то дело доходило до открытой ссоры и междоусобий; меньшинство подавлялось даже силою. Определенного времени для созыва вечевых собраний не было, вече «звонили», когда являлась в нем нужда. Местом собраний бывала обыкновенно открытая городская площадь.

Одновременно с вечевою властью в городах действовала и власть княжеская. Князь, как и в древнее языческое время, был по преимуществу военным охранителем волости, за что и получал с волости «дань». Со своею дружиною он становился во главе земского ополчения, «тысячи», и вел ее на врага. В мирное время князь принимал участие в управлении волости: судил суд по важнейшим делам, предоставляя менее важные дела своим «тиунам» (слугам); руководил деятельностью веча, созывая его и докладывая ему дела; сносился с соседними волостями и иноплеменными владетелями по политическим и торговым делам. Все, что князь делал, он делал с своею дружиною. Она состояла из двух частей: старшей дружины и младшей дружины. Первую составляли «бояре» и «мужи» — свободные и даже знатные княжеские слуги; вторую составляли «гриди» и «отроки» — несвободные и полусвободные воины и работники. Из старшей дружины князь составлял свою «думу» — совет по всем государственным делам; в эту думу приглашались иногда и городские «старейшины», или «старцы». Из своей дружины князь выбирал своих наместников в города и вообще судей и чиновников. Без бояр князь не предпринимал никаких важных дел, потому что бояре, служа по добровольному уговору, могли отказаться помогать князю в таком деле, которое он замыслил без них. Они могли уйти от одного князя к другому, «отъехать» от своего господина, и это не считалось тогда изменою. Каждый боярин имел собственную дружину, иногда очень многочисленную, и владел землями, а потому и пользовался большим значением и почетом в тогдашнем обществе. Младшая дружина князя, вполне от него зависимая, составляла его дворню и его войско. Чем многочисленнее была княжеская дружина, тем сильнее был сам князь. Вот почему князья очень заботились о дружине, привлекали к себе бояр и слуг и старались их хорошо обеспечить, чтоб крепче к себе привязать. Получая дань со своей волости и пошлины со своего суда, князья обращали эти средства главным образом на содержание дружины. Имея у себя богатые и благоустроенные села, князья и с них доходы делили с дружиною. Численность княжеской дружины иногда доходила до тысячи человек.

§ 21. Социальный строй Киевской Руси

Люди, служившие князю и составлявшие его дружину, были особым классом киевского населения. Так повелось еще с варяжской эпохи, когда князья с их варяжскими дружинами были иноплеменными пришельцами среди русских славян. Служба князю считалась почетною и давала дружинникам высокое общественное положение. Только на княжеской службе можно было сделаться «боярином», то есть вступить в ряды тогдашней аристократии. Остальная масса киевского общества, как и в языческую пору, состояла из двух главных слоев: людей свободных и рабов. С развитием городской жизни и торговой деятельности в составе свободных людей, или «мужей», стали различать горожан от сельского населения. Горожане назывались «градскими людьми» и делились на «лучших», или «вятших», то есть зажиточных, и «молодших», или «черных», то есть бедных. По занятиям своим они назывались «купцами» и «ремесленниками». Сельское население носило название смердов. Смерды были свободные люди, имели свою пахню и свое хозяйство. Если смерд шел в батраки к другому землевладельцу и работал на его земле, пользуясь хозяйским скотом и орудиями, то он уже не считался самостоятельным человеком и носил название «закупа». Закуп, однако, не

был рабом: он мог снова стать смердом, если только мог рассчитаться со своим хозяином и завести собственное хозяйство. Смерды жили общинами, носившими название «верви», или «погоста», и платили подати (или «дань») князю. Особо от мирского населения, подчиненного князьям и вечам, стояло известное нам церковное общество, подчиненное русскому митрополиту: духовенство, монастыри, изгои и церковные рабочие, «страдные» люди. Как и в языческие времена, продолжало существовать холопство, то есть рабство. По-прежнему продавали и покупали рабов, обращали в рабство пленных и несостоятельных должников; так как рабство было бессрочным, то дети рабов сами становились рабами. Влияние христианства смягчало отношение господ к их рабам, но не могло искоренить самого обычая. В господских «боярских» селах все рабочее население состояло обыкновенно из «челяди», то есть холопов, которые пахали на своего господина пашню и вели все его хозяйство.

§ 22. Русская Правда и национальное самосознание в Киевской Руси

Со времен языческих гражданский порядок в Киевской Руси сделал заметные успехи. Мы знаем, как жестоки были нравы и как грубы были общественные отношения в языческую пору (§ 13). Со времени Владимира св. и Ярослава Мудрого князья постоянно проявляли намерение установить в государстве лучшие обычаи и создать закон, который водворял бы в обществе справедливость и порядок. По словам летописи, Владимир св., под влиянием митрополита, начал сурово преследовать разбойников, очевидно, рассматривая разбои не как частную обиду, а как преступление против государства. Ярослав Мудрый, по преданию, судя суды, создал первый на Руси письменный сборник законов, известный под названием «Русской Правды». После Ярослава Русская Правда дополнялась и переделывалась, по-видимому, частными лицами, которые вносили в нее «законы» и «уставы» сыновей и внуков Ярослава. Русскою Правдою руководились судьи как светских княжеских, так и церковных судов. Назначение Русской Правды заключалось в том, чтобы сначала ограничить, а затем и вовсе отменить варварский обычай кровной мести, а вместо частного возмездия за обиду и убийство ввести наказание от суда. В древнейшем своем виде Русская Правда дает право мести за убийство не всему роду, а только ближайшим родственникам убитого. Позднее же в Русской Правде появляется закон, установленный сыновьями Ярослава и запрещающий вовсе месть: взамен мести устанавливается **вира** (штраф, взимаемый князем как наказание за преступление) и **головничество** (вознаграждение в пользу родственников убитого). Вместе с тем, подобно вине и головничеству за убийство, Русская Правда устанавливает штрафы за всякую обиду действием и за оскорбления. В этих случаях также не допускается самосуд и личная расправа. Все денежные взыскания определяются гривнами серебра или кунями. Под словом **куны** тогда разумели старинные деньги, состоявшие из ценных мехов, на которые менялись другие товары. Позднее вместо кун стали употреблять серебро; из него делали слитки определенного веса и ими платили как монетою. Такие слитки, называемые **гривнами**, обыкновенно весили от 48 до 36 золотников. За убийство княжеского дружинника взималась наибольшая вира — 80 гривен, за убийство свободного человека — 40 гривен и за убийство женщины — 20 гривен. По тогдашним условиям это были крупные суммы. Так закон старался охранить всякую личность от насилия и заменить грубый самосуд частной мести правительственною карою и судебным правосудием. Точно так же Русская Правда охраняла и частное имущество от воровства и грабежей, устанавливая за них различные наказания. Рассматривая челядь (рабов) как имущество их господ, закон давал господам большую власть над их рабочими людьми и налагал большие наказания за похищение холопов у их хозяев, за бегство холопов и за укрывательство беглых рабов. Таким образом закон как бы поддерживал рабство, уступая в данном случае развитому на Руси обычаю рабовладения. В общем же Русская Правда свидетельствует о том, что в Киевской Руси были уже заложены начала правильного гражданского порядка и что языческий быт значительно уступил влиянию христианства и византийской образованности, принесенной на Русь христианством.

В развитии гражданского порядка на Руси в XII в. надобно отметить и еще одну важную сторону. В то самое время, когда нарушилось государственное единство на Руси и начался хозяйственный упадок южных волостей, в обществе народилось национальное чувство и сознание народного единства. Князья разных ветвей княжеской династии, ссорясь между собою, помнили, однако, единство своего рода и говорили о себе, что они «одного деда внуки» и владеют одною землею. Жители различных волостей знали, что эти волости составляют части единой Русской земли, и они готовы были в минуты опасности лечь костями за всю землю Русскую. Летописец, составляя в Киеве свою летопись, желал рассказать в ней, откуда «пошла Русская земля», откуда «Русская земля стала»: он понимал, что его родной Киев есть сосредоточие не одной волости Киевской, а всей земли, единой и великой Русской земли. Певец «Слова о полку Игореве» рассказывает о походе и поражении окраинных северских князей; но он постоянно зовет их самих и их дружины «русичами» и «рускими полками», даже «Русскою землею». По выражению «Слова», когда Игорь попал в плен, плачет по

нем вся Русская земля, а не одна его Северская волость, точно так же, как стонет вся земля, поминая своих первых князей, при которых не было усобиц. Сознание единства своей земли, любовь к своей земле, горькое чувство жалости при виде ее страданий от княжеской распри и от «поганных» половцев — вот те чувства, которыми проникнуты русские люди во всех русских волостях. С большим воодушевлением взывают они к своим князьям, чтобы те «сами на себя крамолу не ковали», не желали бы большей волости, не противились бы старейшей братии и жили бы меж собою в мире.

Деятельность первых варяжских князей объединила племена русских славян в одно государство. Но это объединение было чисто внешним механическим соединением чуждых взаимно областей. Культурные сношения с Византией повели к распространению на Руси христианства и к основанию православной церкви в молодом Русском государстве. Новая религия и принесенная ею византийская образованность имели сильное внутреннее влияние на Русь и сплести русские волости в одно целое культурными связями. Государственное единство пало от междоусобий княжеского рода; но культурные связи оказались крепкими и создали из русских племен один, сознающий свое единство, народ. В этом заключается главное историческое значение киевского периода русской истории.

§ 23. Начало упадка Киева и новые враги Руси

К исходу XII в. падение Киева стало совершенно очевидным. Этот великолепный город, возбуждавший удивление иностранцев своею красотою и богатством, стал беднеть и пустеть. Население Киева и окружающих его Днепровских волостей начало искать других мест для поселения, убегая от половецкого разорения и княжеских усобиц. Оно уходило всего чаще на запад, в сторону Карпатских гор, или же на север, в лесную область вятичей и далее за нее, в так называемое «залесье» на верхней и средней Волге. На Карпатских нагорьях и в лесах Поволжья кочевники не были страшны: они туда не доходили; не страшны были и княжеские «кормомолы», потому что князья спорили между собою не за окраины, а за государственный центр Киев. И вот на окраинах Русской земли, на смену старому Киеву, к XIII в. возникают три различных центра государственной жизни, вокруг которых начинает сосредоточиваться русская народность. Эти центры суть: «господин Великий Новгород», ставший самостоятельным и обособленным государством; затем новый город Владимир, основанный в Ростово-Суздальской земле, и, наконец, город Галич на Днестре. Самым прочным из них стал Владимир, из которого пошло объединение северорусских племен; а наименее устойчивым оказался Галич, подпавший вскоре иноплемennому завоеванию. В то самое время, когда Киев шел к упадку, эти города росли, крепили, богатели и привлекали к себе население. В Новгороде развилось вечевое управление, приведшее Новгород к республиканскому устройству. Во Владимире выросла единодержавная власть князя. В Галиче очень сильное влияние на дела получили бояре. Все эти политические силы — вече, князья и бояре — в Киевском государстве находились в состоянии неустойчивого равновесия, боролись одна с другою и потому розно несли Русскую землю. В каждой из новых областей одна какая-либо сила, твердо возобладав над прочими, стала во главе государственного порядка. Поэтому-то история новых государств, сменивших собою Киевское, пошла неодинаковым путем, и судьбы этих государств оказались весьма различны.

В то же приблизительно время, когда вместо Киева обозначились новые столицы, то есть в начале XIII в., у Руси появились новые враги. С юго-востока на смену половцам внезапно пришли новые кочевники — **татары** и обрушились на Русь, разорив и поработив ее. На северо-западе, у Балтийского моря, начали наступать на Литву и Русь **немцы**, образовавшие свои колонии на устьях Западной Двины, Немана и Вислы. Еще севернее их, на Финском заливе и р. Неве, появились **шведы** и начали тревожить Новгородские земли. Под напором немцев **литовцы** пришли в движение, стали объединяться и сами стали нападать на пограничные русские волости. Под ударами всех этих врагов должны были русские люди устраивать свой новый порядок. Новгород устоял против шведов и немцев и сохранил свою независимость. Но юго-западные русские области — Поднепровье — были покорены сначала татарами, а затем литовскими князьями. Восточная же Русь, разоренная татарами, надолго подпала татарскому игу. В новой тяжелой обстановке русскому народу пришлось употребить большие усилия для того, чтобы просто выжить и уцелеть, пришлось бороться за самое свое существование. Народными героями этой эпохи стали именно те князья, которые умели соединять народные силы для этой борьбы и выступали добрыми страдальцами за землю Русскую. Такими были князь Александр Невский — в северной Руси, князь Даниил Галицкий в южной Руси, князь Довмонт — выходец из Литвы во Псков.

Эта тяжелая эпоха, пережитая Русью в XIII в., составляет переход от истории Киевского государства к

истории тех государств, которые его заменили, а именно: Новгородского государства, великого княжества Владимирского и великого княжества Литовского.

§ 24. Великий Новгород. Новгородская Русь

Новгород расположен по обоим берегам р. Волхова, при истоке Волхова из озера Ильменя. Среди болот и низменностей Новгород занял ближайшие к озеру возвышенные места по течению реки. На правом берегу Волхова находилась «Торговая сторона» города; на левом — «Софийская сторона». Торговая сторона получила свое название от «торга» — рыночной площади и торговых дворов и рядов; вся Торговая сторона делилась на две части, называвшиеся «концами». Софийская сторона называлась так потому, что в ее центре находился знаменитый храм св. Софии, построенный Ярославом Мудрым. На этой стороне было три «конца» города и, кроме того, среди них внутренняя крепость — «детинец» (иначе — «кремль»). Думают, что первоначально «концы» города были отдельными самостоятельными поселками, которые лишь впоследствии слились в один город с общим «торгом» и «детинцем» в середине. По отношению к старым отдельным «концам» новый общий город и был на самом деле назван «Новгородом». В течение всей новгородской истории «концы» Новгорода сохраняли внутреннюю самостоятельность и имели каждый свое самоуправление. Таким образом, «господин Великий Новгород» слагался из пяти «концов». Соответственно пяти «концам» города вся волость Новгорода разделялась на пять провинций, носивших название «пятин». Кругом Онежского озера (и до Белого моря) лежала Обонежская пятина; кругом Ладожского озера (и до Финского залива) лежала Водьская пятина. На юго-запад от Новгорода и Ильменя шла пятина Шелонская (по р. Шелони), а на юго-восток — пятина Деревская. Эти четыре пятинны своими границами подходили к самому Новгороду. Пятая же, Бежецкая пятина лежала вдали от Новгорода на восток, на водоразделах между р. Мстою и притоками Волги. Эти пять пятин составляли территорию Новгородского государства. За ним, на северо-восток, по рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре и по всему побережью Белого моря простирались зависимые от Новгорода «земли Новгородские»: Заволочье (по Северной Двине), Тре, или Терская земля (на севере Белого моря), Печора (на р. Печоре), Пермь (на р. Вычегде), Вятка (на р. Вятке) и др. Как в древнем Риме государственную землю была Италия, а земли вне ее были особыми «провинциями» (*praedium populi romani*), так и в Новгороде Великом государственную землю были «пятинны», а «земли» вне их играли роль зависимых провинций, бывших предметом новгородской эксплуатации.

Таков был состав Новгородских владений в эпоху процветания Новгорода (XIII–XIV вв.). Хозяином этих владений был «Новгород Великий» — старший город со всем его свободным населением. Новгородцы называли все свои владения «землею Святой Софии», олицетворяя свое государство в своем главном храме, в общей народной святыне. Подчиненные Новгороду города они звали «пригородами» новгородскими. Все эти пригороды были в западной половине их государства (на запад от рек Волхова и Ловати). С запада и юго-запада грозили Новгороду чужеземные враги: шведы, немцы и литва; от них Новгород и заслонялся крепостями. Важнейшие из пригородов были: Псков (впоследствии отделившийся от Новгорода), Изборск, Старая Руса, Ладога; небольшие же укрепленные городки на запад и юг от Новгорода и Пскова считались десятками. На восток от Новгорода, напротив, совсем не было городов, ему подчиненных: там роль городов исполняли маленькие неукрепленные поселения, носившие названия «рядков» и расположенные главным образом по рекам (Боровичи на Мсте и др.). Таких рядков было много, но в каждом из них не было более 100–200 дворов. Если не считать городов Пскова и Старой Русы, то можно сказать, что и все новгородские пригороды были невелики: они были сильны своими укреплениями, но бедны населением и имели тоже по 200, много по 300 населенных дворов. По сравнению с ними Новгород и Псков можно назвать огромными городами, потому что в них было по 6–7 тыс. дворов, если не более. Вообще в древней Руси не было городов многолюднее Новгорода и Пскова. Стало быть, при слабой населенности страны эти города собирали в своих стенах очень значительную часть населения и на многолюдных вечах тем легче могли распоряжаться делами своих волостей.

§ 25. Новгородская торговля

За исключением некоторых мест в южных пятинах, вся Новгородская страна была неплодородна. Покрытая мхами и болотами, она не могла прокормить население скудным запасом своего хлеба и заставляла новгородцев заниматься рыболовством, охотой и другими промыслами. Хлеб новгородцы приобретали в

северо-восточных русских областях, в Поволжье и оттуда везли его главным образом по Мсте. В обмен на хлеб они сбывали на восток те товары, какие доставали у своих западных соседей на Балтийском побережье; это были ткани (сукна и полотна), металлические вещи (но не оружие), вино, фрукты. Чтобы добыть эти дорогие предметы с запада, новгородцы должны были доставлять туда в обмен разного рода сырье, в котором запад нуждался. Это сырье новгородцы или доставали у себя в пятинах и землях, ил и же получали с востока. В необъятных лесах севера добывались меха пушного зверья: соболей, лисиц, куниц, бобров и др. Лесные «борти» (ульи в дуплах деревьев) давали воск и мед. На далеком Белом море доставали ворвань (жир морских животных). В южных пятинах разводили лен и коноплю. С далекого востока получали шелк в сыром виде. Всеми этими товарами Новгород и снабжал запад. Так недостаток в хлебе создал для новгородцев необходимость торгового обмена и повел к развитию новгородской торговли, которая и стала главным занятием Новгорода.

В глубокой древности в поисках за товаром новгородцы проникли в северные и северо-восточные пространства нынешней России и даже за Урал. Они не могли, конечно, завоевать силою столь обширные земли. Они основывали в них свои колонии, занимали места для промыслов, покупали земли у инородцев, живших там, кабелили этих инородцев (лопарей, корелов, самоедов) и таким образом становились хозяевами на севере. Для заселения занятых там земель и для устройства промыслов новгородские промышленники отправляли на север отряды своей челяди, которая и закрепляла за своими господами, «боярами», огромные пространства диких земель с рыбными ловлями, соляными варницами и разными лесными охотничьими промыслами. За боярскою челядью шли на север отряды свободных новгородцев для промысла, а иногда и для грабежей и насилий над мирными и слабыми инородцами. Весь русский север был таким образом захвачен новгородцами и «примучен» к Новгороду.

Странствуя по северным рекам и Белому морю на своих лодках, «ушкуях», «ушкуйники» новгородские хорошо знали, откуда и какими путями можно доставить в Новгород драгоценные товары, необходимые для новгородского торгова с заморскими немцами. Все такие пути с севера вели в Ладожское озеро и из него по Волхову в Новгород. Как Волхов служил путем на новгородский рынок для северных товаров, так реки Мста и Ловать служили путями для товаров восточных и южных, которые шли в Новгород из Руси Поволжской и Днепровской. Сосредоточив у себя русский товар, новгородцы отправляли его от себя на Балтийское побережье речными путями: по Волхову и Неве в Финский залив или по Шелони через Псков к Рижскому заливу. Кроме речных путей, шли из Новгорода на запад и сухопутные, «горные», дороги; из них важнейшая была на города Нарву и Колывань (Ревель).

По западным путям приезжали в Новгород немецкие купцы. В древнейшую пору Новгород торговал по преимуществу с «готскими» купцами: так назывались купцы с озера Готланда из города Визби. Они имели в Новгороде свой особый «готский» торговый двор. Позднее, с расцветом Ганзейского союза (в XIII–XIV вв.), в Новгороде стали преобладать ганзейские купцы из северной Германии, построившие в Новгороде новый «немецкий» торговый двор. Иноземное немецкое купечество составляло в Новгороде особую замкнутую общину, которая имела свой устав (под названием «скра») и свои церкви. Торговые отношения между немцами и новгородцами сложились так, что заморские купцы чаще появлялись в Новгороде, чем новгородские за морем, и потому весь оборот западной новгородской торговли направлялся скорее немцами, чем русскими купцами. Зато в торговле восточной новгородцы были полными распорядителями. Не говоря уж о «землях» новгородских на севере Руси, где новгородцы были полными господами, новгородцы со своими товарами постоянно ездили в Поволжье, в Киевщину, в Литовские земли и даже на мусульманский юго-восток — в Хазарские земли. Находки древних арабских монет в Новгородской области очень нередки, что служит доказательством торговых сношений Новгорода с мусульманскими рынками.

§ 26. Государственный строй Новгорода

В древнейшее время своего существования под властью киевских князей, то есть в X и XI вв., Новгород ничем не отличался от прочих русских городов. Кто княжил в Киеве, тот владел и Новгородом. Киевские великие князья держали в Новгороде своего наместника, обыкновенно одного из своих сыновей, и управляли Новгородскою областью по общему порядку, как управляли Киевом. Но когда в Киевской Руси, после смерти Владимира Мономаха (1125), начались непрерывные распри князей за Киев, Новгород воспользовался княжескими усобицами и перестал послушно принимать себе князей из руки Киевского князя. Новгородское вече стало само приглашать князей в Новгород, избирая их из разных ветвей русского княжеского рода и предлагая им от себя известные условия. Такой порядок мог утвердиться в Новгороде в XII в. потому, что

Новгородская земля была далека от Киева: с одной стороны, ослабевшие князья киевские не имели сил держать дальний Новгород в подчинении себе; а с другой стороны, князья, искавшие Киева, не хотели связывать свою судьбу с Новгородом, они боялись, сидя в Новгороде, упустить Киев и оттого держались на юге, предоставляя Новгородский стол младшей братье. Усвоив себе обычай избирать князя, новгородцы в то же время начали избирать себе и «владыку». До середины XII в. архиерея (сперва епископа, потом архиепископа) присылал в Новгород Киевский митрополит по своему собственному выбору. С середины XII в. новгородцы стали сами выбирать архиепископа из местного духовенства и посылали его от себя к митрополиту для доставления в сан. Наконец, новгородцы стали взамен прежних княжеских посадников и тысяцких выбирать своих и, таким образом, окружили князя своими чиновниками, требуя, чтобы он управлял в Новгороде только с «новгородскими мужами», а не со своею княжескою дружиною.

Добившись такого порядка, Новгород добился полной политической независимости и обособленности. Он превратился в самостоятельное государство, в котором верховная власть принадлежала вечу. **Вече** избирает князей и изгоняет их; избирает владык и в случае недовольства ими сводит их; избирает и увольняет сановников, управляющих делами Новгорода. Вече устанавливает новые законы, утверждает договоры с иноземцами, решает вопросы о войне и мире. Вече судит важнейших лиц и важнейшие дела — от столкновений князя с новгородскими сановниками до преступлений пригорожан новгородских. Словом, новгородское вече направляет всю политическую жизнь Новгорода и его земель. Местом собрания веча бывал «Ярославов двор» (площадь у торгового на Торговой стороне) или же площадь в Детинце у св. Софии. На вече шел всякий свободный граждански новгородец, имевший свое хозяйство (дети, хотя бы и взрослые, но жившие в хозяйстве отца, не считались в древней Руси полноправными гражданами). Одинаково с новгородцами на вече могли идти и жители пригородов, приезжавшие в Новгород. Дела на вечах решались не по большинству голосов, а общим криком (предполагалось — единодушно). На наш современный взгляд, этот способ кажется странным и беспорядочным. Чтобы понять его, надобно помнить, что Новгород состоял из нескольких общин — «концов», делившихся в свою очередь на меньшие общины — «сотни» и «улицы». На вечах члены этих общин стояли, конечно, вместе и легко могли сговориться между собою по каждому делу, так что после переговоров выяснялось мнение каждой общины. А из суммы этих мнений и составлялось мнение веча. Стало быть, не было нужды считать отдельные голоса людей, составлявших тысячную толпу: надобно было только убедиться, что все общины, составлявшие Великий Новгород, сошлись на том или другом решении. В случае согласия их дело считалось решенным. Если же согласия не достигали, то ссорились и даже дрались. Иногда из одного веча образовывалось два взаимно враждебных. Начиналось междоусобие; всего чаще на мосту через Волхов сходились враги для боя, и владыка новгородский с духовенством спешил мирить сограждан.

При таких порядках, понятно, вече не могло толково обсуждать подробности сложных и важных дел. Оно могло только, выслушав готовый доклад по делу, принять его или отвергнуть. Такие доклады готовились для вечевых собраний особым **правительственным советом**. В него входили все важнейшие новгородские сановники — посадники и тысяцкие, как те, которые были в должности («степенные»), так и те, кто уже оставил должность («старые»). Во главе совета стоял в древнейшее время князь, а потом — «владыка». Совет назывался по-новгородски «господою»; немцы, торговавшие с Новгородом, называли его «Herren». Вся государственная жизнь Новгорода подлежала владению «господы»; она руководила и внешними сношениями, и вечевою деятельностью. Чем далее шло время, тем влиятельнее становился в Новгороде этот аристократический совет.

Избирая себе князя, новгородское вече вступало с ним в договор, или «ряд». Оно обязывало князя целовать крест на том, на чем целовали Новгороду крест его предки: «Новгород держати в старине по пошлине». Само же вече целовало князю крест на том, чтобы его «княжение держати честно и грозно без обиды». По новгородской «пошлине», то есть по старому обычаю, князь в Новгороде был высшею военною и правительственною властью. Он предводительствовал новгородскою ратью, был верховным судьей и правителем новгородским. Среди своих внутренних ссор и усобиц новгородцы очень нуждались в справедливом посреднике, который бы ни от кого из них не зависел, «любил добрых и казнил злых». Таким посредником и являлся князь. Но чтобы сам князь не обратил своей власти против Новгорода, новгородцы ставили ему ряд условий. Они рассматривали князя как постороннего Новгороду иноземца и потому обязывали его и его дружину не приобретать в Новгородских владениях земли и челяди и не торговать самому, без посредства новгородских купцов, с немцами на немецком дворе. Таким образом, князь не мог никакими путями войти в состав новгородского общества и всегда оставался для Новгорода посторонним. В ту минуту, когда вече «показывало ему путь из Новгорода», то есть отказывало ему от власти, князь терял всякую связь с Новгородом и сейчас же мог оставить Новгородские пределы. Как постороннее Новгороду лицо, князь и жил не в самом Новгороде, а верстах в трех от Новгорода, ближе к Ильмену, в так называемом Городище. Править Новгородом князь обязывался, не изменяя новгородских законов и порядков, притом с постоянным участием посадника, избранного вечем. Посадник сопровождал князя на войну, присутствовал

при княжеском суде, вместе с князем назначал должностных лиц на низшие должности, словом, контролировал каждое действие князя. Управлять Новгородом князь должен был исключительно посредством новгородцев, никуда не назначая своих дружинников; кроме того, и сам он должен был находиться в Новгородских пределах, а если уезжал оттуда, то терял право управлять Новгородом. За свою службу Новгороду князь получал «дары» и «дань» в точно определенном размере и, сверх того, пользовался разными угодьями и правом охоты в особо отведенных местах. В свою очередь, князь давал новгородцам различные льготы в своем княжестве, откуда он был приглашен в Новгород.

Выборные новгородские сановники, **посадник** и **тысяцкий**, вели текущие дела управления, помогая князю и в то же время наблюдая за ним. Посадник ведал гражданские дела, а тысяцкий был предводителем новгородской «тысячи», то есть ополчения. Под ведением посадника находились выборные **старосты** концов («кончанские», или «конецкие») и улиц («уличанские», или «улицкие»). Тысяцкому были подчинены **сотские** — начальники десяти «сотен», составлявших тысячу. В древности всегда бывало так, что каждый чиновник не только управлял, но и судил своих подчиненных; по общему обычаю был свой суд и у посадника, и у тысяцкого. Вече выбирало этих сановников без срока; они были на степени, то есть правили свою должность, пока были угодны вечу. Посадник всегда выбирался из знатнейших и богатейших новгородцев, из больших «бояр», и поэтому был представителем новгородской аристократии. Напротив, тысяцкий представлял собою всю новгородскую массу, входившую в «тысячу».

Управление пятин новгородских и пригородов находилось в руках выборных новгородских властей. Пятины и пригороды были приписаны к «концам» Новгорода и сносились с Новгородом через свой «конец». Что же касается до новгородских «земель» и «волостей», то степень и порядок их зависимости от Новгорода трудно определить. Ими правили скорее всего новгородские промышленники, которые в них заводили свои промысла и устраивали свое частное вотчинное управление.

Новгородский **владыка**, архиепископ, не только ведал новгородскую церковь, но имел большое значение и в политической жизни Новгорода. Он занимал первое место в новгородском правительственном совете. Он следил за деятельностью веча: всякое решение веча обыкновенно требовало «благословения» владыки; в вечевых распрях владыка являлся примирителем, входя в бушующую толпу в священном облачении и с крестом. В сношениях с иноземцами владыка часто являлся на первом месте: он своею печатью скреплял договорные грамоты; к нему иноземцы обращались за покровительством и защитой, когда их обижали в Новгороде. Двор владыки у Софийского собора и самый собор св. Софии были правительственным центром, где собиралась «господа», хранился государственный архив Новгорода и богатая Софийская церковная казна, на которую новгородцы смотрели как на государственную. Владыка управлял громадным количеством церковных новгородских земель. У него был свой штат чиновников и служни («софияне») и свой «полк», отдельно от общего новгородского ополчения. Понятно, почему новгородцам было важно самим выбирать своего владыку, а не получать назначенного со стороны.

§ 27. Общественный строй Новгорода

Население Новгорода и его земель делилось по своему имущественному положению на две группы: людей **лучших**, или **вящих**, и людей **молодших**, или **меньших**. К первой группе принадлежали новгородские **бояре, житьи** (или **житые**) **люди** и **добрые купцы**. Это была богатая новгородская знать, владевшая землями в разных местах пятин и волостей новгородских и снабжавшая новгородский рынок товарами из этих земель и денежными капиталами. Те из богатых семей, члены которых были часто избираемы на высшие должности вечем, приобретали через это особую знатность и название бояр. Менее чиновные, но столь же богатые семьи звались житьями. (Подобное различие было между «сенаторами» и «всадниками» в римских оптиматах.) Как всегда бывает в истории больших торговых городов, в Новгороде, с развитием его торговли, богатство и влияние торговой знати возросли до такой степени, что резко отделили эту знать от прочего населения, жившего в бедности. Все это бедное население составляло одну массу **«черни»**, называемой **меньшими** людьми. В самом Новгороде, также и в других городах Новгородской земли это были мелкие торговцы, ремесленники и рабочие. В пятинах же меньшими людьми звались **смерды** (крестьяне) и **половники** (батраки, работавшие на хозяев из половины урожая). Смерды жили на государственных землях и были устроены в особые общины, носившие название **погостов**, а половники зависели от своих хозяев-землевладельцев и по своему житейскому положению приближались к холопам, которых в Новгородской земле было так же много, как и в других русских землях.

Во все продолжение новгородской истории мы наблюдаем в Новгороде внутренние междоусобия и смуты.

Первоначально несогласия между новгородцами были случайностью и возникали, например, по поводу приглашения князя, когда одна часть вече хотела одного князя, а другая — другого. Впоследствии же, с образованием в среде новгородцев сильной и властолюбивой торговой знати, внутренняя вражда в Новгороде стала постоянной и непрерывной. Знать стремилась управлять Новгородом по своему праву и желала распоряжаться на вече по своей воле. Бояре пользовались для этого своим влиянием в погостах, где у них была масса владений, «боярщин», и в самом Новгороде, где от них зависели мелкие торговые и рабочие люди. Нажимая на зависимую от них бедноту, они приводили дело к тому, что на вече эта беднота поневоле творила их волю и решала дела так, как желали бояре. Однако такая житейская зависимость очень раздражала свободную новгородскую чернь и делала ее беспокойною. Вечевую толпу легко можно было поднять на тех бояр, которые казались ей утеснителями, и тогда «худые мужики вечники» начинали бить и грабить своих «лучших людей», а затем снова впадали в прежнюю от них зависимость. Мало-помалу вражда больших и меньших людей новгородских получила чрезвычайную остроту, и Новгород впал в тяжелую непрерывную смуту. Боролись между собою не только бояре и чернь, но и одни боярские семьи с другими. В надежде овладеть властью в Новгороде, честолюбивые бояре сближались с недовольною толпою, поднимали ее против других бояр, их соперников, и начинали открытое междоусобие, сопровождаемое грабежами и убийствами.

Эта смута была первою и главною причиною падения Новгорода. Лишенный внутреннего порядка, Новгород не мог ни держать в повиновении свои пригороды и земли, ни обороняться успешно от внешних врагов. По всей земле Новгородской шло неустройство, а соседи Новгорода — Литва и Москва — были готовы им воспользоваться и при первом же удобном случае подчинить себе Новгород. Чувя опасность и не имея сил в открытой борьбе отстаивать свою независимость, новгородцы должны были прибегнуть к единственному остававшемуся средству: искать союза с одним врагом, чтобы с его помощью защититься от другого. И в этом деле они разошлись: одни хотели в союзе с Литвою бороться от Москвы, а другие желали, наоборот, сблизиться с Москвою и бороться с Литвой. На литовской стороне стояли лучшие люди; меньшие же люди тянули к Москве. Дело кончилось тем, что Московское княжество в 1478 г. завоевало Новгород, а затем присоединило к себе и все его земли (§ 47). При этом завоевании погибли или разорились лучшие люди новгородские, а чернь получила московское устройство. Став московским городом, Новгород понемногу утратил свое торговое значение, потому что торговым оборотом Новгорода стал распоряжаться московский рынок.

§ 28. Псков

Как выше было сказано, Псков был крупнейшим новгородским пригородом и по своей населенности равнялся Новгороду. По пространству же своему он, пожалуй, даже превосходил Новгород. Псков был расположен на скалистом мысу, при впадении в большую и глубокую реку Великую речки Псковы. Первоначально он состоял из небольшой крепости «детинца», или «крема», а затем разросся во все стороны, был обнесен одною внешнею стеною и, сверх того, укреплен несколькими внутренними стенами. В таком виде он представлял собою огромную твердыню, совершенно неприступную для врага. В «детинце», или «креме», помещался главный Псковский собор св. Троицы, имевший для Пскова то же значение, что св. София для Новгорода. В центре города находился «торг». Самый город делился на шесть «концов», которые, как и в Новгороде, имели свое особое управление. Земля, принадлежавшая Пскову, была невелика и узкою полоскою тянулась с юга на север, вдоль р. Великой и берегов Чудского озера. В ней стояли пригороды Пскова, числом около 12. Все они представляли собою пограничные крепости и были приписаны к «концам» Пскова — по два на каждый «конец». Это были как бы форты, окружавшие главную крепость — Псков.

Такая сеть укреплений была необходима на западной границе Руси. Псков стоял на рубеже русских поселений, лицом к лицу с немцами и Литвою, и оберегал Новгородскую землю, а вместе и всю Русь, от вражеских нашествий с запада. В этом и заключалась его важность для Новгорода. С развитием торговых отношений Руси с Балтийским побережьем Псков получил и торговое значение. Вместе с тем, разбогатев, Псков стал выходить из новгородской зависимости, стремился получить себе особых князей и, наконец, в 1348 г. добился независимости. Новгород особым договором (в с. Болотове) отказался посылать от себя во Псков посадника и признал Псков уже не пригородом, а «младшим братом» Новгорода. С тех пор Псков сам избирал своих посадников, а князей получал почти всегда из рук великого князя Московского; с Новгородом же у Пскова сохранилась одна связь: не имея своего архиерея, Псков был подчинен в церковном отношении новгородскому владыке.

Вечевая жизнь Пскова общим строем своим походила на новгородскую; но вече во Пскове было более благоустроено и мирно, чем в Новгороде. Во Пскове не было такой громадной разницы состояний, как в Новгороде, а потому не было и таких острых междоусобий. Псковские бояре были не так богаты и влиятельны, а меньшие люди не были так обездолены и угнетены, как то было в Новгороде. Особенности общественного устройства во Пскове, его судебные и гражданские порядки определялись самостоятельным псковским законодательством, выработанным на вече. Памятником этого законодательства является «Псковская судная грамота», составленная в XV ст. и заменявшая для Пскова Русскую Правду.

Из псковских князей в особенности почитались и почитаются во Пскове: св. **Всеволод-Гавриил** Мстиславич (внук Мономаха), изгнанный новгородцами и принятый во Пскове, где он и скончался (1132), и князь **Довмонт**, бежавший на Русь из Литвы и блестяще оборонявший Псков от врагов с запада (1299). Оба они почивают в Псковском храме св. Троицы. Они княжили во Пскове ранее, чем Псков стал независим от Новгорода, и были первыми самостоятельными представителями княжеской власти во Пскове. С их именем Псков и связывал начало своей особности и независимости. В позднейшее же время псковские князья бывали обыкновенно подручниками великих князей московских и как бы их наместниками во Пскове.

§ 29. Заселение Владимиро-Суздальской земли славянами и образование великорусской народности

Под именем Суздальской Руси, или Владимиро-Суздальского княжества, разумеется область, расположенная между средним и нижним течением Оки, с одной стороны, и верхним и средним течением Волги, с другой, по рекам Клязьме и Москве, впадающим в Оку. К этой же области всегда тянули места, находящиеся на севере от средней Волги, по р. Шексне до Белоозера и по р. Костроме до водораздела с системою Северной Двины. В этой области первоначально обитали финские племена **меря** (на Волге) и **мурома** (на Оке). Слабость и дикость этих племен издавна дозволили славянам с верховий Днепра и Волги проникнуть в их страну и основать в ней несколько своих колоний. В самом начале русской истории существовало здесь славянское поселение на Белоозере, принадлежавшее Новгороду. Весьма древни, кроме того, были города Ростов и Суздаль, созданные, по-видимому, также выходцами из Новгорода. Южнее их, на Оке, лежал город Муром, существовавший при Владимире св., если еще не ранее. При Владимире св. же, как полагают, возник на Клязьме город Владимир, а при Ярославе Мудром на Волге город Ярославль. До конца XI в. вся эта северо-восточная окраина Русской земли представляла собою глухой и слабо населенный край, в лесах которого разбросаны были финские поселки. Меря и мурома не строили городов, не имели никакого гражданского устройства и не были политически объединены. Единственной властью у них были их жрецы-шаманы, которых славяне называли «волхвами».

В конце XI ст., после Любечского съезда 1097 г., Суздальская область выделилась в особое княжество. По соглашению князей она была отдана Владимиру Мономаху, который начал устраивать ее для младшего своего сына Юрия (прозвищем Долгорукого). С этого времени в новом княжестве началась постройка городов, и усилился приток русских поселенцев. Сам Мономах, его сын Юрий и дети Юрия, Андрей (прозвищем Боголюбский) и Всеволод (прозвищем Большое Гнездо), приложили много стараний для заселения и оживления их вотчины и в течение одного столетия сделали из нее цветущее и сильное княжество. С именем князя Юрия связано построение городов Москвы и Юрьева «Польского» (ставшего «на поле»); с именем Андрея — построение города Боголюбова. В то же приблизительно время возникли Тверь, Кострома, Галич «Мерский» (то есть в земле «мери») и много других городов. Строя города, устраивая дороги в лесах и заводя переправы через болота и реки, князья облегчали движение в их землю переселенцев из Руси. Люди шли сюда как с запада, из земель Новгородской, Полоцкой и Смоленской, так и с юга, из земли вятичей и даже из Киевщины. Движение с запада, от Новгорода и Смоленска, было постоянным и непрерывным; оно совершалось с незапамятных времен.

Движение с юга началось позднее. Между южными княжествами, лежавшими на Днепре, и Суздальской землею простиралась непроходимая, лесная и дикая область вятичей. Она мешала прямому сообщению Киева и Суздаля; первоначально ее объезжали, направляясь от Суздаля на верховья Волги и оттуда уже на Днепр. С течением времени, именно в середине XII в., были проложены дороги и «сквозь вятичи», с Днепра на Оку. По этим дорогам из южной Руси пошло сразу много народа, который бросал свою прежнюю оседлость по причинам, нам уже известным. Княжеские усобицы, половецкие набеги, общее оскудение Киевщины гнали оттуда население, и оно с открытых южных пространств укрывалось в леса вятичей, а через эти леса выходило и далее на север, в «Залесье»: так на юге звали Суздальскую область, лежавшую за лесами.

Сильный приток населения с юга сказался на быте нового Суздальского княжества. Южане переносили на новые места свои родные, привычные им имена и называли здесь города и реки по-южному. На юге были города: Переяславль на р. Трубеже, Стародуб, Галич, Звенигород. Появились и на севере два Переяславля (Рязанский и Залесский) и в них река Трубеж; появились там два Стародуба (Ряполовский и Окский, или Воцкий); появились Галич Мерский, Звенигород. И так было со многими названиями: рядом с финскими именами рек и местностей появилось на севере много славянских, взятых именно с русского юга. Принесли южане на север и свои богатырские песни и былины, в которых они воспевали «ласковых» киевских князей и свою борьбу со степняками, неизвестными на севере. Южане в короткое время усилили русский элемент в Суздальском краю; они содействовали скорому обрусению этой финской окраины и подъему в ней княжеского могущества.

Под давлением русской колонизации финские инородцы или покидали свои места, уступая их русским пришельцам, или же подвергались обрусению и постепенно утрачивали свой язык и свое обличье. В том и другом случае финны исчезли бесследно, и на их местах оказывалось сплошное русское население. Летописец, сначала упоминаящий о мерянах, потом как будто о них забывает. Если бы меряне выселились в другую область или же были избиты на месте, летопись знала бы об этом. Но так как меряне постепенно и мирно обрусели, то исчезновение их племени совершилось для русских людей совсем неприметно. Однако смешение русских поселенцев с финскими туземцами не прошло бесследно для русских. Они восприняли некоторые физические и духовные черты того племени, с которым роднились на новых местах. Изменился их чисто славянский тип и характер; получилось как бы новое славянское племя. Это племя, в состав которого вошли русские славяне разных областей и племен и некоторая примесь финнов, называется **великорусским** племенем.

§ 30. Природные и общественные особенности Владимиро-Суздальской Руси

Природа Суздальской земли была своеобразна и не походила ни на Киевскую, ни на Новгородскую. Здесь не было тучных черноземных пространств, как на юге, а был суглинок. Земля не была так плодородна, как в Поднепровье; но она была гораздо плодороднее, чем вокруг Новгорода. Поэтому население здесь пахало и жило своим хлебом. Но в то же время оно должно было заниматься и подспорными промыслами, по преимуществу лесными. Страна была очень богата лесом, так что даже самые места для пашни приходилось расчищать из-под леса, выжигая его и корчуя пни. В лесах занимались бортничеством (пчеловодством), гнали деготь, добывали лыко и мочалу, наконец, охотились. И земледелие, и лесной промысел способствовали тому, что население не скупивалось в городах, а жило рассеянно мелкими поселками — в селах и деревнях, причем в поселках не бывало и десятка дворов. В лесных чащах лучшими путями сообщения были реки, которыми Суздальская область была очень богата. Крупнейшие из них, Волга и Ока, текли по окраинам области; середина же ее была прорезана массой их притоков, текших в разные стороны и тем самым представлявших большие удобства для сообщения. По этим-то речкам двигались поселенцы, осаживаясь на их берегах и образуя свои общины в пределах речных долин. В Киевской Руси обычным округом был город с принадлежащей ему землей; в Суздальской — речная область с ее сельским населением. Городов в Суздальской земле было немало; но так как здесь не были развиты ни торговля, ни промышленность, то города не имели того значения, как на юге. Они бывали здесь чаще крепостями, чем торгово-промышленными центрами.

Так сама природа края и его положение вдали от культурных краев Европы придавали ему характер простой крестьянской стороны, где главным занятием было земледелие, где господствовали простые формы натурального хозяйства и где не была развита городская жизнь. Порядок заселения этого края был таков, что в нем с самого начала его истории особенное значение приобрела княжеская власть. Мономах и его сыновья получили Суздальскую землю еще в то время, когда русская колонизация была в ней слаба. Князья прилагали заботы к тому, чтобы привлечь в свой край русских поселенцев и устроить их на новоселье. Построение городов, устройство путей и речных переправ было именно их делом. Попадая в новую землю, поселенцы уже заставляли в ней хозяина-князя и привыкали считать его собственником занятых ими пространств. С ним они рядились об условиях пользования землею, ему платили подати или «дань» с земли, подчинялись его чиновнику «тиуну» и в случае опасности укрывались в его княжеском городе. Словом, князь являлся здесь не только государем, но и землевладельцем, который овладел землею по праву первого заимщика, первого колонизатора. Именно поэтому власть его стала чрезвычайно сильна: когда Суздальское княжество начало наполняться русскими поселенцами, средства суздальских князей выросли настолько, что дозволили им стать одними из самых могущественных во всей Русской земле. Вечевой порядок, господствовавший в остальных

русских землях, не мог развиваться в Суздальском крае при сильном влиянии князя на городской быт. В новых городах, основанных князьями, население во всем зависело от строителя города; а старые города Ростов и Суздаль были не настолько сильны, чтобы противопоставить власти князей свои вечевые порядки.

Так образовался к исходу XII в. быт Суздальской земли под влиянием ее природы и условий ее заселения.

§ 31. Первые суздальские князья

Если не считать Владимира Мономаха, бывавшего лишь наездом в своем Суздальском владении, то первым князем Суздальским следует назвать Мономахова сына **Юрия Долгорукого**. Он смолоду жил в Суздале и много положил труда на устройство своего княжества. Но он принадлежал еще к тому поколению князей, для которых главные интересы были связаны с Киевом. Когда для Юрия явилась надежда получить великое княжение в Киеве, он обратил все свое внимание на юг, принял участие в усобицах южных князей и, добившись успеха, в 1154 г. переехал в Киев, где и умер в 1157 г. Свою далекую лесную вотчину, в которой он поставил много городов, он променял, таким образом, на беспокойный Киев.

Не таков был его сын *Андрей Юрьевич Боголюбский*. Вместе с отцом он хозяйничал на севере и вместе с отцом воевал на юге. Когда Юрий завладел Киевом и основался в нем, он посадил Андрея вблизи от себя, в Вышгороде (верстах в 15 от Киева вверх по Днепру). Но Андрей не имел намерения долго оставаться на юге. Вопреки желанию отца, он ушел в Суздальскую землю и поселился в своем городе Владимире на Клязьме, который давно был дан ему отцом. Когда же Юрий умер (1157), то ростовцы и суздальцы приняли к себе князем именно Андрея, мимо его братьев. Таким образом, Андрей соединил в своих руках всю Суздальскую область. Но он не оставил своего маленького Владимира и не перешел в старшие города. Желая быть «самовластцем» в Суздальской земле, он прогнал оттуда своих братьев, разогнал от себя наиболее самостоятельных и строптивых бояр и поставил себя независимо от городских вечевых собраний. Веча бывали «по старине» в старых городах Ростове и Суздале; поэтому-то Андрей и не хотел жить там. Живя в своем собственном Владимире или вблизи от него, в селе Боголюбове (от которого происходит его прозвище), Андрей чувствовал себя полным хозяином и властвовал нераздельно. Для того, чтобы поднять значение Владимира, бывшего простым «пригородом» Ростовским, Андрей принимал особые меры. Он обстроил, расширил и укрепил город; не жалея средств, он создал в нем несколько изящных каменных храмов, по тому времени богатых и обширных[1]. Из этих храмов в особенности замечателен Успенский собор. Он стал главною святынею Владимира и всей Суздальской Руси, в особенности с той поры, как Андрей поместил в нем чудотворную икону Божьей Матери, написанную, по преданию, евангелистом Лукою. Андрей вывез эту икону из Вышгорода, когда переселился на север; позднее (1395) она была помещена в Московском Успенском соборе, где находится и ныне (§ 45).

Достигнув своей цели на севере и став полновластным государем в Суздальской области, Андрей желал влиять на дела киевские и новгородские и стремился к преобладанию во всей Русской земле. В Новгороде он хотел держать князей, от него зависимых, и по большей части успевал в этом. Новгородцы не один раз восставали против Андрея и его подручников; в 1170 г. они успели нанести решительное поражение войскам Андрея, прогнав их от Новгорода и набрав столько пленных, что продавали их за мелкую монету. Но в конце концов Суздальский князь одолел новгородцев, так как, кроме военной силы, в его руках находилось действительное средство против Новгорода: Андрей закрывал границы своей земли для новгородских купцов и не допускал подвоза к Новгороду хлеба из Поволжья. Доведенные до голода, новгородцы поневоле искали мира с Андреем и мирились «на всей воле» великого князя. Андрей желал властвовать и в Киеве. Когда на Киевском княжении сел его племянник Мстислав Изяславич (§ 18), Андрей послал против него войско, которое и овладело Киевом (1169). Два дня суздальцы грабили и жгли стольный город, после чего Андрей, не приехав сам в Киев, отдал его одному из своих младших братьев. Живя у себя во Владимире, он, однако, носил имя великого князя и требовал повиновения себе от южных князей, против же ослушников посылал свои войска. Так окраинный Суздальский князь распространил свое влияние на все Русские области.

Властолюбивый и деспотичный, Андрей Боголюбский представлял собою новый тип князя, стремившегося к единовластью не только в своей семейной вотчине, но и во всей Русской земле. Все те, кто стоял за старые, привычные порядки, не любили Андрея; напротив, люди, понимавшие преимущества единодержавного строя, видели в Андрее идеал государя. Оба взгляда на него — и враждебный, и сочувственный — отразились в летописях, в которых мы читаем похвалы Андрею рядом с осуждением. Властный характер Андрея был, однако, так тяжел для окружающих его, что в 1175 г. собственная дворня убила Андрея в его любимом селе Боголюбове и разграбила его дворец.

После смерти Андрея в его земле произошла усобица. У Андрея не было сыновей. Старшие города Ростов и Суздаль призвали его племянников, а младшие Владимир и Переяславль — его братьев. Между князьями началась борьба, в которой приняли живое участие и горожане. Старшие города были побеждены; город Владимир окончательно получил первенство в Суздальской области, и в нем укрепился призванный владимирцами князь Всеволод, младший брат Андрея (прозванный «Большим Гнездом»). Княжение **Всеволода Юрьевича** (1176–1212) было временем расцвета Суздальского княжества. Старейшинство Всеволода было признано во всех краях Русской земли. Новгородцы были во всей воле Суздальского великого князя; он распоряжался и Киевом, потому что, как говорится в летописи, «положила на нем старейшинство вся братия во Владимирове племени»; даже далекие галичские князья искали у него поддержки. О его могуществе в «Слове о полку Игореве» поэтично сказано, что Всеволод может «раскропить Волгу веслами, а Дон шлемами вылить»: так много у него рати.

Еще при жизни Всеволода начались несогласия в его семье. Старший сын великого князя Константин навлек на себя гнев Всеволода тем, что хотел возратить старому Ростову старшинство пред новым Владимиром и говорил отцу: «дай мне Владимир к Ростову». Всеволод собрал у себя на совет духовенство и дружину и торжественно лишил Константина старшинства, оставив после себя великое княжение второму сыну — Юрию. Константин не примирился со своим подчиненным положением и при первом же удобном случае попытался вернуть себе старейшинство. Он воспользовался враждою Новгорода к его братьям и соединился с новгородцами. Следуя примеру Всеволода, великий князь Юрий и его младшие братья (Ярослав и Святослав) желали держать Новгород в безусловном подчинении и озлобили новгородцев. Те обратились к одному из Мономаховичей старшей линии, Мстиславу Мстиславичу Удалому. Удалой пришел в Новгород из своего Торопца и повел новгородцев на суздальских князей в самую Суздальскую землю. С Мстиславом-то и соединился Константин против своих родных братьев. Решительная битва между противниками произошла недалеко от Владимира, на речке Липице (1216). Победили новгородцы с Мстиславом и Константином. Юрий убежал с поля битвы, отказался от великого княжения и отдал Владимир Константину; Новгород же вышел из зависимости от суздальских князей. С этой поры в Суздальской области не стало единодержавной власти. Область разделилась на несколько княжений; великий князь сидел во Владимире, а его братья и племянники сидели в других городах и мало зависели от великого князя. Великое княжение потомки Всеволода наследовали по родовому порядку: брат после брата, племянник после дяди. Отличие Суздальской Руси от древней Киевской состояло только в том, что в городах не было вечевого устройства и князья были полными хозяевами в своих «уделах» — так стали называться их владения.

§ 32. Княжества Волынское и Галицкое. Юго-западная Русь

Одновременно с тем, как на северо-востоке Руси выросло и крепло Суздальское княжество, на юго-западных окраинах Русской земли стали развиваться и богатеть земли Волынская и Галицкая, соединившиеся около 1200 г. в одно сильное княжество.

Земля Волынская с главным городом Владимиром Волынским занимала места по правому берегу Западного Буга и через верховья Припяти простиралась до Южного Буга. Свое название она получила от древнего города Волыня и племени волынян (бужан, дулебов), ее населявшего. С глубокой древности она была подчинена киевским князьям. С середины же XII в. в ней образуется своя княжеская линия — старших Мономаховичей. Знаменитый князь **Изяслав Мстиславич** (§ 18) основался на Волыни и отсюда добывал Киев. Отсюда же искал Киева и сын его **Мстислав Изяславич**. Таким образом, волынские князья, подобно своим братьям и дядям, младшим суздальским Мономаховичам, приобрели себе на Волыни постоянную «отчину» и желали присоединить к ней старый Киев. Сын Мстислава Изяславича **Роман Мстиславич** был особенно удачлив: ему после долгой борьбы не только удалось овладеть Киевом, где он стал держать подручных ему князей, но удалось приобрести и соседнее с Волынью Галицкое княжество.

Галицкое княжество состояло из двухчастен: гористой и равнинной. Гористая часть была расположена на восточных склонах Карпат и главным городом имела Галич на р. Днестре. Равнинная часть простиралась на север, к Западному Бугу, и носила название «Червенских городов», по имени древнего города Червеня с его пригородами. Как далекая окраина Русской земли Галицкая земля не была привлекательна для князей. На Червенские города имели притязания поляки и не раз их отбирали от Руси. Карпатские нагорья были недалеко от враждебных угров; близко оттуда была и беспокойная степь. Поэтому в Червенские города киевские князья посылали молодых князей, которым не было части в других местах Руси. В конце XI в., постановлением Любечского съезда, там были помещены правнуки Ярослава Мудрого, изгои Василько и

Володарь. С тех пор Галицкая окраина превратилась в особое княжество. Сын Володаря **Володимирко** (ум. 1152) соединил все его города под своей единой властью и сделал столицей княжества Галич. Он расширил границы своих владений, привлекал к себе новых поселенцев, селил на своих землях пленных, взятых в войнах с Киевом и утрами. В отношении своего княжества он играл ту же роль, какую играл Юрий Долгорукий в Суздальском крае: он был первым его устройтелем. Лукавый и жестокий, Володимирко не оставил по себе доброй памяти. Как пример лукавства и лживости Володимирка летописец приводит его ответ одному послу, когда тот напомнил князю о святости крестного целования. «И что ми имать сотворити сии крест малый?» — с усмешкою сказал Володимирко. Начатое им дело объединения и усиления Галицкого княжества продолжал его сын **Ярослав** (прозванный **Осмомысл**). В его долгое княжение (1152–1187) Галич достиг большого внешнего могущества. Прилив поселенцев в Галицкий край шел тогда не только с востока, из Руси, но и с запада, из Венгрии и Польши. Плодородие края манило туда население, положение Галича между Западной Европой и Русью способствовало развитию его торговли и процветанию городов. Талантливый Ярослав умело воспользовался благоприятными обстоятельствами и поднял свое княжество на большую высоту. «Слово о полку Игореве» справедливо ставит Ярослава по значению рядом со Всеволодом Большим Гнездом. Они были в то время сильнейшими князьями на Руси[2].

После смерти Ярослава Осмомысла в Галиче начались смуты и в них прекратился род галицких князей. Галицким княжением овладел волынский князь **Роман Мстиславич** (1199), и, таким образом, Волынь и Галич соединились в одно значительное государство. Хотя смуты продолжались и после смерти Романа (1205), однако его государство не распалось, а достигло еще большего могущества в княжение сына Романа князя **Даниила Романовича** (§ 37).

Как на северо-востоке, в Суздальской Руси, возвышение княжеского могущества совершалось в зависимости от быстрого заселения края русскими поселенцами, так и на юго-западе волынские и галицкие князья стали сильны и влиятельны благодаря тому, что их земли стали наполняться приходцами с разных сторон. Но положение князей галицко-волынских было труднее и опаснее положения князей суздальских. Во-первых, Волынь и Галич имели своими соседями не слабых инородцев (как это было в Суздале), а сильные и воинственные народности: угров, поляков и литовцев. Сверх того, недалеко были и степные враги Руси — половцы. Поэтому князья волынские и галицкие должны были всегда думать о защите своих владений с севера и запада, от королей угорских и польских, а не только с юга — от половцев. Кроме того, в своих политических предприятиях эти князья привыкли сами пользоваться помощью тех же угров, литвы и поляков, если с ними в ту минуту не воевали. Таким образом, иноземные силы неизбежно вмешивались в волынско-галицкие дела и при случае готовы были захватить эти княжества в свою власть (что, как увидим, позднее им и удалось). Во-вторых, общественная жизнь на Волыни, и в особенности в Галиче, сложилась так, что рядом с княжеским единодержавием там возникла сильная аристократия в виде княжеского боярства, старшей дружины, которая вместе с князьями уничтожила значение городских вечевых собраний, а затем стала оказывать влияние и на самих князей. Даже такие умные и талантливые князья, как Ярослав Осмомысл и Роман, должны были считаться с боярским самоволием. Князь Роман пытался сломить боярство открытым гонением, говоря, что «пчел не передавить — меда не есть». Однако боярство не было истреблено Романом и после Романа приняло самое деятельное участие в смутах, наравне с внешними врагами ослабляя силу Галицкой и Волынской земли.

Близость и вмешательство иноземцев и боярская олигархия были двумя главными причинами того, что из Галицко-Волынского княжества не образовалось единого сильного государства. После своего расцвета в XII–XIII вв. это княжество быстро стало клониться к упадку, ослабело в смутах и было завоевано иноземцами, поляками и литвою.

§ 33. Нашествие Батыя. Эпоха татарского завоевания

В то время, когда совершился упадок Киева и обозначились вместо старого Киева иные центры — Новгород, Владимир Суздальский и Галич, то есть в первой половине XIII ст., на Руси появились татары. Появление их было совершенно неожиданно, а сами татары были для русских людей вовсе неведомы и незнаемы: «Явишася языци (говорит летопись), ихже никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и что язык их и которого племени суть и что вера их».

Родиной монгольского племени татар была нынешняя Монголия. Разрозненные кочевые и дикие племена татарские были объединены ханом Темучином, который принял титул **Чингис-хана**, иначе «великого хана». В 1213 г. он начал свои колоссальные завоевания покорением северного Китая, а затем двинулся на запад и

дошел до Каспийского моря и Армении, всюду внося разорение и ужас. Передовые отряды татар от южных берегов Каспийского моря прошли через Кавказ в Черноморские степи, где столкнулись с половцами. Половцы просили помощи у южнорусских князей. Собрались князья Киевский, Черниговский, Галицкий (все Мстиславы по имени) и многие другие и пошли в степь навстречу татарам, говоря, что надо помочь половцам против татар, иначе они подчинятся татарам и умножат тем силу врагов Руси. Не один раз татары присылали сказать русским князьям, что воюют не с ними, а только с половцами. Русские князья шли вперед и вперед, пока не встретились с татарами в далеких степях на р. Калке (ныне Калмиус). Произошел бой (1223); князья бились храбро, но недружно, и потерпели полное поражение. Татары жестоко замучили пленных князей и воинов, преследовали бежавших до Днепра, а затем повернули назад и скрылись безвестно. «Сих же злых татар таурмен не сведаем, откуда были пришли на нас и где ся дели опять; только Бог весть», — говорит летописец, пораженный страшным бедствием.

Прошло немного лет. Чингис-хан умер (1227), разделив свои огромные владения между своими сыновьями, но предоставив верховную власть одному из них — Угэдэю. Угэдэй отправил своего племянника **Батыя** (Бату, сын Джучи) на завоевание западных стран. Батый двинулся с целой ордой подвластных ему татар и вступил в Европейскую Россию через р. Урал (по старинному наименованию Яик). На Волге разгромил он Волжских болгар и разорил их столицу Великий Булгар. Переправясь через Волгу, в конце 1237 г. подошел Батый к пределам Рязанского княжества, где, как мы знаем (§ 18), княжили Ольговичи. Батый потребовал от рязанцев дани — «со всего десятину», но получил отказ. Рязанцы просили помощи от других земель русских, однако не получили ее и должны были одни своими силами отражать татар. Татары одолели, разгромили всю Рязанскую область, пожгли города, избили и пленили население и пошли дальше на север. Они разорили город Москву, бывший прикрытием с юга Суздалью и Владимиру, и вторглись в Суздальскую область. Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, бросив свою столицу Владимир, ушел на северо-запад собирать войско. Татары взяли Владимир, убили княжескую семью, сожгли город с его чудными храмами, а затем опустошили и всю Суздальскую землю. Князя Юрия они настигли на р. Сити (впадающей в р. Мологу, приток Волги). В битве (4 марта 1238 г.) русские были разбиты, а великий князь убит. Татары двинулись далее на Тверь и Торжок и вступили в Новгородские земли. Однако они не дошли до самого Новгорода верст сто и повернули назад в Половецкие степи. На дороге им пришлось долго осаждать городок Козельск (на р. Жиздре), который пал после необыкновенно храброй защиты. Так в 1237–1238 гг. совершил Батый покорение северо-восточной Руси.

Основав свои кочевья на нижнем течении Дона и Волги, Батый оттуда предпринял завоевание южной Руси. В 1239 г. он разорил Переяславль и Чернигов, а в 1240 г. пошел большим походом на Киев. В конце 1240 г. татары овладели Киевом после жестокого сопротивления и разорили город и область. От Киева они двинулись на Волынь и Галич, овладели ими и перешли через Карпаты в Венгрию и Польшу. Там Батый не удержался и, встретив мужественный отпор в Чехии, повернул назад в степи, где и основал Золотую, или Кипчакскую, орду; ее столицей стал новый город Сарай на низовьях Волги.

§ 34. Монголо-татарское иго

С образованием Золотой орды началась постоянная политическая зависимость Руси от татар. Будучи кочевниками, татары не остались жить в русских областях, богатых лесами; они ушли на юг, в открытые степи, а на Руси оставили для наблюдения своих наместников, **баскаков**, с военными отрядами. Особые татарские чиновники, численники, или писцы, изочли и переписали все население Руси, кроме церковных людей, и наложили на него дань, получившую название **выхода**. Сбором этой дани и вообще управлением татарским на Руси заведовали в Золотой орде особые чиновники, **даруги**, или **дороги**, посылавшие на Русь **данщиков** для дани и **послов** для других поручений. Русские князья должны были у себя дома иметь дело с баскаками и послами; когда же князей для поклона или дел вызывали в орду, то там их «брали к себе в улус» (в кочевье) «дороги», ведавшие их княжества. Пока Золотая орда сохраняла свою зависимость от великих ханов в Монголии, русские князья должны были ездить и в далекую Монголию на поклон великим ханам.

Татарские порядки были очень тяжки для Руси. Баскаки и другие татарские чиновники с их вооруженной свитой сильно обижали народ; дань татарская была тяжела и унижительна. Во многих городах (Новгороде, Ростове, Суздале, Владимире и др.) народ не выдерживал, поднимался против татар и избивал численников и данщиков. Князьям стоило много труда и унижений отводить от себя и от своих людей ханскую грозу и склонять народ к повиновению и уплате выхода. Первое время татарской власти всем на Руси казалось очень мрачным и постыдным. Легче стало только тогда, когда князьям удалось добиться у татар позволения самим собирать дань для орды и самим же доставлять ее ордынским «дорогам» (§ 43). Этот порядок избавлял

население от прямых сношений с татарами, а стало быть, и от частых насилий и обид татарских.

Надобно, однако, помнить, что и в первое время татарского ига церковные и политические порядки на Руси остались в прежнем виде. Татары называли Русь своим «улусом», то есть своею волостью или владением; но они оставили в этом улусе его старое устройство. К русской вере и русскому духовенству они относились с терпимостью и уважением, как относились терпимо вообще ко всем иным религиям с их духовенством или жречеством. Русский митрополит с церковными людьми был освобожден от татарского выхода и прочих платежей и повинностей в пользу татар. Русская церковь получала от ханов особые льготные грамоты («ярлыки»), которыми обеспечивались права духовенства. Такие же ярлыки получали от ханов и русские князья на их княжения. Татары оставили на Руси прежний порядок княжеского владения и обыкновенно только утверждали во власти князей-Рюриковичей на великом их княжении или на «уделах». Когда княжеские столы наследовались правильно и мирно, татары не изменяли действовавшего порядка перехода столов от брата к брату или от отца к сыну. Когда же начинались между князьями ссоры и усобицы и князья обращались к татарам сами за судом и помощью, тогда ханы проявляли свою державную волю, давали ярлыки на княжения по своему произволу и наказывали строптивых князей, сажая в тюрьму и даже убивая их самих и разоряя их земли своими татарскими ратями. Иногда князья погибали в орде и не вследствие политических причин, а потому, что не желали подчиниться татарским обычаям, считая их несовместимыми с христианскою верою. Так погиб в орде Черниговский князь Михаил Всеволодович со своим боярином Феодором, за что церковь наша и чтит их святыми мучениками. Но такого рода случаи не нарушали того общего порядка княжеского владения, к которому привыкли князья и народ: на Руси оставалась старая династия и старое княжеское управление. Это важное обстоятельство помогло нашим предкам собрать понемногу силы и средства для освобождения родины от чужого ига.

Знакомство с новыми господами Руси не могло пройти бесследно для нравов и обычаев русских людей. Татарское завоевание повело к полному разобщению Суздальской Руси, испытавшей всю силу монгольского гнета, с Русью Новгородской и Русью юго-западной. В Новгороде и на юго-западе татарская власть чувствовалась меньше и раньше пала. Там сильнее были западные влияния: немецкое в Новгороде и польское в юго-западной Руси. И вот в то время, как новгородцы и южнорусы убереглись от долгого и прямого татарского воздействия, население Суздальской и Рязанской областей поневоле воспринимало от татар некоторые их порядки (денежный счет, административные обычаи) и было лишено возможности широкого и свободного общения с оторванными от него другими ветвями русского племени и европейским западом. Вот почему на русском востоке в татарскую эпоху XIII–XIV вв. наблюдается некоторый культурный застой и отсталость и некоторый налет «татарщины». Великорусскому племени, которое многострадально заслонило собою от татарского насилия всю Европу, пришлось испытать на себе некоторое влияние монгольских нравов и порядков. Не следует, однако, преувеличивать силы этого татарского культурного влияния. В первые века татарщины русские люди не могли ничего добровольно перенимать у «поганных» татар, которых они гнушались и ненавидели и которые сами тогда были на очень низком уровне культуры. Некоторое сближение произошло позднее — с той поры, когда иго ослабело и татары, перестав быть угнетателями и господами, сами являлись на службу к русским князьям, селились с их согласия на Руси (в Касимове, Елатье, Романове), занимались здесь торговлей и земледелием и таким образом мирно сходились со своими русскими соседями. Тогда — с XV в. — вместе с восточными товарами русские начали перенимать восточные моды и обычаи «поганных» татар и даже роднились с ними посредством браков.

§ 35. Ливонский и Тевтонский ордены, возвышение Литвы

Одновременно с татарским завоеванием началось движение германских сил на западные окраины Русской земли. Шведы, датчане и немцы начали колонизовать восточные берега Балтийского моря и покоряли себе финские и литовские племена, жившие на морских побережьях Ботнического, Финского и Рижского заливов. Шведы овладели Финляндией и «примучивали» финнов к христианству; датчане заняли Эстляндию, где построили крепкий Ревель; немцы из Германии колонизовали устья Западной Двины и Немана. Двигаясь на восток и распространяя вглубь страны свои владения, шведы и немцы придвигались все ближе и ближе к русским областям и, наконец, в середине XIII в. вступили с русскими в борьбу, пытаясь овладеть русскими городами. Таким образом, поражаемая с востока татарами, Русь должна была на западе отбиваться от германцев. Покушения шведов были отбиты скоро (§ 36); борьба же с немцами затянулась надолго и отличалась большим напряжением и сложностью.

Первое появление немцев в устьях Западной Двины в середине XII в. носило характер мирный: немцы из

северной Германии ездили на Двину торговать с туземцами. За купцами явились немецкие миссионеры проповедовать христианство между ливами (финнами) и литовцами. Проповедь их не имела успеха: уже крещенные, туземцы-дикари при первой возможности погружались в Двину, чтобы «смыть» с себя крещение и по воде отослать его обратно к немцам. Тогда на помощь священникам папа послал крестоносное ополчение. Вновь назначенный епископ **Ливонии** (так называли страну ливов) Альберт с войском прибыл в устья Двины, основал город Ригу (1200) и, опираясь на эту крепость, начал покорение окрестной страны, с тем чтобы просветить ее светом христианства и подчинить немецкой власти. Он усиленно призывал из Германии колонистов в Ливонию и придумал основать здесь орден духовных рыцарей по образцу военных орденов в Палестине. Это и было устроено в 1202 г. Новый орден получил название «меченосцев» (*gladiferi*), потому что его рыцари носили белый плащ с красным крестом и мечом на плече. Ордену был дан устав рыцарей-тамплиеров; орден управлялся магистром и находился в ленной зависимости от епископа. Так устроил епископ Альберт дело распространения христианства среди ливов и литвы. С тех пор рыцари-меченосцы не переставали распространять свои владения во все стороны от Риги; в землях, покоренных ими, ставили они крепкие замки и из этих замков держали в повиновении туземцев.

Немногим позднее (1225–1230) между Неманом и Вислой — на Балтийском побережье — основался другой духовный рыцарский орден — Тевтонский. Образованный для Палестины, он обладал большими силами и средствами; но удержаться в Палестине он не мог, так как там все более и более торжествовали мусульмане. В таких обстоятельствах один из польских князей (Конрад Мазовецкий) обратился к ордену с предложением поселиться в его владениях с тем, чтобы защищать польские земли от набегов литовского племени пруссов. Орден принял предложение. Пруссы, державшие в страхе поляков, вступили в борьбу и с тевтонами; но немцы оказались сильнее их. В течение полувека постепенно завоевывали рыцари Прусскую землю и, наконец, покорили ее всю. На месте племенных прусских областей образовалось немецкое государство, ставшее в ленную зависимость от императора. Таким образом, на восточном побережье Балтийского моря, на устьях главнейших рек этого побережья, Западной Двины, Немана и Вислы, в XIII в. укрепились немцы, сильные как своим военным устройством, так и тою поддержкою, какую они могли иметь от папы и императора из Германии.

Немецкий натиск двояко отразился в жизни западных русских областей: Новгородской, Псковской, Полоцкой и Волынской. Во-первых, немцы, покорив низовья Западной Двины, пришли в прямое соприкосновение с русскими владениями. Они напали на владения полоцких князей по р. Двине (Кукейнос, Герсик) и покорили их, несмотря на деятельное сопротивление. Они приближались к Новгородским и Псковским землям, после многих столкновений взяли русский город Юрьев (по-немецки Дерпт, *Dorpat*) и на время овладели Изборском и даже Псковом, откуда, как дальше увидим, выбил их князь Александр Ярославич Невский. Во-вторых, вторжение немцев в литовские земли возбудило и подняло литовские племена. Под напором беспощадного врага разрозненная и слабая литва стала соединяться в большие скопища и искала вождей для борьбы с немцами. Иногда она шла на немцев с русскими (полоцкими) князьями; иногда же в среде литовцев являлись свои князья, под властью которых охотно объединялись многие литовские роды и племена. Теснимые немцами, литовские князья нередко обращались на русские земли и захватывали их, чтобы вознаградить себя за отнятое немцами. Так попали под власть литовских князей многие земли Полоцкого княжества, отнятые князем Миндовгом; а позднее, как увидим, стали попадать области Киевские и Волыньские. Стало быть, с появлением немцев на западных русских границах у Руси оказалось два новых врага: сами немцы, мечтавшие о завоеваниях на Руси, и литва, начавшая объединяться под угрозой немецкого завоевания.

§ 36. Александр Невский, удельная раздробленность Суздальской Руси

Развитие удельного порядка. После великого князя Юрия Всеволодовича, погибшего в битве на р. Сити, великим князем в Суздальской Руси стал его брат **Ярослав Всеволодович** (1238). Когда татарская рать ушла на юг, он начал деятельно устраивать порядок в разоренной земле, восстанавливал сожженные города и возвращал на места бежавшее от татар население. Не имея сил вести борьбу с татарами, он признал над собою власть хана и вместе с другими русскими князьями поехал в Золотую орду на поклон к Батю. Ему пришлось затем отправиться и в Монголию к великому хану. Оттуда Ярослав уже не вернулся: он умер у хана (1246). После смерти Ярослава великое княжение перешло, по старому русскому порядку, к его брату, а затем к его сыновьям.

Из них особенно был замечателен *Александр*, по прозвищу *Невский*. Еще при жизни отца он стал славен по

всей Русской земле. При отце он княжил в Новгороде как раз в то время, когда на Новгородские пределы обрушились шведы, немцы и литва. Князь Александр счастливо отразил всех этих врагов, одержав над ними ряд громких побед. Первыми попали под его меч шведы (1240). Шведский полководец Биргер во главе крестоносного войска действовал в Финляндии против финских язычников и оттуда решился идти на Новгородскую землю. Шведы были уже на р. Неве, при впадении в нее р. Ижоры, когда их встретил Новгородский князь Александр. Он напал на них с небольшою дружиною, нанес им поражение и заставил их бежать. Победа была так решительна, и значение ее казалось так велико для Руси, что подвиг князя Александра стал предметом многих благочестивых преданий. Одно из таких преданий говорило, что сами свв. князья Борис и Глеб в ладье приплыли с моря на помощь сроднику своему князю Александру и явились благочестивому воину Пелгусию. Победу на Неве рассматривали как торжество православия над католичеством; она послужила первым поводом к тому, чтобы причислить князя Александра, доброго страдальца за Русскую землю, к лику русских святых. За Александром с тех пор навсегда осталось прозвание «Невского». Год спустя после Невской победы встала опасность от меченосцев. Немцы взяли Изборск и Псков, вторглись в Водьскую пятину, заняли дороги вблизи от Новгорода и грабили купцов всего верстах в 30 от города. Князя Александра не было в Новгороде, когда случилось это вторжение немцев. Приехав в Новгород, он немедленно пошел на немцев, отнял у них русские города и встретил их главную рать на льду Чудского озера (это было 5 апреля 1242 г.). В упорной битве меченосцы были разбиты наголову: многое множество их было убито, пятьдесят «божьих дворян» (так русские звали рыцарей) попало в плен и было приведено князем Александром во Псков. После этого «ледового побоища» меченосцам пришлось оставить в покое русские земли. Прошло еще года три, и князь Александр одерживает новые победы над литвою. Возбужденные немецким натиском, литовские племена пришли в движение и стали напирать на русские владения, Полоцкие и Новгородские. Князь Александр, нанеся им несколько поражений, выгнал их из Новгородских пределов (1245).

Это произошло незадолго до смерти великого князя Ярослава. Вскоре по кончине отца сам Александр стал великим князем Владимирским. До тех пор ему приходилось действовать на западе Руси против разных врагов, и он показал себя мужественным и отважным защитником родины. Теперь как великий князь он имеет дело с татарами и, ясно понимая, что воевать с ними у Руси нет сил, держит себя в повиновении хану. Когда татары решили сделать на Руси перепись своих данников и определить их «число», князь Александр уговаривал народ спокойно «дать число» татарским чиновникам, «численникам». Он даже угрозами и силою принуждал к повиновению ослушников; когда же народ все-таки насильничал над численниками и не давал числа, Александр ехал в орду и отмаливал виновных у хана, являясь и здесь заступником за родину. Возвращаясь из такой поездки осенью 1263 г., князь Александр скончался на пути в Городце на Волге, искренно оплаканный всеми, «много потрудившись (по словам летописца) за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой и за правоверную веру». В трудную и мрачную годину бед Александр являлся на севере Руси единственным представителем военной доблести и удачи, и политической мудрости, и самоотвержения. Отсюда его слава.

Следующие за ним великие князья владимирские (младшие братья Александра: Ярослав, живший постоянно в Твери, и Василий, живший в Костроме) не имели на Руси того значения, каким пользовался Александр. При них власть и сила великого князя ослабели; прочие князья не только не повиновались им, но и стали враждовать с ними, несмотря на то, что великие князья получали свой сан по ханскому ярлыку. В следующих же поколениях князей — сыновей, племянников и внуков Александра Невского — усобицы стали самым обычным явлением, и в Суздальской Руси окончательно утвердился так называемый **удельный порядок**.

Особенность удельного порядка заключалась в том, что все княжества, образовавшиеся в Суздальской Руси, считались как бы частною собственностью тех княжеских семей, которые ими владели. На свой Удел каждый князь смотрел как на вотчину и распоряжался им, как желал. Он завещал свою волость, кому хотел, и делил ее на части по числу своих наследников. Даже получив от хана ярлык на великое княжение, удельные князья не переселялись в стольный город Владимир, но оставались жить в собственном княжестве и оттуда управляли Владимиром. Первые так поступили братья Невского, Ярослав и Василий: получив Владимир, они не переселились в стольный город, а остались в своих городах — Твери и Костроме. Поэтому великих князей владимирских этого периода обыкновенно и называют по их удельным городам: Ярослав Тверской, Василий Костромской, Димитрий Переяславский, Андрей Городецкий и т. п.

Княжества Суздальско-Владимирской Руси обратились в уделы-вотчины отдельных княжеских семей по многим причинам. Во-первых, с самого начала Суздальского княжества княжеская власть в нем стала очень сильна (§ 30). Князья не должны были считаться здесь с вечевыми собраниями, сами основывали города и управляли ими. Издавна князь смотрел здесь на себя как на собственника всей земли, ему принадлежавшей.

От старых князей XII в. такой взгляд перешел и к позднейшим князьям, которые стали считать свои уделы своею частною собственностью. Во-вторых, чем больше становилось князей в потомстве Всеволода Большого Гнезда, тем труднее было великому князю Владимирскому справляться с ними и держать их в повиновении. Удельные князья часто соединялись против великого князя, чтобы не дать ему усилиться и чтобы лучше охранить свою самостоятельность. Они не стеснялись тем, что великий князь утверждался в своем старшинстве ханом, и жаловались на него в орде, интриговали против него и даже воевали с ним. В таких условиях великие князья не могли, конечно, держать прочих князей в повиновении, и удельные князья становились полными господами в своих уделах. Наконец, в-третьих, порядок родового наследования великокняжеского достоинства хотя и удержался в Суздальской Руси, но получил совсем особый вид. Сан великого князя носил тот удельный князь, которому удавалось получить Владимирский стол. Старшие из удельных князей и стремились получить в орде ярлык на город Владимир, считаясь там друг с другом своим старшинством. Но кто бы ни овладел Владимиром, от того нисколько не менялся порядок владения в прочих княжествах. Все князья оставались на своих вотчинах, и только князь, ставший великим, присоединял Владимир к своему уделу. Стало быть, родовое наследование применялось только к стольному городу; остальные же города считались собственностью семейной, а не родовой. С течением времени, когда в разных уделах княжеские семьи размножились, у них появились даже свои «великие» (то есть старшие) князья. Были великие князья тверские, ярославские, нижегородские, но каждый из них мечтал стать, кроме того, великим князем Владимирским и «всея Руси».

Последствия удельного порядка, водворившегося в Суздальской Руси в XIII–XIV вв., были очень велики. Первым из них было бесконечное дробление княжеских уделов. Князья множились; каждый князь, умирая, по духовному завещанию («грамоте душевной») делил свою вотчину всем своим наследникам; даже и своей вдове-княгине он давал города и села «в опричнину» (то есть в особое владение до смерти). Уделы, таким образом, росли числом, но уменьшались пространством, — чем далее, тем более мельчали и мельчали. Князья, получавшие все меньше и меньше земли, беднели с каждым поколением и нуждались в средствах к жизни. Отсюда их желание со стороны добыть себе земли и всякого добра, «примыслить» что-нибудь от соседа. В многолюдном княжеском роде чувство родства притуплялось от частых ссор и усобиц; поэтому посягнуть на имущество соседнего князя считалось дозволительным. В погоне за «примыслами» у князей все более и более крепло взаимное отчуждение и развилось открытое хищничество. Они стали смотреть друг на друга как на постоянных соперников и врагов и старались при первом удобном случае овладеть у соседей плохо защищенным городом, селом, челядью. Всякое такое приобретение составляло желанный «примысел». В результате подобная политика повела к одичанию людей и разложению политического порядка. В северо-восточной Руси настала политическая безурядица, в которой господствовало одно право сильного. Выход из такого печального состояния обозначился лишь тогда, когда в Суздальской Руси началось народное движение в пользу объединения, и нашлась сильная княжеская семья (в Москве), которая сумела воспользоваться этим движением.

§ 37. События в Руси южной. Князь Даниил Галицкий

Упадок юго-западной Руси. В 1240 г. Батый, как мы знаем, разорил Киев, Волынь и Галич. В эту пору там шли усобицы. После смерти князя Романа, соединившего в своих руках Волынь и Галич и умершего в 1205 г., остались два малолетних сына, Даниил и Василько. Только после двадцатипятилетней борьбы с соседними князьями и с галицкими боярами Даниилу Романовичу удалось прочно сесть на отчем столе и получить Галич и Киев[3]. Но смута все-таки там не прекратилась. По словам летописца, «бояре же галичстии Данила князем собе называху, а сами всю землю держаху». Даниилу надобно было еще много времени, чтобы сломить своеволие бояр.

Едва он успел в этом, как разразился над его страну Батыев погром. Даниил убежал от татар в Польшу и возвратился домой, когда татары ушли. Деятельно принялся он восстанавливать сожженные города и возвращать в них бежавшее население. Для наполнения своего княжества он приглашал к себе колонистов и из других стран: ляхов, немцев, венгров. Стараясь всеми мерами усилить свое княжество, он строил в нем и укреплял города. Подчиняясь на первое время татарам и побывав с поклоном в орде, он, однако, не переставал мечтать о свержении их ига. Для этой цели он предпринял ряд важных действий. Понимая, что одними своими силами ему не освободиться от татар, он завел сношения с западом, обратился к папе, обещая ему унию с католичеством, и стремился устроить крестовый поход против татар. Папа прислал Даниилу королевскую корону, и Даниил короновался ею в г. Дрогичине (1255). Но далее дело не пошло. Крестовый поход не устроился, и вообще никакой помощи с запада против татар король Даниил не получил. Прервав

тогда сношения с папою, Даниил стал искать союзников ближе и сошелся с литовским князем Миндовгом. Мало-помалу обнаруживал он свои враждебные умыслы против татар и, казалось, готов был начать войну с ними. Но татары приняли свои меры и послали на Даниила своего воеводу с войском: он потребовал от Даниила срытия крепостей. Не отваживаясь на бой со страшным врагом, Даниил скрепя сердце подчинился, ибо видел, что татары превосходят его силами.

Так шли дела Даниила с татарами. Мечты об освобождении от татарского владычества не мешали Даниилу вести оживленные сношения с его западными соседями. Привыкший с детства к общению с поляками и венграми, Даниил всегда внимательно следил за ходом дел на западе и часто вмешивался в дела Венгрии, Чехии, Австрийского герцогства и Польши; он рождался с иноземными государями, мечтал о приобретениях земель в Германии, заботился об укреплении торговых связей с западными странами, охотно принимал выходцев с запада в свои земли. Такие сношения с западом были естественным последствием географического положения Даниилова княжества — рядом с ляхами и венграми, на краю Русской земли. В свою очередь тесное общение с иноземцами послужило одною из причин быстрого падения самостоятельности Галича и Волыни вскоре по кончине Даниила.

Так же, как и другие западные области Руси, княжество Даниила испытывало на себе натиск возбужденной немцами литвы. Даниил находился в постоянной борьбе с литовским князем Миндовгом и с наиболее диким из литовских племен — ятвягами. Но в то время, как слабые полоцкие князья уступали литве и подчинялись ей, Даниил сам переходил в наступление, вторгался в литовские области и постоянно брал верх над врагом. В конце концов ятвяги были принуждены платить дань Галицкому князю; а Миндовг искал мира с Галичем, предлагая Даниилу устроить брак между их детьми. Сын Даниила, по имени Шварн, женился на дочери Миндовга, и благодаря этому браку Даниил получил сильное влияние на дела в Литовском княжестве. В особенности возросло это влияние после смерти Миндовга, когда русские войска Шварна Даниловича водворяли порядок в Литве и содействовали утверждению там сына Миндовгова (Воишелка).

Таково было княжение Даниила, умершего около 1264 г. (почти одновременно с князьями Александром Невским и Миндовгом). Слава этого князя была основана на необыкновенном успехе его деятельности. Многолетние смуты в юго-западной Руси были им прекращены, боярство усмирено, княжеская власть окрепла, в княжестве водворен порядок и выросло благосостояние. В делах средней Европы Русь получила вес и влияние. Литва была побеждена и усмирена. Правда, татарская власть висела над княжеством Даниила, как и над северной Русью; но здесь она выражалась слабее, — вероятно, по той причине, что владения Даниила были всего дальше от татарских кочевий, на самой окраине захваченных татарским нашествием областей. Наследникам Даниила оставалось только поддерживать тот порядок, который был им насажден. Но они оказались неспособны это сделать. История юго-западной Руси после Даниила полна смутами и усобицами. Князья галицкие и волынские, сыновья, племянники и внуки Даниила, находились в непрерывных взаимных распрях; боярство получило прежнее значение; жители городов, в значительном числе инородцы и иноземцы, призванные в города отовсюду, не обнаруживали никакого патриотизма. Такое положение дела повело к иноземному вмешательству в дела юго-западной Руси. Литва, вышедшая из-под влияния юго-западных князей, усилилась в XIV в. настолько, что сама стала стремиться к завоеванию юго-западной Руси. Литовским князьям удалось захватить Волынь в середине XIV ст. В то же время Польша овладела Галичем. Так разошлось по чужим рукам богатое наследство знаменитого князя Даниила Романовича.

§ 38. Первые литовские князья

Как мы видели (§§ 35, 37), литовские племена под натиском немцев в XIII в. стали стремиться к объединению и группировались около своих и русских князей для того, чтобы дать отпор завоевателям. Разрозненная до тех пор литва стала складываться в государство. Выразителем объединительных стремлений у литовцев явился известный уже нам князь **Миндовг** (или Миндове). Захватив русский город Новгородок (или Новогородек) в верховьях Немана, он основал в нем свое княжество и распространил свою власть на некоторую часть литвы, жмуди, ятвягов и на русские волости: Полоцкую, Витебскую и отчасти Смоленскую. Покоря Русь с помощью своих литовцев, он с помощью русских распространял свое влияние и господство среди литовских князьков. Воюя с немцами, он двигал против них в одном ополчении и литву, и русских. Так, он первый из литовских князей старался сблизить враждебные прежде племена русские и литовские и на их соединении построить свое государство. Это государство было еще очень непрочное и слабо; но оно давало литве защиту от немцев, а русским — прибежище от татар, и потому оно держалось. Миндовг всю жизнь свою воевал с немцами, то уступая им, то снова поднимаясь на них. Когда это было для него выгодно, он согласился принять

крещение от немцев и за это получил от папы королевскую корону. Когда же обстоятельства переменились, он вернулся к язычеству и снова обрушился на немцев. Также и по отношению к Руси Миндовг менял приемы своей политики. Являясь порою решительным завоевателем, он иногда готов был на соглашение. Встретив могучего противника в Данииле Романовиче Галицком, он замирил его уступкою некоторых земель и брачным союзом, отдав свою дочь в жены Шварну Даниловичу. Несмотря, однако, на всю свою гибкость, Миндовг не кончил добром. Недовольные им литовские князья убили его (1263), но по большей части сами погибли от мести Миндовгова сына Войшелка. Один из них, князь Довмонт, спасся во Пскове, там крестился и начал княжить, приобретая чрезвычайную славу и почет за то, что доблестно и удачно защищал Псков от немцев и литвы.

В княжестве Миндовга начались после его смерти продолжительные смуты, и самое княжество Литва уменьшилось вследствие отпадения от него многих волостей. Прошло полстолетия, раньше чем в Литве утвердился порядок, и снова образовалась сильная княжеская власть. С 1316 г. в Литве действует князь **Гедимин**, основатель династии Гедиминовичей, образовавший из литовских и русских земель большое и сильное государство. Со времени Миндовга русское влияние на литовских князей чрезвычайно усилилось. При Гедимине в Литве уже существуют города, укрепленные по правилам военного искусства: литовские рати хорошо устроены и вооружены; они знают, как надо осаждать города, употребляют осадные орудия. Жители волостей имеют правильное управление и должны защищать свои города по очереди, в известные сроки. Всем этим благоустройством литовцы были обязаны русскому влиянию. Русские люди служат в войсках Гедимина и начальствуют ими; они ездят в посольства от имени литовского государя; они управляют городами и волостями. Словом, русский элемент, очевидно, возобладал над менее культурным литовским и произошло мирное сближение между соседними народами. При дворе Гедимина слышался русский язык, потому что Гедимин был сам женат на русской и детям своим устраивал браки с русскими же. Сам себя он считал не только литовским, но и русским князем, и в сношениях с немцами именовал себя «rex Litwinorum Ruthenorumque». Таким мирным сближением народностей следует объяснять быстрое и легкое соединение юго-западных русских земель под властью Гедимина. Он подчинил себе все русские княжества от Полоцка до Киева и подготовил присоединение Волыни. Границами его земель с востока были земли Смоленские и Черниговские, а с юга Волынские. Своим обширным княжеством Гедимин управлял сначала из неприступного города Троки (Трокский замок стоял на острове посреди озера), а затем из Вильны, построенной им на р. Вилии, притоке Немана.

Две трети всех земель Гедимина были русскими землями. Ясно, что **Литовской династии удалось образовать такой центр, к которому стала тяготеть потерявшая свое единство вся юго-западная Русь**. Гедимин начал ее собирание, а его дети и внуки его закончили. Дело это совершалось быстро и легко, потому что население русских земель само охотно шло под власть обруселых Гедиминовичей.

Из многих сыновей Гедимина два сосредоточили в своих руках власть в Литве. Это были великий князь **Ольгерд** и жмудский князь **Кейстут**. Дружные между собою, они поделили управление так, что Ольгерд знал русское население Литовского государства, а Кейстут — литовское. Ольгерд, живя в Вильне, был, так сказать, обращен на восток и действовал против северо-восточной Руси; Кейстут, живя в Троках, был обращен на запад и действовал против немцев. Поэтому русские знали Ольгерда больше, чем его брата; они очень хвалили ум и таланты Ольгерда, говоря, что это был сдержанный и хитрый политик, воевавший «не столько силою, елико мудростью». Кейстута же хорошо знали немцы: они изображали его доблестным рыцарем, храбрым и милостивым, прямодушным и честным. Оставаясь язычником по вере, Кейстут был христианином по духу. Об Ольгерде же никто хорошо не знал, какой он держался веры. Поддерживая друг друга во всех своих делах, Ольгерд и Кейстут, с одной стороны, задерживали немцев в их движении на восток, а с другой стороны — продолжали начатое их отцом собирание Руси. Война с немцами имела вид постоянных взаимных набегов, которые у немцев назывались «рейзами». Целью таких рейз было напугать врага и нанести ему возможно больше вреда, а затем без урона вернуться домой. Обе стороны — и немцы, и литва — не шли далее таких набегов. Немецкое завоевательное движение остановилось, и немцы были при Кейстуте довольны уже и тем, что держались на ранее захваченных ими местах. В отношении Руси южной Ольгерд достиг больших успехов. Он овладел Чернигово-Северскою областью и Брянском; Киев и Волынь были им окончательно подчинены. Не довольствуясь южными русскими областями, Ольгерд покушался утвердить свое влияние в Новгороде и Пскове и поддерживал Тверь против Москвы. Но в северной Руси Москва была уже настолько сильна, что могла остановить замыслы Ольгерда. Встретив такого смелого и упорного противника, как великий князь Дмитрий Иванович Донской, Ольгерд должен был уступить.

Таковы были дела Ольгерда и Кейстута. Положив предел завоеваниям немцев, **они собрали под своею властью, можно сказать, всю южную и западную Русь, освободив ее от владычества татар и дав ей единую сильную власть**. Очень было важно, что эта власть была русскою по своей культуре и по своим

приемам. Русским людям представлялось, что Гедиминовичи восстанавливают старую русскую силу и старый русский порядок на коренных русских местах — в области верхнего и среднего Днепра. Образованное Гедиминовичами могучее Литовско-Русское государство, казалось, имеет блестящее будущее. Однако дальнейший ход событий не оправдал тех надежд, с какими смотрела на литовских князей вся юго-западная Русь.

§ 39. Уния Литвы с Польшей. Ягайло

Ольгерд умер (1377), оставив много сыновей. Из них великим князем стал **Ягайло**. Лишенный тех талантов и той выдержки, какими отличался его отец, Ягайло не умел с достоинством пользоваться своею властью. Между ним и его дядею Кейстутом началась усобица, вызванная вероломством Ягайла: Ягайло оказался в тайных сношениях с немцами против своего знаменитого дяди. Кейстут низложил Ягайла, но не лишил его жизни. Выбрав удобную минуту, Ягайло восстал против дяди, хитростью заманил его в свои руки и приказал удавить (1382). Сын Кейстута **Витовт**, вместе с отцом попавший в руки Ягайла, успел убежать из своей тюрьмы и скрылся у тевтонских рыцарей. От них он, однако, вернулся на родину, помирился с Ягайлом и получил некоторые земли своего отца.

Так бесславно и преступно провел Ягайло первые годы своего княжения. В 1385 г. из Польши ему было сделано предложение жениться на польской королеве Ядвиге и соединить Польшу и Литву. У польского правительства были веские побуждения желать этого брака. С прекращением династии Пястов (1370) в Польше воцарился родственник Пястам (по женской линии) король венгерский Людовик, а после его смерти (1382) была признана королевою его малолетняя дочь Ядвига. Переход власти в руки Ядвиги не обошелся без смут и кровопролития между польскими панями; точно так же много смут вызвал вопрос о том, кого выбрать в мужа молодой королеве. Надобен был жених, не столько приятный невесте, сколько полезный Польскому государству. Такого и нашли польские паны в лице Ягайла. Женившись на Ядвиге, он должен был обеспечить Польше союз и содействие своего княжества. Это было важно для поляков в двух отношениях. Во-первых, между Литвой и Польшей шла тогда долгая вражда за русские волости Волынь и Галич. Литва овладела Волынью, покушалась на Галич и постоянно держала Польшу в страхе угрозою своих нападений. Эта опасность уничтожалась в случае брака Ягайла с Ядвигою. Во-вторых, немцы, овладев литовскими землями на Балтийском побережье, дали себя знать и полякам. Тевтоны овладели Польским Поморьем, отодвинули Польшу от моря и овладели торговым движением по Висле, на устьях которой они засели. Поляки вели с немцами такую же народную войну, как и Литва. Соединив силы обоих народов против общего врага, можно было надеяться на прочный успех. Таковы были причины, заставлявшие поляков желать унии с Литвою.

Предложение поляков было принято Ягайлом с радостью. Он согласился на все поставленные ему условия, чтобы только соединить в своих руках два государства. Его обязали самого принять католичество и крестить в католичество языческую Литву. Отец и дед Ягайла отличались религиозным безразличием и терпимостью; понятно, что и он легко переменял греческое православие на римскую веру. Пропаганда католичества давно была знакома Литве: Литву присоединяли к своей вере немцы; легко было Ягайлу допустить такую же пропаганду со стороны поляков. Сверх того, Ягайло согласился на соединение (унию) Литвы и Польши в одно государство и обещал свою помощь для возвращения Польше отнятых соседями земель. В 1386 г. совершился брак Ягайла и Ядвиги и началась уния Литвы и Польши. Ягайло стал польским королем с именем Владислава. Произошло общее крещение литовцев в католичество, сопровождавшееся уничтожением языческих капищ, священного огня, «знич» и других принадлежностей старого культа. Скоро сказались и политические последствия заключенной унии. Соперничество и борьба Польши и Литвы за южнорусские области прекратились. Ягайло даже помог своими войсками полякам вернуть к Польше занятые венграми города Червонной Руси — Галич, Львов и др. Наконец, соединенные силы западной Руси, Литвы и Польши нанесли в 1410 г. страшное поражение Тевтонскому ордену на границе Пруссии и Польши, при деревнях Грюнвальде и Танненберге. Эта знаменитая битва, в которой русское и польское славянство победило германцев, составляет эпоху в истории Ордена и Польши. Могущество Ордена пало, и завоевания его прекратились; значение Польши и соединенной с нею Литвы необыкновенно поднялось.

Таким образом, цели, которые преследовала уния, были, несомненно, достигнуты; антагонизм Литвы и Польши уничтожен; общий враг их поражен. Польша от унии получила несомненные выгоды. Для Литвы же уния вместе с добрыми последствиями принесла и очень дурные. Она внесла в Литву семена внутренней вражды и разложения. До 1386 г. в Литовско-Русском государстве было две народности (русь и литва) и две религии (православие и язычество). Православно-русское население, по приблизительному счету, занимало

девять десятых всех земель государства и отличалось несравненно высшей культурой, чем языческая литва. Понятно, что литовцы испытывали на себе сильнейшее влияние русской гражданственности; и они подчинялись ему охотно, потому что соединение того и другого народа под одною властью совершалось исподволь и без острой вражды. Литовско-Русское княжество, казалось, должно было стать сплошь православно-русским государством. Уния же 1386 г., сделавшая правительство княжества католическим, поставила в Литве рядом с православием римскую веру, ему враждебную. Православие в Литве преобладало численно; католичество же стало там господствующим исповеданием, потому что государь Литовский сам его принял и обязался его распространять. Таким образом, в Литовском государстве появилась возможность религиозной вражды и столкновений из-за веры. С другой стороны, католичество принесено было в Литву поляками и сопровождалось поэтому польским культурным влиянием. Польское духовенство, польские придворные и чиновники появились в Литве и сменили собою русских приближенных князя. Они принесли с собою латинский и польский языки на смену русского, польские нравы и обычаи взамен русских. Ягайло и его двор не только окатоличились, но и ополячились. Так как народное большинство в старой Литве и вся Русь не хотели отставать от своих прежних привычек и обычаев, то неизбежно возникла вражда культурная и национальная. Вот эта-то вражда и была тяжелым последствием унии. Население Литвы и западной Руси не сочувствовало Ягайлу и поднялось против него.

§ 40. Витовт

Став королем польским, Ягайло не мог уже непосредственно управлять Литовским княжеством и назначил своим наместником, со званием «великого князя», одного из своих братьев (Скиргайла). Но другие удельные князья литовские начали борьбу с Ягайлом и Скиргайлом и привели дело к тому, что великим князем Литовским, в ленной зависимости от Ягайла, стал сын Кейстута **Витовт** (1392). Ему удалось укрепиться во власти так, что он смирил и забрал в свои руки всех удельных литовских князей и в то же время упразднил совсем свою личную зависимость от Ягайла. На съездах польской и литовской знати в 1401 и 1413 гг. была окончательно установлена династическая уния Литвы и Польши, и Витовт признал себя лишь пожизненным владельцем своего княжества. Но это не мешало ему быть полновластным государем и вести самостоятельную политику. Необыкновенные способности и ум Витовта позволили ему стать прямым преемником Гедимина и Ольгерда. Он присоединил к Литве Смоленское княжество (1395); при нем границы Литвы достигли небывалых пределов: они доходили до двух морей: Балтийского и Черного. Литва «от моря до моря» — так обозначался обыкновенно объем государства Витовта. Стремясь расширить свое политическое влияние, Витовт вмешивался в дела всех русских земель: Новгорода и Пскова, Твери, Москвы, Рязани. Московский великий князь Василий Дмитриевич, несмотря на то, что был женат на дочери Витовта Софии, должен был выступить против притязаний своего тестя на восточные и северные русские земли. По уговору между ними, р. Угра (левый приток Оки) была назначена границей между московскими и литовскими землями. Так далеко зашел на восток Витовт! Он пытался подвести под свою власть даже Золотую орду, изнывавшую тогда от междоусобий. Но ордынский правитель Едигей нанес Витовту решительное поражение на р. Ворскле (левый приток Днепра) и тем прекратил его притязания. Подвиги Витовта сделали его народным героем литовцев. Время его считалось эпохою наибольшего расцвета и могущества Литвы. Но в эту же самую эпоху, появились первые признаки и внутреннего распада в молодом Литовском государстве.

Усиление Витовта и его вокняжение в Литовском государстве были последствием того недовольства, которое возбудила уния с Польшею среди русского и литовского населения Литвы. Поддерживая Витовта в его борьбе со Скиргайлом и Ягайлом, это население показывало, что не желает идти под польско-католическое влияние, а желает самостоятельности и обособленности в своей политической жизни. Казалось бы, что при таких условиях роль Витовта очень проста. Ему следовало бы опереться на сильнейшую часть подвластного ему населения — на православно-русскую народность — и обратить свое государство в такое же русское великое княжество, каким была тогда Москва. Сделав свою политику русскою и обратившись к православию, Витовт мог бы стать соперником московских князей и, быть может, скорее их объединить под своим скипетром всю Русскую землю. Но Витовт этого не сделал, потому что, с одной стороны, он нуждался в помощи Польши против немцев, а с другой стороны — в самой Литве появились люди, которые видели свою выгоду в унии и толкали Витовта к сближению с Польшею.

Чтобы понять это, надобно помнить следующие обстоятельства. По условиям унии, которые были определены польско-литовским съездом 1413 г. в местечке Городле (на р. Западном Буге), **подданные великого князя Литовского, принимая католичество, получали те права и привилегии, какие имели в Польше лица соответствующего сословия**: литовские князья и бояре получали права панов, простые

дружинники — слуги князей — становились в положение польской шляхты (дворянства); двор и администрация в Литве устраивались по образцу польского королевского двора, причем новые должности доставались только католикам. Те люди, которые видели для себя прибыль и честь в новых порядках, малодушно увлекались в сторону Польши и католичества, стояли на стороне унии, принимали польскую веру и проводили польское влияние в свою литовско-русскую среду. Таким образом, у Витовта среди его собственных подданных было уже не два, а три направления: православно-русское, старолитовское и новое — католическо-польское. Все возлагали свои надежды на популярного князя, и он ко всем относился одинаково внимательно. Все его считали своим, но он не становился прямо ни на чью сторону. Держась необходимого ему союза с Польшей, он всего ближе был к тем, кто стоял в Литве за унию с Польшей. Но он понимал, что такие сторонники Польши еще очень малочисленны и слабы, и потому сам не склонен был прямо и решительно примкнуть к Ягайлу. В конце своих дней он даже хлопотал о получении от императора из Германии королевского титула и, стало быть, о независимости от Польши. Но это ему не удалось. Витовт умер (1430), оставив политические и национальные партии в своей стране непримиренными, в состоянии взаимного озлобления и недоверия. Борьба этих партий и погубила мало-помалу силу и величие Литовско-Русского княжества.

§ 41. Литовское княжество после Витовта

По смерти бездетного Витовта все его преемники избирались на великое княжение сановниками самой Литвы и вели политику самостоятельных государей, избегая подчинения Польше. Уния оставалась только в идее; но отказаться от этой идеи обе стороны не могли, потому что и Польша, и Литва продолжали нуждаться во взаимной поддержке против общих внешних врагов. Лишь при младшем сыне Ягайла Казимире (1440–1492) оба государства находились в действительной унии, так как Казимир, избранный в малолетстве великим князем Литовским, позднее был избран и Польским королем и таким образом соединил обе страны под своим скипетром. Но после кончины этого короля Казимира IV («Ягеллончика») Литва опять отделилась от Польши, избрав особого великого князя — **Александра Казимировича**. Только в 1501 г., когда и Польша избрала на свой престол того же Александра, оба государства условились вперед твердо держаться унии и избирать всегда одного государя для обеих стран. С таким трудом была, наконец, на деле осуществлена личная уния, задуманная в 1386 г.

Несмотря на постоянное стремление Литвы к обособлению от Польши, **в течение всего XV столетия польское влияние в Литве продолжало расти и крепнуть**. Хотя литовские великие князья и держались самостоятельно, все-таки они сами и их правители были католики по вере и в культурном отношении были уже ополячены. Пока в Литовском княжестве еще существовал старый порядок и волостные удельные князья были сильны, это не имело большого значения. Каждый князь правил своею волостью самостоятельно: если он был православный и русский по духу, то и волость его не испытывала католического и польского гнета. Но в XV ст. сила великих князей в Литве возросла, и они понемногу превратили князей волостных в своих наместников и подчиненных слуг. Вместе с тем и управление волостей испытало перемены и подчинилось централизации. Везде католики стали предпочитаться православным и польские обычаи — русским; везде на правительственные должности стали (в силу унии 1413 г.) назначаться князья и бояре римской веры. Везде, стало быть, православно-русские люди чувствовали свое унижение и обиду. Горше всех приходилось, конечно, той русской знати, князьям и боярам, которые превратились из государей и правителей в подчиненных и гонимых. Некоторые, более малодушные, оставляли православие, принимали католичество, этою ценою делали хорошую карьеру и ополячивались. Другие пробовали бороться и ждали помощи от православной Москвы, которая в ту пору стала уже сильна. Они или передавались Московскому великому князю со своими волостями, объясняя свою измену Литве гонением на их веру, или же просто выезжали из Литвы в Москву на службу, пользуясь старинным правом свободных слуг «отъезжать» от одного господина к другому. Под влиянием таких переездов Москва втягивалась в литовские дела, узнавала внутреннюю слабость Литвы и не раз шла войною на Литву, грозя отнять от Литвы все ее русские области. А под угрозами Москвы литовское правительство еще теснее жалось к Польше, ища у нее помощи от нового опасного врага.

Но не одна литовская знать и князья терпели от католического правительства Литвы. В первую пору своей истории Литовско-Русское княжество имело русское общественное устройство, унаследованное от Киевской Руси. Волостные князья были окружены **дружиною**, состоявшей из вольных слуг и холопов; в центре земщины был **город** с его вечем, от которого зависела волость, населенная свободным **крестьянством** (смердами). По правилу, установленному унией, все литовцы, крещенные в католичество, начинали жить на польском праве, то есть получали те права, какие имели в Польше лица соответствующего сословия. А в

Польше в ту эпоху устанавливался окончательно своеобразный феодальный порядок с резко обозначенными сословиями и с полным преобладанием дворянства («**шляхты**»). Города польские, по так называемому «магдебургскому праву», составляли собою особые общины, ограниченные городскими стенами, с правом сословного самоуправления. Шляхта польская мало-помалу обращалась в правящий класс с широкими политическими и владельческими правами. Она имела очень мало обязанностей по отношению к государству, влияла на управление государством и на избрание королей; она пользовалась правом льготного землевладения и в своих имениях получила безграничную власть над крепостным бесправным крестьянством. К этим-то польским порядкам, выгодным для дворянства и ужасным для прочей массы населения, стало приближаться Литовское государство, когда стало уравнивать в правах своих католических подданных с соответствующими разрядами польского общества.

Из старых дружин волостных князей в Литве понемногу образован был многочисленный служилый класс, который обязан был нести военную службу и пользовался за то правом владения землею. Высший разряд этого класса заключал в себе самих волостных князей и прежних «бояр», знатных их слуг. Составив служебную аристократию, эта знать получила общее название панов, или князей и панов. Остальные разряды служилого класса получили название шляхты. Всем этим служилым людям, в особенности же шляхте, было очень выгодно сравняться в правах с польскими панами и шляхтою, ибо в Польше эти права были громадны. Вот почему литовская шляхта легко и охотно ополячивалась и окатоличивалась. Усвоив себе польские нравы и обычаи, она казалила крестьян, овладевала землями и стремилась превратиться в правящее политическое сословие. Вместе с тем она служила проводником польского влияния во всех областях государственной и общественной жизни Литвы. Таким образом происходило разложение старого порядка и начиналась острая внутренняя рознь между всевластным дворянством и прочею бесправною массою населения.

§ 42. Причины возвышения Москвы

Было уже сказано (§ 36), что в эпоху татарского завоевания во Владимиро-Суздальской Руси развился удельный порядок княжеского владения, прекратившийся с усилением Московского княжества.

Особое Московское княжество начало существовать со второй половины XIII в. Самый же город Москва, по преданию, был основан князем Юрием Долгоруким. Летописи упоминают о Москве в первый раз в 1147 г. (затем в 1156 и 1176 гг., называя ее «Москов», «Кучково» и «Москва»). Первоначально Москва была крепостью, поставленной на южной границе Суздальской земли для того, чтобы охранять ее с юга, от Рязани и Чернигова. Батый, идя из Рязани к Суздалю и Владимиру, прежде всего взял и разорил Москву, закрывавшую ему путь к этим городам. В первое столетие своего существования Москва не составляла особого княжества, а принадлежала владимирским князьям. Князь Александр Невский оставил на Москве своего младшего сына **Даниила**, и только с тех пор Москва стала особым уделом Даниилова потомства. С тех же пор началось быстрое усиление и возвышение нового удела.

А. Васнецов. Постройка новых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 году

Первая причина возвышения Москвы и усиления Московских князей заключалась в **особенно выгодном географическом положении города Москвы**. Москва была расположена в узле дорог, ведущих из южной Руси в северную и из Новгородской земли в Рязанскую. Переселенцы из южных областей, идя на север, не могли миновать реки Москвы и в большом числе оседали вокруг города Москвы ранее, чем подвигались далее к северу. Оттого Московское княжество быстро и густо заселялось, а это давало московским князьям большие средства, так как чем гуще было население удела, тем больше получал удельный князь. Река Москва, с другой стороны, была таким водным путем, который соединял верховья Волги со средним течением Оки. Этим путем пользовались новгородцы, перевоза к себе хлеб, воск и мед из богатейших мест Рязанской земли. Владея такою торговою дорогою, московские князья извлекали свои доходы из торгового движения в виде пошлин с купцов и т. п. Таким образом, географически центральное положение Москвы способствовало быстрому заселению Московского княжества и обогащению московских князей. Изобилие же материальных средств давало этим князьям большую силу и склонность к «примыслам».

А. Васнецов. Строительство деревянных стен Кремля. XII век

Второю причиною возвышения Москвы были **таланты и ловкость первых московских князей**, умевших использовать выгоды своего положения. Первые два московских князя, **Даниил Александрович** и сын его **Юрий**, успели «примыслить» себе все течение Москвы-реки, отняв от Рязанского князя город Коломну на устье р. Москвы и от Смоленского князя город Можайск на верховьях р. Москвы. Кроме того, князь Даниил получил город Переяславль-Залесский по завещанию бездетного Переяславского князя. Земли и богатства Юрия Даниловича выросли настолько, что он как представитель старшей линии в потомстве Ярослава Всеволодовича решился искать в орде ярлыка на великое княжение Владимирское и вступил в борьбу за Владимир с Тверским князем Михаилом Ярославичем. (Этот князь Михаил, будучи племянником князя Александра Невского, приходился младшим двоюродным братом Даниилу Московскому и, стало быть, дядею князю Юрию Даниловичу.) Борьба велась в орде путем интриг и насилий. Оба князя, и Московский, и Тверской, в орде были убиты. (Князь Михаил Ярославич, замученный татарами, причтен церковью к лику святых.) Великокняжеский стол тогда достался сыну Михаила, Александру Тверскому; а в Москве вокняжился брат Юрия Иван, по прозвищу Калита (то есть кошель). Улучив минуту, Калита снова начал борьбу с Тверью и, наконец, в 1328 г. добился великого княжения, которое с той поры уже не выходило из рук Московской династии.

§ 43. Первые московские князья

Великий князь Иван Калита и его ближайшие преемники. О деятельности великого князя *Ивана Даниловича Калиты* известно немного. Но то, что известно, говорит о его уме и таланте. Сел он на великом княжении, — и, по словам летописца, «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаша татарове воевати Русскую землю». Именно этому князю приписывается та важная заслуга, что он исхлопотал себе разрешение доставлять «выход» в орду своими средствами, без участия татарских сборщиков дани. Таким образом, был уничтожен главный повод для въезда татар в русские земли и было достигнуто внутреннее спокойствие и безопасность на Руси. По преданию, Иван Калита очистил свою землю и от «татей», то есть внутренних разбойников и воров. Тишина и порядок во владениях Калиты привлекали туда население: к Калите приходили на службу и на жилье как простые люди, так и знатные бояре с толпами своей челяди. Самым же главным политическим успехом Калиты было привлечение в Москву Русского митрополита.

Аполлинарий Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите

С упадком Киева, когда его покинули старшие князья, должен был возникнуть вопрос и о том, где быть митрополиту всея Руси: оставаться ли ему в заглохшем Киеве или искать нового места жительства? Около 1300 г. митрополит Максим решил этот вопрос, переселившись во Владимир-на-Клязьме после одного из татарских погромов в Киеве. Уход владыки на север побудил галичских князей просить Цареградского патриарха устроить особую митрополию в юго-западной Руси. Но патриарх не согласился разделить русскую церковь. После смерти Максима он поставил на Русь митрополитом игумена Петра, воынца родом; а Петр, осмотревшись в Киеве, поступил так же, как Максим, и переехал на север. Официальным местопребыванием его стал стольный город Владимир; но так как в этом городе великие князья уже не жили и за Владимир спорили Москва с Тверью, то Петр решительно склонился в пользу Москвы, во всем поддерживал Московского князя Ивана Калиту, подолгу жил у него в Москве и основал там знаменитый Успенский собор, наподобие Успенского собора Владимирского. В этом соборе он и был погребен, когда кончина застигла его в Москве. Его преемник грек Феогност уже окончательно утвердился в Москве, и, таким образом, Москва стала церковною столицей всей Русской земли. Ясна вся важность этого события: в одно и то же время в Москве образовалось средоточие и политической, и церковной власти, и, таким образом, прежде малый, город Москва стал центром «всея Руси». Предание говорит, что, создавая Успенский собор в Москве как главную святыню зарождавшегося государства, святитель Петр предсказал славное будущее Москвы Ивану Калите, тогда еще не получившему великого княжения. Благодарные москвичи необыкновенно чтили память Петра митрополита и причли его к лику святых как «всея России чудотворца» вскоре же по его кончине.

Таковы были первые успехи, достигнутые московскими князьями благодаря их ловкости, выгодному положению их удела и сочувствию духовенства. Немедленно же стали сказываться и последствия этих успехов. При самом Калите (1328–1341) и при его двух сыновьях, **Семене Гордом** (1341–1353) и **Иване Красном** (1353–1359), которые так же, как и отец их, были великими князьями всея Руси, Москва начала решительно брать верх над прочими княжествами. Иван Калита распоряжался самовластно в побежденной им Твери, в Новгороде и в слабом Ростове. Сыну его, Семену, по словам летописца, «все князья русские даны были под руки»: самое прозвище Семена «Гордый» показывает, как он держал себя со своими подручными. Опираясь на свою силу и богатство, имея поддержку в орде, московские князья явились действительно властью, способною поддержать порядок и тишину не только в своем уделе, но и во всей Владимиро-Суздальской области. Это было важно и так желанно для измученного татарами и внутренними неурядицами народа, что он охотно шел под власть Москвы и поддерживал московских князей. К московским князьям приезжало много знатных слуг, бояр со своими дружинами, с юга и из других уделов суздальских. Поступая на службу к московским князьям, эти слуги усиливали собою рать московскую, но и сами, служа сильному князю, улучшали свое положение и становились еще знатнее. Быть слугою и боярином великого князя было лучше, чем служить в простом уделе; поэтому слуги московских князей старались, чтобы великое

княжение всегда принадлежало Москве. Бояре московские были верными слугами своих князей даже и тогда, когда сами князья были слабы. Так было при великом князе Иване Ивановиче Красном, который был «кроткий и тихий», по выражению летописи, и при его сыне Дмитрии, который остался после отца всего девяти лет.

Вместе с боярством и духовенство проявляло особое сочувствие и содействие московским князьям. После того, как митрополит Феогност окончательно поселился в Москве, он подготовил себе преемника — московского инока, москвича родом, Алексия, происходившего из знатной боярской семьи (Плещеевых). Посвященный в митрополиты, Алексий при слабом Иване Красном и в малолетстве сына его Дмитрия стоял во главе Московского княжества, был, можно сказать, его правителем. Обладая исключительным умом и способностями, митрополит Алексий пользовался большою благосклонностью в орде (где он вылечил болевшую глазами ханшу Тайдулу) и содействовал тому, что великое княжение укрепилось окончательно за московскими князьями. На Руси он являлся неизменным сторонником московских князей и действовал своим авторитетом всегда в их пользу. Заслуги св. Алексия пред Москвою были так велики, и личность его была так высока, что память его в Москве чтилась необычайно. Спустя 50 лет после его кончины (он умер в 1378 г.) были обретены, в основанном им Чудовом монастыре в Москве, его мощи и было установлено празднование его памяти. Руководимое св. Алексием русское духовенство держалось его направления и всегда поддерживало московских князей в их стремлении установить на Руси сильную власть и твердый порядок.

Митрополит Алексей. Икона

Как мы знаем, духовенство изначала вело на Руси проповедь богоустановленности власти и необходимости правильного государственного порядка. С большою чуткостью передовые представители духовенства угадали в Москве возможный государственный центр и стали содействовать Москве. Вслед за митрополитом Алексием в этом отношении должен быть упомянут его сотрудник преподобный инок Сергей [Радонежский], основатель знаменитого Троицкого монастыря (теперь Троице-Сергиева лавра в 66 верстах на север от Москвы). Вместе с митрополитом Алексием и самостоятельно, сам по себе, этот знаменитый подвижник выступал на помощь Москве во все трудные минуты народной жизни и поддерживал своим громадным нравственным авторитетом начинания московских князей.

Аполлинарий Васнецов. Троице-Сергиева лавра

За знатными боярами и высшим духовенством тянулось к Москве и все народное множество. Московское княжество отличалось внутренним спокойствием; оно было заслонено от пограничных нападений окраинными княжествами (Рязанским, Нижегородским, Смоленским и др.); оно было в дружбе с ордою. Этого было достаточно, чтобы внушить желание поселиться поближе к Москве, под ее защиту. Народ шел на московские земли, и московские князья строили для него города, слободы, села. Они сами покупали себе целые уделы у обедневших князей (ярославских, белозерских, ростовских) и простые села у мелких владельцев. Они выкупали в орде русский «полон», выводили его на свои земли и заселяли этими пленниками, «ордынцами», целые слободы. Так множилось население в московских волостях, а вместе с тем вырастали силы и средства у московских князей.

Таким образом, первые успехи московских князей, давшие им великокняжеский сан, имели своим последствием решительное преобладание Москвы над другими уделами; а это в свою очередь вызвало сочувствие и поддержку Москве со стороны боярства, духовенства и народной массы. До конца XIV ст., при Калите и его сыновьях, рост московских сил имел характер только внешнего усиления путем счастливых «примыслов». Позже, когда московские князья явились во главе всей Руси борцами за Русскую землю против орды и Литвы, Москва стала центром народного объединения, а московские князья — национальными государями.

§ 44. Дмитрий Донской и Куликовская битва

Сыновья Ивана Калиты умирали в молодых годах и княжили недолго. Семен Гордый умер от моровой язвы (чумы), обошедшей тогда всю Европу; Иван Красный скончался от неизвестной причины, имея всего 31 год.

После Семёна детей не осталось вовсе; после Ивана осталось всего два сына. Семья московских князей, таким образом, не умножалась, и московские удельные земли не дробились, как то бывало в других уделах. Поэтому сила Московского княжества не ослабела, и московские князья один за другим получали в орде великое княжение и крепко держали его за собою. Только после смерти Ивана Красного, когда в Москве не осталось взрослых князей, ярлык на великое княжение был отдан суздальским князьям. Однако десятилетний Московский князь Дмитрий Иванович, направляемый митрополитом Алексием и боярами, начал борьбу с соперниками, успел привлечь на свою сторону хана и снова овладел великим княжением Владимирским. Суздальский князь (Дмитрий Константинович) был великим князем около двух лет.

Так началось замечательное княжение **Дмитрия Ивановича [Донского]**. Первые его годы руководство делами принадлежало митрополиту Алексию и боярам; потом, когда Дмитрий возмужал, он вел дела сам. Во все время одинаково политика Москвы при Дмитрии отличалась энергией и смелостью.

Дмитрий Донской на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

Автор фото — Дар Ветер ([http://commons.wikimedia.org/wiki/User: Дар_Ветер](http://commons.wikimedia.org/wiki/User:Дар_Ветер))

Во-первых, в вопросе о великом княжении Московский князь прямо и решительно стал на такую точку зрения, что великокняжеский сан и город Владимир составляют «вотчину», то есть наследственную собственность московских князей, и никому другому принадлежать не могут. Так Дмитрий говорил в договоре с Тверским князем и так же писал в своей духовной грамоте, в которой прямо Завещал великое княжение, вотчину свою, старшему своему сыну.

Во-вторых, в отношении прочих князей Владимиро-Суздальской Руси, а также в отношении Рязани и Новгорода Дмитрий держался властно и повелительно. По выражению летописца, он «всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновашуся воле его, а на тех нача посягати». Он вмешивался в

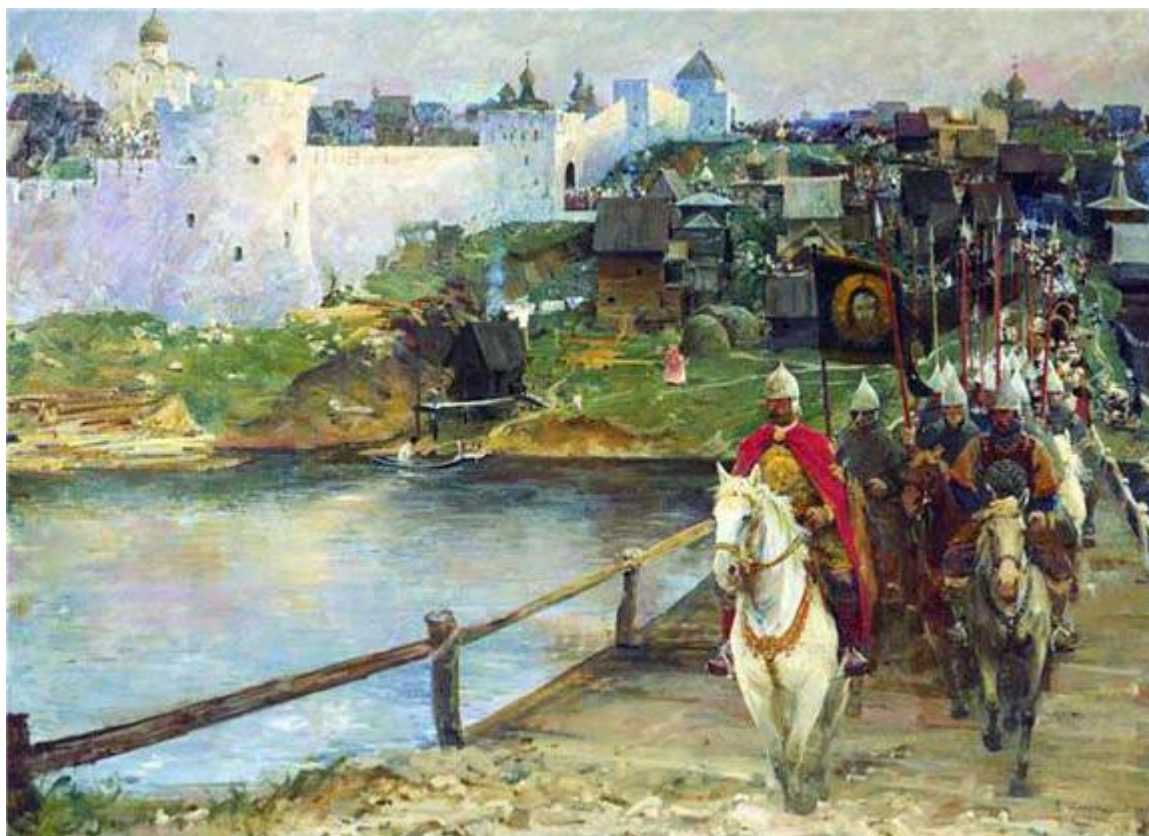
дела других княжеств: утвердил свое влияние в семье суздальско-нижегородских князей, победил Рязанского князя Олега и после долгой борьбы привел в зависимость от Москвы Тверь. Борьба с Тверью была особенно упорна и продолжительна. Тверской великий князь Михаил Александрович обратился за помощью к литовским князьям, которые в то время обладали уже большими силами. Литовский князь Ольгерд осадил самую Москву, только что обнесенную новою каменной стеною, но взять ее не мог и ушел в Литву. А московские войска затем осадили Тверь. В 1375 г. между Тверью и Москвою был заключен, наконец, мир, по которому Тверской князь признавал себя «младшим братом» Московского князя и отказывался от всяких притязаний на Владимирское великое княжение. Но с Литвою осталась у Москвы вражда и после мира с Тверью. Наконец, в отношении Новгорода Дмитрий держал себя властно; когда же, в конце его княжения, новгородцы ослушались его, он пошел на Новгород войною и смирил его, наложив на новгородцев «окуп» (контрибуцию) в 8000 руб. Так выросло при Дмитрие значение Москвы в северной Руси: она окончательно торжествовала над всеми своими соперниками и врагами.

А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрие Донском

В-третьих, при Дмитрии Русь впервые отважилась на открытую борьбу с татарами. Мечта об освобождении Руси от татарского ига жила и раньше среди русских князей. В своих завещаниях и договорах они нередко выражали надежду, что «Бог свободит от орды», что «Бог орду переменит». Семен Гордый в своей душевной грамоте увещевал братьев жить в мире по отцову завету, «чтобы не перестала память родителей наших и наша, чтобы свеча не угасла». Под этой свечой разумелась неугасимая мысль о народном освобождении. Но пока орда оставалась сильною и грозною, иго ее по-прежнему тяготело над Русью. Борьба с татарами стала возможна и необходима лишь тогда, когда в орде началась «замаятия многа», иначе говоря, длительное междоусобие. Там один хан убивал другого, властители сменялись с необыкновенною быстротою, кровь лилась постоянно, и, наконец, орда разделилась надвое и терзалась постоянною враждою. Можно было уменьшить дань орде и держать себя независимее. Мало того: явилась необходимость взяться за оружие против отдельных татарских шаек. Во время междоусобий из орды выбегали на север изгнанники татарские и неудачники, которым в орде грозила гибель. Они сбивались в большие военные отряды под предводительством своих князьков и жили грабежом русских и мордовских поселений в области рек Оки и Суры. Считая их за простых разбойников, русские люди без стеснений гоняли их и били. Князья рязанские, нижегородские и сам великий князь Дмитрий посылали против них свои рати. Сопротивление Руси озлобляло татар и заставляло их, в свою очередь, собирать против Руси все большие и большие силы. Они собрались под начальством царевича Арапши (Арабшаха), нанесли русским войскам сильное поражение на р. Пьяне (приток Суры), разорили Рязань и Нижний-Новгород (1377). За это москвичи и нижегородцы разорили мордовские места, в которых держались татары, на р. Суре. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Тогда овладевший ордою и затем провозгласивший себя ханом князь Мамай отправил на Русь свое войско для наказания строптивых князей. Нижний-Новгород был сожжен; пострадала Рязань. Но Дмитрий Иванович Московский не пустил татар в свои земли и разбил их в Рязанской области на р. Воже (1378). Обе стороны понимали, что предстоит новое столкновение. Отбивая разбойничьи шайки, русские князья постепенно втянулись в борьбу с ханскими войсками, которые поддерживали разбойников; победа над ними давала

русским мужество для дальнейшей борьбы. Испытав неповиновение со стороны Руси, Мамай должен был или отказаться от власти над Русью, или же идти снова покорять Русь, поднявшую оружие против него. Через два года после битвы на Воже Мамай предпринял поход на Русь.

Е. Данилевский. К полю Куликову

Понимая, что Русь окажет ему стойкое сопротивление, Мамай собрал большую рать и, кроме того, вошел в сношения с Литвою, которая, как мы знаем, была тогда враждебна Москве. Литовский князь (преемник Ольгерда) Ягайло обещал Мамаю соединиться с ним 1 сентября 1380 г. Узнав о приготовлениях Мамаю, Рязанский князь Олег также вошел в сношения с Мамаем и Ягайлом, стараясь уберечь свою украинную землю от нового неизбежного разорения татарами. Не укрылись приготовления татар к походу и от Московского князя. Он собрал вокруг себя всех своих подручных князей (ростовских, ярославских, белозерских). Послал он также за помощью к прочим великим князьям и в Новгород, но ни от кого из них не успел получить значительных вспомогательных войск и остался при одних своих силах. Силы эти, правда, были велики, и современники удивлялись как количеству, так и качеству московской рати. По вестям о движении Мамаю князь Дмитрий выступил в поход в августе 1380 г. Перед началом похода был он у преподобного Сергия [Радонежского] в его монастыре и получил его благословение на брань. Знаменитый игумен дал великому князю из братии своего монастыря двух богатырей, по имени Пересвет и Ослебя[4], как видимый знак своего сочувствия к подвигу князя Дмитрия. (Оба эти богатыря, носившие схиму монашескую на доспехах, погибли в бою с татарами и погребены в Симонове монастыре в Москве.)

П. Рыженко. Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву

Первоначально московское войско двинулось на Коломну, к границам Рязани, так как думали, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Когда же узнали, что татары идут западнее, чтобы соединиться с литвою, то великий князь двинулся тоже на запад, к Серпухову, и решил не ждать Мамайа на своих границах, а идти к нему навстречу в «дикое поле» и встретить его раньше, чем он успеет там сойтись с литовскою ратью. Не дать соединиться врагам и бить их порознь — это обычное военное правило. Дмитрий переправился через Оку на юг, пошел к верховьям Дона, перешел и Дон и на Куликовом поле, при устье речки Непрядвы (впадающей в Дон справа), встретил Мамаеву рать. Литовский князь не успел соединиться с нею и был, как говорили тогда, всего на один день пути от места встречи русских и татар.

А. Бубнов. Утро на Куликовом поле

Боясь дурного исхода предстоящей битвы, великий князь поставил в скрытном месте, в дубраве у Дона, особый засадный полк под начальством своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича и боярина Боброка, волынца родом. Опасения Дмитрия оправдались: в жесточайшей сече татары одолели и потеснили русских; пало много князей и бояр; сам великий князь пропал безвестно: сбитый с ног, он без чувств лежал под деревом.

И. Глазунов. Временный перевес татар

В критическую минуту засадный полк ударил на татар, смял их и погнал. Не ожидавшие удара татары бросили свой лагерь и бежали без оглядки. Сам Мамай убежал с поля битвы с малою свитою. Русские преследовали татар несколько десятков верст и забрали богатую добычу.

В. Маторин, П. Попов. Удар Засадного полка

Возвращение великого князя в Москву было торжественно, но и печально. Велика была победа, но велики и потери. Когда, спустя два года (1382), новый ордынский хан, свергший Мамая, **Тохтамыш** внезапно пришел с войском на Русь, у великого князя не было под руками достаточно людей, чтобы встретить врага, и он не смог их скоро собрать. Татары подошли к Москве, а Дмитрий ушел на север. Москва была взята татарами, ограблена и сожжена; разорены были и другие города. Татары удалились с большой добычей и с полонем, а Дмитрий должен был признать себя снова данником татар и дать хану заложником своего сына Василия. Таким образом, иго не было свергнуто, а северная Русь была обессилена безуспешною борьбою за освобождение.

А. Васнецов. Оборона Москвы от нашествия хана Тохтамыша

Тем не менее **Куликовская битва** имела громадное значение для северной Руси и для Москвы. Современники считали ее величайшим событием и победителем татар, великому князю Дмитрию, дали почетное прозвище «Донского» за победу на Дону. Военное значение Куликовской битвы заключалось в том, что **она уничтожила прежнее убеждение в непобедимости орды и показала, что Русь окрепла для открытой борьбы за независимость**. Набег Тохтамыша не уменьшил этого значения Мамаева побоища: татары одолели в 1382 г. только потому, что пришли «изгоном», внезапно и крадучись, а Москва их проглядела и не убереглась. Все понимали, что теперь Русь не поддастся, как прежде, нашествиям орды и что татарам можно действовать против Руси только нечаянными набегами. Политическое же и национальное значение Куликовской битвы заключалось в том, что **она дала толчок к решительному народному объединению под властью одного государя, Московского князя**. В глазах тогдашних русских людей события 1380 г. имели такой смысл: Мамаева нашествия со страхом ждала вся северная Русь. Рязанский князь, боясь за себя, «изменил», войдя в покорное соглашение с врагом. Другие крупные князья (суздальско-нижегородские, Тверской) притаились, выжидая событий. Великий Новгород не спешил со своей помощью. Один Московский князь, собрав свои силы, решился дать отпор Мамаю, и притом не на своем рубеже, а в диком поле, где он заслонил собою не один свой удел, а всю Русь. Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую; а отразив этот натиск, он явил у себя такую мощь, которая ставила его естественно во главе всего народа, выше всех других князей. К нему как к своему единому государю потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Дмитрия Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки удельные земли.

А. Брюллов. Памятник на Куликовом поле

Таково значение Куликовской битвы. Она уничтожила призрак татарской непобедимости и превратила Московского удельного князя в национального великорусского государя, ускорив процесс народного и

§ 45. Великие князья Василий I Дмитриевич и Василий II Васильевич Темный

Донской умер всего 39-ти лет и оставил после себя нескольких сыновей. Старшего, Василия, он благословил великим княжением Владимирским и оставил ему часть в Московском уделе; остальным сыновьям он поделил прочие города и волости своего Московского удела. При этом в своем завещании он выразился так: «А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев удел». На основании этих слов второй сын Дмитрия, Юрий, считал себя наследником своего старшего брата как в московских землях, так и в великом княжении. В этом он был не прав, потому что Дмитрий имел в виду только тот случай, если бы Василий умер бездетным; вообще же московские князья держались в своих завещаниях начала семейного наследования, а не родового, и сами звали себя «вотчиками» великокняжеских и своих удельных земель.

При великом князе **Василии I Дмитриевиче** (1389–1425) Русь пережила два татарских нашествия: первое от хана Тимур-Ленка, или Тамерлана, который, однако, не пошел далее южных рязанских окраин[5], а второе от татарского мурзы (князя) Едигея, мстившего Василию за неплатеж «выхода» в орду. Едигей внезапно и скрытно, обманом, вторгся в Русскую землю и осадил Москву (1408). Великий князь ушел на север, а Едигей разорил почти все его области и, взяв «окуп» с Москвы, безнаказанно вернулся в орду.

Тимур. Реконструкция по черепу М.Герасимова

Таковы были отношения Василия Дмитриевича к татарам. С Литвою у Василия так же шла вражда, как и у

его отца. Постоянно усиливаясь, литовские князья подчиняли себе русские области на верховьях Днепра и Западной Двины; но к тому же стремилась и Москва, собиравшая к себе русские земли. Несмотря на то, что великий князь Московский был женат на дочери великого князя Литовского Витовта (Софии), между ними дело доходило до открытых войн. Столкновения закончились тем, что границей владений Литвы и Москвы была признана р. Угра, левый приток Оки. Примирившись с тестем, Василий Дмитриевич вверил Витовту попечительство над своим сыном, а его внуком, великим князем Василием Васильевичем. Это была минута наибольшего превосходства Литовского княжества над Московскою Русью (§ 40).

Великий князь **Василий II Васильевич**, по прозвищу Темный (то есть слепой), остался после своего отца всего десяти лет. Его княжение (1425–1462) было очень беспокойно и несчастливо. Дядя великого князя, Юрий Дмитриевич, удельный князь богатого Галича (на верховьях р. Костромы), не желал признавать малолетнего племянника великим князем и желал себе старшинства. Когда умер попечитель Василия Витовт, Юрий открыто заявил свои притязания, и началась борьба Юрия и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки с Василием Васильевичем за Москву и великое княжение. Междоусобие это тянулось около 20 лет (1430–1450) и доходило до больших жестокостей. Так, например, Василий Васильевич приказал ослепить попавшего к нему в плен Василия Косого, за что сам был потом ослеплен Дмитрием Шемякою. Москва много раз переходила из рук в руки, но окончательно досталась Василию Васильевичу вместе с землями его врагов. В этой борьбе удельных князей с великим князем Московским новый обычай вотчинного наследования от отца к сыну восторжествовал решительно и бесповоротно над старым порядком родового наследования и старшинства дядей над племянниками. Огромное большинство населения, духовенство и боярство стояли на стороне Василия Васильевича: народ уже оценил преимущества семейного наследования, ведшего к установлению единовластия, желаемого страню.

В. Муйжель. Свидание Дмитрия Шемяки с князем Василием II Тёмным

Во время московской усовицы татары беспокоили русские земли, как и в прежнее время, воровскими набегами. Распадение Золотой орды выражалось, между прочим, в том, что татарские князья все в большем и в большем числе изгонялись из орды во время междоусобий и должны были искать себе пристанища. Одни из них мирно просились и поступали на службу к московским князьям; другие же начинали разорять русские земли и сами попадали под удары русских. Из таких изгнанников особенно заметен в это время был хан Улу-Махмет. Разорив русские волости по Оке, он пошел на Волгу и устроил себе город Казань на р. Казанке, близ впадения ее в Волгу. Основав там особое Казанское царство, он оттуда стал громить Русь, доходя в своих набегах до самой Москвы. Великий князь Василий II Васильевич вышел против татар, но под Суздалем был разбит и взят татарами в плен (1445). В Москве началась паника, ждали татар; но татары не пришли. Они выпустили великого князя за большой выкуп, который был собран с народа и пришелся ему тяжело. Неудовольствие народа усилилось еще и оттого, что с великим князем, когда он вернулся из плена, приехало

в Москву много татар на службу. Москвичам казалось, что великий князь «татар и речь их любит сверх меры, а христиан томит без милости». Тогда-то Шемяка, воспользовавшись недовольным настроением народа, захватил великого князя и осмелился его ослепить.

При многострадальном князе Василии II Васильевиче произошло важное событие в жизни русской церкви. Как известно, в 1439 г. на соборе православного и католического духовенства во Флоренции была совершена уния церквей восточной и западной. Император и патриарх константинопольские искали этой унии, надеясь, что, когда будет уничтожена церковная распря востока и запада, тогда папа и западные государи помогут грекам в их борьбе с турками. Погибая от турок, греческие власти готовы были на всякие уступки папе, и уния поэтому была устроена так, что греки сохраняли свой церковный обряд, но признавали все католические догматы и главенство пап. В то самое время, когда в Царьграде готовились к собору, надо было назначить на Русь митрополита. Назначили ученого грека, очень склонного к унии, Исидора. Приехав в Москву, он сейчас же стал собираться на собор в Италию, отправился туда с большою свитою и там стал одним из самых ревностных поборников соединения с латинством. Обласканный папою, возвратился он (в 1441 г.) в Москву и объявил о состоявшемся соглашении с Римом. Но в Москве соглашения не приняли, так как сами же греки целыми столетиями воспитывали в русских ненависть к католичеству. Исидор был взят под стражу и ухитрился бежать в Литву, откуда перебрался в Италию. А в Москве решились отделиться от Константинопольского патриархата, который предал православие папе, и впредь самим ставить себе митрополита по избранию собора русских архиереев. Новым порядком и был поставлен в митрополиты московские рязанский епископ Иона. В то же время в юго-западной Руси, на старой киевской митрополии, водворились особые митрополиты, по-прежнему назначаемые из Константинополя.

Штурм Константинополя турками в 1453

§ 46. Великий князь Иван III Васильевич; значение его деятельности

Преемником Василия Темного был его старший сын **Иван III Васильевич**. Слепой отец сделал его своим соправителем и еще при своей жизни дал ему титул великого князя. Выросши в тяжелое время междоусобий и смут, Иван рано приобрел житейский опыт и привычку к делам. Одаренный большим умом и сильной волей, он блестяще повел свои дела и, можно сказать, закончил собирание великорусских земель под властью Москвы, образовав из своих владений Великорусское государство. Когда он начал княжить, его княжество было окружено почти отовсюду русскими владениями: господина Великого Новгорода, князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских. Иван Васильевич подчинил себе все эти земли или силою, или мирными соглашениями. В конце своего княжения он имел лишь иноверных и соплеменных соседей: шведов, немцев,

литву, татар. Одно это обстоятельство должно было изменить его политику. Ранее, окруженный такими же, как он сам, владетелями, Иван был одним из многих удельных князей, хотя бы и самым сильным, теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой народности. В начале своего княжения он мечтал о «примыслах», как мечтали о них его удельные предки (§ 36); в конце же он должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных его врагов. Коротко говоря, сначала его политика была удельною, а затем стала **национальною**.

Иван III на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

(Автор фото — Дар Ветер: [http://commons.wikimedia.org/wiki/User: Дар_Ветер](http://commons.wikimedia.org/wiki/User:Дар_Ветер))

Приобретя такое значение, Иван III не мог, разумеется, делиться своей властью с другими князьями Московского дома. Уничтожая чужие уделы (в Твери, Ярославле, Ростове), он не мог оставлять удельных порядков в своей собственной родине. При первой возможности он отнимал уделы у своих братьев и ограничивал их старые права. Он требовал от них повиновения себе как государю от подданных. Составляя свое завещание, он обделил своих младших сыновей в пользу старшего их брата, великого князя Василия, и лишил их всяких державных прав, подчинив великому князю как простых служебных князей. Словом, везде во всем Иван проводил взгляд на великого князя как на единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как его служилые князья, так и простые слуги. Новая мысль о народном единодержавном государе вела к переменам в дворцовой жизни, к установлению придворного этикета

«чина»), к большей пышности и торжественности обычаев, к усвоению разных эмблем и знаков, выражавших понятие о высоком достоинстве великокняжеской власти. Так вместе с объединением северной Руси совершалось превращение Московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси.

Наконец, став национальным государем, Иван III усвоил себе новое направление во внешних отношениях Руси. Он сбросил с себя последние остатки зависимости от Золотоордынского хана. Он начал наступательные действия против Литвы, от которой Москва до сих пор только оборонялась. Он даже заявил притязания на все те русские области, которыми со времен Гедимина владели литовские князья: называя себя государем «всей Руси», он под этими словами разумел не только северную, но и южную и западную Русь. Твердую наступательную политику вел Иван и относительно Ливонского ордена. Он умело и решительно пользовался теми силами и средствами, которые накопили его предки и которые он сам создал в своем государстве.

В этом и заключается важное историческое значение княжения Ивана III. Объединение северной Руси вокруг Москвы началось давно: при Дмитрии Донском обнаружились первые его признаки; совершилось же оно при Иване III. Поэтому Ивана III можно с полным правом назвать создателем Московского государства.

§ 47. Подчинение Великого Новгорода и новгородских земель

Мы знаем (§ 27), что в последнее время самостоятельной новгородской жизни в Новгороде шла постоянная вражда между лучшими и меньшими людьми. Часто переходя в открытые усобицы, эта вражда ослабляла Новгород и делала его легкой добычей для сильных соседей Новгорода — Москвы и Литвы. Все великие московские князья старались взять Новгород под свою руку и держать там своих служилых князей в качестве московских наместников. Не раз за неповиновение новгородцев великим князьям москвичи ходили войною на Новгород, брали с него окуп (контрибуцию) и обязывали новгородцев к послушанию. Когда Василий Темный окончательно победил Шемяку (§ 45), Шемяка укрылся в Новгороде; за это Василий разгромил Новгород и принудил новгородцев присягнуть на том, что Новгород будет ему послушен и не будет принимать никого из враждебных ему князей. Притязания Москвы на Новгород заставляли новгородцев искать защиты и союза у литовских великих князей; а те, со своей стороны, при всякой возможности старались подчинить себе новгородцев и брали с них такие же окупы, как Москва, но в общем плохо помогали против Москвы. Поставленные между двух страшных врагов, новгородцы пришли к убеждению в том, что они сами не могут охранить и поддержать свою независимость и что только постоянный союз с кем-либо из соседей может продлить существование Новгородского государства. В Новгороде образовались две партии: одна — за соглашение с Москвою, другая — за соглашение с Литвою. За Москву стояло преимущественно простонародье, за Литву — бояре. Простые новгородцы видели в Московском князе православного и русского государя, а в Литовском — католика и чужака. Передаться из подчинения Москве в подчинение Литве значило для них изменить своей вере и народности. Бояре же новгородские, с семьею Борецких во главе, ожидали от Москвы полного разрушения старого новгородского строя и мечтали сохранить его именно в союзе с Литвою. После разгрома Новгорода при Василии Темном литовская партия в Новгороде взяла верх и стала готовить освобождение от московской зависимости, установленной при Темном, — путем перехода под покровительство Литовского князя. В 1471 г. Новгород, руководимый партией Борецких, заключил с Литовским князем и королем Польским Казимиром Ягайловичем союзный договор, по которому король обязался защищать Новгород от Москвы, дать новгородцам своего наместника и соблюдать все вольности новгородские и старину.

Когда в Москве узнали о переходе Новгорода к Литве, то взглянули на это как на измену не только великому князю, но и вере и русскому народу. В этом смысле великий князь Иван III писал в Новгород, убеждая новгородцев отстать от Литвы и короля-католика. Когда же новгородцы не послушались, то в Москве стали готовиться к походу на Новгород. Великий князь собрал у себя большой совет своих военачальников и чиновников вместе с духовенством, объявил на совете все новгородские неправды и измену и спрашивал у совета мнения о том, начать ли немедленно войну с Новгородом или ждать зимы, когда замерзнут новгородские реки, озера и болота. Решено было воевать немедленно. Походу на новгородцев был придан вид похода за веру на отступников: как Дмитрий Донской вооружился на безбожного Мамая, так, по словам летописца, благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников от православия к латинству. Московская рать разными дорогам вошла в Новгородскую землю. Под начальством князя Данила Холмского она скоро победила новгородцев: сначала один московский отряд на южных берегах озера Ильменя разбил новгородское войско, а затем в новой битве на р. Шелони главные силы новгородцев потерпели страшное поражение. Посадник Борецкий попал в плен и был казнен. Дорога на Новгород была открыта, а Литва не помогла Новгороду.

Пришлось новгородцам смириться перед Иваном и просить пощады. Они отказались от всяких сношений с Литвою и обязались быть неотступными от Москвы; сверх того, они заплатили великому князю огромный окуп в 15,5 тыс. рублей.

Новгородский Кремль (Детинец)

Иван возвратился в Москву, а в Новгороде возобновились внутренние смуты. Обижаемые своими насильниками, новгородцы жаловались великому князю на обидчиков, и Иван III лично отправился в 1475 г. в Новгород для суда и управы. Правосудие Московского князя, не пощадившего на своем суде сильных бояр, повело к тому, что обиженные у себя дома новгородцы стали ездить из года в год в Москву просить суда у Ивана. Во время одного из таких приездов два чиновника новгородских титуловали великого князя «государем», тогда как раньше новгородцы звали московского князя «господином». Разница была большая: слово «государь» в то время значило то же, что теперь значит слово «хозяин»; государем тогда называли своего хозяина рабы и слуги. Для вольных же новгородцев князь не был «государем», и они звали его почетным титулом «господин», так же точно, как звали и свой вольный город «господином Великим Новгородом». Естественно, что Иван мог схватиться за этот повод, чтобы покончить с новгородской вольностью. Его послы спросили в Новгороде: на каком основании новгородцы называют его государем и какого хотят государства? Когда же новгородцы отреклись от нового титула и сказали, что никого не уполномочивали называть Ивана государем, то Иван III пошел походом на Новгород за их ложь и заpiresательство. Новгород не имел сил бороться с Москвою. Иван осадил город и начал переговоры с новгородским владыкой Феофилом и боярами. Он потребовал безусловной покорности и объявил, что хочет в Новгороде такого же государства, как в Москве: вечу не быть, посаднику не быть, а быть московскому обычаю, как государи великие князья держат свое государство у себя в Московской земле. Долго думали новгородцы и, наконец, смирились: в январе 1478 г. согласились они на требование великого князя и целовали ему крест. Новгородское государство перестало существовать; вечевой колокол был увезен в Москву. Туда же была отправлена и семья бояр Борецких, во главе которой стояла вдова посадника Марфа. (Ее считали руководительницей противомосковской партии в Новгороде.) Вслед за Великим Новгородом были подчинены Москвою и все новгородские земли. Из них Вятка оказала некоторое сопротивление. В 1489 г. московские войска (под начальством князя Даниила Щеняти) силой покорили Вятку.

К. Лебедев. Марфа Посадница. Уничтожение новгородского веча

В первый год после подчинения Новгорода великий князь Иван не налагал своей опалы на новгородцев и не принимал крутых мер против них. Когда же в Новгороде попробовали восстать и вернуться к старине, — всего через год после сдачи Новгорода великому князю, — тогда Иван III начал с новгородцами крутую расправу. Владыка новгородский Феофил был взят и отправлен в Москву, а взамен его был прислан в Новгород архиепископ Сергей. Много новгородских бояр было казнено, еще больше было переселено на восток, в московские земли. Исподволь все лучшие люди новгородские были выведены из Новгорода, а земли их взяты на государя и розданы московским служилым людям, которых великий князь в большом числе поселил в новгородских пятинах.

Марфа Посадница над разбитым вечевым колоколом.

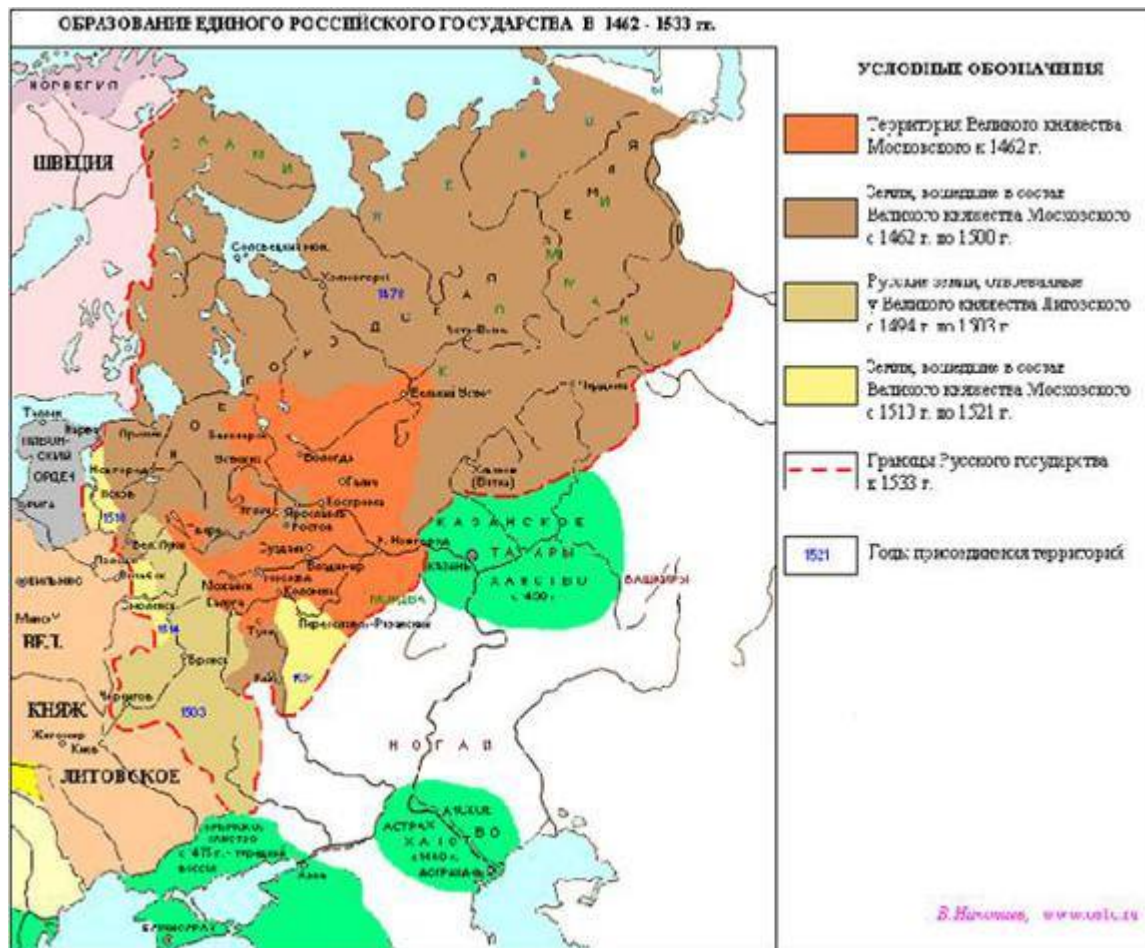
На Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

Таким образом, исчезла совсем новгородская знать, а с нею исчезла и память о новгородской вольности. Меньшие люди новгородские, смерды и половники, были избавлены от боярского гнета; из них были образованы крестьянские податные общины на московский образец. В общем их положение улучшилось, и они не имели побуждения жалеть о новгородской старине. С уничтожением новгородской знати пала и новгородская торговля с западом, тем более, что Иван III выселил из Новгорода немецких купцов. Так была уничтожена самостоятельность Великого Новгорода. Псков пока сохранил свое самоуправление, ни в чем не выходя из воли великого князя.

§ 48. Присоединение удельных княжеств

При Иване III деятельно продолжалось присоединение к Москве удельных земель. Те из мелких ярославских и ростовских князей, которые до Ивана III сохраняли еще свою независимость, при Иване все передали свои земли Москве и били челом великому князю, чтобы он принял их к себе в службу. Становясь московскими слугами и обращаясь в бояр Московского князя, эти князья сохраняли за собою свои родовые земли, но уже не в качестве уделов, а как простые вотчины. Они были их частными собственниками, а «государем» их земель почитался уже Московский великий князь. Таким образом, все мелкие уделы были собраны Москвою, оставались только Тверь и Рязань. Эти «великие княжения», когда-то боровшиеся с Москвою, теперь были слабы и сохраняли только тень своей независимости. Последние рязанские князья, два брата, Иван и Федор, были родными племянниками Ивана III (сыновьями его родной сестры Анны). Как мать их,

так и они сами не выходили из воли Ивана, и великий князь, можно сказать, сам правил за них Рязанью. Один из братьев (князь Федор) скончался бездетным и завещал свой удел дяде великому князю, отдав, таким образом, добровольно половину Рязани Москве. Другой брат (Иван) умер также молодым, оставив малютку сына, по имени Иван, за которого правила его бабушка и брат ее Иван III. Рязань оказалась в полной власти Москвы. Повиновался Ивану III и Тверской князь Михаил Борисович. Тверская рать ходила даже с москвичами покорять Новгород. Но позднее, в 1484–1485 гг., отношения испортились. Тверской князь завел дружбу с Литвою, думая от Литовского великого князя получить помощь против Москвы. Иван III, узнав об этом, начал войну с Тверью и, конечно, победил. Михаил Борисович убежал в Литву, а Тверь была присоединена к Москве (1485). Так совершилось окончательное объединение северной Руси.

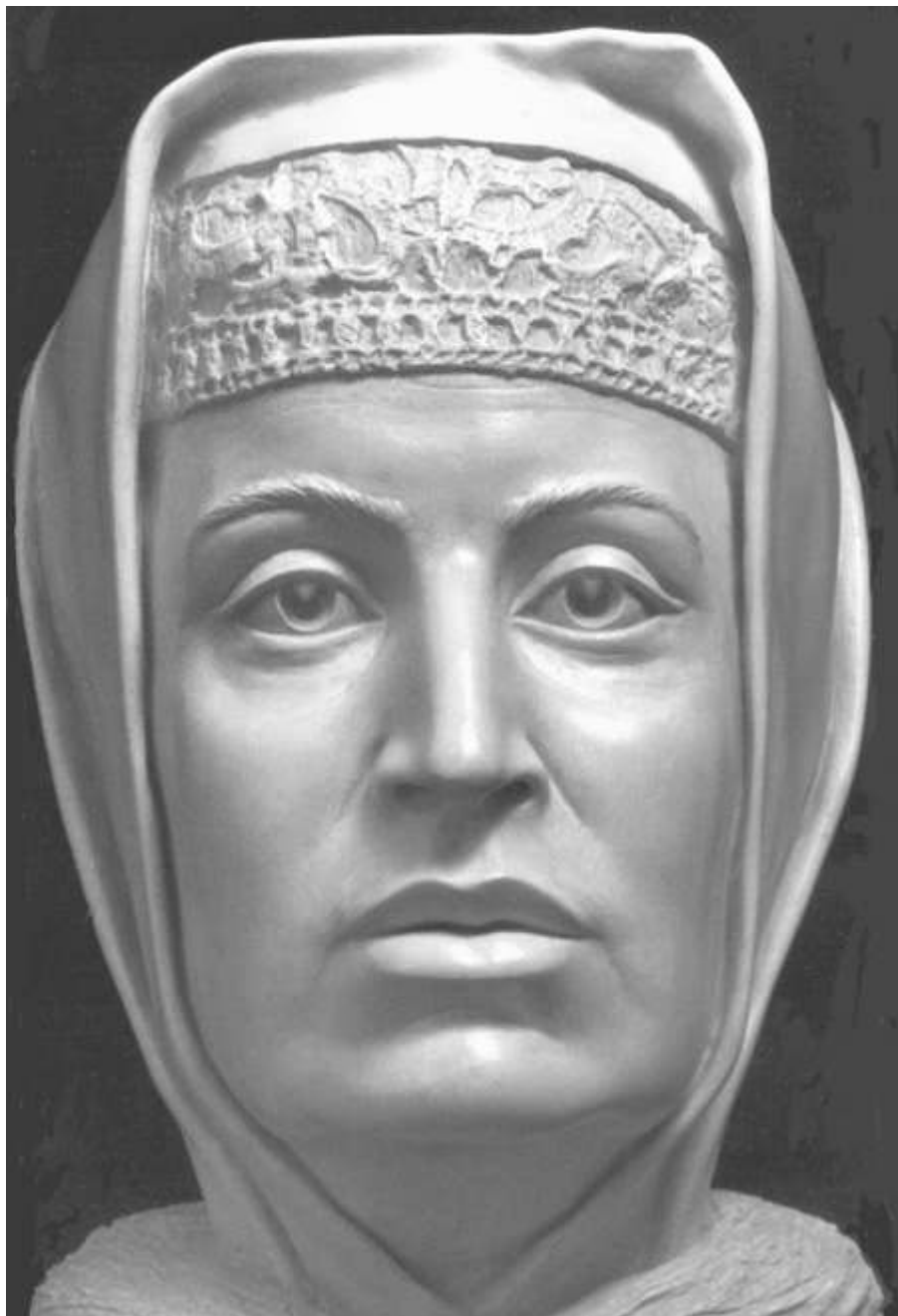
Объединение Московской Руси (карта)

Мало того, объединительная национальная политика Москвы влекла к московскому государю и таких служилых князей, которые принадлежали не северной Руси, а Литовско-Русскому княжеству. Князья Вяземские, Одоевские, Новосильские, Воротынские и мн. др., сидевшие на восточных окраинах Литовского государства, бросали своего великого князя и переходили на службу московскую, подчиняя Московскому князю и свои земли. Именно этот переход старых русских князей от католического государя Литвы к православному князю северной Руси и давал повод московским князьям считать себя государями всей Русской земли, даже и той, которая находилась под литовским владычеством и хотя еще не соединилась с Москвою, но должна была, по их мнению, соединиться по единству веры, народности и старой династии св. Владимира.

§ 49. Жени́тьба Ивана III на Со́фье Палеолог

Необыкновенно быстрые успехи великого князя Ивана III в собирании русских земель сопровождались существенными переменами в московском придворном быту. Первая жена Ивана III, тверская княжна Мария Борисовна, умерла рано, в 1467 г., когда Ивану не было еще и 30 лет. После нее у Ивана остался сын — князь Иван Иванович «Молодой», как его обыкновенно называли. В ту пору уже завязывались сношения Москвы с западными странами. По разным причинам римский папа был заинтересован тем, чтобы установить сношения с Москвою и подчинить ее своему влиянию. От папы и вышло предположение устроить брак молодого Московского князя с племянницей последнего Константинопольского императора Зоей-Софией Палеолог.

После взятия Царьграда турками (1453) брат убитого императора Константина Палеолога, по имени Фома, бежал с семейством в Италию и там умер, оставив детей на попечении папы. Дети были воспитаны в духе Флорентийской унии, и папа имел основание надеяться, что, выдав Софью за Московского князя, он получит возможность ввести унию в Москву. Иван III согласился начать сватовство и отправил в Италию послов за невестой. В 1472 г. она приехала в Москву, и брак состоялся. Однако надеждам папы не суждено было осуществиться: папский легат, сопровождавший Софью, не имел никакого успеха в Москве; сама Софья ничем не содействовала торжеству унии, и, таким образом, брак Московского князя не повлек за собою никаких видимых последствий для Европы и католичества. Но он имел некоторые последствия для московского двора.

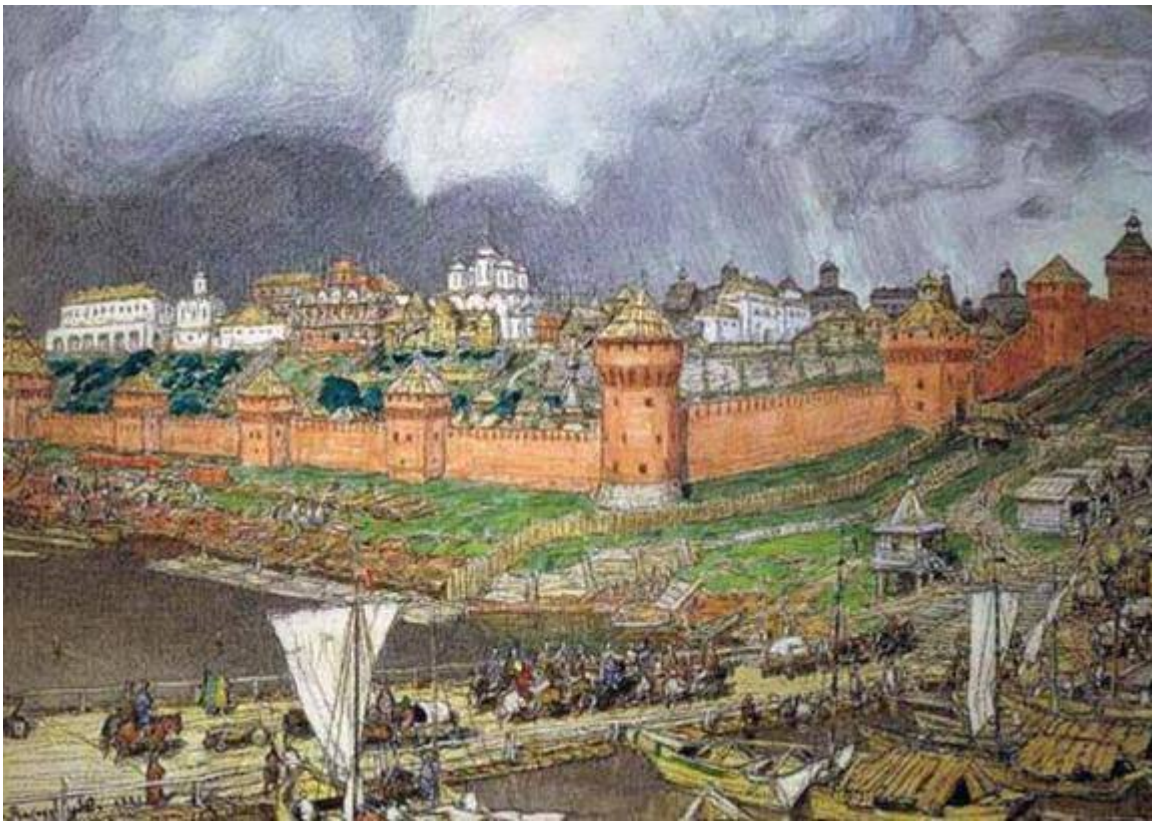
Софья Палеолог. Реконструкция по черепу С. А. Никитина

Во-первых, он содействовал оживлению и укреплению завязывавшихся в ту эпоху сношений Москвы с Западом, с Италией в особенности. Вместе с Софьей прибыли в Москву греки и итальянцы; приезжали они и впоследствии. Великий князь держал их у себя как «мастеров», поручая им строение крепостей, церквей и палат, литье пушек, чеканку монеты. Иногда этим мастерам вверялись и дипломатические дела, и они ездили в Италию с поручениями от великого князя. Выезжих итальянцев в Москве называли общим именем «фрязин» (от «фряг», «франк»); таким образом, действовали в Москве Иван Фрязин, Марк Фрязин, Антоний Фрязин и т. п. Из итальянских мастеров особо известностью пользовался архитектор Аристотель Фиораванти, построивший в Московском Кремле знаменитые Успенский собор и Грановитую палату.

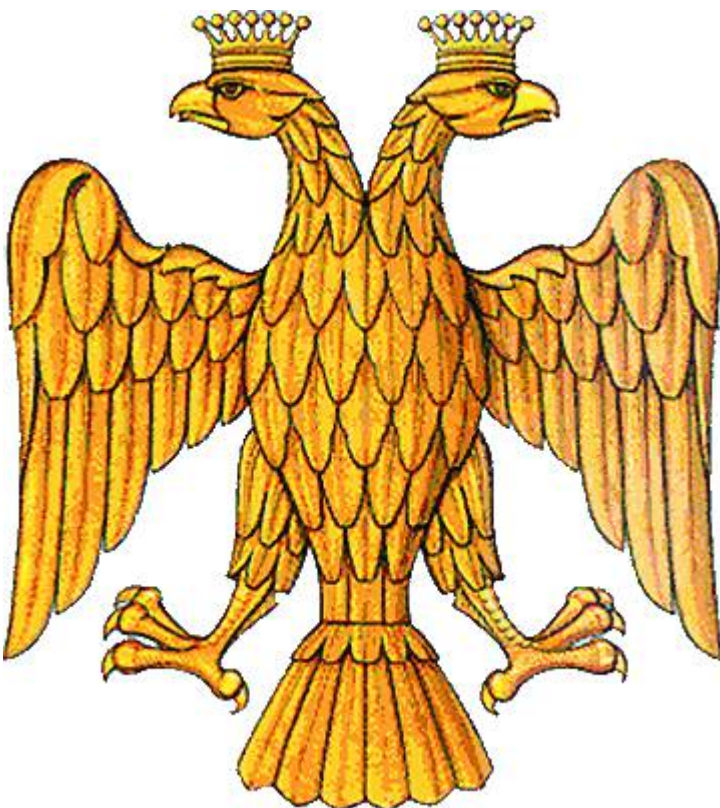
Успенский собор в Московском Кремле

Вообще трудами итальянцев при Иване III Кремль был обустроен и украшен заново. Рядом с «фряжскими» мастерами у Ивана III работали и немецкие, хотя в его пору они не играли первой роли; выдавались только лекари-«немчины». Кроме мастеров, в Москве появлялись иноземцы гости (например, греческая родня Софьи) и послы от западноевропейских государей. (Между прочим, посольство от римского императора предлагало Ивану III титул короля, от которого Иван отказался.) Для приема гостей и послов при московском дворе был выработан определенный «чин» (церемониал), совсем отличный от того чина, который соблюдался прежде при приемах татарских посольств. И вообще порядок придворной жизни при новых обстоятельствах изменился, стал сложнее и церемоннее.

А. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

Во-вторых, появлению в Москве Софьи московские люди приписывали большие перемены в характере Ивана III и замешательства в княжеской семье. Они говорили, что как пришла Софья с греками, так земля замешалась и пришли нестроения великие. Великий князь изменил свое обращение с окружающими: стал держать себя не так просто и доступно, как прежде, требовал знаков почтения к себе, стал взыскателен и легко опался (налагал немилость) на бояр. Он стал обнаруживать новое, непривычно высокое представление о своей власти. Женившись на греческой царевне, он как будто считал себя преемником исчезнувших греческих императоров и намекал на это преемство тем, что усвоил себе византийский герб — двуглавого орла.

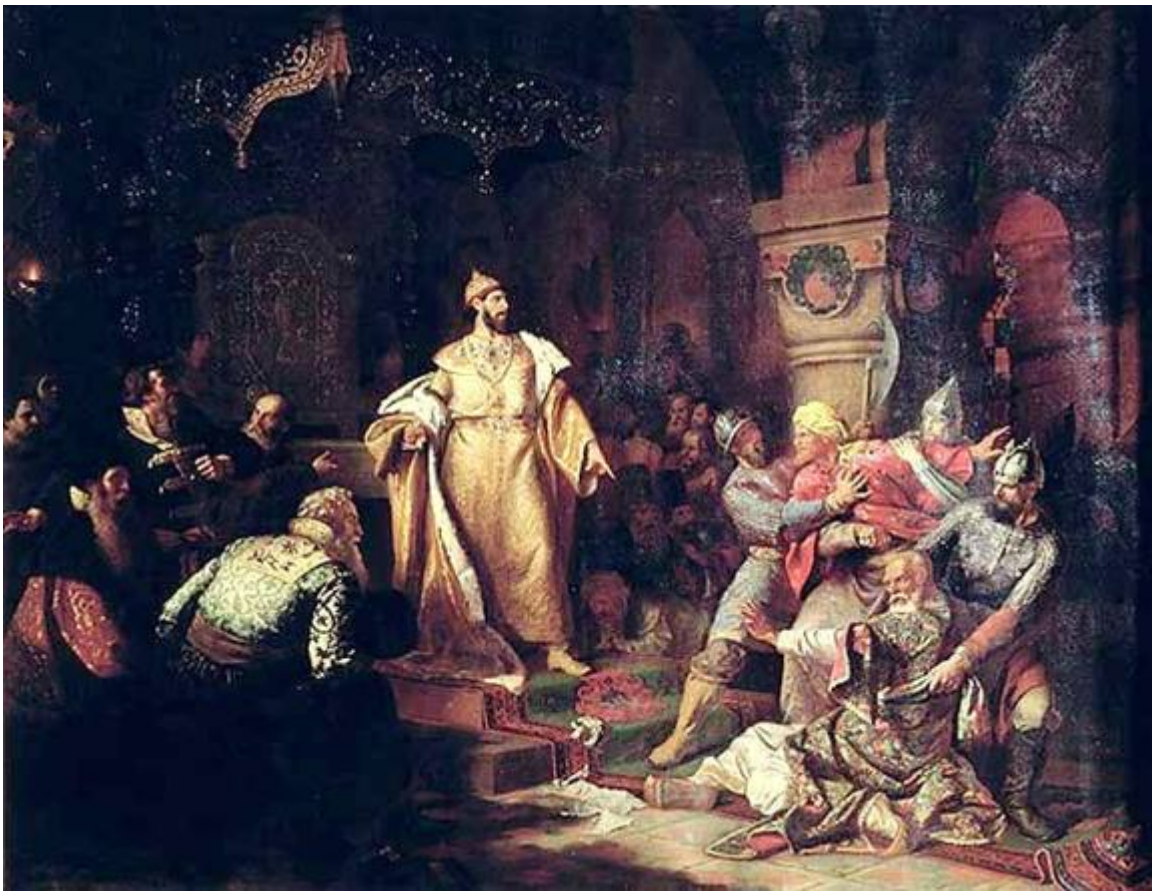
Московский герб в конце XV века

Словом, после брака с Софьей Иван III проявил большое властолюбие, которое потом испытала на себе и сама великая княгиня. В конце своей жизни Иван совсем было поссорился с Софьей и отдалил ее от себя. Ссора их произошла по вопросу о престолонаследии. Сын Ивана III от первого брака, Иван Молодой, умер в 1490 г., оставив великому князю маленького внука Дмитрия. Но у великого князя был другой сын от брака с Софьей — Василий. Кому было наследовать престол московский: внуку Дмитрию или же сыну Василию? Сначала Иван III решил дело в пользу Дмитрия и при этом наложил свою опалу на Софью и Василия. Дмитрия он при своей жизни венчал на царство (именно на **царство**, а не на великое княжение). Но через год отношения переменились: Дмитрий был отстранен, а Софья с Василием снова вошли в милость. Василий получил титул великого князя и стал соправителем отца. При этих переменах терпели придворные Ивана III: с опалой на Софью попали в немилость ее приближенные, причем несколько человек было даже казнено смертью; с опалой на Дмитрия великий князь также воздвиг гонение на некоторых бояр и одного из них казнил.

Вспоминая все то, что происходило при дворе Ивана III после его женитьбы на Софье, московские люди высказывали осуждение Софье и считали ее влияние на мужа скорее вредным, чем полезным. Ей они приписывали падение старых обычаев и разные новизны в Московском быту, а также и порчу характера ее мужа и сына, ставших властными и грозными монархами. Не следует, однако, преувеличивать значение личности Софьи: если бы ее и вовсе не было при московском дворе, все равно, Московский великий князь сознал бы свою силу и полновластие, и сношения с Западом все равно завязались бы. К этому вел весь ход московской истории, в силу которого Московский великий князь стал единым государем могучей великорусской народности и соседом нескольких европейских государств.

§ 50. Внешняя политика Ивана III. Дела с татарами

Во время Ивана III существовали уже три самостоятельных татарских орды в пределах нынешней России. Золотая орда, истощенная усобицами, доживала свой век. Рядом с нею в XV в. образовалась в Черноморье Крымская орда, в которой утвердилось династия Гиреев (потомков Ази-Гирея). В Казани, как мы знаем (§ 45), золотоордынские выходцы основали, также в середине XV в., особую орду, объединив под татарскую власть финских инородцев, мордву, черемису, вотяков. Пользуясь несогласиями и постоянными междоусобиями среди татар, Иван III исподволь добился того, что подчинил Казань своему влиянию и сделал своим подручником казанского хана, или «царя» (тогда ханов москвичи называли царями). С Крымским царем у Ивана III образовалась прочная дружба, так как оба они имели общего врага, Золотую орду, против которой и действовали вместе. Что же касается до Золотой орды, то Иван III прекратил всякие зависимые к ней отношения: не давал дани, не ехал в орду, не оказывал почтения хану. Рассказывали, что однажды Иван III даже бросил на землю и топтал ногою ханскую «басму», то есть тот знак (вероятно, золотую пластинку с надписью), который хан вручил своим послам к Ивану как доказательство их полномочий и власти.

Н. Шустов. Иван III топчет ханскую басму

Слабый Золотоордынский хан Ахмат пытался действовать против Москвы в союзе с Литвою; но так как Литва не давала ему верной помощи, то он ограничивался набегами на московские границы. В 1472 г. он пришел к берегам Оки и, пограбив, ушел назад, не смея идти на самую Москву. В 1480 г. он повторил свой набег. Оставив вправо от себя верховья Оки, Ахмат пришел на р. Угру, в пограничные между Москвою и Литвою места. Но и здесь он не получил никакой помощи от Литвы, а Москва встретила его сильною ратью. На Угре стали друг против друга Ахмат и Иван III — оба в нерешимости начать прямой бой. Иван III велел готовить столицу к осаде, отправил свою жену Софью из Москвы на север и сам приезжал с Угры к Москве, боясь как татар, так и своих родных братьев. Они были с ним в ссоре и внушали ему подозрения в том, что изменят в решительную минуту. Осмотрительность Ивана и медлительность его показались народу трусостью, и простые люди, готовясь в Москве к осаде, открыто негодовали на Ивана. Духовный отец великого князя, архиепископ ростовский Вассиан, и словом, и письменным «посланием» увещевал Ивана не быть «бегуном», а храбро стать против врага. Однако Иван так и не решился напасть на татар. В свою очередь, и Ахмат, простояв на Угре с лета до ноября месяца, дождался снегов и морозов и должен был уйти домой. Сам он скоро был убит в усобице, а его сыновья погибли в борьбе с Крымскою ордою, и самая Золотая орда окончательно распалась (1502).

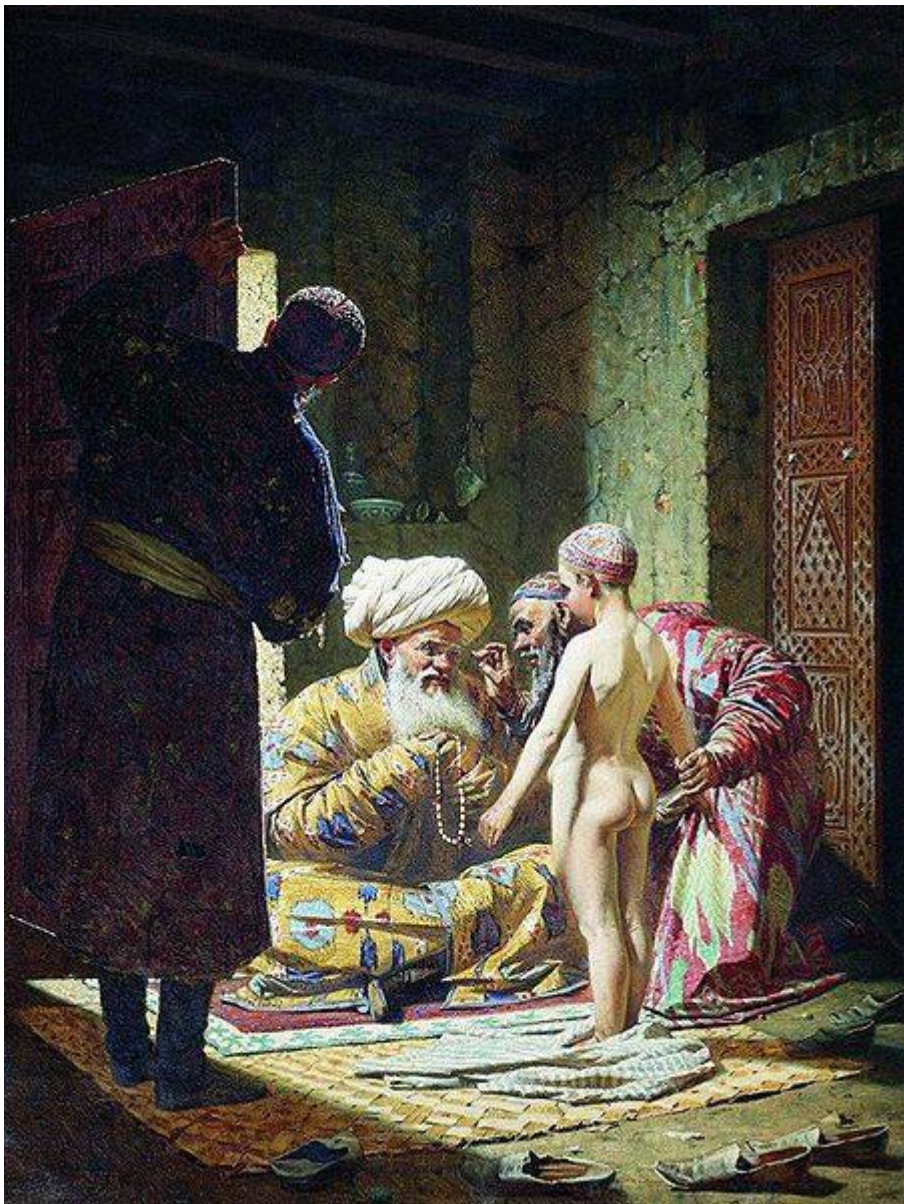

Стояние на реке Угре 1480

Мемориал в честь стояния на реке Угре. Калужская область

Так окончилось для Москвы «татарское иго», спадавшее постепенно и в последнюю свою пору бывшее номинальным. Но не окончились для Руси беды от татар. Как крымцы, так и казанцы, и нагаи, и все мелкие кочевые татарские орды, близкие к русским границам и «украинам», постоянно нападали на эти укроины, жгли, разоряли жилища и имущество, уводили с собою людей и скот. С этим постоянным татарским разбоем русским людям пришлось бороться еще около трех столетий.

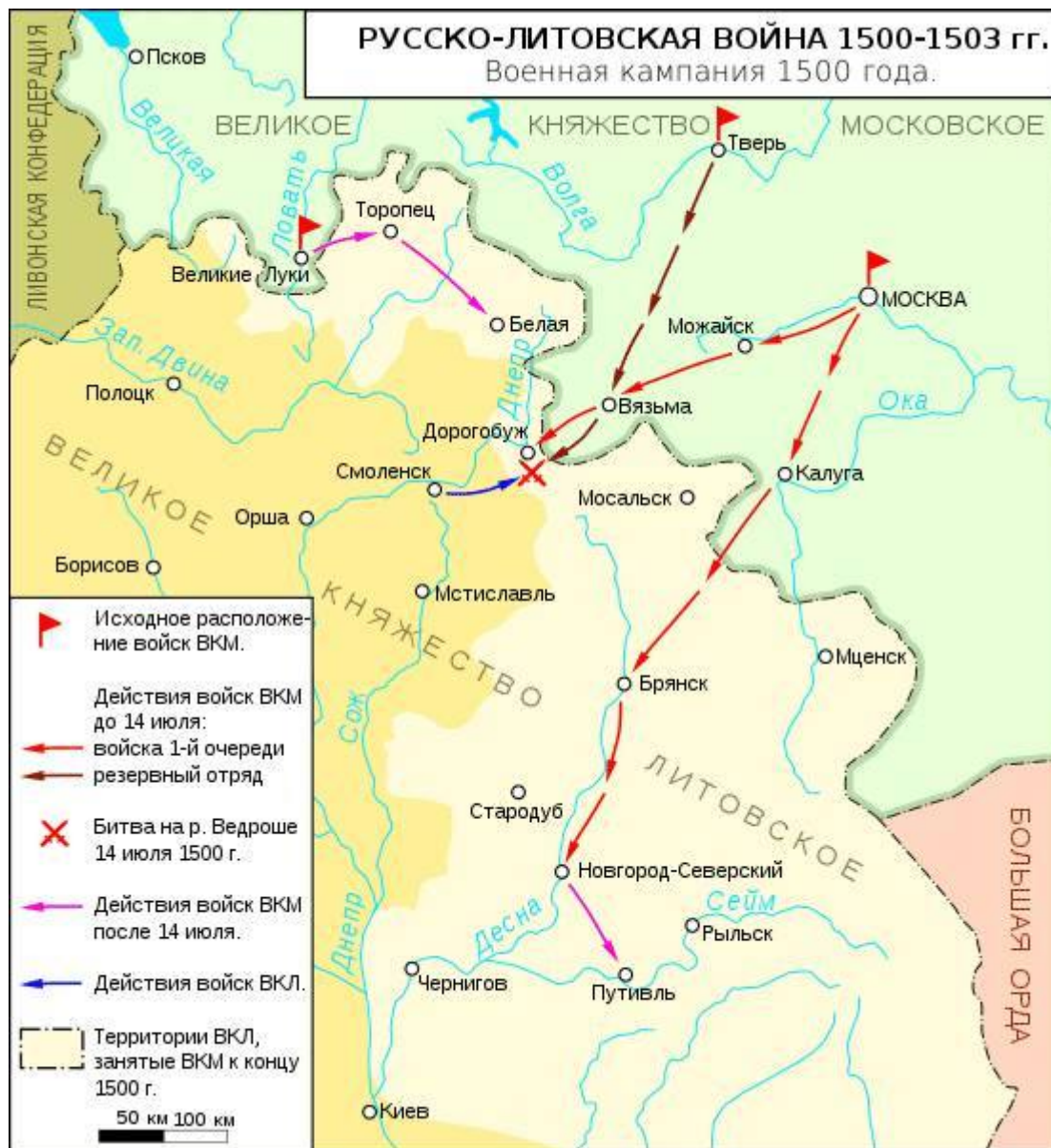
В. Верещагин. Продажа ребенка-невольника

§ 51. Внешняя политика Ивана III. Литва и Ливония. Сношения с Западом

Отношения Ивана III к Литве при великом князе Казимире Ягайловиче не были мирными. Не желая усиления Москвы, Литва стремилась поддерживать против Москвы Великий Новгород и Тверь, поднимала на Ивана III татар. Но у Казимира не было достаточно сил, чтобы вести с Москвою открытую войну. После Витовта внутренние осложнения в Литве ослабили ее. Усиление польского влияния и католической пропаганды создало в Литве много недовольных князей; они, как мы знаем (§ 41), уходили в московское подданство вместе со своими вотчинами. Это еще более умаляло литовские силы и делало для Литвы очень рискованным открытое столкновение с Москвою. Однако оно стало неизбежным по смерти Казимира (1492), когда Литва избрала себе великого князя особо от Польши. В то время, как королем Польши стал сын Казимира Ян Альбрехт, в Литве вокняжился его брат Александр Казимирович. Воспользовавшись этим разделением, Иван III начал войну против Александра и добился того, что Литва формально уступила ему земли князей, перешедших в Москву (Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротынских, Белевских), и, кроме того, признала за ним титул «государя всея Руси».

Заключение мира было закреплено тем, что Иван III выдал свою дочь Елену замуж за Александра Казимировича. Александр был сам католик, но обещал не принуждать к католичеству своей православной супруги. Однако ему было трудно сдержать это обещание под внушением своих католических советников. Судьба великой княгини Елены Ивановны была очень печальна, и ее отец напрасно требовал от Александра лучшего с ней обращения. С другой стороны, и Александр обижался на московского великого князя. К Ивану III

на службу продолжали проситься православные князья из Литвы, объясняя свое нежелание оставаться под властью Литвы гонением на их веру. Так, Иван III принял к себе князя Бельского и князей Новгород-Северского и Черниговского с громадными вотчинами по Днепру и Десне. Война между Москвою и Литвою стала неизбежна.

Она шла с 1500 по 1503 г., причем сторону Литвы принял Ливонский орден, а сторону Москвы — Крымский хан. Окончилось дело перемирием, по которому Иван III удержал за собою все приобретенные им княжества.

Было очевидно, что Москва в ту минуту была сильнее Литвы, точно так же, как она была сильнее и ордена. Орден, несмотря на отдельные военные успехи, заключил с Москвою также не особенно почетное перемирие. До Ивана III, под напором с запада, Московское княжество уступало и проигрывало; теперь Московский великий князь сам начинает наступать на своих соседей и, увеличивая с запада свои владения, открыто высказывает притязание на присоединение к Москве всех вообще русских земель.

Крепость Ивангорода, основанного Иваном III в качестве форпоста со стороны Ливонии

Воюя со своими западными соседями, Иван III искал дружбы и союзов в Европе. Москва при нем вступила в дипломатические сношения с Данией, с Венгрией, с Венецией, с Турцией. Окрепшее русское государство входило понемногу в круг европейских международных отношений и начинало свое общение с культурными странами Запада.

§ 52. Великий князь Василий III Иванович

Укрепление великокняжеской власти. Конец Псковской автономии и веча (1510). Москва и Рязанское княжество. Присоединение Северских княжеств. Взятие Смоленска Василием III (1514). Русь и татары. Развод Василия III с Соломонией Сабуровой и женитьба на Елене Глинской

Иван III, по примеру своих предков, составил завещание, в котором поделил свои владения между своими пятью сыновьями. По форме это завещание было похоже на старые княжеские душевные грамоты, но по сути своей оно окончательно устанавливало новый порядок единодержавия в Московском государстве. Старшего своего сына Василия Иван III делал прямо государем над братьями и ему одному давал державные права. Василий получил 66 городов, а четверо его братьев — только тридцать, и притом мелких. Василий один имел право бить монету, сношаться с другими государствами; он наследовал все выморочные уделы бездетных родственников; только его детям принадлежало великое княжение, от которого отказались заранее его братья. Таким образом, Василий был государем, а его братья и прочая родня — подданными. Такова основная мысль завещания Ивана III.

Василий III. Миниатюра из Царского титулярника

Василий III наследовал властолюбие своего отца, но не имел его талантов. Вся его деятельность была продолжением того, что делал его отец. Чего не успел довершить Иван III, то доканчивал Василий. Покорив Новгород, Иван оставил прежнее самоуправление во Пскове. Внутренняя жизнь Пскова не давала тогда поводов к вмешательству в его дела. Во Пскове не было внутренних усобиц. Находясь на окраине Русской земли, в постоянном страхе от литвы и немцев, Псков крепко держался Москвы, был ей послушен и всегда имел у себя вместо самостоятельного князя московского наместника.

Псковский кремль

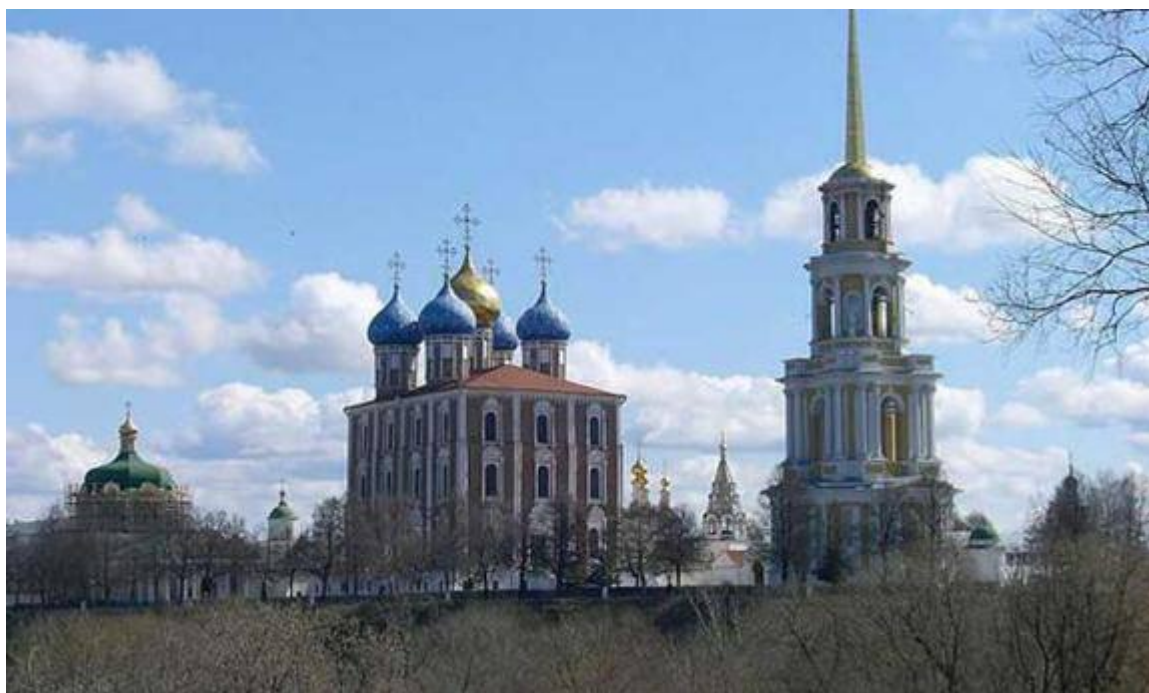
При таких условиях Псковское вече не могло сохранить за собой прежнего самостоятельного политического значения; оно стало органом местного самоуправления под главенством московского государя. Однако послушание псковичей великому князю не обеспечивало их от притеснений со стороны московских наместников. Псковичи жаловались на своих «князей» в Москву, а наместники жаловались на псковичей. В 1510 г., после одной из таких ссор, Василий III уничтожил вече во Пскове, взял в Москву вечевой колокол и вывел из Пскова на жительство в московские волости 300 семей псковичей, а на их место прислал столько же семейств из московских городов. Псков не оказал великому князю никакого сопротивления: псковичи только слезами оплакивали потерю своей вековой вольности и жаловались, что город их поруган и разорен, «а псковичи бедные не ведали правды московские».

Троицкий собор во Пскове. Перед ним находилась вечевая площадь

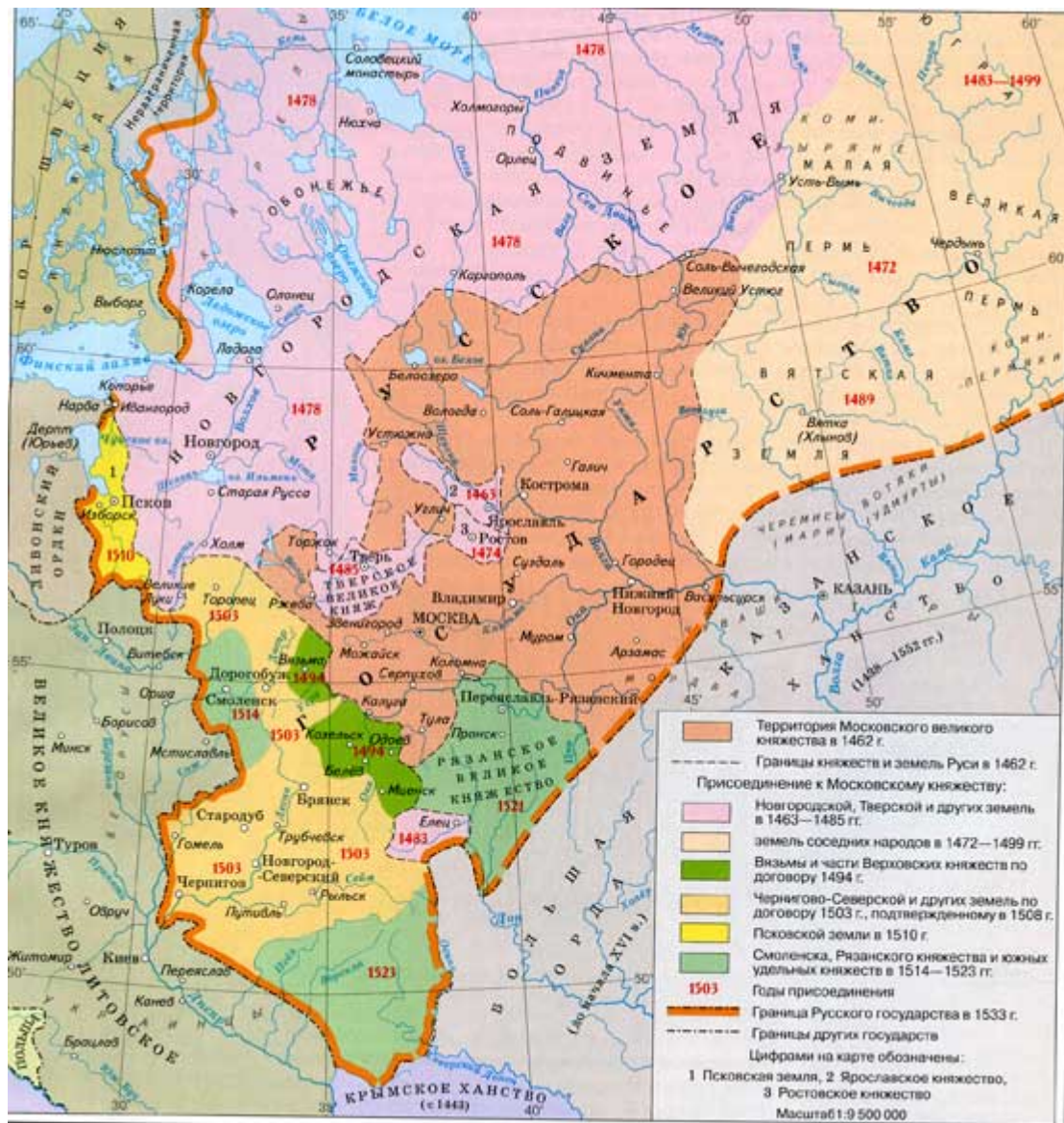
То же было сделано и с Рязанью. Иван III, овладев одной половиной Рязани, другую оставил за малолетним

Рязанским князем Иваном, но управлял Рязанью за него, как его дед. Московская опека продолжалась и при Василии III. Однако, возмужав, Рязанский князь стал тяготиться зависимостью от Москвы и мечтать о самостоятельности. Заметив это, Василий арестовал князя Ивана, а его волость присоединил к Москве (1517). Как и во Пскове, рязанцев толпами выводили в московские волости, а на их место селили москвичей. Такой «вывод» из покоренных земель делали для того, чтобы уничтожить в них возможность восстаний и отпадений от Москвы.

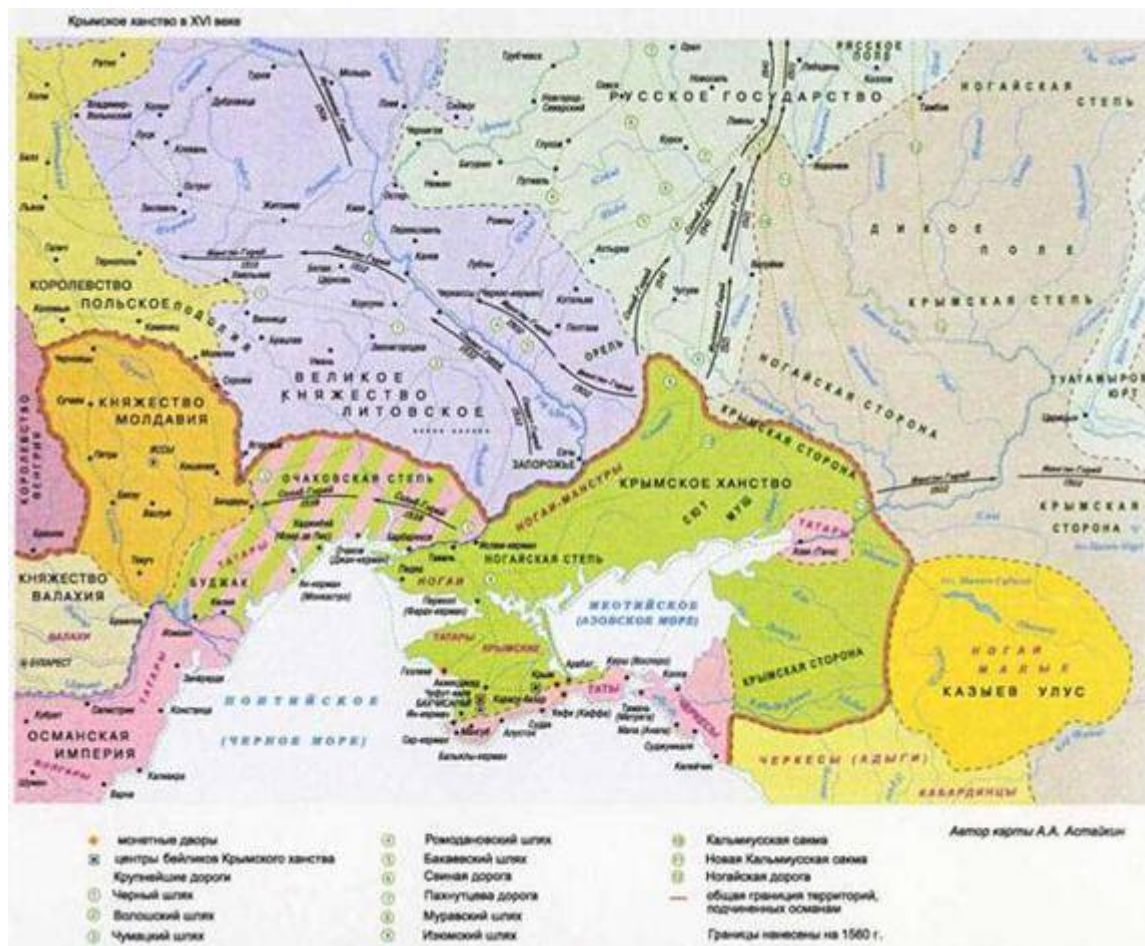
Рязанский кремль

Наконец, оставались еще князья Северской земли, перешедшие к Ивану III от Литовского великого князя со своими волостями. Василий III, воспользовавшись их распрями, выгнал этих князей из их городов и взял их владения к Москве (1523). Таким образом, все так называемые «уделы» были упразднены, и в Московском государстве остались только простые служилые князья, которые в своих вотчинах не имели уже никаких державных прав и служили великому князю как простые бояре.

Объединение Московской Руси при Иване III и Василии III

Внешняя политика Василия была продолжением политики предшествующего княжения. Москва по-прежнему притягивала к себе выходцев из Литвы (князя Глинские), а Литва, как и ранее, не могла примириться с уходом князей и земель из литовского подданства. Дважды вспыхивала война между Василием III и Литовским великим князем Сигизмундом Казимировичем (братом великого князя Александра Казимировича, § 41). Василий III овладел в 1514 г. Смоленском, имевшим важное военное значение. Как ни старались литовцы вернуть себе Смоленск, эта крепость осталась в московских руках, и Литва была вынуждена заключить (в 1522 г.) перемирие с уступкой Смоленска Москве до «вечного мира» или «докончания». Но этого «докончания» так и не было достигнуто в течение более чем столетия, ибо Литва и Москва никак не могли размежевать между собою спорные промежуточные между ними русские волости. Татарские отношения после падения Золотой орды не стали легче для Москвы. Дружба с Крымом при Василии III прекратилась, а влияние Москвы в Казани не было прочно. И со стороны Крыма, и со стороны Казани на русские области совершались постоянные набеги. На южных границах Московского государства грабили крымцы; в местах нижегородских, костромских и галицких — казанские татары и подчиненная им мордва и черемиса.

Крымское ханство

От татарской и черемисской «войны» русские люди не могли жить спокойно у себя дома, не имели возможности колонизовать ни плодородной черноземной полосы на Юг от Оки (так называемого «дикого поля»), ни лесных пространств за Волгою по рекам Унже и Ветлуге. Вся восточная и южная окраина государства была в постоянном страхе татарских набегов. Мало того: если татарам удавалось не встретить на границах Руси московской сторожевой рати, они устремлялись в центральные русские волости и добирались даже до самой Москвы. Василию III оставалось только сторожить свои границы и при случае вмешиваться во внутренние дела татар и укреплять среди них свое влияние. В Казани это и удавалось. Крым же, к сожалению, был так далек от Москвы, что нельзя было хорошо следить за крымцами и влиять на них. Московское правительство ограничивалось тем, что посылало в Крым посольства с «поминками», то есть подарками, которыми думало задобрить и замирить врага; а в то же время ежегодно летом на южной границе государства (шедшей по берегу средней Оки и потому называвшейся тогда «берегом») ставились войска, чтобы стеречь «берег» от внезапных набегов. Сверх того, в наиболее опасных местах строили на Оке и за Окой недоступные для татар каменные крепости (Калуга, Тула, Зарайск) и помещали в них войска.

Тульский кремль, построенный при Василии III. Первоначальный вид

Василий III был женат на Соломонии из боярского рода Сабуровых и не имел детей. Он, однако, никак не хотел оставить великого княжения своим братьям (Юрию и Андрею), так как, по его мнению, они и своих уделов не умели устроить. Поэтому, с разрешения митрополита (Даниила), он заставил свою жену постричься в монахини (с именем Софии) и отправил ее на житье в суздальский женский Покровский монастырь. Сам же он женился вторично, взяв за себя княжну Елену Васильевну Глинскую, из рода литовских выходцев.

Соломония Сабурова. Картина П. Минеевой

В этом браке у него было два сына, Иван и Юрий. Старшему из них было всего 3 года, когда Василий III заболел случайным нарывом и умер, не дожив до 60 лет. И личный характер Василия, и его поступок с первой женой вызвали неодобрительные отзывы окружающих его старых бояр. Властный и строгий, Василий не обладал достоинствами Ивана III, зато еще более его любил власть и привык окружать себя простыми раболепными дьяками. Таков был последний «собиратель» Руси.

§ 53. Самодержавие московских государей и мысль о Москве как о третьем Риме

Смена вотчинного характера русской власти национальным. Московское самодержавие. Взятие Царьграда турками, переход центра мирового православия из Константинополя в Москву. Инок Филофей и теория «Москва — третий Рим».

Московское государство, как мы видели, образовалось из Московского удельного княжества через присоединение к нему других уделов северной Руси, а затем новгородских земель и волостей великого княжества Литовского. Московские князья, делая свои «примыслы», долго смотрели на себя как на **удельных собственников** своих «вотчинных» земель. Приобретая прочно великое Владимирское княжение, они и его стали называть своею «вотчиною». Позднее, когда они требовали от Литвы уступки старых русских городов, они приказывали своим послам говорить, что и вся Русская земля от их предков из старины их вотчина. Таким образом, московские князья распространяли свои удельные понятия от своего удела на всю страну и, по удельному порядку, считали себя собственниками и хозяевами всего своего огромного государства. Такой взгляд был усвоен и всем населением: московские люди всегда выражались так, что они живут на «земле великого государя» и только владеют ею. Продавая свою землю, они, например, писали в купчих грамотах: «Продали есмя землю государеву, а своего владенья». Таким образом, власть московских князей имела характер **вотчинной власти** и уже потому была очень полною и самодержавною: князья не только управляли страной, но и владели ею. С течением времени, когда московские князья стали во главе народного

объединения и собрали вокруг себя всю северную Русь, они получили значение вождей целого народа, и власть их приобрела новый характер **национальной власти**, общенародной и демократической. Пользуясь сочувствием и поддержкой народных масс, московские государи признавали себя представителями народного единства и национальной независимости и потому держались гордо и властно. Иван III отказался от предложенного ему императором королевского титула, ибо не хотел ни от кого «постановления» во власти «на своей земле». Иностранные послы отзывались о Василии III, что он имел такую власть, какой не обладал ни один современный ему монарх; они заметили, что москвичи равняли своего государя с Богом, говоря: «Мы этого не знаем, знает Бог да государь». Так создавалась в Москве сильная **самодержавная власть**, вотчинная по происхождению и национальная по значению.

А. Васнецов. Старая Москва

Случилось это в то самое время, когда другие православные государства клонились к упадку и гибели. На православный Восток надвинулась гроза турецкого завоевания. Завладев азиатскими провинциями Греческой империи, турки перешли в Европу; в исходе XIV и начале XV в. покорили они балканских славян и кольцом окружили Царьград. Мы видели, что в ожидании своей гибели греки искали помощи даже у папы (§ 45). Ничто, однако, не помогло, и в 1453 г. Царьград был взят турками. На Востоке не осталось ни одного православного государства, ни одной независимой епархии: все было пленено «безбожными агарянами» (так звали тогда турок). Одно только Московское государство имело православного государя и независимого митрополита; одно только оно росло и крепло, объединило могучее великорусское племя и сбросило с себя последнюю тень татарского ига. С давних пор, с самого принятия Русью христианства, на Руси усвоили мысль о том, что все «православие» (то есть совокупность православных христиан) испокон века объединено под единою верховною властью греческого государя («цесаря», «царя») и греческой церкви. Поэтому-то Константинополь, столица царя и патриарха греческих, Русью был назван «Царьградом» и почитался за столицу всего «православия».

Падение Константинополя в 1453. Фото из музея-панорамы в Стамбуле

Теперь, когда Царьград был пленен турками и все восточные государства и церкви подчинены ими, в православии не осталось иной столицы, кроме свободной Москвы. Московские люди поняли это вскоре после падения Константинополя. Московские князья Иван III и Василий III начали смотреть на себя как на наследников и преемников греческих царей. Иван III женился на греческой царевне, усвоил себе греческий герб, венчал внука Дмитрия на «царство». Как он, так и Василий III иногда стали звать себя «царями». Такой взгляд разделялся и выезжими на Русь греками, и балканскими славянами, которые взирали на московских князей как на единственных защитников веры, искали их поддержки и помощи против турецкого гнета и называли их прямо наследниками императоров. В тогдашней русской письменности сами русские люди охотно занимались темами о преемстве между Византией и Москвой. Исходя из мысли о богоустановленном единстве всего христианского мира, один из писателей того времени, псковский Инок (Елеазарова монастыря) Филофей написал великому князю Василию III послание, в котором доказывал, что изначала мировым центром был Рим старый, затем Рим новый (Roma nova — Константинополь), а в последнее время стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша (говорил Филофей), а третий стоит, а четвертому не быти». Такое выражение получила мысль о всемирной роли «Москвы — третьего Рима». Вслед за Филофеем другие писатели раскрывали ту же идею, именуя Московского великого князя царем всего «православия», Москву — «новым Константиновым градом» (то есть новым Царьградом), а русский народ — «новым Израилем», который самим Господом избран во главу всего православия. Эту мысль о передаче всемирного главенства от Царьграда Москве старались доказать и пояснить всеми способами. Указывали на то, что во многих случаях святыня сама чудесным образом переходила из Греции, где меркло православие, на Русь, где оно сияло по-прежнему (например, Тихвинская икона Богоматери). Передавали предание, будто сам апостол Андрей Первозванный был в Русской земле, благословил горы Киевские и предсказал, что на Руси будет цвести истинная вера; на этом основании заключали, что русская церковь ведет свое начало от апостолов и потому является достойною преемницею греческой церкви. Рассказывали далее, что знаки царского сана давно были переданы самими греческими царями (именно Константином Мономахом) на Русь великому князю Владимиру Мономаху, а от него перешли, по естественному преемству, к московским великим князьям. В Москве действительно существовала (и существует) шапка Мономаха, а также его оплечья (бармы), которые возлагали на себя великие князья при венчании на престол.

Шапка Мономаха

Сложилась, наконец, легенда даже о том, что русская династия происходила от первых римских царей, так как Рюрик был будто бы потомком Пруса, брата императора Августа. Целым рядом подобных преданий была укреплена в Москве мысль о том, что Московское государство есть первенствующее во всем «православии», что Московский князь есть «царь православия» и что московская церковь, сохранив, одна из всех православных церквей, свою независимость и чистоту, тем самым стала выше старых восточных патриархатов.

Усвоив эту величавую мысль, московские князья поставили себя на большую высоту. Сознывая за собою всю полноту вотчинной власти на свою землю, чувствуя в себе национальных вождей многолюдного и сильного народа, они желали теперь играть вселенскую роль царей всего православного мира. Понятно, почему их власть казалась такою могущественною и самодержавною. Но эта самодержавная власть не всем была приятна и не всеми охотно признавалась. Против нее стало заметно движение в московском боярстве XV в.

§ 54. Боярство и княжата; их притязания

Бояре. Местничество. Право «отъезда». Боярская аристократия и великокняжеская власть

Как было сказано (§ 43), в первое время возвышения Московского княжества в Москве образовалось преданное князьям боярство. Древний обычай давал боярам и вольным княжеским слугам право уходить со службы князю, если слуга бывал недоволен своим «государем» (хозяином). Знатнейшие из слуг, бояре, кроме того, считали себя вправе участвовать в княжеской думе и обсуждать все дела управления и политики. В XIV ст. бояре не уходили от московских князей, потому что в Москве им было лучше и доходнее, чем где бы то ни было. Напротив, из других княжеств добровольно приезжало в Москву много слуг и просилось на московскую службу. Имея прямую для себя выгоду в успехах Москвы, бояре московские всеми силами старались для усиления московских князей и были их верными слугами. Не раз они даже правили княжеством за малолетних или неспособных князей и никому не давали их в обиду. Зато и князья ценили и жаловали своих бояр. По преданию, Дмитрий Донской, умирая, приказывал своим детям: «Бояр же своих любите и честь им достойную воздавайте, без их думы ничтоже творите». Среди этого старого, коренного московского боярства особенно были заметны род Федора Кошки (родоначальника Романовых и Шереметевых), род Бяконта (родоначальника Плещеевых и др.), род Мурзы-Чета (родоначальника Сабуровых, Годуновых и др.), роды Головиных, Морозовых, Вельяминовых и многих других. Начиная с XV в. в среду московского боярства стали поступать в большом числе удельные князья северной Руси и выездные князья из Литвы. Удельные князья приходили на службу Московского князя со своими уделами, которые великий князь оставлял за ними в качестве простых боярских вотчин. Князья литовские переходили в Москву также со своими волостями; если же они выбегали из Литвы без земель, то великие князья давали им земли от себя. Таким образом, новые слуги московского государя были обеспечены землями и должны были с этих земель служить Москве ратную и всякую иную службу, являясь по государеву зову со своими «людьми» (холопами) всюду, куда их позовут. Занимая разные должности, придворные и военные, служилые князья становились на деле самыми обыкновенными слугами; но они не хотели равняться с простыми боярами, потому что происходили из княжеского рода и вели себя от Рюрика или же Гедимина. На основании родословных книг они точно знали, кто из них принадлежит к старшей линии, а кто к младшей, и кто кого породой выше. Положение каждого князя в его роде называлось его «отечеством», и при каждой службе князья считались «отечеством», стараясь, чтобы старшие и знатнейшие занимали высокие должности, а молодые и «худые» — низшие. А все вместе князья желали на всякой службе быть выше простых бояр, потому что они считали себя «государями», а бояр простыми людьми. Но старые московские бояре, «исконивечные государские», не хотели уступать своего первенства всякому князю, иногда бедному и «худому». У бояр было свое «отечество» в их родах и свои счета местами на службе. Путем долгих споров князья и бояре определяли сравнительное старшинство и знатность каждой семьи, княжеской и боярской, и занимали служебные места соответственно этой знатности. В Москве твердо укоренился обычай такого счета «отечеством» при всяком служебном назначении. Служилый человек соглашался взять должность или занять место только тогда, когда убеждался, что его не унижат и не подчинят равному с ним или менее знатному, чем он сам. Если же его сотоварищи не имели, по его мнению, соответствующей знатности, он сейчас же бил государю челом, что ему с ними быть и служить «невместно», что эта служба его «отечеству поруха» и что он просит дать ему «оборонь». Этот обычай счета местами по отечеству называется *местничеством*, а столкновения из-за мест — местническими «случаями», или «делами».

Таким образом, в XV в. в Москве постепенно сложилось новое боярство, наверху которого оказались, по своей «великой породе», потомки удельных князей, подчиненных Москвою. Не допустить первенства князей среди бояр великие князья не могли, потому что они не могли изменить «породы» и «отечества» своих слуг, не могли незнатного сделать знатным, а родовитого сделать простым. По старому выражению, государь жаловал землями да деньгами, а отечеством не жаловал. Но московские государи не могли быть довольны своим новым боярством, потому что оно стало менее зависимо от них. Знатные князья-бояре помнили, что их

предки были такими же «государями», а не простыми слугами. Они желали принимать участие в управлении государством как соправители своего родича Московского князя, а не как его слуги. В своих вотчинах они чувствовали себя по-прежнему удельными князьями, какими были их отцы и деды. Словом, новое московское боярство приняло вид родовой и земельной аристократии, питавшей притязания на участие в управлении государством. При таких условиях старые добрые отношения между московскими самодержцами и их боярством пали. Иван III и Василий III одинаково не признавали притязаний «княжат» (так в Москве стали звать титулованных слуг). Они отбирали у них некоторые вотчины, запрещали им продавать земли без особого разрешения или дозволяли продавать только родне, — все затем, чтобы как-нибудь не упустить из московского подданства удельных земель и не лишиться с них службы государству. Они не допускали княжат до своей тайной думы и всякие дела делали, «запершись» от них, «у постели» (то есть в своих внутренних покоях), «сам третей» с доверенными лицами из простых «дьяков» (секретарей). Когда же княжата роптали и жаловались на это, государи «опалялись» на них, ссылали их, постригали в монахи и даже казнили. Если же кто-либо из княжат замышлял «отъехать» от великого князя в Литву (больше некуда было отъезжать), то его хватили и обвиняли в измене и отступничестве. Таким образом, у самых знатных своих слуг московские государи отнимали старое право совета и отъезда, каким всегда пользовались бояре. Княжата не принимали в расчет, что времена уже изменились и что при новом государственном порядке отъезд есть действительно измена своему государству: они роптали и были готовы на смуту. В своих боярах-княжатах московские князья нажили себе домашних врагов.

§ 55. Люди служилые и тяглые; поместная система и крестьянское прикрепление

Одновременно с образованием княжеской аристократии в Московском государстве стали слагаться и другие сословные группы. В удельное время, в тот период, когда еще завершалось заселение северо-восточных княжеств славянским племенем, состав общества в этих княжествах был очень неопределенным. В общем потоке колонизации, шедшей с Днепра и с ильменских рек в Поволжье, население не сразу находило себе оседлость, перемещалось и бродило, двигаясь постепенно в восточном и северо-восточном направлении. Только князья, хозяева уделов, сидели неподвижно в своих удельных владениях. Вынужденные вести свое хозяйство и содержать дружину при условии непрерывной подвижности, «текучести» всего народонаселения, князья выработали особые приемы хозяйства и управления. Они не могли сразу остановить переселенческий поток, задержать население в своих волостях и прикрепить его к своему уделу. Народ приходил в их удел и уходил из него свободно, не сказываясь князю и без его позволения. Князья поэтому старались закрепить за собою отдельных лиц. Они или принимали их к себе на вольную службу по договору, (это были бояре и вольные слуги), или же покупали их и кабалили как рабов (это были их «люди», или холопы). Из тех и других составлялся «двор» князя, соответствующий дружине Киевского периода (§ 20). С помощью этого двора удельный князь управлял своим уделом, защищал его и вел свое хозяйство. Бояре и вольные слуги были его советниками и полководцами, а «люди» составляли рать и были рабочими на его пашне и промыслах. Часто князья приглашали неимущих свободных людей селиться на княжеской земле с условием служить и работать князю, причем, если такой слуга не исполнял своих обязанностей, его лишали данной ему земли. Из этих слуг «под дворским» (то есть подчиненных княжескому дворскому, или дворецкому) составлялся особый, средний разряд княжеских людей, — не холопов, но и не вполне свободных. Только перечисленные разряды слуг, от бояр до холопов, находились в непосредственном подчинении князю; а из них только «люди» были подданными князя в нашем смысле этого слова, то есть находились в принудительной от него зависимости. Остальные могли от него уйти к другому князю, — или теряя свою землю, если это были слуги под дворским, или сохраняя свои земли, если это были слуги вольные.

Так устроены были отношения удельных князей к тем, кто им служил. Все же прочие лица, жившие в уделе князя, носили общее наименование «христиан», или «крестьян», и не находились вовсе в личной зависимости от князя. Как в городах («посадах»), так и в сельских волостях они были устроены в общины, или «миры». Князь знал, что в какой-либо его волости (занимавшей, например, долину какой-нибудь речки) жили крестьяне. Он приказывал там счесть количество крестьянских дворов, назначал с них со всех один общий податной оклад, «тягло», и поручал самим же крестьянам в известные сроки (на Рождество, на Петров день) доставлять ему свою подать. Люди приходили в эту волость и уходили из нее без ведома и разрешения князя. Крестьянский «мир» их принимал и отпускал; он их облагал податью в общий оклад; выборные «старосты» собирали эту подать и отвозили князю. И так шло из года в год, до тех пор, пока князь не приказывал (заметив убыль или прибыль крестьянских дворов в данной волости) снова переписать дворы и уменьшить или увеличить сумму мирского платежа. При таком порядке крестьяне знали не князя, а крестьянский «мир»; а князь мог быть равнодушен к тому, что тот или другой его крестьянин уйдет к соседнему князю. Прямого

ущерба от этого для князя не было. Такою же свободой перехода крестьяне пользовались и на частных боярских землях. Приходя на землю, они составляли арендное условие, «порядную», и в порядной определяли свои обязанности и платежи господину; уходя от господина, они известным порядком «отказывались» от земли. Закон и обычай считали нормальным сроком отказа «Юрьев день осенний» (26 ноября). Если прибавим, что переход человека из одного разряда в другой, — из крестьян в горожане («посадские люди») или в холопы и обратно, — был очень легок и доступен всем, то мы поймем, что общественное устройство в удельное время было очень неопределенно и бесформенно.

Такая неопределенность не могла удержаться при переходе удельного быта в государственный. Московские государи раньше всего взяли за переустройство своего «двора». Мы видели, что они наложили свою руку на земли своих служилых князей и требовали, чтобы земли эти «не выходили из службы» (§ 54). То же правило было применено ко всем вообще вотчинам: **всякий, кто владел землею, был обязан участвовать в защите государства**. С каждой вотчины должны были являться ратные люди, «конны и оружны», по первому зову государя. Княжата и бояре, владевшие крупными вотчинами, приводили с собою целые «воинства» своих людей. Мелкие вотчинники выезжали на службу сами «своею головою» или с одним-двумя холопами. Но так как во время тяжелых войн с татарами, литвою и немцами нужна была большая военная сила, то обычной рати не хватало, и московские государи стали усиленно вербовать служилых людей, «собою добрых и дородных» (то есть годных к бою), и селить их на казенных землях, потому что иных средств на содержание воинских людей, кроме земель, тогда не было.

Прежде такие земли давались слугам из частных владений князя, из его «дворца». Теперь «дворцовых» земель уже не хватало, и слугам стали давать земли «черные» (то есть податные, государственные). Прежде такие земли, данные слугам, носили название «служних земель»; теперь они стали называться «поместьями», а их владельцы — «помещиками», «детьми боярскими» и «дворянами». **В отличие от вотчин, которые были частично наследственной собственностью вотчинников, поместья были временным владением**. Помещик владел землею, пока мог служить; прекращалась служба за нерадением или смертью помещика — и поместье возвращалось в казну. В начале XVI в. помещиков считали уже тысячами, и поместная система охватила уже всю южную половину государства. На государеву службу было «поверстано» множество народа; новым помещикам были розданы земли вблизи границ: в новгородских пятинах, в Смоленске, в Северском крае, на Оке и, наконец, в центральных областях кругом Москвы. Для заведования поместьями в Москве была устроена «Поместная изба», а для заведования службою вотчинников и помещиков — Разряд.

Сверх поместных земель, служилым людям давали время от времени денежное жалованье, а наиболее знатным из них давали «кормленья». Это значило, что их посылали в какой-нибудь город «наместником» или в какую-нибудь волость «волостелем». Они правили, судили суд, смотрели за порядком и получали за это с населения «кормы» и «пошлины». Кормы имели вид даров в определенные сроки (к большим праздникам); а пошлины — это плата за суд и за всякие иные действия кормленщика в пользу населения. **Вот это управление с правом брать доход с волости или города в свою пользу и называлось «кормлением»**. Таково было устройство нового служилого сословия. Это сословие теперь состояло: 1) из княжат и бояр, составлявших аристократию, 2) из дворян и детей боярских — вотчинников и помещиков и 3) из гарнизонных людей (стрельцов, пищальников, пушкарей), на вербованных на мелкие земельные участки в особых «слободах» при укрепленных городах.

Развитие поместной системы повело к тому, что большие пространства занятой крестьянами земли были переданы помещикам и, таким образом, на этих землях создавалась зависимость крестьян от землевладельцев. **За то, что землевладелец служил со своей земли государству, крестьяне были обязаны работать на него, пахать его пашню и платить ему оброк**. Ни помещику, ни правительству было уже неудобно допускать свободный выход крестьян с занятой ими земли, и потому крестьян старались удерживать на местах. Их записывали вместе с их землями в особые «писцовые книги», и тех, кто попал в книгу, считали прикрепленными к той земле, на которой он был записан. Эти «письменные» крестьяне уже не выпускались со своих мест; могли переходить с места на место только люди «неписьменные», то есть не записанные в книги. Но таких крестьян сами землевладельцы, приняв к себе по «подрядной» записи, старались закрепить на своей земле разными средствами, в особенности же тем, что давали им займы деньги, семена, рабочий скот и, таким образом, обязывали их сидеть у себя, пока не отработают долга. Право перехода в Юрьев день, однако, не было отменено, и им пользовались те крестьяне, которые не «застарели» еще за своими землевладельцами. Надобно заметить, что с укреплением государственного порядка не только землевладельцы стали бороться с бродячестью крестьян, но и сами крестьянские общины не стали выпускать из своей среды «тягловцев», потому что уход податных плательщиков затруднял сбор и правильную доставку государю податного оклада. Кто уходил, не платил ничего; а кто оставался, тот должен был платить за себя и за ушедших. Поэтому крестьянские миры сами просили у государя права не выпускать из общины письменных крестьян. Так

мало-помалу принимались меры к тому, чтобы прикрепить крестьян к местам, сделать из них оседлое податное сословие, обязанное платить государю подати («тянуть тягло»), а на служилых землях еще и работать на землевладельца.

§ 56. Вопрос о церковном землевладении; ересь жидовствующих

Вопрос о церковном землевладении. Нил Сорский и Иосиф Волоцкий. Нестяжатели и иосифляне. Вассиан Косой. Максим Грек. Ересь жидовствующих. Церковный собор 1504 г.

Вопрос об устройстве служилого землевладения был в то время связан с вопросом о монастырском землевладении. В XV в. монастыри в Московской Руси так размножились и овладели таким количеством земель и крестьян, что стали возбуждать некоторое беспокойство правительства и светских землевладельцев. У правительства уже не стало хватать удобных земель для помещиков, и великие князья были бы не прочь секуляризовать монастырские вотчины. С другой стороны, земельные богатства монастырей стали смущать самих монахов, которые находили, что «стяжание» противоречит вообще монашеским обетам. Так с разных точек зрения начато было обсуждение вопроса о монастырских землях и возникло целое движение, оставившее яркий след в литературе того времени.

Развитие монастырской жизни в период татарского ига зависело от многих причин. Тяжелые условия жизни в «миру» способствовали удалению от мира в «пустыню». Оставляя города и городские монастыри, иноки шли искать уединения и безмолвия в северные леса и ставили там, в глухой чаще, свои кельи. Но в этих же лесах, в общем движении колонизации, они сталкивались с другими поселенцами. Из пустынного поселения иноков возникал монастырь, а около него крестьянские поселки. Из нового монастыря шли новые иноческие колонии и снова обращались в монастыри. Так в Костромском, Галичском, Вологодском и Белозерском краю монастырская колонизация оказалась в челе народного переселенческого движения и, можно сказать, руководила этим движением. Из одного знаменитого Троице-Сергиева монастыря образовалось не менее 35 монастырей-колоний. Основываясь на новых землях, монастыри содействовали их обработке и получали от благочестивых князей грамоты на занятые ими пространства. Служа центром для крестьянских поселений, монастыри впоследствии, волею князей, делались господами этих поселений. Так создались мало-помалу земельные богатства монашеской братии. В среде этой братии не все одинаково относились к этим богатствам. Одни малодушно пользовались ими, превратив монашеский подвиг в безбедное житье. Другие стремились воспользоваться громадными средствами монастырей для добрых общественных целей. Третьи, наконец, пришли к убеждению, что монахи вовсе не должны владеть землями и богатствами, а должны кормиться своим рукодельем. Когда, к концу княжения Ивана III, монастырские вотчины достигли громадных размеров и обнаружились темные стороны монастырского землевладения, тогда и возник спор о нем в письменности и на церковных соборах. Во главе спорящих стали два выдающихся представителя тогдашнего монашества: Иосиф Волоколамский, или Волоцкий (по фамилии Санин, игумен Волоколамского, им же основанного монастыря), и Нил Сорский (по фамилии Майков, основатель скита на р. Соре близ Белаозера). Первый из них был строгий монах и отличный хозяин, одинаково способный и к литературной деятельности, и к практической. Отлично устроив и обогатив свой монастырь, он умел поддерживать в нем порядок и крепкое подвижническое житие. Видя на своем хозяйстве, что богатство не портит монастырских нравов, он думал, что монастыри могут богатеть и с пользой употреблять свои средства для высоких целей. Он говорил между прочим: «Если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься? А если не будет добродетельных старцев (то есть монахов), откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Так защищал он землевладение монастырей. Против него с меньшим убеждением выступал Нил и его ученики и последователи, получившие название «заволжских старцев», так как все они были из северных, за Волгой основанных монастырей. Нил был монах-отшельник, не признававший никаких связей монастыря с миром и никакого богатства у монашествующей братии: монахи должны решительно оторваться от мирских забот, быть пустынножителями и нестяжателями, кормиться трудами рук своих и всем существом своим стремиться к Богу, не радея ни о чем земном. Вопрос, поднятый в отвлеченном споре, был перенесен на житейскую почву и рассмотрен на церковном соборе 1503 г. Большинство собора стало на сторону взглядов Иосифа и в этом духе составило соборное определение в пользу монастырского землевладения. Светская власть не решилась идти против соборного авторитета, и монастырские вотчины не только уцелели, но и продолжали расти. Монастыри не только получали земли от государей, но и сами покупали их, принимали в заклад, одоляя под них деньги светским людям, и, наконец, получали их в дар от благочестивых людей на помин их души. Практическое

направление духовенства, опираясь на сочинения Иосифа Волоцкого, создало целую школу монахов-администраторов и хозяев, прозванных «иосифлянами» по имени их учителя Иосифа. Нуждаясь в поддержке светской власти для ведения своих обширных хозяйственных дел, «иосифляне» отличались податливостью и угодничеством перед великими князьями, чем и вызывали против себя укоры и обличения суровых заволжских «нестяжателей», среди которых в особенности отличался инок из князей Патрикеевых, по имени Вассиан Косой. Против «иосифлян» писал также и ученый афонский монах Максим Грек, призванный в Москву с Афона для перевода греческих книг и разбора великокняжеской библиотеки. Борьба двух направлений вспыхивала постоянно по самым разнообразным делам и проникала во все стороны тогдашней церковно-общественной жизни. За резкость своих обличений и за несочувствие второму браку великого князя Василия III Вассиан Косой и Максим Грек попали даже в опалу и были заточены в монастыри.

Разница направлений сказалась также в очень громком деле о «ереси жидовствующих». Эта ересь возникла в Новгороде в 1471 г., в годы присоединения Новгорода к Москве, и из Новгорода перешла в Москву. Заключалась ересь в том, что по учению какого-то Жидовина Схарии жидовствующие не признавали Святой Троицы, отвергали божество Иисуса Христа, ожидали Мессии, не почитали Богородицы и святых, не поклонялись святому кресту и иконам, почитали закон Моисеев и вместо воскресенья чтили субботу. Ересь распространилась среди новгородских священников и церковников. Некоторые попы-еретики самим князем Иваном III были из Новгорода привезены в Москву и определены в придворные соборы, после чего ересь пошла и по Москве. Ей сочувствовали видные светские люди (например, доверенный дьяк великого князя Федор Курицын) и кое-кто из духовенства, между прочим архимандрит Зосима, потом избранный в митрополиты (и тогда осудивший ересь). Протекло более пятнадцати лет от начала ереси раньше, чем ее открыли. Новгородский архиепископ Геннадий донес о ней в Москву. Началось дело, причем в Москве оно шло вяло, а Геннадий в Новгороде вел его с великим рвением. Чтобы подвигнуть и московское начальство быть деятельнее и суровее, Геннадий заручился содействием влиятельного Иосифа Волоцкого. Иосиф выступил против ереси с обличениями, собранными потом в одну книгу под названием «Просветитель». Он заявил себя сторонником крайних мер и требовал казни еретиков. И в этом на него восстали заволжские старцы, писавшие против жестокости во имя христианского милосердия. Но и здесь, как и в деле о монастырских землях, возобладал взгляд Иосифа: на церковном соборе 1504 г. еретики были осуждены на казнь. Многие из них были сожжены, и ересь заглохла.

Таковы были главные темы, занимавшие московскую письменность на рубеже XV и XVI вв. Возобладавшее в ней иосифлянское направление, утверждая сложившиеся церковные обычаи, было очень удобно для государственной власти, потому что поддерживало единодержавие и самодержавие в Московском государстве. Именно потому «иосифляне» и занимали выдающиеся церковные должности с постоянным покровительством великих князей.

§ 57. Детство и юность великого князя Ивана IV Васильевича

Детство и юность Ивана Грозного. Елена Глинская. Боярские смуты. Шуйские и Бельские. Митрополит Макарий

Великий князь Василий III, умирая (1533), оставил двух сыновей, Ивана и Юрия. Старшему из них, Ивану, было всего три года. Разумеется, новый великий князь не мог править сам. Власть сосредоточилась в руках его матери Елены Васильевны, которая оказалась властолюбивою и энергичною женщиною. При ней попали в тюрьму ее собственный дядя князь Михаил Васильевич Глинский и дяди великого князя, князья Юрий и Андрей Ивановичи, так как они казались опасными для правительницы. Они все трое умерли в заключении. Недолго прожила и сама Елена. Говорят, что ее отравили недовольные ее бояре (1538).

Елена Глинская. Реконструкция по черепу, С. Никитин, 1999 г.

По смерти матери Иван остался всего семи с половиной лет, а его брат пяти лет. Близких родных у детей не было, потому что они, как сказано, умерли в тюрьмах; остался только двоюродный брат Ивана, маленький сын князя Андрея, Владимир, князь Старицкий. Малолетний великий князь Иван был, таким образом, круглым и беззащитным сиротой. В старину за малолетних московских князей правили бояре с митрополитом (так, например, было в детстве Дмитрия Донского). И при Иване IV стали править бояре. Но в старину бояре и митрополит «прямили» своим князьям и соблюдали их интересы. А при Иване IV бояре были уже иные. Во главе правления самовластно стали знатнейшие Рюриковичи — князья Шуйские; у них затем отнял власть князь Бельский, а у Бельского снова отбили ее Шуйские. Во время смут бояре не щадили ни великого князя, ни митрополитов. Они не оказывали Ивану никакой любви и почтения, врывались в его покои со своими ссорами и драками. Митрополитов они сменяли, насильно сгоняя с митрополии (согнали Даниила, за ним Иоасафа). Удержался только вызванный на митрополию из Новгорода новгородский архиепископ Макарий, человек большого ума и такта. К народу бояре относились, «как львы», по тогдашнему выражению, грабя и обижая, вместо того, чтобы управлять «вправду».

П. Павлов. Бояре

Вот в какой обстановке вырастал Иван IV. Он не видел добра и любви от бояр. Они только во время церемоний, на глазах народа, оказывали ему знаки внешнего почтения как великому князю. А в обычной жизни Иван и брат его росли, по словам самого Ивана, как самые убогие люди («яко убожайшая чадь»). Их, своих государей, бояре даже не кормили вовремя, плохо одевали и всячески обижали. Государи играли в комнатах своего отца, а Шуйский, например, разваливался на лавке, положив свою ногу на постель великокняжескую. Это непочтение страшно обижало маленького Ивана, так же, как сердило его открытое хищничество Шуйских, тащивших из дворца к себе всякую «кузнь» (золото и серебро) и «рухлядь» (меха и ткани). Мальчик озлоблялся и, не видя доброго воспитания, сам поддавался дурным чувствам. Он мечтал о мести боярам и уже тринадцати лет успел отомстить одному из Шуйских (князю Андрею Михайловичу): Иван приказал своим псарям схватить его, и псари его убили. В то же время Иван проявлял жестокость и во всех своих играх, муча и калеча животных и людей. Злоба была посеяна в Иване боярским воспитанием, а вместе с нею развилось в нем двуличие и притворство. Не смея еще прямо разогнать ненавистных ему правителей, он скрывал свои чувства и был с ними двоедушен. Только одного доброго друга имел Иван в своем отрочестве. Это был митрополит Макарий. Образованный и умный, он составлял в те годы свой знаменитый сборник житий и поучений — «великие минеи-четии» — и обладал огромной библиотекой. Он и приохотил Ивана к чтению и образовал его ум, рано внушив Ивану понятие о Москве как о третьем Риме и воспитав в нем желание превратить великое княжение Московское в православное «царство». Но влияние Макария не могло истребить в Иване его нравственную порчу и распущенность. Умный и начитанный, живой и деятельный, великий князь вырастал в то же время озлобленным и лукавым, способным на жестокость и падким на дурные забавы и удовольствия.

Митрополит Макарий

Таков был Иван IV к своему совершеннолетию, то есть к 16–17 годам. Достигнув 16 лет, он объявил митрополиту и боярам о своем желании жениться и принять *царский* венец. Он выбрал себе в жены простую боярышню (не княжну) из рода Федора Кошки, Анастасию Романовну Юрьеву[6], и в начале 1547 г. венчался на царство и женился. Торжественный чин венчания на царство превращал московского великого князя в «государи царя и великого князя». Надобно было, чтобы этот новый титул признали восточные патриархи (для которых возобновлялось в Москве вселенское православное царство, утраченное с падением Царяграда), а затем и все прочие государства. Патриарх Константинопольский прислал Ивану IV свое согласие и благословение (1561); многие же другие государи долго отказывали московским царям в царском титуле, именуя их по-прежнему только великими князьями.

§ 58. Первый период царствования Ивана IV. Внутренняя деятельность

Начало царствования Ивана IV. Сильвестр. Избранная рада. Созыв Земского и Стоглавого соборов. Издание Судебника 1550. Отмена кормлений и введение земских учреждений. Военные реформы

Со времени женитьбы и венчания на царство началась самостоятельная деятельность царя Ивана. Он находился в это время под влиянием своей молодой жены, облагородившей его личную жизнь и отвлекшей его от дурных забав, и под влиянием одного из сотрудников митрополита Макария, священника Благовещенского дворцового собора Сильвестра. Есть предание, что Сильвестр стал особенно близок к Ивану во время громадного московского пожара, испепелившего Кремль и город в 1547 г. Указывая Ивану, что пожар Москвы он должен понимать как наказание Господне за его царские грехи, Сильвестр потряс душу молодого царя и овладел его волею. Государь решил посвятить себя заботам о народе, а Сильвестр собрал около него целый кружок бояр-княжат [«Избранную Раду»], которые вместе с государем хотели добра народу. Значение Сильвестра стало чрезвычайно велико: он руководил и мирскими, и церковными делами и, по выражению летописи, был «якоже царь и святитель»; ему все повиновались, и он «все мог».

П. Плешанов. Иван IV и Сильвестр во время московского пожара 1547

Начиная с 1550 г. правительство Ивана IV провело в жизнь целый ряд важных реформ. В 1550 г. был собран [Земский] «собор» духовных и светских сановников для обслуживания необходимых мероприятий. С 1497 г. в Москве действовал сборник законов, служивший руководством для судей и наместников, составленный дьяком Гусевым и известный под названием «Судебника». Иван IV с благословения собора исправил и дополнил этот Судебник. (В отличие от «княжеского» Судебника 1497 г. новый Судебник 1550 г. носит название «царского».) Главные новинки царского Судебника состояли в том, что он всячески заботился о праведном суде и для правосудия требовал, чтобы на суде наместников и волостелей сидели выборные от народа старосты и «целовальники» (то есть присяжные). Затем в 1551 г. был составлен собором сборник правил церковного порядка и благочиния, содержащий в себе 100 глав и потому названный «Стоглавом». Он имел целью обновить и улучшить церковно-общественную жизнь и уничтожить злоупотребления в церковном управлении и хозяйстве. В то же время, кроме составления законов, шли меры практические:

Сборник постановлений Стоглава. Титульный лист

1. Решено было постепенно отменить все «кормления» и предоставить местному населению право выбирать самим своих управителей и судей. До тех пор во всех податных общинах существовали для сбора податей и разных хозяйственных дел «земские старосты». После 1550 г. позволено было поручать им и наместнические дела, то есть суд и управление. Такие старосты, заменявшие кормленщиков, назывались «излюбленными» старостами, или головами, или же «земскими судьями и судейками». В тех округах («губах»), где жили не одни податные, но и служилые люди, всему населению сообща позволено было выбирать себе для суда и управления особых «губных старост» из дворян и детей боярских. Губные старосты в «губах» заменяли кормленщика, а отдельно от них земские старосты у тяглых людей ведали по-прежнему хозяйственные дела. За то, что земские люди избавлялись от кормов и пошлин наместнику, они должны были вносить в казну государеву известный оброк, или «окуп»; а государь из этого окупа уплачивал денежное жалованье тем своим слугам, которые по новому порядку уже не получали кормлений. Таким образом, Иван IV дал широкое самоуправление земщине. От правительства в областях сидели только «воеводы», командовавшие гарнизонами, да «городовые прикащики», заведовавшие казенным имуществом в городах. Все судебные дела и все управление были в руках выборных, за исключением дел особой важности, которые докладывались в Москву.

А. Виноградов. Площадь перед земской избой

2. Одновременно с введением земских учреждений шло устройство служилого класса. Из общей массы детей боярских и дворян в 1550 г. Иван IV выбрал тысячу лучших, дал им земли около Москвы («подмосковные») и устроил из них особый полк «московских дворян» в отличие от «городовых» (провинциальных). Городовые же служилые люди были разделены по «статьям», по их служебной годности, и для них был определен размер службы, — именно, с каждых 100 четвертей (полудесятин) пахотной хорошей земли должен был явиться на службу «человек на коне в доспехе». Самое войско получило более правильное устройство. Дворянское ополчение обыкновенно собиралось на службу так, что дворяне каждого города с его уездом составляли один отряд (туляне, коломнчи, ярославцы и т. п.). Эти-то отряды и были поделены при Иване IV на «сотни» и поставлены под начальство особых «голов». Кроме того, была образована особая пехота с ружьями, или «пищальниками» (стрельцы), и устроена хорошая артиллерия (наряд)[7]. Так как местничество в высших разрядах служилых людей мешало делу, то Иван IV составил правила против злоупотреблений местническими счетами. Наконец, был произведен пересмотр и уравнивание поместий с тем, чтобы государевы земли были справедливо распределены между помещиками. В придачу к поместьям помещикам давалось иногда и денежное жалованье.

Стрельцы

А. Виноградов. Площадь перед земской избой

Таковы были меры Ивана IV, выработанные им вместе с кружком бояр и Сильвестром в 50-х годах XVI в. Они касались всех сторон тогдашней жизни и вносили в жизнь много добра; поэтому они и пользуются большой славой.

§ 59. Первый период царствования Ивана IV. Завоевания

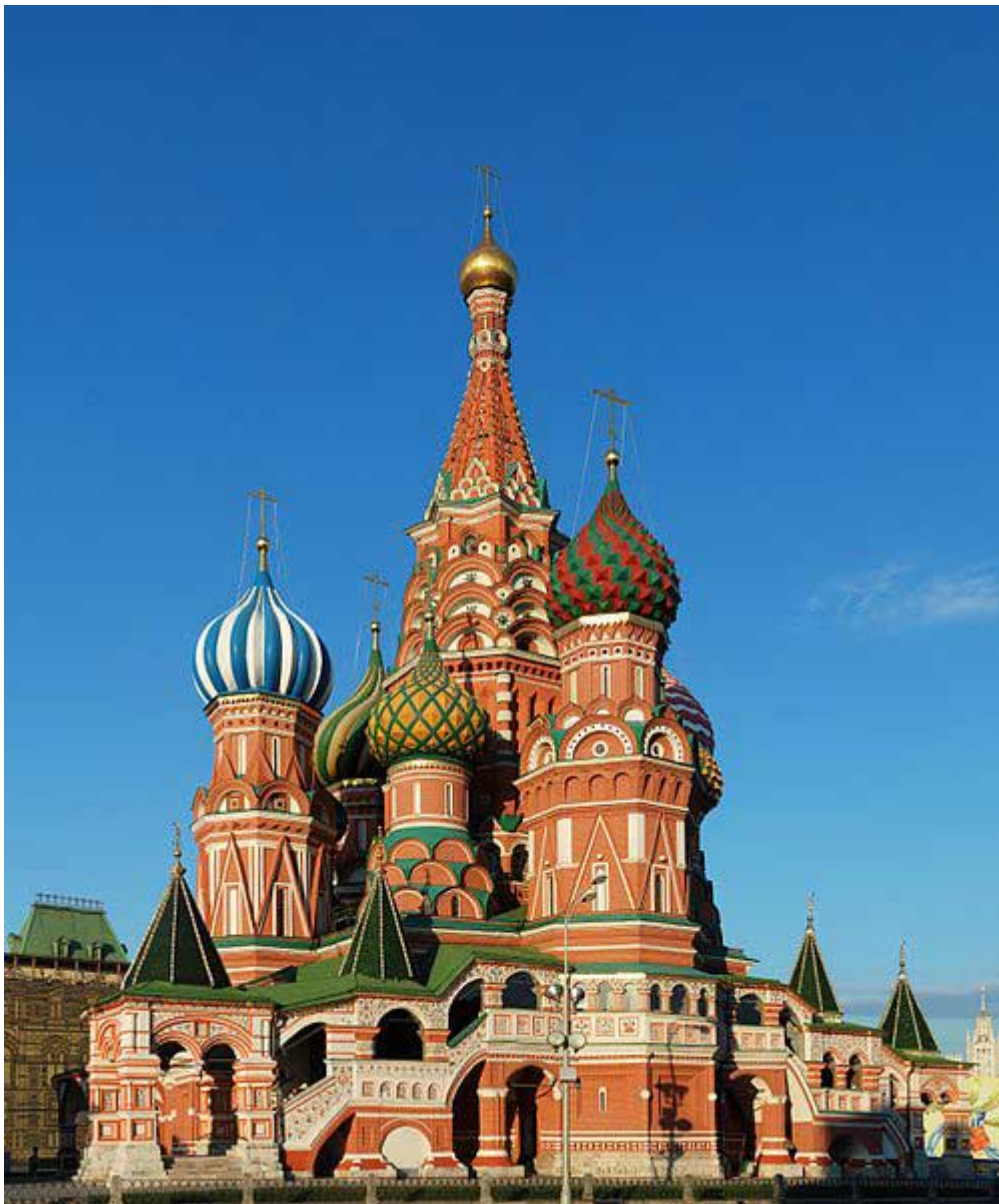
Не менее славны и внешние дела Ивана IV, современные его реформам. В 1552 г. было завоевано им Казанское царство, а в 1556 — Астраханское царство, возникшее на развалинах Золотой орды. Было уже сказано (§ 52), чем было вредно для Руси татарское соседство. Татары из Казани и подчиненные им инородцы не давали покоя московским окраинам и закрывали для русской колонизации пути на восток. Попытки московского правительства овладеть Казанью до Ивана IV не имели успеха, потому что не были решительны. Иногда русская рать появлялась под самой Казанью; казанцы пугались, принимали к себе хана из рук московского государя, обещали мир и подчинение, а затем сейчас же изменяли и начинали враждебные действия. В такого рода отношениях московские люди хорошо изучили казанские места и казанские дела. При Иване IV и был составлен план окончательного овладения Казанью. В 1551 г. большое московское войско направлено было так, что одна часть его защитила московские границы от крымцев (на тот случай, если бы крымцы задумали напасть на Москву), а другая часть пошла к Казани и поставила недалеко от Казани, на устье р. Свияги, крепость Свияжск. В этой крепости был оставлен гарнизон для наблюдения за Казанью и сложены запасы для будущего похода. На этом пока дело и кончилось. В следующем же 1552 г. поход повторился тем же порядком. Защитившись от Крыма особою ратью, Иван IV двинул большое войско на Казань и в конце лета осадил ее. После упорной защиты Казань (2 октября) была взята приступом. В первый раз при этом московские войска вели подкопы и взрывали неприятельские стены порохом. Город был весь сожжен и разграблен; остатки татарских ратей были добиты в окрестных лесах; Казанский царь Едигер (Ядигар) был взят в плен и крещен; таким образом, татарское ханство было уничтожено.

Осада и взятие Казани в 1552

Автор изображения — Любослов Езыкин

Вместо татарской Казани Иван IV построил русскую. В новой крепости были поселены только русские служилые и торговые люди; татарам было разрешено жить лишь в подгородной слободе. Во всей земле, подчиненной казанским ханам, были поставлены русские крепости (Чебоксары, Цивильск, Яранск, Уржум, Малмыж и всех дальше — Уфа). Все инородцы были приведены в повиновение Москве (мордва, черемиса, чуваша, вотяки, башкиры). В покоренный край призывались и сами охотно шли русские поселенцы. Огромные пространства по Волге и Каме были открыты теперь для русского населения. Естественно для Москвы было желание взять устье той великой реки, течением которой она только что овладела. Московские рати спустились по Волге и в 1556 г. захватили город Астрахань, где тогда сидели слабые ногайские ханы, сами призывавшие московского государя к вмешательству в их дела.

Собор Покрова Богородицы (Василия Блаженного). Воздвигнут на Красной площади в честь взятия Казани

Покорение татарских царств было великим народным делом. На всей восточной границе государства настал покой; были возвращены из Казани русские «полоняники» — пленные, томившиеся в татарской неволе; были приобретены громадные плодородные пространства; был открыт прямой путь за Урал, через Вятку и Каму; наконец, совершилось первое торжество христианства над исламом, Европы над Азией. Чувствуя все величие победы, русский народ пел ее в песнях и за нее сделал Ивана IV, Грозного царя, своим эпическим героем.

§ 60. Перемена в Иване IV и разрыв с советниками

Болезнь царя. Кончина царицы Анастасии и ссора Ивана IV с Избранной радой. Бегство Курбского в Литву

Все блестящие дела свои Иван IV делал нераздельно с кружком бояр, подобранных Сильвестром. К составу этого кружка принадлежали, между прочим, ближний придворный («ложничий», или «постельничий») Алексей Федорович Адашев, затем князь Андрей Михайлович Курбский и некоторые другие княжата. До 1553 г. ничем не нарушалось согласие государя и его советников, которых Курбский называл, на западнорусский манер, «избранной радой»; но с этого года пошли между ними недоразумения и ссоры. Государю стало казаться, что «поп» и бояре «снимают с него власть» и хотят вместо царя сами «царством владеть». По-видимому, княжата и Сильвестр действительно желали соправительствовать с государем и ограничить его личную власть боярско-княжеским советом, «радою». Когда царь не подчинялся их внушениям

и поступал по-своему, они сердились и осуждали его. Им, например, не нравилась женитьба царя на простой боярышне: дед его был женат на царевне (Софье), отец — на княжне (Елене), а Иван IV женился, по их выражению, на «рабе».

Сильвестр. Памятник «1000-летие России» в Великом Новгороде

С роднёю царицы Анастасии, Захарьиными-Юрьевыми, советники государя жили недружно, и эта недружба повела в 1553 г. к большому столкновению. Иван IV захворал в этом году горячкою и, не надеясь выздороветь, стал думать о завещании. Царство свое он оставлял единственному своему сыну-малютке Димитрию и хотел, чтобы бояре немедленно ему присягнули. Но призванные во внутренние покои царя бояре начали смуту: одни присягнули, а другие не захотели присягать, говоря, что Димитрий еще младенец, за него править будут Захарьины, а им боярам, никак нельзя быть в подчинении у Захарьиных. К удивлению, Иван IV узнал, что против его сына высказались члены его «избранной рады» и что как бояре, так и Сильвестр желали бы воцарить двоюродного брата государева, князя Владимира Андреевича Старицкого. С большим трудом Иван настоял на своем требовании и заставил всех своих бояр поцеловать крест Димитрию. Затем сам он выздоровел, а его сын Димитрий вскоре же скончался, утонув нечаянно в р. Шексне во время путешествия Ивана IV по монастырям. Все это происшествие потрясло Ивана и очень настроило его против Сильвестра и «рады». Однако по внешности хорошие отношения продолжались еще несколько лет — до 1560 г., когда скончалась молодая жена Ивана IV, оставив ему двух сыновей (Ивана и Федора).

Анастасия Романовна

Со смертью жены царь круто изменился: около него появились новые любимцы, с которыми царь начал вести недостойную жизнь; а старых советников Иван удалил от себя. Сильвестр был отправлен в Соловецкий монастырь, Адашев — в Ливонию, где он и умер (тогда шла война с Ливонией). Другие члены «рады» не могли помириться с утратой своего влияния, пробовали вернуть себе и Сильвестру расположение царя, но возбудили против себя только гнев и опалы. Они стали тогда думать об отъезде; но Иван IV взял с них обязательства не отъезжать. Между царем и боярами шла глухая распря. Она превратилась в жестокое гонение на бояр после бегства в Литву князя А.М.Курбского (1564). Из Литвы Курбский прислал царю письмо с обвинениями против него в жестокости и несправедливости. Царь ответил ему обширным оправдательным письмом и затем начал действовать открыто против бояр-княжат.

§ 61(1). Борьба Ивана Грозного с боярами, опричнина

Отъезд Ивана Грозного в Александровскую слободу и учреждение опричнины. Борьба Грозного с боярами. Опричнина и земщина. Разорение Новгорода. Убийство митрополита Филиппа. Цели и последствия опричнины.

Действия свои против бояр-княжат царь открыл невиданным поступком. В самом конце 1564 г. он выехал из Москвы, не сказав куда, и остановился за Троице-Сергиевым монастырем в Александровской слободе

(теперь город Александров). Оттуда в январе 1565 г. он прислал в Москву грамоту, извещая, что он оставил свое царство из-за боярской измены. Москвичи, отправив к царю посольство с духовенством во главе, просили его не покидать царства. Иван согласился остаться во власти только с условием, что ему не будут мешать «класть свою опалу» на изменников, а иных и казнить, а ему самому учинить себе «опричнину»: «двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой». Так была учреждена знаменитая опричнина. Мы уже знаем (§ 36), что в старину опричниною назывался удел, даваемый в особое владение вдовам-княгиням по завещаниям князей, их мужей. Вот такое особое владение устроил себе и царь Иван. Он основал себе новый «двор»: построил новые дворцы (между прочим, в Александровской слободе); подобрал новый штат придворных и прислуги; отобрал себе новую тысячу дворян (подобно тому, как в 1550 г. была отобрана тысяча дворян в Москве); наконец, для содержания нового двора взял к себе «в опричнину» несколько городов и волостей, с которых шли ему деньги и запасы «на его обиход». Люди, вошедшие в опричнину, получили в народе ходячее название «опричников»; сам же Иван называл их «дворовыми».

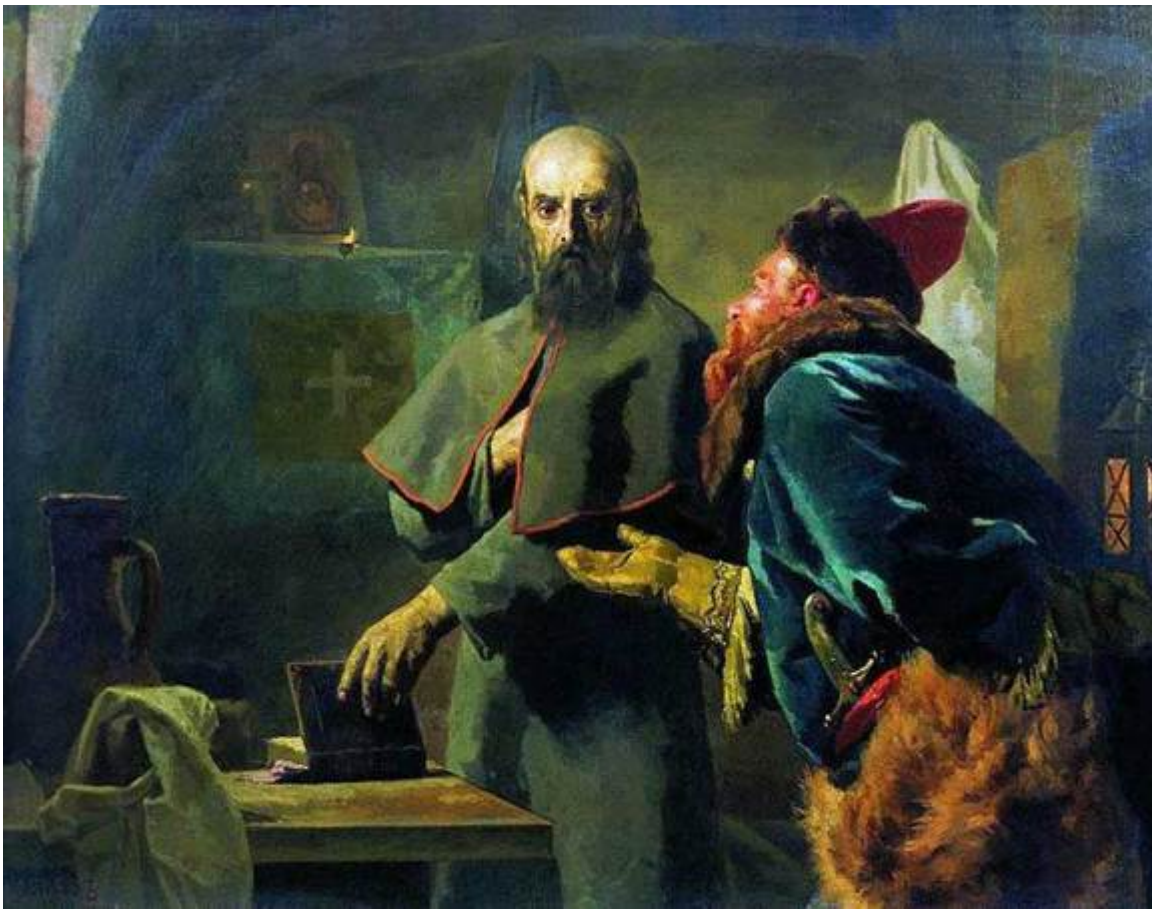
Н. Неврев. Опричники (Убийство Грозным боярина Фёдорова)

Когда опричнина устроилась, она начала действовать. Цель опричнины состояла в том, чтобы отнять всякую силу и значение у той княжеской аристократии, которая образовалась в Москве из потомства удельных князей и считала себя как бы совправительницей государя. Испытав на себе властолюбие своих бояр, царь Иван счел их «изменниками» и, не довольствуясь опалами на отдельных лиц, задумал обезвредить все боярство. В своем новом «дворе», куда он не пустил «изменников-бояр», он получил силы и средства для действий против них. Он брал к себе в опричнину один за другим те города и уезды, в которых были старые удельные вотчины бояр-княжат, и применял к ним тот порядок, какой применялся Москвою в завоеванных областях (Новгороде, Пскове, Рязани). Именно из взятых в опричнину уездов выводились вон все опасные и подозрительные для Ивана IV люди, обыкновенно потомки удельных князей. Их переселяли на окраины государства, на новые земли, где не было никаких удельных воспоминаний и где эти люди не могли быть опасны. Старые же их земли отбирались «на государя» и шли «в раздачу». Вместо удаленной знати царь селил в их старых вотчинах мелких помещиков-опричников, преданных ему и зависевших только от него. Совершая это дело разорения и изгнания старой знати, царь, по его выражению, «перебирал людишек». Он делал это до самой своей смерти, в течение почти 20 лет, и понемногу забрал в опричнину половину всего государства. Остальная половина оставалась в старом положении, управлялась боярской думой и называлась «земщиною», или «земскими» (людьми). В 1575 г. над земщиною Иван IV поставил было особого «великого князя» в лице подчиненного ему крещеного татарского (Касимовского) царя Симеона Бекбулатовича, но скоро свел его в Тверь.

А. Васнецов. Московский застенок времен опричнины

Опричнина была жестокою мерою, разорившей не только княжат, но и многих других людей, — всех тех, кого насильственно переселяли с места на место, у кого отнимали вотчины и хозяйство. Сама по себе опричнина должна была возбудить ненависть гонимых. Но действия опричнины сопровождались еще чрезвычайными зверствами. Царь Иван не только выгонял знать из ее вотчин: он мучил и казнил неприятных ему людей. По царскому велению рубили головы «изменникам» не только десятками, но целыми сотнями. В 1570 г. царь подверг разорению целый город, именно Великий Новгород. Заподозрив новгородцев в какой-то измене, он ходил на них войною как на настоящих врагов и губил их без всякого суда в течение нескольких недель. По всему государству, много лет сряду, вторгаясь в частные дома, опричники проливали кровь, насильничали, грабили и оставались без всякого наказания, так как считалось, что они «выводили измену» из царства. Иван IV, получивший имя «Грозного» за свои казни и зверства, сам доходил до неистовства и необыкновенной распущенности. Кровавые казни сменялись у него пирами, на которых также лилась кровь; пиры сменялись богомольем, в котором бывало и кощунство. В Александровской слободе Иван устроил что-то вроде монастыря, где его развратные опричники были «братиею» и носили черные рясы поверх цветного платья. От смиренного богомолья братия переходила к вину и крови, глумясь над истинным благочестием. Московский митрополит Филипп (из рода бояр Колычевых) не мог мириться с распущенностью нового государева двора, обличал Ивана и опричников и за то был низложен царем с митрополии и сослан в Тверь (в Отрочь монастырь), где в 1570 г. был задушен одним из самых жестоких опричников — Малютой Скуратовым-Бельским. Иван не постеснялся расправиться и со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем, которого подозревал в умыслах против себя еще со своей болезни 1553 г. Князь Владимир Андреевич был умерщвлен без суда, так же, как мать и жена его. Не умеряя своей жестокости, Грозный не ограничивал никаких своих вожделений. Он предавался всяческому излишествам и порокам[8].

Н. Неврев. Митрополит Филипп и Малюта Скуратов

Наблюдая необычайную жестокость царя и его странные выходки, народ не понимал его и говорил, что царь «играл божьими людьми», порученными ему Богом, нелепо раздвоил свое царство на две половины и одной половине (опричникам) заповедал другую грабить и убивать. При этом, однако, подданные не считали Ивана больным или умалишенным человеком; напротив, о Грозном царе говорили, что он был «муж чудного рассуждения»; Грозного царя народ славил в своих песнях.

Цель, которую поставил себе Иван Грозный, устраивая опричнину, была достигнута. Княжеская аристократия была разгромлена и унижена; старые удельные вотчины княжат перешли к государю и были обменены на другие земли. Но опричнина, несомненно, повела к разорению государства, потому что разрушила хозяйственный порядок в центральных московских областях, где сосредоточены были княжата с их удельными вотчинами. Когда Грозный выселял крупных вотчинников с их старых земель, оттуда уходили с ними их холопы, а затем стали уходить и крестьяне, которым невыгодно было оставаться за новыми владельцами, мелкими помещиками, не имевшими никаких земельных льгот. Крестьянам была еще и та выгода уйти со старых мест, что они могли поселиться на новых хороших землях или в завоеванном Казанском царстве, куда само правительство звало поселенцев, или же в черноземной плодородной полосе на юг от Оки, где тогда возникало много новых городов. Народ охотно шел на окраины государства, где не было ужасов опричнины, а от этого центральные области все пустели и пустели. К концу царствования Грозного они запустели до такой степени, что с них царь не получал уже ни ратных людей, ни податей. У Грозного не стало поэтому войска и средств, что и заставило его бесславно окончить шедшие тогда войны с Литвой и шведами. Таковы были в конце концов результаты опричнины.

§ 61(2). Южная граница России при Иване Грозном, Крым, битва при Молодях, казаки

**Сожжение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем 1571. Разгром Девлет-Гирея при Молодях
Воротынским 1572. Строительство пограничных засек и валов. Станицы и сторожи. Освоение
рускими южных степей. Донские казаки**

Из других дел второй половины царствования Грозного особое значение имели меры для обороны южной границы государства и для заселения так называемого «дикого поля» на юг от Оки. Покорение Казани и

Астрахани произвело сильное впечатление на крымских татар и на их верховного повелителя — Турецкого султана. Со стороны турок и татар шли требования возвратить им взятые русскими ханства и делались приготовления для похода под Астрахань и для набега на самую Москву. Наконец, в 1571 г. Крымский хан, идя тем же путем, каким шел хан Ахмат в 1480 г., успел обмануть русских сторожевых воевод и добрался до самой Москвы, которую пограбил и пожег. На следующий год он снова явился на Оке, перешел ее, но на этот раз был разбит на р. Лопасне [при Молодах] князем М.И.Воротынским и убежал.

М. И. Воротынский на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

Все эти обстоятельства заставили московское правительство подумать о том, как вперед лучше уберечься от татарских нападений. Прежде границей московских владений с юга был берег средней Оки; но во времена Ивана IV уже много русских людей поселилось за Окою, южнее тех крепостей, которые там стояли для обороны границы. Выходя на «украину» или на «дикое поле», русские люди становились там вольными «казаками». Над ними не было никакой власти, кроме их выбранных «атаманов». Они охотились, ловили рыбу, бились с татарами, которые тоже «казаковали» на «диком поле». Иногда русские казаки нападали на татарские города у Азовского и Черного морей и грабили их; а иногда они грабили своих же русских купцов и русские посольства, которые шли через «поле» в Крым. Московское правительство знало о существовании на «поле» казаков и нередко само нанимало их к себе на службу. В расчете на том, что русского населения на «поле» стало достаточно, при Грозном в Москве и решились занять «дикое поле» войсками, поставить в наиболее важных местах города, а между городами провести укрепленную границу, через которую татарам нельзя было бы пройти безвестно. В 1571 г. в Москве составили особый совет из людей, знающих дело, и выработали общий план действий. По этому плану и стали строить города, выставляя их все южнее и южнее (важнейший из них — Белгород). Между же городами стали проводить валы на открытых местах, засеки в лесах; стали строить укрепления на бродах через реки. В разных местах новой границы стали ставить наблюдательные отряды — «сторожи», а вдоль границы стали посылать разъезды — «станции». Для службы в

городах, станицах и сторожах, сверх тех людей, которых присылали из Москвы, набирали людей из казаков и местных поселенцев. К концу XVI в. все «поле», до верховий рек Ворсклы и Северского Донца, было занято крепостями и вошло в состав Московского государства. Этим приобретением достигалась не только большая безопасность от татар, но и возможность заселить богатые черноземные пространства средней России. Казачество, которое не хотело подчиниться государственной власти, ушло к югу и сосредоточилось на низовьях Дона и Донца, отчего и называло себя «низовым». Мало-помалу оно составило организованную общину («круг») с выборными атаманами во главе.

§ 62. Ливонская война и завоевание Сибири Ермаком

Ливонский орден. Отношения Ливонии с Москвой. Ливонская война Ивана Грозного (1558-1583). Распад Ливонии. Вступление Швеции и Польши в войну с Россией. Взятие Полоцка Иваном IV (1563). Земский собор 1566. Стефан Баторий. Осада Пскова Баторием (1581). Посольство Поссевина в Москву. Окончание Ливонской войны. Начало московской торговли с Англией. Ченслер. Основание Архангельска (1584). Строгановы. Поход Ермака против хана Кучума (1582-1583). Завоевание Сибирского ханства Ермаком.

С 1558 г. Иван IV начал свою знаменитую борьбу за Ливонию. В то время владения Ливонские охватывали Эстляндию с главным городом Ревелем, Лифляндию с Ригою, Курляндию с Митавою и острова Эзель и др. В Ливонии не было внутреннего мира. Архиепископ Рижский ссорился с магистром Ордена Меченосцев; города не желали повиноваться ни тому, ни другому и мечтали о независимости; реформация, проникшая из Германии, делала большие успехи и вела к религиозному междоусобию. Неудовольствие и безначалие очень ослабили Ливонию и делали ее легкою добычею для соседей. Хорошо зная положение дел в Ливонии, Грозный не желал, чтобы она досталась кому-либо иному, и сам желал подчинить ее. По своему положению у моря Ливония была очень важна для Москвы. Москва наследовала древнюю новгородскую торговлю с Балтийским берегом. Через Новгород и Псков торговала она с Ригою, Ревелем, Нарвою и получала от них европейские товары. Ливонские купцы старались держать в своих руках все торговое движение, не пускали русских людей к морю, а иностранцев на Русь. При этом ливонцы старались не пропустить в Москву никаких мастеров и художников, не пропускали туда серебра, оружия и многих других «заповедных» товаров; словом, они заботились о том, чтобы всячески мешать усилению Москвы. Видя постоянную враждебность и стеснения, московское правительство естественно должно было желать уничтожения ливонского посредничества. Допустить, чтобы слабую Ливонию сменил в Балтийских гаванях другой, более сильный враг, конечно, было нельзя. Москва сама хотела стать на морском берегу, завладеть гаванями и вступить в прямые торговые сношения с Европой. Уже Иван III после покорения Новгорода построил на устьях р. Наровы, против ливонского города Нарвы, русскую крепость Иван-город; но этому городу не было суждено стать торговой гаванью. Теперь Иван Грозный ставит себе целью подчинение всей Ливонии и начинает переговоры с Орденом, требуя от него уплаты дани, иначе говоря, признания зависимости от царя. Слабая Ливония согласилась на уплату дани, но не выплатила ее в срок. Тогда, с начала 1558 г., московские войска вошли в Ливонию, и началась война, затянувшаяся на целых 25 лет. Ход этой войны был таков.

В течение двух лет московские войска разорили почти всю Ливонию, за исключением главнейших укрепленных городов и замков. Не имея сил сопротивляться, но не желая отдаваться иноверной и иноплеменной московской власти, Ливония распалась и по частям отдалась в руки своих балтийских соседей: Эстляндия признала над собою власть Швеции, Лифляндия — власть Литвы; о. Эзель стал владением датского герцога Магнуса, а Курляндия была секуляризована, то есть обращена из церковного в светское владение. Магистр Ордена Кетлер стал герцогом Курляндским в ленной зависимости от польского короля. Так окончил свое существование Ливонский орден (1560-1561).

Новые обладатели ливонских земель, занятых московскими войсками, Швеция и Литва, потребовали от Грозного, чтобы он очистил их провинции. Грозный отказал и начал войну и с Литвою, и со Швецией. Таким-то образом война ливонская перешла в войну шведскую и литовскую. Обе они затянулись надолго. Что касается шведской войны, то она шла с перерывами и вяло. Главное свое внимание Иван IV обратил на Литву. В 1563 г. он завоевал г. Полоцк и опустошил Литву до самой Вильны. Истомленные войною литовцы предлагали Грозному мир, уступая ему Полоцк. В 1566 г. царь собрал в Москве земский собор, из представителей служилых и тяглых людей, для обсуждения вопроса о том, мириться ли с Литвою или воевать дальше. Собор высказался за продолжение войны, и война продолжалась с перевесом в сторону Москвы до тех пор, пока на польско-литовский престол не был избран один из мелких князей, Стефан Баторий, обладавший большим

воинским талантом (1576).

Баторий начал решительные действия против Грозного как раз тогда, когда силы московского царя были подорваны запустением центральных московских областей (§ 61). Поэтому-то смелый и решительный натиск Батория не встретил должного отпора. Царь не вывел против него рати в поле, и Баторий имел дело только с гарнизонами тех крепостей, на которые нападал. Он обратно взял Полоцк, взял затем важную московскую крепость Великие Луки и напал на Псков. Но громадный по тому времени город Псков успел отбиться от короля (1581). В это время явился к Баторию папский посол Антоний Поссевин с предложением примирить его с Грозным и, получив его согласие, поехал к Грозному. Посредничество Поссевина повело к миру (вернее, к перемирию на десять лет), по которому Грозный отказался от Лифляндии и от всех завоеваний в Литве (1582). В то же время, пользуясь слабостью Грозного и успехами Батория, шведы вошли в русские пределы и взяли города Ям, Копорье и Корелу. И с ними Грозному пришлось заключить мир, уступив им Эстляндию и названные города (1583).

Так окончилась долгая ливонская война. Неудачный исход ее зависел от разных причин: с одной стороны, враги Грозного оказались сильнее и многочисленнее, чем он ожидал; с другой — силы Грозного иссякли еще раньше, чем он был побежден Баторием. Но неудача войны несколько не уменьшает заслуги царя Ивана: он верно понял значение для России Балтийского побережья и необходимость овладеть им для того, чтобы вступить в непосредственные сношения с культурным Западом. Преемники Грозного в XVII в. и в начале XVIII в. не один раз возобновляли попытки Грозного, пока Петру Великому не удалось приобрести балтийские берега.

В царствование Ивана Грозного произошли еще два случайных для него, но очень важных события. Это, во-первых, появление английских кораблей в устьях Северной Двины и, во-вторых, покорение Строгановскими казаками Сибирского царства.

Появление англичан в Белом море относится еще к 1553 г. Три английских корабля были отправлены из Темзы на поиски северного пути в Китай. Два из них погибли в Ледовитом океане, а один попал к устьям Северной Двины, откуда его капитан Ричард Ченслер был отправлен в Москву. Там его приняли так хорошо, что Ченслер и вторично (через два года) появился в Москве уже с официальным поручением от английского правительства завести торговые сношения с Москвою. А еще через два года в Лондон было отправлено русское посольство. Так завязалась торговля Москвы с Англией. Получив право беспошлинного торга в Московском государстве, предприимчивые англичане в большом числе стали ездить в Белое море со своими товарами и скупать в обмен русские товары. Они основали свои подворья во многих русских городах, объездили весь север нынешней России, хорошо его узнали и описали. За ними в Северную Двину стали ездить для торга и голландцы. Таким образом, к концу царствования Ивана IV в устьях Северной Двины образовался большой и правильный ежегодный торг и создался морской порт. В 1584 г. здесь был построен город Архангельск. Хотя по краткости навигации (всего три месяца) и по отдаленности Архангельского города от главных европейских рынков торговля в нем представляла большие неудобства, однако московское правительство очень дорожило возможностью непосредственных морских сношений с Европой через Белое море. По тогдашнему выражению, «которую дорогу Бог устроил, великое море-океан, и тое дорогу как мочно затворить?» Этою дорогою свободно пользовались все, кто смел и хотел; а сухопутные московские границы были затворены для сношений с Москвою враждебными Москве соседями, боявшимися усиления Москвы.

Поход на Сибирь был делом частной предприимчивости богатой землевладельческой семьи Строгановых. Происходя от старых новгородских бояр, Строгановы удержались в новгородских землях после московского завоевания. Мало-помалу они сосредоточили в своих руках громадные земли по р. Каме и на среднем Урале. Окруженные там дикими инородцами, Строгановы просили и получили от государя право строить укрепления («города») и содержать в них вооруженные отряды для защиты своих людей и промыслов от нападений вогулов, вотяков, остяков, татар и других инородцев. Обладая такими исключительными средствами, Строгановы легко могли вести колонизацию за Уралом, в нынешней Сибири. Там, за Уральскими горами, русские люди бывали еще в XIV ст. Именно новгородцы проникали на восток, даже до Оби. Воеводы великого князя Ивана III в исходе XV ст. покорили землю Пермскую и Югорскую до самой р. Оби. Русской власти и колонизации за Уралом, однако, встретилось препятствие в том татарском ханстве, которое было основано ногайскими князьками в пределах нынешней Тобольской губернии. Во второй половине XVI в. в этом ханстве, носившем тогда название «Сибири», появился деятельный хан Кучум, который не давал покоя ни Строгановым, ни тем инородцам (остякам), которые платили Дань («ясак») московскому царю. На этого-то Кучума и решили идти Строгановы. Они, по данному им праву, пригласили к себе на службу вольных казаков с «поля» и с Волги, с атаманом Ермаком Тимофеевым, и послали их (1582) походом на Сибирское царство. Ермак добрался с Камы до р. Иртыша с отрядом в 840 человек, разбил Кучума, взял его город Сибирь и, покорив все ханство, известил об этом Строгановых, а Строгановы — царя.

В. Суриков. Покорение Сибири Ермаком

В Москву приехал — бить царю челом Сибирью — товарищ Ермака Иван Кольцо. Иван IV очень обрадовался новому приобретению и отправил в Сибирь воевод и войска на помощь Ермаку. Для прочного покорения Сибири понадобилось еще несколько лет. Сам Ермак погиб в борьбе за Сибирь, утонув во время ночного нападения татар на его стан. Но его дело было сделано, и русские люди стали с тех пор твердою ногою в системе р. Оби.

§ 63. Царь Федор Иванович и Борис Годунов

Убийство Иваном Грозным сына. Царь Федор Иоаннович (1584-1598). Царский шурин Борис Годунов и его соперники-бояре. Регентство Годунова над Федором Иоанновичем. Война со Швецией 1590-1595. Нашествие крымского хана (1591). Освоение Западной Сибири русскими

Иван Грозный умер в начале 1584 г. Года за полтора до своей кончины, поссорясь со своим старшим сыном Иваном, Грозный так неосторожно ударил его своим «посохом», что убил его насмерть. Поэтому престол после Грозного царя наследовал его второй сын от брака с царицей Анастасией — Федор. Царь Федор Иванович был неспособный к делам, болезненный, тихий и богомольный человек. Русские люди считали его чуть не святым и говорили, что царь Федор, не входя в дела, праведною молитвою спасал и управлял свое царство, которое при благочестивом и кротком государе успокоилось и процвело, забыв ужасы Грозного. Сам править Федор не мог; при нем должен был быть опекун и правитель. Несколько месяцев таким правителем был боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, родной дядя царя по матери. Затем, когда Никита Романович заболел и умер, эта роль перешла к царскому шурина, боярину Борису Федоровичу Годунову (из рода мурзы Чета), на сестре которого, Ирине Федоровне, был женат царь Федор. Бояре не могли помириться с возвышением Бориса Годунова: он им казался и молод, и недостаточно знатен. Против Годунова была задумана интрига. Так как у царя Федора не было детей, то митрополит (Дионисий) и некоторые бояре хотели уговорить царя развестись с царицей и жениться на другой: тогда со своею сестрою Ириною был бы удален от царя и Борис. Но Годунов успел помешать боярам. Митрополит был принужден оставить митрополию, и на его место Борис устроил своего приятеля Иова; враждебные же Борису бояре подверглись опале и были сосланы. Главным образом пострадали знатнейшие из Рюриковичей князья Шуйские, двое из них, по преданию, были в ссылке умерщвлены, а остальные жили в постоянном страхе от Годунова. И прочая княжеская знать была в постоянном подозрении у Годунова, так что, можно сказать, времена опричнины для княжат не миновали со смертью Грозного царя.

Укрепившись во власти, Годунов привел дело к тому, что стал регентом государства (1587). Он получил высшие московские титулы «конюшего боярина», «слуги» и «правителя»; получил право непосредственно сношения с иностранными правительствами и принимал у себя иностранных послов так же, как принимал их сам государь. Все иностранцы считали Бориса правителем государства при неспособном государе и все русские люди знали, что Борис «правит землю рукою великого государя» в то время, когда сам великий государь молит Бога о своих людях и царстве. Так установилось единоличное правление Бориса Годунова. Природа одарила Бориса большим умом и правительственным талантом. Он держал власть в своих руках

умело и твердо. Получив влияние и силу в то время, когда государство было расшатано и разорено опричниной и тяжелыми войнами, Годунов устремил все свои способности на то, чтобы успокоить страну и поднять ее благосостояние. По свидетельству современников, он достиг в этом деле значительных успехов. При нем поднялась торговля, уменьшились недоимки, наполнилась царская казна. Вместо казней и оргий Грозного наступила тишина и спокойствие; люди «начаша от скорби бывшая утешаться и тихо и безмятежно жити». Приписывая такую благодать святым молитвам царя Федора, русские люди отдавали справедливость и дарованиям Бориса Годунова. Они в один голос хвалили его как умелого правителя; хвалили даже и те, которые были его политическими врагами. Никто еще не предчувствовал скорого наступления больших бедствий для государства.

Из внешних дел при царе Федоре наиболее памяты: столкновение со Швецией, которое окончилось возвращением под московскую власть городов, потерянных Грозным (Иван-города, Яма, Орешка, Корелы); нашествие Крымского хана, который успел (1591) дойти до стен Москвы, но скоро убежал; и, наконец, окончательное покорение Сибирского ханства, в котором были построены русские крепости со «стольным» городом Тобольском во главе. Среди дел внутреннего порядка и управления на первом месте по исторической важности стоит учреждение в Москве патриаршества. Важны также и указы о крестьянах.

§ 64. Учреждение патриаршества в Москве и указы о крестьянах

Теория «Москва — Третий Рим» и учреждение московского патриаршества (1589). Четыре новых русских митрополии. Уход крестьян из центральных русских областей. Крестьянские «вывозы». Составление писцовых книг. Указы Годунова о крестьянах. Пятилетняя давность по искам о возвращении беглых

Мы уже знаем (§ 45), что после Флорентийской унии московская митрополия отделилась от Константинопольского патриархата и стала автокефальной. Московские митрополиты избирались собором русских архиепископов и епископов и принимали поставление в Москве, не ездя в Царьград. Находясь во главе свободной, многолюдной и могущественной паствы, московские митрополиты были на деле выше восточных патриархов, униженных и обедневших в турецкой неволе. Но они по-прежнему носили сан митрополитов. Понятно, что московские государи, приняв царский титул и считая себя заместителями византийских царей, желали, чтобы и глава их церкви получил новый титул — патриарший, который соответствовал бы достоинству Русского царства. С точки зрения теории о «Москве — третьем Риме» было необходимо, чтобы в Москве рядом с царем стоял патриарх, как это во все века было в старом православном царстве. Годунову удалось достигнуть осуществления этой заветной мысли московских патриотов.

С православного востока тогда нередко приезжали на Русь духовные лица «за милостынею», то есть за пособиями. Тяжелое состояние православных церквей под мусульманской властью было тому оправданием. В 1586 г. впервые появился в Москве с востока за милостынею не простой архиерей, а патриарх Антиохийский (Иоаким). Московский митрополит (Дионисий) встретил его как равный равному и даже первый дал ему благословение, чем вызвал недоумение и неудовольствие патриарха. Вместе с тем в Москве заговорили с гостем о желательности устроить на Москве патриаршество, и Годунов просил его посоветоваться об этом деле с другими восточными патриархами. Патриарх обещал и был отпущен из Москвы с богатым пособием. Так было поднято в Москве дело о патриаршестве. Однако восточные патриархи не выказали особого сочувствия мысли об учреждении нового, пятого патриархата[9]. Через два года после Антиохийского патриарха в Москву приехал, тоже за милостынею, патриарх Цареградский Иеремия и не привез никакого ответа по делу о патриархе. Тем не менее московское правительство добивалось от Иеремии ответа и после разных переговоров с ним предложило ему самому остаться патриархом на Руси. Иеремия принял предложение и таким образом признал возможность установления нового патриархата. Добившись этого важного признания, Годунов повел дело так, чтобы не дать чуждому для Руси патриарху большого влияния на московские дела. Ему предложили жить в заглохшем Владимире, далеко от Москвы. Иеремия на это не согласился; но он уже не мог взять назад свое общее согласие на установление в Москве патриархата. После долгих споров его привели к тому, что он согласился поставить в русские патриархи Московского митрополита Иова. Поставление состоялось в январе 1589 г.; вместе с тем было учреждено на Руси четыре митрополии (в Новгороде, Казани, Ростове и на Крутицах около самой Москвы). Иеремия уехал домой и в 1590 г. собрал в Царьграде собор патриархов, который и утвердил произведенную в Москве реформу, назначив новому Московскому патриарху пятое место в сонме прочих патриархов.

Указами о крестьянах в последние годы XVI в. московское правительство старалось остановить все еще

сильную бродячесть крестьянского населения. Было уже сказано (§ 55), что с развитием поместного землевладения устанавливалась зависимость крестьянского населения от помещиков, за которыми крестьяне были записаны в писцовых книгах. Во время опричнины Грозного, вследствие разных причин, крестьяне во множестве своевольно оставляли свои земли и шли на «дикое поле», в казаки, или же на новые земли в завоеванное Грозным Поволжье. Землевладельцы, разумеется, не желали выпускать из-за себя крестьян и всеми мерами задерживали их, прибегая даже к насилию. А так как народ все-таки уходил, и рабочих в центральных областях государства становилось все менее и менее, то землевладельцы стали изыскивать способы, как бы взамен ушедших добыть на свои земли новых работников. Самым действительным способом было переманить крестьян от соседей, «вывезти» их из-за других владельцев. Крестьянский «вывоз» стал обычным явлением. Пользуясь тем, что законом крестьянский переход не был запрещен, богатые землевладельцы рассылали своих приказчиков, чтобы выкупать крестьян у их господ (заплатив господам за крестьян все их долги) и таким способом «отказывать» крестьян от владельцев и «вывозить» их на свои земли, заманив разными льготными обещаниями. Шла, таким образом, борьба за крестьян, в которой победа оставалась на стороне богатых землевладельцев. Они имели средства, чтобы добывать себе рабочих людей; мелкие же помещики не имели средств, чтобы их удержать за собою.

Между тем московское правительство именно из мелких помещиков составляло свое главное войско и потому не могло допустить их обеднения и разорения. Оно должно было вмешаться в борьбу за крестьян еще и по той причине, что «перевоз» крестьян вел к бесчисленным ссорам и жалобам; суды были завалены делами о возвращении увезенных и ушедших крестьян и о взыскании убытков от незаконных «вывозов» и «отказов». Вот почему начиная с 1592 г. стали появляться указы о крестьянах. Около этого 1592 г. были составлены повсюду новые писцовые книги, в которых крестьяне были переписаны на занятых ими землях. В 1597 г., в особом указе, сделано было распоряжение давать суд только на тех беглых крестьян, которые вышли из-за своих господ в 1592 г. и позднее; тех же крестьян, которые выбежали за пять лет и более до указа 1597 г., приказано было считать свободными от старых их владельцев. Таким образом, была установлена пятилетняя давность для исков о возвращении беглых крестьян[10]. Затем несколько раз были выдаваемы указы о том, чтобы крупные землевладельцы не возили крестьян из-за мелких и чтобы вообще никто не вывозил крестьян к себе в большом количестве. Этими указами надеялись прекратить столкновения из-за крестьянского вывоза и разорение мелких помещиков крупными владельцами. Незаметно, однако, чтобы указы о крестьянах в чем-либо помогли делу: и после них продолжалось крестьянское передвижение, и слышались по-прежнему жалобы помещиков на уход и увоз крестьян. Важно было то, что правительство обратило внимание на положение крестьян и стало законом определять отношение крестьян к землевладельцам.

§ 65. Смерть святого царевича Дмитрия Ивановича и прекращение Московской династии

Убийство царевича Дмитрия в Угличе. Расправа угличан с Битяговским. Вопрос о виновности Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия. Кончина царя Федора Иоанновича. Прекращение династии Рюриковичей на московском троне

Кроме царя Федора Ивановича, Грозный оставил по себе еще одного сына (от седьмого брака с Мариею Нагою), царевича Дмитрия, родившегося в 1582 г. После смерти Грозного маленький Дмитрий получил «в удел» город Углич, куда и был отправлен с матерью и ее братьями, дворянами Нагими. Пребывание на «уделе» было в сущности изгнанием. Никакой власти в своем городе царевич и его родня не имели, так как Угличем управлял присланный из Москвы царский чиновник дьяк Битяговский. Злобясь на московское правительство, Нагие обращали свой гнев на Битяговского, с которым постоянно ссорились и от которого ожидали всяческой обиды и зла. Нагие воспитывали и царевича в ненависти к московским боярам, сославшим их в Углич. Дмитрию шел всего девятый год, когда он стал жертвою внезапной смерти. 15 мая 1591 г., в полдень, мать царевича, выбежав на крик из своих покоев, нашла сына на внутреннем дворе Угличского дворца со смертельною раною в горле. В исступлении царица Марья обвинила Битяговского в гибели царевича. Сбежавшийся народ убил Битяговского, его сына и еще до десяти человек, заподозренных в покушении на Дмитрия. О событии дали знать в Москву. Оттуда очень скоро приехала в Углич следственная комиссия, во главе которой были патриарший викарий (Крутицкий митрополит Геласий) и думный боярин князь Василий Иванович Шуйский. Разобрав дело, комиссия донесла в Москву, что царевич со своими сверстниками, «потешными робятками», играл ножом в тычку на дворцовом дворе; в это время пришел на него обычный припадок падучей болезни; царевич в конвульсиях наткнулся на нож и сам нанес себе нечаянно смертельную рану; мать же его и дяди неосновательно обвинили Битяговского в его смерти и подняли народ на несправедливое убийство.

Духовенство с патриархом во главе и бояре, выслушав доклад комиссии, обвинили Нагих в самоуправстве и сослали их, причем царицу Марью постригли в монахини; были наказаны и угличане. Царевич же был погребен в Угличе у соборной церкви. Доклад комиссии или так называемое «следственное дело» о смерти царевича Дмитрия сохранилось до сих пор: оно подробно описывает все обстоятельства печального события. Тем не менее народная молва не поверила нечаянному самоубийству царевича и повторяла те обвинения, какие высказала мать царевича в минуту его смерти. Убийцами считали Битяговского, его сына и приятелей, а главным виновником злодеяния тихонько называли Бориса Годунова. Думали, что Борис подсылал к царевичу убийц и всячески хотел извести царевича, чтобы самому стать царем по смерти бездетного Федора. Когда же Борис умер, тайный слух о его злодействе стал высказываться явно; при открытии мощей св. царевича Дмитрия в 1606 г. даже официально было объявлено, что царевич «принял неповинное заклятие от лукавого раба Бориса Годунова». В литературе того времени было составлено много сказаний и повестей, где дело объяснялось так же. Вот почему в настоящее время существует два мнения о деле царевича Дмитрия. Те, кто верит следственному делу, говорят о самоубийстве царевича; а кто верит сказаниям и повестям, утверждает, что Дмитрий был убит по приказу Бориса.

Как ни смотреть на дело, все же следует помнить, что во время кончины царевича, в 1591 г., Годунов еще не мог рассчитывать на бездетность царя Федора Ивановича. Вскоре по смерти Дмитрия у царя родилась дочь, царевна Феодосия, и прожила полтора года. Только после кончины ее (1594) здоровье царя Федора стало заметно слабеть, и он умер 6 января 1598 г., без потомства, оставив «на всех своих государствах» свою жену царицу Ирину. Если бы царица пожелала остаться на престоле, она могла бы царствовать до своей кончины. Но она ушла в подмосковный Девичий монастырь, постриглась в инокини с именем Александры и отказалась от государственных дел. Так прекратилась на Москве династия Ивана Калиты, и москвичам надлежало избрать себе нового государя.

§ 66. Воцарение Бориса Федоровича Годунова

Избрание на царство Бориса Годунова (1598). Крестный ход к Девичьему монастырю. Годунов и боярство. Ссылка Богдана Бельского и Романовых. Голод 1601-1604 годов. Иностранцы в Москве. Сватовство шведского и датского принца к Ксении Годуновой. Постройки в Кремле, колокольня Иван Великий

Борис Годунов. Старинный рисунок

Патриарх Иов, оставшийся «начальным человеком» на Москве в безгосударное время, собрал в своих палатах земский собор для избрания государя. На этом соборе участвовал совет патриарха («освященный собор»), боярская дума и представители служилых людей и торгово-промышленного населения Москвы. Из всех московских князей и бояр два лица казались наиболее вероятными кандидатами на престол. Это были, во-первых, правитель государства и царский шурин Борис Федорович Годунов и, во-вторых, двоюродный брат царя Федора, племянник царицы Анастасии Романовны, старший из сыновей Никиты Романовича, Федор Никитич Романов. Патриарх был на стороне Годунова и предложил собору избрать именно его. Собор согласился и единогласно (в феврале 1598 г.) предложил престол Борису. Но Борис, бывший в то время у своей сестры в Девичьем монастыре, решительно отказался. Необходимы были особенные меры, чтобы понудить его послушаться соборного прошения: был составлен крестный ход в Девичий монастырь, и патриарх объявил Борису, что в случае его дальнейшего отказа духовенство затворит все церкви и прекратит богослужение. Тогда только Борис согласился, а его сестра, бывшая царица, благословила брата на царство. Хотя, таким образом, избрание Бориса было всенародным и вполне законным, однако шла молва, будто он тайно прибегал к подкупам и угрозам, чтобы обеспечить себе престол. Ему, конечно, легко было влиять на избирателей, так как он много лет стоял во главе правления, знал все дела и отношения и везде имел преданных себе чиновников и агентов. Но вместе с тем современники говорили, что Бориса избирали не только из боязни, но видя его «разум и правосудие», зная его «крепкое правление», то есть оценив его правительственные способности и заслуги.

Согласившись в феврале 1598 г. принять престол, царь Борис венчался на царство только 1 сентября — лишь тогда, когда убедился в прочности народного избрания. С такою же осторожностью он держал себя и в дальнейшее время. Боясь покушений на свою власть, он воспользовался первыми предложениями для того, чтобы устранить подозрительных для него бояр. При царском избрании 1598 г. беспокойно держал себя боярин Богдан Бельский, желавший будто бы захватить престол для себя; Борис в 1600 г. сослал его в далекое Поволжье. Действительным соперником Бориса в 1598 г. был боярин Фёдор Никитич Романов, стоявший во главе знатной и популярной боярской семьи. В 1600–1601 гг. Борис, воспользовавшись каким-то доносом, отдал всех Романовых под суд по обвинению в злоумышлениях на государя. Романовы (пять братьев) были сосланы на далекий север, а старший из них Федор и его жена были, сверх того, пострижены в монашество (он с именем Филарета, она с именем Марфы) и посланы в глухие северные монастыри под строгий надзор. Знатнейших княжат Шуйских (из Рюриковичей) и Голицыных (из Гедиминовичей) Борис держал далеко от Москвы на воеводствах, как бы в постоянном подозрении и под страхом доносов, которые при Борисе были вообще в ходу. Немудрено, что боярство не любило Годунова и считало Бориса прямым продолжателем Грозного с его опричниною и гонением на знать.

В управлении государством Борис продолжал делать то, что делал он при царе Федоре: всеми мерами стремился к восстановлению народного благосостояния, потрясенного в эпоху Грозного. Он уклонялся от внешних столкновений, не желая втягивать государство в новые войны. Он заботился об укреплении правосудия и справедливости и желал истребить лихоимство и самоуправство и оградить мирное население от насильников. Являясь гонителем знати, он хотел быть добрым государем для простых людей. Во время своего венчания на царство Борис взялся за ворот своей сорочки, шитой жемчугом, и в порыве чувства сказал патриарху, что и эту последнюю сорочку разделит с бедными и нищими в своем царстве. И действительно, он делал много добра и льгот простонародью. Начиная с 1601 г. в Московском государстве, подряд три лета, были неурожаи, и настал страшный голод. Люди умирали на улицах и дорогах и ели друг друга. Борис устроил раздачу хлеба из казны голодным и начал в Москве большие постройки, чтобы дать им заработок. Конечно, он не мог накормить всех голодных, и народ, не имевший пищи, бросал свои дома и хозяйство и разбегался. Образовались большие разбойничьи шайки, которые силою добывали себе пропитание и грабили богатых бояр и купцов, державших взаперти свои обильные запасы хлеба. Голод и разбои, по словам современников, были «началом беды» для Руси. И, конечно, не вина Бориса, что его царство посетили такие несчастья, с которыми бороться не хватало человеческих сил. Как увидим дальше, за первую бедою, голодом, явилась другая: началось народное восстание в пользу самозванного царевича Дмитрия, в борьбе с которым и скончался Борис Годунов (1605).

В своих государственных заботах Борис большое значение придавал европейскому просвещению. Он охотно обращался к иноземцам-техникам и докторам и брал их на свою службу. Сын Бориса, Федор Борисович, получил необычное по тому времени образование. Дочь свою Ксению Борис желал выдать за иноземного принца, шведского или датского (но Густав Шведский не пришелся ему по вкусу, а Иоанн Датский умер женихом от случайной простуды). Думая об устройстве в Москве школ на иноземный лад, Борис, до осуществления этого, посылал для науки русскую молодежь в иноземные страны (любопытно, что никто из посланных не пожелал потом вернуться домой). Пользуясь техническими познаниями своих иноземных слуг, Борис образовал у себя из немцев отряд войска на иноземный лад; он начал также обширные каменные

постройки в Московском Кремле, из которых была при нем окончена и уцелела до наших дней знаменитая колокольня «Иван Великий». Словом, при Годунове обнаружилось явное тяготение московского правительства к сближению с просвещенным Западом, к усвоению европейского знания.

§ 67. Самозванец

Но мирное течение московской жизни, нарушенное голодом 1601–1603 гг., было окончательно прервано самозванческой смутой. В 1603 г. в юго-западной Руси и Польше распространились слухи о том, что жив угличский царевич Дмитрий Иванович, которого считали умершим в 1591 г. Человек, взявший на себя имя Дмитрия, объявился сначала у русского князя Адама Вишневецкого, а затем перешел к польскому пану Юрию Мнишку, у которого и стал жить в замке Самбор. Он рассказывал о себе очень кратко и глухо, что был спасен от покушения на его жизнь Годунова и теперь хочет «доступать» отеческого престола. Представленный польскому королю Сигизмунду III и перейдя из православия в католичество, Лжедмитрий получил возможность собирать в Самборе войско для похода на Москву и вошел в сношения с казаками на Дону и на «диком поле», поднимая их на Бориса.

Когда в Москве было получено известие о появлении самозванца, Московские власти догадались, что имя Дмитрия взял на себя беглый монах Григорий Отрепьев, происходивший из служилых людей (детей боярских). Рано осиротев, он постригся в монахи и бродил по монастырям, пока не добрался до Москвы. Там он был принят в Чудов монастырь в Кремле и познакомился с московскою жизнью. Из Москвы с тремя другими монахами Отрепьев убежал в Литву и Польшу, расстригся и назвался царевичем Дмитрием. Однако, когда из Москвы сообщили обо всем этом в Польшу, там сообщению не поверили, и Лжедмитрий продолжал свое дело без помехи. И до настоящего времени не все верят тому, что самозванец был Отрепьев. Одни ученые склонны думать, что это был действительно царевич Дмитрий, укрытый Нагими от убийц, подосланных к нему из Москвы. Другие думают, что это был самозванец, но не Отрепьев, а какое-нибудь другое лицо, с которым вместе Отрепьев странствовал из Москвы в Польшу. Некоторые, наконец, говорят, что Лжедмитрий был даже не московский человек, а западнорусский уроженец, подготовленный поляками. Вероятнее всего, однако, то, что это был Отрепьев; только, по всей видимости, он сам верил в свое царское происхождение. Те, кто им руководили, уверили самозванца, что, спасенный от убийства, он был в детстве поневоле назван чужим именем и скрыт под монашескою рясою, пока не вырастет и не станет в безопасности от Годунова. Все поступки Лжедмитрия указывают на то, что он считал себя действительным царевичем и не боялся никаких обличений в самозванстве.

Собрав войско, Лжедмитрий осенью 1604 г. пошел в Московское государство, направляясь из Самбора мимо Киева на Чернигов. Первые города московские поддались ему, но под Новгородом-Северским он встретил отпор, а затем (в битве при с. Добрыничах) был совсем разбит и прогнан на самый край Московского государства, в Путивль. Однако дело его не было проиграно. На востоке от Путивля, в новых городах, устроенных тогда на «поле» против татар, казаки и служилые гарнизонные люди, возбужденные агентами Лжедмитрия, подняли восстание во имя царя Дмитрия; собравшись целым войском, они пошли на север и засели в городке Кромах. Воеводы царя Бориса, узнав об этом, бросили разбитого самозванца в Путивль и двинулись осаждать Кромь. Крепкий городок не сдавался, осада затянулась до весны 1605 г., и войско Бориса, утомленное трудным зимним походом, пришло в расстройство. В это время, в апреле 1605 г., неожиданно умер царь Борис.

На Москве воцарился сын Бориса, совсем еще юный Федор Борисович. Сильная личность Бориса держала в повиновении ему Москву и государство. Когда же вместо него на престоле оказался неопытный мальчик, а влияние на дела присвоила себе его мать, царица Мария Григорьевна (никем нелюбимая дочь опричника Малюты Скуратова), — тогда бояре дали ход своей вражде к Годуновым. Шуйские с Голицыными и другими боярами задумали изменить Годуновым и свергнуть их во имя царя Дмитрия; затем они рассчитывали самого Дмитрия не пустить на престол, так как они в него не верили, и избрать царя по своему усмотрению. Так бояре и поступили. Они передались самозванцу под Кремами, привели к присяге ему все войско и послали за ним в Путивль. В то же время в Москве боярин князь Василий Ив. Шуйский, который производил следствие о смерти царевича в Угличе, стал говорить, что в Угличе царевича не убили, а спасли, и что он теперь сам идет к Москве. Москвичи возмутились против Годуновых, свергли царя Федора Борисовича, убили его с матерью, заточили в монастырь его сестру Ксению и стали ждать «истинного» царя Дмитрия. Он приехал в Москву в июне 1605 г.

Таковы были успехи Лжедмитрия. Его подготовили, по всей вероятности, некоторые из московских бояр,

ненавидевших Годунова и не желавших ему подчиняться. Вывезенный в Польшу, Лжедмитрий получил там поддержку от короля и духовенства. Король надеялся, дав помощь самозванцу, возбудить междоусобие во враждебной ему Москве и тем ее ослабить. Католическое духовенство, обратив самозванца в католичество, думало через него достичь подчинения папе и всего Московского государства. Для того при самозванце всегда находились иезуиты; они сопровождали его до самой Москвы. Лжедмитрий нашел сочувствие и в некоторой части польского панства и шляхты. Шляхтичи шли в его войско, надеясь получить славу и добычу при завоевании Москвы. На то же рассчитывали и паны, вроде пана Мнишка, который прочил в жены самозванцу свою дочь Марину. Но главным образом создали успех самозванцу русские люди с южной окраины Московского государства, как казаки, так и служилые люди вновь построенных городов. Все они были выходцами из центральных областей государства, где страдали от опричнины и от крепостной зависимости. Все они поэтому ненавидели московские порядки и поднялись против Бориса, надеясь, что «истинный» царь Дмитрий улучшит их положение и усмирит «лихих бояр», угнетавших простой народ. Когда Лжедмитрий, пользуясь такою разнообразной поддержкою, внес тяжелую смуту в Московское государство, бояре решились воспользоваться ею, чтобы избавиться от ненавистных Годуновых, а потом и от самого Лжедмитрия. Годуновых им удалось истребить; но когда князь Василий Ив. Шуйский стал, вопреки прежним своим речам, говорить против Лжедмитрия, убеждая народ не пускать его в Москву, то ему уже не поверили и арестовали его, а народ устроил самозванцу торжественную встречу и принял его как истинного царевича.

§ 68. Царствование и смерть самозванца

Вступив в Москву, Лжедмитрий вместо патриарха Иова сделал патриархом Рязанского архиепископа грека Игнатия и венчался на царство. Он выписал из ссылки мать царевича Дмитрия, инокиню Марфу, и встретил ее как свою родную мать: сама Марфа при всем народе относилась к нему как к истинному своему сыну. Ради царского венчания были возвращены из ссылки пострадавшие от Бориса Годунова, и на первом месте Нагие и Романовы. Несмотря на то, что самозванец принял в Польше католичество и надавал папе и королю много обещаний, он держал себя в Москве независимо от папы и короля. О католичестве не было и речи; Лжедмитрий сам показывал себя православным и не собирался вводить католичество на Русь. Обещанных королю земельных уступок он не сделал. Он помнил только, что обещал в союзе с поляками воевать турок и татар, и делал приготовления к походу на Крым. Но это не удовлетворяло его бывших друзей и покровителей. Как бывшие при самозванце иезуиты, так и польские дипломаты были очень недовольны царем Дмитрием. Внимателен был Лжедмитрий только к семье Мнишков и с нетерпением ожидал приезда в Москву панны Марины Мнишек, за которую посватался. В надежде, что католичка Марина окажет известное влияние на супруга, польское правительство содействовало этому браку, и Марина с отцом отправилась в Москву.

Если самозванец вызвал неудовольствие в Польше, то не нравился он и в Москве. Некоторые из бывших в Москве при царе Дмитрие иностранцев рассказывали, что царь отличался необыкновенным умом и деловитостью, чем будто бы удивлял бояр. Но русские современники молчат об этом; они говорят, что царь удивлял москвичей другим. Он мало был похож не только на государя, но и просто на благовоспитанного человека: не был богомолен, не держал постов, кутил и пьянствовал, был слишком близок к полякам, пришедшим с ним в Москву. Он жил не по царскому чину: не почивал после обеда, сам объезжал коней, без свиты гулял по городу и рынку, словом, не умел сохранять своего достоинства так, как бы это было нужно по московским понятиям. Кроме того, управлял он с помощью немногих любимцев, отстранив от влияния на дела знатнейших бояр. Лучшим и способнейшим из его приближенных был Петр Федор. Басманов; остальные были ничтожные дьяки или польско-литовские шляхтичи. Все это обижало москвичей и озлобляло их против Лжедмитрия. Окончательно же восстановила народ против него его свадьба. На эту свадьбу с Мнишками из Польши приехало множество гостей и было поселено, за отсутствием гостиниц, по частным дворам. Иноверные и иноземные гости держали себя, как господа, и очень обижали и раздражали москвичей. А между тем только эти гости да придворные служилые люди были допущены на царскую свадьбу; прочее же московское население не пустили в этот день даже в Кремль. Обиженный народ был смущен еще тем, что новая царица не приняла православия и что самая свадьба совершена, против обычая, накануне праздника (8 мая).

Народным неудовольствием против самозванца и поляков воспользовались бояре. Еще до прибытия Лжедмитрия в Москву князь Василий Иванович Шуйский называл его обманщиком и поднимал на него народ; тогда он был судим и сослан, но скоро помилован. Теперь Шуйский с братьями и другие бояре снова начали действовать против своего царя и составили такой план: ударить в набат и поднять народ против ненавистных поляков; когда же начнется в городе погром, то проникнуть во дворец и свергнуть самозванца.

План удался. Рано утром 17 мая 1606 г. заговорщики ударили в набат в Китай-городе (часть Москвы рядом с Кремлем); с криком, что «паны режут бояр», они устремили чернь на дома, занятые поляками, а сами бросились во дворец. Там они убили П.Ф. Басманова, затем настигли Лжедмитрия на одном из дворов дворца и также убили его, а затем арестовали царицу Марину и ее приближенных. Исполнив это, бояре постарались остановить избиение поляков и грабеж в городе и с трудом водворили в Москве порядок после того, как было убито более 2000 иноземцев.

§ 69. Воцарение князя Василия Ивановича Шуйского

Царь Василий Шуйский

Два дня продолжались беспорядки в Москве. На третий день, 19 мая, без земского собора, одним криком толпы на Красной площади в Китай-городе, был провозглашен царем князь Василий Иванович Шуйский, главный руководитель заговора против самозванца. Принимая власть, царь Василий поцеловал крест на том, что он никого не будет казнить, «не осудя истинным судом с бояры своими», ни на кого не будет налагать опалы безвинно и не будет слушать бездоказательных доносов. Иначе говоря, он обещал править

государством не так, как правил Грозный и за ним правил Годунов и самозванец, при которых казни и опалы совершались без суда, по доносам. Такое обещание от Шуйского, по общему мнению, было взято боярами, ограничившими его власть. Но оно осталось только на словах, потому что на деле Шуйский был очень самовластен и мстителен и совсем не держал своей клятвы.

Положение нового государя было чрезвычайно трудно. Москва знала, за что свергнут был царь Дмитрий, а другие города не знали еще ничего. Надо было объяснить всей стране законность убийства самозванца и избрания нового государя. Сверх того, царю Василию необходимо было избрать патриарха (взамен устранившегося вместе с самозванцем Игнатия) и с его содействием венчаться на царство. Царь Василий Шуйский предназначил в патриархи Казанского митрополита Гермогена, но не дождался его приезда в Москву и спешно короновался 1 июня 1606 г. А через два дня после этого, 3 июня, в Москву было принесено из Углича нетленное тело царевича Дмитрия, за которым был послан митрополит Ростовский Филарет (прежний боярин Федор Никитич Романов). Таким образом, в столице был уже венчанный государь, и были мощи нового страстотерпца — подлинного царевича. В города и пошли после этого подробные грамоты, которые объясняли всему народу от имени государя и от имени инокини Марфы Нагой происшедшие в Москве события: самозванство и еретичество низвергнутого Дмитрия, его тайные сношения с Польшею и папою, его свержение, воцарение Шуйского, который по своему «отечеству» был старше даже прежних московских царей, и, наконец, обретение мощей царевича Дмитрия, которого Бог прославил нетлением и чудесами за неповинное заклание от Бориса Годунова. Царь Василий думал, что после таких объяснений невозможна никакая смута и никакое самозванство.

§ 70. Смута при царе Василии

Грамоты царя Василия не имели, однако, желаемого действия. Во многих местах государства не поверили им. Шли слухи, что царь Дмитрий спасся от бояр, убежал из Москвы и скоро обнаружит себя. На южной Украине, где год или два перед тем кипело восстание в пользу Дмитрия, народ снова зашевелился и снова стал собираться за Дмитрия на злых его изменников-бояр. Как во время борьбы самозванца с Борисом Путивль был главным местом, где засел сам самозванец, так и теперь при царе Василии каменная Путивльская крепость стала центром восстания; только взамен самого Дмитрия там занимал первое место воевода князь Григорий Шаховский. К украинным людям пристали дворяне тульские и рязанские. Поднялась мордва на нижней Оке; восстала Астрахань. Словом, почти половина государства перестала повиноваться Москве и двинулась на царя Василия. С осени 1606 г. в государстве открылась кровавая смута, в которой приняли участие все сословия московского общества, восстав одно на другое. В ходе этой смуты при царе Василии были три главных эпизода: 1) движение Болотникова, 2) движение второго самозванца и 3) вмешательство иностранцев в московские дела.

1. Иван Болотников был военный слуга (боярский холоп) князя Телятевского. Попав в плен к татарам, он был продан ими в Турцию, ушел из плена и через Италию и Польшу пришел на Русь. Здесь он явился к кн. Гр. Шаховскому и, благодаря своей энергии, стал во главе больших шаек, образовавшихся против Шуйского. Болотников собирал вокруг себя народ не только во имя царя Дмитрия, но и во имя общественного переворота: он поднимал крестьян и холопов против их господ — бояр и помещиков, желая низвержения крепостных порядков в государстве и уничтожения «лихих бояр» и вообще богатых людей. Как сам он, так и его сторонники получили поэтому название «воров» (т. е. преступников). С огромным скопищем воров Болотников двинулся осенью 1606 г. к Москве. На дороге к нему присоединились дворяне из Тулы и Рязани, не разобравшие сразу, что вору по своим разрушительным стремлениям не могут быть их друзьями. Мятежники подошли к самой Москве и стали ей грозить, остановившись в селе Коломенском над Москвою-рекою. Пока царь Василий собирался с силами, рязанцы бросили воров и перешли на его сторону. Тогда царь Василий разбил Болотникова и погнал воров на юг. Вору засели в каменных крепостях Калуге и Туле, а потом собрались все в Туле (куда пришел с Волги с казаками самозванец Петр, бывший на деле казаком Илейкою, а называвший себя сыном царя Федора). Царь Василий, к которому, наконец, собралось все его войско, осадил воров в Туле и, ухитрившись затопить крепость водою из р. Упы, заставил их сдаться. Ворами набили все тюрьмы; многих из них утопил и, множество обратил в рабство, раздавая в холопы и в крестьяне служилым людям. Остальных, голодных и оборванных, отпустили на волю. Князь Гр. Шаховский был сослан, Болотников исчез без следа: вероятно, был казнен. Так окончилась попытка крепостного люда, скопившегося на окраинах государства, подняться на своих господ, воспользовавшись самозванческой смутою.

2. В то время, когда царь Василий осаждал Болотникова и воров в Туле, в городе Стародубе Северском

уже находился человек, называвший себя царем Дмитрием Ивановичем. Он говорил о себе, что спасся от боярского покушения и ушел в Литву, откуда теперь идет снова добывать Москву. Так как тогда держался упорный слух, что царь Дмитрий жив, то новому самозванцу верили; а кто он был на самом деле, того никто не знал ни тогда, ни впоследствии. После взятия Тулы Шуйским второй самозванец принял меры к тому, чтобы залучить под свои знамена выпущенных из Тулы воров: бывший у него на службе литовский шляхтич Лисовский обошел все южные окраины Московского государства и собрал из этих воров целое войско. В то же время к самозванцу приходили и свежие отряды казаков. Таким образом, у самозванца были значительные русские силы, воодушевленные теми же чувствами, как раньше войска Болотникова. Поэтому москвичи звали их тоже «ворами»; а их вожака, второго самозванца [Лжедмитрия II], они прозвали просто Вором, в отличие от первого самозванца, прозванного Расстригою. Кроме русских воров, к Вору пришли в большом числе служить литовские и польские люди. В то время в Польше и Литве против короля Сигизмунда III восстала значительная часть шляхты. Когда король подавил мятеж, то мятежники от его преследования и мести стали уходить на Русь в войско Вора. А за этими мятежниками и изгнанниками пошли и королевские слуги, с позволения короля набирая войска и поступая на службу к мнимому царю Дмитрию. Приехала к нему и Марина Мнишек, с отцом своим отпущенная из Москвы в Польшу. Главную роль среди этих поляков и литвы у Лжедмитрия II играли князь Рожинский, бывший гетманом (главнокомандующим) всех его войск, и Ян Петр Сапега, приведший с собою большой собственный отряд.

В конце концов под начальством Вора оказалась такая большая воинская сила, что он подступил к самой Москве и осадил ее летом 1608 г. Воры и поляки устроили свой главный стан в неприступном по своему положению селе Тушине, верстах в десяти от Москвы. Действуя оттуда, они заняли все дороги вокруг Москвы, кроме Рязанской, которую отстояли московские воеводы и сами рязанцы. Так только из Рязани и могли москвичи получать продовольствие и всякую помощь; все остальные сообщения были отрезаны. Окружая Москву, тушинцы наткнулись на Троице-Сергиев монастырь, защищенный каменными стенами. Они попытались взять его, но не могли, потому что братия монастыря и стрельцы отбили приступы. Тогда Сапега и Лисовский повели правильную осаду монастыря, оставшуюся также без успеха. Монастырь не сдался и подал собою пример твердости. Не так хорошо вело себя население самой Москвы. Многие из служилых и торговых людей переехали в Тушино, одни — по ненависти к Шуйскому, другие — за почестями и наживой. Были и такие искатели приключений, которые не раз перебежали в Тушино и потом возвращались обратно в Москву. При каждом своем переезде они обыкновенно выпрашивали себе у того царя, к которому приехали, чины и земли за «приезд», за то, что познали «истинного государя» и явились ему служить. Таких негодяев москвичи едко называли «перелетами».

С. Иванов. Лагерь Лжедмитрия II в Тушино

Итак, вскоре после своей победы над ворами Болотникова царь Василий оказался снова в осаде от других, еще более многочисленных и опасных воров. Для того, чтобы собрать против них свои силы, царь приказал

воеводам из городов, где были большие гарнизоны, идти на помощь Москве. В то же время он послал своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в Великий Новгород, чтобы там собрать русские войска и, сверх того, просить войск у шведского короля. Шведы дали Скопину вспомогательное войско, но за него получили себе спорные города (Иван-город, Ям, Копорье, Орешек и Корелу), которые были уступлены им Грозным и отобраны царем Федором Ивановичем. С русским и шведским войском Скопин и шведский полководец Делагарди должны были не только идти на помощь к Москве, но защищать и северные области государства, куда также проникли тушинцы.

Свою задачу Скопин исполнил с полным успехом, потому что ему помогли сами жители московского севера. Когда тушинские отряды показались на средней Волге и за Волгой и стали приводить северные города в повиновение Вору, то жители увидели, что слуги царя Дмитрия вовсе не заботятся о порядке, а думают только о грабеже. Не желая давать свое добро вора-казакам, полякам и литве, северные горожане и крестьяне сами своими силами начали с ними геройскую войну. Во главе восставших против Вора были города Вологда и Устюг, а за ними мужественно шли все прочие городские и крестьянские общины. Князю Скопину оставалось только поддерживать народное движение, посылая от себя на север земским ратям опытных «голов» (офицеров). Тушинцы были скоро прогнаны из-за Волги назад к Москве; за ними пошли на помощь Москве северные земские ополчения. Скопин указал им всем собираться в Александровой слободе и сам со своими войсками пришел туда из Новгорода (через Тверь и Калязин монастырь). Туда же подошли и те отряды, которые были собраны Фед. Ив. Шереметевым в Нижнем-Новгороде и прогнали тушинцев от Владимира и Суздаля. В Александровой слободе собралось большое войско, в котором были и регулярные отряды Делагарди, и служивые русские люди, привычные к ратному делу, и земские ополчения горожан и крестьян. Скопин, деятельно обучая на походе свои войска правильному бою, поспешил с ними к столице. Тогда тушинцы бросили осаду Троицкого монастыря (она длилась 16 месяцев); оставили затем и самое Тушино. Вор убежал в Калугу, и Москва весной 1610 г. освободилась от долгого страха. Царь Василий победил во второй раз, благодаря подвигам Скопина и северных «мужиков».

Верещагин. Защитники Троице-Сергиевой лавры

3. Еще Лжедмитрий II не был побежден, как у царя Василия Шуйского появился новый опасный враг. Дружеский договор Скопина со шведами и шведская помощь царю Василию повели к тому, что польский король Сигизмунд объявил войну Москве. Отношения Сигизмунда к Швеции были столь враждебны, что всякий друг Швеции тем самым был его враг. Но и кроме личной вражды короля, интересы Польши и Литвы не могли допустить сближения Москвы со Швецией. Осенью 1609 г. Сигизмунд двинулся в поход и осадил Смоленск. Эта важная крепость имела каменные стены, построенные Годуновым, и охранялась сильным гарнизоном. Целую зиму стоял под нею король и не мог ее взять. Он потребовал, чтобы все служившие Вору поляки и литовцы бросили Вора и из Тушина перешли под Смоленск. Такое требование произвело в Тушине смуту и содействовало его падению. Не все поляки хотели идти оттуда на зов Сигизмунда, находя, что они завоевал и Московское царство для себя, а король хочет воспользоваться их трудами и жать то, чего не сеял. Сигизмунд получил из Тушина мало помощи и продолжал без успеха стоять у Смоленска до тех пор, пока

Скопин прогнал тушинцев от Москвы и вошел в столицу.

В Москве радовались и предполагали, что Скопин немедля же пойдет со своею ратью на короля и освободит от него Смоленск. Но Скопин внезапно умер в Москве, всего 23 лет от роду (предполагали, что его отравили Шуйские из боязни, что Скопина после смерти царя Василия изберут на престол мимо братьев государя). Народ с горем оплакал своего любимого героя; а против короля выступил с войском брат царя Василия князь Дмитрий Шуйский, человек неспособный и никем нелюбимый. Если бы он победил поляков, смута могла бы кончиться полною победою царя Василия. Но случилось не так. У короля Сигизмунда был в то время гетманом (главнокомандующим) польских войск пан Станислав Жолкевский, талантливый полководец, умный и честный человек. Он выступил из-под Смоленска навстречу Шуйскому, неожиданно для него встретил его у с. Клушина (близ теперешнего г. Гжатска), разбил московское войско наголову, а отряду Делагарди открыл путь к отступлению домой через Новгород (в июне 1610 г.). Шведы воспользовались этим, отошли к берегам Финского залива и сначала заняли уступленные им города, а потом овладели и Новгородом. Русское же войско в беспорядке прибежало в Москву. За ним спешил гетман Жолкевский и приблизился к самой Москве. Одновременно с ним подступил к Москве из Калуги и Вор. Москва, таким образом, снова оказалась в осаде. В новой беде москвичи потеряли терпение, восстали на царя Василия Шуйского, свергли его с престола (17 июля 1610 г.) и насильно постригли в монашество. Власть перешла к боярам; так как они правили кружком в семь человек, то время их правления получило название «семибоярщины».

§ 71. Избрание на престол польского королевича Владислава и последствия этого избрания

Тушинское посольство к королю Сигизмунду III. Просьба дать Владислава на московский престол. Договор об избрании Владислава царём. Присяга Москвы Владиславу. Ввод польского гарнизона в Кремль. Великое посольство к Сигизмунду. Намерение Сигизмунда самому сесть на московский престол. Патриотическая агитация патриарха Гермогена

Задолго еще до свержения Шуйского, в то время, когда казаки и поляки оставляли свой Тушинский лагерь, некоторая часть тушинцев не хотела ни идти за Вором в Калугу, ни возвращаться в Москву к Шуйскому. Во главе этих людей стояли митрополит Ростовский Филарет, взятый тушинцами насильно из Ростова в Тушино и там нареченный в патриархи всея Руси, и боярская семья Салтыковых. Они обратились к королю Сигизмунду под Смоленск и просили его дать своего сына Владислава на московский престол с тем, чтобы тот правил Московским государством при участии боярской думы и земского собора. Король согласился на эти условия (4 февраля 1610 г.). Но пока в Москве крепко сидел Василий Шуйский, договор тушинцев с королем, конечно, не мог получить никакой силы. Митрополит Филарет должен был возвратиться в Москву еще при Шуйском, а Салтыковы остались у короля.

Когда же царь Василий был свергнут, Жолкевский, придя к Москве, немедля сообщил москвичам о тушинском договоре и требовал признания Владислава царем. Московские бояре сами желали воцарения Владислава и думали было созвать выборных от городов для его избрания в цари. Но ждать съезда выборных было нельзя, так как Вор, стоя под Москвою, поднимал московскую чернь в свою пользу, и дело шло к открытому междоусобию. Собрав на соборе тех, кого можно было наскоро найти в самой столице, бояре собором избрали Владислава, составили особую грамоту, определявшую его права и обязанности, и вступили в переговоры с Жолкевским. По условиям, составленным боярами, Владислав должен был принять православие и править государством при посредстве бояр, собирая в важнейших случаях земский собор. Московское государство обеспечивало себе полнейшую независимость и обособленность от Польши и Литвы, особо вело внешнюю политику и сохраняло свой прежний внутренний строй. Жолкевский принял все условия и дал присягу за Владислава, а москвичи целовали крест королевичу. Так поспешно и наскоро состоялось избрание Владислава (в августе 1610 г.). Не все одинаково хотели королевича: многие москвичи желали поставить царем своего, московского, человека. Одни определенно называли князя Вас. Вас. Голицына, а другие — Филаретова сына Михаила Федоровича Романова. За русского стоял и патриарх Гермоген, едва согласившийся на избрание Владислава. Только боязнь бунта черни в пользу Вора помогла Жолкевскому настоять на своем. Как только был заключен договор с гетманом, бояре просили его прогнать Вора от Москвы. Жолкевский исполнил это, прогнал Вора, а затем, для поддержания порядка, по желанию самих бояр, ввел свои войска во внутренние московские крепости, Кремль и Китай-город. Таким-то образом Московское государство признало власть Владислава, а Москва оказалась во власти польского гарнизона.

Для того, чтобы просить Сигизмунда дать сына на московский престол, а Владислава просить принять этот престол, в Москве было снаряжено чрезвычайное, «великое», посольство. Жолкевский постарался, чтобы главными послами к королю были отправлены самые знатные люди, митрополит Филарет и князь В.В. Голицын. Таким образом, опасные для Владислава соперники были удалены из Москвы. С громадной свитой отправились послы «ото всея земли» под Смоленск в королевский лагерь. Они еще не знали, что король не желал посылать сына в Москву, так как считал Москву своею военною добычей. Он тайно требовал от Жолкевского, чтобы тот привел Москву к присяге не королевичу, а самому королю. Напрасно гетман писал Сигизмунду, что его желание неисполнимо, что Москва ни за что ему не подчинится как ревностному католику и гонителю православия. Король стоял на своем. Тогда Жолкевский оставил Москву, передав команду Гонсевскому и захватив с собою в Польшу царя Василия и его братьев в качестве военного трофея. Он явился к королю и, когда в устной беседе не успел его образумить, вышел в отставку и удалился в свое имение. Король же попробовал достигнуть своего и повлиять на великое посольство и на бояр, оставшихся в Москве. В Москву он послал передававшихся ему из Тушина русских людей и поставил их в Москве на разные должности, действуя именем Владислава и своим собственным. Среди этих людей главные роли играли бояре Салтыковы и торговый человек Федор Андронов. Через посредство их и Гонсевского Сигизмунд запугал московских бояр (так, что, по их словам, они «живы не были») и стал распоряжаться в Москве как в покоренном городе. В переговорах с великим посольством под Смоленском паны Сигизмунда также требовали послушания королю и ничего не говорили о том, примет ли Владислав православие и приедет ли он в Москву. Подкупом и угрозами Сигизмунд склонил многих из посольства оставить главных послов и ехать в Москву, чтобы готовить москвичей к присяге прямо на имя короля. Уехал из посольства даже такой заметный человек, как Авраамий Палицын, келарь (управляющий имуществом) Троице-Сергиева монастыря[11].

Патриарх Гермоген в Москве и главные послы под Смоленском скоро почувствовали, что дело неладно. Сигизмунд прямо не открывал своих планов, но намерения его становились ясны. Послы тогда твердо стали на том, что было в Москве условлено с Жолкевским, и ничего не уступали в переговорах с панями, отказываясь повиноваться лично Сигизмунду и исполнять его незаконные желания. За это в конце концов они были арестованы королем и отправлены в Польшу. Патриарх же всячески противодействовал в Москве агентам Сигизмунда и учил народ не изменять своей вере и помнить, что русские люди избрали королевича лишь на том условии, что он станет православным. Вокруг патриарха собирались все те, кто понимал польскую опасность и хотел бороться против Сигизмунда. Но эти патриоты пока не решались на открытую борьбу, потому что боялись возобновления домашних междоусобий от Вора, который сидел в Калуге и выжидал удобной минуты действовать в свою пользу. Вдруг в Москве получена была весть, что Вор убит (11 декабря 1610 г.) на охоте своим же придворным. У русских людей развязались руки: они думали, что теперь могут восстать на поляков, не опасаясь попасть между двух огней. Восстание скоро и началось.

§ 72. Первое ополчение против поляков и его неудача

Призывы патриарха Гермогена. Первое ополчение против поляков. Ляпунов, Трубецкой и Заруцкий. Сожжение Москвы поляками. Осада польского гарнизона в Кремле. Создание ополченцами нового русского правительства. Убийство Ляпунова и распад первого ополчения

На Рождестве 1610 г. патриарх Гермоген разослал уже по городам свои грамоты, призывая русских людей подняться против Сигизмунда, который не дает на царство своего сына, осаждают Смоленск и думает владеть самою Москвою. Узнав об этих грамотах, Гонсевский и подчинившиеся ему московские бояре взяли Гермогена под стражу и отобрали от него его писцов. Но дело было сделано: города получили призыв патриарха и поднялись против короля. По всей стране собирались воинские люди и направлялись к Москве для ее освобождения от польского гарнизона. С севера шли городские ополчения — такие же, какие незадолго до того сражались против тушинцев вместе с князем Скопиным. Из центральных областей поднимались дворянские отряды. С юга и из Калуги приближались казацкие отряды, служившие Тушинскому вору, а теперь желавшие послужить Москве против внешнего общего врага. Из многих вождей громадного ополчения особенно выдавались трое: рязанский воевода Прокопий Ляпунов, происходивший из рязанских же дворян; тушинский боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и казачий атаман (пожалованный в бояре Вором) Иван Заруцкий. К Пасхе 1611 г. ополчения должны были со всех сторон подойти к стенам Москвы.

Польский гарнизон в Москве знал о движении на Москву земской рати и готовился к обороне. Поляки занимали две внутренние крепости Москвы, Кремль и Китай-город. Эти крепости были окружены «Белым городом» с белою каменною стеною (на ее месте московские бульвары), а Белый город был окружен еще

«Земляным городом» с земляным валом (на его месте теперь Садовая улица). Защищать громадное пространство города Белого и Земляного у поляков не было сил, и они поэтому решили выжечь эти части Москвы, чтобы земские ополчения не могли найти в них для себя опору и прикрытие. Так всегда поступали в то время: выжигали все постройки «посадов», окружавших крепостные стены. Поводом к этому делу послужила уличная ссора (на Страстной неделе, 19 марта 1611 г.) между поляками и москвичами. Поляки напали на москвичей в Китай-городе, множество перебили, остальных же выбили вон, в Белый город. Затем за толпою они сами выехали в Белый город и успели его поджечь во многих местах. Москва выгорела вся как раз перед приходом земской рати. Передовые отряды земских войск под начальством воеводы г. Зарайска, князя Дмитрия Михайловича Пожарского, успели прийти в Москву еще во время уличного боя с поляками и вместе с москвичами вогнали врага в Кремль и Китай. (При этом сам Пожарский был тяжело ранен.) Все же войско собралось на развалинах Москвы в течение Святой недели и немедленно начало осаду.

Разорение и осада Москвы уничтожили всякое значение для земли московского правительства. Никто уже не повиновался боярам и чиновникам, сидевшим в осаде вместе с поляками. Они стали явными изменниками и врагами своего народа, потому что служили королю и воевали с русской ратью, осадившею Москву. Вместо изменной московской власти надобно было создать другую. В подмосковном земском ополчении и постарались об этом. Выборные люди от разных частей ополчения сошлись на общий совет и «всею землею» установили правительство для своей рати и для всего государства. Для управления войском и землей они избрали «троеначальников»: Прокопия Ляпунова, князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого. Для ведения дел устроены были, взамен московских, новые учреждения, или «приказы»: Разряд и Поместный приказ — для управления службою и землевладением ратных людей, Большой Дворец и Большой Приход для хозяйственных и денежных дел и т. д. Особым приговором (30 июля 1611 г.) «вся земля» определила порядок ведения разных дел, земельных и служебных, как в рати, так и в городах. Словом, в подмосковном лагере образовалась новая государственная власть, которая должна была заменить собою боярское правительство в Москве и должна была поддерживать порядок по всей Руси.

Однако эта власть существовала очень недолго. Было сказано, что в земское ополчение охотно шли не только дворяне и горожане, но и тушинские казаки, «воры», служившие ранее второму самозванцу. Когда они сошлись под Москвою с дворянами-землевладельцами, между ними вспыхнула старая вражда и междоусобие, как это было и в лагере Болотникова (§ 70). Казачество пополнялось по преимуществу беглыми крестьянами и холопами, ненавидевшими крепостной порядок, который господствовал тогда в государстве. Дворяне же всеми силами старались о поддержании этого порядка, о наилучшем прикреплении крестьян и холопов, без которых землевладельцы не могли вести своего хозяйства. На совещаниях «всей земли», или ратного совета, под Москвою дворяне настояли на том, чтобы возвращать владельцам их беглых людей, не допуская их ухода в казаки. С другой стороны, дворяне старались подчинить себе казачью вольницу, бывшую в ополчении и склонную к грабегам и буйству. Выразителем дворянских стремлений был Прокопий Ляпунов, властный и горячий человек; другие же начальники, кн. Трубецкой и Заруцкий, представляли собою другую сторону рати, тушинцев и казаков. Между воеводами начались нелады. Казачество ненавидело Ляпунова, считая его своим главным врагом. Несколько раз покушались они убить Ляпунова; наконец, зазвали его в свой «круг» (сходку) и зарубили саблями. После этого они стали так насильничать над дворянами и горожанами, что те разбежались из-под Москвы по домам. Ополчение распалось, и к осени 1611 г., после того, как воры «розгонили» (то есть разогнали) дворян, под Москвою остались одни казаки «таборы», в которых сидело до десяти тысяч казаков. Они продолжали осаду Москвы, но не имели сил взять город. Они хотели управлять всею землею, и Трубецкой с Заруцким называли себя правителями государства. Но так как казаки только грабили и насильничали по городам и дорогам, то никто не желал им подчиняться, и все города искали средств избавиться от них.

Так печально окончилось первое земское ополчение против поляков.

§ 73. Второе ополчение против поляков и освобождение Москвы

К осени 1611 г. положение Московского государства стало отчаянным. Поляки занимали Москву и взяли Смоленск после двухлетней геройской защиты. Вместе со Смоленском перешли во власть короля и другие города по юго-западной границе. Шведы, ставшие открытыми врагами Москвы после избрания Владислава в цари, захватили Новгород и Финское побережье. Таким образом, вся западная часть государства оказалась в руках врагов. Земское ополчение распалось. Казаки грабили и своевольничали. Никакого правительства не существовало, и русские люди, не желавшие повиноваться ни полякам в Москве, ни казакам под Москвою, были предоставлены самим себе. Города, ожидавшие обыкновенно указаний из Москвы, теперь не знали, что

делать и откуда ждать совета и приказа. Отчаяние русских людей было полное: оплакивая свое погибшее царство, они просили Бога, чтобы Он сохранил хотя бы остаток народа русского от зол смуты и от насилия врагов. Казалось, всему приходил конец.

В эти ужасные дни раздавались, однако, голоса мужественных представителей духовенства. Выдержав тяжелую осаду, Троицкий Сергиев монастырь поступил под руководство нового архимандрита Дионисия. Дионисий, которого наша церковь чтит преподобным, был человек исключительной доброты и благородства. Он необыкновенно развил благотворительную и патриотическую деятельность своего славного монастыря. Братия монастыря призревала больных и раненых, хоронила умерших, одевала и кормила бедных, собирая их отовсюду, где только могла найти. Для того, чтобы обеспечить безопасность в смутное время себе и своим призываемым, монастырь должен был просить защиты и помощи у казачьих бояр Трубецкого и Заруцкого (с которыми особенно был дружен известный келарь монастыря Авраамий Палицын). В то же время власти монастыря считали своим долгом нравственно действовать на народ, побуждая его соединиться против врагов веры и государства, против короля и поляков.

Авраамий Палицын на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

В монастыре составлялись грамоты, призывавшие города идти на помощь русскому войску, осаждавшему Москву, и выбить из столицы польский гарнизон. Монастырская братия не принимала во внимание, что русское войско под Москвою стало казачьим, воровским и враждовало с земщиной, разогнав из-под Москвы земских людей. Всех русских людей одинаково призывали монахи на подвиг за веру и отечество в своих отлично составленных, красноречивых грамотах. Посылая эти грамоты по всей земле, они думали всех примирить и снова объединить в одном патриотическом движении. Но не так думал патриарх Гермоген, живший в осажденном Кремле под стражею и угнетаемый поляками и изменниками за нежелание служить Сигизмунду. Он видел, что созданное им ополчение проиграло свое дело и распалось от казачьего воровства. Он знал, что казаки, имея в своих таборах Марину Мнишек, задумали воцарить в Московском государстве

сына ее Ивана, называемого «Воренком». Считая казачье воровство и самозванщину главным злом, патриарх всеми средствами, как только мог, учил русских людей не верить казакам и бороться с ними как с лютыми врагами. Когда к нему проникали его почитатели за благословением и поучением, Гермоген устно передавал им свою мысль о необходимости борьбы с казачеством. Когда было можно, он писал грамотки о том же в города. Сохранилась такая его грамотка, посланная к нижегородцам.

Патриарх Гермоген

Итак, в дни общего уныния и растерянности духовенство подняло свой голос и громко звало к борьбе за родину. Города, разобщенные друг от друга и лишенные всякого иного руководства, кроме увещаний духовных отцов, вступали в сношения между собою, посылали друг другу разные вести, отправляли из города в город послов для общего совета. Ждали, кто возьмет на себя почин объединения земских сил. Почин взяли, наконец, нижегородцы. В главе их городской общины, как и везде, стояли земские старосты. Один из них, Козьма Минин Сухорук, отличался громадным умом и железной энергией. Под влиянием грамотки Гермогена он начал дело народного объединения тем, что предложил своим согражданам собрать казну и на нее устроить войско. Нижегородцы согласились и постановили приговор, по которому каждый домовладелец обязан был дать на ратных людей «третью деньгу», то есть одну треть своего годового дохода или же товара; были, сверх того, и добровольные пожертвования. Для сбора денег был всем миром избран тот же Козьма. Когда дело было налажено, тяглые люди оповестили нижегородского воеводу князя Звенигородского и соборного протопопа Савву Ефимьева о своем намерении устроить ополчение для очищения Москвы. Те собрали весь город, духовных, служилых и тяглых людей, в городской собор, прочитали Троицкую грамоту, которая тогда пришла в Нижний-Новгород, и объявили приговор тяглого нижегородского мира. Протопоп Савва и Минин говорили речи о необходимости идти на освобождение государства от внешних и внутренних врагов. Решили собирать ополчение и выбрали в его начальники князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который недалеко от Нижнего жил в своей вотчине и лечился от ран, полученных им при разорении Москвы. Затем начали из Нижнего посылать грамоты в ближайшие города, объявляя о своем ополчении и приглашая присоединиться к нему. В этих грамотах нижегородцы прямо говорили, что идут не только против поляков, но и против казаков, и не дадут им делать никакого воровства.

К. Маковский. Воззвание Минина на площади Нижнего Новгорода

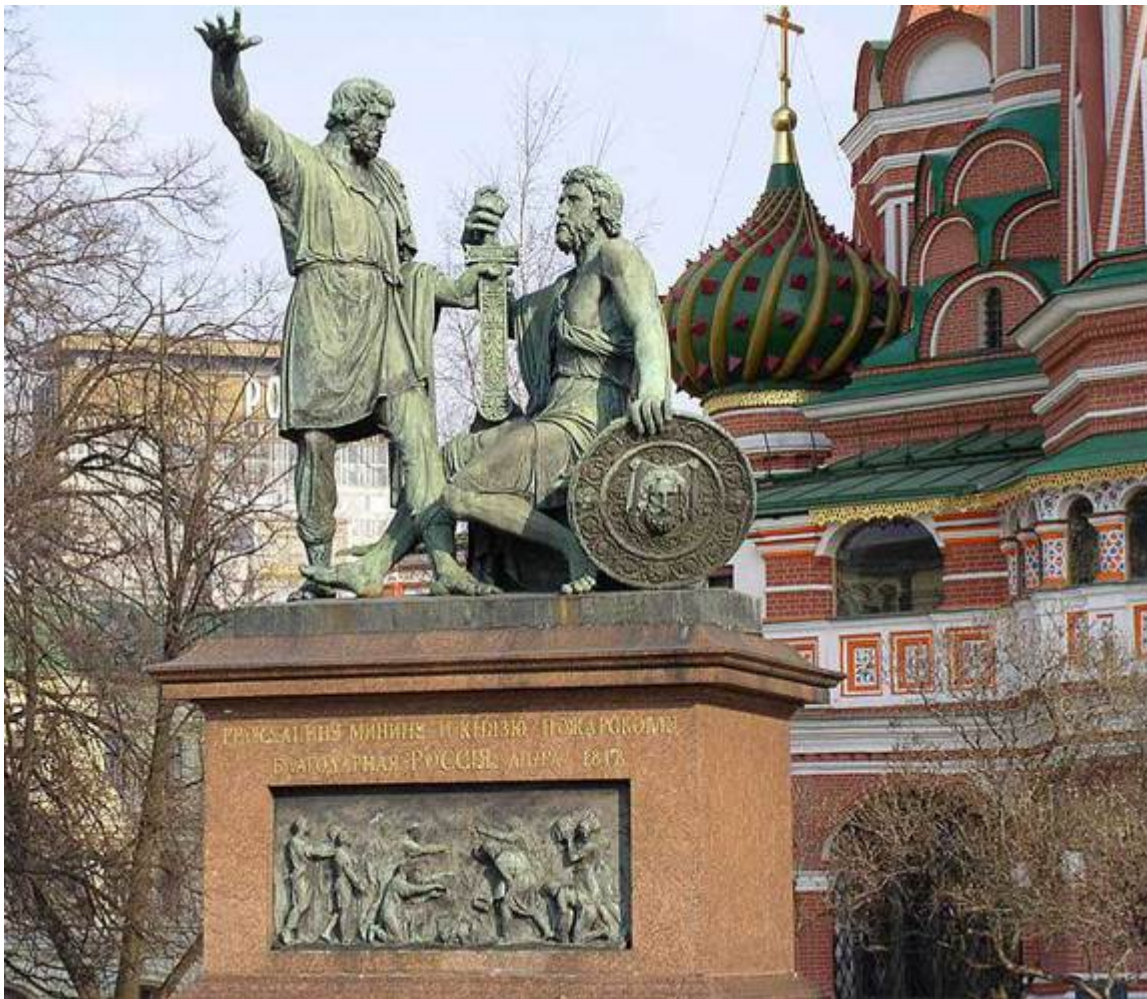
Таково было начало Нижегородского ополчения. К ноябрю 1611 г. Пожарский уже приехал в Нижний и начал устраивать войска. По его желанию, Минин принял на себя заведование деньгами и хозяйством ополчения. В зиму 1611-1612 гг. к Нижнему присоединилось много городов (от Казани до Коломны), и у Пожарского собралось большое войско, с которым он мог выступить в поход. Так как подмосковные казаки враждебно отнеслись к земскому движению и сочли его за мятеж против своего правительства, то они послали свои отряды на север противодействовать нижегородцам. Вот почему весной 1612 г. Пожарский пошел не под Москву, а в Ярославль, главный город среднего Поволжья. Он желал прогнать казаков из северных областей и присоединить северные города к своему ополчению. Это ему удалось. Целое лето провел он в Ярославле, устраивая свои дела. В то время, как под Москвою его враги, поляки и казаки, взаимно стерегли друг друга и в непрерывной борьбе ослабляли свои силы, Пожарский окончательно устроил свое войско и собрал в Ярославле земский собор, которому и вверил управление всею землею и всем своим войском. В составе этого собора было духовенство с митрополитом Кириллом во главе. (Патриарх Гермоген уже скончался в начале 1612 г. под стражею в Москве, и Пожарский считал престарелого, жившего на покое, Кирилла как бы заместителем патриарха.) Участвовали в соборе и те немногие бояре, которые избежали московской осады и польского плена и приехали в Ярославль. На собор к Пожарскому были присланы из многих городов выборные люди от служилого и тяглого населения. Таким образом, состав собора был полон и правилен. Была мысль, не спеша под Москву, в Ярославле всею землею избрать и государя. Но обстоятельства заставили идти под Москву.

В июле 1612 г. Пожарский получил известие, что король Сигизмунд посылает гетмана Ходкевича с войском и провиантом на помощь своему московскому гарнизону. Нельзя было пропустить Ходкевича в Москву, потому что он надолго бы укрепил польскую власть в столице. Ярославское ополчение заторопилось к Москве. Казаки, бывшие в таборах под Москвою, относились к Пожарскому настолько враждебно, что даже подсылали к нему убийц, которые только случайно его не убили. Поэтому земское ополчение, подходя к Москве, очень остерегалось казаков и стало отдельно от казачьего лагеря. Казаки же, думая, что Пожарский пришел на них, испугались. Большая половина их с Заруцким и Мариною Мнишек убежала от Москвы и пошла к Астрахани, где Заруцкий задумал устроить особое казачье государство под покровительством Персидского шаха. Другая же половина казаков, с князем Трубецким во главе, пыталась вступить в переговоры с Пожарским. Эти переговоры еще не привели к миру и согласию, как пришел Ходкевич и напал на войско Пожарского. Шла жестокая битва, казаки вообще действовали вяло и в решительную минуту не думали помочь Пожарскому. Только тогда, когда Авраамий Палицын усовестил их, они опомнились, — и русские отбили гетмана. Ходкевич ушел обратно, не успев оказать польскому гарнизону в Кремле никакой помощи. Русские же рати помирились и дружно повели осаду. Трубецкой и Пожарский соединили свои «приказы» и своих дьяков в одно правительство и начали «всякие дела делать заодно», управляя вместе ратью и государством. Через два месяца, именно 22 октября 1612 г., русские взяли приступом Китай-город. Истощенные голодом и борьбою, поляки не могли долее сопротивляться: они дошли в осаде даже до людоедства. Вскоре после потери Китай-города польский начальник Струсь сдал Пожарскому и Кремль. Москва была, таким образом, освобождена.

Э. Лиснер. Изгнание поляков из Кремля

В память великого события ополчение поставило церковь на Красной площади в Москве (теперь Казанский собор) и установило праздновать день 22 октября. Король Сигизмунд после неудачи Ходкевича сам было пожелал идти на помощь своим московским «сидельцам», но опоздал. Он появился с небольшим войском в окрестностях Москвы в самом конце 1612 г. и, встретив повсюду дружный отпор, отступил назад. Московские люди, избавившись от этой последней опасности, могли, наконец, подумать об избрании царя.

Иван Мартос. Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве

§ 74. Избрание в цари Михаила Федоровича Романова

Земский собор 1613. Избрание царём Михаила Романова. Соборное посольство к нему. Подвиг Ивана Сусанина

Тотчас по очищении Москвы временное правительство князей Пожарского и Трубецкого разослало по городам грамоты с приглашением прислать в Москву выборных, человек по десяти от города, для «государева обирания». К январю 1613 г. съехались в Москву представители от 50 городов и, вместе с московскими людьми, составили избирательный [земский] собор. Прежде всего обсудили вопрос об иноземных кандидатах в цари. Отвергли Владислава, избрание которого принесло столько горя Руси. Отвергли и шведского королевича Филиппа, который был избран новгородцами на «Новгородское государство» под давлением шведских войск, занимавших тогда Новгород. Сделали, наконец, общее постановление не избирать «царя от иноверных», а избрать своего «из великих московских родов». Когда же стали определять, кого бы из своих было можно возвести на царский престол, то голоса разделились. Каждый называл приятного себе кандидата, и долго ни на ком не могли сойтись. Выяснилось, однако, что не только на соборе, но и в городе Москве, среди земских людей и среди казаков, которых тогда было в Москве много, особый успех имеет молодой Михаил Федорович Романов, сын митрополита Филарета. Его имя называли уже в 1610 г., когда шла речь об избрании Владислава; и теперь в пользу Михаила Федоровича на заседания собора поступали письменные и устные заявления горожан и казаков. 7 февраля 1613 г. собор впервые решил остановить свой выбор на Михаиле. Но из осторожности постановили отложить дело на две недели, а в это время послать по ближайшим городам узнать, люб ли там будет царь Михаил, и, кроме того, вызвать в Москву тех из бояр, кого на соборе не было. К 21 февраля из городов пришли хорошие вести и бояре съехались из своих вотчин, — и вот 21 февраля торжественно Михаил Федорович был провозглашен царем и ему принесли присягу как члены собора, так и вся Москва.

Нового царя, однако, не было в Москве. В 1612 г. он сидел со своею матерью, инокинею Марфою

Ивановною, в Кремлевской осаде, а затем, освободясь, уехал через Ярославль в Кострому, в свои села. Там ему грозила опасность от бродячего польского или казачьего отряда, каких много было на Руси после падения Тушина. Михаила Федоровича спас крестьянин его села Домнина, Иван Сусанин. Известив своего боярина об опасности, он сам завел врагов в леса и там погиб с ними, вместо того, чтобы указать им путь в боярскую усадьбу. Тогда Михаил Федорович укрылся в крепком Ипатьевском монастыре у Костромы, где жил с матерью до той минуты, как к нему в монастырь явилось посольство от земского собора с предложением престола. Михаил Федорович долго отказывался от царства; мать его также не хотела благословить сына на престол, боясь, что русские люди «измалодушествовались» и могут погубить молодого Михаила, как прежних царей, Федора Борисовича, Расстригу и Шуйского. Только после долгих просьб послы собора получили согласие, и Михаил Федорович 14 марта 1613 г. принял царство и затем поехал в Москву.

§ 75. Значение и последствия смутного времени

Познакомясь с подробностями событий смутного времени, нетрудно понять их общий ход. Начало смут было положено прекращением московской династии, а причины их заключались в недовольстве разных классов московского населения теми условиями жизни, какие создались в Московском государстве. Бояре и князья были озлоблены гонениями от Ивана Грозного и Годунова. Как только они увидели возможность прекращения московского царского рода, они начали борьбу за власть и влияние, чтобы вернуть себе прежнее, утраченное ими положение при дворе и в государстве и овладеть престолом. От смерти Грозного и до воцарения Шуйского шла борьба **дворцовая** за царский венец, между различными желателями власти. Подставив против Бориса самозванца, бояре вызвали тем самым **народное движение**. Самозванца поддерживали главным образом люди того класса, который можно назвать казачеством. Составленное из беглых крестьян и холопов, казачество заключало в себе озлобленных и обездоленных людей, оставивших родину из-за угнетений своих господ-землевладельцев. Поднявшись за самозванца, казаки восстали на ненавистное им московское правительство в надежде отомстить ему за свои беды и получить от Дмитрия разные льготы и права. Когда же самозванец погиб от бояр, казачество восстало на боярское правительство Шуйского, уже не заботясь о Дмитрии, а прямо по своей ненависти к угнетателям-боярам, добиваясь низвержения того крепостного порядка, в котором страдали и терпели крестьяне и холопы. Вместо дворцовой борьбы за престол и власть при Шуйском началась борьба общественная — казачества и низших классов населения против бояр и землевладельцев. Эта междоусобная борьба разрушила порядок и расшатала государство. Поляки и шведы воспользовались московской «разрухой», открыто вмешались в московские дела и достигли успеха: поляки в конце концов овладели Москвою и Смоленском, а шведы — Новгородом. Тогда на Руси началось **патриотическое** движение против иноземного господства. Первая попытка выбить поляков из Москвы не удалась, потому что в первом ополчении неосмотрительно соединились слишком разные и враждебные друг другу общественные классы. Казаки поссорились с дворянами и разогнали их, а сами оказались слишком слабы, чтобы завоевать Москву. Тогда дворяне и горожане соединились в одном ополчении одинаково против поляков и против «воров»-казаков и победили и тех, и других. Освободив Москву, они поспешили избрать царя и понемногу прекратили смуту.

Таким образом, смута, поднявшаяся по поводу прекращения династии в Москве, прошла три периода: 1) борьбы бояр за власть и престол, 2) борьбы низших классов (казачества) против высших (землевладельцев) и 3) борьбы русских людей вообще с иноземными врагами и своими «ворами».

Тянувшаяся почти четверть столетия смута не могла не оставить глубокого следа в московской политической и общественной жизни. Во-первых, начавшее смуту боярство не только не достигло своих целей, но было совсем разбито смутою. Исчезли из вида главнейшие боярские семьи; одни вымерли вовсе (князья Шуйские, Мстиславские, Воротынские), другие захирели и обеднели (Годуновы, Салтыковы), третьи надолго потеряли свое влияние (князья Голицыны, Куракины). Расстроенное Грозным боярство смутою было добито, и после смуты места родовитых бояр всюду занимают простые дворяне. Во-вторых, не достигло своих целей и казачество. Сколько раз оно ни поднималось против государственного порядка, оно неизбежно терпело поражения. Наконец, главная казачья шайка с атаманом Заруцким убежала вовсе из государства, а прочие казаки поддались земскому ополчению. Заруцкий погиб, а казаки, оставшиеся на «поле» и на Дону, не ходили больше на Москву, а старались сохранять с нею добрые отношения. Они составили на нижнем течении Дона подобие государства, называли себя «войском», управлялись выборными людьми (совокупность которых называлась «старшиною») и свои дела вершили в «кругу» (на сходках). Занимаясь охотой и рыболовством, казаки всю свою боевую энергию направили на татар и турок, оставив пока в покое Московское государство. В-третьих, с расстройством московской аристократии и поражением казачества главную силу в Московском

государстве получили люди средних классов — дворяне и горожане. Их ополчение освободило Москву, их земский собор избрал нового государя М.Ф. Романова. Из них составилась государев совет (боярская дума) и штат чиновников, которые повели управление государством после смуты. Таковы были последствия смуты для московского общества.

А. Васнецов. Площадь Ивана Великого в Кремле. XVII век

Для правительства последствия смутного времени были также очень велики. Прежние государи считали государство своею «вотчиною» (то есть наследственную собственность). Вновь избранный государь и его родные и приближенные уже не могли стоять на такой точке зрения. Народ и государство не только не казались им собственностью, но представлялись громадною стихией, для управления которою необходим был земский совет — по крайней мере до тех пор, пока эта стихия, возмущенная смутою, еще не пришла в спокойствие. Вот почему новый государь не хотел управлять без земского собора и в первые годы своего царствования держал его постоянно при себе. Страшное разорение страны в смуту давало много забот и трудов государю и земщине. Необходимость возвратить города и волости, захваченные поляками и шведами, заставляла воевать. Всякий шаг царя и земского собора был обусловлен этими последствиями смуты. Вся история Московского государства в XVII ст. развивается в прямой зависимости от того, что произошло в смутную эпоху.

Таково было значение и последствия смуты. С нею окончился в Московском государстве старый порядок и началась новая эпоха.

§ 76. Начало царствования Михаила Романова

Принимаясь за трудное дело успокоения государства, царь Михаил, по своей молодости (17 лет), болезненности и душевной мягкости, не мог обойтись без руководства и помощи. Поэтому около него собрался круг приближенных придворных, среди которых первое место занимала семья Салтыковых, родственников государевой матери, инокини Марфы (урожденной Шестовой). В придворной жизни Салтыковы играли большую роль и злоупотребляли своим влиянием. Они решились даже на то, чтобы расстроить брак царя Михаила с избранной им невестой Марией Хлоповой (1616), и добились ссылки ее в Сибирь[12]. В государственном управлении они также получили большое значение, оттеснив на второй план старейших бояр и вождей земского ополчения. Князь Д.Т.Трубецкой был удален на воеводство в Сибирь; князь Д. М.

Пожарский лишился прежнего влияния на дела и в местническом столкновении с Салтыковыми был «обвинен» и старшему Салтыкову был даже «выдан головою» (то есть был приведен насильно в его дом, как бы с повинною). Родовитые бояре, имевшие большое значение в смутное время (князья Мстиславский, Воротынский, Голицын и др.), стояли далеко от молодого государя; они заседали, правда, в боярской думе, но не были ближайшими советниками царя. Таким образом, в первые годы Михайлова царствования влияние принадлежало не боярской думе, а кружку придворных любимцев молодого государя и его матери.

В первые годы своего царствования царь Михаил правил с постоянною помощью земского собора. Он не распустил выборных земских людей, когда прибыл из Костромы в Москву, а оставил их при себе. С течением времени одни выборные на соборе сменялись другими, но земский собор действовал в Москве постоянно в течение целых десяти лет и помогал царю Михаилу во всех важных и трудных делах. Собор не ограничивал царской власти; напротив, сам царь не хотел править без собора. Страна была разорена, население напугано смутами и еще плохо подчинялось порядку. Для государя было необходимо, чтобы все важнейшие распоряжения московской власти были обсуждены и одобрены на соборе «всею землею», всеми земскими выборными людьми. Тогда только получалась уверенность, что принятая мера будет исполнена везде и всеми без прекословия. Поэтому царь Михаил устраивал так, что вместе с его указами посылались повсюду одинаковые указы и от собора, а вместе с его чиновниками ехали для важнейших поручений и соборные «послы»[13].

сохранилось, и самое существование ее очень сомнительно. Если бы ограничения существовали и если бы государством правил боярский совет, то родственники царские и приближенные не могли бы получить такого влияния, каким они тогда пользовались. Предание об ограниченном характере власти царя Михаила создано вследствие того, что Михаил правил не единолично, а с постоянным содействием земского собора. — *Прим. авт.*

§ 77. Борьба с Заруцким, Лисовским, шведами, поляками

Заруцкий и Марина Мнишек. Казаки и воры. Атаман Баловень. Грабежи шайки Лисовского и «черкас». Захват Новгорода шведами. Столбовский договор 1617. Поход королевича Владислава на Москву и Деулинское перемирие 1618.

На первом месте в начале царствования Михаила Федоровича была борьба с врагами государства, с казаками и иноземцами. Заруцкий, убежав вместе с Мариною Мнишек из-под Москвы, захватил Астрахань и думал образовать там свое особое государство под главенством Персидского шаха. Он собирал вокруг себя казацкие шайки и сносился с шахом. Узнав об этом, из Москвы послали на Астрахань войско и всячески просили казаков, сидевших на Дону, не помогать Заруцкому. Жестокость Заруцкого оттолкнула от него астраханцев, а казаки донские, уставшие от смут, не пошли к Заруцкому и Марине. Заруцкий был прогнан из Астрахани местными жителями еще до прихода московского войска и убежал с небольшою ратью на север, на р. Урал (которая тогда звалась Яиком). На Яике догнали его московские воеводы и взяли в плен как самого Заруцкого, так и Марину с ее сыном «царевичем» Иваном. Заруцкий и «царевич» были казнены в Москве, а Марина умерла в тюрьме. Казаки же Заруцкого разбрелись. Так миновала опасность от казаков, сосредоточенных на юге — на Дону и южной Волге. Но оставались мелкие казацкие шайки в самом государстве. Они бродили из области в области, живя грабежом и разбоем, и не хотели подчиниться правительству. Выслеживать и ловить их было очень трудно, потому что они укрывались от погони. Когда же случайно казаков собиралось вместе большое число, они становились дерзкими и отваживались на открытый бой с царскими войсками. Так, в 1614 г. атаман Баловень повел к самой Москве большие толпы «воровских» казаков. Царь и земский собор отправили на них целое войско под начальством знаменитого тогда воеводы князя Бориса Мих. Лыкова-Оболенского. Лыков разбил казаков, поймал Баловню и привел в Москву тысячи сдавшихся ему «воров». После этого русские «воры» присмирели. Но продолжали еще действовать пришлые литовско-польские разбойники. Особенно отличался среди них старый тушинский воевода Лисовский, который в продолжение нескольких лет с большою шайкою всякого сброда необыкновенно быстро обходил все Московское государство, грабя и убивая. Напрасно гонялись за ним московские воеводы; даже сам князь Пожарский не был в состоянии его изловить. Только смерть Лисовского избавила от него Москву. Кроме этого литовского «вора», грабили Русь и другие литовско-польские выходцы, в особенности «черкасы» (казаки с Днепра), забиравшиеся далеко на север, даже к Белому морю. Много времени и усилий потребовалось для того, чтобы истребить этих «воров» и водворить некоторую безопасность в стране.

В то же время шла борьба со шведами и с королем Сигизмундом. Шведы продолжали занимать Финское

побережье и Новгород с окрестными городами и требовали, чтобы новгородцы присягнули на верность шведскому королю. Москва не могла допустить утраты Новгорода; московские войска пытались добыть его от шведов, но неудачно. В свою очередь шведский король Густав-Адольф наступал далее на Русь и осадил Псков (1615), однако же не мог его взять. При посредстве голландских послов, прибывших в Москву, и английского купца Джона Мерика начались переговоры о мире между шведскими и русскими послами, и, наконец, в 1617 г. в селе Столбове (недалеко от Ладogi) был заключен договор о мире. По Столбовскому договору, Новгород и некоторые другие города были возвращены Москве; у шведов же осталось то Финское побережье (от Нарвы до г. Корелы), которое было уступлено шведам Василием Шуйским. Обе стороны были довольны тем, что окончилась война, хотя Москва никогда не могла примириться с потерей морского берега. Она владела им целые века и хотя плохо им пользовалась, но дорожила им.

Король Сигизмунд не признавал Михаила Федоровича законным Московским государем и продолжал считать себя и своего сына обладателями Московского престола. Не имея сил опять завоевать Москву, он соглашался иногда на мирные переговоры, но они обыкновенно кончались неудачей. Московские послы не желали признавать власти короля, считали Владислава лишенным Московского царства и требовали возвращения Смоленска и прочих городов, захваченных поляками. На эти условия поляки не шли, и переговоры сменялись военными действиями. В 1617 и 1618 гг. королевич Владислав предпринял большой поход на Москву. Осенью 1618 г. он подступил к Московским стенам, но встретил мужественное сопротивление. Нуждаясь в провианте, поляки после неудачного приступа к столице отошли к Троице-Сергиеву монастырю. Там, в деревеньке Деулине (иначе: Девулине), начались переговоры о мире. Обе стороны, утомленные долгою борьбою, проявили некоторую уступчивость: стало возможно достигнуть если не полного мира, то перемирия. Оно было заключено на 14 с половиною лет, с временною уступкою королю Смоленска и северских городов и с условием, что поляки вернут из плена митрополита Филарета и произведут обмен вообще всех пленных. Владислав не отказался от прав на Московский престол и от царского титула. Именно потому и невозможен был вечный мир между Москвою и Польшею, что Москва не могла навек отказаться от Смоленска, а король и королевич не могли отречься от Московского царства.

§ 78. Патриарх Филарет и восстановление России после Смуты

Летом 1619 г. возвратился из плена в Москву отец царя Михаила, Филарет Никитич. В Москве тогда не было патриарха, потому что патриарший сан, после смерти патриарха Гермогена (1612) и избрания на царство Михаила, берегли для государева отца. Тотчас по возвращении Филарета в столицу он был поставлен в патриархи и получил титул «великого государя», самый почетный в то время, которым именовали только царя. Таким образом, в Москве стало два государя и установилось двоевластие. Превосходя сына твердостью характера и опытностью в делах, Филарет занял первое место в правительстве. По отзывам современников, он был очень властный человек, держал все дела в своих руках и пользовался таким влиянием, что и сам царь не выходил из его воли. До самой своей кончины (1633) он правил государством с редкою энергией и твердостью. При нем лишились своего значения Салтыковы, и вообще не стало сильных фаворитов.

Н. Тютрюмов. Патриарх Филарет (1619-1633)

В первые же дни после приезда в Москву Филарет собрал земский собор и говорил с земскими людьми о дальнейшем порядке управления. Был предположен ряд мер для того, чтобы улучшить администрацию и достигнуть справедливой равномерности в службе и в податях для всего населения государства. То, что было поставлено на соборе, Филарет исполнял потом с большою твердостью и настойчивостью, хотя ему и не удалось достигнуть намеченных целей.

Что касается администрации, то главные заботы Филарета направлялись на улучшение управления местного, в уездах и городах. Мы знаем (§ 58), что при Иване Грозном в областях было введено самоуправление: управляли выборные люди, «губные старосты» и «земские судьи». В Смутное время, когда война и грабежи охватили все государство, во все города были посланы из Москвы военные власти, «воеводы», которым временно были вверены не только военные, но и все гражданские дела. Воеводы заменили, таким образом, самоуправление своим единоличным управлением. Они почти везде злоупотребляли своею властью, брали взятки, чинили насилия. Жалобы на них в Москву, в «приказы», не достигали цели, потому что приказные дьяки в Москве покрывали воевод и тоже требовали себе «посулов» и «взяток», разоряя просителей. Великие государи, узнав об этом, принимали разные меры против чиновничьего и воеводского произвола и насилия. Был, между прочим, устроен особый «приказ», в котором приближенные к государям бояре должны были рассматривать дела о служебных злоупотреблениях и о всяких обидах и насилиях «сильных» людей. Но так как эта мера не помогла и в далеких областях воеводы, в надежде на безнаказанность, продолжали самоуправства и насилия, то решено было отозвать воевод, а жителям в городах предоставить по-старому выбирать себе губных старост из дворян. Однако эта попытка восстановить самоуправление тоже не имела полного успеха. В городах было тогда мало годных к делу служилых дворян, так как все они обыкновенно бывали на государевой службе, в войске или в служебных посылках. Поэтому губных старост не из кого было выбирать, и горожане продолжали жаловаться на плохое

управление. И в самой Москве продолжались злоупотребления дьяков: дела тянули в бесконечной «волоките», требовали взятку и решали дело в пользу того, кто больше дал. Таким образом, несмотря на большие старания, вывести административные неурядицы Филарету не удалось.

Патриарх Филарет на Памятнике 1000-летию России

Равномерность в распределении государственных повинностей также не была вполне достигнута при Филарете и Михаиле. Вместе с земским собором в 1619 г. великие государи постановили произвести полную опись всех населенных земель государства в «дозорных книгах» и «писцовых книгах» и на основании этих книг определить точно, какие повинности может нести в пользу государства каждый землевладелец. Совершив эту опись, постановили следить за тем, чтобы все городские и сельские жители служили и платили каждый в свою меру, по справедливости. Однако злоупотреблений в этом отношении было много. Служилые люди часто уклонялись от службы, а тяглые — от платежей и повинностей, жалуясь на то, что они разорены смутой и не в силах служить и платить. Желая помочь населению и в то же время поставить, как следует, свое войско и финансы, государи принимали ряд мер для устройства сословий.

§ 79. Положение сословий. Иноземцы в Московском государстве

Служилые люди жаловались на то, что их поместья находятся в беспорядке: владеют ими часто люди, не способные к службе или не имеющие права на поместное владение; крестьяне не сидят на местах и не работают на помещика, а бродят с места на место и мало пашут. Правительство заботилось о том, чтобы привести в порядок дворянское землевладение. Оно разбирало дворян по «статьям»: выбрасывало вон из службы неспособных и сгоняло их с поместий; исправным увеличивало поместья и давало денежное

жалование; вдовам и сиротам умерших на службе дворян давало небольшие участки земли «на прожиток». В конце концов, через 15–20 лет работы, дело увенчалось успехом, и помещное землевладение было более или менее устроено (1636). Отношения помещиков с крестьянами уладить было труднее, потому что ничем нельзя было заставить крестьян оставаться в разоренных поместьях и вотчинах. Они искали мест, где им было лучше, и шли в богатые имения бояр и монастырей или же убегали в казаки на Дон. Был тогда дан указ, что землевладельцы могут искать своих крестьян в продолжение не пяти лет (как было установлено при Борисе Годунове), а десяти и даже пятнадцати. Но это мало помогало, и дворяне не переставали просить о бессрочном прикреплении крестьян к их землям безо всякого права перехода.

Податные люди в городах и областях, как мы знаем (§ 55), составляли податные общины, которые сами собирали через выборных земских старост свои подати. При царе Михаиле, когда подати по необходимости были тяжелы, много тяглых людей, в особенности в городах, уходило из тягла или старалось так или иначе уменьшить свою подать. Одним из способов уйти из тягла было «закладничество». Тяглый человек «закладывался» за какого-либо «беломестца», то есть вступал в зависимость от такого землевладельца (боярина, монастыря), который вовсе не платил податей со своих владений. Тяглец или продавал, или отдавал в залог свой двор боярскому или монастырскому приказчику и тем его «обелял», а затем и сам становился боярским или монастырским человеком, «закладчиком», и продолжал жить на своем дворе, но уже не считался членом общины и не платил со своим «миром» никаких государевых податей. Закладничество было страшным злом для тяглых общин, потому что отнимало у них земли и плательщиков. Чем больше уходило из общины людей, тем труднее было прочим тянуть тягло, и оставшиеся горько жаловались на свое разорение, прося государя прекратить закладничество. Но это было нелегко, так как закладчики умели соблюдать законные формы и прибегали к разным тонким уловкам. Поэтому при царе Михаиле с закладчиками ничего поделать не могли. Были и другие способы «избывать» тягла и если не совсем от него избавляться, то уменьшать его. Так как подать тогда собиралась с «паханой земли», то стоило лишь уменьшить свою запашку, чтобы платить государству меньше. К сокращению запашки располагали и смуты: как враги внешние, так и свои казаки постоянно топтали посевы, жгли и грабили запасы. Крестьяне поэтому стремились пахать возможно меньше и искали обеспечения в других промыслах. Правительство терпело от этого прямой убыток, потому что не получало такого дохода, на какой рассчитывало по старине. Чтобы выйти из затруднения и увеличить свои сборы, оно стало назначать подати не с земли, а с двора. Каждый крестьянский двор должен был уплачивать известную сумму, независимо от того, какая у него запашка. Дворы же бобыльские, непашенные, платили обыкновенно половину того оклада, какой назначался на двор крестьянский. Так постепенно совершалась важная реформа: место **поземельной** подати заступала **подворная**.

Нуждаясь постоянно в средствах и не собирая достаточно денег с населения, еще не оправившегося от бедствий смутного времени, московское правительство думало получить большие выгоды для себя и для народа от торговли с иностранцами в Архангельске. Чтобы привлечь иностранцев, особенно же англичан, в Белое море, царь Михаил дал им большие льготы (1614): англичане совсем беспошлинно, а голландцы с малою пошлиною могли торговать не только в самом Архангельске, но и в прочих городах Московского государства. Торговля от этого действительно оживилась; в государстве появилось много иностранной серебряной монеты (именно среднеевропейских талеров, которые назывались «ефимками» и ходили по полтине). Но все выгоды от этой торговли оказались на стороне иностранцев: они забрали в свои руки внутреннюю московскую торговлю и так затеснили русских купцов, что те не переставали горько жаловаться и просить о том, чтобы иностранцев удалили из государства. Однако государь не мог удовлетворить таких просьб. Необходимость заставляла его постоянно прибегать к иноземцам. Вместе с европейскими купцами в Москву приглашались с Запада всякие знающие люди. Иностранные офицеры обучали московских людей военному строю и устраивали в Москве регулярное войско, целые полки «солдат», «драгун» и «рейтар»: войны смутного времени показали необходимость такого войска. Иностранные техники пытались искать в разных частях Московского государства золото и серебро, медь и железо. Они устраивали даже заводы для обработки найденных железных руд; таковы заводы, оружейные и литейные, Виниуса и Марселеса в Туле. Иностранные доктора лечили царскую семью и московскую знать и завели в Москве первую казенную аптеку. Иностранные мастера всякого дела призывались в Москву ко двору на хорошее жалование; от имени государя в Москву приглашали даже ученого астронома и географа голштинца Олеария, говоря, что в Москве и «такие люди надобны». Словом, после тяжелых уроков смутной эпохи москвичи поняли необходимость практических заимствований с запада и невыгоды прежней обособленности и отчуждения от иноземной культуры. В конце царствования Михаила в Москве, в подмосковной немецкой слободе, жило уже до 1 тыс. протестантских семейств из разных европейских стран. (С католиками москвичи боялись иметь дело из-за острой религиозной розни.) При таких условиях для царя Михаила было трудно решиться отнять торговые привилегии у англичан и голландцев.

§ 80(1). Война с Речью Посполитою 1632-1634

После многих лет мирной работы над восстановлением порядка в государстве московские государи решились возобновить войну с Речью Посполитою за Смоленск. Поводом послужила смерть короля Сигизмунда (1632) и наступившее в Польше «бескоролевье»: до избрания нового короля поляки и литовцы не могли воевать. Московское войско, состоявшее из новых полков иноземного строя и из старых дворянских ополчений, численностью всего в 32 тыс. человек, пошло к Смоленску, взяло много мелких городов на границе и осадило Смоленск. Так как Смоленск был чрезвычайно сильною крепостью, то осада затянулась надолго, несмотря даже на то, что во главе московских войск стоял тот самый боярин Шеин, который в смутное время был воеводою в Смоленске, геройски защищал его от короля Сигизмунда и знал хорошо как город, так и его окрестности. Через восемь месяцев осады на помощь Смоленску успел явиться вновь избранный король польский Владислав Сигизмундович. Он не только отбил русских от крепости, но и окружил их самих в их лагере. Утомленные долгою войною, московские войска не могли выдержать натиска свежих войск Владислава, и Шеин вступил в переговоры с королем. Он согласился отдать полякам все свои пушки и обоз и уйти в Москву (1634). За это бесславное отступление он был в Москве казнен как изменник, вместе со своим товарищем, вторым воеводою Измайловым. Война продолжалась, но без всякого нового успеха для Владислава. Поэтому летом 1634 г. он начал переговоры о мире. На пограничной речке Поляновке съехались московские и польские послы и заключили «вечный мир». Смоленск и прочие города, захваченные Сигизмундом в смуту, остались за Речью Посполитою. Но Владислав отказался от всяких прав на Московский престол и признал Михаила Федоровича царем. Вскоре затем поляки возвратили в Москву тело умершего в Польше царя Василия Ивановича Шуйского и тело его брата Дмитрия.

§ 80(2). Взятие Азова донскими казаками (1637) и осада Азова турками (1641-1642)

Только что окончилась война с Владиславом, как стала грозить война с Турцией и татарами. Крымские татары не переставали тревожить южные границы Московского государства, а донские казаки, при первом удобном случае, выходили по Дону в Азовское и Черное море и грабили турецкие и татарские поселения по берегам. Московский государь по этому поводу сносился с крымским ханом и турецким султаном; обе стороны жаловались на грабежи, но унять их не могли. Для того, чтобы не пускать татар внутрь государства, московские власти на украине и на диком поле продолжали строить города и укреплять границы, как делалось это до смуты при Грозном (§ 61). А турки, имевшие в устьях Дона свой город Азов, настроили около него укреплений и совсем закрыли казачьим ладьям выход в море из Дона. От Азова стало казакам тесно. Они собрались с силами и пошли на Азов войною (1637). После короткой осады город был взят и население в нем вырезано. Казаки засели во взятой крепости и послали в Москву известие о своем подвиге. Однако царь Михаил посмотрел на это дело как на опасное самовольство казаков, которое могло навлечь на Москву вражду сильного султана, и потому не поддержал казаков. В 1641 г. большое турецкое войско явилось отбирать Азов у казацкого гарнизона; но казаки держались с отчаянным мужеством и отстояли Азов. Турки ушли с большими потерями; а казаки, понимая, что им одним не удержаться в Азове, если турки возобновят свои нападения, отправили в Москву послов с просьбою о помощи. Они молили государя принять Азов под его высокую руку и прислать им людей, денег и запасов. Дело было сложное. В Москве желали взять Азов: это был важный военный и торговый пункт. Но взять Азов значило навлечь на себя войну с турками, врагом сильным и опасным. Царь прибег к земскому собору. В январе 1642 г. собрался земский собор и согласно высказался за то, что Азов надо бы было принять. Но в то же время все земские люди, и служилые, и тяглые, объясняли государю, что им очень трудно служить и платить, так как они разорены тяжелыми повинностями и угнетены дурною администрацией. Они очень жаловались на московских чиновников, дьяков, говоря, что они для земских людей хуже турок и татар: «Разорены мы пуще турских и крымских бусурман московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов». Узнав настроение собора, государь отказался от мысли взять Азов, считая дело слишком трудным и рискованным. Он приказал казакам покинуть Азов. Те вышли из города, разорив его до основания, и Азов снова стал турецким. Так окончилось Азовское дело.

В царствование Михаила Федоровича развивались сношения московского правительства с западноевропейскими дворами. Торговые льготы, данные англичанам, служили поводом к установлению дружественных сношений с английским правительством. Король Иаков Стюарт прислал царю взаймы 20 тыс. руб. и помогал ему в заключении мира со Швецией, послав своего посредника (купца Джона Мерика). Такое же посредничество между Москвою и Польшею принял на себя Австрийский двор, от которого был прислан

посол для того, чтобы наладить мирные переговоры (1615). Завязались сношения с Францией, которая также искала себе торговых льгот в России. Наконец, с Данией началось дело о женитьбе датского королевича Вальдемара (сына короля Христиана IV) на старшей дочери царя Михаила, Ирине. Сватовство совсем, казалось, удалось, и Вальдемар даже приехал в Москву; но дело расстроилось по той причине, что Вальдемару предложили принять православие, а на это он не согласился.

§ 81. Начало царствования Алексея Михайловича и Соляной бунт 1648

Летом 1645 г. скончались, друг за другом, царь Михаил Федорович и его жена Евдокия Лукьяновна (из рода дворян Стрешневых), оставив единственного сына Алексея. Новому государю было всего 16 лет. Царь Алексей отличался необыкновенно впечатлительным и подвижным характером, обладал недюжинным умом и душевною мягкостью и добротой. По крайней молодости своей он мало вникал в дела и вверил управление ими своему воспитателю боярину Борису Ивановичу Морозову. Морозов же был человеком своекорыстным и принадлежал к числу тех самоуправцев, «сильных людей», на которых так горько жаловались земские люди при царе Михаиле. Вокруг Морозова, когда он начал править государством, собрался круг чиновников, еще более корыстных и самоуправных, чем он сам. Они стали угнетать московское население, не только вымогая с него взятки, но умышленно взводя ложные обвинения на невинных людей и разоряя их дотла. Злоупотребления стали еще сильнее и наглее после женитьбы царя Алексея (1648). Царь выбрал себе в жены дочь придворного И. Д. Милославского Марию Ильинишну. Тотчас после царской свадьбы боярин Морозов женился на другой дочери Милославского, и, таким образом, Милославский получил большой почет и влияние. Сам человек грубый и жадный, он оказывал покровительство своим родственникам и приятелям, таким же грубым и жадным. Заняв места в московских приказах, они дали себе полную волю и окончательно озлобили народ. С величайшею ненавистью относились москвичи к самому Морозову, а также к судье Земского приказа (московского градоначальства) Леонтию Плещееву, главному лихоимцу, и к другим подобным ему приказным чиновникам. Наконец, народное терпение лопнуло, и в Москве, в июне 1648 г., произошел большой бунт [«Соляной бунт»]. Толпа окружила государя во время крестного хода, жаловалась ему и требовала казни Морозова и прочих самоуправцев. Царь спас своего любимца, отправил Морозова с конвоем в Кириллов монастырь. Но Плещеев и другие ненавистные народу чиновники попали в руки толпы и были убиты, а их дома разграблены. Несколько дней Москва была в мятеже: убивали, жгли и грабили всех, кого считали виновником народных обид. Московские волнения отразились и в других городах; по выражению современников, тогда «весь мир качался».

Молодой государь, живший спокойно и радостно в уверенности, что в его царстве все идет хорошо, был поражен происшедшим. Он узнал, что Морозов обманул его доверие, и потому, не лишая его своей близости, уже не пускал к делам. Влияние перешло к другому любимцу царя, боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому, человеку большого ума и способностей. Царь узнал, кроме того, что народ недоволен не только чиновниками, но и порядками, что о своих нуждах народ давно уже высказывался на земских соборах и в челобитных и что надо не только переменить чиновников, но изменить и порядки.

§ 82. Соборное уложение 1649 г. и его значение

В июле 1648 г. царь созвал у себя свою боярскую думу и совет патриарха («освященный собор») и совещался с ними о том, что надо сделать, чтобы водворить порядок и правосудие в государстве, чтобы «всяких чинов людям, от большого и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна». И было решено поручить боярину князю Н. И. Одоевскому с четырьмя помощниками собрать все старые законы, то есть Судебник 1550 г., дополнительные к нему указы (которых накопилось много за сто почти лет) и статьи из Кормчей книги (§ 12). Все эти законы надлежало привести в порядок и систему, исправить и дополнить их и таким образом составить из них новый полный свод. Предполагалось, что, когда кн. Одоевский окончит соби́рание старых законов, в Москве соберется земский собор и «общим советом» обсудит его труд, дополнит и утвердит его. Земскому собору велено было собраться в Москву к 1 сентября 1648 г.

Таким образом, молодой государь хотел утвердить правосудие и лучшие порядки, дав народу новый свод законов. Эта мысль была очень разумною и правильною. Народ тогда не знал тех законов, по которым должен был жить и судиться; это-то главным образом и помогало беззаконию дьяков и воевод. Старый Судебник не

был напечатан; его можно было только списывать, и поэтому мало кто его знал. Еще меньше знали Кормчую, которая была так велика, что ее было трудно переписать. Что же касается до дополнительных к Судебнику указов, то их никто не знал, кроме чиновников, потому что указы обыкновенно народу не объявлялись, а только записывались в «указанные книги» московских приказов. В таких условиях дьяки и судьи вертели делами, как хотели, одни законы утаивали, а другие толковали вкривь; проверить же их никто не имел возможности. К такому порядку и относилась старая едкая поговорка: «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Привести в порядок старые законы, сделать из них один свод и напечатать его в общее сведение было делом очень нужным. А кроме того, необходимо было и пересмотреть законы по их содержанию, улучшить их и дополнить, чтобы они лучше соответствовали нуждам и желаниям населения. Все это и решено было сделать «общим советом» на земском соборе.

Собор начал действовать около 1 сентября 1648 г. На нем были выборные представители от 130 городов, как служилые люди, так и тяглые горожане. Они заседали в одной из палат дворца, отдельно от боярской думы и духовенства. Слушая доклады князя Одоевского, собиравшего старые законы и указы по разным отраслям управления (сословное устройство, землевладение, суд и т. д.), выборные люди обсуждали их и входили к государю по поводу их с челобитьями. В этих челобитьях они всем собором просили государя об установлении новых законов в отмену устаревших или неудобных. Государь обыкновенно соглашался, и новый закон, таким образом, утверждался и вносился в собрание князя Одоевского. Важнейшие из новых законоположений были следующие: 1) Духовенство было лишено права впредь приобретать себе земли (§ 56) и потеряло некоторые судебные льготы. 2) Бояре и духовенство потеряли право селить около городов, в «слободках», своих крестьян и холопов и принимать к себе «закладчиков» (§ 79). 3) Посадские общины получили право возратить всех ушедших от них «закладчиков» и удалить из посадов всех не принадлежащих к общинам людей. 4) Дворяне получили право искать своих беглых крестьян без «урочных лет». Наконец, 5) купцы добились того, что иноземцам было запрещено торговать внутри Московского государства, где бы то ни было, кроме Архангельска. Рассматривая все эти новые постановления, замечаем, что они все сделаны в пользу служилых людей (дворян) и посадских людей (горожан). Служилые люди закрепили за собою земли (которые доселе уходили от них к духовенству) и крестьян (которые все еще переходили с места на место). Посадские люди уничтожили закладничество и замкнули посады от посторонних людей, которые отбивали у них торг и промыслы и уводили закладчиков. Поэтому дворяне и горожане были очень довольны новыми законами и говорили, что «нынеца государь милостив, сильных из царства выводит». Зато духовенство и бояре не могли хвалить новых порядков, которые лишали их разных льгот; они думали, что эти порядки допущены «боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинной правды ради». Недовольна была и чернь: закладчики, возвращенные в податное состояние, крестьяне, лишенные возможности выхода. Они волновались и были склонны уходить на Дон. Таким образом, новые законы, установленные в пользу средних классов населения, раздражали высшие классы и простолюдины.

Законодательные работы были окончены уже в 1649 г., и новый свод законов, названный «Соборным уложением» (или просто «Уложением»), был напечатан по тому времени в громадном количестве экземпляров (2 тыс.) и распространен по всему государству.

§ 83. Медный бунт

Царь Алексей своим знаменитым Уложением надеялся успокоить народ, но судьба послала ему новые испытания. Всего через год после составления Уложения, в 1650 г., разразился сильный мятеж во Пскове и Новгороде. Он был вызван тем, что, вследствие некоторых условий Столбовского мира (1617), московские власти посылали в шведские владения через Новгород и Псков деньги и хлеб. Хотя в этом не было ничего позорного, псковичи и новгородцы возмущались, обвиняли бояр и воевод в измене и, наконец, перешли к открытому насилию над своими властями и над иностранцами, которые были причастны к вывозу зерна и денег. Особенно пострадал в Новгороде митрополит Новгородский Никон, проявивший большое мужество в борьбе с мятежом. Так как местные воеводы не имели сил восстановить порядок, то к Новгороду и Пскову были двинуты войска. Новгородцы скоро опомнились и повинились, а псковичи заперлись в городе и несколько месяцев сопротивлялись. Царь не хотел кровопролития и передал дело земскому собору. Собор постановил послать во Псков особое посольство, которое именем государя и всей земли должно было уговорить псковичей возвратиться к повиновению и порядку. Псковичи послушались, принесли повинную и выдали зачинщиков.

Прошло пять лет, и настали новые беды. Начав войну с Речью Посполитою, царь Алексей отправился с войсками в Литву, а в это время во всем Московском государстве (1654–1655) развилась страшная эпидемия чумы, или «моровой язвы». Болезнь опустошала страну и совершенно расстроила общественный порядок. Опустели города, остановилась торговля, прекратились военные действия. Чрезвычайные расходы на войну с трудом покрывались и в обычное время; чума же окончательно подорвала средства правительства. В ужасных условиях эпидемии нельзя было собрать денег для содержания войска. Приток иностранного серебра (§ 79) уменьшился как вследствие общего упадка торговли, так и потому, что торговых иноземцев перестали пускать далее Архангельска (§ 82). Не зная, откуда достать денег, московское правительство придумало такую меру. Прежде оно из привозного серебра чеканило мелкую серебряную монету — «копейки» и «деньги» (в рубле было 100 копеек и 200 денег). Теперь оно решилось эту мелкую монету делать из меди (которая была раз в 20 дешевле серебра), но выпускать ее по цене серебряной. Иначе говоря, оно устроило из меди такие же условные денежные знаки, какими теперь служат бумажные деньги, «кредитные билеты». С 1656 г. медные деньги появились в большом количестве и имели успех, потому что народ принял их доверчиво. Но прошло года два, и начались затруднения с новой монетою. Пошли слухи, что мошенники стали подделывать в большом количестве «воровские деньги» и что чиновники на монетном дворе стали сами себе и своим приятелям чеканить монету из собственной меди. Хуже, чем подобные слухи, действовало то, что само правительство неумеренно выпускало медные деньги и наводнило ими рынок. Ценность медной монеты стала падать: за 100 серебряных денег стали давать и 130, и 150, и 200 медных. При счете на медные деньги товары начали сильно подниматься в цене. Тогда само правительство испугалось и установило правило, по которому всякий платеж в казну надлежало делать серебряною монетою; из казны же по-прежнему выдавали в народ только медь. Как только установился такой порядок, новые деньги совсем упали: за 100 серебряных требовали тысячу и полторы тысячи медных. Началась чрезвычайная дороговизна, а с нею и голод для бедных людей. «В конец погибаем и помираем голодною смертию», — говорил народ: — «На медные деньги не продают, а серебряных негде взять». Доведенная до отчаяния, московская беднота в 1662 г. подняла бунт и, придя толпою к государю, который тогда был в селе Коломенском, требовала выдачи бояр, виновных, по ее мнению, в общем бедствии. Царь Алексей успокоил народ обещанием разобрать дело. Но вскоре к нему явилась новая толпа, еще более возбужденная и мятежная. Когда уговоры не подействовали, было пущено в ход оружие. Мятежников было много убито и казнено, много утонуло в Москве-реке во время бегства. Однако стало ясно, что нельзя оставить дело в таком положении. «Без серебряных денег все ожидают себе от медных денег конечные нищеты», — говорили государю созванные им представители торговых и ремесленных людей: «Будет те деньги продляться, и нам от них в конец погибнуть». В 1663 г. медные деньги были отменены и даже запрещены. Вместо них казна пустила в обращение свой серебряный запас.

§ 84. Движение Разина

Ряд потрясений и волнений, пережитых народом в течение пятнадцати лет, имел своим последствием усиленное бегство на Дон. Закладчики, не желавшие идти в тягло; крестьяне, скрывавшиеся от прикрепления; «гилевщики», то есть участники «гилей», бунтов, — все это уходило из государства, где стало трудно и голодно жить, в казачьи городки на Дону, с надеждою стать там свободными казаками. Но старые донские казаки, жившие на Дону оседло, «домовито», не принимали всех беглецов в свой «круг» и не считали их равными себе казаками. Полноправные казаки участвовали всем «кругом» в выборе своей «старшины», в решении войсковых дел и в дележе «государева жалованья» — тех «запасов» зерна, сукон, пороха и свинца, которые присылались на Дон из Москвы (§ 75). Новоприбылые люди не допускались в «круг», жалованья не получали и носили на Дону, в отличие от домовитых казаков, прозвище «голытьбы», «голутвенных» казаков, то есть голи. Положение такой голи было тяжело. Пахать землю казаки на Дону запрещали, боясь, что земледелие превратит казаков в крестьян и поведет к закрепощению их Москвою. Поэтому хлеба на Дону было мало; его надо было покупать на деньги, которых у голытьбы не было. Лучшие места для промыслов (охотничьих и рыболовных) были заняты домовитыми казаками, и потому голытьбе приходилось работать батраками на казачьих промыслах. Вместо воли и довольства беглецы на Дону встречали голод и зависимость. Немудрено, что голытьба волновалась и рвалась к грабежу.

В прежние годы, когда Дон еще не был заперт Азовом, можно было легко проскочить на море и там, плавая на лодках (стругах) вдоль берегов, грабить татар и турок. Теперь из Дона выхода на море не было, и потому взгляды голытьбы устремились на Волгу. Когда среди голутвенных появился смелый и решительный вожак Степан (Стенька) Разин, голытьба легко собралась в большую шайку и ринулась на низовья Волги. С разбоем плыли Стенькины казаки в Каспийское море и, достигнув его, отправились на р. Яик (нынешний Урал), где и зимовали, торгуя там и дружа с калмыками. На следующий год (1668) казаки с Разиным

отправились грабить персидские владения на берегах Каспийского моря (от Дербента до Решта). Казачье разбойничье войско достигало уже 2 тыс. человек; оно произвело у персиян большие опустошения, брало города и корабли, добыло себе огромную добычу и зазимовало, укрепясь на островке, вблизи персидских берегов. Весною (1669) война с персиянами возобновилась, но казаки уже думали о возвращении на Дон и потому сами оставили Персидские области и поплыли к Астрахани, где и вступили в переговоры с царскими воеводами. Боясь казаков, воеводы отнеслись к ним мягко и пропустили их домой мимо Астрахани, отобрав лишь часть взятых ими пушек и ненужные им морские суда. Стенька явился на Дон с большою славою; его шайка привезла с собою огромную добычу и хвалилась своими подвигами. На Дону началось сильное брожение. Кругом Разина собрались толпы разной голи, всего тысяч до трех, и стали готовиться к новому походу. На этот раз целью похода было не море, а Волга. Стенька задумывал прямой бунт против Москвы и рассчитывал на то, что его казаки встретят сочувствие во всей черни, раздраженной тяжелыми условиями жизни за последние годы.

Весною 1670 г. Стенька отправился на Волгу и открыл военные действия против царских воевод. Оказалось, что чернь и даже стрельцы действительно сочувствовали смелому атаману и легко переходили на его сторону. Разин взял города Царицын, Астрахань, Саратов, Самару. Казаки страшно мучили и убивали воевод, дворян и вообще людей высших классов; грабили их дома и лавки; не щадили и церквей. Чернь городская помогала казакам и везде возмущалась против «лучших людей». Из городов бунт распространялся по селам; подымались крестьяне на своих помещиков; инородцы восставали (мордва, татары, черемисы) на русскую власть и русских землевладельцев. Бунт становился из казачьего земским и распространялся на громадное пространство среднего и нижнего Поволжья. Восставшие шли не против государя; они представляли себя верными царю и высшей власти. Стенька даже распускал слух, что у него в стане находятся московские царевич и патриарх. Недовольство мятежников направлялось против тех мер, которые усиливали крепостную зависимость рабочего люда и отягчали тягло податных людей. Считая виновниками этого бояр, землевладельцев и богатых купцов, бунтовщики шли против них, избивали их и грабили и везде водворяли казацкое устройство, освобождая простой люд от податей и частной зависимости.

Так Стенька Разин дошел до Симбирска. Здесь его встретили войска князя Юрия Барятинского, состоявшие из новых солдатских полков иноземного строя. Стенька был разбит и бежал. На Волге он нигде не мог укрепиться и добежал до самого Дона. Там его схватили домовитые казаки и отправили в Москву, где он и был казнен (1671). Войско же его расстроилось и разделилось на многие шайки, которые продолжали разбойничать в Поволжье еще не один год. Понадобилось много усилий для того, чтобы рассеять бунтовщиков, отобрать у них занятые ими крепости и успокоить возмущившийся край.

§ 85. Патриарх Никон

Итак, внутренняя жизнь государства при царе Алексее Михайловиче сопровождалась многими потрясениями. Точно так же и в церковном быту того времени происходили важные и тревожные события, связанные с деятельностью патриарха Никона. По смерти Филарета Никитича (1633) патриарший престол в Москве занимали лица небольших дарований и малодетельные (Иоасаф и Иосиф). Значение их в государственной жизни было невелико. С поставлением же в патриархи Новгородского митрополита Никона (1652) патриаршество в Москве достигло снова такого же блеска и силы, как при Филарете. Произошло это по той причине, что патриарх Никон пользовался неограниченным доверием и любовью царя и сам по себе был замечательным человеком.

Происходил Никон из крестьян Нижегородского уезда. В детстве видел он много горя от своей мачехи и ушел из семьи в Макарьев-Желтоводский монастырь на Волге. В то время Макарьев монастырь процветал и имел большую библиотеку. От природы очень способный, Никон в монастыре успел приобрести много знаний и любовь к книжному чтению; но он там не принял монашеского сана, так как отец вызвал его из монастыря обратно домой. По смерти отца Никон женился и стал сельским священником у себя на родине. Высокий, красивый, звучно читавший, прекрасно говоривший, молодой священник получил такую славу, что был приглашен переехать в Москву. В Москве он служил около десяти лет, а затем, когда умерли все его дети, он убедил жену постричься в монахини и сам ушел на Белое море, на Соловецкие острова. Там он постригся, получив монашеское имя Никона взамен мирского имени Никиты. Впоследствии Никон стал игуменом Кожеозерской пустыни (близ р. Онеги). По делам своей пустыни пришлось ему быть в Москве и лично явиться к царю Алексею. Царь был поражен величественною наружностью сурового монаха и его сильною речью и настоял на том, чтобы Никон перешел с Кожеозера в Москву. В Москве Никона поставили архимандритом в

Новоспасский монастырь, принадлежавший роду Романовых, и он еженедельно являлся к царю Алексею во дворец для доклада о монастырских делах и для душевспасительной беседы. В это-то время и укрепилось влияние властолюбивого и энергичного монаха на юного и впечатлительного государя. Царь души не чаял в Никоне и при первой же возможности настоял на посвящении его в архиереи. Никон был назначен митрополитом в Великий Новгород, где проявил большие административные способности и выказал необыкновенное мужество при усмирении мятежа. Всего три года был Никон митрополитом: после кончины патриарха Иосифа царь пожелал избрания в патриархи своего любимца, и в 1652 г. Никон, вызванный в Москву, был избран на патриаршество.

Однако, когда царь объявил Никону в Успенском соборе об избрании его на патриарший престол, Никон решительно отказался от патриаршества. Его долго упрашивали, и он дал свое согласие лишь тогда, когда царь и все бывшие в соборе, плача, обещали ему «послушати его во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшего». Это обещание Никон разумел в том смысле, что ему даются особые полномочия и высшая власть. Царь Алексей своим отношением к Никону поддерживал в нем такую мысль. Он почтил Никона титулом «великого государя», которым в свое время пользовался как царский родитель патриарх Филарет. Уезжая на войну с Речью Посполитою (1654), царь поручил Никону все управление государством и попечение над царскою семьею. В руках Никона сосредоточились не только церковные, но и государственные дела. Без него ничего не предпринималось и не решалось во дворце. Никон стал как бы соправителем царя; он сам называл свое правление «державою» и свою власть открыто равнял с государевою. Так понимал Никон свое патриаршество.

§ 86. Удаление и низложение патриарха Никона

По характеру своему Никон пользовался своим влиянием и властью очень решительно и круто. По словам современников, он начал «стоять высоко и ездить широко». Он любил проявлять свою мощь, требовал почтения и повиновения ото всех, скоро и жестоко наказывал ослушников. «Какая тебе честь, владыко святой, что всякому ты страшен? — говорил Никону один из его прежних друзей. — Государевы царицы власти уже не слышать, от тебя всем страх и твои посланники пуще царских всем страшны!» Хотя Никон деятельно управлял церковными делами и устроил для церкви и духовенства много полезного, однако духовенство не любило его за его властолюбие и крутой нрав. Не любили его и придворные. Они должны были поневоле терпеть его вмешательство в государственные дела и его высокомерное отношение к боярам; но они хорошо понимали, что Никон пользуется таким значением не по праву, а только по государевой любви и милости. Естественно было среди придворных желание отнять у патриарха эту милость, а вместе с тем уничтожить его влияние и силу. Поэтому против Никона легко возникали интриги; против него была настроена даже царская семья.

Понемногу и сам царь начал освобождаться от слепого подчинения Никону. Этому много содействовали путешествия молодого царя в Литву и Ливонию на театр войны. Во время походов он увидел много нового как на Руси, так и за границу. Он возмужал, развился и приобрел некоторую самостоятельность ума и характера. Выйдя из-под влияния привычной московской обстановки, он сознательнее стал относиться к московским делам и людям; ему стало не нравиться открытое величание Никона. Правда, царь Алексей не изменил сразу дружественного обращения с патриархом; однако между ними стали происходить короткие размолвки, и царь не раз сердился на патриарха за его самовольство. С течением времени эти размолвки становились чаще и сильнее. Наконец, в 1658 г. последовал окончательный разрыв дружеских отношений. Никона перестали призывать во дворец на придворные торжества и церемонии. Однажды во время такой церемонии у дворца побили палкою посланного Никонем во дворец патриаршего чиновника. Виновный в этом (окольничий Хитрово) остался без наказания; мало того, на жалобы Никона по поводу этого дела царь прислал ему сказать, что сам он гневен на патриарха за то, что тот держит себя самовластно и именуется «великим государем». Получив такое извещение от царя, не желавшего лично видаться с патриархом, Никон решил оставить патриаршество на Москве. Отслужив последний раз литургию в Успенском соборе (10 июля 1658 г.), он снял с себя патриаршее облачение и, несмотря на просьбы бывшего в церкви народа, уехал из Москвы в «Новый Иерусалим», иначе Воскресенский монастырь, который он сам себе устроил (в 40 верстах от Москвы) на личные средства.

С отъездом Никона наступила смута в русской церкви. Вместо ушедшего со своего престола патриарха надобно было избрать нового. Но поведение Никона не допускало до этого: хотя он сам торопил с избранием патриарха, однако о себе самом давал понять, что, оставив московскую кафедру, он не снял с себя патриаршего сана. Выходило так, что Никон оставался патриархом, только не в Москве. Понятно, что, имея

уже одного патриарха, русская церковь не могла избирать другого. Это можно было сделать, только сняв с Никона патриаршество. Об этом и поднят был вопрос на соборе русского духовенства в 1660 г. Большинство собора было против Никона и постановило лишить его сана; но меньшинство (в том числе знаменитый ученый монах Епифаний Славинецкий) доказывало, что поместный собор не имеет такой власти над патриархом. Царь Алексей согласился с доводами меньшинства, и Никон сохранил сан. Но это так запутало дело, что оно могло быть разрешено только междуцерковным советом. В особенности хлопотал о том, чтобы завязать сношения по делу Никона с греческими патриархами, бывший тогда в Москве ученый грек Паисий Лигарид (митрополит Газский). Сношения эти были начаты и велись несколько лет. Они привели к тому, что восточные патриархи изъявили свое согласие на устройство в Москве собора греческих и русских иерархов. Два патриарха лично приехали в Москву (Александрийский и Антиохийский), а два другие (Цареградский и Иерусалимский) прислали свои грамоты и представителей. В конце 1666 г. состоялся в Москве «великий собор» для суда над Никоном; на нем присутствовало до 30 архиереев, русских и греческих, от всех главных церквей православного востока.

В ожидании соборного суда над собою Никон держал себя очень беспокойно и этим раздражал государя. Он вздумал было самовольно приехать из своего монастыря в Москву и снова занять патриарший престол; но его тотчас же отправили назад в монастырь, не позволив и дня остаться в Москве. Он пытался далее сам вступить в сношения с патриархами и писал им послания, в которых, не стесняясь, жаловался на бояр и на самого царя, обличал в ереси Паисия Лигарида и бранил московские порядки, установленные Уложением. Послания Никона были перехвачены и на соборе послужили тяжкою уликою против него же. Собор сначала познакомился с делом в отсутствие Никона. Затем позвали самого Никона, чтобы выслушать его объяснения и оправдания. Никон держал себя гордо и неуступчиво, вступал в споры с обвинителями и самим царем, который в слезах и волнении жаловался собору на многолетние провинности патриарха. Собор единогласно осудил Никона и лишил его патриаршего сана и священства. Обращенный в простого инок, Никон был сослан в Ферапонтов монастырь близ Белоозера. Почти пятнадцать лет провел он в заточении и только в 1681 г. был отпущен в свой Воскресенский монастырь. Но по дороге туда, на Волге, около Ярославля, 76-летний Никон скончался под стенами Спасского монастыря на том струге (большой лодке), на котором его везли.

Никон действовал властолюбиво и высокомерно не только по своей энергичной и властной натуре, но и по своим взглядам на значение церковной власти. «Священство выше царства, — говорил он. — Священство от Бога, помазание же на царство от священства»; «Господь Бог, когда сотворил землю, повелел двум светилам светить ей, солнцу и месяцу, и через них показал нам власть архиерейскую и царскую, солнцем — власть архиерейскую, месяцем — царскую»; в вещах мирских «царь и архиерей не выше один другого»; «в вещах же духовных архиерей великий выше царя». Говоря так, Никон не мог смотреть на себя иначе как на «великого государя» и не мог одобрять Уложения, которое ограничивало права духовенства и подчиняло духовенство в некоторых случаях «мирскому» светскому суду. Но притязания Никона не имели почвы в русском быту, так как на Руси духовенство никогда не ставило себя выше князей и царей и не искало мирской власти и прямого влияния на государственные дела. Поэтому Никон не нашел себе сочувствия не только в светском обществе, но даже и в духовенстве. Его стремление к особому возвышению патриаршеского авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и собор согласно осудил Никона. Но когда греческие патриархи, составив по-гречески приговор над Никоном, поместили в его тексте утверждение о том, что патриарх должен быть во всем «послушлив» царю, то русские архиереи стали против такой мысли, как раньше стояли против притязаний Никона. Они находили, что истинный порядок должен быть таков, чтобы царь имел преимущество в государственных делах, а патриарх — в церковных. На этом, после споров, и решил собор. Однако мнение греческих иерархов о неправоте Никона и об общем превосходстве царской власти над патриаршеской было усвоено московскими государями; оно навсегда лишило церковную власть на Руси возможности в чем бы то ни было равнять себя с властью царской и подготовило в будущем полное подчинение церкви государству.

§ 87. Исправление богослужебных книг до Никона

Не менее важным делом в церковной жизни в патриаршество Никона было исправление богослужебных книг и церковный раскол.

До появления в Москве книгопечатания при Иване Грозном церковные книги на Руси переписывались от руки. Писцы работали без должного надзора, допускали много описок и ошибок и, окончив работу, не проверяли своих рукописей. Поэтому в писанных книгах с течением времени накопилось очень много бессмыслиц и неверностей. Стоглавый собор 1551 г., сознавая неудобство и соблазн такого положения дела,

требовал, чтобы духовенство принимало меры к исправлению плохих книг и «правило» их само, сличая с хорошими рукописями. В то же время (1553) в Москве решили учредить «печатный двор» для изготовления печатных книг, в которых можно было иметь однообразный, проверенный и исправленный текст. Московский «первопечатник» дьякон Иван Федоров устроил типографию в Москве и с 1563 г. начал печатать в ней церковные книги. Однако дело не пошло: из-за каких-то неудовольствий Иван Федоров переселился из Москвы в Литву, и типография заглохла. Она была восстановлена после смуты, когда во всем государстве, вследствие разорения, грабежей и пожаров, стала большая нужда в церковных книгах. В первые же годы царствования Михаила Федоровича в Москве начали печатать церковные книги под руководством известного нам Троицкого архимандрита преп. Дионисия и некоторых других монахов Троице-Сергиева монастыря. Однако и на этот раз начались неудовольствия. Лица, наблюдавшие за печатанием, так называемые «справщики», ссорились между собою; Дионисий был ими обвинен в ереси и заточен в монастырь, где пробыл до тех пор, пока не был оправдан и освобожден патриархом Филаретом.

Дело в том, что исправлять церковные книги было очень нелегко. Они в течение веков не один раз переводились с греческого языка, и потому молитвы в них читались не всегда одинаково. (Например, в одних рукописях читалось: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ», а в других: «Христос воскрес из мертвых, смертию на смерть наступи».) Надобно было знать, откуда появилась разница в чтении и какое чтение правильнее и лучше; а для этого надобно было знать не только славянские переводы, но и греческий язык, с которого переводили. С другой стороны, в богослужебных книгах русских были записаны и узаконены такие обычаи и обряды, которые развились от обычаев и обрядов греческих. На Руси крестились, например, двумя перстами, а на греческом Востоке — тремя; в русских богослужебных книгах говорилось в одних о двуперстном крестном знамении, а в других — о троеперстном. В символе веры читалось лишнее слово: «и в Духа Святого Господа **истинного** и животворящего». Все эти и другие, подобные им, особенности возникли и утвердились в русской церкви исподволь и получили для русских людей значение святой старины. Раньше, чем исправить или переменить их согласно с греческими, надобно было исследовать дело и доказать, что греческие обряды и обычаи правильнее русских. Разумеется, это было очень затруднительно. В Москве мало знали греческий язык и греческую науку, а самих греков привыкли подозревать в том, что они утратили чистоту веры благодаря Флорентийской унии и турецкому игу. Поэтому нельзя было заставить московских людей легко поверить в превосходство греческого церковного обряда. Напротив, вера в то, что Москва есть «новый Израиль» и глава всего «православия» (§ 53), заставляла московских патриотов держаться крепко за старые русские обычаи и обряды и говорить, что своею старою верою русские люди издавна умели угодить Богу, спасти свои души и возвести свою родную землю на высшую степень благочестия и славы.

Патриарх Филарет и его ближайшие преемники вполне понимали трудности книжного исправления и сознавали необходимость в этом деле обращаться к греческим рукописям, приглашать греческих и киевских ученых богословов и с их помощью заводить в Москве школы для обучения греческому языку. В особенности при патриархе. Иосифе, предшественнике Никона, оживились сношения Москвы с греческим Востоком. Из Москвы на Балканский полуостров посылались люди для приобретения там древних греческих рукописей и для изучения греческих обрядов и церковных обычаев. В Москву часто приезжали греческие архиереи и монахи, которых привлекали к делу исправления книг, совещаясь с ними, доверяя им надзор за переводом греческих текстов и поручая им преподавание греческого языка московской молодежи. В то же время в Москву приглашались ученые монахи из Киева, где существовало тогда высшее православное училище (академия). В Москве эти монахи образовали целое братство и также трудились над исправлением книг и обучением московских людей латыни и греческому языку. Благодаря наплыву посторонних ученых дело книжного исправления пошло энергичнее, но в то же время стало возбуждать горячие споры. Одни смущались приглашением греков и киевлян, говоря, что у них нет истинного благочестия и они могут только исказить и испортить книги, а не исправить их. Другие же уверяли, что греки твердо сохраняют православную веру и ничего «не изронили» в ней. Во время этих-то споров Никон вступил на патриарший престол и взял в свои руки книжное исправление.

§ 88. Реформа Никона и церковный раскол

Когда Никон жил в Москве до своего патриаршества, он был в дружбе с кружком священников, собиравшихся у царского духовника Стефана Вонифатьева. Кружок этот состоял из людей живых и начитанных, среди которых особенно выдавались «протопопы» Иван Неронов и Аввакум Петров. Все члены кружка мечтали об исправлении книг и обрядов, об улучшении церковной жизни, о поднятии нравственного уровня московского общества. Но все они увлекались тем взглядом, что Русь в те времена была единственною

благочестивою страну и что истинного православия нельзя было найти нигде, кроме Москвы. Поэтому они свысока, с недоверием, относились к грекам и думали, что обновить и улучшить церковный и общественный строй надлежит безо всякой помощи извне, без руководства греков и киевлян, простым восстановлением и укреплением благочестивой московской старины, древнего русского благочестия. Такого национально-охранительного направления, казалось, держался и Никон.

Когда же Никон стал патриархом, оказалось иное. Никон внимательно изучал сам все, что относилось к делу, и скоро пришел к выводу, что греческая церковь хранит православие в совершенной чистоте и что московские патриархи обязаны во всем согласоваться с греческими и не допускать у себя никакой новизны, никаких разногласий с православными восточными церквями. Убедившись в этом, Никон начал церковное исправление в этом духе, причем действовал со свойственным ему самовластием и крутостью. Он личной властью своею стал предписывать «новшества»: уменьшил число земных поклонов за молитвою «Господи и Владыко живота моего»; требовал, чтобы иконы писались по греческим образцам; требовал, чтобы крестились тремя перстами, как было у греков. В то же время книжное исправление пошло очень спешно и совершалось под руководством греков и киевских ученых монахов. Самовластие патриарха, его торопливость и явное предпочтение, какое он оказывал чужим «справщикам», вызвали большое неудовольствие у патриотов Вонифатьевского кружка. Сам Вонифатев в этом деле остался в стороне; но протопопы Аввакум и Иван Неронов при первых же распоряжениях Никона стали протестовать. «Мы же задумались, сошедшеся между собою (говорил Аввакум); видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали». Посоветовавшись, они подали царю жалобу на Никона, и притом не только на его отдельные распоряжения, но вообще на его направление, по их мнению, неправославное и ненародное. Никон очень разгневался на своих старых приятелей и нашел случай удалить их из Москвы (сослав Аввакума в Тобольск, а Неронова в Вологодский край). Но их протест не остался без влияния на дальнейший ход исправлений.

Патриарх понял, что лучше действовать соборным приговором, чем личной властью. В 1654 г. он созвал в Москве собор московского духовенства и представил ему на утверждение все предположенные им исправления. Собор их одобрил и утвердил. Лишь один архиерей (епископ Павел Коломенский) решился не вполне согласиться с соборным приговором. Никон лишил его сана и заточил. Но его противоречие показало Никону, что авторитета местного русского собора недостаточно для того, чтобы добиться беспрекословного повиновения его мерам. Поэтому Никон тотчас же после собора в 1654 г. обращается к восточным патриархам с просьбою рассмотреть на соборе дело исправления московских богослужебных книг и обрядов и дать ему свое одобрение. В следующем году (1655) Цареградский патриарх прислал в Москву свой ответ, от имени всей Греческой церкви одобряя и утверждая все намеченные Никоном исправления. Таким образом, реформа, начатая Никоном единолично, постепенно получила характер междуцерковный, стала совершаться с благословения и одобрения как бы всей православной Греко-русской церкви. Этим самым делу исправления книг и обрядов была придана чрезвычайная, по существу дела излишняя, торжественность и важность. Русское домашнее дело решалось с участием чужих людей и чужой власти, и Московская церковь становилась как бы в подчинение Греческой. Именно это и не нравилось многим московским патриотам.

Пока дело исправления вел сам Никон, оно шло быстро и решительно. Книги исправлялись, печатались и рассылались по епархиям. Патриарх требовал, чтобы в церквах, по получении новоисправленных книг, начинали немедленно служить по новым книгам, а старые откладывали и прятали. Вместе с книгами вводились и исправленные обряды; Никон следил за их точным исполнением, в особенности же за соблюдением троеперстия. Но сам Никон вел дело исправления не более пяти лет. С того же времени, как он оставил патриаршество (1658), дело перешло под руководство заступившего его викария (митрополита Крутицкого Питирима). Не стало более такой ревности к делу, каким отличался Никон; работы на Печатном дворе пошли тише. С другой стороны, все враги Никона и его церковных «новшеств» оживились и не скрывали надежды, что удастся вернуть церковь к старому благочестию и уничтожить дело Никона. В самой Москве действовали против реформы возвратившиеся из ссылки Неронов и Аввакум. Они находили себе многочисленных последователей и последовательниц, между которыми были люди большой знатности (например, две сестры, боярыня Морозова и княгиня Урусова, рожденные Соковнины). В самой царской семье оказывались лица, почитавшие Аввакума; о царице Марии Ильинишне говорили, что она заступалась за Аввакума и «от казни отпросила» его. Понятно, что при таких условиях должно было развиваться всяческое противодействие церковной реформе. Новых книг не принимали во многих местах, между прочим в известном Соловецком монастыре. Против Никона и его новшеств проповедовали открыто во многих городах ревнители «старой веры». Соблазн становился так велик, что необходимо было принять какие-либо меры против недовольных. В 1666 г. царь решился созвать в Москве собор русского духовенства. Этот собор снова утвердил все нововведения Никона и судил тех, кто восставал против новшеств. Призванные на собор расколоучители все принесли повинную (даже Неронов); только протопоп Аввакум и московский дьякон Федор остались нераскаянными и были преданы анафеме и сосланы. Когда, немногим позднее, в конце 1666 и

начале 1667 г., в Москве великий собор с патриархами осудил Никона, этому собору было представлено и дело о церковных исправлениях. Великий собор совершенно одобрил и утвердил исправления, а на тех, кто впредь начал бы прекословить и противиться церковным исправлениям и велениям великого собора, этот собор изрек анафему и заранее отсек от церкви. Таким образом, ревнители «старой веры» подвергались отлучению от церкви и объявлялись еретиками и раскольниками. Но это не помогло делу. Протест продолжался. Соловецкий монастырь, богатейший и славнейший на русском севере, открыто отказался повиноваться соборам и принять новшества. Когда увещания не помогли, в Соловки было послано войско; но монастырь затворился и оказал вооруженное сопротивление. Началась осада монастыря, длившаяся около восьми лет (1668–1676). Когда монастырь был взят, монахи понесли тяжелое наказание. Но их «стояние за старую веру» сильно повлияло на настроение всего севера и многим послужило примером. Во многих местах раскол пустил глубокие корни и держится до сих пор.

Лишенные общения с церковью, староверы были поставлены в большое затруднение тем, что не имели своей иерархии и священства. Одни из них всячески заботились о том, чтобы залучить в свою среду священников от господствующей, «никонианской», церкви; они образовали собою особый «толк» в расколе — «поповщину». Другие положили, что по нужде можно обойтись и без священства, предоставив исполнение церковных служб и треб мирянам; такие назывались «беспоповцами». Впоследствии беспоповщина разделилась на много толков и сект, имеющих иногда крайний изуверский характер.

К таким результатам привела церковная реформа Никона, поддержанная и утвержденная соборами русского и греческого духовенства.

§ 89. Начало западничества

Мы видели, что тотчас после прекращения смуты московские люди почувствовали необходимость в общении с иноземцами. В Московском государстве в большом числе появились западноевропейские купцы, техники, военные люди, доктора (§ 79). Для исправления церковных книг в Москву были призваны ученые богословы — греки с православного востока и малороссийские монахи, учившиеся в киевских школах (§ 87). Эти богословы не ограничивались только работами на Печатном дворе, где правились книги: они приобретали вообще большое значение при патриаршем и царском дворах, влияя на церковное управление и на придворную жизнь. Ученые киевляне становились учителями в царской семье (Симеон Полоцкий), входили в знакомство и дружбу с придворными людьми, обучали московскую молодежь греческой и латинской «грамоте» и богословским наукам. Так появилось и окрепло в Москве иноземное влияние, шедшее, с одной стороны, от «немцев» (то есть западноевропейцев), а с другой стороны — от греков и малороссов.

К этому чуждому влиянию московские люди относились не все одинаково. Многие из них боялись заимствований со стороны и заботились о сохранении старых народных обычаев. Люди этого национально-охранительного направления руководились старинным вековым московским народным идеалом: «Москва — третий Рим», московский народ — «новый Израиль», московский царь есть царь «всего православия»; истинное благочестие сохранилось только на Руси, и его необходимо содержать строго и неприкосновенно, чтобы не померк свет православия в Русской земле (§ 53). Если Русь не удержит в чистоте свою веру, свои обряды и благочестивые обычаи, то, как думали русские люди, она падет так же, как пали прежние царства, Римское и Греческое, сокрушенные ересями. На такой точке зрения стояли, например, вожаки раскола, не желая Никоновских новшеств и протестуя против участия в книжных исправлениях чужих людей из Киева и с востока. В противоположность национально-охранительному направлению, очень многие московские люди в XVII в. уже перестали верить в то, что Московское царство было единственным православным и богоизбранным. Смута, едва не погубившая Москву в начале XVII в., оказала большое влияние на умы москвичей. Внутренние раздоры и торжество над Москвою иноземцев — шведов и поляков — московские люди объясняли как Божие наказание за свои грехи. Ближе познав себя с иноземцами во время смуты и после нее, москвичи поняли, что иноземцы образованнее их, богаче и сильнее. Греки оказались более сведущими в делах веры; «немцы» (то есть западноевропейцы) оказались искуснее в военном деле, ремеслах и торговле. Ученые киевские выходцы, приезжавшие в Москву, показывали своим примером, как много значит школьная наука: они оставались русскими и православными людьми, но, пройдя правильную западнорусскую школу, были много культурнее своих московских собратьев. Наблюдая новых людей, москвичи стали понимать, что их прежнее самодовольство и национальная гордость были наивным заблуждением, что им надо учиться у иноземцев и перенимать у них все то, что может быть полезным и приятным для московского быта. Так появилось среди московских людей стремление к реформе, к улучшению своей жизни через заимствование у

более просвещенных народов знаний, полезных навыков и приятных обычаев.

Первоначально в московском обществе лишь редкие отдельные лица увлекались западными взглядами и обычаями и отвращались от московских порядков и верований. На них смотрели как на отступников и изменников и наказывали их[14]. Позднее среди московских людей появилось много влиятельных сторонников культурной реформы. Под сильным влиянием греков и малороссов был царский любимец, сверстник царя Алексея, дворецкий Федор Михайлович **Ртищев**, человек необыкновенной доброты, большого ума и благородства. Он учился богословию у киевских монахов и поддерживал их в Москве. Знаменитый дипломат того времени, начальник Посольского приказа Афанасий Лаврентьевич **Ордин-Нащокин**, был уже европейски образованный человек. Он усвоил себе те идеи и правила, которыми руководились тогда европейские правительства (между прочим, систему протекционизма), и хотел в Московском государстве делать все «с примера сторонних чужих земель». Но он не хотел перенимать у «немцев» всякую мелочь и сам по себе, в своей личной жизни, оставался москвичом старого склада. «Какое нам дело до иноземных обычаев, — говорил он. — Их платье не по нас, а наше не по них». Напротив, заместитель его в Посольском приказе, боярин Артамон Сергеевич **Матвеев**, был большим поклонником всего «немецкого»; он весь свой дом устроил на «немецкий», «заморский» манер. Будучи близким, «собинным» (дорогим) другом царя Алексея Михайловича, Матвеев содействовал тому, что и сам царь стал интересоваться европейскими новинками и привыкать к ним. У Матвеева была даже своя труппа актеров, и он тешил царя театральными представлениями, которые до тех пор почитались в Москве грехом. Следующий начальник Посольского приказа, князь Василий Васильевич **Голицын**, был еще более передовым человеком, чем его предшественники, и мечтал о самых широких реформах.

По примеру этих высоких лиц и под их покровительством московские люди постепенно усваивали себе новые обычаи и воззрения. В Москве распространились иноземные костюмы, вещи, музыкальные инструменты, картины. В Посольском приказе переводились, по царскому повелению, иностранные книги и делались выписки из иностранных газет («куранты»). Европейское образование проникало в разные слои московского общества и увлекало умы московских людей настолько, что некоторые москвичи даже бежали за границу, желая найти себе лучшие условия жизни. Так, убежал за границу сын Ордина-Нащокина, чем очень огорчил отца. Убежал со службы подьячий (мелкий чиновник) Посольского приказа Григорий **Котошихин**; он пробрался в Швецию и там для шведского правительства составил любопытное описание Московского государства (напечатанное под названием «О России в царствование Алексея Михайловича»). В свою очередь, заметив большое умственное брожение среди московских людей, западноевропейцы стремились в Москву все в большем и большем количестве и просились на московскую службу или желали разрешения торговать в Москве. Даже католики думали о возможности начать свою пропаганду в Москве. С этой целью явился в Московское государство (1659) ученый хорват, католический патер Юрий **Крижанич**. Скрыв свою веру и назвав себя православным, Крижанич выразил желание быть учителем в Москве. Однако его заподозрили, и ему едва удалось вернуться домой. Его сочинения, в которых описывались московские порядки, получили впоследствии большую славу: в них Крижанич указывал те реформы, какие, по его мнению, были необходимы Московскому государству, чтобы сделать его сильным и просвещенным.

Так совершался в Московской Руси культурный перелом. Старые идеалы отживали и падали, новые нарождались и крепились. Русский народ понемногу переходил от своей старой национальной замкнутости и исключительности к деятельному общению с культурным человечеством.

§ 90. Внешние дела при царе Алексее Михайловиче

Начиная с 1654 г. царь Алексей Михайлович вел продолжительные и упорные войны с Польшей и Литвой. Предметом борьбы была Малороссия — Польские владения на среднем Днепре, в которых русское население отложилось от Польши и само пожелало соединиться с православною Москвою. Войны эти привели царя Алексея к существенным успехам: он возвратил Москве Смоленск и северские земли, взятые поляками в смутное время, и приобрел Киев и ту часть Малороссии, которая была на левом берегу Днепра (1667). До тех пор Литва и Польша, в течение почти ста лет, наступали на Москву и грозили ей; при царе Алексее перевес сил оказывается на стороне Москвы и она сама переходит в наступление против ослабшей Польши.

В связи с польскими войнами находились и другие войны того времени. Царю Алексею пришлось воевать со шведами, которые вмешались в польские дела. Шведская война (1656–1659) окончилась ничем: воевавшие стороны остались при прежних владениях. Также, как шведы, в польские дела вмешались и турки. Они грозили войною за Малороссию одинаково и Польше, и Москве (1672). Царь Алексей Михайлович страшился

сильной Турции и делал спешные приготовления к турецкому нашествию, ожидая турок под Киев. Однако дело ограничилось небольшими столкновениями на левом берегу Днепра. Царь Алексей умер (в начале 1676 г.) до конца этой войны, и мир с турками был заключен уже при его сыне царе Федоре (1681).

Так сложен был тот малороссийский вопрос, который возник как результат внутренних нестроений в Польско-Литовском государстве. Об этих нестроениях будет идти речь ниже.

§ 91. Люблинская уния 1569 г.; ее значение и следствия

Мы видели (§ 41), что, несмотря на постоянное стремление Литвы к самостоятельности и обособлению от Польши, польское влияние в Литве после Витовта продолжало расти. Его проводили великие князья-католики и поддерживала литовская шляхта, которой было выгодно водворить в Литовском княжестве польские порядки. Напротив, за сохранение старой самобытности в Литве стояла литовская аристократия, православные князья и паны. Испытывая притеснения со стороны своих католических государей, они или уходили в подданство московских князей (§ 51), или же отстаивали свою веру, свои права и самостоятельность своего государства на «сеймах», то есть на съездах панов и шляхты, на которых решались в Литве важнейшие государственные дела. До середины XVI ст., несмотря на усиление польского влияния в литовском обществе, литовской знати удавалось отстаивать самобытность и самостоятельность княжества от всяких попыток со стороны Польши усилить унию и крепче привязать Литву к Польской короне.

Обстоятельства изменились в середине XVI в. Литва вступила в войну с Москвою из-за Ливонии (§ 62) и вела ее очень неудачно. Иван Грозный взял Полоцк, опустошил добрую половину Литовского княжества и угрожал дальнейшими завоеваниями. В прежнее время литовская знать сама охотно шла под московскую власть; теперь же князья и паны литовские страшились и ненавидели Ивана Грозного за его жестокости против бояр и не желали ему подчиниться, боясь его опричнины. Они поэтому искали помощи против Москвы у Польши, а польское правительство воспользовалось этим в своих видах.

В то время королем Польским и великим князем Литовским был бездетный Сигизмунд II Август. С его смертью прекращался род Ягайловичей (Ягеллонов) и возникал вопрос о судьбе престолов Польского и Литовского. До сих пор уния Литвы с Польшей была династическою: сохранится ли она, когда прекратится самая династия? Останутся ли государства в прежнем соединении или уния будет отменена? Король Сигизмунд-Август и польское правительство желали полного соединения Короны (то есть Польши) с Княжеством (то есть Литвою) навеки в одно государство. Пользуясь затруднительным положением Литвы, потерявшей Полоцк, и страхом литовского панства перед Грозным, король и поляки стали настойчиво проводить мысль о вечной унии на общих сеймах литовской и польской знати и шляхты. До 1569 г. Литва сопротивлялась. Но в 1569 г. на сейме в г. Люблине сопротивление литовских патриотов было сломлено и после больших споров и неудовольствий составлен был акт о вечной унии обоих государств, образовавших отныне одно нераздельное государство — Речь Посполитую (Res Publica).

По Люблинской унии южная половина Литовского княжества (именно Волынь и Подляшье, Подолье и Киевская земля) была прямо присоединена к Короне, то есть вошла в состав Польского королевства. Остальная же Литва образовала особое Княжество в реальной унии с Короною. Это было тяжким ударом для прежде могучего Литовского государства. Поляки прямо отняли от него половину его земель, пользуясь временною слабостью Литвы и раздорами между литовскою знатью и шляхтою. Польские паны утверждали, что земли, взятые ими от Литвы, издавна составляли достояние польской Короны; король с ними соглашался, а Литва не имела сил протестовать. Потеряв свои южные области, Литовское княжество входило затем в вечное соединение с Польшею. Оба государства имели одного государя, которого каждый раз должны были избирать сообща (наследственного преемства власти не было). У них был общий **сейм**, состоявший из светской знати, католического духовенства и шляхты обоих государств. Был общий **сенат** («паны рада»), который ведал общие внутренние дела и политику Речи Посполитой. Но в каждом из государств оставались свои особые законы, свои особые чиновники и свои отдельные войска. В Польше действовали свои сборники законов (например, «статуты и привилеи», собранные Яном Гербуртом), а в Литве — свой «Литовский статут». В Польше и Литве были в каждой особые: **гетман** (начальник войска), **канцлер** (государственный секретарь), **подскарбий земский** (министр финансов), **воеводы** (начальники области) и другие, менее важные чины. Одинаково в Польше и Литве шляхта, составляя господствующее сословие, собиралась на сеймы областные (поветовые) и государственные и избирала своих предводителей и представителей — **маршалков**. Под их председательством действовали высшие шляхетские суды — **трибуналы** (Коронный и Литовский).

Вскоре после установления унии 1569 г. скончался последний Ягеллон Сигизмунд-Август (1572). Наступило «бескорольевье», и соединенный сейм Польши и Литвы занялся избранием государя. Избрав сначала французского принца **Генриха Валуа** (бывшего затем французским королем с именем Генриха III), сейм заставил его согласиться на полное ограничение королевской власти в пользу «народа-шляхты». Генрих, не стерпев шляхетской разнузданности, ушел во Францию. Тогда был избран в короли один из вельмож, **Стефан Баторий**, — также с ограничением власти (1576–1586), а затем **Сигизмунд III** — из шведского королевского дома Ваза. При этих избранных государях вся политическая власть в государстве сосредоточилась в руках шляхетского сословия. Шляхта окончательно отняла всякую самостоятельность и всякое значение у прочих сословий (за исключением некоторых городов, обладавших правом самоуправления). Шляхта не только разделяла с королями право верховного управления; она по закону имела право отказывать королю в повиновении, если он нарушал ее права и вольности; шляхта могла даже поднимать оружие против своего государя («рокош») и устраивать против него свои союзы («конфедерации»). Словом, шляхта обратилась в полных господ Речи Посполитой и привела государство к беспорядку и анархии. Но она гордилась своею «золотою вольностью» и открыто признавала, что в государстве есть только одно сословие — «народ-шляхта». Лишь духовенство католическое сохраняло свое независимое положение; все же прочее население потеряло всякое значение в политической жизни своего отечества.

Передача русских земель от Литвы Польше и окончательное торжество польского порядка в Литве повели к тяжелым последствиям для русского населения Речи Посполитой и для всего государства. Во-первых, после государственной унии возник вопрос о введении унии церковной. По акту Люблинской унии, Литва и Польша должны были соединиться в одно государство и в один народ, а народного единства не надеялись достигнуть без единства веры. Во-вторых, особенности польского шляхетского строя, распространяясь на все Литовско-Русские области, усилили бесправие и зависимость от шляхты простого народа. Как церковная уния, так и усиление крепостного гнета вызывали глубокое недовольство православно-русского населения и создали острое междоусобие в Речи Посполитой.

§ 92. Брестская уния 1596. Религиозная борьба и деятельность братств

Что касается до церковной унии православия с католичеством, то, как мы знаем (§ 45), такая уния была провозглашена еще в XV в., но на деле не удалась. После же Люблинской унии мысль о подчинении Риму православных областей Речи Посполитой показалась осуществимой. То было время великой религиозной борьбы в Европе. Реформация отколола от католичества целые народности, и папы употребляли все усилия для того, чтобы подавить возникшее религиозное движение. В борьбе с протестантизмом огромную услугу папству оказал вновь возникший (1540) монашеский орден иезуитов, целью которого была именно защита католичества. Так как протестантство появилось и в Речи Посполитой, то против него и туда были призваны иезуиты. Как раз в эпоху Люблинской унии они начали борьбу с протестантизмом в Польше и Литве и скоро его задавили. Они устраивали бесплатные школы для воспитания детей в католическом духе, писали ученые сочинения против ересей в защиту католичества, говорили блестящие проповеди, устраивали публичные диспуты, то есть споры, о вере. Эти меры оказывались действительнее открытых гонений, и протестантизм в Литве ослабел и почти исчез. Справившись с протестантскою «схизмою», иезуиты естественно принялись за борьбу с православием, которое они тоже считали «схизмою». Против православия они употребляли такие же меры: диспуты, проповеди, литературную полемику, школьное обучение в духе, противном православию. Они всячески обличали беспорядки и жалкое состояние православной церкви в Речи Посполитой и указывали на то, что все зло и все свои беды православные люди могут исправить легко, если только примут унию и подчинятся папе. Всего ярче выражена была эта мысль ученым иезуитом Петром Скаргою в сочинении его «О единстве церкви Божией под одним пастырем» (1577).

Состояние русской церкви в Литовско-Польском государстве было неудовлетворительно. В XV ст., после Флорентийской унии, Западно-Русская церковь отделилась от Московской митрополии и получила для себя особого митрополита (Киевского). Вместе с тем она лишилась поддержки сильных московских князей и оказалась в полной зависимости от литовских государей, которые все были убежденными католиками. Попытки ввести унию, вовсе не возникавшие после митрополита Исидора в Москве, постоянно возобновлялись в Литве. Не успев, однако, превратить православных в униатов, католическое правительство лишило их своего покровительства и относилось холодно и даже враждебно к своей православной церкви. Оно назначало на архиерейские кафедры лиц, заведомо непригодных для высокого пастырского служения, ограничивало права и материальные средства православных церквей и монастырей. Православные люди чувствовали себя в обиде и унижении. Они или уходили из Литвы в Москву (§ 41), или, оставаясь на месте,

старались своими средствами защитить свою веру и церковь от внешних гонений и внутреннего беспорядка. Конечно, первыми защитниками церкви были удельные православные князья. Особенную славу из них получили ревностные покровители православных князья Константин Ив. **Острожский** (1460–1530) и сын его Константин Константинович (1526–1608). За князьями и простые люди научились сами заботиться о своей гонимой церкви и оборонять ее. Как паны-землевладельцы, так и горожане имели по закону право «патроната» над своими церквями и монастырями. Они участвовали в избрании пастырей, следили за целостью церковных имуществ, следили за порядком в церковных делах, обличали злоупотребления архиереев и духовенства, защищали церковные интересы перед правительством. Прихожане церковью составляли церковные **братства**, которые в больших городах (Львове, Киеве и др.) достигли большого богатства и силы и стали заметно влиять на управление церковью.

Вмешательство мирян чрезвычайно раздражало высшую иерархию — тех архиереев, которых короли умышленно подбирали из людей, удобных для правительства и равнодушных к благу церкви. Подчиняясь господствовавшему направлению ополченного западнорусского общества, такие архиереи походили более на светских вельмож и вели недостойную жизнь. Чем более обличала их паства, тем более они искали покровительства у католических властей. Наконец, в конце XVI ст. между такими архиереями созрела мысль о признании унии. Подчиняясь папе, они рассчитывали получить покровительство и поддержку как от папы, так и от короля и стать независимыми от своей паствы. В 1591 г. некоторые епископы обратились к королю Сигизмунду III с заявлением о готовности принять унию. Получив поддержку короля, они увлекли в свое дело Киевского митрополита (старого и слабого характером Михаила Рогозу) и отправили в Рим к папе двух своих вожakov (Луцкого епископа Кирилла Терлецкого и Волынского — Ипатия Поцея) устраивать унию и бить челом папе, чтобы он принял Западно-Русскую церковь под свою власть.

Это было в 1595 г. В следующем, 1596 г. дело разгласилось и возбудило большое негодование среди православных людей, не желавших унии. В г. Бресте был созван церковный собор, на котором присутствовали как униаты, подчинившиеся папе, так и православные, не желавшие унии. Произошел раскол, и образовалось два собора. Официально на одном соборе Западно-Русская церковь была объявлена принявшей унию, причем униатами стали почти все ее архиереи. Но на другом соборе часть духовенства и миряне отказались повиноваться своим духовным властям и поклялись не отступать от Восточной церкви. Обе стороны предавали одна другую проклятию и вступили в открытую борьбу, причем король признал законным постановление униатского собора и потому счел, что православие перестало существовать в его государстве. Так совершилось торжество унии в западной Руси.

Раз православие сочтено было упраздненным, то ревнителей православной веры сочли нужным подвергнуть гонениям как ослушников духовного начальства и еретиков. Православные церкви, особенно сельские, не вошедшие в унию, закрывались; на них не смотрели более как на храмы и отдавали их иногда на откуп, для извлечения дохода, даже евреям, которые за деньги отпирали их для совершения служб. Православные были лишены политических прав, рассматривались как «хлопы» (простонародье), и самая вера их именовалась «хлопскою» и вызывала презрительное отношение со стороны высших классов общества. Предоставленные своим силам и лишенные покровительства закона, православные люди стали на защиту своей веры, как могли. Во главе православных были некоторые вельможи, не покинувшие своей отеческой веры (князь К.К. Острожский), а затем — духовенство (во главе которого стоял с 1620 г. православный Киевский митрополит, поставленный Иерусалимским патриархом). Главную силу гонимой православной церкви составляли городские братства и крупнейшие монастыри (Киево-Печерский). Общими усилиями их были созданы в Киеве и других русских городах прекрасные богословские школы, из которых выходили образованные защитники православия. Они устною проповедью и изданием книг о вере успешно боролись с унией и католичеством и не давали заглухнуть православному делу. Из ряда прочих школ особенно поднялась и развилась Киевская, основанная братством Киевской Богоявленской церкви (еще в 1594 г.). Киевский православный митрополит **Петр Могила** (1596–1646) образовал из этой школы высшее училище по образцу католических академий. От его имени и школа получила название «Могилянской академии». Так на унию и внешние гонения православная церковь ответила достойным отпором. Внешняя опасность для веры вызвала в юго-западной Руси оживленное умственное движение, подняла православную богословскую науку, образовала целую литературу в защиту православия. Ученые киевские монахи оказали важные услуги не только своей западной Руси, но и Руси Московской, где они явились учителями и просветителями (§§ 87–89).

§ 93. Образование Днепровского казачества. Казацкие восстания

Переход в 1569 г. от Литвы к Польше русских земель, лежавших по Днепру на краях государства, способствовал тому, что польские порядки распространялись в этих землях с большою быстротою. Польская шляхта стала селиться здесь на просторных, никакими панами не занятых местах по «украине» государства. Она призывала сюда крестьянское население и водворяла здесь крепостное право. Но если на Украине не было тогда землевладельцев, то жители все-таки были. Это были «казаки», такие же выходцы их государства, какие были и в Московской Руси (§ 61). Московские казаки сосредоточились на Дону, почему и назывались «донскими». Южнорусские же казаки, живя на Днепре, получили название «днепровских»; а еще чаще назывались они «украинскими» казаками, или «черкасами» (по имени города Черкас на правом берегу Днепра ниже Киева). Днепровские казаки отчасти вели оседлое полевое хозяйство, отчасти охотились и «казаковали» в степях, сражаясь с татарами или предаваясь грабежам. Появление среди них шляхты, желавшей обратить их в крепостных «хлопов» наравне с крестьянами, не могло, конечно, нравиться казакам. Казаки уходили все дальше и дальше в степи, недоступные польским властям. На островах нижнего Днепра, за Днепровскими порогами, они строили себе укрепленные засеками городки, получившие название «Запорожской сечи». Там казаки составляли одну общину (кош) с выборным кошевым атаманом во главе и благополучно отсиживались как от своих панов, так и от степных татар. Все попытки польского правительства подчинить казаков и отучить их от грабежей и набегов в татарские и турецкие владения ни к чему не приводили. Чем сильнее становилось в государстве гонение на православную веру и угнетение крестьян шляхтою, тем больше народа бежало на Украину в степь и тем больше становилось там вольного и беспокойного казачества. Польские короли пытались брать казаков в государственную службу; они писали казаков в реестры (списки) и делили их на полки. Реестровые казаки получали землю по полкам, освобождались от подчинения чиновникам и помещикам, судились и управлялись своими казацкими полковниками. Но реестровых казаков вообще было мало, а казацкая вольница все увеличивалась в своем числе, пополняясь выходцами из государства. Недовольство унией и крепостным правом росло на Украине и само по себе могло возбудить опасное движение. Окончательно же подняло казаков против государства стремление властей во что бы то ни стало подавить своеволие казаков и обратить их в крепостных работников или в послушную военную силу.

В конце XVI и начале XVII в. начинаются казацкие восстания и походы. Под начальством своих гетманов (Косинского, Лободы, Наливайка) казаки с мечом и огнем вторгаются в разные области Польского королевства, а у себя на Украине выгоняют и истребляют шляхту и, освобождая от нее крестьян, обращают их в казаков. Затем они бросаются на Черное море и там свирепствуют так, что нагоняют ужас на самого султана: они жгут и грабят под самым Царьградом. Занятый Московскою войною, именно покорением Смоленска и Москвы (§§ 70–71), король Сигизмунд не мог уделить много внимания малороссийским делам. Казачество укрепилось настолько, что казацкий гетман Петр Сагайдачный стал как бы государем всей Украины и покровителем православия. Он не давал в обиду православных в Киеве и содействовал даже тому, что в Киеве была восстановлена православная митрополия рядом с униатскою (§ 92). Конечно, все это не могло нравиться полякам, и потому при первом же удобном случае против казаков возобновились гонения, а казаки ответили новыми восстаниями (Тараса, Павлюка и др.). Однако им на этот раз не удалось победить поляков, и поляки установили на Украине свои тяжелые порядки. Они казнили много казаков и заняли весь край своими войсками. Реестровых казаков они допустили только 6 тыс. и отняли у них самоуправление, передав начальство над ними шляхтичам. Остальные казаки стали в положение «хлопов», крестьян. Это было в 1638 г. при короле Владиславе Сигизмундовиче. Казачество смогло вытерпеть такой строй не более десяти лет. В 1648 г. оно поднялось всею массою под предводительством знаменитого Богдана Хмельницкого.

§ 94. Богдан Хмельницкий и отпадение Малороссии к Москве

Богдан Хмельницкий был родом из зажиточной семьи, смолоду служил в казацком войске, достиг в нем видных должностей и стал сотником в г. Чигирине. Служа под начальством поляков, он был жестоко ими изобижен и не нашел на них управы. Тогда он убежал в Запорожье, поднял восстание и успел получить помощь от крымских татар. В 1648 г. он сошелся с польскими войсками, посланными против него, и разбил их наголову (на р. Желтые воды и под Корсунем). Вся Украина оказалась в его власти; он завладел Волынью, Подолией и Галичиною. Когда по смерти короля Владислава королем был избран его брат Ян-Казимир (1648), то Хмельницкий отступил из Галичины в Киев и стал ждать мирных переговоров с новым государем. Но эти переговоры не удались. Хмельницкий чувствовал за собою целый православный народ, который надо было «выбить из польской неволи», а поляки по-прежнему видели в Украине только казачий мятежный сброд. Война возобновилась (1649) и привела к тому, что, наконец, заключен был договор (под Зборовом), по которому число реестровых казаков было определено в 40 тыс.; в Украину не могли быть вводимы польские войска; там не могли жить ни иезуиты, ни евреи; православие получало господствующее положение.

Это был большой успех; но это не было полное освобождение от Польши, которого желал народ. Оставалась на Украине шляхта; оставалось крепостное право ее на русских крестьян; оставалось католичество и уния рядом с православием. Недовольный Хмельницким народ толпами стал уходить на восток, на р. Донец, в Московскую (так называемую Слободскую) Украину. Условия Зборовского мира нельзя было исполнить; да и поляки не хотели их исполнять, потому что считали их унижительными для себя. Началась поэтому новая война (1650). Она шла неудачно для Хмельницкого: вследствие измены помогавших ему татар он должен был согласиться на плохой мир (под Белой Церковью), по которому число реестровых казаков было условлено только в 20 тыс. Так как хранить этот мир было трудно и нельзя было надеяться на татар, которые то и дело изменяли Хмельницкому, то Хмельницкий решил просить помощи у Москвы и втянуть ее в войну с Польшей. К Москве тяготела и народная масса, видевшая в ней опору православия и убежище от польского насилия.

Когда Хмельницкий обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять Малороссию под свою высокую руку, царь Алексей передал дело земскому собору. Вопрос был трудный: война с Польшей страшила Москву, еще не оправившуюся от собственных затруднений. Собор обсуждал дело много раз (1651–1653) и, наконец, вместе с государем решил Малороссию принять. К Хмельницкому был отправлен посол (боярин Бутурлин) объявить об этом. В январе 1654 г. в г. Переяславле на общей раде (народном собрании) совершилось присоединение Украины к Московскому государству. Рада вся согласно кричала: «Волим под царя восточного, православного!» По договору с Москвою, Малороссия сохранила свое внутреннее самоуправление, а число реестровых казаков устанавливалось в 60 тыс.; выбранный гетман имел даже право внешних сношений, с тем только исключением, что без ведома царя не мог ссылаться с польским королем и турецким султаном.

Так совершилось важное событие — соединение Украины с Москвою. Естественным его следствием были войны Москвы с Польшей за Малороссию.

§ 95. Русско-польская война 1654-1667

Весною 1654 г. началась война Москвы против Польши и Литвы. Московские войска одержали ряд блестящих побед. В 1654 г. был взят ими Смоленск, в 1655 г. — Вильна, Ковна и Гродна. В то же время Хмельницкий взял Люблин, а шведы вторглись в Великую Польшу. Речь Посполитая погибла совсем. Ее спасла только ссора Москвы со Швецией. Не желая допустить успехов шведов, царь Алексей заключил перемирие с поляками и начал войну со шведами, в которой, однако, успеха не имел.

Тем временем умер Богдан Хмельницкий (1657) и в Малороссии началась смута, направленная против Москвы. Когда происходило присоединение Малороссии к Москве, московское правительство понимало дело так, что малороссы идут в подданство русскому царю. Поэтому из Москвы посылали гарнизоны в малороссийские города (особенно в Киев), желали держать в Малороссии своих воевод и думали подчинить малороссийскую церковь Московскому патриарху. В Малороссии же смотрели на это косо. Малороссийские вожаки, казацья «старшина» (гетман, его выборные помощники, затем полковники и сотники отдельных казацких полков) желали себе полной автономии и смотрели на свою страну как на особое государство. Видя московскую политику, они не желали подчиняться ей и уже мечтали об отделении от Москвы и о новом договоре с Польшей. В этом направлении и повел дело выбранный по смерти Хмельницкого в гетманы Иван Выговский. Однако против «старшины» стали простые казаки, не желавшие возвращения к Польше. Началось кровавое междоусобие. Выговский открыто восстал против Москвы и с помощью татар нанес страшное поражение московским войскам под г. Конотопом (1659). Москва была испугана и удивлена неожиданной изменой, но не пожелала отказаться от Малороссии. Московские воеводы успели заново договориться с новым гетманом Юрием Хмельницким (сыном Богдана), который сменил Выговского, и Малороссия была за Москвою, пока на гетманстве сидел этот Хмельницкий. Когда же он оставил должность, Малороссия разделилась на две части. Полки, бывшие на левом берегу Днепра, избрали себе особого гетмана (запорожского атамана Брюховецкого) и остались за Москвою. Они получили название «Левобережной Украины». А вся «Правобережная Украина» (кроме Киева) отпала к Польше со своим особым гетманом.

С началом смут в Малороссии совпало начало новой войны Москвы с Речью Посполитой. Эта война тянулась десять лет (1657–1667) с переменным успехом. Она шла в Литве и в Малороссии. В Литве русские терпели неудачи, в Малороссии держались крепко. Наконец, истомленные войною, оба государства решились на мир. В 1667 г. в деревне Андрусове (недалеко от Смоленска) было заключено перемирие на 13 с половиной лет. Царь Алексей Михайлович отказался от Литвы, которую завоевали было московские войска; но удержал

за собою Смоленск и Северскую землю, отнятые от Москвы в смутное время. Сверх того, он приобрел Левобережную Украину и на правом берегу Днепра г. Киев (Киев был уступлен поляками на два года, но остался за Москвою навсегда).

Таким образом, по Андрусовскому договору Малороссия осталась разделенною. Понятно, что это не могло удовлетворить малороссов. Они искали себе лучшей доли всякими путями — между прочим, думали поддаться Турции и с ее помощью добыть независимость от Москвы и Польши. Брюховецкий изменил Москве и вместе с правобережным гетманом Дорошенком отдался султану. Результатом этого рискованного шага было вмешательство турок в малороссийские дела и их набеги на Украину. Царь Алексей умер в то время, когда над Москвою висела опасность турецкой войны. Так при этом государе малороссийский вопрос еще не получил своего разрешения.

§ 96. Царь Федор Алексеевич

Царь Алексей Михайлович умер в начале 1676 г., всего 45–46 лет от роду. После него осталась большая семья. Первая жена царя Алексея Марья Ильинишна (§ 81) умерла ранее мужа, оставив ему двух сыновей, Федора и Ивана, и много дочерей. После ее кончины царь Алексей женился вторично, взяв за себя воспитанницу своего друга А.С. Матвеева Наталью Кирилловну Нарышкину. В 1672 г. (30 мая) у Натальи Кирилловны родился сын Петр. Таким образом, при царе Алексее в царском семействе естественно образовалось два круга родных. Первый состоял из всех старших детей царя с их ближайшею роднёю Милославскими, из рода которых происходила покойная царица Марья Ильинишна. Второй круг составляли царица Наталья Кирилловна и ее сын Петр с их приближенным Матвеевым и роднёю Нарышкиными. Оба круга царской родни не любили друг друга и готовы были на ссору. Главною причиною их вражды было то обстоятельство, что царевичи Федор и Иван не отличались физическою крепостью и не подавали надежды на долголетие, а младший царевич Петр цвел здоровьем. Являлась поэтому мысль, что Петру суждено стать царем, несмотря на то, что он был самым младшим из братьев. На это надеялись Нарышкины и этого очень боялись Милославские; понятно, что между ними не могло быть никакой приязни. Только страх перед царем Алексеем сдерживал всякие проявления семейной розни и вражды.

Когда же царь Алексей Михайлович скончался и на престол по московскому обычаю вступил его старший сын, 14-летний царевич Федор Алексеевич, вражда не замедлила открыться. Начались ссоры и интриги. Боярин А.С.Матвеев, стоявший тогда во главе всех дел, был оклеветан перед царем и сослан на далекий север (в Пустозерск); Нарышкины же были удалены от царя. Милославские думали получить после этого влияние и власть. Но вышло так, что не они воспользовались падением Матвеева. Молодой государь был под сильным влиянием своих личных любимцев и друзей (придворных Ив. Макс. Языкова и Алексея Тим. Лихачева). Эти молодые и по-новому образованные люди получили главное значение при слабом и молодом государе. Таким образом, рядом с двумя враждовавшими придворными кругами царской родни, Милославских и Нарышкиных, возник еще третий кружок — боярский. Все короткое царствование Федора Алексеевича было наполнено борьбою и взаимными интригами этих кружков; после же смерти Федора эта борьба породила и открытую смуту.

Из государственных дел при царе Федоре Алексеевиче особенную важность имел мир (точнее — перемирие на 20 лет) с турками, которые вмешались в малороссийские дела еще в царствование Алексея Михайловича (§ 95). Вследствие обращения гетмана Дорошенка к султану турки предъявили свои права на Правобережную Украину и пытались занять столицу правобережных гетманов г. Чигирин. Московские воеводы уступили им Чигирин лишь после упорной обороны. Так как долгая война за Украину и постоянные набеги татар и турок совсем разорили правый берег Днепра, то правобережное казачество стало уходить оттуда и массами переселялось на восток, на левую сторону Днепра, в область Сев. Донца (Слободская Украина). Московское правительство не дорожило поэтому опустошенными правобережными областями и легко уступило их (кроме Киева) султану по договору, заключенному в 1681 г. (в Бахчисарае). Так, наконец, завершилась для Московского государства борьба за Малороссию, тянувшаяся более двадцати лет.

Во внутреннем управлении при царе Федоре Алексеевиче заметно было господство новых культурных понятий и влияние на дела просвещенных людей, как московских, так и выезжих (греков и малороссов). Распространялись новые обычаи; усиливалась мода на польско-литовские костюмы и книги; задуманы были многие реформы. Между прочим, задумана была и учреждена Славяно-греко-латинская академия — высшее богословское училище, в котором могли обучаться люди всех сословий. Академия не только служила для образования учащихся, но должна была стать оплотом православия и блюсти чистоту веры в Московском

государстве. Первыми ее преподавателями были выписанные с востока греки (братья Лихуды).

Одновременно с заботами о просвещении шло обсуждение широкой военной реформы. Была признана необходимость усиления и улучшения регулярных войск иноземного строя, которые получили свое начало еще при царе Михаиле Федоровиче. В конце 1681 и в начале 1682 г. рассмотрение этого важного вопроса было поручено просвещенному вельможе князю Вас. Вас. Голицыну (§ 89) и целой комиссии выборных дворян. Комиссия предположила, в ряду мер для упорядочения воинской службы, между прочим, и то, чтобы дворяне служили по новому порядку в регулярных войсках и оставили устарелый обычай местничества, очень вредный для воинского порядка и дисциплины (§ 54). Государь с сочувствием отнесся к предположениям служилых людей и устроил торжественное заседание высшего духовенства и бояр, целый «собор», для отмены местничества (январь 1682 г.). Весь собор согласно и торжественно осудил и отменил «враждотворный» и «братоненавистный» обычай, причем даже были сожжены у дворца (на «снях») те «разрядные книги», в которых записывались местнические «случаи и дела». Вместе с тем взамен старого «государева родословца», в котором были записаны знатные московские роды, приказано было составить новые родословные книги для всего потомственного дворянства. Смерть Федора Алексеевича (в апреле 1682 г.) прервала дальнейшие занятия воинскими преобразованиями, потому что вслед за кончиною этого государя в Москве последовали внутренние замешательства и смуты.

Царь Федор Алексеевич скончался всего 20-ти лет от роду. Его первая жена (из фамилии Грушецких) и малютка сын умерли еще в 1681 г. Царь Федор женился вторично (на М.М. Апраксиной), но жил со второю женою всего два месяца, и Москва осталась без прямого наследника престола.

§ 97. Стрелецкий бунт 1682

По общему мнению, наследовать Федору должен бы был следующий за ним его брат Иван. Но 15-летний Иван был очень болезнен и малоумен и, конечно, не мог принять власти. Зная это, любимцы царя Федора (Языков, Лихачев и др.), пред кончиною царя, сблизившись с Нарышкиными, призвали в Москву из ссылки боярина Матвеева и устроили дело так, что тотчас по смерти царя Федора патриарх Иоаким и бояре провозгласили царем младшего царевича Петра мимо старшего Ивана. Хотя патриарх обратился за этим делом ко всему народу на площади и получил его согласие и сочувствие, однако дело не стало от этого законнее. Избранием младшего брата права царевича Ивана были явно нарушены, и, сверх того, царское избрание было произведено безо «всей земли», без земского собора, который в старину, в минуты междуцарствия, один имел право избирать государя на «вдовевший» московский престол. Понятно, что родные царевича Ивана, его сестры и бояре Милославские, не могли примириться с происшедшим. Самыми умными и решительными среди них были царевна Софья Алексеевна и боярин Иван Михайлович Милославский. Понимая, что против них и их царевича Ивана соединились два придворных кружка (Языкова и Нарышкиных), они решились действовать против тех и других, чтобы отобрать от них власть и влияние. Софья и И. М. Милославский не любили стесняться в средствах и потому не остановились перед открытою смутою. Против своих врагов они подняли стрелецкое войско.

Стрелецкое войско, составлявшее тогда гарнизон Москвы, делилось на полки (или «приказы»). Каждый полк жил в том или другом квартале Москвы (всего более — в Замоскворечье) особою «слободою». Стрельцы со своими семьями помещались в отдельных дворах, вели свое хозяйство, занимались торгом и промыслами в свободное от службы время. Каждый полк (или «приказ») стрельцов управлялся своим полковником, по имени которого и назывался. Всеми же стрельцами ведал особый Стрелецкий приказ, во главе которого в то время стоял дряхлый старик князь Юрий Долгоруков. В последние дни царя Федора Алексеевича среди стрельцов началось недовольство на то, что их полковники допускали частые злоупотребления: заставляли стрельцов работать на себя; задерживали выдачу им жалованья, утаивая часть его в свою пользу, и т. п. Стрельцы жаловались на полковников и сначала не получили никакой управы от кн. Юрия Долгорукова, а затем, наоборот, без суда и следствия получили право взыскивать с полковников свои убытки. После кончины царя Федора правительство показало стрельцам свою слабость и страх перед ними, и это повело к открытым беспорядкам в стрелецких слободах. Стрельцы утратили дисциплину, стали своевольничать и насильничать над своими начальниками (сотниками и пятидесятниками). Таким-то настроением стрельцов и воспользовалась сторона Милославских. Стрельцам дали знать, что во дворце бояре завели измену и что царевича Ивана уже задушили; в руки стрельцам дали и список «изменников-бояр». Стрельцы поверили и начали открытый мятеж.

15 мая 1682 г. они вооруженною толпою пришли в Кремль ко дворцу. Царица Наталья Кирилловна вывела

на Красное крыльцо дворца царя Петра и царевича Ивана и показала их стрельцам живых и благополучных. Сам Иван успокаивал мятежников, говоря, что его никто не изводит и что ему не на кого жаловаться. Однако стрельцы не успокоились, вломилась во дворец и на глазах у царской семьи зверски убили Матвеева и многих родственников царицы Натальи. Они разошлись и по всей Москве, везде муча и убивая обреченных на погибель бояр. То же продолжалось и на другой и на третий день, пока не были избиты все «изменники». Затем мятежники стали устраивать порядок в государстве по-своему. Себе они обеспечили безнаказанность, потребовав, чтобы в память их подвига против «изменников» был поставлен на площади особый «столп» (памятник), прославлявший их убийства. Далее они требовали, чтобы царевич Иван царствовал вместе с братом Петром и чтобы за несовершеннолетних братьев правила государством царевна Софья (а не царица Наталья). Все это было исполнено. Наступило двоецарствие и началось правление Софьи с Милославскими. Все их недруги и противники были избиты или сосланы; все высшие должности были в их руках. Над стрелецким войском вместо убитого князя Ю Долгорукова был поставлен их друг князь Ив. Андр. Хованский.

Сторона Милославских добилась, таким образом, полного успеха. Однако успокоения в Москве не наступило. Некоторые ревнители «старой веры» сообразили, что и им можно попробовать воспользоваться возбуждением стрельцов и с их помощью попытаться отменить Никоновы новшества. В стрелецких слободах начались проповеди и поучения; стрельцов всячески возбуждали вступить за старую веру. Хованский держал себя двусмысленно и как будто даже поддерживал староверов. С его помощью, по просьбе стрельцов, летом 1682 г. в Грановитой палате (§ 49) устроено было торжественное собрание духовенства, в присутствии царей и правительницы, для прений о вере. Расколоучители (между которыми всех виднее был священник Никита, прозвищем Пустосвят) вели себя очень уверенно, даже дерзко. Конечно, в одном собрании нельзя было решить сложный вопрос о сравнительном достоинстве старого и нового обряда. Однако староверы, выйдя из Грановитой палаты, кричали на улицах, что они победили, и приглашали народ креститься двумя перстами. Соблазн был очень велик, и правительница Софья упростила стрелецких офицеров переловить расколоучителей; некоторых из них (Никиту) даже казнили. Движение было, таким образом, подавлено, и вопрос о вере заглох. Но поднялась новая тревога. По Москве пошел слух, что князь Хованский сам замышляет переворот с помощью своих стрельцов. Рассказывали, что он хочет погубить царей и Софью и сесть на Московское царство. Хованский действительно держал себя бестактно, делая вид, что он один только и может управиться с буйными стрельцами и поддерживать в Москве порядок. Царская семья испугалась, выехала из Москвы в «потешные» (дачные) села и окружила себя дворянскими отрядами. В день именин царевны Софьи (17 сентября) кн. Хованский с сыном были вызваны к правительнице из Москвы, обвинены во многих злоумышлениях и казнены. Против же стрельцов к Москве были двинуты вооруженные силы, так как была боязнь нового стрелецкого бунта. Однако испуганные стрельцы не поднялись против правительства; напротив, они принесли повинную во всех своих буйствах и сами просили уничтожить тот почетный «столп», который был сооружен в память 15 мая. Стрелецкое движение прекратилось, и в конце 1682 г. царевна Софья с братом Иваном возвратилась в московский дворец. Царь же Петр с матерью продолжал с тех пор обычно жить в подмосковных селах (всего больше — в селе Преображенском).

§ 98. Воспитание Петра Великого

Так прошел 1682 год, полный тревог и смут. Он оказал сильное влияние на характер и жизнь маленького царя Петра Алексеевича. До смерти своего отца, царя Алексея, Петр жил баловнем в царской семье, составляя предмет любви и нежных забот своих родителей. Ему было всего 3,5 года, когда умер его отец. Царь Федор был крестным отцом своего маленького брата и, как говорят, очень его любил. Он держал Петра при себе в большом московском дворце и заботился о его учении. Лет пяти Петра начали обучать грамоте. Царь Федор сам выбрал ему учителя (дьяка Никиту Зотова), и Петр с ним выучил азбуку и склады и прочел первый круг учебного чтения (Часослов, Псалтырь, Деяния и Евангелие). С ним же, вероятно, начал Петр и писать (но никогда не приобрел четкого почерка). Учился ли он у Зотова еще чему-нибудь, остается неизвестным; сохранилось лишь предание о том, что Зотов показывал царевичу много «потешных листов», то есть картинок исторического и бытового содержания, привозимых в Москву из-за границы и продаваемых в торговых рядах, где их и покупали для царевича. За обучением у Зотова должна была следовать схоластическая наука, с которою знакомились уже старшие братья и даже сестры Петра под руководством киевских монахов (§ 89). Петру предстояло изучать грамматику, пиитику, риторику, диалектику и философию, латинскую и греческую грамоту и, вероятно, польский язык. Но перед началом этого «грамматичного учения» умер царь Федор и произошла смута 1682 г. Благодаря ей Петр остался без образования. Между ним и его матерью, с одной стороны, и Софьей и Милославскими, с другой, произошел открытый разрыв. Бывшие в Москве киевские ученые все пользовались покровительством Софьи и казались ее приятелями и приверженцами. Поэтому

царица Наталья не имела склонности допускать их к Петру и не учила его. А Софья, в свою очередь, не имела желания заботиться об образовании нелюбимого брата, и Петр оставался в известном смысле неучем.

Это было одним из последствий тяжелой смуты 1682 г. Были еще и другие. Во время стрелецкого мятежа Петр своими глазами видел гибель своих родных и близких, поневоле смотрел на их мучения и кровь, трепетал за свою мать и за себя. Целое лето жил он в страхе стрелецких насилий, целую осень со своими родными странствовал кругом Москвы и жил в стенах Троице-Сергиева монастыря, боясь, как и Софья, въехать в беспокойную Москву. Пережитые им ужасы он не мог забыть во всю свою жизнь и никогда не любил жить в московском дворце, залитом кровью его близких. Когда в конце 1682 г. Софья справилась со стрельцами и водворилась в Москве, для Петра и его матери страхи и опасности не прекратились. Хотя Петр и носил царский титул, однако он не царствовал на самом деле; мало того, он был опальным человеком, которому как бы не было места в Москве. Мать Петра была вынуждена жить с сыном в подмосковных селах (Преображенском, Коломенском), вдали от большого двора, в некотором пренебрежении и унижении от Софьи. Она постоянно опасалась московского правительства и ожидала от него зла себе и своему сыну. Немудрено, что и сам Петр боялся и не любил всего того, что окружало Софью и служило ей. Он стал чужд и враждебен той обычной дворцовой обстановке, в которой росли и жили его старшие братья и сестры; он не знал и не желал знать обычного «чина» («порядка») московской придворной жизни. И в этом смысле он также вышел неблаговоспитанным человеком, неучем.

Жизнь маленького царя Петра в подмосковных потешных селах сложилась очень своеобразно. Потешные дворцы бывали обыкновенно невелики; вместо большого придворного штата там была немногочисленная дворня; двор и сад царские граничили с крестьянским селом. Это были условия обычной боярской усадьбы, и Петр рос в потешных селах, как простой дворянин. В своих играх он собирал кругом себя не только детей бояр и дворян, но и дворовых и крестьянских ребятишек; из царских хором он легко выбегал на двор, на село и в окрестные поля и рощи. Московские царевичи вырастали обыкновенно в тепличных условиях кремлевских теремов; Петр рос на просторе подмосковной деревни. Поэтому-то детские забавы Петра приобрели свой особый характер. Он рано начал играть в войну не только в хоромы, но и на поле. На берегу Яузы (притока р. Москвы), у с. Преображенского, он построил себе «потешную» крепость (Пресбург) и около нее собрал целую дружину «потешных» воинов. Сначала это был простой сброд — «Преображенские конюхи», как выражалась Софья с ее близкими. Потом этой компании Петр придал форму двух солдатских полков (Преображенского — в с. Преображенском и Семеновского — в соседнем селе Семеновском), и понемногу из «потешных» полков образовались у Петра полки настоящие, положившие впоследствии начало нашей гвардии. Полевая забава Петра, именно потому, что она развилась на просторе полей, получила широкие размеры и серьезное значение. Петр понемногу уразумел серьезную сторону военного дела и стал учиться инженерному и артиллерийскому искусству. Разумеется, ему пришлось начать эту науку, так сказать, с азбуки и по доброй воле засесть за арифметику и геометрию. Как только маленький царь пожелал изучать военную технику, около него неизбежно, по общему московскому порядку, должны были появиться учителя-«немцы» (то есть западноевропейцы), которые тогда были инструкторами и начальниками регулярных московских полков (§ 79).

Близость этих «немцев» к Петру не должна нам казаться удивительною и необычною. Московский двор в то время широко пользовался услугами западноевропейцев. Маленького Петра лечили доктора-немцы; в вычурных садах царя Алексея он видел немцев-садовников; всякие технические поделки во дворцах исполнялись мастерами-немцами. Мать Петра Великого, царица Наталья, выросла у своего воспитателя А.С.Матвеева в приязни к немцам; боясь близких к Софье ученых киевлян, она не страшилась немцев и допускала их к сыну. Наконец, Немецкая слобода, где жили немцы, была расположена очень близко от села Преображенского; было очень просто и легко послать туда за всяким делом и позвать оттуда сведущих и искусных немцев по первому же слову царя Петра. Таким образом, немцы из слободы помогали царю строить его крепость: голландец Тиммерман учил Петра арифметике, геометрии и фортификации; голландец же Брант обучал его плавать под парусами. Под влиянием своих забав и учителей-немцев Петр мало-помалу обращался в военного техника и любителя-моряка. Не было у него общепринятого тогда схоластического образования, а были какие-то особые, совсем не обычные познания, какие-то странные, совсем не царские вкусы. Молодой государь представлял собою необыкновенный для московского общества культурный тип.

Многое в характере и в жизни молодого царя Петра вызывало осуждение окружающих. Конечно, осуждали в нем его необразованность и невоспитанность, происшедшие оттого, что Петр, не по его вине, лишен был обычного дворцового воспитания. Осуждали его пристрастие к забавам: казалось, что, кроме своих игр, он ничего не желает знать. В особенности странною представлялась страсть Петра к лодкам и кораблям. После того, как Петр нашел в селе Измайлове заброшенный мореходный ботик («дедушку русского флота») и научился плавать на нем, он весь ушел в это новое дело и начал строить себе суда на большом Переяславском

озере. Конечно, это казалось многим пустою и странною забавой, не подходящею для подраставшего государя. Осуждали в Петре и его особую близость к немцам. Петр с течением времени стал часто бывать в Немецкой слободе. Там он свел близкое знакомство с некоторыми из обитателей слободы, сживал у них в гостях, принимал участие в их увеселениях. Особенно сблизился он с шотландцем Гордоном, генералом русской службы, ученым и серьезным человеком, и со швейцарцем Лефортом, полковником, человеком очень способным и веселым. Под влиянием Лефорта Петр, по мнению многих, отстал от русских обычаев и привык к шумным пирам и разгулу. К сожалению, состоявший при Петре «дядькою» (воспитателем) князь Борис Алексеевич Голицын и учитель Петра Никита Зотов в этом отношении сами не были безгрешны и не могли удержать молодого Петра от кутежей и шумных пирушек.

Итак, вследствие особых неблагоприятных условий своего детства, Петр остался без правильного образования и воспитания и вместо богословско-схоластических познаний приобрел военно-технические. Не было у него любви к старым обычаям и порядкам придворной московской жизни, зато образовались близкие сношения с «немцами». Московское правительство своей сестры Софьи он не любил; он боялся как Милославских, так и стрельцов, которых считал опорой и друзьями Софьи. Впрочем, до совершеннолетия у Петра не было никакого видимого интереса к делам государственным и придворным. Петр весь ушел в свои забавы, все свое время употреблял на «потехи Марсовы и Нептуновы». Его громадные умственные способности находили пока применение в тесном кругу полудетских затей и были заметны для немногих. Вообще же московские люди считали Петра несерьезным и пустым человеком, от которого нельзя было ждать проку. А между тем подходила пора его совершеннолетия, приближался конец опеки царевны Софьи над царями и царством. Чтобы отвлечь сына от пустых забав и сделать его более солидным, царица Наталья задумала женить Петра и нашла ему невесту по своему вкусу — Евдокию Федоровну Лопухину. В начале 1689 г. Петр женился, но не изменил своих привычек: легко оставлял мать и жену и всего более интересовался постройкою судов в Переяславле и воинскими забавами. Так подошло его совершеннолетие (30 мая 1689 г.), когда его мать и родные заставили его начать борьбу с сестрою Софьею за власть.

§ 99. Правление и низвержение царевны Софьи

Начавшееся в 1682 г. правление царевны Софьи продолжалось семь лет. Главную роль при ней играл князь В.В.Голицын (§ 89), с которым Софья сблизилась настолько, что шла молва об их браке. Под влиянием этого Голицына находилось как управление внутреннее, так и внешняя политика. Внутренние мероприятия отличались вообще заметными чертами гуманности, потому что просвещенный Голицын был склонен действовать мягко и, как говорят, мечтал о широких преобразованиях, между прочим, об освобождении крестьян от власти помещиков. Во внешней политике в правление Софьи замечателен договор с Китаем, до границ которого дошла тогда русская колонизация. В течение XVII в. русские добрались через всю Сибирь до берегов Тихого океана, обогнули на судах северо-восточную оконечность Азии (Семен Дежнев) и заняли Камчатку. От мелких и диких племен они не встречали сопротивления. Но на р. Амуре русские столкнулись с китайцами. Возникшая вражда была погашена Нерчинским договором (1689), по которому русские отступились от берегов Амура в пользу китайцев. На западе удалось достигнуть важного успеха, именно, заключить с Речью Посполитою в 1686 г. вечный мир на условиях Андрусовского перемирия 1667 г. (§ 95). Польский король Ян Собеский согласился на вечную уступку Киева Москве лишь под влиянием тяжелых обстоятельств трудной борьбы с турками и выговорил за то у Москвы обязательство помогать ему против турок и татар. Обязательство это надо было исполнить: московские войска под начальством кн. В.В.Голицына два раза (в 1687 и 1689 гг.) ходили на Крым, и оба раза неудачно. Большие и тяжелые ополчения москвичей, не приспособленные для степных походов, в первый раз даже не дошли до Крыма, а во второй раз дошли до Перекопского перешейка, но не могли долго держаться в голой степи и без всякого результата повернули назад, не победив татар, скрывшихся за Перекопью. Неудача этих крымских походов подала удобный повод к ропоту и обвинениям со стороны противников Софьи и Голицына. Как раз в 1689 г. младшему из царей, Петру, исполнилось 17 лет: он пришел «в возраст», стал совершеннолетним и мог уже сам с братом Иваном править государством. Поэтому неудача с Крымом и неудовольствие в Москве должны были особенно страшить Софью и грозили ей близким переворотом. Опасаясь этого переворота, Софья делала попытки из временной «правительницы» обратиться в постоянную «самодержицу», соправительницу царей.

После казни князя Хованского в 1682 г. Милославские поставили во главе Стрелецкого приказа начальником всех стрельцов думного дьяка Федора Шакловитого. Человек крутой, решительный и ловкий, Шакловитый держал стрельцов в полном повиновении. Полагаясь на Шакловитого, Софья и думала повести дело так, чтобы стрельцы подали ей челобитье — не оставлять правления, венчаться царским венцом и стать

самодержицею. Однако старания Шакловитого и его агентов не имели успеха среди стрельцов. Дело это разгласилось, и противная Софье сторона царя Петра тогда решила действовать. Летом 1689 г. начались открытые ссоры у царицы Натальи и царя Петра с Софьей и закипела между ними острая вражда. Софья опасалась прямого нападения на себя Петра с его «озорниками», потешными «конюхами», и потому держала вокруг себя в Москве усиленные караулы стрельцов. Уступить Петру и отказаться от правления она и не думала. Петр также боялся покушения на себя стрельцов. Еще более, чем сам Петр, опасалась за сына царица Наталья со своими родными. Когда в августе 1689 г. в Преображенском ночью получено было известие, что в Москве на улицах собраны сильные отряды стрельцов, приближенные разбудили Петра и страшно напугали царя криком, что стрельцы идут его убить. Петр раздетый ускакал в ближайшую рощу, там оделся и помчался оттуда в Троице-Сергиев монастырь, куда приехал чуть живой от усталости и волнения. Страхи оказались, по-видимому, ложными, стрельцы не шли в Преображенское, но Петр с тех пор страдал, как говорят, постоянным нервным недугом: у него появились подергивания щеки, произвольные движения головы и некоторая неправильность походки: он, по тогдашнему выражению, «голову запрометывал и ногою запинаясь».

С отъездом Петра к Троице началась открытая усобица. К царю в крепкий монастырь приехали его мать и жена; съехались родственники и бояре, оставшие от Софьи; пришли потешные полки, также стрельцы полка Сухарева. Постепенно туда же подходили регулярные солдатские полки и съезжались дворяне. У Петра оказывалась громадная сила. Софья с братом Иваном сидела в Москве, окруженная недоумевающими стрельцами. Скоро выяснилось, что у нее нет сил бороться с Петром. Когда Петр, потребовав у сестры отчета о ночных собраниях стрельцов, вызвал к себе из Москвы бояр, то оказалось, что все оставляют царевну Софью: от нее уехал патриарх Иоаким, друг за другом уезжали бояре, стали уходить и стрельцы. Все чувствовали, что право на стороне Петра. Петр победил без боя. Князь Голицын был арестован и сослан; Шакловитого и некоторых близких к нему стрельцов казнили. Софье указано было уехать из дворца в подмосковный Новодевичий монастырь. Петр особым посланием пригласил брата Ивана «царствие править самим». На деле же, вследствие полной неспособности и безгласности царя Ивана, правление всецело перешло в руки Петра, его родных и близких. Так совершился переворот 1689 г.

§ 100. Петр Великий в 1689-1694

В первое время после низвержения Софьи Петр мало интересовался государственными делами и все свое время посвящал либо маневрам со своими «потешными», либо плаванию на кораблях и кораблестроению. Свои «Нептуновы потехи» молодой государь перенес с Переяславского озера в Архангельск. Море произвело глубокое впечатление на Петра и неудержимо стало тянуть его к себе.

Между тем управление государством оставалось в руках царицы Натальи, ее родных и патриарха. По обстоятельствам того времени они дали делам такое направление, которое не могло нравиться Петру. Сам государь дружил с иноземцами; а правительство, напротив, стало к ним очень холодно. В особенности патриарх Иоаким вооружался против них. В правление Софьи патриарху пришлось видеть много неприятностей от выезжих киевлян и их московских друзей. Киевляне свободно распространяли в Москве свои церковные обычаи и высказывали мнения, иногда отличавшиеся от московских[15]. Иоаким поставил дело так, что созванный им собор 1690 г. заподозрил правоверие киевского духовенства, и с тех пор киевские монахи и киевские ученые потеряли свое привилегированное положение в Московском государстве и как бы подверглись гонению. Вместе с тем и другие иноземцы перестали пользоваться покровительством в московском дворце. Патриарх и на них воздвиг гонение, считая их причиною всех зол в государстве. И это в то время, когда молодой царь находился в личной дружбе со многими немцами!

Патриарх Иоаким умер в 1690 г. Несмотря на желание Петра иметь ученого патриарха, духовенство избрало на патриаршество одного из московских неученых архиереев Адриана, столь же враждебного новшества, как и Иоаким. За Адриана была мать царя Петра. Она продолжала, без всякого видимого участия сына, править государством до самой своей смерти, которая последовала в 1694 г.

§ 101. Азовские походы и флот. Кумпанства и великое посольство

Смерть матери заставила царя Петра самого приняться за дела управления. Ему в ту пору было уже 22

года. Предстояла новая война против турок и татар в исполнение договора с королем Яном Собеским 1686 г. Петр видел неудачу двух московских походов против Крыма и не хотел повторять эту затею. Он принял другое решение — идти на турецкую крепость Азов в устьях Дона. В таком решении не было ничего необычайного: еще при царе Михаиле Федоровиче в Москве шли речи об Азове (§ 80). В Москве всегда понимали важное значение этой крепости, служившей как бы ключом к морю для всего Дона. Весною 1695 г., для того, чтобы замаскировать свое движение к Азову, Петр послал на низовья Днепра большое войско, угрожавшее оттуда походом на Крым; а сам с регулярными полками по Дону и Волге направился к Азову. Осада Азова затянулась до осени 1695 г. и не имела успеха, потому что крепость получала с моря водою припасы и подкрепления и могла держаться. Петр сам участвовал в военных действиях (по его собственным словам, «зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром»). Он понял причины своей неудачи и, когда вернулся в Москву, начал немедленно готовиться к новому походу, проявив необыкновенную энергию и упорство. Он задумал построить флот, который помог бы осадить Азов и с моря. На р. Воронеже, под г. Воронеж, была устроена верфь для судов; шли работы и в самой Москве, и в других городах: везде готовили части судов и снасти. Весною в Воронеже был готов «морской караван» в 30 военных судов и собраны сотни речных стругов и плотов. Московская рать с флотом явилась к лету 1696 г. под Азовом и, окружив его, крепко осадила и скоро взяла. Это был громадный и неожиданный успех. Молодой государь и его приятели Гордон, Лефорт и др. оказались способны не только на потехи, но и на подвиги.

Победа окрылила Петра и внушила ему широкие планы. Он стал мечтать о постройке большого флота и об изгнании турок из Европы силами соединенных в один союз европейских народов. По свойству своего характера Петр начал немедленно приводить в исполнение то, что задумал, с тем большею свободой, что с 1696 г. он остался единодержавным государем; царь Иван скончался перед вторым Азовским походом, оставив после себя лишь дочерей.

Постройка нового флота получила характер особой общенародной повинности. Было указано, чтобы к 1698 г. с определенного количества крестьянских дворов землевладельцы (светские — с 10 тыс. дворов, а церковные — с 8 тыс.) выстроили по одному оснащеному и вооруженному кораблю; все же вообще горожане (посадские люди) должны были построить общими силами 12 кораблей. Для того, чтобы сговориться, кому с кем вместе строить корабль, помещики и вотчинники должны были немедленно собраться в Москве и образовать «кумпанства». Полная стоимость корабля определялась в 10 тыс. руб., и каждый двор средним числом должен был внести в кумпанство 1 руб. или 1 руб. 20 коп., — сумма по тому времени очень большая. А всего на новый флот (до 50 кораблей) требовалось полмиллиона рублей: как это много, можно видеть из того, что весь ежегодный доход государства тогда равнялся лишь 2 млн. руб. Поставив так круто хозяйственную сторону дела, Петр не менее круто и быстро повел техническую часть дела. В Воронеже были устроены верфи; на них свозили материал и собирали рабочий народ; туда выписывали из-за границы корабельных мастеров и всяких техников. Для того же, чтобы приготовить в будущий флот своих русских моряков, кораблестроителей и мореходов, Петр решил (1697) для тяжелой и неведомой «навигационной науки» послать за границу 50 человек из придворной родовитой молодежи. Если от кумпанств тяжело было всем в государстве, то от последней меры застонала вся столичная знать.

Другую свою мечту — о союзе христианских держав против турок и татар — Петр думал осуществить путем переговоров. Он задумал послать великое (чрезвычайное) посольство в Германию, Голландию, Англию, Рим и Венецию для «подтверждения древней дружбы и любви» и для заключения союза против турок. Послами он назначил Лефорта и Ф.А. Головина и дал им большую свиту (всего с прислугой в ней было несколько сот человек). С удивлением узнали в Москве, что и сам царь хочет ехать за границу в этой свите. Действительно, поручив государство своим близким людям (дяде Льву Кирилловичу Нарышкину, «дядьке» своему князю Борису Голицыну, князю Федору Ромодановскому и др.), Петр весною 1697 г. отправился за границу вместе с послами, скрыв себя в их свите под именем «Преображенского полка урядника Петра Михайлова».

Все эти дела и затеи молодого государя были так необычны, а его личное поведение так мало походило на привычный царский «чин», что против Петра стал в эту пору раздаваться уже явный ропот. Роптавшие говорили, что государь «уклонился в потехи: оставя лучшее, начал творить всем печальное и плачевное». Созрел, по-видимому, даже заговор на жизнь Петра. Многие злорадно желали смерти беспокойному и порывистому Петру. Стрелецкий полковник Иван Циклер и родовитые дворяне Алексей Соковнин и Федор Пушкин были уличены в том, что искали случая убить Петра. Вот почему перед отъездом царя за границу в Москве происходят розыски и пытки; многих посылают в ссылку, а Циклера с товарищами казнят. Озлобленный Петр принимает особые меры предосторожности; между прочим, стрелецкие полки высылаются из Москвы в Азов и на литовско-польскую границу.

§ 102. Заграничное путешествие Петра Великого

Заграничное путешествие Петра Великого имело очень большое значение. Во-первых, пребывание в чужих краях в течение полутора года окончательно выработало личность и направление самого Петра. Он получил много полезных знаний, привык к культурным формам европейской жизни, умственно созрел и сам стал европейцем по духу. Во-вторых, путешествие московского царя на Запад оживило сношения Москвы с Западом, усилило обмен людей между Русью и Европой. Много русских с тех пор стало жить и учиться за границей; сотни иностранцев приглашались в Россию и сами туда стремились. В-третьих, Петр за границей узнал действительные политические отношения держав и вместо несбыточных мечтаний об изгнании турок в Азию усвоил себе трезвый план борьбы со Швецией за Балтийское побережье, утраченное его предками.

Великое посольство, а с ним и Петр выехали из Москвы весной 1697 г. Путь их лежал на Балтийское море. В Риге шведские власти очень сухо встретили русских. Зато в Курляндии прием был приветливее, а в Пруссии (тогда еще курфюршестве Бранденбургском) курфюрст Фридрих встретил Петра очень радушно. Правда, воевать с турками он отказался, посоветовав Петру войну со шведами. Но самого Петра он очаровал своею любезностью и заключил с ним дружественный договор торгово-культурного характера. Из Пруссии Петр поехал в Голландию сухим путем. На дороге он встретился с женою и тещею курфюрста, и те, проведя с Петром целый вечер, дали любопытное описание его наружности и манер. Их удивил его ум и живость, поразила невоспитанность. «Он очень хороший и очень дурной», — выразились они: прекрасна натура, дурно воспитание. Такое же впечатление замечательного, но невыдержанного человека произвел Петр и в Голландии. С немногими «деньщиками» (адъютантами), опередив посольство, Петр приехал в голландский городок Саардам, в котором было развито кораблестроение и из которого мастера работали у Петра в Москве. Там он немедленно поступил на верфь как простой плотник, жил в маленьком домишке, одевался, как рабочий. Однако саардамцы узнали в нем царя по его огромному росту и трясенью головы (о чем им писали их земляки из Москвы). За Петром стали ходить любопытные, и Петр держал себя с ними так нетерпеливо и резко, что стал предметом уже всеобщего любопытства. Он мог выжить в Саардаме всего 8 дней и должен был уехать оттуда в Амстердам. В Амстердаме дело пошло лучше. На одной из самых больших верфей Петр работал как простой мастер более 4 месяцев и, по его словам, «своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил». Но, трудясь на верфи, узнал он, что в Голландии искусство строить корабли развилось «с долговременной практики», научной же теории кораблестроения там не существует. За этою наукою Петр бросился в Англию, потому что слышал, «что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно». Приехав в Англию и посетив Лондон, Петр в английском городке Дептфорде на казенной верфи «через четыре месяца оную науку окончил». Так он сам впоследствии писал о своих занятиях за границей. Кроме «навигацкого дела», Петр в Голландии и Англии увлекался всем, что его занимало: смотрел музеи и фабрики, слушал лекции, посещал госпитали, учился гравировать, учился литейному делу. Не было такой науки и такого искусства, которые остались бы вне его любознательности. Громадный ум Петра и гениальные способности жадно искали себе удовлетворения. После занятий в Англии Петр вернулся в Голландию и вместе со своим великим посольством поехал в Вену. Где ни побывало это великое посольство, везде оно терпело неудачу со своей идеей общей борьбы против турок. На западе Европы завязалась напряженная борьба Габсбургов с Бурбонами, и никто не интересовался турками. Германский император, бывший тогда в войне с султаном, искал мира с ним, чтобы направить свои силы против Франции, и потому русское посольство в Вене не имело никакого успеха. Недовольный императором, Петр собирался уже из Вены ехать в Венецию, славную своим мореплаванием, как вдруг пришло из Москвы известие о стрелецком возмущении. Петр поспешил домой. Путь его лежал через Польшу; там встретил его новый, только что избранный после смерти Яна Собеского, король польский (он же саксонский курфюрст) Август. Петр быстро сдружился с ним, и между ними впервые высказана была мысль о совместном действии против Швеции. Разочарованный в прежней мечте о союзе против Турции, Петр легко схватывает новую мысль о борьбе за Балтийское побережье и с этой мыслью в августе 1698 г. приезжает в Москву.

§ 103. Стрелецкий бунт 1698 и начало реформ Петра Великого

Вернувшись из путешествия, Петр сразу обнаружил свое новое настроение. Приехав в Москву; он даже не заехал в московский дворец, а прямо проехал в свое Преображенское. Своей жены Евдокии Федоровны он не видел, а заглазно послал ей приказ идти в монастырь. Против воли отвезли ее в Суздаль и там постригли (в Покровском монастыре, где была пострижена жена великого князя Василия III Ивановича Соломония). Сына

своего Алексея (родившегося в 1690 г.) Петр отдал на попечение сестры своей царевны Натальи.

При первом же приеме придворных в Преображенском Петр отдал им приказ впредь носить короткое европейское платье вместо длинного русского и брить бороды. Он сам резал бороды и окорачивал кафтаны у тех, кто упрямился. Право носить бороду сохранило только духовенство и крестьянство. Горожане могли покупать это право, уплачивая известную пошлину и получая ежегодно «бородовой знак». С принудительной переменой внешности узаконялось и вообще господство западноевропейских обычаев в русской жизни. Одним из внешних знаков этого господства стало установление нового летосчисления. До тех пор в Москве считали годы от сотворения мира и праздновали новый год «на Семен день» 1 сентября. Отпраздновав 1 сентября 1699 г. наступление нового 7208 г. по старому счету, Петр велел 1 января вновь праздновать новый 1700 г. и впредь считать годы от Рождества Христова, как и в прочих православных странах.

Одновременно с первыми шагами своих культурных преобразований Петр начал свой страшный стрелецкий розыск.

Стрелецкое возмущение 1698 г. произошло оттого, что стрелецкие полки, выведенные из Москвы в Азов и на польскую границу, были очень недовольны своим положением. Стрельцы видели нелюбовь и недоверие к ним царя, понимали, что их удалили из столицы надолго, и ожидали, что стрелецкое войско будет вовсе уничтожено. Стоя на границах в тесноте и грязи, получая скудное довольствие, стрельцы роптали и посылали в Москву за вестями, чего им ждать далее. Когда из Москвы пришли смутные и вздорные вести, что царя в царстве нет и что впереди надо ожидать только дурного, стрельцы не выдержали. Несколько стрелецких полков вышло из повиновения и двинулось к Москве — к своим семьям и хозяйствам. Навстречу послушникам из Москвы вышли регулярные войска с пушками. При первой же встрече с ними (у Нового Иерусалима, или Воскресенского монастыря) стрельцы положили оружие и побежали. Их переловили и наказали: многих казнили, а прочих посадили под стражу.

Возвратясь в Москву, Петр нашел, что дело о стрельцах недостаточно исследовано и преступники недостаточно наказаны. Начался новый «сыск» (следствие) и пытки. Под пытками некоторые стрельцы показали, что их поднимала на бунт царевна Софья из Новодевичьего монастыря, где она жила. Хотя этот оговор и не был достаточно доказан, однако Петр поверил ему. Он объявил вину сестры выборным от народа, приглашенным во дворец, и велел постричь Софью в монахини в том же Новодевичьем монастыре. Стрелецкое же войско Петр решил вовсе уничтожить. До 2 тыс. стрельцов было казнено смертью в разных концах Москвы. Остальные стрельцы были распущены из полков, и их было даже запрещено принимать в солдаты. Так разделался Петр со стрелецким войском, в котором видел оплот своих недругов и семя всякого зла.

§ 104. Великая Северная война. Первые годы войны

С 1699 г. Петр начал приготовления к войне со шведами. Он вступил в союз с Августом II, саксонско-польским королем и курфюрстом, и с датским королем Христианом. Союзники убедили его, что наступило очень удобное время для действий против Швеции, так как на шведском престоле воцарился слишком молодой и легкомысленный король Карл XII. Однако Петр не решался начать войну с Карлом, пока не будет заключен мир с турками. В августе 1700 г. получил он известие о том, что его послы добились мира в Константинополе с уступкою Азова Москве, — и тотчас же московские войска были двинуты к Балтийскому морю. Началась знаменитая шведская война — на целых 21 год.

В своем стремлении овладеть берегами Балтийского моря Петр явился продолжателем политики всех предшествовавших ему московских царей. Страшную борьбу за Балтийское побережье выдержал Иван Грозный (§ 62). То, что было потеряно при Грозном из русских земель на морском берегу, возвратил Москве царь Федор Иванович (§ 63) и снова потерял Василий Шуйский (§ 70). Государи XVII в. не забывали этой утраты, утвержденной Столбовским договором 1617 г. (§ 77). При царе Алексее Михайловиче А. Л. Ордин-Нащокин особенно настаивал на мысли о необходимости пробиться к Балтийскому морю, именно к Рижскому заливу, для непосредственных морских сношений со средней Европой. Но в ту пору осуществление этой вековой мечты московских патриотов было еще невозможно: царь Алексей всего более был связан малороссийскими делами и борьбою с Речью Посполитою и Турцией. При Петре отношения на юге установились, и он естественно обратил свой порыв к Балтийским берегам, повинувшись стихийному стремлению Москвы на Запад.

Петр направил свои войска к Финскому заливу и осадил шведскую крепость Нарву. Но в это время

обнаружилось, что юный и легкомысленный король Карл XII обладает огромной энергией и военным талантом. Как только союзники начали против него войну, он собрал свои наличные войска, бросился на Копенгаген и принудил датчан к миру. Затем он направился на русских к Нарве и напал на них так же быстро и неожиданно, как на датчан. У Петра под Нарвою было все его регулярное войско (до 40 тыс. человек). Оно стояло укрепленным лагерем на левом берегу р. Наровы. Карл ворвался с запада в этот лагерь, смял и погнал русских к реке (19 ноября 1700 г.). Имея всего один мост на Нарове, русские спасались вплавь и гибли. Только «потешные» полки Петра (Преображенский и Семеновский) отстоялись у моста и с честью перешли реку после того, как остальная армия бежала. Карлу досталась вся артиллерия и весь лагерь московского войска. Довольный легкой победой, Карл счел силы Петра уничтоженными, не преследовал русских и не вторгся в московские пределы. Он пошел на своего третьего врага Августа и этим сделал крупную ошибку: Петр быстро оправился и восстановил свою армию; сам же Карл, по выражению Петра, надолго «увяз в Польше», куда от него укрылся Август.

Петр, до битвы сам находился под Нарвою и видел все неустройство своего войска. Оно было мало обучено, плохо одето и накормлено; оно не любило тех наемных «немецких» генералов, которым было подчинено (герцог фон Круи и др.); для осады было мало пороха и снарядов; пушки были плохи. При приближении Карла Петр уехал в Новгород в уверенности, что шведы вторгнутся в Россию и что надо готовить русские крепости к обороне. Поражение армии под Нарвою не привело Петра в отчаяние. Напротив, так же, как после первой азовской неудачи, он проявил громадную энергию и в течение зимы 1700–1701 гг. успел собрать новое войско и отлить до 300 новых пушек, для которых, за недостатком в государстве меди, брали даже церковные колокола. Увидевшись со своим союзником королем Августом (в м. Биржах), Петр заключил с ним новый договор о том, как им держаться вместе против Карла.

Согласно с этим договором, все последующие годы Петр вел войну в двух разных областях. Во-первых, он помогал Августу в Речи Посполитой деньгами, хлебом и войском. Русская армия не раз ходила в Польшу и Литву, причем дело обходилось там без поражений, но, правда, и без больших успехов. Важно было то, что удавалось задерживать Карла XII в Польше и не допускать его до окончательного торжества над Августом. На этом театре войны особенно отличался любимец Петра из его «потешных» Александр Данилович Меншиков, которому Петр вверил здесь все свои войска. Во-вторых, Петр, отдельно от своего союзника, предпринял завоевание Финского побережья и вообще старых ливонских земель (Эстляндии и Лифляндии), пользуясь тем, что главные силы Карла были отвлечены в Польшу. В 1701 и следующих годах русская конница под начальством «фельдмаршала» Бориса Петр. Шереметева «погостила» в этих областях: Шереметев разорил страну, разбил два раза шведский корпус генерала Шлиппенбаха (при Эрестфере и Гуммельсгофе) и взял старые русские города Ям и Копорье. Сам Петр осенью 1702 г. явился при истоках р. Невы и взял шведскую крепость Нотебург, стоявшую на месте старого новгородского Орешка. Возобновив укрепления этой крепости, Петр назвал ее Шлиссельбургом, то есть «ключом-городом» к морю. На весну 1703 г. русские спустились к невским устьям и взяли, при впадении р. Охты в Неву, шведское укрепление Ниеншанц. Пониже этого укрепления на Неве, в мае 1703 г., Петр заложил Петропавловскую крепость и под ее стенами основал город, получивший имя «Питербурха», или Санктпетербурга. Это был для Петра укрепленный выход в море, которым он тотчас же воспользовался. На Ладожском озере (точнее, на р. Свири) строились наспех морские суда и в том же 1703 г. были уже спущены на воду. Осенью этого года Петр уже начал работы на Котлине-острове для постройки морской крепости Кроншлота (предшественник нынешнего Кронштадта). Эта крепость и стала гаванью для нового Балтийского флота. Наконец, в 1704 г. были взяты сильные шведские крепости Дерпт (Юрьев) и Нарва. Таким образом, Петр не только приобрел для себя выход на море в своем «парадизе» Петербурге, но и защитил этот выход рядом твердынь с моря (Кроншлот) и с суши (Нарва, Ям, Копорье, Дерпт). Допустив Петра до такого успеха, Карл сделал непоправимую ошибку, которую он задумал загладить тогда лишь, когда справился с другим своим неприятелем, Августом.

§ 105(1). Восстание Кондратия Булавина

К началу 1707 г. Августу пришлось прекратить свою борьбу с Карлом XII. Несмотря на русскую помощь, Карл изгнал, наконец, Августа из Речи Посполитой, настоял там на избрании нового короля и великого князя (Станислава Лещинского) и затем вторгся в саксонские владения Августа, где и вынудил у него мир. Отдохнув в Саксонии, шведы в конце 1707 г. начали свой поход в Московское государство.

Не было времени тяжелее и страшнее во все царствование Петра Великого. Сильный и непобедимый враг стоял у порога Руси; союзников уже не было, и «сия война (как писал Петр) над одними нами осталась».

Приходилось рассчитывать с Карлом XII за все, что у него было взято на Балтийском побережье. А тут еще подоспели внутренние неурядицы. Тяжелые годы войны утомили народ, вызывали ропот, а на окраинах государства — даже бунты. Еще в 1705 г. произошел мятеж в Астрахани против «бояр и немцев». Он был подавлен скоро. Но в то же время, с 1705 г., началось движение среди башкир за Волгою и перешло понемногу в открытый бунт, с которым воеводы Петра не могли сладить до 1709 г. Наконец, вспыхнуло восстание среди донского казачества. Мы видели (§ 84), какое сильное возмущение произвела казачья голытьба на Дону и в Поволжье во время Стеньки Разина. Само домовитое казачество поднялось тогда против голутвенной вольницы и помогло правительству поймать Стеньку. Но только что затихла Разиновщина, как на Дону появилось новое брожение — в пользу «старой веры» — и начался было новый бунт в правление царевны Софьи. Домовитые казаки отстаивали порядок и сами жаловались в Москву, что к ним на Дон из государства идет много «воров», которых они не хотят у себя видеть. Однако «воры» все шли и шли, потому что в государстве жить было тяжело, а на Дону была им воля и, попав на Дон, можно было навсегда освободиться от холопства и крестьянства. «С Дону выдачи нет» — так всегда говорили казаки, когда из Москвы пробовали вернуть какого-либо беглеца. Вот против этого-то правила и стал действовать Петр. После Азовских походов, в которых донские казаки оказали большую помощь, Петр хвалил и награждал их, но требовал, чтобы сами казаки не принимали более к себе беглых и выдавали обратно приходящих к ним на Дон из государства. Это требование оставалось без исполнения, потому что обижало казаков и представлялось им нарушением их старого права. Тогда Петр прибег к небывалой мере: в 1707 г. он послал на Дон отряд войска, чтобы искать и силою возвращать новопришедших туда «воров». Голытьба поднялась и истребила посланный царем отряд. Несмотря на то, что домовитые казаки и на этот раз пробовали подавить движение, оно разрослось. Под предводительством казака Кондратия Булавина голытьба одолела домовитых, овладела главным городком на Дону Черкасском и подняла против государства весь Дон. От Азова до Тамбова действовали шайки «воров», и Петру надобно было послать на Дон много войск, чтобы подавить восстание. Когда царские войска осадили Черкасский городок, Булавин застрелился, а его товарищи убежали на р. Кубань и в другие места. Черкасск в 1708 г. был взят, и весь Дон был подвергнут жестокому взысканию. С тех пор всякая самостоятельность донского казачества пала, и правительство стало полным хозяином на Дону. Петр, таким образом, добился своего.

§ 105(2). Измена Мазепы

Наконец, сверх всего того, что происходило в Московской Руси, дурные вести стали приходить к Петру и из Малороссии. В 1707 г. впервые получил Петр донос на малороссийского гетмана Ивана Мазепу в том, что он сносится с польским королем Станиславом и желает изменить Москве. Петр до тех пор был очень доволен гетманом и потому не поверил доносу. Но донос повторился и в следующем, 1708 г.; на этот раз на Мазепу доносили важные лица: генеральный (главный) судья малороссийский Кочубей и один из малороссийских полковников Искра. Было произведено следствие; донос не был доказан, и донощики были выданы Мазепе и казнены им. Однако гетман действительно готовил измену и сносился с врагами Петра. К этому его побуждало внутреннее состояние Малороссии, очень смутное и беспокойное. В стране не прекращалась внутренняя усобица. Казачья старшина (§ 95) стремилась к тому, чтобы господствовать над управляемыми людьми, а простые казаки и горожане не желали подчиняться старшине. Старшина хотела сохранить автономию Украины и не любила московского вмешательства в малороссийские дела; а простой народ, города, иногда и духовенство, сами обращались к Москве за защитой и покровительством. Мазепа, став гетманом (в 1687 г.), в течение целых двадцати лет очень искусно умел сдерживать и примирять распри и ссоры, а в то же время соблюдал хорошо интересы и московского правительства. Положение его стало, однако, шатко и тяжело с тех пор, как Карл XII победил Августа и переменял в Польше короля. Торжество шведов должно было, казалось, повести к окончательному поражению Петра. Все ждали разгрома Москвы. Если Малороссия останется верна Москве, она разделит тяжкую участь побежденных; если же она вовремя отойдет от Петра, она может не только уцелеть, но еще и выиграть, обеспечив свою самостоятельность посредством договора с победителем. Так рассуждал Мазепа и все те, кто подбивал его перейти на сторону Карла и его союзника короля Станислава. Ради этих соображений Мазепа вступил в тайные сношения с поляками и шведами и вел себя так скрытно, что Петр не верил отпадению Мазепы до того времени, когда, наконец, оно совершилось (1708).

Такова была обстановка шведского нашествия на Русь. Восстания инородцев на Волге и за Волгой и казаков на Дону, опасность отпадения Малороссии и страх (правда, неосновательный) нападения турок и татар с юга — вот что видел и чувствовал Петр, ожидая нападения Карла. Опасность казалась Петру столь ужасной, что он иногда не скрывал овладевшего им малодушия.

§ 105(3). Битва при Лесной (1708)

Однако военные события 1708 г. сложились неожиданно счастливо для русских.

В самом начале 1708 г. Карл XII взял г. Гродно, где стояли тогда русские войска, и оттуда двинулся по направлению к Москве. С ним было более 40 тыс. отборного войска, и, кроме того, он ждал к себе на помощь из Лифляндии генерала Левенгаупта с 16 тыс. солдат и с военными запасами. На дороге к Днепру шведы победили русских при с. Головчине и в Могилеве овладели переправой через Днепр. Петр ожидал их марша к Смоленску; но вместо этого Карл пошел на юг в Малороссию в расчете на измену Мазепы, о которой Петр еще не знал. Левенгаупт со своим войском остался теперь позади Карла и должен был его нагонять. Сообразив это, Петр не дал им соединиться: он напал на Левенгаупта на р. Соже, при дер. Лесной (в сентябре 1708 г.), и разбил его отряд, положив на месте более половины его людей и отняв весь обоз (5 тыс. повозок). Карл остался без пороха и провианта. Он и в Малороссии не нашел того, чего ожидал. Когда пришло время Мазепе соединиться открыто со шведами, русский полководец Меншиков узнал про его измену и едва не схватил его самого. Мазепа убежал к Карлу лишь с небольшим отрядом казаков, а русские войска штурмом взяли гетманскую столицу Батурин и предупредили возможность восстания Украины против Москвы. Карл и Мазепа расположились на зимовку в Малороссии (между Ромнами и Гадячем), а русские войска окружили их своими отрядами. Население же Малороссии осталось верным Москве и смотрело на шведов как на врагов.

Кампания 1708 г. окончилась, таким образом, без успеха для Карла. Расчеты его на Мазепу не оправдались; подкреплений он не получил и был далеко от Москвы. Петр же мог многому радоваться. Его войска одержали крупную победу при Лесной, и везде, где им приходилось сражаться со шведами, они оказывались исправными и храбрыми. Малороссию Петру удалось удержать в повиновении: на Дону восстание было подавлено. Петр воспрянул духом и бодро готовился к дальнейшей борьбе с Карлом, так как видел затруднительное положение своего пока непобедимого врага.

§ 106. Полтавская битва 1709

Настал 1709 год. Карл не раз со своих зимних квартир нападал на русские войска, стараясь овладеть дорогой к Москве. Но до весны решительных действий не было. Весною же Карл направился на берега р. Ворсклы и осадил малороссийский город Полтаву. Это была крепость, устроенная на случай татарских нападений с «дикого поля» (§ 61). Если бы шведы завладели ею, они могли бы выйти на «поле» и оттуда идти к Москве или же завязать сношения с татарами и турками. Петр боялся еще и того, что шведы через Белгород пойдут на Воронеж, где были собраны корабли и сосредоточены запасы хлеба. Так как у Карла было мало пороха, то бомбардировать Полтаву он не мог, а приступы ему не удавались, ибо гарнизон мужественно защищался. Осада Полтавы затянулась. Тогда Петр, собрав все свои силы, решил прийти на выручку Полтавы и дать Карлу XII решительный бой. Битва произошла 27 июня 1709 г. близ Полтавы. Оба государя лично участвовали в бою и подвергались большой опасности. Со стороны шведов в бою было до 30 тыс. человек, со стороны русских 42 тыс. У шведов была слаба артиллерия: по недостатку пороха они могли ввести в дело только 4 пушки. К полудню сражение решилось в пользу русских. Шведы были разбиты. Половина их армии была перебита или взята в плен под Полтавою, а половина бежала вдоль Ворсклы к Днепру, к с. Переволочне, и там, настигнутая русскими, сдалась (1 июля) Меншикову. Русские потеряли убитыми и ранеными менее 5 тыс. человек.

Карл утратил всю свою армию, утратил свою славу. Раненный еще до Полтавской битвы, он был ушиблен в бою и в полубеспамятстве был спасен своей свитой, доставившей его в Переволочну. Там его успели перевезти через Днепр, и он с Мазепой скрылся в турецких пределах. Судьба Швеции была решена. До Полтавской битвы Швеции принадлежало главенство на Балтийском море и вообще в северной Европе. Полтавская битва передала это главенство Москве и Петру Великому; в этом и состоит ее значение в истории России и Европы.

Громадное значение Полтавской победы поняли не только русские, но и все враги Швеции, явные и тайные. Петр тотчас после победы перевел свои войска к Балтийскому морю и начал завоевание Лифляндии и Финляндии. В то время им были взяты Рига, Пернов, Ревель, Выборг (1710). Русский флот вышел из Финского залива в открытое море и соединился для действий против Швеции с датским. Дания и Саксония снова

объявили войну шведам; снова Август Саксонский стал польским королем; Станислав же Лещинский уехал из Польши. Несчастливая Швеция потеряла все свои завоевания и должна была думать лишь о собственном спасении. Она была как будто оставлена своим королем, который жил в Турции и, не думая о возвращении домой, усердно ссорил турок с Петром Великим.

§ 107 (1). Прутский поход Петра I

Старания Карла XII удались, и в конце 1710 г. Турция объявила войну России. Узнав о враждебных намерениях турок, Петр решился сам напасть на них, а не ждать нападения. Давно уже православные подданные султана (греки, славяне, валахи, молдаване), приезжая в Москву за помощью и пособиями, звали русских на Балканский полуостров и говорили, что стоит московскому войску показаться на Дунае, как там последует восстание против турок всех православных народностей. Такие речи говорились и Петру, причем он имел положительные обещания князей («господарей») Молдавского (Кантемира) и Валашского (Бранкована), что они помогут русским. Увлечшись всеми этими обещаниями и рассчитывая на помощь короля Августа, Петр с 40 тыс. войска быстро пошел к Дунаю (весною 1711 г.). Но Август не прислал своих войск, а господа не приготовили обещанного провианта, и русские войска оказались в трудном положении в знойных степях на дороге к Дунаю. Кроме того, турки, давно готовые к походу на Россию, встретили русских на севере от Дуная и не допустили армию Петра до Дунайских берегов. Только один отряд русской конницы (генерала Рене) дошел до самого Дуная и занял г. Браилов. Главные же силы Петра и сам он были окружены у р. Прута громадным войском турок (до 200 тыс. человек). Без хлеба и воды, измученные походом и боями, русские войска должны были бы положить оружие, если бы турецкий главнокомандующий (визирь) не согласился начать переговоры о мире. В два дня мир был заключен, причем Петр уступил туркам Азов и окружающие его земли, приобретенные от турок по договору 1700 г. Это было, конечно, горько; но Петр ожидал худшего и считал, что очень счастливо избавился от грозившего ему и его армии плена и позора.

§ 107 (2). Окончание Великой Северной войны. Персидская война

Достигнув прочного мира на юге, Петр с особым рвением взялся за окончание войны на Балтийском море. В последующие годы он занял почти всю Финляндию с городами Або и Гельсингфорсом. В 1714 г. (25 июля) Петр разбил шведский флот при мысе Гангуте (на юго-западе Финляндии) и занял Аландские острова, откуда мог грозить самому Стокгольму. В то же время, совместно со своими союзниками, Петр действовал и на южных берегах Балтийского моря, в Германии, откуда шведы были окончательно вытеснены (в 1716 г.). Но эти совместные действия привели Петра к ссоре с союзниками. (Немцы и датчане боялись, что Петр утвердится в Германии, и относились к нему подозрительно. Со своей стороны, Петр очень был недоволен медлительностью общих союзных действий и решил не стесняться союзными обязательствами.) Он искал себе нового союзника в французском короле Людовике XV и в 1717 г. посетил Париж. Там Петр был любезно принят и поразил французов своими познаниями, умом и оригинальностью. Но цель его не была достигнута, и Франция осталась в стороне от балтийских дел. Зато в это же самое время Петру удалось завязать непосредственные сношения с Карлом XII, вернувшимся в Швецию из Турции. На Аландских островах начались мирные переговоры, и дело шло к миру, но смерть Карла (1718) испортила все. В Швеции была возведена на престол сестра Карла Ульрика-Элеонора с ограничением ее власти в пользу олигархического сената. Шведское правительство прервало переговоры с Петром, поспешило помириться со своими врагами в Германии и с Данией и все силы Швеции решило направить на борьбу с Россией. Но этих сил было уже мало: истощенная Швеция не могла бороться с войсками и флотом Петра. В 1719 и следующих годах русские морем вторгались в самую Швецию и разоряли ее до Стокгольма. В 1721 г. шведы возобновили мирные переговоры в городке Ништаде (на западе Финляндии) и 30 августа 1721 г. согласились заключить мир на следующих условиях: Швеция уступила России навсегда Лифляндию (с Ригой), Эстляндию (с Ревелем и Нарвою), Ингрию и часть Карелии (с Выборгом); Петр же возвратил Швеции Финляндию, завоеванную им, и, сверх того, обещал заплатить два миллиона ефимков.

Так окончилась долголетняя война, сокрушившая могущество Швеции и обратившая Московское государство в сильнейшую державу Европейского севера. Петр был необыкновенно рад миру и шумно торжествовал победу в своем «парадизе» Петербурге, а затем в старой Москве. В С.-Петербурге 22 октября 1721 г. (в годовщину славного освобождения Москвы в 1612 г.) Петр принял титул Императора

Всероссийского и превратил прежние «великие государства Российского царствия» во «Всероссийскую империю». Так ознаменован был счастливый исход войны. Личные заслуги Петра были почтены тем, что учрежденный Петром (1711) сенат наименовал Петра, независимо от Императорского титула, еще «великим» и «отцом отечества».

Тотчас по окончании Северной войны Петр начал новую войну — с Персией. В 1722 г. русские войска из Астрахани выступили на юг и заняли персидские города Дербент и Баку. В 1723 г. Персия заключила мир, уступив Петру западное побережье Каспийского моря. Петру оно надобно было для того, чтобы овладеть путями на восток, в Индию, сношения с которою очень занимали Петра.

Таким образом, все войны, какие только вел в свое царствование Петр Великий, имели своею целью приобретение морских берегов: черноморских (азовских), балтийских и каспийских. Гениальный политик рвался к морям, понимая, какое значение имеют моря в международных сношениях, в движении культуры.

§ 108. Внутренние преобразования Петра Великого. Их общий ход и характер

Говоря о государственных преобразованиях Петра Великого, не надобно представлять себе дело так, что Петр сразу и по одному общему плану заменил старый московский строй новым европейским. В своих реформах Петр не мог держаться заранее выработанного плана и точной последовательности, потому что все его преобразования, все перемены, которые он производил в управлении и в устройстве сословий, происходили под давлением военных событий и нужд. Война со шведами приняла затяжной характер, оказалась страшно трудною, убыточною и опасною. Петр весь затянулся в военные дела. Он то воевал в первых рядах своего войска; то в Москве и Петербурге собирал средства для дальнейшего ведения военных операций; то бросался в Архангельск и Воронеж для того, чтобы оборонить свои северные и южные границы от возможных нападений врага. В таких условиях жизни государь не мог думать о мирных и правильных преобразованиях. Его главною заботою было добыть достаточно людей и средств для успешного продолжения войны. Война требовала регулярных войск: Петр искал способов их увеличения и лучшего устройства, и это само собой вело к реформе военной и к переустройству дворянского сословия и дворянской службы. Война требовала денег: Петр искал их, где только можно, и это повело к податной реформе и к разным переменам в положении городов и крестьянства. Так под давлением военных нужд Петр спешно совершил ряд нововведений, которые разрушали по частям старые московские порядки, но еще не создавали никакого нового порядка. Напротив, в управлении государством господствовал некоторый хаос, и чем дальше, тем более он давал себя чувствовать. Когда, наконец, после Полтавской победы и Прутского похода военные действия стали менее напряженными, а настроение Петра более уверенным и спокойным, тогда Петр принялся приводить в порядок все, что было ранее им сделано торопливо и по частям. В это только время, в последнее десятилетие жизни Петра (1715–1725), была достигнута некоторая система и налажен новый строй управления.

С другой стороны, Петр, преобразуя сословную жизнь и формы управления, вовсе не имел в виду изменить самые основания государственного порядка. При нем верховная самодержавная власть осталась такою же, какою была ранее при его отце царе Алексее. Положение сословий в государстве по существу не было изменено: сословия не получили новых прав и были оставлены при старых своих обязанностях. Управление по-прежнему было бюрократическим. Словом, тип государства, создавшийся до Петра, им не был изменен, и в этом отношении Петр не совершил никакого государственного переворота. Все его перемены имели своим назначением лишь совершенствовать старый строй, придавая ему более культурные европейские формы. Резкая по сути своей реформа была совершена только в сфере церковного управления, где с упразднением патриаршества церковная жизнь была приведена в полное подчинение государству.

§ 109. Социальные реформы Петра Великого

1. Мы знаем, как было устроено **служилое сословие** в Московской Руси (§§ 55, 58, 79). Оно состояло из «дворян московских» и «дворян городовых». Первые бывали на высших придворных должностях, управляли приказами, ездили в посольства, сидели на воеводствах, начальствовали войсками, — словом, составляли правительственный класс и считали себя знатью: назывались людьми «родословными», «с отечеством», «отецкими детьми». Вторые — городовые дворяне и дети боярские — были людьми «обычными», не

родословными: они служили в городских конных ополчениях, составляя главное полевое войско Московского государства. Все служилые люди были обеспечены поместьями от государства и получали время от времени денежные пособия, а иногда и ежегодное жалованье. Меньшинство имело свои наследственные вотчины, что, однако, не мешало искать поместий в придачу к вотчине. К служилым людям причислялись и гарнизонные люди: служилые казаки, стрельцы, пушкарки и т. п. Охраняя какой-либо город, эти люди жили в слободах под стенами своего города и вокруг этого же города имели общие пашни и угодья[16]. В XVII ст., подобно гарнизонному люду, в «слободах» устраивались регулярные полки солдат, рейтаров и драгун. Эти новые войска «иноземного строя» пополнялись вербовкою, или «прибором», в службу «гулящих людей», и к ним понемногу переходило главное значение в полевой московской армии.

Вот что застал Петр Великий. Борьба со шведами требовала от него регулярной армии. Понемногу он и перевел в регулярную службу всех дворян и служилых людей. Всякий служилый человек — от знатного московского дворянина до последнего пушкарка — одинаково записывался в службу и шел солдатом в регулярный полк или матросом во флот. Не более одной трети членов от каждой дворянской «фамилии» допускалось в гражданскую службу. Так как служба для всех служилых людей стала одинакова (они служили поголовно и бессрочно, с нижних чинов), то все прежние разряды служилых людей Петром были соединены вместе, в одно сословие, которому было присвоено новое название **шляхетства**. Служилая знать по закону перестала на службе отличаться от «обычных людишек»: все нижние чины — как знатные, так и незнатные, как из служилых семей, так и из простолюдинов — одинаково могли дослуживаться до высших чинов и занимать высшие должности. Порядок такой выслуги был точно определен «Табелью о рангах» (1722). В этой табели все офицерские, канцелярские и высшие государственные должности были распределены на 14 рангов, или «чинов», по их служебному старшинству и почету. Каждый, достигший должности низшего, 14-го ранга, мог надеяться, по мере способности и усердия, занять высшую должность и перейти в высший ранг. Начало личной выслуги окончательно восторжествовало здесь над «породою», началом знатности.

Уничтожив старые служебные порядки и повернув всех дворян в регулярные полки, Петр сделал положение дворян более тяжелым. Служить им стало гораздо труднее. Но этим не ограничились новые дворянские тяготы; Петр требовал, чтобы дворяне обязательно учились грамоте, цифири и геометрии, и необученных лишал права жениться и получить офицерский чин. С другой стороны, Петр ограничил землевладельческие права и льготы дворян. Он перестал давать им поместья из казны при поступлении на службу, а предоставил им за службу денежное жалованье. Те же вотчины и поместья, какими дворяне уже владели, он запретил дробить при передаче сыновьям и установил законом (1714), что дворянин может по завещанию передать свою землю одному из сыновей; если же завещания не окажется, то отцу наследует старший сын. (Этот закон иногда называется указом «о майорате».)

Меры Петра относительно дворянства отягчали положение этого сословия, но не меняли его отношения к государству. Дворянство, и прежде, и теперь одинаково, было обязано службою за право землевладения. Только теперь служба стала тяжелее, а землевладение стесненнее. Понятно, что дворянство роптало и пробовало всячески облегчить свои тяготы. Петр жестоко карал всякие попытки дворян уклониться от службы; но он сделал людям высшего старого дворянства одну существенную уступку. Он позволил знатной молодежи, «отецким детям», поступать по преимуществу в его любимые «гвардейские» полки, Преображенский и Семеновский, которые стояли в новой столице Петра — Петербурге. В конце царствования Петра оба эти полка стали по составу сплошь дворянскими и в них целые сотни солдат носили княжеские фамилии. Вышло так, что старые «дворяне московские» как бы превратились в новое «гвардейство». Допустив такой аристократический подбор людей в гвардии, Петр сумел воспользоваться им: он на родовитых и богатых офицеров и даже на простых солдат гвардии возлагал разные, иногда очень важные, поручения по делам казенного хозяйства и, таким образом, создал себе из них удобных, ответственных чиновников.

2. Городское сословие («посадские люди», «торговые люди») до Петра представляло собою очень малочисленный и бедный класс. Городской жизни с ее торговым и промышленным оживлением почти не существовало в Московском государстве. Только некоторые северные города отличались многолюдством и зажиточностью. Остальные же представляли собою, по словам Петра, «рассыпанную храмину» и имели одно лишь военно-административное значение. Только в 1649 г. закон отделил горожан от прочей массы податного народа в особое сословие (§ 82).

Между тем Петр за границей видел богатые и оживленные города; наблюдал веселую и культурную жизнь городского торгово-промышленного люда; знал, что городской торг и промысел считался на всем западе главным источником народного богатства. (Эпоха Петра В. была временем полного расцвета протекционизма и меркантилизма в Европе.) Сравнивая европейский город с русским, Петр поражаюсь противоположностью и всеми мерами хотел собрать рассыпанную храмину и создать на Руси городской экономически сильный и деятельный класс. С этой целью он освобождал горожан от так называемых «верных» (присяжных) служб у

казенных товарных складов и торгово-промышленных операций и расширил городское самоуправление. В 1720 г. был учрежден **главный магистрат**, которому Петр поручил заботы о городском сословии во всем государстве; а в следующем году главному магистрату дан был «регламент» (наказ), определивший общий порядок городского устройства и управления. Все города были разделены по числу жителей на классы. Жители городов делились на «регулярных» граждан и «нерегулярных» («подлых») людей. Регулярные граждане составляли две «гильдии»: в первую входили представители капитала и интеллигенции, во вторую — мелкие торговцы и ремесленники. Ремесленники делились на «цехи» по ремеслам. Нерегулярными людьми, или «подлыми» (то есть низшими), назывались чернорабочие. Город управлялся «магистратом» из бургомистров, избираемых всеми регулярными гражданами. Кроме того, городские дела обсуждались на посадских сходах или советах из тех же регулярных граждан. Каждый город был подчинен главному магистрату, минуя всякое другое местное начальство.

Так старался Петр В. поднять городское сословие, дать ему простор, вдохнуть в него жизнь. Но общий строй русской жизни, еще далекий от торгово-промышленного склада, и тяжелые войны Петрова царствования не позволили осуществиться мечтам Петра: русские города остались и после Петра в том же жалком положении, в каком были они раньше.

3. Крестьянство при Петре I пережило очень крупную реформу. Издавна прямая подать на Руси платилась с недвижимого имущества. Сначала брали ее с «паханой земли», которую исчисляли в «сохи» (особую податную единицу в несколько сот десятин земли); в XVII в. подати стали брать со «двора», разумея под ним крестьянское хозяйство (§§ 55, 79). Если ранее можно было облегчить свои платежи, сократив запашку и уменьшив площадь «паханой земли», то позднее можно было в один «двор» свести для этой цели несколько крестьянских хозяйств. Так и делали податные люди, сбиваясь по несколько семей в один двор и все вместе платя с одного двора. В разгар Шведской войны Петру пришлось заметить резкое уменьшение податных дворов в государстве, происшедшее от побегов, разорения, а также и от хитростей плательщиков. Лучшей мерой для борьбы с этим уменьшением была признана податная реформа. Было решено брать вперед не с имущества, а с людей, с «голов», и заменить таким образом подворную подать *подушную* («поголовщиной»). В 1718 г. начали перепись тяглых людей (в городах и уездах), записывая в «сказки» всех взрослых мужчин. Позднее назначили ревизию для проверки этой переписи, почему и самая перепись стала называться «ревизией», а списки плательщиков — «ревизскими сказками», сами же плательщики — «ревизскими душами». Когда ревизия определила число плательщиков в 5 млн. человек, то был определен размер новой подати: 74 коп. в год с частновладельческих людей и несколько больше с крестьян казенных.

Что касается крестьян казенных, то для них новая подать не имела особых последствий и не изменила их исконного общинного устройства. Но для частновладельческих крестьян она имела важные и неблагоприятные последствия.

Дело в том, что в каждом помещичьем хозяйстве рядом с крестьянами были устроены на пашне и холопы. Особенно часто, именно в XVII в., владельцы холопов, не довольствуясь услугами своей челяди во дворе, стали высаживать ее «за двор», в особые избы, и заставляли пахать землю. Холопы в древности податей не платили и никакого вообще отношения к государству не имели, ибо были частною собственностью своего господина. Но, заметив, что «задворные люди» ничем от крестьян не отличаются, правительство в конце XVII в. стало брать подати и с них, хотя задворные люди крестьянами и не значились. Этот обычай — считать задворных холопов податными людьми — повел к тому, что Петр велел во время своей «ревизии» записать всех холопов (и задворных и дворовых людей) в ревизские сказки и обложить их подушной податью наравне с крестьянами. С тех пор землевладельцы стали совершенно одинаково вносить подать и за крестьян своих, и за холопов, что с течением времени повело к совершенному смешению крестьян с холопами. Само правительство смешивало тех и других под одним наименованием «работных персон» и «помещичьих подданных». Так мало-помалу была подготовлена та форма крепостного права, которая в XVIII ст. превратила крестьян из государевых тяглых людей в полных господских рабов.

Итак, в конце царствования Петра Великого очень много изменилось в жизни сословий. Дворяне стали иначе служить. Горожане получили новое устройство и льготы. Крестьянство стало иначе платить и на частных землях слилось с холопами. Но государство при Петре продолжало смотреть на свои сословия так же, как смотрело ранее. Оно определяло их жизнь повинностью, а не правом. Всякий человек и всякая группа лиц жили не для себя, а «для государева и земского дела», должны были себя и имущество свое отдавать государству и быть его послушным орудием. При Петре такой порядок стал даже беспощаднее, чем раньше.

Петру Великому приписывают устройство в России регулярного войска. Это не совсем точно. Уже при царе Михаиле стали в Москве заводить регулярные полки иноземного строя (§ 79). Потешные полки Петра в этом отношении не представляли собою особой новости. Петр не выдумал нового рода войск, которого бы не знали его предшественники. Тем не менее военная реформа, произведенная Петром, очень важна и велика. Она состояла вот в чем.

Петр постепенно упразднил войска старого типа. Он уничтожил стрелецкие полки сразу после знаменитого стрелецкого розыска 1698 г. Он постепенно упразднял дворянские конные ополчения, привлекая дворян к службе в регулярных полках. Он постепенно преобразовал гарнизонных пушкарей, казаков и стрельцов в регулярные гарнизонные войска.

Петр увеличил число регулярных полков, сделав их единственным видом полевых войск. На комплектование этих полков были учреждены «рекрутские наборы» с податных сословий. В эти же полки обращались, за малым исключением, вся дворянская молодежь. Словом, была введена всеобщая воинская повинность, поголовная для дворян, рекрутская для прочих сословий (по рекруту приблизительно с 20 дворов). Только семьи духовенства были избавлены от солдатчины.

Так как регулярная армия Петра формировалась в военное время, в походах, то не было возможности устраивать солдатские полки по старому обычаю — слободами. Солдаты отрывались от своих семей и занятий, принадлежали исключительно службе, стояли в лагерях, а в мирное время жилали на «постое» в обывательских дворах. Долгое время у правительства не было средств на постройку казарм или слобод для новой громадной армии; поэтому при Петре регулярные войска получили совсем новое хозяйственное устройство, чем имели раньше.

Наконец, Петр приобщил к своей армии казачьи войска в качестве постоянной составной части. Раньше с донскими казаками надобно было договариваться о каждом походе или же нанимать их отдельными отрядами. Малороссийские же казачьи полки были автономными союзниками Москвы. Петр, после Булавинского бунта (§ 105), ввел на Дону свои порядки и точно определил число войск, какое должно было получать государство с Дона. Также и на днепровских казаков смотрел он как на безусловно ему подчиненных воинских людей.

Результаты военных преобразований Петра были поразительны: в конце его царствования он располагал армией, в которой было около 200 тыс. регулярных войск (полевых и гарнизонных) и не менее 75 тыс. казачьих иррегулярных; кроме того, во флоте считалось 28 тыс. человек, 48 кораблей и до 800 мелких судов.

§ 111. Реформы управления при Петре Великом

В Московской Руси система управления отличалась значительной простотой. Во главе всех дел стояла **боярская дума**, в которой бояре и думные люди, в присутствии царя и без него одинаково, слушали дела и «приговаривали», причем боярский приговор «по государеву указу» обращался в закон. Под руководством думы действовали «приказы» (§§ 55, 72), которые ведали либо определенный круг дел (Посольский приказ — внешние сношения, Разряд — военные дела), либо определенный круг лиц (Стрелецкий приказ — стрельцов, Холопий приказ — зависимых людей), либо, наконец, определенную часть государства (Казанский дворец, Сибирский приказ). Всех приказов было до 40; в них сидели бояре и дьяки (секретари) — сколько было нужно по количеству дел. Между приказами были распределены все города с их уездами. В каждом городе сидел воевода, а иногда вместо него **губной староста** (§ 78). Воеводы управляли городом и уездом, причем под их ведением находились выборные власти: **земские старосты** у тяглых людей и **окладчики** у дворян и детей боярских. Первые из них собирали подати, а вторые вели учет служилым людям. Выходило так, что каждый житель имел над собою своего окладчика или старосту; те повиновались воеводе; воевода — приказу; приказ — боярской думе с государем во главе. Такова была нехитрая лестница властей в Московском государстве.

Петр В. перестал созывать боярскую думу и все важнейшие дела и законы обсуждал сам, в своем «кабинете» (то есть в собственной канцелярии), с доверенными лицами и любимцами. Эти лица, однако, не составляли собою никакого учреждения, так что старая законодательная боярская дума осталась без всякой замены. Считалось, что всякий закон исходит прямо от лица государя. Для руководства же всем управлением и для высшего суда Петр в 1711 г. учредил **правительствующий сенат**. Сенат, состоявший из небольшого числа государем назначаемых лиц, сам не мог издавать законов; он только обнародовал данные ему государем законы и указы, следил за правильностью и законностью действий администрации и решал те дела,

административные и судебные, которые затрудняли низшую администрацию или же доходили до сената по жалобам. При сенате Петр учредил в 1722 г. особую прокуратуру для надзора за законностью действий администрации. Ее начальник, **генерал-прокурор**, имел контроль над самим сенатом, был в сенате «оком государевым» и служил посредником между государем и сенатом. Генерал-прокурору были подчинены обер-прокуроры и прокуроры, состоявшие для надзора при других учреждениях в столице и провинции. Сверх явного надзора Петром был учрежден при сенате еще и тайный присмотр: под начальством генерал- и обер-фискалов везде существовали фискалы, обязанные «тайно проводывать, доносить и обличать» злоупотребления должностных лиц. Кроме общего контроля и направления администрации, Петр передал сенату те дела старых московских приказов, которые не разместились по вновь учрежденным коллегиям. Поэтому сенат, например, ведал много дел о дворянстве, именно дела Разряда и Поместного приказа (генеалогические и земельные) и т. п.

Взамен старых приказов с 1718 г. стали действовать **коллегии**, из которых каждая имела определенный круг дел. Всех коллегий считали 12. Из них три было «главных», или «государственных» (военная, морская, иностранных дел); три коллегии ведали финансы (камер-коллегия ведала доходы, штатс-коллегия — расходы, ревизион-коллегия — контроль); три коллегии ведали торговлю и промышленность (коммерц-коллегия, мануфактур-коллегия и берг-коллегия). Остальные были: юстиц-коллегия, ведавшая надзор за судами; главный магистрат, ведавший города; духовная коллегия, или синод, управлявший церковными делами. В каждой коллегии дела обсуждались и решались присутствием (из президента, вице-президента, коллежских советников и асессоров), а исполнялись канцелярией (под начальством коллежских секретарей). Такой состав и тип учреждений был заимствован из-за границы и разработан лицами, знакомыми с заграничными коллегиальными учреждениями Швеции, Дании и Германии (голштинiec Фик, Брюс и др.). Петр везде старался насадить именно коллегиальные учреждения, так как твердо верил, что коллегиальный способ ведения дел есть наилучший.

В 1708 г. Петр впервые ввел в своем государстве деление на **губернии**. По несколько прежних уездов соединялись в «провинцию», а несколько провинций — в «губернию». Сначала было образовано 8 губерний, а затем число их стало постепенно расти. Во главе губернии стоял **губернатор** (или генерал-губернатор), подчиненный сенату; во главе провинций и уездов — **воеводы** (по-новому — «коменданты»). При них состояли выборные от дворян **ландраты**, позже — **земские комиссары**, помогавшие им в управлении как общим советом, так и порознь в уездах. В губерниях действовали новые «надворные суды». Надобно сказать, что Петру В. не удалось водворить в управлении губерний однообразный порядок и вполне провести предположенную систему; поэтому и при нем, и после его смерти в местном управлении России господствовал некоторый хаос.

Но во всяком случае остались в силе основания старого административного порядка. Как прежде, до Петра В., так и при нем каждый житель уезда или города имел над собою свою выборную власть (дворянки — земских комиссаров, горожанин — бургомистров) и через них подчинялся воеводе и губернатору. Эти же последние были подчинены сенату и в некоторых делах коллегиям, как встарь воеводы подчинялись приказам и думе. Таким образом, и до Петра, и при нем одинаково государство управлялось сверху чиновниками, а внизу выборными властями. Самоуправление было подчинено бюрократии, помогало ей управлять и само имело узкосословный характер. Только при Петре В. было нарушено старое единство подчинения. Прежде воевода ведал всех в уезде, а теперь города подчинены не воеводе, а главному магистрату. Прежде все воеводы ведались приказами, а теперь губернаторы и воеводы подчинены прямо сенату, а не коллегиям. Сенат руководит отдельно коллегиями, отдельно — губерниями, отдельно — городами. Словом, дело управления значительно усложнилось и не во всех частях было одинаково выработано.

§ 112. Финансовые и экономические реформы Петра Великого

До Петра московское правительство одну половину своих доходов получало в виде прямых податей, а другую собирало в виде пошлин и доходов от продажи казенных товаров (регалий). Было уже рассказано, как Петр изменил прямую подать (§ 109). Сделав ее подушной и распространив ее на холопов, Петр увеличил это податное поступление значительно. Но столь же значительно поднял он и косвенные налоги, не только увеличив вообще пошлины, но изобретая и новые источники казенного дохода. При нем впервые была пущена в обращение «орленая» (гербовая) бумага; стали брать пошлины с бань, с продажи дубовых гробов, с бород тех «бородачей», которые не хотели бриться, и т. д. Казна деятельно искала себе новых статей дохода; была

учреждена даже особая должность «прибыльщиков», обязанных следить за правильностью поступления доходов и измышлять возможное их увеличение, «прибыль». В видах увеличения средств казны Петр изменил вес и чекан монеты. До него в Москве ходили иностранные ефимки (талеры), а русская монета чеканилась только мелкая — деньги и копейки (§§ 79, 83). Петр указал чеканить новые рубли и полтины, однако с тем, чтобы рубль был равен не двум ефимкам, как раньше, а только одному, а полтина была в половину ефимка. (Чтобы не смущать народ легким весом новой монеты, на монете делали надпись: «монета добрая, цена рубль».) В результате Петру удалось очень поднять государственные доходы. До него казна получала до 2,5 млн. руб. в год (старою монетою), а в конце царствования Петра В. доходы возросли до 10 млн. с лишком (новою монетою).

Разумеется, такой рост доходов казны нелегко пришелся народу, который на себе вынес тягости долголетней войны, давая государству не только деньги, но и солдат, лошадей, подводы, рабочих. Петр понимал, какую тяготу наложил он на страну, и поэтому желал прийти на помощь своим подданным, улучшить условия их труда, поднять их благосостояние. Как все государственные люди той эпохи, главное богатство страны он видел в деньгах, в золоте и серебре и думал, что всего легче привлечь в государство драгоценные металлы торговлей, устроив торговый оборот так, чтобы больше товаров вывозить за границу, а меньше ввозить и разницу получать деньгами, в которых и будет заключаться барыш. Для такой цели Петр всячески поощрял торговлю и покровительствовал ей. Балтийское море он ценил как удобный торговый путь и всячески притягивал к нему товары, устраивая пути к нему по суше и рекам (каналы Вышневолоцкий и Ладожский). Зная бедность русских горожан, он советовал им соединяться в компании и привлекал к торговле дворян. Чтобы было чем торговать с заграницей, кроме малодоходного сырья, Петр всячески поощрял промышленность, сам заводил фабрики, пускал их в ход и затем передавал в частные руки. Он искал также новые природные богатства, на которые можно было бы направить предприимчивость промышленного люда. При нем были впервые оценены минеральные богатства Уральских гор; был найден на юге каменный уголь, с которым Петр еще не знал, что делать. Словом, Петр сознательно и деятельно искал средств народного обогащения и желал подъема производительности в своем народе. Для этой цели он применил принятую в то время в Западной Европе систему протекционизма, опекая каждый шаг народной торговли и производства. Рядом указов и распоряжений Петр предписывал, как обрабатывать руду; приказывал косить, а не жать хлеб; беречь леса; разводить табак, шелк и вино; улучшить породу скота; ткать холсты; публиковал заграничные цены на товары, «дабы знали, где что дешево или дорого», и т. д., и т. д. Петр всему хотел указывать и все хотел направлять к общей пользе государства.

§ 113. Церковное управление

Поведение Петра, его нелюбовь к московской старине и «немецкий» характер его реформ вооружали против Петра слепых ревнителей старины. Представители «старой веры», раскольники, ненавидели Петра и почитали его прямо антихристом. И между «никонианами» находилось достаточно людей, которые не могли примириться с Петром и думали, что необходимо протестовать против его действий и нравов. Все такие люди искали опоры в патриархе и ждали, что именно он и возьмет на себя долг стать против «ересей» Петра. Бывший в юности Петра патриархом Иоаким, как уже сказано (§ 100), очень далеко разошелся с государем в отношении к иноземцам. Его преемник Адриан (1690–1700) был менее настойчив и крут, чем Иоаким, но также не сочувствовал Петру и не скрывал своего осуждения всему тому, что делал молодой государь. Также несочувственны были Петру и прочие архиереи старого московского направления. Так, например, знаменитый св. Митрофан Воронежский умел поддерживать Петра в его борьбе за Азов, но открыто осуждал его за пристрастие к иноземному. При таких обстоятельствах, когда Адриан умер (1700), Петр и не решился избрать нового патриарха. Он поручил исправление патриаршей должности («местоблюстительство патриаршего престола») Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому и надолго оставил этот временный порядок. Только в 1721 г. последовала реформа церковного управления, которую Петр обдумал со своим любимцем и сотрудником, ученым псковским епископом Феофаном Прокоповичем. Реформа состояла в том, что патриаршество было упразднено вовсе и заменялось «соборным управлением». Учреждена была из лиц, принадлежащих к духовенству, духовная коллегия, названная синодом. Состав синода был такой же, как и прочих коллегий: президент (Стефан Яворский), два вице-президента (из них один был сам Феофан Прокопович), советники, ассессоры и секретари. При синоде состоял и обер-прокурор. В делах веры синод имел силу и власть патриаршескую, но вместе с тем он стоял в ряду прочих коллегий, подчиняясь надзору генерал-прокурора и сената. Так разрешил Петр вопрос о церковном управлении, коренным образом уничтожив возможность столкновения представителей царской и церковной власти.

При Петре было очень сокращено, можно даже сказать, почти уничтожено еще существовавшее в XVII в. церковное общество (§§ 12, 14). Церковные крестьяне в 1701 г. были, вместе с вотчинами духовенства, переданы в управление светского «монастырского приказа» и доходы с них стали собираться в казну, а казна по установленным штатам выплачивала от себя постоянные ежегодные оклады их прежним владельцам. (С течением времени синод исхлопотал, чтобы управление церковных вотчин перешло от «гражданских правителей» в ведение синода.) Рекрутская повинность и подушная подать были распространены на всех приписанных к церкви людей, кроме только священнослужителей и церковнослужителей с их семьями. Право церковного суда было ограничено: многие дела были переданы в ведение светского суда, а в церковном суде стали участвовать представители светской власти. Наконец, в 1724 г. Петр издал особый закон о монашестве, который ставил иноков под строгий надзор и вовсе уничтожал состояние переходных, бродячих монахов. Поводом к изданию этого закона послужило известное Петру враждебное отношение монашества к его деятельности и личности. Таким образом, при Петре государственная власть сильно ограничила состав церковного общества, взяв из него в государственное подчинение большую часть составлявших его лиц, и установила больший контроль над внутренней жизнью и деятельностью церкви.

§ 114. Просвещение

Вся деятельность Петра В. была направлена к тому, чтобы открыть для его государства возможность просвещения. Стремление к морям, сближение с иностранцами, переделка внутренних порядков на европейский лад — все это имело целью усвоить Руси блага общечеловеческой культуры. Вся работа Петра точно соответствовала тому девизу, который был вырезан на одной из частных печатей Петра Великого: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Именно потому, что вся жизнь, личная и общественная, для Петра была сплошным учением и усвоением полезных знаний и навыков, самая наука представлялась Петру прежде всего с практической ее стороны. Выучиться чему-нибудь необходимо было для жизни, для дела, для того, чтобы тотчас приложить знание на практике. Дворянин должен был знать грамоту и счет — для пользы службы, к которой он готовился с молодости. Для пользы службы надо было дать служащим техническую выучку. Так возник при Петре ряд практических школ для преподавания знаний по грамоте русской, по иностранным языкам, по математике, морскому делу, инженерному делу, счетоводству и т. д. Узкопрактический характер этого элементарного обучения создал общее мнение, что просвещение при Петре было исключительно утилитарным, руководилось только соображениями практической пользы.

Но Петру очень свойственна была мысль о необходимости просвещения и науки вообще. Он принимал меры и к тому, чтобы, независимо от надобностей данной минуты, вообще поднять культурный уровень общества. Для этого, например, Петр заботился о переводе с иностранных языков разного рода полезных книг и об издании их в свет. Переводить он приказывал общедоступным разговорным языком, а не высоким славянским книжным слогом. Печатать же книги Петр приказывал новым упрощенным шрифтом («гражданской азбукой»), причем сам придумал форму этого нового шрифта. Для распространения в обществе политических сведений и новостей, а также разного рода правительственных извещений Петр начал издавать в Москве «Ведомости о военных и иных делах» (1703). Эти «Московские Ведомости» были первой русскою газетою. В конце своего царствования Петр задумал и совершенно подготовил учреждение в Петербурге академии наук для научных исследований и обучения наукам. В эту академию были вызваны ученые из Германии в надежде, что они со временем подготовят и русских ученых.

Петр думал не только об образовании, но и о воспитании русских людей, о создании новых форм общественности и сближении русских нравов и обычаев с европейскими. Перемена костюмов и причесок была первым шагом в этом направлении. Чтобы научить, как держать себя в обществе по-европейски, учтиво и прилично, Петр приказал перевести и напечатать особое руководство хорошего тона: «Юности честное зерцало или показание житейского хождения». Петр охотно устраивал разного рода публичные церемонии и праздники, показывая народу образчики общественных торжеств на европейский лад. В особенности любил он уличные маскарады, состоявшие из мифологических и этнографических шествий и картин, и сам лично принимал участие в этих шуточных торжествах. (Надобно, впрочем, заметить, что по грубости нравов той эпохи подобные торжества иногда переходили в мало назидательный разгул.) Самым же оригинальным средством перевоспитать общественные нравы при Петре явились «ассамблеи». Это были публичные собрания, которые, по приказанию царя, устраивались по известной очереди в домах знатных и богатых людей. На ассамблеи все дворяне и знатные горожане могли являться без зова со своими семьями. Петр желал, чтобы от ассамблей не уклонялись, и потому на ассамблею многие ездили и возили своих жен и дочерей иногда и против воли. Самая ассамблея состояла в том, что гости беседовали, танцевали, играли в

разные игры, пили и ели. Церемоний при этом не было, и хозяева даже не встречали гостей.

§ 115. Семейные дела Петра Великого

Петр окончательно расстроил свое здоровье осенью 1724 г., простудившись при спасении солдат, тонувших в бурю на петербургском взморье. Всю зиму он хворал, но крепился, пока не слег окончательно в январе 1725 г. Скончался он 28 января 1725 г. и оставил неустроенной судьбу своего престола.

Семейные дела Петра Великого были не во всем благополучны. От первого брака с нелюбимой им Евдокией Федоровной (Лопухиной) у Петра был сын царевич Алексей, родившийся в 1690 г. Когда в 1698 г. Петр расторг свой брак с Евдокией и отправил ее в монастырь, мальчик остался в Москве на попечении у своих теток-царевен. Петру некогда было заниматься своим сыном, и царевич попал под враждебные Петру влияния. Он жалел свою мать, не любил отца, учился нехотя и не сочувствовал ничему тому, что делал отец. По характеру робкий и уклончивый, он не имел мужества говорить с отцом прямо и откровенно, и потому Петр долго не понимал, почему сын так неохотно исполняет поручаемые ему дела. Приписывая это только лени, Петр всячески втягивал сына в работу, старался сделать его европейцем и женил его на немецкой принцессе (Софии-Шарлотте Вольфенбюттельской). Но жена царевича скоро умерла, оставив сына-малютку Петра (1715). К этому времени Петр В. уже убедился, что из Алексея прока не будет, и потребовал от сына, чтобы тот или переменил поведение, или отрекся от престола. Алексей отрекся, а затем убежал за границу к германскому императору (Карлу VI) и просил у него защиты от отца. Но Петр отправил за сыном ловких людей (П. А. Толстого и др.), которые убедили царевича вернуться домой. Когда царевич приехал в Москву, над ним и его друзьями начался розыск. Петр нашел признаки заговора против себя среди приятелей сына и отдал как этих приятелей, так и самого царевича под суд. По тогдашним законам, за всякое умышление против царя полагалась смертная казнь. Верховный суд, составленный из важнейших сановников, приговорил и Алексея к смертной казни. Но царевич умер до казни в Петропавловской крепости (1718).

С 1712 г. Петр состоял в негласном браке с простой женщиной Екатериной Алексеевной, взятой в плен в Лифляндии русскими войсками в начале Северной войны. Попад в дом к Меншикову, Екатерина там стала известна Петру и приглянулась ему. До конца своей жизни он ценил ее отличный характер, ее хозяйственность и умение приспособиться ко всякой обстановке. В 1724 г. он даже короновал Екатерину, дав ей титул «императрицы, ее цесаревина величества». Дети Петра и Екатерины умирали в младенчестве; выросли лишь две дочери: Анна и Елизавета. Старшая из них, Анна Петровна, была перед кончиной Петра обручена с герцогом Голштинским. В составе царской семьи были еще и племянницы Петра Великого, дочери царя Ивана. Одна из них, Анна, была замужем за герцогом Курляндским и рано овдовела; другая, Екатерина, была выдана замуж за герцога Мекленбургского.

Итак, ко времени кончины Петра Великого царская семья состояла вся из женщин; маленький внук государя царевич Петр Алексеевич представлял собой единственное исключение. Можно поэтому понять те побуждения, по каким Петр Великий в 1722 г. издал свой закон о престолонаследии. По этому закону 1722 г. государь мог сам избрать себе наследника, не стесняясь династическими отношениями; мог даже раз избранного переменить, если тот оказывался недостойным. Петру хотелось обеспечить себе свободу передачи власти при отсутствии сыновей. В оправдание этого закона Феофан Прокопович (§ 113) напечатал тогда же целую книгу философских и богословских рассуждений под названием «Правда воли монаршей».

§ 116. Вопрос о престолонаследии после кончины Петра Великого, Екатерина I

Петр Великий не оставил после себя никакого распоряжения о престоле и не успел воспользоваться законом 1722 г. о престолонаследии. По составу императорской семьи нельзя было решить, кто больше всего имеет прав на престол. (Состав императорской семьи виден из следующей родословной таблицы:

Единственный внук Петра Великого, сын царевича Алексея, был так мал (10 лет), что требовал над собой опеки; а женщинам вообще не повелось быть на царстве. Шли толки о том, что Петр короновал свою супругу Екатерину именно для того, чтобы оставить ей царство. Но говорили и о том, что Петр больше всего склонен был передать престол дочери Анне, очень способной и умной. Словом, не знали, кого считать преемником первого императора. Не знали также, кому следует решать вопрос о престоле, если нет законных о нем

распоряжений.

При таких условиях особую важность получала та среда, которая окружала монарха, с которой он правил, которой доверял дела государства. Эта среда образовалась исключительно по личному выбору Петра, умевшего отыскивать способных людей в самых различных слоях общества. Среди сотрудников Петра были люди из старой московской знати (князя Голицыны, князя Долгорукие, князь Репнин, Б.П. Шереметев и др.); были рядовые дворяне (Апраксины, Нарышкины, Головкины, Толстые); были люди без рода и племени (знаменитый любимец Петра Александр Данилович Меншиков; первый генерал-прокурор Ягужинский; дипломат Шафиров); были, наконец, иностранцы, которых Петр жаловал, но не сажал на высшие должности (таковы: дипломаты Остерман и Брюс, инженер генерал Миних). При Петре Великом, под его железною рукою, все эти люди одинаково чувствовали себя «птенцами гнезда Петрова», жили и работали вместе, знали ход дел, знали намерения Петра, были правительством. Конечно, именно им было суждено после смерти Петра вести дальше Россию; они скорее всего могли определить, кому надлежит передать престол Петра Великого.

Эти люди собрались, в минуту смерти Петра, во дворце и стали рассуждать о судьбах престола. Старая знать, во главе с сенатором кн. Дм. Мих. Голицыным, желала воцарения маленького Петра Алексеевича. Меншиков же и другие вельможи, подобно ему незнатные, желали провозгласить императрицей Екатерину. Меншиков устроил так, что ко дворцу пришли оба гвардейские полка и довольно ясно и настойчиво высказались в пользу императрицы. Это вмешательство «гвардейства» решило дело, и Екатерина была провозглашена императрицей; а вся власть перешла к Меншикову, который всегда был в отличных отношениях с Екатериной.

Так начался в России период временщиков. В составе династии не было людей, способных держать власть в своих руках, и она переходила в руки придворных вельмож — случайных любимцев, «временщиков», «сильных персон». Если бы сотрудники Петра составляли дружную и одинаково благонамеренную среду, они поддержали бы своих государей так, как в далекой древности московское боярство поддержало московских князей (§§ 43, 54). Но вельможи Петра на беду не были дружны и солидарны. Они враждовали друг с другом и были своекорыстны. Поэтому те из них, которые получали влияние и власть, обыкновенно употребляли их в свою личную пользу и против своих личных недругов. Государство терпело от этого страшный вред, потому что никто не думал о народном благе и государственных интересах. Общество страдало от произвола и злоупотреблений, а придворная жизнь обращалась в ряд интриг, насилий и переворотов. Немудрено, что период временщиков, тянувшийся 17 лет (1725–1741), оставил по себе самую печальную память у русских людей.

§ 117. Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна и Анна Леопольдовна

Вот главные события дворцовой и правительственной жизни этого периода. Когда императрица Екатерина передала всю власть своему фавориту Меншикову, то среди других сановников началось сильное недовольство против временщика, который держал себя заносчиво и злоупотреблял своим влиянием. Во главе недовольных стоял князь Дм. Мих. Голицын, старый вельможа, помнивший допетровские порядки. Он всегда думал, что уничтожение боярской думы было ошибкой Петра и что необходимо теперь устроить такое учреждение, которое имело бы законодательный характер (сенат его не имел). Если бы существовало такое «вышнее правительство», то, по мнению Голицына, невозможно было бы возвышение отдельного временщика: правила бы не одна «сильная персона», а целое учреждение. По настоянию Голицына и его друзей, такое вышнее правительство и было учреждено (1726). Оно получило наименование **Верховного Тайного совета** и состояло из шести наиболее видных сановников. Туда вошли и Меншиков, и Голицын. Новый совет должен был при государыне обсуждать все важные внутренние и внешние дела государства, и государыня обещала мимо совета никаких указов не выдавать. Сенат и синод были подчинены новому совету и потеряли свой титул «правительствующих»; должность генерал-прокурора была упразднена, потому что ее взял на себя верховный тайный совет.

Всем казалось, что наступил новый порядок и что государыня как бы поступила в опеку «верховников». Но на деле продолжалось старое: Меншиков за спиною у совета продолжал вертеть делами и держать себя фаворитом. Для того, чтобы окончательно укрепить себя при дворе, он упросил Екатерину назначить, по закону 1722 г. (§ 115), преемником престола великого князя Петра Алексеевича и женить будущего государя на дочери его, Меншикова. Екатерина согласилась. Вскоре затем она скончалась (1727). По ее завещанию на престол вступил 12-летний император Петр II. Меншиков как нареченный тесть императора перевез его в свой дом и стал управлять за него делами как государь. Стало быть, учреждение верховного тайного совета не

помогло против временщика.

Тогда среди придворной знати нашлись люди, которые сумели иными средствами уничтожить влияние Меншикова. Семья князей Долгоруких, через молодого князя Ивана Долгорукого, вошла в доверие к маленькому императору, восстановила его против Меншикова и научила, как от него избавиться. Петр II объявил Меншикову ссылку (сначала в его имение, а затем в г. Березов на р. Оби) и приблизил к себе Долгоруких. Новые «сильные персоны» оказались не лучше Меншикова. Они захотели, как раньше Меншиков, породниться с государем и сделать Петра II женихом одной из княжен Долгоруких. Как и Меншиков, Долгорукие не стеснялись распоряжаться во дворце помимо верховного совета. Двор переехал в Москву для коронации императора, и там Долгорукие, закружив маленького государя в вихре удовольствий, не уберегли его от простуды. Простуда перешла в опух, и Петр II скончался в январе 1730 г., не оставив завещания.

По завещанию же императрицы Екатерины престол должен был теперь перейти к одной из дочерей Петра. Однако члены верховного тайного совета, верховники, собравшись на совещание после смерти императора, решили иначе. Своим кружком (всего человек десять) они избрали на престол представительницу старшей линии царского дома, дочь царя Ивана, курляндскую герцогиню Анну. А для того, чтобы устранить возможность появления временщиков и чтобы «себе воли прибавить» (по словам кн. Дм. М. их. Голицына), верховники решили предложить новой государыне «кондиции», то есть ограничительные условия, и взяли для них образцом шведские законы, определявшие в Швеции соправительство сената с монархом. Тайно от всех других сановников верховники составили ограничительную грамоту в такой форме, будто бы сама Анна по своему собственному почину обещает, принимая русский престол: 1) замуж не выходить и наследника себе не назначать, 2) править страной во всем с согласия верховного тайного совета, который сам будет избирать своих членов и назначать чиновников на все важнейшие должности, и 3) предоставить власть над войсками и гвардией верховному тайному совету. Эти кондиции верховники послали к Анне в Митаву, где она жила. Анна согласилась принять престол на «кондициях», подписала их и выехала в Москву. Между тем в Москве верховники своих кондиций не объявили, а просто сообщили духовенству, сенаторам и дворянству о их мысли избрать на престол герцогиню Анну, на что и получили общее согласие.

В ту пору, по случаю долговременного пребывания в Москве императорского двора, там была вся гвардия и собралось много дворянства. Слухи о каких-то тайных кондициях проникли в дворянскую среду и страшно взволновали ее. Так как почти все из верховников принадлежали к древней знати (двое князей Голицыных, четверо князей Долгоруких), то их «затею» сочли за желание устроить боярскую олигархию и «вместо одного самодержавного государя десять самовластных и сильных фамилий». Дворяне были недовольны. «Так мы, шляхетство, совсем пропадем», — говорили они. Когда в Москву пришла весть о согласии Анны принять престол и о том, что она сама «накрепчайше обещается» отменить самодержавие и править с верховным тайным советом, то дворянство сейчас же стало просить позволения обсудить новый порядок вещей. Получив разрешение собираться, дворяне образовали несколько кружков. Все были против верховников; но одни думали, что надо восстановить самодержавие, а другие, — что надо изменить ограничения в пользу всего дворянского сословия. В этом смысле дворянами было составлено несколько проектов и передано в верховный тайный совет. Верховники, однако, оставили их без движения. Тогда, дождавшись приезда Анны в Москву, дворянство толпой пришло (25 февраля 1730 г.) во дворец и беспорядочно стало просить императрицу и о том, чтобы «пункты отставить», и о том, чтобы рассмотреть дворянские проекты. Анна просила их сговориться и соблюдать порядок. После некоторой беседы взяли верх те, кто желал восстановления самодержавия, и тогда все челобитчики уже согласно попросили императрицу «принять самодержавство», «уничтожить верховный тайный совет» и «восстановить в правах сенат». Анна исполнила эту просьбу шляхетства и своими руками надорвала подписанный ею лист с ограничительными пунктами.

С уничтожением верховного тайного совета потеряли свое значение верховники и тотчас же обозначились новые временщики. Анна не доверяла не только верховникам, которые поднесли ей пункты, но и вообще шляхетству, среди которого шли толки о желательности изменить пункты в пользу всего шляхетства. Поэтому Анна окружила себя своими курляндскими друзьями-немцами. Первое место среди них занимал курляндский ее камергер фон Бирон, а затем братья Левенвольд. Они поставили во главе управления тех немцев, каких застали уже в России: Остерман стал управлять всеми гражданскими делами, Миних занял первое место в войсках. А затем, на различные должности при дворе, в дипломатии и в армии определялись остзейские немцы. Было образовано два новых гвардейских полка (Измайловский и Конный), с остзейскими офицерами и начальством, как бы в противовес старым полкам, Преображенскому и Семеновскому. Таким образом, немцы стали играть главные роли в русском государстве. По виду всеми делами руководил учрежденный Анной (1731) «кабинет», в котором было три «министра»; на деле же самым явным временщиком был Бирон.

Время власти Бирона русским людям казалось ужасным. Бирон не любил России и презирал русских, а сам был дурным, невежественным, грубым и злым человеком. Бирон и его приспешники вовсе не думали о

народном благе, а сама императрица Анна была предана лишь удовольствиям. Поэтому все старания придворных направлялись к тому, чтобы собрать как можно больше денег для двора. Подати и недоимки взыскивались беспощадно, причем за крестьян-недоимщиков отвечали и помещики, и местные чиновники. Когда же начинался ропот, виновные даже в пустейших разговорах забирались в «тайную канцелярию», которая ведала политические преступления; там их пытали и подвергали жесточайшим наказаниям. Конечно, Бирон понимал, что жадностью и жестокостью не приобрести народной любви, и потому он боялся бунтов. Для того, чтобы предупредить их, он поощрял доносы и развил целую систему наушничества. Доносчики постоянно объявляли за собой «слово и дело» (то есть донос) и клеветали, на кого хотели, подвергая невинных людей пыткам и наказаниям. Сам Бирон, боясь русской знати, побуждал Анну к гонениям на разных вельмож. Казни и ссылки постигли князей Голицыных, Долгоруких, Юсуповых и других, хотя никто из них ничего не умышлял против императрицы. Всякое противодействие Бирону влекло за собою его месть. Кабинет-министра Артемия Петровича Волынского он довел до смертной казни (1740) за то, что тот дерзал быть самостоятелен в делах и говорил императрице против временщика. Такое поведение и правление Бирона возмущало всех и получило особую кличку «бионовщины», под которой разумели жестокость и корыстолюбивую эксплуатацию страны, соединенную с системой доносов.

Десять лет продолжалось на Руси господство придворных немцев. Государство страдало и жило в постоянном страхе доносов и жестоких гонений. А двор утопал в роскоши и вел веселую и расточительную жизнь. Балы и маскарады, охоты и другие увеселения шли непрерывной вереницей. Грубоватый вкус Анны вел к тому, что ее забавы носили странный, с нашей точки зрения, характер. Дворец был полон малоумными шутами и комичными уродами, которыми любила развлекаться императрица. Для шутовской свадьбы однажды построен был даже ледяной дом на Неве, освещенный изнутри, и в нем был дан шумный праздник. Негигиеничная жизнь рано расстроила здоровье императрицы Анны, и она скончалась в 1740 г., оставив престол сыну своей племянницы Анны Леопольдовны и Брауншвейгского принца Антона только что родившемуся Иоанну Антоновичу. Так как новорожденный император не мог сам править, то регентом до его совершеннолетия Анна назначила Бирона, который к тому времени был по желанию Анны избран герцогом Курляндским.

Русские люди ничего не могли предпринять против власти Анны, хотя и не были довольны ее правлением: Анна была дочерью русского царя. Но власти регента Бирона они не желали подчиниться. Возбуждение гвардии против Бирона было так велико и явно, что фельдмаршал Миних легко арестовал Бирона во дворце с помощью караула Преображенского полка и передал регентство матери императора, Анне Леопольдовне. Когда же стало ясно, что эта правительница не способна вести управление и что при ней немцы остались в прежней силе, то и против Анны Леопольдовны началось движение «гвардейства». Солдаты и офицеры обратились к жившей тогда в Петербурге дочери Петра Великого, Елизавете, с прямой просьбой взять престол от немцев: «Матушка! Мы все готовы», говорили они: «Только ждем твоих приказаний, что, наконец, велишь нам». О том же старался французский посланник в Петербурге маркиз Шетарди: для Франции была бы важна в ту минуту перемена немецкого правительства в России на другое, менее враждебное видам Франции. Под влиянием Шетарди и своего доктора Лестока (француза), через которого Шетарди действовал, Елизавета, наконец, решилась на переворот. Она отправилась ночью (25 ноября 1741 г.) в казармы Преображенского полка и оттуда с одной ротой солдат (получившей позже титул «лейб-компании») двинулась во дворец, арестовала «Брауншвейгскую фамилию» (то есть императора Иоанна и его родителей) и объявила себя императрицей. Падение немецкого правительства вызвало всеобщий восторг, а национальное и гуманное правление Елизаветы сделало власть ее прочною и популярною. С восшествием на престол Елизаветы окончился мрачный период временщиков.

Итак, начался этот период тем, что Меншиков овладел как временщик правлением и готовился породниться с царской семьей. Свергли его Долгорукие и, завладев властью, также надеялись войти в родство с императором. Старый князь Дм. Мих. Голицын думал бороться с временщиками посредством такого учреждения, которое, ограничив власть монарха, уничтожило бы самую возможность появления фаворитов. Но его «затейка» не удалась, и при императрице Анне явились новые фавориты. На этот раз ими были немцы: господствовал Бирон, а правили делами сотрудники Петра Великого: Остерман и Миних. Интересна известная последовательность в смене временщиков: сперва, в лице Меншикова и его друзей, главное место занимали неродовитые сотрудники Петра, затем возобладали представители старой знати, а затем делами овладели инородцы. Во взаимной вражде и борьбе временщики и придворные партии искали себе опоры и поддержки в «гвардействе». Меншиков с помощью гвардии настоял на воцарении Екатерины. В толпе дворян, пришедших к Анне во дворец жаловаться на верховников, именно гвардейство настояло на восстановлении самодержавия. Миних сверг регента Бирона с помощью гвардейцев. Елизавета воцарилась с помощью тех же гвардейцев. Словом, гвардейские полки являлись тою силою, которая поддерживала или же ниспровергала известных лиц или же политический порядок. Так как гвардия имела, как мы знаем (§ 109), определенный сословный состав,

именно дворянский, то, стало быть, главная сила в столице принадлежала шляхетству, дворянам, имевшим военную организацию. Так понимали дело и сами гвардейцы, и правительство. Гвардейцы чувствовали свое значение, когда сами предлагали Елизавете принять власть. Императрица Анна и правительница Анна Леопольдовна, каждая по-своему, опасались шляхетской гвардии и следили за ее настроением. Такой рост политической силы дворянства составляет самое главное и важное явление изучаемого периода временщиков. Оно имело большие исторические следствия.

§ 118. Внутренние дела России при Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне

Во внутреннем управлении России в период временщиков надобно отметить прежде всего некоторые изменения в административных порядках Петра Великого. Было уже указано, что при Екатерине I был образован верховный тайный совет (1726), вследствие чего уничтожена должность генерал-прокурора и умалено значение сената и отчасти синода. В политическом отношении верховный тайный совет в глазах его учредителей был средством против временщиков, а потом и против самой самодержавной власти. В административном же отношении совет восполнял недостаток такого законодательного учреждения в системе Петра Великого, каким была до Петра боярская дума. Именно верховный тайный совет вел все управление государством, вследствие личной бездеятельности Екатерины I и Петра II. За то, что совет покусился на ограничение верховной власти, он был уничтожен (1730); права сената и должность генерал-прокурора были восстановлены; но тотчас же возникло подобное уничтоженному совету учреждение — кабинет. Оказалось, что и при императрице Анне надобно было сосредоточить руководство делами в одном «вышнем правительстве», так как сама императрица не занималась делами. Таким образом администрация Петра Великого была дополнена высшим законодательным учреждением. В составе этой администрации были произведены затем некоторые другие перемены с целью ее упрощения. В особенности упрощено было местное управление, так как губернские учреждения Петра Великого найдены слишком сложными и дорогими. К экономии должно было тогда стремиться потому, что народ был, можно сказать, разорен войнами начала XVIII ст. Приходилось облегчать и уменьшать податные тяготы, терпеть и прощать недоимки, давать большую, чем при Петре, свободу деятельности торговым и промышленным людям. Верховный тайный совет старался это делать с большим вниманием; наоборот, «бироновщина» не хотела знать народной бедности и жестоко тняла средства из народа.

В положении сословий в период временщиков также произошли некоторые перемены. Изменилось несколько положение шляхетства в том отношении, что дворянские служебные обязанности были облегчены, а землевладельческие права увеличены. Таким образом, общее положение шляхетства улучшилось. Причина этого, между прочим, заключалась в той роли, какую стало играть дворянское «гвардейство» в столице. Став там силой, на которую опиралась власть, гвардейские полки естественно получали награды за свою преданность и службу. Но так как гвардейство было дворянством, то и награды гвардии имели характер шляхетский, доставались всему дворянству. В 1730 г., встав против «затейки» верховников, дворяне в Москве стали писать свои проекты нового государственного устройства. В них, кроме пожелания, чтобы в управлении государством участвовало все шляхетское сословие, а не одни верховники, заключались еще и другие дворянские желания. Дворяне просили установления 20-летнего срока дворянской обязательной службы, открытия льготных школ для шляхетских детей, отмены закона о единонаследии в дворянских имениях, данного в 1714 г. Когда Анна восстановила самодержавие, то просьба об участии дворян в управлении упразднилась сама собой, так как сами же дворяне просили императрицу отменить ограничения. А все прочие просьбы шляхетства императрица сочла нужным удовлетворить ввиду заслуг шляхетства при уничтожении «затейки» верховного совета: 1) был установлен для дворян срок обязательной службы в 25 лет, так что в 45 лет дворянин уже был свободен от службы; сверх того, разрешалось в многолюдных семьях одному из братьев не служить вовсе; 2) был отменен закон 1714 г. о единонаследии, и дворянам возвращено право завещать свою землю всем сыновьям, причем как вотчины, так и поместья (то есть казенные земли) были обращены одинаково в собственность дворян под именем «недвижимых имуществ»; 3) был в Петербурге учрежден «корпус кадетов» (иначе «сухопутный шляхетский корпус») из двухсот молодых дворян, которые учились общим и военным наукам и получали право по окончании курса выходить на службу прямо в офицерские чины. Эти три меры внесли большое улучшение в шляхетский быт. Служба стала легче, землевладение свободнее; сверх того, часть дворян могла жить, по закону, вне службы и хозяйничать, тогда как ранее все дворяне поголовно и бессрочно были привязаны к службе. Таким образом, шляхетству стало лучше жить.

Напротив, крестьянам, владельческим в особенности, жить стало труднее. При немецком правительстве

имп. Анны на крестьянские нужды обращали внимание лишь на словах, на деле же с крестьян нещадно взыскивали тяжелые подати. Так как с владельческих крестьян подати и недоимки должен был доставить казне владелец-помещик, то правительство давало помещикам все большую и большую власть над крестьянами. В законе не было еще общего определения крепостного права помещика на крестьян; но в жизни это право уже выросло, и для помещика его крестьяне были такие же «подданные», как в старину холопы. Крестьянин без разрешения помещика не мог предпринять ничего; казна не вступала с ним ни в какие отношения помимо его владельца, даже не принимала его в военную службу. Помещик мог переселить крестьянина с одной земли на другую; в случаях какого-либо неповиновения крестьян помещик мог требовать себе содействия властей.

§ 119. Внешняя политика России при Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне

Из внешних дел периода временщиков следует отметить, во-первых, что в царствование императрицы Анны (1732) Персии были возвращены взятые у нее при Петре Великом города на Каспийском море (§ 107). Русские дипломаты согласились на это возвращение потому, что прикаспийский климат губил русские войска, а прямой пользы от занятого края не было. Во-вторых, России пришлось вмешаться в дела Речи Посполитой. Как всегда бывало во время польского «бескоролья», после смерти короля Августа II (1733) соседние державы старались поставить на польский престол каждая своего кандидата. Россия желала видеть польским королем сына Августа II, саксонского курфюрста Августа. Между тем в Речи Посполитой выбрали Станислава Лещинского, старого союзника Карла XII и врага Петра Великого. Не желая допустить Станислава до власти, русское правительство послало свои войска в Польшу (под командой Ласси, потом Миниха). Они загнали Станислава в Данциг и после долгой осады взяли город и заставили Станислава бежать из Польши. Королем же стал Август III (1734). В-третьих, в царствование Анны Россия вела долгую (1736–1739) войну с Турцией. Война началась из-за набегов крымцев на русские уkraine. Главным героем этой войны был фельдмаршал Миних. Ему удалось сделать то, чего не мог сделать князь В. В. Голицын (§ 99), именно взять Перекоп, войти в Крым и разорить его. Затем Миних взял важную турецкую крепость Очаков, запиравшую выход в море из Днепра и Буга. Наконец, он перешел р. Прут и разбил турок под г. Хотин (при дер. Ставучанах). Русскими был снова в эту войну взят и знаменитый Азов. Однако долгая и изнурительная война закончилась не особенно выгодным миром, благодаря тому, что союзница России, Австрия, терпела в этой войне большие неудачи. По мирному договору (1739 г. в Белграде) Россия получила значительные пространства Черноморской степи, но не получила морских берегов и права держать флот на Черном море. Азов условлено было скрыть и оставить в нейтральной, пустой полосе между Россией и Турцией.

Как вмешательство в дела Польские, так и Турецкая война были необходимостью для тогдашней России. Но способ ведения этих политических дел очень отличался от приемов политики Петра Великого. Недоставало ума и таланта Петра: осада Данцига велась вяло; турецкие походы совершались медленно, с громадным обозом и в беспорядке. Среди русских дипломатов после Петра Великого начались мелкие интриги и вошли в обычай подарки и подкупы. При дворе образовались партии, служившие видам то того, то другого двора. Во время Екатерины I особым влиянием пользовалась «голштинская партия», во главе которой стоял зять императрицы, муж царевны Анны Петровны. Позднее при Анне влияние принадлежало друзьям Австрии, которые привели русский двор к тому, что он без особой необходимости признал и гарантировал завещание («прагматическую санкцию») императора Карла VI, которым тот оставлял все свои Габсбургские земли своей дочери Марии Терезии. В силу этой гарантии после смерти Карла VI (1740) России пришлось бы воевать в защиту Марии Терезии, так как Прусский и Баварский государи наложили свою руку на ее наследство. Но еще раньше Франция, бывшая тогда врагом Австрии, постаралась навязать России другую войну, именно шведскую, чтобы помешать русским вмешаться в австрийские дела. Под влиянием французской дипломатии Швеция объявила войну России за несоблюдение будто бы условий Ништадтского мира (1741). России пришлось защищать свои Балтийские приобретения, а Пруссия в это время отняла Силезию у Марии Терезии. Мало того, заметив слабость и непопулярность немецкого правительства Анны Леопольдовны, французский посланник Шетарди повел интригу в самой России и содействовал всячески падению императора Иоанна и воцарению Елизаветы. Так русская политика при временщиках стала жертвою и орудием интриг. В ней не было ясного понимания исторических задач России, которыми руководился в своей политике Петр.

§ 120. Общее направление и характер царствования Елизаветы Петровны

Вступив во власть, императрица Елизавета устранила от дел всех влиятельных немцев и передала дела в руки русских людей. «Брауншвейгская фамилия» была выслана в г. Холмогоры, откуда сам бывший император Иоанн Антонович впоследствии (1756) был перемещен в Шлиссельбургскую крепость. Остерман и Миних были сосланы в Сибирь; Бирона же из Сибири, куда его послали при Анне Леопольдовне, перевели в Ярославль. При расправе с немцами, несмотря на большое раздражение против них, не были допущены пытки. Никто не был казнен, так как Елизавета, как говорят, при вступлении на престол дала обещание никого не казнить смертною казнью во все свое царствование. Эти две черты Елизаветинского царствования — русское направление и гуманность — были всеми замечены и доставили императрице общую любовь.

На каждом шагу новая государыня говорила, что желает во всем восстановить порядки Петра Великого. Но ни сама она, ни ее сотрудники, за немногими исключениями, уже не помнили порядков Петра. Елизавета и вообще была мало знакома с делами и мало интересовалась ими. При жизни своих родителей она была живым, веселым и добродушным ребенком; позднее же, при Анне, она была удалена от всяких дел. Находясь под опалой императрицы Анны, она жила вдали от двора (в Александровской слободе, знаменитой со времени Ивана Грозного) и чувствовала себя как бы в ссылке. Позже ее вызвали ко двору, но держали под сильным присмотром, так что она не смела интересоваться явно никакими делами. Ее характер испортился от гонений и преследований. Она стала подозрительна и вспыльчива, а в то же время ленивата и апатична. Когда она, с великим трудом решившись на переворот, получила престол, в ней развилось властолюбие, но не выросло желания трудиться над делами, узнать положение государства и самой деятельно руководить правлением. Уничтожив кабинет, Елизавета все правление предоставила сенату, который был восстановлен в правах по Петровским законам. А в сенат Елизавета посадила своих доверенных лиц, которые мало-помалу взяли в свои руки гораздо больше полномочий, чем могли по закону получить сенаторы. Петр запрещал сенату законодательствовать; а при Елизавете сенат превратился в такое же законодательное учреждение, каким ранее был Верховный Тайный совет. Он издавал законы и ведал все стороны государственного управления. Таким образом, правление Елизаветы было правлением ее приближенных сановников, собранных ею в сенате. Веря своим приближенным, Елизавета не видела в такой деятельности сената умаления своей собственной власти.

В таком способе управления, конечно, не было ничего похожего на Петровский порядок. Но в нем была та очень хорошая сторона, что сильный и деятельный сенат уничтожал возможность возвышения отдельных временщиков. Между тем у Елизаветы было много любимцев, из которых могли бы явиться временщики, подобные Меншикову или Бирону. Из числа приближенных Елизаветы особенно выдавались графы Разумовские (Алексей и Кирилл Григорьевичи), по происхождению малороссийские казаки. Из них старший, по преданию, был тайно, повенчан с императрицей. Он пользовался своим высоким положением очень благодушно, никому не делал зла и не желал вмешиваться в управление государством. Младший (Кирилл), получив хорошее образование за границей, был президентом академии наук и, кроме того, гетманом Малороссии. Кроме Разумовских, пользовались расположением Елизаветы братья графы Шуваловы, из которых один (Петр Иванович) был главным дельцом в сенате, а другой (Иван Иванович) заслужил известность стремлением к просвещению, знакомством с французской литературой и меценатством. Именно ему принадлежит проект основания в Москве университета (1755), которого он и был первым «куратором». За Шуваловыми следует упомянуть близкую к Елизавете семью Воронцовых, один из которых (граф Михаил Илларионович) был видным дипломатом того времени. Все перечисленные фамилии любимцев Елизаветы принадлежали к ее придворному штату еще тогда, когда она была опальною цесаревною. Никто из них ранее не участвовал в государственном управлении; никто не был сотрудником или «птенцом» Петра Великого. Один только старый дипломат, канцлер Елизаветы, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин называл себя и на самом деле был «учеником» Петра. Бестужев был самый выдающийся по уму и образованию деятель времени Елизаветы. Но, стараясь следовать «системе» и правилам Петра Великого, Бестужев был в то же время страстным приверженцем идеи «политического равновесия», господствовавшей тогда в Европе и чуждой политике Петра. Поэтому и Бестужев не во всем выполнял заветы Петра Великого.

Итак, Елизавету окружали люди, которые не совсем умели, хотя и хотели, точно восстановить порядок Петра Великого. Вряд ли, впрочем, его и можно было точно восстановить. В годы, прошедшие со времени кончины Петра, жизнь ушла вперед. Опыт показал уже, что областные учреждения Петра сложны и дороги (§ 111); трудно было их устроить во всей их сложности. Далее, быт дворянства настолько изменился к лучшему во время Анны, что трудно было и подумать отнять у дворян дарованные им Анной льготы и заставить их снова жить и служить по Петровским законам. Таким образом, возвращение к законам Петра, обещанное Елизаветою, не могло быть исполнено в точности. Но тем не менее Елизавету любили и почитали как «дочь Петра» за то, что она возвратила Россию к Петровскому обычаю делать дела по возможности посредством русских же людей. Спокойное и популярное царствование Елизаветы было временем, когда русское общество отдохнуло от бироновщины, пришло в себя и жило, не боясь завтрашнего дня и собирая

силы для будущей славной эпохи завоеваний и преобразований. В этом заключалось историческое значение времен Елизаветы и секрет ее популярности среди подданных.

§ 121. Внутренняя политика Елизаветы Петровны

Елизаветинский сенат не стремился в управлении государством ни к каким крупным преобразованиям и не задавался никакими широкими проектами, ограничиваясь частными мерами по различным отраслям управления. Он отвечал, так сказать, на запросы жизни по мере их возникновения. Большое внимание оказывал сенат делам церковного благочиния, заботясь о печатании церковных книг, об улучшении иконописания, о благолепии храмов, также о благосостоянии духовенства и о защите его от обид и притеснений. В сфере народного просвещения главным делом было основание Московского университета (1755) с тремя факультетами (философским, юридическим, медицинским) и с двумя приготовительными к нему гимназиями (для дворян и для «разночинцев», то есть лиц, уволенных из других сословий). Для академии наук дан был еще ранее (1747) новый регламент, по которому университет с гимназией был образован и в Петербурге, при академии; но в Петербурге, удаленном от центральных дворянских губерний, дворянам было неудобно учиться; поэтому академический университет заглох, тогда как московский начал жить деятельной жизнью. Учреждались при Елизавете и другие школы: в губерниях — общеобразовательные, а в столицах — разного рода специальные. В сфере военной важен был закон, облегчивший рекрутские наборы: установлена была рекрутчина ежегодно с одной пятой части государства. В сфере экономической любопытно было учреждение государственных заемных банков с дешевым кредитом и 6 % годовых; особо действовал банк для дворянства и особо для купечества. Были уничтожены внутренние таможи, стеснявшие свободу движения товаров и бывшие наследием глубокой старины. Установлен 15-летний срок для производства податных ревизий, с целью упорядочить платеж подушной подати, и по этому новому правилу были произведены две ревизии, одна в начале, другая — в конце царствования Елизаветы. В области наказаний сенат, подчиняясь упорному нежеланию Елизаветы утверждать смертные приговоры, несколько раз давал распоряжение не применять смертной казни и обращать осужденных в тяжкие работы.

Особенное внимание следует обратить на отношение сената к шляхетству. Рядом распоряжений сенат разъяснил, что только дворяне могут владеть населенными имениями и что в дворянстве надлежит считать только потомственных дворян, которые докажут свое дворянское происхождение установленным порядком. Этими распоряжениями дворянство было превращено в замкнутое сословие, отличием которого стали его землевладельческие права и благородное происхождение, а не только одна служебная повинность. При Елизавете дворяне начинают уже мечтать о полной отмене этой повинности, облегченной для них указом императрицы Анны.

§ 122. Внешняя политика Елизаветы Петровны, Семилетняя война

Вступая на престол, Елизавета застала войну со Швецией (§ 119). С самого начала войны шведы не имели успеха и должны были отступать перед русскими войсками в Финляндии. В 1743 г. они согласились на мир, уступив России области Финляндии к востоку от р. Кюмени.

В последующие годы при дворе Елизаветы соперничали различные политические влияния. В Европе тогда шла борьба за «австрийское наследство» между Австрией и Пруссией. И та и другая желали видеть Россию своей союзницей. За Пруссию старался не только сам прусский король Фридрих II, но и французские дипломаты, именно Шетарди, действовавший на императрицу по-прежнему через ее доктора Лестока. За Австрию стоял русский канцлер Бестужев-Рюмин, который очень опасался быстрого возвышения Пруссии и завоевательных стремлений ее «скоропостижного короля» (как он называл Фридриха II). После нескольких лет борьбы и интриг Бестужев одолел: его стараниями Шетарди был выслан из России, Лесток удален от двора; Россия склонилась на сторону Австрии и приняла участие в новой «семилетней войне» против Пруссии.

Семилетняя война началась в 1756 г. Фридрих имел против себя Австрию и примирившуюся с ней Францию. Россия же еще не была готова к войне; русские войска медленно сбирались к границам и только в 1757 г. вступили в Восточную Пруссию. Командовавший ими генерал С. Ф. Апраксин по личным соображениям не спешил действиями. Когда ему при встрече с прусскими войсками (при Гросс-Егерсдорфе на р. Прегеле) удались их разбить, он не воспользовался победой, а, сославшись на плохое состояние своих войск, сам

отступил из Пруссии. За это он был сменен и отдан под суд. Елизавета подозревала, что Апраксин не желал воевать, ожидая скорой ее кончины и имея в виду нерасположение к Прусской войне наследника русского престола великого князя Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексеевны. В соучастии с Апраксиным был заподозрен и обвинен сам канцлер Бестужев. Он также был сменен и выслан в его деревни. На его место был назначен М. И. Воронцов. Война продолжалась с большею энергией, чем началась, под руководством учрежденной Елизаветой дворцовой «конференции» из важнейших сановников.

В последующие годы (1758–1760) русские войска заняли Восточную Пруссию с ее главным городом Кенигсбергом и вторглись в Бранденбург. В кровопролитнейшей битве под Цорндорфом (близ р. Одера) пруссаки остановили напор русских; русская армия, потеряв более 20 тыс. человек, оставила раньше прусской поле битвы и отошла в порядке на восток, почему Фридрих и приписал себе победу (1758). В следующем году (также близ р. Одера, в окрестностях г. Франкфурта) при Кунерсдорфе генерал Салтыков разбил прусскую армию и почти ее уничтожил; сам Фридрих едва спасся от плена (1759). Еще через год русским отрядам удалось на время захватить Берлин и взять с него контрибуцию (1760).

Средства Пруссии были совершенно истощены войною, и Фридрих, можно сказать, погибал. Его спасла только кончина императрицы Елизаветы (в самый день Рождества 1761 г.). Наследник Елизаветы, император Петр III, немедленно прекратил войну с Фридрихом, возвратил ему все у него завоеванное и заключил с Пруссией не только мир, но и союз. Россия, таким образом, сразу потеряла плоды своих завоеваний и даром погубила много своих людей и средств.

§ 123. Вопрос о преемнике Елизаветы Петровны

Тотчас по воцарении императрица Елизавета приняла меры к тому, чтобы обеспечить престолонаследие за потомством Петра Великого. Это потомство представлялось всего одним лицом, именно внуком Петра по женской линии — голштинским герцогом Карлом-Петром-Ульрихом, сыном Анны Петровны. У Елизаветы, стало быть, выбора не было. В Голштинию, в Киль, где жил и правил ее 14-летний племянник (потерявший к тому времени и отца, и мать), Елизавета наспех послала особое лицо, которое и пригласило герцога в Россию. Герцог немедля (1742) приехал в Петербург вместе со своим воспитателем (Брюммером). Объявленный наследником русского престола, он принял православие и стал великим князем Петром Федоровичем. По достижении им 17-летнего возраста его женили. Невесту для него выбирали долго и старательно, пока не остановили выбора на особе, рекомендованной прусским королем Фридрихом II. Это была дочь прусского генерала, из мелких владетельных принцев Ангальт-Цербст, София-Августа, всего на один год моложе жениха. Невесту привезли в Петербург и присоединили к православию с именем Екатерины Алексеевны. После свадьбы (1745) юная великокняжеская чета жила вдали от дел под надзором лиц, заведовавших их «малым» двором. Великий князь кончал свое образование, практически знакомясь с действующими в государстве законами и формами делопроизводства, а великая княгиня скучала без общества и много читала. В 1754 г. у нее родился сын, великий князь Павел Петрович; его не оставили на руках матери, а взяли на личное попечение самой императрицы Елизаветы.

С течением времени открылась громадная противоположность ума и характеров великого князя и великой княгини, следствием чего явился их глубокий разлад.

Великий князь Петр Федорович не был вовсе лишен ума, но был так легкомыслен, что возбуждал сомнение в своей душевной нормальности. Он ничего не знал из того, чему его учили, и отличался большой бестактностью. России он не любил и не скрывал этого, восторгаясь Фридрихом Пруссим и его победами. Православие в нем было смешано с протестантством, и он сам не в состоянии был разобрать, во что он веровал. Под влиянием вина, до которого он был большой охотник, он совершал большие невежества и шалости даже за столом, при посторонних. Сам он считал себя военным человеком, но военного дела не разумел и ограничивал свои военные занятия грубыми кутежами с офицерами выписанных для него (в Ораниенбаум) голштинских батальонов и детскою игрою в солдатики, расставленные на столах. Он не чувствовал своего духовного убожества и был высокого мнения о самом себе, с высокомерной грубостью относясь ко всем окружающим и даже к своей жене. Чем дальше шло время, тем яснее становилось, что он не мог править государством.

Напротив, великая княгиня Екатерина Алексеевна с годами обнаружила большой ум и блестящие способности. Уже в детстве она казалась выдающимся ребенком. Когда судьба привела ее во дворец Елизаветы, она должна была жить там без родных и близких, среди чуждых ей придворных, с мужем,

которого она скоро начала презирать. В такой трудной и тоскливой обстановке Екатерина не потерялась. Предоставленная самой себе, она начала читать и учиться. От легкого чтения она перешла к серьезному и в несколько лет познакомилась с современной ей французской, по преимуществу философской и политической, литературой. Мало-помалу она стала «ученицей» Монтескье, Вольтера и «энциклопедистов», только что создавших тогда «новую философию» века «просвещения». По силе ума и широте образования Екатерина была самым выдающимся человеком Елизаветинского двора, и придворные вельможи не могли не заметить, что из наивной девочки Екатерина превратилась в замечательную женщину.

Рождение великого князя Павла Петровича имело большое значение для всего двора. Ясно было, что великий князь Петр Федорович управлять Россией не может по неспособности к делам и по отсутствию русского патриотизма. По закону 1722 г. (§ 115) Елизавета могла заменить его кем угодно и, разумеется, скорее всего его сыном Павлом. Но над маленьким Павлом необходима опека, а опека естественнее всего могла быть вверена матери Павла, Екатерине. Таким образом, Екатерина получала определенную, очень важную роль в вопросах престолонаследия. Сановники Елизаветы начали втягивать ее в свои интриги и планы против ее супруга, и Екатерина отважно шла навстречу им. Бестужев находился с ней в тайных сношениях, Апраксин тоже. Оба они в 1757 г. пострадали не только за дела на войне (§ 121), но и за переписку с Екатериной. Сама Екатерина по этому делу едва не была арестована и очень боялась, что будет выслана за границу за умыслы против мужа. Однако Елизавета оставила ее в покое, не зная, что делать с передачей престола. Она отлично понимала непригодность Петра, но боялась устранить его и не желала дать власть Екатерине. Так до самой кончины она и не решила этого мучившего ее дела.

§ 124. Воцарение и свержение Петра III Федоровича

Получив власть после смерти своей тетки, Петр III Федорович желал ознаменовать начало своего правления милостями. Он помиловал многих людей, сосланных в предшествующие царствования (и прежде всего знаменитых Бирона и Миниха). Он уничтожил «тайную канцелярию», в которой со времен императрицы Анны производились дела и чинились наказания по политическим преступлениям. Наконец, он (манифестом 18 февраля 1762 г.) дал дворянам вольность служить или не служить по их собственному желанию, но при этом выразил уверенность, что дворяне и впредь не будут укрываться от службы и не дерзнут детей своих оставлять без обучения «благопристойным наукам».

Однако эти меры, даже давно желаемый дворянами манифест о вольности дворянской, не могли расположить русских людей к Петру III, так как все остальное его поведение возбуждало сильнейшее против него неудовольствие. Во-первых, не нравилась внешняя политика императора. Всех раздражало бесславное прекращение войны с Фридрихом, войны, которую в России привыкли считать необходимой и победоносной. Желание же Петра вместо Прусской войны начать войну с Данией, за ее мнимые угрозы Голштинским владениям, казалось всем ненужным и нелепым с русской точки зрения. Огромное влияние, какое получил при русском дворе прусский король и его посол, представлялось позором для России. Во-вторых, отношение Петра III к духовенству и дворянской гвардии было таково, что вызывало у них чувство горькой обиды. Император не понимал православных верований и обычаев, не чтил икон, смеялся над одеждой духовенства, желал закрытия домовых церквей, отнял у духовенства управление его землями и крестьянами, передав их в особую «коллегию экономии». Духовенство подало государю сильно написанное представление по поводу его гонений, но он просто не понял этого протеста духовенства и легкомысленно забросил его. Гвардия чувствовала на себе тоже гонение. Петр называл гвардейцев янычарами, не скрывая того, что опасается их движения. Он хотел развести их по армейским полкам, явно предпочитал им своих голштинских солдат и смеялся над ними. Вместо простой и удобной Елизаветинской формы Петр дал гвардии прусскую форму, дорогую и стеснительную. Наконец, он объявил гвардии поход на Данию, цель которого ей была непонятна. В-третьих, личное поведение Петра всем представлялось прямо зазорным. «Он не похож был на государя», — говорили о нем. Детские выходки у него сменялись грубыми кутежами. При всем дворе и даже на народе он являлся нетрезвым и несерьезным человеком. Он не скрывал своей нелюбви к Екатерине, при всех обижал ее и грозил заточить. Готовя развод с императрицей Екатериной, он явно наметил себе в жены племянницу своего канцлера, одну из графинь Воронцовых. Для всех было ясно, что Петр, сам не умея править, подвергал опасности и свою семью, и государство. Казалось, что с ним возвращались самые худые времена немецкого господства, воскресала бироновщина. Петр напоминал собой печальной памяти немецких временщиков; трудно было ожидать, чтобы ему продолжали повиноваться.

Императрица Екатерина Алексеевна отлично воспользовалась нерасположением общества к Петру III. В то

время, когда Петр, не похоронив еще праха Елизаветы, начал свои шумные и непристойные выходки и пирушки, Екатерина долго носила траур по Елизавете и вела скромный и пристойный образ жизни, показывая собою полную противоположность мужу. Он не скрывал своих немецких симпатий; она старалась всегда казаться православною и русскою. Он не упускал случая обидеть ее; она держалась скромно и корректно. Но в то же время она принимала деятельное участие в приготовлениях к перевороту в ее пользу. Эти приготовления шли в кругу некоторых Елизаветинских вельмож и в гвардейских полках. Вельможи были очень осторожны и скрытны, а гвардейская молодежь смела и решительна. Поэтому именно молодежь и повела дело вперед. Во главе ее стала семья офицеров Орловых (из которых в особенности работали в пользу Екатерины два брата, Алексей и Григорий Григорьевичи). Среди четырех гвардейских и многих армейских полков, стоявших в столице, заговорщики насчитывали до 10 тыс. преданных Екатерине солдат. Лето 1762 г. Петр III проводил в Ораниенбауме, а Екатерина — в Петергофе. Рано утром 28 июня Орловы тайно вывезли Екатерину в Петербург и провозгласили ее императрицей и самодержицей, а великого князя Павла Петровича наследником престола. Все войска присягнули Екатерине, народ ликовал. Вельможи в Зимнем дворце приветствовали новую государыню, оставив свои прежние мысли о воцарении Павла и о регентстве Екатерины. Послав своих сторонников в Кронштадт привести его к присяге новому правительству, Екатерина к вечеру 28 июня выступила с войсками в Ораниенбаум против Петра. Император не решился на борьбу и в день своих именин, 29 июня, подписал отречение от престола. Он был отправлен на мызу Ропшу, под присмотром Ал. Гр. Орлова, и раньше, чем Екатерина решила, что с ним далее делать, он в Ропше скончался. Оказалось, что в бездействии заточения Петр вместе со стерегшими его офицерами развлекался по своему обычаю вином и лишился жизни от удара, полученного в хмельной ссоре. Екатерина была очень расстроена происшедшим, понимая, что молва может без вины приписать ей скоропостижную смерть ее мужа. Народу было объявлено, что Петр скончался от «геморроидической колики», и прах его был погребен в основанной Петром Великим Александро-Невской лавре в Петербурге.

Так началось долгое и знаменитое царствование императрицы Екатерины II.

§ 125. Общее значение и деятели царствования Екатерины II

Царствование императрицы Екатерины II было одним из самых замечательных в русской истории. Екатерину часто называют продолжательницею Петра Великого как за внутренние реформы ее времени, так и за крупные завоевания, ею совершенные. Внутри государства Екатерина вела замечательные законодательные работы, преобразовала губернское управление, дала самоуправление сословиям, дворянскому и городскому, и определила их права. Во внешней политике Екатерина достигла огромных успехов: после ряда войн она приобрела Крым и северные берега Черного моря; возвратила России русские области Речи Посполитой и присоединила Курляндию. За ее колоссальные приобретения ей усваивается иногда титул Великой. В культурном отношении эпоха императрицы Екатерины II не менее замечательна. Правительство Екатерины было просвещенным, либеральным и гуманным. Широкое образование и философские идеи государыни оказали влияние не только на законодательство и на политику, но и на литературное движение ее времени. «Век Екатерины» имеет определенную физиономию не только в государственной истории России, но и в истории русской литературы.

Екатерина II отличалась умением выбирать государственных людей и пользоваться их способностями. Поэтому в ее время в разных отраслях государственной деятельности появилось много талантливых людей. «Из стаи славной Екатерининских орлов» (по выражению Пушкина) некоторые снискали себе громкую боевую славу и получили широкую известность, некоторые же оставили по себе глубокий след в преобразовательных работах и правительственном творчестве их эпохи. Из сотрудников Екатерины необходимо помнить следующих. Внешнюю политику России Екатерина начала вести сама в сотрудничестве с умнейшим и тонким дипломатом графом Никитою Ивановичем Паниным. Еще при Елизавете Панин был назначен воспитателем великого князя Павла Петровича. Оставив Панина в этой должности, Екатерина пользовалась его советами по всяким делам и передала ему управление коллегией иностранных дел, почему Панин и сосредоточился главным образом на дипломатических делах. После Панина, в конце царствования Екатерины, внешними сношениями заведовал граф А. А. Безбородко. В сфере внутреннего управления влияние принадлежало сначала братьям Орловым, стоявшим во главе заговора в пользу Екатерины.

В первые годы царствования Екатерины шел даже упорный слух, что императрица вступит в брак с Григорием Григорьевичем Орловым. Однако во второе десятилетие царствования Орловы уступили место новому фавориту — Григорию Александровичу Потемкину. Это был очень умный и оригинальный до

чудачества человек, который легко переходил от напряженной деятельности к ленивому безделью и от смелых планов к робкому малодушию. Его любимым детищем был русский юг — Новороссия, в устройстве которой проявились поразительные способности Потемкина. Екатерина никого из своих сотрудников не ставила так высоко, как Потемкина, за «превосходный ум» и «верность». Кроме Орловых и Потемкина, соединявших свою государственную деятельность с придворным значением, вокруг Екатерины сосредоточились менее влиятельные, но не менее даровитые и замечательные дельцы по разным отраслям управления. Таковы, например, генерал-прокурор сената князь Вяземский и новгородский губернатор граф Сиверс, с которыми Екатерина вела свои внутренние реформы; таковы Ив. Ив. Бецкий, главный советник императрицы по вопросам воспитания и обучения, и многие другие. В многочисленных войнах времени Екатерины выдвинулось много способных военачальников. На первом месте среди них блистали графы П. А. Румянцев и А. В. Суворов-Рымникский (имевший в старости титул «князя Итальянского»). В особенности Суворов стал знаменит своей непобедимостью и оригинальностью. Во всю свою жизнь не проиграл он ни одной битвы. Все его военные приемы и обычаи отличались самобытностью, а поведение — чудачеством. Он умел близко подойти к солдатам и, так сказать, сжиться и сродниться с ними; в то же время, обладая военным образованием, опытом и громадным умом, он мог возвыситься до создания своей собственной тактики. В его школе получили подготовку многие боевые генералы последующей эпохи Отечественной войны. Из адмиралов Екатерининского времени выдавались Спиридов, Грейг, Сенявин и получил известность своим походом вокруг Европы в Архипелаг Алексей Орлов.

§ 126. Уложенная комиссия 1767-1768 гг.

Первые годы царствования императрица Екатерина посвятила изучению своего государства и порядка управления. Она путешествовала по различным областям России (была в Москве, в Поволжье, в Остзейском крае). Понемногу она подбирала себе сотрудников и стремилась к тому, чтобы все нити управления собрать в своих руках. Сенат, привыкший к большой власти при Елизавете, потерял ее при Екатерине. Он был разделен, для ускорения дел, на шесть департаментов, из которых каждый имел определенный, специальный круг занятий. В пределах своего ведомства департаменты находились в ведении особых обер-прокуроров, а в целом сенат подлежал по-прежнему надзору генерал-прокурора, которому Екатерина дала инструкцию держать сенат в пределах его законных полномочий. Так Екатерина освободила себя от возможного влияния сената. В то же время Екатерина освобождалась и от влияния отдельных лиц ее двора, которые покушались было по-своему управлять делами при молодой и, как они думали, неопытной государыне. При всем уме и ловкости Екатерины ей потребовалось несколько лет для того, чтобы совершенно укрепиться во власти[17].

С 1765 г. Екатерина начала определенно работать для достижения главной своей цели, какую она поставила себе, вступая на престол: «Чтобы каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка». По мысли Екатерины, достигнуть порядка и законности в государстве можно было, дав обществу новые, совершенные законы. Вопрос о новых законах был тогда, можно сказать, большим местом для русского правительства. Начиная со времен Петра Великого, все государи указывали на необходимость взамен устарелого Уложения 1649 г. составить «новое уложение» и принимали к тому меры. При Петре Великом учреждались не один раз особые комиссии для сочинения нового свода или путем собрания московских законов, изданных в Уложении и после Уложения, или же путем заимствования иноземных законодательных норм (шведских). Дело было нелегкое, и при Петре закончить его не успели. Оно продолжалось во все последующие царствования, причем при императрицах Анне и Елизавете в законодательные комиссии призывались выборные представители от дворянства и купечества. К концу царствования Елизаветы комиссия составила, наконец, проект Уложения, но продолжала его пересматривать и переделывать еще много времени. Императрица Екатерина, вступив на престол, застала еще работы этой комиссии, и хотя не прекратила их, но, по-видимому, была ими недовольна.

По взглядам императрицы Екатерины, дело законодательства должно было быть поставлено иначе. Как все рационалисты-философы того времени, Екатерина думала, что государственная власть может пересоздать государственный и общественный строй, как ей угодно, по велению «разума». Не было нужды, думала она, приводить в систему старые плохие законы, продиктованные невежеством или навеянные татарским игом. Надобно построить отвлеченным путем новое, совершенное законодательство. В основу его должны лечь великие принципы новой философии и науки. А для того, чтобы знать, как их применить, надобно изучить истинные нужды и желания того народа, для которого предстоит создать законы. Понимая так предстоявшую ей задачу, Екатерина взяла на себя труд определить те отвлеченные начала, на которых следовало, по ее мнению, строить закон; а выяснить народные нужды и желания она думала с помощью

представительного собрания, в которое вошли бы представители всех сословий страны.

Для достижения первой цели — определения начал нового закона — Екатерину было составлено ее знаменитый «Наказ», предназначенный в руководство той «комиссии для сочинения проекта нового уложения», которую она решила собрать. В Наказе императрица изложила свои общие взгляды по всем главнейшим вопросам законодательства. Она определяла особенности России как государства очень обширного и потому особенно нуждавшегося в единой крепкой самодержавной власти. Она обсуждала положение сословий, задачи законодательства, вопрос о преступлениях и наказаниях, о правах и обязанностях человека как гражданина, о воспитании, о веротерпимости и о многом другом. Всего в Наказе было 20 глав, а в них более 500 мелких статей (в виде нумерованных параграфов). Составляя Наказ, Екатерина пользовалась чаще всего известным сочинением Монтескье «L'esprit des lois»[18]. Наказ поэтому был очень либерален и гуманен. Устанавливая для России самодержавие как стихийную необходимость, он предполагал равенство граждан перед законом и «вольность» их в пределах законности. В управлении Наказ проводил начало разделения властей. В области уголовной Наказ отрицал пытку. «Употребление пытки, — говорил он, — противно здравому естественному рассуждению». Он вооружался против смертной казни и вообще против жестокости наказаний: «Все наказания, которыми тело человеческое уродовать можно, должно отменить». Екатерина составляла свой Наказ около двух лет, показывая его по частям своим приближенным. Либерализм молодой императрицы пугал придворных, и они старались его ограничить. Под их влиянием Екатерина сократила свой труд и напечатала не все то, что ею было написано. Наказ был издан в 1767 г. на четырех языках (русском, французском, немецком, латинском) и распространен не только в России, но и за границу, где цензура не всегда пропускала его в обращение как чересчур либеральную книгу.

В конце 1766 г. Екатерина издала манифест о созыве выборных депутатов в комиссию для составления проекта нового уложения. Надлежало дворянам избрать депутата от каждого уезда, горожанам — депутата от каждого города, свободным сельским обывателям — депутата от каждой провинции. Владельческие крестьяне не участвовали в избрании депутатов. Духовные лица принимали участие в выборах лишь в городах вместе с горожанами; депутатом же от духовного сословия считался избранный синодом архиерей. Всего было избрано 565 депутатов. Они были обязаны получить от своих выборщиков особые указы с изложением их нужд и пожеланий, которым должно было удовлетворить новое уложение. (Таких депутатских наказов сохранилось до полутора тысячи; в отличие от них Наказ государыни стал называться «большим наказом».) Избранные депутаты на все время работ в комиссии обеспечивались казенным жалованьем; они навсегда освобождались от телесного наказания, пыток и казни; за обиду депутата виновный нес двойное наказание. Так была образована та комиссия, которая должна была, по мысли императрицы Екатерины, выяснить народные нужды и пожелания, согласить их с высокими началами Наказа и составить проект нового, совершенного закона для России.

Летом 1767 г. торжественно открылись заседания комиссии в Москве (в Грановитой палате). Спустя полгода комиссию перевели в Петербург, где она работала еще целый год. Руководил занятиями комиссии председатель («маршал») А. И. Бибиков и особая дирекционная комиссия. Постепенно из состава большой комиссии были выделены многочисленные специальные комиссии, работавшие по разным отдельным вопросам. В конце 1768 г. заседания большой комиссии были прерваны и депутаты отпущены по домам; а специальные комиссии продолжали трудиться еще многие годы. Хотя дело не было окончено, и перерыв занятий считался временным, однако императрица большую комиссию вновь не созвала ни разу. За полтора года законодательных работ она убедилась, что дело стоит на неверном пути. Нельзя было составить кодекс или свод законов путем рассуждений в многочисленном и не подготовленном к делу представительном собрании. Для такого дела требуется организованная работа опытных юристов, которая может получить лишь общую оценку и утверждение со стороны народных представителей. Именно такой организованной работы и недоставало Екатерининской комиссии. Сама большая комиссия только читала депутатские указы и рассуждала на разные случайные темы, но далее таких рассуждений не шла. Специальные же комиссии работали медленно и вяло, потому что для их работ ничего не было подготовлено ранее.

Однако, распустив депутатов, Екатерина не отчаялась совсем в своих надеждах. Не создалось нового законодательства, — зато высказаны были в наказах и в речах депутатов сословные взгляды и желания, дан был «свет и сведение о всей империи (как выражалась Екатерина), с кем дело имеем и о ком пещись должно». Зная настроения и нужды сословий, Екатерина могла сама сделать попытку удовлетворить пожеланиям своих подданных в духе тех философских идей, в которые она сама верила и которые выразила в своем Наказе.

Но раньше, чем императрица успела сделать эту попытку, государству пришлось пережить тяжелый период внутренних испытаний и смут.

§ 127. Чумной бунт 1771 и восстание Пугачёва

Смуты, начавшиеся в центральных и восточных частях России в 70-х годах XVIII ст., отличались большой сложностью и напряженностью. В то время России пришлось начать и вести военные действия в Польше и Турции. Тяготы военного времени, конечно, давали себя чувствовать населению, которое усиленно служило и платило подати в течение многих лет, начиная еще с первых походов в Пруссию при императрице Елизавете (с 1757 г.). Одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать недовольство в низших, податных слоях народа. Но в то же время непрерывно продолжали расти злоупотребления крепостным правом на крестьян со стороны их помещиков (§ 118). Крестьяне хорошо сознавали, что они не холопы, а государевы подданные, и негодовали на превращение их в «дворовых» холопов, на смешение их с рабами. В начале XVIII в. крестьянин Посошков, современник Петра Великого, составивший несколько замечательных экономических и публицистических сочинений, говорил, что «крестьянам помещики не вековые владельцы», что «прямой их владелец Всероссийский самодержец, а они владеют временно». Этими словами Посошков указывал на давнюю связь между помещичьей службой государству и крестьянской зависимостью от помещиков. Государство для того подчинило крестьян помещикам и заставило работать на них, чтобы помещики могли служить государству с данной им земли (§ 55). Все крестьянство знало о том, что крестьяне повинны работать на помещика, пока он служит и потому, что он служит. И вот, чем дальше шло время, тем все меньше и легче служили помещики; наконец, с 18 февраля 1762 г. им была дана «вольность» служить или не служить; а между тем, крестьянская зависимость становилась от того не легче, а тяжелее, и крестьяне ставились в одно положение с прежними холопами-рабами. Во многих местах крестьяне начали после манифеста о вольности дворянской открытые возмущения против помещиков и властей, ища улучшения своей участи. По их представлению, раз уничтожена была обязательная служба помещиков с земли, должно было прекратиться и право их на труд крестьян. Как император Петр III, так и императрица Екатерина были вынуждены посылать во многие местности войска, даже с пушками, для усмирения крестьянских волнений. Так понемногу развивалось недовольство и брожение в народных массах.

На этой уже горящей почве создался первый случайный повод для открытого возмущения — в страшной эпидемии чумы. В 1771 г. в Москве эта эпидемия приняла чрезвычайные размеры: умирало, говорят, до 1 тыс. человек в день. Все, кто мог, покинули город; присутственные места были закрыты, лавки заперты, прекратились работы. Праздный народ начал волноваться, не исполнял предписаний докторов и властей: не соблюдал предосторожностей, скрывал больных, а умерших хоронил тайно в погребах и садах. Не веря докторам и полиции, суеверные люди восстали даже на церковную власть. Московский архиепископ Амвросий заметил, что народ собирается толпами в Китай-городе, у Варварских ворот, к бывшей там иконе Богоматери, в уверенности, что именно эта икона уврачуется от мора. Понимая, что от скучения народа только растет зараза, Амвросий предписал снять икону с городских ворот. За это толпа разбила покои Амвросия в Кремле, убила его самого и начала в Кремле грабеж. Градоначальник сенатор Еропкин пустил в ход оружие для восстановления порядка, причем было убито до ста человек. Несмотря на распорядительность Еропкина, он не мог справиться с эпидемией и волнениями и в этом смысле доносил Екатерине, прося помощи. Тогда Екатерина послала в Москву Гр. Орлова с особыми полномочиями. Когда к концу 1771 г. мор ослабел, и смертность уменьшилась, Екатерина приписала это именно мерам, принятым Орловым.

Одновременно с развитием губительной эпидемии в центре государства на восточных его окраинах произошло опасное народное возмущение, напомнившее во многом движение Стеньки Разина (§ 84). Началось возмущение в казачьей среде на р. Яике (Урале). Было уже сказано (§ 105), что после Булавинского бунта всякая самостоятельность Дона пала, уцелевшие сторонники Булавина оттуда разбежались, и Донская область перестала быть приютом бродячего и беглого люда. Но казачество с его преданиями о вольной жизни и с его враждой к государству еще не исчезло. Оно жило, сохраняя свои предания и обычаи, со своими выборными предводителями, на юго-восточных окраинах России, на Кубани, Тереке, Яике, везде, где был еще простор степей и рыбный лов, везде, где был еще слаб надзор государственной власти. Как раз в XVIII в. для усмирения инородцев (калмыков и башкир) правительство начало укреплять места по верхнему Яику и его притокам своими крепостями (Оренбург, Илецкий городок и др.) и стало налагать свою руку на яицкое казачество. Оно стесняло казачью вольность, требуя от казаков гарнизонной службы в крепостях, назначая им от себя начальство, подчиняя их своим чиновникам. Происходило то же, что раньше происходило на Дону. Казаки не раз пытались отстаивать свою вольность, не исполняли приказаний и за то подвергались суровым наказаниям. В 1771 г. они начали было открытый бунт, но были жестоко усмирены. Их ссылали в Сибирь и сдавали в солдаты; уничтожили их выборное управление («старшину») и окончательно подчинили их военным властям того края. Жестокие кары не умиротворили казаков; напротив, они усилили их озлобление и окончательно подняли их против государства.

Предводителем яицких казаков явился беглый донской казак Емельян Пугачев, много скитавшийся по России, раз уже пойманный и сидевший в Казани в тюрьме. В 1773 г. он пришел на Яик (где бывал уже и раньше) и назвал себя императором Петром III. Тогда бывали случаи такого самозванства, потому что ранняя смерть Петра III, тотчас же по его свержении, казалась многим сомнительной и странной. Но в других случаях непопулярное имя Петра III не возбуждало никаких движений. Здесь же, на Яике, оно давало благовидный повод начать движение во имя законного государя против ненавистных властей. В подлинность явившегося государя не все верили; но к нему пошли все недовольные из окрестных мест: казаки, раскольники, инородцы, — каждый с тем, чтобы достигнуть своих желаемых целей. Подняв яицкое казачество, Пугачев успел овладеть несколькими крепостями на Яике (кроме Оренбурга), взял из них пушки и военные припасы и образовал вокруг себя большое войско (до 25 тыс. человек). К нему стали стекаться беглые крестьяне с уральских горных заводов и из внутренних областей государства. Во имя его начали подниматься башкиры, калмыки, татары. Пугачев почувствовал силу и направил свои шайки к Волге. Успех ждал его и там. Как во времена Разина, так и теперь крепостные люди и поволжские инородцы легко поднимались против помещиков и властей. До самой Казани горели дворянские усадьбы, заводы, города. Кто мог, спасался в Казань и Москву, но много дворян, чиновников и офицеров было замучено и убито по городам и селам. Громадный край пылал мятежом.

Когда стала очевидна опасность народного движения, императрица Екатерина отправила для борьбы с ним генерала А.И. Бибикова; но она не могла послать с Бибиковым большие военные силы, так как армия была занята военными действиями в Турции и Польше. Бибиков нашел признаки тревоги и беспорядка уже в Москве; когда же он прибыл в Казань, главный город в районе мятежа, то был изумлен беспорядком и паникой, какие там царили: все готовы были бежать от Пугачева. Бибиков собрал и ободрил местное дворянство, побудил дворян вооружиться и дать средства на борьбу. С собранными им войсками и дворянской милицией ему удалось одолеть Пугачева, освободить города, захваченные им, и прогнать шайки Пугачева от Оренбурга. Мятеж стал потухать, и сам Пугачев бежал в Уральские горы. Но Бибиков умер, говорят, от страшного напряжения сил, и налаженное им дело усмирения мятежа остановилось.

На весну 1774 г. восстание разгорелось снова. Пугачев опять явился с казаками на Волге и на этот раз усвоил новый обычай. Поражаемый не раз войсками майора Михельсона, он стал избегать встречи с ними и быстро переходил с места на место, захватывая города и везде поднимая крестьян на помещиков. Так, он внезапно явился под самой Казанью, крепости не взял, но город пожег и убежал от Михельсона на правый, западный берег Волги и на р. Суру. Здесь он поднял крестьянское восстание, взял Пензу, взял Саратов, пошел к г. Царицыну, но оттуда убежал от Михельсона за Волгу на Яик. В это время явился на место действия генерал Суворов, призванный императрицею с театра Турецкой войны, и погнался за Пугачевым. Пугачев был выдан Суворову его же сообщниками, которые уже отчаялись в исходе своего движения. Он был привезен в Москву и казнен (1775).

Восстание, поднятое казаками, постепенно затихло, и в нем вольное казачество спело свою последнюю песню. С тех пор, под действием государственных порядков, оно потеряло окончательно свой давний оппозиционный склад и превратилось в пограничную милицию, послушную правительственному руководству. В роли такой милиции оно продолжало существовать не только на р. Яике (с тех пор переименованном в р. Урал), но и на реках Тереке и Кубани. Усмирено было и крестьянство. По отношению к восставшей крестьянской массе начальством принимались суровые меры; наказывались нещадно все, кто так или иначе был прикосновенен к бунту. Крепостное право не было смягчено. Сама императрица, хотя и желала соблюдения возможной гуманности и мягкости, однако выше всего ставила укрепление законной власти и порядка в государстве и потому стояла за применение решительных мер против бунтовщиков. Мало того: подавляя бунт, она под влиянием его деятельно работала над сочинением нового проекта управления губерниями — в тех видах, чтобы дать провинциям твердое устройство и сильную власть.

§ 128. Губернская реформа 1775 и Жалованные грамоты 1785

В 1775 г. императрицею Екатериной были изданы «учреждения для управления губерний». В начале ее царствования губерний было около 20; делились они на провинции, а провинции на уезды. Деление это создавалось постепенно и случайно. Под уездом разумелся округ, издавна сложившийся; он состоял обыкновенно или из земель одного какого-либо древнего удельного княжества, или же из волостей, географически тянувших к какому-либо городу — центру. Уезды очень разнились друг от друга по количеству земли и жителей, так же, как провинции разнились по числу уездов, а губернии — по числу провинций.

Императрица Екатерина задумала прежде всего заменить это ветхое разделение государства более совершенным. По закону 1775 г. под губернией разумелся округ с населением в 300–400 тыс. жителей, а под уездом — округ в 20–30 тыс. жителей. Было решено постепенно образовывать новые губернии именно с таким расчетом по числу населения, и к концу царствования Екатерины новых губерний было уже до 50-ти. Равным образом возросло и число уездов в новых губерниях. Для вновь образуемых уездов не хватало городов, а потому многие села и слободы были превращены в уездные города. Таким образом, при Екатерине было создано новое административное деление государства (искусственное, на статистическом основании, взамен старого, исторически сложившегося).

В каждом губернском городе были установлены (вместо прежнего губернатора с его канцелярией) следующие учреждения: 1) **губернское правление** под председательством губернатора; это было «место, управляющее всей губернией в силу законов именем императорского величества»; 2) **казенная палата** под председательством вице-губернатора; она ведала все денежные и хозяйственные «казенные» дела; 3) судебные **палаты: гражданского суда и уголовного суда** для надзора над низшими судами в губернии; 4) **совестный суд** — для суда над преступниками малолетними, безумными или неумышленными и для разбора тяжёб в порядке примирения (это был первый суд на Руси, в котором дела рассматривались не по формальному указанию законов, а по естественной справедливости); 5) **приказ общественного призрения** — для управления народными школами, больницами, богадельнями, тюрьмами. В губернском правлении и палатах заседали правительственные чиновники, а в совестном суде и приказе общественного призрения — выборные от сословий «заседатели» под председательством чиновника.

В каждом уездном городе был установлен **нижний земский суд**, соответствовавший губернскому правлению и ведавший в уезде всю администрацию и полицию. Он состоял из председателя («исправника», или «капитана») и двух заседателей. Всех их избирали дворяне уезда. В городах же за порядком наблюдали назначаемые от правительства «городничие».

Кроме того, для каждого сословия в губернии и уезде были устроены сословные выборные суды. Для дворян существовали **верхний земский суд** (для губернии) и **уездный суд** (для уезда). Для горожан существовали магистраты: губернский (на всю губернию) и городской (для каждого уездного города). Для свободных крестьян были устроены **расправы**: верхняя (в губернском городе) и нижняя (в уездах). Дела, не решённые в выборных уездных судах, переходили в губернские выборные суды; отсюда можно было перенести дело в судебные палаты, а из палат — в сенат.

Такова была система местных учреждений 1775 г. Она была построена на новом и модном для того времени принципе разделения властей и ведомств: в ней суд был отделен от администрации, администрация от финансового управления. Все учреждения были коллегиальными. Местное общество получило широкое участие в делах местного управления: дворяне, горожане и даже люди низших классов принимали участие в деле суда, посылая своих выборных заседателей в суды своего сословия и в совестный суд. Кроме того, все сословия вместе посылали своих представителей в приказ общественного призрения, где они ведали дела местного благоустройства и благотворения. Наконец, дворянам дано было право избирать администрацию уезда (нижний земский суд) и, таким образом, владея землями в уезде, представлять там и правительство. Можно сказать, что все местное управление по закону 1775 г. приняло вид земского самоуправления, действовавшего под контролем коронной администрации (губернского правления и палат). В этом отношении Екатерина удовлетворила желаниям сословий, высказанным в комиссии об Уложении 1767–1768 гг.

Учреждения для управления губерний 1775 г. очень важны не только потому, что дали нашей провинции лучшее устройство и управление, но еще и потому, что оказали очень сильное, хотя и косвенное, влияние в других областях государственной деятельности Екатерины. Во-первых, Екатерина, устраивая новые присутственные места в губерниях, этим самым разрушала старые коллегии в столице. Во-вторых, привлекая к участию в губернском и уездном управлении сословных выборных, императрица этим самым ставила сословия в новое положение, возлагала на них новые обязанности, даровала им новые права. Для своей новой роли сословия должны были сами получить новое устройство.

Что касается до коллегий, то они почти все были осуждены на закрытие, потому что закон 1775 г. передавал их дела губернскому правлению и палатам. (Так, казенная палата была не иным чем, как «департаментом» камер-коллегии и ревизион-коллегии; судебные палаты были департаментами юстиц-коллегии.) Соответственно тому, как постепенно открывались новые губернии, постепенно угасала деятельность коллегий в Петербурге. Они закрывались одна за другой, и к концу царствования императрицы Екатерины остались, можно сказать, только три «государственные» коллегии: иностранных дел, военная и морская[19].

Новое сословное устройство было определено особыми жалованными грамотами, данными в 1785 г. дворянству и городам.

По грамоте 1785 г., дворяне каждой губернии составляют общество (корпорацию) и имеют право собраний. Через каждые три года они собираются в губернском городе для выборов и суждений о своих делах. Они избирают из своей среды предводителей дворянства (губернского и уездных) и должностных лиц во все учреждения своей губернии. Они могут иметь свою казну и свои дома. Они могут по своим делам обращаться к губернатору, в сенат и даже к государю. Отдельный полноправный дворянин, по грамоте 1785 г., был освобожден от обязательной службы государству; он был свободен от податей, рекрутской повинности и телесных наказаний; он мог быть судим только в дворянских судах, лицами, равными ему по происхождению. Свое дворянское достоинство он передавал жене (если она не была сама дворянкой) и детям; лишить дворянина дворянства мог только сенат по супу и с утверждения государя. Дворянин на полном праве собственности владел своим недвижимым имуществом и всем тем, что в нем находилось (то есть и крестьянами); он мог торговать и заводить фабрики и заводы. Все эти льготы и права, данные дворянам в 1785 г., представляли собой последнюю ступень в общем ходе возвышения дворянского сословия. Бесправное при Петре Великом шляхетство облегчило несколько свои тяготы при императрице Анне (§ 118), замкнулось в благородное сословие при Елизавете (§ 121), было освобождено от обязательной службы при Петре III (§ 124); теперь, при Екатерине II, оно было обращено в привилегированное сословие с широким сословным самоуправлением и с большими административными полномочиями: избирая нижний земский суд, дворяне держали в своих руках все управление уезда, а кроме того, имели своих представителей и в губернских учреждениях.

Одновременно с жалованною грамотой дворянству в 1785 г. дана была грамота и городам, установившая новое «городовое положение». Подобно дворянам, городовые обыватели составляют «градское общество», владеющее общим городским имуществом и обладающее правом собраний. На этих собраниях горожане избирают себе городского голову и должностных лиц (по городскому самоуправлению и в сословные суды); обсуждают свои дела и нужды и имеют право обращаться по своим делам к губернатору. Хозяйством города управляет городской голова и «шестигласная» дума, в которую входило по одному представителю от шести разрядов городских обывателей. Эти разряды записывались поименно в шесть частей «обывательской книги». Установленное Петром Великим разделение купцов на гильдии, а ремесленников на цехи (§ 109) было сохранено. Надобно, однако, заметить, что как при Петре Великом, так и при Екатерине II заботы правительства о городах не дали очень заметных результатов: бедные средствами, мало просвещенные и ничем в жизни не объединяемые, «городовые обыватели» не имели возможности сложиться в одно «общество градское» и развить свое самоуправление.

§ 129. Крестьянский вопрос

Видя заботы Екатерины об устройстве дворянского и городского сословий, естественно предположить, что и крестьянское сословие так или иначе привлекало к себе внимание императрицы. Действительно, в бумагах Екатерины сохранились проекты улучшения быта крестьян. Екатерина много думала об освобождении их от помещичьей власти, причем предполагала сделать это освобождение постепенно. В Наказе она писала, что «не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных»; сообразно с этим она предполагала, например, объявить свободными только тех крестьянских детей, которые родились после жалованной грамоты дворянству, а не все крепостное крестьянство сразу. Однако этот проект, как и все подобные ему, остался без исполнения. Крестьянский вопрос в глазах Екатерины представлял громадные трудности, и она не видела возможности примирить интересы крестьян, ожидавших свободы, со стремлениями помещиков, не умевших и не желавших вести свое хозяйство без дарового крестьянского труда. Императрица охотно поднимала в обществе вопрос об уничтожении крепостного права, ища содействия себе в этом деле со стороны самих дворян. Но общего сочувствия она не встречала и оставалась без поддержки. Поэтому политика правительства в отношении крепостного права была неопределенной и двойственной. Когда Екатерина считала возможным дать ход своим личным воззрениям, ее мероприятия носили либеральный, освободительный характер. Когда же императрица встречалась с вожеланиями дворянского сословия, желавшего дальнейшего развития помещичьих прав, она им уступала[20]. Вступив на престол по желанию дворянской гвардии и правя государством с помощью и посредством дворянской администрации, Екатерина не могла порвать союз с главенствующим в стране дворянским сословием и поневоле вела дворянскую политику в вопросе о крепостном праве. По общему признанию, в царствование Екатерины II, вопреки либеральному настроению императрицы, крепостное право достигло наибольшего расцвета; оно

превратилось в полное право собственности на людей и представляло собой вопиющее общественное зло, благодаря частым и грубым злоупотреблениям некультурных помещиков.

Вполне естественно, что это зло вызвало осуждение со стороны наиболее просвещенных и гуманных людей того времени. Они ставили перед обществом и правительством вопрос о том, возможно ли далее терпеть в государстве крепостное право и не следует ли искать способов улучшить положение крестьян. Сама императрица была в числе первых, возбудивших крестьянский вопрос. В первоначальной редакции своего Наказа она уделила ему много внимания и резко высказывалась против «рабства», в пользу крепостных. Противодействие придворных, читавших Наказ в рукописи, заставило Екатерину сократить многое из того, что она писала о крепостном праве; но все-таки освободительная тенденция в напечатанном Наказе оставалась достаточно ясна. Когда в знаменитой комиссии 1767–1768 гг. некоторые из депутатов (дворянин Коробьин) начали речь об улучшении быта крепостных крестьян, Екатерина не только не остановила обсуждения этого острого вопроса, но явно взяла сторону противников крепостного права и резко отзывалась о крепостниках, защищавших право на крестьян. Так впервые в России крестьянский вопрос получил гласность и подвергся официальному обсуждению. В то же время императрица постаралась поднять этот вопрос и частным образом. В начале ее царствования в Петербурге было основано «вольное экономическое общество» для поощрения полезных знаний в области сельского хозяйства. По негласному почину императрицы, в этом обществе был поставлен на обсуждение вопрос о крепостном труде и крепостной зависимости. В области этого вопроса была даже предложена тема для сочинений на премию об обществе, причем премированным оказалось сочинение, написанное в освободительном духе.

Так одновременно с расцветом крепостного права в жизни начинался против него протест. Пока он был отвлеченный, идейный. На практике задача крестьянского освобождения была еще непосильной для того времени. Никто тогда не мог себе представить, какой бы вид приняло государственное и землевладельческое хозяйство, если бы в его основе не лежал даровой крестьянский труд, если бы пришлось оплачивать всякую услугу. Никто не был уверен, что порядок в государстве устоит, если сразу освободить миллионы дворянских «подданных». Пугачев, освобождавший бунтом этих «подданных» крестьян, ужасал всех и заставлял бояться даже и законного освобождения. Под влиянием кровавой Пугачевщины, а позднее под впечатлением Французской революции, императрица сама стала осторожнее в крестьянском вопросе. Когда один из «птенцов» ее же просветительной эпохи, молодой дворянин Радищев, получивший образование за границей, выпустил книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и в ней сделал много резких выводов против крепостного строя, Екатерина отнеслась к нему сурово. Она отдала его под суд, и Радищев был сослан в Сибирь за те самые мысли, с какими раньше выступала сама императрица.

§ 130. Меры Екатерины II в сфере образования, народного хозяйства и финансов

Из предшествующего видно, что императрице Екатерине не всегда удавалось осуществить ее намерения и достигнуть поставленных целей. Именно, она желала создать совершенное законодательство в духе освободительной философии ее века, но не успела в этом. Ей пришлось ограничиться лишь тем, что в новых губернских учреждениях она провела в практику некоторые свои теоретические требования (начало коллегиальности, разделение ведомств, начало самоуправления). Желая создать возможную свободу (или «вольность») и равенство всех граждан перед одинаковыми для всех законами, Екатерина достигла лишь того, что дала «вольность» дворянству и доставила ему влиятельное положение в местной администрации. «Вольности» же крестьянам дать ей не удалось, даже и в малой доле. Такой неуспех личной политики Екатерины приписывается справедливо тому, что императрица, по условиям своего времени, много зависела от дворянской среды, из которой она должна была брать своих сотрудников и в которой нашла себе поддержку при вступлении на престол. Когда личные взгляды Екатерины совпадали со взглядами дворянства, они осуществлялись; когда же совпадения не было, императрица встречала непонимание, несочувствие, даже противодействие, и обыкновенно уступала косности господствующей среды.

Но так бывало в тех делах, которые касались, главным образом, сословной жизни и затрагивали существенные интересы дворянства. В других областях своей деятельности просвещенная императрица не была так связана и не встречала вообще препятствий, кроме разве того, что собственные ее философские и политические взгляды и правила оказывались вообще неприменимыми к практике, по своей отвлеченности и полному несоответствию условиям русской жизни. Но раз императрица ставила себе достижимую жизненную задачу и начинала практически осуществимое дело, — она во всем блеске обнаруживала свою просвещенную гуманность и либерализм и достигала больших и благих результатов. Благодаря уму и образованности

императрицы ее правительство всегда стояло на высоте европейского просвещения, выражалось образцовым, точным и красивым языком и неуклонно преследовало цели общего блага. В этом отношении правительственная деятельность Екатерины воспитательно действовала на управляемое общество, и многие ее мероприятия заслужили себе громкую славу.

1. Из такого рода мероприятий Екатерины особенно характерны ее меры касательно воспитания и образования, разработанные совместно с генералом Ив. Ив. Бецким. В эпоху Петра Великого правительство заботилось прежде всего о практической стороне учения, требовало практической выучки (§ 114). Екатерина первая заговорила о воспитательном значении образования и стала заботиться об учреждении воспитательных заведений. Она говорила: «Один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина... во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях... ясно, что корень всему злу и добру — воспитание». Желая создать правильное воспитание в русском обществе, Екатерина считала лучшим средством прежде всего воспитать заботами правительства «новую породу, или новых отцов и матерей». Эта новая порода людей, нормально воспитанных и нравственно совершенных, должна была вырасти в воспитательных училищах под надзором опытных педагогов, в разобщении с семьей и обществом, чтобы воспитываемая молодежь убереглась от влияния некультурной среды. Такими воспитательными училищами явились закрытые институты для девиц («воспитательное общество благородных девиц» или «смольный институт»), с особыми отделениями для девиц-дворянок и девиц-горожанок (1764), и кадетские корпуса — закрытые заведения для мальчиков. Учреждением этих заведений было положено начало закрытым учебным заведениям в России. Немногим позднее (1782) особая «комиссия об учреждении народных училищ» выработала стройный план устройства открытых школ для всех сословий государства. Предположено было открыть в каждом уездном городе «малое народное училище», в каждом губернском городе — «главное народное училище» и, сверх того, четыре университета. Для исполнения этого проекта принимались разные меры: готовились преподаватели, составлялись учебники и т. п. Но завершить дело Екатерине не удалось: при ней было открыто несколько губернских училищ («гимназий»), не везде были открыты уездные и не было учреждено ни одного университета. Причиной была сложность и дороговизна самого дела.

2. В области народнохозяйственной жизни Екатерина стала держаться совсем иной политики, чем ее предшественники. При Петре Великом действовала строгая и мелочная система покровительства (§ 112); ближайшие преемники Петра держались той же системы, временами лишь ослабляя правительственную опеку над промыслами и торгами. В царствование Екатерины на западе стало популярно учение Адама Смита о благах свободной торговли, и Екатерина немедля усвоила это учение, подходившее к ее общему либеральному настроению. Система протекционизма была оставлена (1782), и в отношении народно-хозяйственной деятельности Екатерина стала держаться правила: *laissez faire, laissez passer*. Но, отказавшись от того, чтобы направлять и опекать торгово-промышленную деятельность населения, императрица не отказалась ей покровительствовать и содействовать ее развитию. Так, желая лучше организовать кредит и удешевить его, Екатерина, взамен сословных банков времени императрицы Елизаветы (§ 121), открыла один общий «государственный заемный банк», взимавший только 5 % с занятых капиталов.

В отношении финансов время императрицы Екатерины замечательно водворением у нас бумажного денежного обращения. Нуждаясь в деньгах ввиду военных расходов, Екатерина уже в начале царствования (1768) прибегла к выпуску «ассигнаций», то есть бумажных денег. (Эти деньги выпускал особый «ассигнационный банк» с капиталом в миллион рублей.) Сначала ассигнаций было выпущено умеренное количество; размен их на звонкую монету совершался беспрепятственно, и потому ассигнации пользовались любовью населения. Действительно, они представляли большое удобство в сравнении с тяжелой звонкой монетой, а в особенности с «медью», которая тогда главным образом и ходила в народе. Успех бумажных денег повел к тому, что правительство стало выпускать их все в большем и большем количестве для покрытия экстренных военных трат. В конце царствования Екатерины ассигнаций обращалось уже на 150 млн., а разменного металлического фонда для них почти не было. Явились обычные последствия такого порядка: цена ассигнаций поколебалась и упала в полтора раза против звонкой монеты (ассигнационный рубль стоил не дороже 68 коп.), а цена всех товаров поднялась. Таким образом, денежное обращение пришло в беспорядок и дурно отразилось на всем хозяйственном обиходе страны. Причина этому заключалась в отсутствии правильного взгляда на значение бумажных денег вообще; но в ту эпоху и нигде еще не было ясного сознания, что бумажный денежный знак сам по себе не имеет никакой ценности и представляет собой только долговое обязательство казны.

3. В высшей степени были замечательны и ценны заботы императрицы Екатерины о «народном здравии». При ней впервые были приняты меры к тому, чтобы правильно организовать врачебное дело в государстве. С этой целью была учреждена особая «медицинская коллегия»: она должна была заботиться, вместе с

губернаторами, чтобы в каждом городе была аптека и врачи. На обязанность местных приказов общественного призрения (§ 128) была возложена забота об устройстве «богоугодных заведений», госпиталей, больниц и приютов для больных и умалишенных. Было введено оспопрививание, только что входившее в практику в Европе, причем сама императрица привила оспу себе и своему сыну — для побуждения к тому подданных. Словом, было сделано все, чтобы разъяснить населению необходимость врачебного благоустройства и облегчить пути к нему.

§ 131. Литературное движение при Екатерине II

Первые семена европейского просвещения, посеянные Петром Великим, дали плод уже в царствование его дочери императрицы Елизаветы. При Елизавете действовали Ломоносов, Тредиаковский и Сумароков, представившие первые образцы русского творчества во всех родах тогдашней поэзии. Отчасти под влиянием этих писателей, отчасти же под влиянием мод и обычаев Елизаветинского двора в русское общество, вместе с модой на французский язык, стали проникать французские литературные вкусы и направления. При Елизавете великая княгиня Екатерина Алексеевна, обратившись к чтению книг в своем вынужденном бездействии, стала читать именно французских писателей. Французская литература определила все ее мировоззрение и сделала ее поклонницей рационалистической философии и политического вольномыслия. Вступив на престол, Екатерина не изменила своим литературным вкусам и идеям и явилась распространительницей французского просвещения в русском обществе. Она сама приняла участие в литературе своими комедиями и сказками, своим Наказом, своими историческими и педагогическими рассуждениями. Она старалась собственным примером ободрить и поощрить своих подданных к литературным занятиям и воспитать в них литературные вкусы и любовь к чтению и размышлению. Пример императрицы скоро подействовал. С началом царствования Екатерины литературная деятельность расцвела; сразу появилось несколько журналов («Всякая всячина», «Трутенъ» и др.). Целью этих журналов было давать русской публике нравоучительное чтение. Одним из орудий общественного воспитания журналы считали обличение пороков в форме смехотворной сатиры. Предметом сатирического осмеяния были обычные для того времени взятки, казнокрадство, жестокости крепостного права, несоответствие в русской жизни блестящей европейской внешности и внутреннего невежества и грубости. Сама императрица участвовала во «Всякой всячине» и увлекалась журнальной полемикой. Мода на журналы скоро прошла; но литературное движение не заглохло. На сцену вышли такие крупные писатели, как Державин и Фонвизин; а за ними появилась целая плеяда второстепенных поэтов и драматургов. Всем им было обеспечено благосклонное внимание просвещенной государыни.

Вызванное Екатериной умственное возбуждение проявилось не в одной только литературной деятельности. В России в то время распространилось так называемое «масонство». Возникшее в Англии масонство представляло собой мистическое учение, исполненное таинственности. «Масоны», или «франк-масоны», составляли братства («ложи») с идеальной целью взаимно помогать друг другу в деле нравственного совершенствования, братской любви и благочестия. Масонские ложи были замкнуты и окружены таинственностью; в них были свои вычурные символы, обряды и церемонии. Доступ туда был обусловлен разными искусствами и клятвами. В масонском идеализме и символике находили себе нравственное удовлетворение люди, склонные к мистике и далекие от сухого рационализма. Из русских людей первыми масонами стали лица, известные императрице Екатерине (например, ее секретарь Елагин и журналист Новиков). Первоначально Екатерина относилась к масонству с полной терпимостью. Впоследствии же (когда Новиков развил свою издательскую и просветительную деятельность в «дружеском обществе» и «типографической компании») императрица стала подозревать масонство в политической неблагонадежности и запретила его. Новиков был даже заключен в крепость, где и оставался до кончины Екатерины.

Между сочинениями императрицы видное место занимают исторические сочинения, посвященные древней Руси и предназначенные, между прочим, для чтения наследника престола цесаревича Павла. Своим интересом к истории Екатерина содействовала развитию исторических исследований и изданий. С ее покровительством и помощью Новиков, раньше своей опалы и заточения, издал известный сборник древнерусских документов в 20 томах под названием «Древняя Российская Вивлиофика». При Екатерине академия наук стала печатать русские летописи. Тогда же была напечатана большая «История Российская», составленная современником и сотрудником Петра Великого В. Н. Татищевым. Еще более обширный труд под таким же названием «Истории Российской» был обработан и издан князем М. М. Щербатовым, которому императрица открыла для его работ государственные архивы. Князь Щербатов был не только историком, но и публицистом независимого образа мыслей. Известно, что сама императрица Екатерина к концу жизни, под

страхом совершившейся во Франции кровавой революции, стала консервативнее и неодобрительно относилась к политическому свободомыслию. Тем не менее это свободомыслие и религиозное вольнодумство не переставали существовать в русском обществе и создали в нем довольно распространенный тип «вольтерянца» (то есть последователя Вольтера). Князь Щербатов только некоторыми своими взглядами примыкал к таким вольтерянцам. В общем же он представлял собою такого критика современного ему порядка и нравов, который предпочитал старые русские обычаи позднему «повреждению нравов».

По сравнению с предшествующим временем царствование императрицы Екатерины II является эпохой большого культурного подъема. Высокая просвещенность и гуманность государыни; ее либерализм, обнаруженный в Наказе; общественное возбуждение, вызванное комиссией 1767–1768 гг.; льготное самоуправление, созданное законами 1785 г. для высших сословий; небывалое до той поры оживление литературы и журналистики — все это были такие явления, которые придали просвещенному «веку Екатерины» необыкновенный блеск и создали самой императрице чрезвычайную популярность. Перелом в настроении Екатерины, происшедший с 1789 г. ввиду переворотов во Франции, не уменьшил этой популярности, потому что и в самом русском обществе отношение к революционной Франции резко обострилось. Поэтому Екатерина до самой своей кончины продолжала пользоваться уважением подданных, которое нередко переходило в пламенное обожание «матушки Екатерины».

§ 132. Внешняя политика Екатерины II

В ходе внешней политики императрицы Екатерины различаются два периода равной продолжительности, рубежом которых можно счесть приблизительно 1779 г. В каждом из этих периодов императрица руководилась определенным планом действий. Сначала ее увлекала сочиненная ее дипломатами политическая система, носившая тогда название «северного аккорда», или «северной системы». Она состояла в том, чтобы из северных государств Европы (России, Пруссии, Польши, Швеции, Дании и Англии) составить постоянный союз и противопоставить его союзу Австрии и Франции, которые своим соединением могли чувствительно нарушать политическое равновесие Европы. Под влиянием этой «системы» Екатерина все свое внимание устремляла на дела Польские, пока ей не пришлось поневоле воевать с турками, так как те сами объявили ей войну. Польские и Турецкие дела наполнили собой первый период Екатерининской политики. В результате Екатерина сделала много земельных приобретений. Но она совершенно разочаровалась в своей «северной системе», так как убедилась, что нельзя примирить и объединить совершенно различные и взаимно враждебные интересы северных европейских держав. С прежними союзниками у Екатерины постепенно произошло охлаждение, и по общему ходу дел императрица главное свое внимание перенесла с севера на юг, на отношения с турками и татарами.

Для того, чтобы успешнее действовать против них, она заключила союз с Австрией против Турции (1779) и в основание этого союза положила свой знаменитый «греческий проект». Он состоял в том, чтобы, изгнав турок из Европы, на месте турецкого государства создать в Царьграде греческую империю с православным государем и произвести раздел других турецких областей и островов между европейскими державами. Эта широкая политическая идея привела к тому, что Екатерина решилась присоединить к России Крымское ханство (1783), а Турция из-за Крыма начала вторую войну с Россией. Но в то же время охлаждение, происшедшее между Екатериной и ее прежними союзниками, привело Россию к войне со Швецией и к осложнениям в Польше. Из новых своих войн Екатерина вышла с успехом и с большими земельными приобретениями, но поставленная ею руководящая цель не была достигнута, и «греческий проект» не был осуществлен. Таким образом, во внешней политике императрицы Екатерины намерения не совсем отвечали результатам. Отвлеченные «системы» и «проекты» оставались без исполнения. Несмотря на то, внешняя политика Екатерины создала России небывалую мощь и служила прямым продолжением тех политических успехов, которым начало положил Петр Великий.

§ 133. Первый раздел Польши (1772)

Немедля по вступлении на престол императрица Екатерина уничтожила ту близость русского двора к королю Фридриху II Прусскому, какую допустил Петр III (§ 124). Но она не возобновила и войны с Пруссией, а твердо и решительно установила нейтралитет России в Семилетней войне.

Вскоре события в Речи Посполитой потребовали особого внимания Екатерины. Король польский Август III доживал свой век; близилось время «бескоролья». Русскому правительству, которое со времен Петра Великого утвердило свое влияние в Польше, надлежало определить удобного для России кандидата в короли и подготовить его избрание на сейме. Сверх того, внутренняя анархия в Речи Посполитой к середине XVIII ст. стала настолько явною и тяжелою, что соседние правительства должны были с особым вниманием следить за ходом польско-литовских дел и быть готовыми к вмешательству в случае окончательного разложения Речи. Из самой Польши и Литвы шел призыв к такому вмешательству. Так, к императрице Екатерине, в начале ее царствования, обратился Белорусский епископ (Георгий Конисский) с мольбою о защите православного населения в Речи Посполитой, которое подвергалось не только отдельным насилиям и поруганиям, но и систематическому преследованию властей. (Так, запрещалось не только строить, но и исправлять православные церкви; цензура православных церковных книг поручалась католикам; были установлены поборы с православных в пользу католического духовенства; православные были подчинены церковному католическому суду; наконец, у русских православных людей отнято было право занимать общественные должности и быть депутатами на сейме.)

Было уже показано (§ 91), что главной причиной бедствий Речи Посполитой была «златая вольность» народа-шляхты, не признававшей ни королевского авторитета, ни человеческих прав низших сословий. Разделяя с королем право верховного управления на сеймах, шляхта нередко отказывала королю в повиновении, составляла против короля и правительства открытые союзы для защиты своих прав и вольностей — «конфедерации» — и даже бралась за оружие против своего государя и начинала «рокош», или восстание. При этом она считала конфедерации и рокоши своим законным правом, ибо закон действительно разрешал отказывать королю в повиновении, если король нарушал права шляхты. При таких обычаях разнузданной шляхты король в Речи Посполитой не имел в сущности никакой власти и мог рассчитывать только на свои личные средства и силы. А так как во главе шляхты стояли богатейшие и могущественные «магнаты» (князья и паны), то личных средств и сил короля никогда не хватало на то, чтобы сломить своеволие господствовавшего в стране сословия. Напротив, сам король должен был искать себе опоры и поддержки в иностранных дворах, чтобы держаться в своем государстве. (Август III в этом отношении подражал своему отцу Августу II и охотно искал покровительства России.) Таким образом, политический порядок в Речи Посполитой был расшатан до последней степени, и страна стала жертвой безначалия.

В среде самого господствующего сословия это безначалие привело к печальным последствиям. Равный по своим политическим правам, народ-шляхта не был однороден в общественном отношении. Во главе его находилась сильная знать — магнаты, владевшие громадными землями и богатствами, привыкшие к независимому властвованию в своих владениях. А рядом с ними в шляхте были мелкопоместные ничтожные землевладельцы, готовые искать милостей и ласки у знатных людей, их соседей, покровителей и милостивцев. Житейская зависимость мелких шляхтичей от крупных панов выражалась в том, что вокруг магнатов слагался круг клиентов, готовых на все по приказу своего пана. Паны вертели шляхтой, как хотели, и на сеймах оказывались истинными господами дел. Каждый из них стоял во главе послушной ему шляхетской партии и руководил ей, не разбирая средств и приемов. Сеймы обращались в арену мелкой и своекорыстной борьбы лиц и кружков с полным забвением государственной пользы. Речь Посполитая, шляхетская республика, выродилась в олигархию панов, поработивших шляхту.

Падение политического порядка особенно наглядно выражалось в том, что сеймы потеряли характер серьезного представительного собрания и обыкновенно не могли прийти к определенным постановлениям. Старый сеймовый обычай требовал единогласного решения дел. (Каждый голос на сейме представлял собой какую-либо часть государства: крупные паны, поголовно присутствовавшие на сеймах, голосовали за свои крупные владения; шляхетские выборные «послы» голосовали за свой «повет», то есть уезд, иначе за свой шляхетский «поветовый» сеймик, который их послал на общий сейм. Надо было, чтобы вся Речь Посполитая, всеми своими голосами, участвовала в принятом на сейме решении.) В ту пору, когда порядок на сейме был еще крепок, к вопросу о единогласии относились серьезно и совестливо. В XVIII же в. самым обычным делом было «сорвать сейм» тем, чтобы подкупить или убедить какого-либо члена сейма не согласиться с принятым решением. Он возглашал: «не позволяю», и решение падало. Этот обычай, при котором каждому члену сейма принадлежало право «свободного запрещения» (*liberum veto*), вконец погубил сеймовую деятельность. Никакой реформы, никакого полезного постановления нельзя было провести через сейм, так как всегда была возможность сорвать решение сейма простой и низкой интригой.

Естественным последствием политической анархии был полный разгул произвола и насилий в общественной жизни. Везде и во всем сильный обижал слабого. Магнаты ссорились между собой и вели чуть не войны друг против друга. Сосед обижал соседа; землевладельцы мучили своих «хлопов» — крестьян; шляхта насильничала над горожанами и евреями; католики и униаты теснили «диссидентов», то есть людей,

не принадлежащих к господствующей церкви, иначе — православных и протестантов. Безвинно гонимые и обиженные нигде не находили защиты своих прав, своего имущества и своей жизни. Вполне понятно, что, потеряв терпение, они искали покровительства на стороне, у чужой власти, у иноземных правительств. Так поступали сами польские короли; так поступали и диссиденты. Этим для соседних государств создавалась не только возможность, но и необходимость вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой.

В 1763 г. умер король Август III. Согласно желанию императрицы Екатерины, сеймом на престол был избран природный поляк граф Станислав Понятовский (царствовавший под именем Августа IV). Так как Понятовский был личным знакомым Екатерины и притом находился под ее сильным влиянием, то русский посол в Варшаве (князь Репнин) получил очень важное значение при новом польском короле. По жалобе епископа Георгия Конисского Екатерина решилась поднять свой голос в защиту православных в Польше и Литве. Только, по соглашению с прусским королем, она сделала это в общей форме ходатайства о даровании равноправия с католиками всем диссидентам (и православным, и протестантам). Сейм отнесся к вопросу с чрезвычайной нетерпимостью и отказал в даровании прав диссидентам.

Тогда императрица Екатерина прибегла к очень решительному средству: она указала князю Репнину постараться о том, чтобы православная и протестантская шляхта составила конфедерации для защиты своих прав. Репнину удалось устроить три конфедерации: православную, протестантскую и третью — из католиков, склонных поддержать диссидентов. Однако это мало повлияло на сейм: сейм не оставил своей нетерпимости. Тогда князь Репнин прибег к прямому воздействию силой. Русские войска были введены в Варшаву, и Репнин потребовал от короля ареста католических вожakov сейма. Эти вожаки были схвачены и увезены в Россию (в их числе были два католических епископа). Сейм сдался и уступил. Особым законом (1767) было поставлено, что диссидентская шляхта уравнивается с католической во всех правах, но католичество остается господствующим исповеданием и король может быть избран только из католиков. То была очень крупная реформа. Ее исполнение было обеспечено в 1768 г. особым трактатом Речи Посполитой с Россией, по которому императрица Екатерина обещала в будущем охранять без всяких изменений государственный строй Польши и Литвы. Это обещание императрицы устанавливало как бы протекторат России над Речью Посполитой: Россия получала право надзора над внутренней жизнью соседнего государства.

Таким образом, императрица Екатерина совершила целый переворот в политических и религиозных отношениях польско-литовского общества. Нельзя было думать, чтобы народ-шляхта мог легко примириться с насильственным воздействием на сейм и короля. Действительно, в Польше образовался ряд конфедераций (с центром в городе Баре) «за веру и свободу», то есть в защиту умаленных прав католической церкви и сейма и против покровительства России. В борьбе за свои права «барские» конфедераты не щадили православного народа и вызвали против себя «колиивщину» — восстание так называемых «гайдамаков». (Прозвище гайдамаков носили тогда бродячие разбойничьи дружины крестьян, «казаковавших» в Правобережной Украине, по примеру казаков XVI-XVII ст.) Гайдамаки, как и шляхта, встали за свою «веру и свободу» и с необыкновенной жестокостью начали громить ксендзов, шляхту и евреев, уничтожая целые города (г. Умань был поголовно вырезан гайдамаками под начальством казаков Железняка и Гонты). В Польше началась ужасающая смута (1768). Король не имел средств ни на то, чтобы защитить себя и закон от конфедератов, ни на то, чтобы подавить колиивщину. Он просил Екатерину прислать свои войска для водворения порядка. В силу договора 1768 г. Екатерина послала в Польшу военные силы.

Русские войска скоро усмирили гайдамаков, но долго не могли справиться с конфедератами. Отряды конфедератов бродили с места на место, занимались грабежом, но не принимали сражений с регулярными войсками, а просто убегали от них. По неприязни к России, Франция посылала конфедератам помощь, а Австрия давала им приют. Это еще более затрудняло борьбу с ними. Наконец, и само польское правительство стало вести себя двусмысленно и уклонялось от содействия русским войскам. Смута затягивалась, и это дало повод Пруссии и Австрии ввести в Польшу свои войска. Когда, наконец, Суворов нанес конфедератам ряд поражений и отнял у них Краков, стало ясно, что конфедерации пришел конец. Но державы не вывели своих войск из Польши. Между ними начались переговоры о том, чтобы взять с Речи Посполитой вознаграждение за понесенные ими траты и беспокойства. В результате этих переговоров Пруссия оставила за собою Померанию и часть Великой Польши (те земли, которые разделяли Бранденбург и Пруссию); Австрия присоединила к себе Галицию, а Россия взяла Белоруссию.

Это отчуждение земель Речи Посполитой, происшедшее в 1773 г., известно под названием «первого раздела Польши». Императрица Екатерина, по-видимому, не совсем была довольна этим разделом. Пруссия и Австрия, воспользовавшись обстоятельствами, получили польские провинции без всяких усилий и затрат, что совсем не входило в планы Екатерины. Притом Австрия получила коренную русскую область, что не могло не огорчать тех русских людей, которые понимали печальный смысл этой утраты.

Дополнение: В. О. Ключевский о первом разделе Польши

Отношения [Екатерины II] к Польше

В западнорусском или польском вопросе допущено было меньше политических химер, но немало дипломатических иллюзий, самообольщения (недоразумений) и всего больше противоречий. Вопрос состоял в воссоединении Западной Руси с Русским государством; так он стал еще в XV в. и полтора столетия разрешался в том же направлении; так его понимали и в самой Западной России в половине XVIII в.

Из сообщений приехавшего на коронацию в 1762 г. епископа белорусского Георгия Конисского Екатерина могла видеть, что дело не в политических партиях, не в гарантии государственного устройства, а в религиозных и племенных инстинктах, наболевших до междоусобной резни сторон, и никакие договоры, никакие протектораты не в силах мирно распутать этот религиозно-племенной узел; требовалось вооруженное занятие, а не дипломатическое вмешательство.

На вопрос Екатерины, какую пользу может извлечь Русское государство из защиты православных в Польше, один тамошний игумен отвечал прямо: Русское государство праведно может отобрать у поляков на 600 верст плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом. Екатерина не могла прикинуть такой грубо прямой постановки дела к шаблонам своего политического мышления и повела народно-психологический вопрос извилистым путем дипломатии. Общий национально-религиозный вопрос подменяется тремя частичными задачами, территориальной, покровительственной и полицейской: предположено было продвинуть северо-западную границу до Западной Двины и Днепра с Полоцком и Могилевом, добиться восстановления православных в правах, отнятых у них католиками, и потребовать выдачи многочисленных русских беглецов с прекращением дальнейшей их приемки. Этим и ограничивалась первоначальная программа русской политики.

Диссидентское дело о покровительстве единоверцев и прочих диссидентов, как тогда выражались, об уравнивании их в правах с католиками было особенно важно для Екатерины, как наиболее популярное дело, но и особенно трудно, потому что бередило много больных чувств и задорных интересов. Но именно в этом деле политика Екатерины обнаружила особенный недостаток умения соображать образ действий с положением дел. Диссидентское дело надобно было проводить сильной и властной рукой, а королю Станиславу Августу IV, и без того слабовольному человеку, не дали ни силы, ни власти, обязавшись по договору с Пруссией не допускать никаких реформ в Польше, способных усилить власть короля. Станислав по бессилию оставался, по его выражению, «в совершенном бездействии и небытии», бедствовал без русской субсидии, иногда не имея со своим двором дневного пропитания и перебиваясь мелкими займами.

Своей гарантией поддерживали польскую конституцию, которая была узаконенной анархией, и сами же негодовали, что при такой анархии ни в чем от Польши никакого толку добиться нельзя. Притом Панин дал делу диссидентов очень фальшивую постановку. Уравнение их в правах с католиками, которого требовало русское правительство, могло быть политическое и религиозное. Православные ждали от России прежде всего уравнивания религиозного, свободы вероисповедания, возвращения отнятых у них католиками и униатами епархий, монастырей и храмов, права невольным униатам воротиться к вере православных отцов. Политическое уравнивание, право участия в законодательстве и управлении было для них не столь желательно и даже опасно.

В Речи Посполитой только шляхта пользовалась политическими правами. Верхние слои православного русского дворянства ополячились и окатоличились; что уцелело, было бедно и необразованно; между православными дворянами трудно было отыскать человека, способного быть депутатом на сейме, заседать в Сенате, занимать какую-либо государственную должность, потому что, как писал русский посол в Варшаве своему двору, все православные дворяне сами землю пашут и без всякого воспитания. Даже епископ белорусский Георгий Конисский, глава православных Западной Руси, который по своему сану должен был сидеть в Сенате, не мог иметь там места, не будучи дворянского происхождения. Притом политическое уравнивание пугало малосильное православное дворянство еще большим озлоблением господствующей католической шляхты, принужденной делиться господством со своими врагами. Все это сдерживало стремление диссидентов к политическим правам.

Панин, напротив, больше всего хлопотал о политическом уравнивании. Выступая во имя свободы совести как министр православной державы, он находил усиление православия, как и протестантизма в Польше, вредным для России. Протестантская религия может вывести поляков из их невежества и повести к опасному для

России улучшению их государственного строя. «Относительно наших единоверцев этого неудобства быть не может», т. е. от православия нельзя опасаться ни искоренения невежества, ни улучшения государственного строя, но излишне усиленные нами православные станут от нас независимы. Им надобно дать политические права только для того, чтобы образовать из них надежную политическую партию с законным правом участвовать во всех польских делах, однако не иначе, как под нашим покровительством, «которое мы себе присваиваем на вечные времена».

Мечтательный идиллик северной системы здесь — положительный макиавеллист. Вынужденными конфедерациями, т. е. вооруженными восстаниями, устроенными под давлением русских войск, арестами наиболее упрямых противников вроде епископа краковского Солтыка русское правительство добилось своего, провело на сейме вместе с русской гарантией конституции и свободой вероисповедания для диссидентов и политическое уравнивание их с католической шляхтой.

Но Панин ошибся в своих расчетах, а опасения диссидентов сбылись. Диссидентское уравнивание загло всю Польшу. Едва разошелся сейм, утвердивший договор 13 февраля, как в Баре поднял против него конфедерацию адвокат Пулавский. С его легкой руки начали вспыхивать антидиссидентские конфедерации там и сям по всей Польше. Все бездомное и праздношатающееся из заматавшейся шляхты, из панской дворни, из городов и сел собиралось под знамена этих конфедераций и, рассыпаясь по стране мелкими шайками, грабило во имя веры и отечества кого ни попало; доставалось и своим, но более всего терпели диссиденты и евреи. По обычному конфедерационному праву всюду, где действовали конфедерации, упразднялись местные власти и водворялось полное безначалие.

Это была своего рода польско-шляхетская пугачевщина, нравами и приемами ничуть не лучше русской мужицкой, и трудно сказать, которая из них клала больше позора на государственный строй, ее породивший, хотя причины обоих движений были различны до противоположности: там — разбой угнетателей за право угнетения, здесь — разбой угнетенных за освобождение из-под гнета. Русская императрица, за порядок и законы республики; польское правительство ей и предоставило подавить мятеж, а само оставалось любопытным зрителем событий.

Русского войска было в Польше до 16 тыс. Эта дивизия и воевала с половиной Польши, как тогда говорили. Большая часть войска стояла гарнизонами по городам, и только четверть преследовала конфедератов; но, как доносил русский посол, сколько за сим ветром ни гоняются, догнать не могут и только понапрасну мучатся.

Конфедераты всюду находили поддержку; мелкая и средняя шляхта тайно снабжала их всем нужным. Католический фанатизм был разогрет духовенством до высшей степени; под его действием разрывались все общественные и нравственные связи. Помянутый епископ Солтык перед арестом вызывался русскому послу склонить католиков на уступки диссидентам, если посол позволит ему по-прежнему вести себя самоотверженным борцом за веру для сохранения кредита в своей партии, т. е. позволит ему быть плутом и провокатором.

Русский кабинет убедился, что ему не справиться с последствиями собственной политики, и поручил русскому послу подговаривать самих диссидентов пожертвовать частью дарованных им прав, чтобы сохранить остальные, и обратиться к императрице с ходатайством о разрешении им такой жертвы.

Екатерина позволила, т. е. вынуждена была отказаться от допущения диссидентов в Сенат и министерство, и только в 1775 г., после первого раздела Польши, за ними утверждено было право быть избираемыми на сейм вместе с доступом ко всем должностям. Одной из причин непрямой постановки диссидентского вопроса были полицейские соображения, к нему прицепленные.

Порядки самодержавно-дворянского русского правления так тяжело ложились на низшие классы, что издавна тысячи народа бежали в безнравственную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее. Панин потому особенно считал вредным наделение православных в Речи Посполитой слишком широкими правами, что тогда побеги из России еще более усилятся «при свободе веры, соединенной с выгодами свободного во всем народа».

Тем [же] барским взглядом русская политика смотрела и на православное простонародье Речи Посполитой: в нем, как в единоверцах, видели предлог ко вмешательству в польские дела, но не хотели пользоваться им, как материалом для политической агитации против господствующего, сами находясь в положении такого же класса.

Диссидентское дело обострило на Украине давнюю непрерывную борьбу православных с униатами и

католиками, столько же ободрило правых, сколько озлобило вторых. Ответом православных на Барскую конфедерацию был гайдамацкий бунт (1768 г.), в котором вместе с гайдамаками, русскими беглецами, ушедшими в степи, поднялись запорожцы с Железняком во главе, оседлые казаки и крепостные крестьяне с сотником Гонтой и другими вождями. Явилась и подложная грамота императрицы Екатерины с призывом подниматься на ляхов за веру. Бунтари по-старому избивали евреев и шляхту, вырезали Умань; фанатизм греческий и холопий, как выразился о восстании король Станислав, боролся огнем и мечом с фанатизмом католическим и шляхетским. Русский бунт погасили русские же войска; повстанцы, избегнувшие кола и виселицы, воротились в прежние состояния.

При такой двусмысленности русской политики православные диссиденты Западной Руси не могли понять, что хочет сделать для них Россия, пришла ли она совсем освободить их от Польши или только уравнивать, хочет ли она избавить их от католического ксендза и униатского попа или и от польского пана.

[Первый] раздел Польши

В продолжение шести-семи лет сумятицы, поднявшейся в Польше со смерти короля Августа III (1763 г.), в русской политике незаметно мысли о воссоединении Западной Руси: она затерта вопросами о гарантии, диссидентах, конфедерациях. Забота Панина о присвоении России покровительства диссидентам «на вечные времена» скорее указывает на то, что ему была совсем чужда эта мысль.

Русский кабинет сначала довольствовался (думал только) исправлением границы с польской стороны и каким-нибудь территориальным вознаграждением Фридриха за содействие в Польше. Но русско-турецкая война дала делам более широкое течение. Фридрих сперва испугался этой войны, опасаясь, что Австрия, злобясь на русско-прусский союз, вмешается в нее, станет за Турцию, впутает и Пруссию. С целью отклонить эту опасность из Берлина с самого начала войны и была пущена в ход мысль о разделе Польши. Эта идея ничья; она сложилась сама собой из всего строя, быта и соседского окружения Речи Посполитой и носилась в дипломатических кругах давно, уже с XVII в.

При деде и отце Фридриха II три раза предлагали Петру I раздел Польши и всегда непременно с уступкой прусскому королю западной Пруссии, отделявшей досадным промежутком Бранденбург от восточной Пруссии. Фридриху II принадлежит не самая идея, а ее практическая разработка. Он сам признавался, что, страшась усиления России, он попробовал без войны, без жертв и риска, только ловкостью извлечь пользу из ее успехов. Война России с Турцией дала ему желанный случай, который он, по его выражению, ухватил за волосы. По его плану к союзу России с Пруссией привлекалась враждебная им обеим Австрия для дипломатического — только отнюдь не вооруженного — содействия России в войне с Турцией, и все три державы получали земельное вознаграждение не от Турции, а от Польши, подавшей повод к войне.

После трехлетних переговоров, веденных с «притворной добросовестностью», по выражению Панина, участники, перетасовывая области и населения, как игральные карты, подвели такие итоги игры. Молдавия и Валахия, христианские княжества, отвоеванные у турок русскими войсками, возвращались именно по настоянию Фридриха, союзника, под турецкое иго, освобождение от которого им было торжественно обещано, а взамен этой уступки русский кабинет, обязавшись охранять территориальную целостность христианской Польши от хищных соседей, заставил Россию вместе с ними участвовать в ее расхищении.

Вышло так, что одни польские области отходили к России взамен турецких за военные издержки и победы, а другие — к Пруссии и Австрии так, ни за что, или к первой как бы за комиссию и за новую постановку дела, за фасон, а ко второй в виде отступного за вражду к России, вызванную ее союзом с той же Пруссией.

Наконец, в 1772 г. (25 июля) последовало соглашение трех держав-дольщиц, по которому Австрия получала всю Галицию с округами, захваченными еще до раздела, Пруссия — западную Пруссию с некоторыми другими землями, а Россия — Белоруссию (ныне губернии Витебская и Могилевская).

Доля России, понесшей на себе всю тяжесть турецкой войны и борьбы с польской сумятицей, была не самая крупная: по вычислениям, какие представил Панин, она по населенности занимала среднее место, а по доходности — последнее; самая населенная доля была австрийская, самая доходная — прусская.

Однако, когда австрийский посол объявил Фридриху свою долю, король не утерпел, чтоб не воскликнуть, взглянув на карту: «Чёрт возьми, господа! У вас, я вижу, отличный аппетит: ваша доля столь же велика, как моя и русская вместе; поистине у вас отличный аппетит». Но он был доволен разделом больше остальных участников. Удовольствие его доходило до самозабвения, т. е. до желания быть добросовестным: он признавался, что у России много прав поступить так с Польшей, «чего нельзя сказать об нас с Австрией». Он

видел, как плохо воспользовалась Россия своими правами и в Турции и в Польше, и чувствовал, как из этих ошибок росла его новая сила.

Это чувствовали и другие. Французский министр злорадно предостерегал русского уполномоченного, что Россия со временем пожалеет об усилении Пруссии, которому она так много содействовала. В России также вину Панина в чрезмерном усилении Пруссии, и он сам сознавался, что зашел дальше, чем желал, а Гр. Орлов считал договор о разделе Польши, так усиливший Пруссию и Австрию, преступлением, заслуживающим смертной казни.

Как бы то ни было, редким фактом в европейской истории останется тот случай, когда славяно-русское государство в царствование с национальным направлением помогло немецкому курфюршеству с разрозненной территорией превратиться в великую державу, сплошной широкой полосой раскинувшуюся по развалинам славянского же государства от Эльбы до Немана.

По вине Фридриха победы 1770 г. принесли России больше славы, чем пользы. Екатерина выходила из первой турецкой войны и из первого раздела Польши с независимыми татарами, с Белоруссией и с большим нравственным поражением, возбудив и не оправдав столько надежд в Польше, в Западной России, в Молдавии и Валахии, в Черногории, в Морее.

В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 76

§ 134. Русско-турецкая война 1768-1774

В то время, когда внимание императрицы Екатерины было обращено на усмирение польских конфедератов и гайдамацкого движения, Турция объявила России войну (1768). Предлогом для этого послужили пограничные грабежи гайдамаков (разоривших пограничные местечки Балту и Галту); истинная же причина заключалась в том, что турки были под враждебным России влиянием Франции и по ее внушению нашли данную минуту удобной для сведения своих давних счетов с Россией. Надеясь на то, что русские войска заняты в Польше, турки рассчитывали на успех. Действительно, они застали Екатерину врасплох. Но императрица проявила большую энергию и мужество и стала деятельно собирать силы для борьбы. В первый же год (1769) войны удалось нанести туркам чувствительное поражение (у крепости Хотина). Второй год войны (1770) был необыкновенно удачен. Граф Румянцев с удивительным искусством дважды разбил в несколько раз сильнее него неприятеля близ р. Прута, на реках Ларге и Кагуле. В особенности важна и блестяща была Кагульская победа, открывшая Румянцеву дорогу на Дунай и даже за Дунай. В то же время русский флот был отправлен из Балтийского моря в Средиземное под начальством графа Алексея Орлова. Орлов поднял восстание греков против турок в Пелопоннесе и встретился с турецким флотом у о. Хиоса. После страшного боя в Хиосском проливе и в бухте Чесме весь турецкий флот был сожжен (героями этих боев были адмиралы Спиридов и Грейг). Чесменская победа отдала во власть Орлова весь Архипелаг; но в Дарданеллы ему проникнуть не удалось. Слава Кагула и Чесме облетела всю Европу; она парализовала энергию турок. Дальнейшая война была ведена на самом Дунае, потому что турки уже не отваживались действовать на север от этой реки и ограничивались обороной ее берегов. Не один раз Румянцеву удавалось переправляться со своей армией через Дунай и осаждать придунайские крепости; но долго держаться за Дунаем было невозможно, по недостатку провианта. Тем не менее, в 1774 г. Румянцев, перейдя Дунай, разными дорогами направился к крепости Шумле, а передовые его отряды добрались даже до Балканских гор. За необыкновенный подвиг первой русской переправы через Дунай и за перенесение войны вглубь Турции Екатерина наградила Румянцева чином фельдмаршала и титулом «Задунайский». Не менее удачно действовала и вторая русская армия (князя Долгорукого): она овладела всем Крымом и утвердилась там. Для турок стало ясно, что война для них не могла окончиться удачно.

В 1774 г. в русском лагере на правом (южном) берегу Дуная, в деревне Кючук-Кайнарджи, был заключен мир между Россией и Турцией. Условия его были таковы: 1) все татары, жившие на северных берегах Черного моря и по берегам Азовского моря, признавались независимыми от турецкого султана; 2) Россия получила Азов, Керчь (с Еникале) и Кинбурн (иначе говоря — устья Дона, Буга и Днепра и Керченский пролив); 3) русские подданные и купцы получили право на особое покровительство турецких властей; 4) Турция обязалась уплатить России контрибуцию (4,5 млн. руб.). Это был очень выгодный для России мир.

§ 135. Крым и Новороссия (1774-1787)

Приобретение устьев Днепра и Буга, с одной стороны, устьев Дона и Керченского пролива, с другой, не только передало в распоряжение России Черноморские степи, но поставило в полную зависимость от нее и самый Крым. По Кючук-Кайнарджийскому договору Крымское ханство получило полную «вольность»; но, охваченное русскими крепостями и отрезанное ими и морем от общения с другими магометанскими странами, это ханство естественно попадало под русское влияние. Прошло немного лет, и русская власть вмешалась в местные распри. Династия Гиреев, издавна владевшая Крымом (§ 50), сама себя ослабляла междоусобиями и не могла поддерживать порядок в ханстве. По просьбе самих Гиреев русские войска были введены в Крым, а затем хану предложено было отказаться от власти и принять русскую пенсию. Хан (Шахин-Гирей) согласился, и Крым был в 1783 г. присоединен к России с именем Тавриды.

С присоединением Крыма и северных берегов Черного и Азовского морей русский юг освобождался от постоянного страха татарских набегов и грабежей и мог отныне жить спокойною хозяйственною жизнью. Сверх того, Россия приобретала громадные пустынные пространства плодородной земли и морской берег, обладавший хорошими бухтами и гаванями. Предстояло укрепить приобретенные области городами, замирить и заселить их. В этих видах, тотчас же после окончания войны с турками, императрица Екатерина нашла необходимым уничтожить Запорожскую сечь (§ 93). Сечь была оплотом бродячего казачества и прежде имела некоторое значение в деле защиты южнорусских поселений от татар. Теперь, когда государство довело свои границы до Черного моря и усмирило татар, это значение сечи упразднилось само собою. Осталась только нетерпимая для государственной власти роль сечи как такого притона, откуда выходили в Польшу гайдамаки. Вот почему русские войска заняли сечь и разогнали запорожцев (1775). Часть их перешла за Дунай в Турцию, а часть — на Кубань. Освободив таким образом степи от беспокойных русских и татарских бродячих шаек, императрица приняла меры к привлечению в новый край мирного населения. Наместником новых земель, «Новой России», Екатерина назначила своего любимца Потемкина, и он вполне оправдал ее доверие. С большой энергией и талантом он принялся за дело. В устьях Буга и Днепра возникли укрепленные города Николаев и Херсон с верфями для постройки кораблей. На Днепре был выстроен главный город Новороссии Екатеринослав. На Черном море строился военный флот и для него был основан военный порт Севастополь в превосходной гавани. Чтобы ускорить заселение края, Потемкин отовсюду созывал поселенцев, давая льготы русским людям, шедшим сюда с севера, покровительствуя инородцам (армянам, грекам и местным татарам), приглашая, наконец, немецких колонистов из Германии. Русским вельможам отводились в Новороссии громадные земли для того, чтобы они заселяли их своими крестьянами. Чтобы показать, какие формы хозяйства и какие промыслы можно было создать в Новороссийском крае, Потемкин выписывал сюда специалистов с европейского юга и с их помощью устраивал виноградники, фруктовые сады, шелководство и т. п. В короткое время в Новороссии положены были прочные начатки гражданственности, и Потемкин просил императрицу Екатерину посетить его любимую Новороссию, чтобы лично удостовериться в достигнутых успехах. Екатерина согласилась и в 1787 г. посетила Крым.

Путешествию императрицы придан был очень торжественный характер. Императрица ехала с большою свитою, в которой находились и иностранные послы. На Днепре произошло свидание императрицы с польским королем (Понятовским) и с императором Иосифом II, которые выехали навстречу Екатерине. Обстановка путешествия была очень парадна: во всех городах внутренней России устраивались пышные встречи и празднества. В пределах Новороссии, по Днепру и в Крыму, Потемкин приготовил много эффектных декораций, устраивая наскоро села там, где их на самом деле не было, сгоняя к Днепру народ из дальних мест. Однако всего более поразили гостей Потемкина не культурные, а военные его успехи, именно большой боевой флот, который в немного лет вырос на Черном море. Было ясно, что Россия стала твердо на приобретенных ею землях.

§ 136. Русско-турецкая война 1787-1791 и русско-шведская война 1788-1790

Присоединение Крыма и большие военные приготовления на Черноморском побережье находились в прямой зависимости от «греческого проекта», которым увлекались в те годы императрица Екатерина и ее сотрудник Потемкин (§ 132). В связи с этим проектом находился и союз Екатерины с Австрией, заключенный против Турции (1779). Турецкое правительство, разумеется, понимало надвигавшуюся на него грозу и не могло примириться с переходом Крыма в русское владение и с военными приготовлениями России на северных турецких границах. Турки склонны были поскорее объявить войну России, пока еще русские не закончили своих вооружений. К тому же побуждала их и английская дипломатия, крайне недовольная декларацией Екатерины о «вооруженном нейтралитете» (1780). Эта знаменитая декларация была составлена Н. И. Паниным во время североамериканской борьбы за независимость и приглашала все нейтральные

державы образовать союз для защиты своих торговых кораблей от нападений воюющих сторон. Таким союзом обеспечивалась безопасность морской торговли мирных держав во время войн. Все государства приняли декларацию России, за исключением Англии, которая очень часто захватывала на морях нейтральные корабли под тем предлогом, что они везут военную контрабанду. Английская дипломатия приняла акт вооруженного нейтралитета за враждебное против Англии действие и с тех пор стала действовать против России.

В то самое время, когда императрица Екатерина путешествовала по Новороссии и Тавриде, Турция решилась начать войну (1787). Первые месяцы войны были несчастливы для России: новый русский флот был разбит бурей на Черном море. Потемкин упал духом и очень вяло вел военные действия. Полтора года война сосредоточивалась около Кинбурна и Очакова (§ 134), пока Очаков не был взят, наконец, русскими войсками после кровопролитного штурма. Вслед за этим Потемкин передал начальство Суворову, и русские стали наступать к Дунаю. Суворов одержал две большие победы (1789): при г. Фокшанах и на р. Рымнике (на правом берегу р. Серета), а затем (1790) взял приступом сильнейшую турецкую крепость на Дунае Измаил. (За свои победы Суворов получил титул «графа Рымникского».) Русские войска снова, как и в предшествующую войну, овладели переправой через Дунай, а русский флот, оправясь от аварии, действовал успешно на море. При энергии Суворова, хорошо известной туркам, турки могли ожидать похода русских на Константинополь. Они стали склоняться к миру. Со своей стороны Екатерина, не получив большой помощи от союзной Австрии, желала окончить войну. Мир был заключен в 1791 г. (в г. Яссах) на тех условиях, что Турция уступила России крепость Очаков и земли между реками Бугом и Днестром, а также признала права России на Крым. Широкие затеи «греческого проекта» пришлось пока отложить, тем более, что главный поклонник этого проекта Потемкин умер во время войны.

Союз императрицы Екатерины с Австрией и охлаждение ее к идее «северного аккорда» (§ 132) и к прежним союзникам повели к тому, что эти прежние союзники, Пруссия и Швеция, стали действовать против России. Пруссия ограничивалась тем, что подрывала влияние Екатерины в Польше; а Швеция решилась на войну с Россией (1788) в расчете на то, что русские силы отвлечены на юг вследствие войны с турками. Шведский флот в 1788 и 1789 гг. пытался напасть на Петербург, но не успел прорваться сквозь русские эскадры; а шведские войска вяло действовали в Финляндии. Недостаток русских войск под Петербургом препятствовал решительным действиям и с русской стороны. В 1790 г. война окончилась (Верельским миром) без всяких результатов для воевавших держав: они остались при прежних границах.

§ 137. Второй и Третий разделы Польши, итоги внешней политики Екатерины II

Не успела императрица Екатерина окончить вторую Турецкую войну, как события в Речи Посполитой потребовали ее нового вмешательства в польско-литовские дела. Отторжение польско-литовских земель в 1773 г. болезненно поразило патриотизм польской шляхты. Польские патриоты сознавали бессилие своего государства и недостатки его устройства, приведшие Речь Посполитую к унижению и позору. Среди шляхты постепенно создалось движение в пользу реформ. Образцом будущего строя для передовых поляков служила Франция, в которой назревал тогда демократический переворот и начиналась великая революция (1789). Руководящие свои начала они черпали из круга освободительных идей французской литературы «просвещения». Подготовив переворот и воспользовавшись случайным благоприятным составом сейма, партия реформы на сейме 3 мая 1791 г. провела новую конституцию Речи Посполитой. Принятая в одном заседании сейма без обсуждения и прений, эта конституция существенно изменила государственный строй Польши и Литвы.

По «конституции 3 мая», престол Речи Посполитой становился наследственным (причем его предполагалось передать Саксонскому дому). У короля и его министров сосредоточилась власть исполнительная; власть законодательная предоставлялась сенату и сейму. В состав сейма вводились депутаты третьего, городского сословия. Право останавливать сеймовые постановления посредством *liberum veto* отменялось: дела должны были решаться по большинству голосов. Шляхта сохраняла свое господствующее положение в государстве; но право конфедераций (§ 91) отменялось. Смягчалась прежняя замкнутость шляхты: богатые горожане, приобретающие землю, входили тем самым в состав местной шляхты. Крепостное право на крестьян не отменялось, но закон предоставлял землевладельцу способы к освобождению или к улучшению быта его крестьян. Провозглашалась свобода вероисповедания, но за католичеством оставалось положение господствующей религии в государстве. Новый порядок несомненно улучшал политический строй государства и отличался умеренностью, даже сохранял шляхетскую окраску. Однако против него восстали все те, кто слепо дорожил прежним господством панов и безначальной шляхты.

Открылось междоусобие.

Немедленно после обнародования новой конституции консервативные круги польской знати и шляхты составили сильную конфедерацию (в м. Тарговицах) для защиты своих прав, ограниченных новым законом. Конфедераты отправили послов к императрице Екатерине, прося ее, по договору 1768 г. (§ 133), выступить на охрану старого порядка Речи Посполитой. Екатерина послала в Польшу и Литву большую армию, которая поддержала конфедератов и заняла Варшаву (1792). Ввиду смуты в Речи Посполитой, прусский король (Фридрих-Вильгельм II) нашел предлог ввести свои войска в западные ее провинции. В 1793 г. между соседними Польше и Литве державами состоялось соглашение о новом отторжении польско-литовских земель. В особом манифесте императрица Екатерина объяснила, что смуты в Польше приняли характер весьма опасный и находятся в связи с ужасами французской революции, а потому императрица, король прусский и римский император не видят иного пути и средства для восстановления порядка, кроме ограничения пределов Речи Посполитой. От сейма, собранного в Гродне, потребовали согласия на уступку земель. Сейм понимал, что сопротивляться невозможно по недостатку сил. Он, скрепя сердце, соглашался на уступку своих русских областей России, но ни за что не хотел отдавать коренные польские земли в пользу Пруссии. После долгих споров с послами русским и прусским члены сейма решились вовсе замолчать — и, не отвечая на вопросы председателя и дипломатов, сидели до глубокой ночи в «немом заседании». Тогда их молчание принято было за «знак согласия», и уступка земель объявлена состоявшеюся. Такое поведение сейма лучше всего показывает меру отчаяния сеймовых послов, не могших спасти свою родину.

Второй раздел земель Речи Посполитой произошел между Россией и Пруссией (Австрия за допущение этого раздела выговорила себе земельное вознаграждение в Германии). Россия получила Воынь, Подолию и Минскую область; Пруссия — Данциг и земли Великой Польши (1793). В уцелевших частях Речи Посполитой был восстановлен старый, доконституционный порядок управления, и Речь Посполитая стала формально в зависимость от России, так как король обязался не объявлять войны и не заключать ни с кем договоров без согласия императрицы Екатерины. Варшава была занята русскими войсками.

Конечно, польская патриотическая шляхта не могла примириться с происшедшим. Удалившиеся из Польши в Западную Европу вожаки той партии, которая создала «конституцию 3 мая», начали там готовиться к борьбе с державами за независимость и целостность Речи Посполитой. В Варшаве и Кракове образовались тайные комитеты, которые поднимали к восстанию население как уцелевших, так и отторгнутых областей. Уже в 1794 г. восстание началось в Кракове, Варшаве, Вильне и других городах. В Варшаве образовалось временное правительство. Оно захватило в плен короля, объявило войну России и Пруссии и провозгласило диктатором и главнокомандующим генерала Тадеуша Костюшко, одного из самых популярных и талантливых патриотов. Русские войска, бывшие в Варшаве, были выбиты оттуда с большим уроном (было вырезано ночью до 2 тыс. русских солдат).

Императрица Екатерина очень серьезно отнеслась к происшедшему и послала против восставших своих лучших генералов, графа Румянцева-Задунайского и графа Суворова-Рымникского. По дряхлости первого из них главное руководство военными действиями перешло к Суворову. Он быстро направился к Варшаве и туда же велел идти генералу Ферзену с уцелевшими от Варшавской резни полками. Под Варшавой решилась судьба Речи Посполитой. Ферзен разбил и взял в плен Костюшку в битве под Мацейовицами (недалеко от Варшавы); а сам Суворов после страшного по кровопролитию штурма взял предместье Варшавы Прагу (1794). Варшава сдалась; вожаки движения бежали из Польши. Русские и прусские войска усмирили весь край, а затем последовало окончательное уничтожение Речи Посполитой (1795). Король отказался от престола и переехал на житье в Петербург, где вскоре и умер. Россия, Пруссия и Австрия произвели последний, третий раздел польско-литовских областей. Россия получила Литву и Курляндию, Пруссия и Австрия поделили прочие области (причем Варшава отошла к Пруссии, Краков и Люблин — к Австрии).

Нельзя не удивляться необыкновенным успехам императрицы Екатерины. В 1767 г. собранное ею в Москве представительное собрание поднесло ей, между прочим, титул «великой». Екатерина не употребляла этого титула, и он не удержался за ней в потомстве так, как удержался за Петром Великим. Но когда речь идет о великих приобретениях императрицы Екатерины, многие дают ей этот исключительный титул, потому что в своей внешней политике Екатерина была прямой продолжательницей Великого Петра.

В течение нескольких веков, с того момента, когда выяснилась объединительная роль Московского государства, главной целью его политики была борьба: а) с немцами и шведами на западе за приобретение естественного рубежа, каким был морской берег; б) с Литвой на юго-западе за обладание промежуточными русскими землями и в) с татарами и турками на юге и юго-востоке за свободу и безопасность русской жизни. Борьба шла много веков без видимых результатов или же с малыми результатами. Гений Петра Великого поднял силы его государства на такую высоту, что оказалось возможным достигнуть решительного успеха на

западе и пробиться к морю. Но занятый борьбой за Балтийское поморье, Петр должен был пользоваться силами Литвы и Польши и не мог одолеть татар и турок. Он оставил потомству окончание борьбы на юго-западе и юге. Екатерина сумела закончить эту борьбу с положительным успехом: она возвратила от Речи Посполитой ее русские земли (за исключением Галиции) и довела русские границы до Черного и Азовского морей. Таким образом, Петру Великому удалось разрешить одну из вековых задач русской политики, а Екатерине — две остальных. Со времени Екатерины русская политика входит в новую эпоху своего развития и начинает преследовать новые задачи. В этом — значение знаменитого «века Екатерины».

§ 138. Император Павел до вступления на престол

Император Павел Петрович родился в 1754 г. Первые годы его жизни прошли необычно в том отношении, что он почти не знал своих родителей. Императрица Елизавета отобрала его от Екатерины и воспитывала сама. Лет шести он был передан на попечение воспитателя, известного Никиты Ив. Панина. Вступив на престол, императрица Екатерина оставила Панина при великом князе Павле и объявила Павла «наследником цесаревичем». Но по-прежнему ребенок жил обособленно от матери, мало ее видел, стеснялся и боялся ее. Екатерина же, по-видимому, вовсе не любила Павла. С течением времени, когда Павел вырос, между ним и его матерью образовалась непримиримая рознь. Павел считал Екатерину виновницей свержения и смерти его отца, Петра III, и не одобрял ни ее деятельности, ни ее сотрудников. Екатерина со своей стороны не находила в Павле ничего хорошего и считала его ни к чему не способным. Она не посвящала его в дела и не давала ему никаких деловых поручений. Когда же цесаревич Павел женился (на принцессе Вюртембергской Софии-Доротее, в православии Марии Федоровне) и у него родился сын Александр (1777), то императрица Екатерина сама стала воспитывать Александра, в намерении передать ему престол помимо Павла Петровича. Положение Павла становилось хуже год от года. Удаленный ото всяких дел, видя постоянную неприязнь и обиды от матери, Павел уединился со своей семьей в Гатчине и Павловске — имениях, подаренных ему Екатериной. Он жил там тихой семейной жизнью, находя главное занятие в обучении местных войск, отданных под его команду. («Гатчинские» войска состояли всего из нескольких сотен солдат и отличались от прочей армии своею формою и выучкою по прусскому образцу.) В эти годы уже стали обнаруживаться тяжелые стороны характера Павла Петровича: нервная раздражительность приводила его к болезненным припадкам жестокого гнева. Постоянное недовольство своим угнетенным положением, боязнь лишиться престола, частые унижения и оскорбления, каким подвергался Павел от самой Екатерины и ее приближенных, могли, конечно, испортить его характер, благородный и благодущный от природы. Можно сказать, что ко времени вступления на престол, к 42 годам своей жизни, цесаревич Павел Петрович был уже изломанным и больным, раздраженным и озлобленным человеком.

§ 139. Внутренние дела при императоре Павле

Намерение императрицы Екатерины лишить Павла престола осталось, однако, без исполнения, и после ее кончины Павел воцарился беспрепятственно. Немедля начались новые порядки. При дворе, в войсках и в управлении произошел ряд резких перемен. Исчезли любимцы Екатерины, и вокруг нового императора стали новые люди. Павел Петрович не одобрял системы управления, действовавшей при его матери, и, кроме того, боялся влияния революционной Франции. Поэтому все его распоряжения были направлены к тому, чтобы укрепить власть и дисциплину в государстве и исправить все то, что, по мнению Павла, было приведено в беспорядок при Екатерине. Однако новый государь не имел опыта в управлении и не обладал государственными познаниями, так как Екатерина всю жизнь старательно отстраняла его от дел. Поэтому меры Павла были неудачны и очень мелочны. Они не заменяли Екатерининского порядка никаким другим твердым порядком, вносили путаницу в государственную жизнь и очень раздражали общество.

Преданный военному делу, император Павел произвел большие перемены в обмундировании и обучении войска. Им была введена неудобная немецкая форма взамен екатерининской русской; служебные требования стали чрезвычайно строги и мелочны; взыскания — до жестокости суровы. Солдат томили учениями и парадами, строго наказывали; но военная подготовка их от этого не стала лучше. Тяжесть военной службы и строгости заставили дворян бежать от службы и вызывали их неудовольствие. Знаменитый Суворов не скрывал своего осуждения новым порядкам и был за то сослан в свое новгородское имение (село Кончанское). Многие офицеры, не умевшие удовлетворить требованиям новой службы, не только увольнялись с позором, но

даже ссылались в Сибирь. Военная служба потеряла всякую привлекательность и перестала считаться почетной; ее начали избегать. Строго осуждая порядок Екатерининского управления, Павел думал, что Екатерина своим потворством дворянству и либеральной слабостью умалила царский авторитет и расшатала устои истинного порядка. Поэтому он старался возратить государство в прежний самодержавный вид. Одним из самых важных условий правильного государственного устройства Павел почитал твердое престолонаследие, которого тогда в России не было вследствие закона, изданного Петром Великим в 1722 г. (§ 115). Право царствующего монарха произвольно избрать себе наследника грозило при Екатерине самому Павлу лишением престола. В 1797 г. император Павел издал, в отмену Петровского указа, особое «учреждение об Императорской фамилии», в котором: 1) устанавливался порядок наследования престола «по праву естественному» — от отца к старшему сыну (а в случае бездетности государя — к старейшему его брату), и 2) определялись «уделы» (имения и доходы) членов государевой семьи, а также порядок внутренних отношений в Императорской фамилии, титулы и гербы великих князей. Для управления имений и доходов, назначенных к составлению уделов, был образован особый «департамент уделов» (теперь «главное управление уделов»). Земли и капиталы, переданные в его управление, были выделены из состава государственных земель и доходов. Таким образом, учреждение об Императорской фамилии определило твердым законом положение династии в государстве и в этом отношении было очень важно и полезно. Но это был единственный твердый закон, данный императором Павлом. Остальные его распоряжения, направленные к тому, чтобы поднять значение верховной власти и водворить строгий порядок в делах, вовсе не достигали цели. Павел имел в виду ограничить самоуправление сословий, созданное Екатериной, и потому во многом приостановил действие жалованных грамот 1785 г., умалив данные сословиям права и льготы. Учреждения 1775 г., еще не всюду введенные ко времени его воцарения, при нем не имели дальнейшего распространения и развития. Напротив, Павел уменьшил число образованных при Екатерине губерний и прекратил их дальнейшее открытие. Вопреки распоряжениям Екатерины, он восстановил отжившие коллегии (§ 128). Однако все эти меры не создали новой системы управления и не только не укрепили порядка, но расшатали его и вызвали общее недоумение и неудовольствие. В администрации водворился хаос, потому что император Павел, сокрушая порядки предшествующего царствования, сам не обладал твердыми и умелыми приемами управления и действовал часто под влиянием мимолетных настроений и гневного раздражения. Ограничивая льготы высших сословий, он как будто бы имел в виду облегчить положение низших классов и в частности улучшить быт крепостных. В 1797 г. он издал указ о «барщине», который устанавливал, что крестьян нельзя заставлять работать на помещиков в праздники и гонять на барщину более трех дней в неделю. Этот указ был понят как ограничение крепостного права. Но вместе с тем сам же Павел очень сильно содействовал росту крепостного права тем, что необыкновенно щедро жаловал отдельным дворянам в награду населенные земли и обращал живших на них казенных крестьян в частную собственность. За четыре года своего царствования Павел раздарил таким образом 600 тыс. душ. Нельзя поэтому удивляться, что при императоре Павле крестьяне, получившие было светлую надежду на облегчение своей участи, стали волноваться и устраивать крупные беспорядки, как только увидели, что эта надежда не сбывается. В общем мероприятия императора Павла, имевшие в основе определенную цель — уничтожить излишнее влияние дворянства на ход управления и восстановить блеск самодержавия, — производили впечатление чего-то невыдержанного и непоследовательного, чего-то враждебного не только почившей императрице Екатерине, но и всему русскому обществу.

В особенности же острый характер имели те распоряжения императора Павла, которые были направлены на борьбу с влиянием французской революции. Еще до воцарения Павла события, грозно, потрясавшие старый порядок и низложившие монархию Бурбонов, заставляли русское правительство думать о подавлении революции. С этой целью Екатерина вошла в союз с Англией, Австрией и Пруссией и приказала Суворову готовить войска для похода на французов. В то же время она запретила своим подданным сношения с Францией и сохранила право въезда в Россию лишь за теми французами, которые остались верны своей династии. Император Павел по вступлении на престол отменил предположенный поход Суворова, но еще более усилил разного рода полицейские меры, направленные против «якобинского духа», то есть против всякого рода заимствований из Франции и разных знаков сочувствия французам. Преследовались и запрещались не только прямые сношения с Францией, возбранялась почти всякая возможность общения со всей западной Европой. Выезд русских подданных за границу стал почти невозможен; иностранцев в Россию пускали только по особому высочайшему разрешению. Запрещено было русской молодежи учиться в «иностранных училищах» (университетах). Запрещен был ввоз из-за границы книг и нот. Закрыты были все частные типографии, и для печатания книг установлена была строжайшая цензура. Запрещены были костюмы и шляпы, напоминавшие французские моды, а также ношение трехцветных лент на французский манер. Жестокое гонение постигало всех тех, кого император Павел подозревал в революционных мыслях, в «пагубном вольномыслии». По самым ничтожным поводам он ссыла в Сибирь или отправлял в тюрьму совсем невинных людей. Царствование Павла получило поэтому название «царство страха» и действительно наполняло смятением всех, кто по службе или же случайно мог попасться на глаза императору.

Раздражительность и жестокость императора Павла с течением времени стали принимать характер явной болезни. Императрице Марии Федоровне стоило все больших и больших усилий смягчать и успокаивать тяжелые припадки гнева, каким подвергался ее супруг. Но пришло время, когда ее доброму влиянию на Павла наступил конец. С 1798 г. император Павел совсем отдалился от своей семьи и дурно стал относиться не только к своей супруге, но и к своим взрослым сыновьям, Александру и Константину. Судя по его гневным выходкам против собственного семейства, окружающие могли думать, что Павел становится опасным врагом собственной династии. Это помогло развиться заговору против Павла: заговорщики, руководимые петербургским военным губернатором графом Паленом, взяли на себя роль людей, желавших, для спасения династии и государства, устранить душевно больного Павла от власти и отдать его в опеку его старшего сына Александра. Но когда (11 марта 1801 г.) они явились к Павлу в его новом дворце (Михайловском замке) с предложением отказаться от власти, Павел встретил их с таким упорством и гневом, что в запальчивом объяснении был лишен жизни.

Так внезапно окончилось кратковременное царствование императора Павла.

§ 140. Внешняя политика императора Павла и походы Суворова

При вступлении на престол император Павел выразил намерение избавить Россию от всяких войн и дать своим подданным «пренужное и желаемое ими отдохновение» от военных тревог и жертв Екатерининского времени. Но годы царствования Павла были эпохой быстрых французских завоеваний. Французы завоевали Голландию, Бельгию, Швейцарию, почти всю Италию. Они приобрели Ионические острова, готовили поход в Египет. Они намеревались поддержать восстание ирландцев против англичан и замыслили восстановление Польши. Везде, где они ни появлялись, они устанавливали демократический и республиканский порядок, или прямо присоединяя области к Франции, или же образуя в них союзные с Францией республики. Французская революция становилась страшна Европе не только как пример разрушительного переворота, но и как грозная завоевательная сила. Понятно, что она возбудила против себя все европейские державы. Против Франции (1798) образовалась коалиция пяти государств (Англии, Австрии, Неаполитанского королевства, Турции и России). Ближайшими причинами разрыва между Францией и Россией послужили: захват французами острова Мальты, принадлежавшего рыцарям «иоаннитам»[21]; поддержка и покровительство со стороны Франции польским патриотам, а со стороны России французским эмигрантам, приверженцам «старого порядка», и, наконец, тревожные слухи о вторжении французов в Черное море.

Русская эскадра по приказу императора Павла направилась из Черного моря в Средиземное (под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова). Она вместе с турецкой эскадрой отобрала от французов Ионические острова; затем направилась к Италии и действовала там против французов на неаполитанском побережье (1798–1799). В то же время русские сухопутные войска были посланы на помощь Австрии, причем предполагалось действовать против французов в северной Италии. Австрийцы просили, чтобы команда над русской армией была поручена знаменитому Суворову. Император Павел согласился, вызвал Суворова из села Кончанского, где тот жил в бездействии, и отправил его к войскам в Италию. Так начался знаменитый «Итальянский поход» Суворова (1799).

Суворов имел в виду отнять у французов северную Италию и оттуда вторгнуться в самую Францию. Он приехал к армии в Верону и от Вероны начал наступление на запад, вверх по течению р. По. Очень быстро он завладел городами Миланом и Туринном и в полтора месяца очистил от французов почти всю северную Италию. Разбитая при р. Адда французская армия укрылась за горами вокруг г. Генуи. Начальник ее, генерал Моро, ждал помощи от тех французских войск, которые были на юге Италии. Оттуда и спешил к нему на помощь генерал Макдональд. Но Суворов бросился к нему навстречу и разбил его в упорной трехдневной битве на берегах р. Требиа. Макдональд должен был уйти назад, не дойдя до Моро. Недовольное неудачами в Италии, французское правительство прислало на смену Моро молодого генерала Жубера. Жубер попробовал начать наступление на Суворова и пошел от Генуи через горы на север. Но при выходе из гор на равнину у городка Нови Суворов стремительно напал на Жубера и разбил его армию, причем сам Жубер был убит в бою. После этой победы Суворов окончательно овладел всей северной Италией и готов был к дальнейшему наступлению на Францию. Но обстоятельства вызвали его в Швейцарию.

Император Павел, отправляя Суворова на театр войны, дал ему полную свободу действий («веди войну, как знаешь»). Но австрийский двор, отдав под начальство Суворова австрийские войска, вмешивался в его распоряжения, ставил ему различные требования и делал указания, которыми Суворов был недоволен. В свою очередь, недовольный самостоятельностью Суворова, придворный военный совет в Вене («гофкригсрат»)

строил свои планы дальнейших военных действий и настоял на том, чтобы после завоевания северной Италии русские войска занялись освобождением от французов Швейцарии, а Италию оставили в распоряжение одних австрийских войск. Император Павел согласился на это, и Суворов должен был перейти из Италии в Швейцарию, откуда австрийцы спешно вывели свои силы. В Швейцарии из союзных войск оставался один лишь русский корпус генерала Римского-Корсакова. Суворов условился встретиться с ним в Швице и двинулся к Швицу через С.-Готард. С величайшими усилиями русские войска совершили поход через эту громадную гору и сквозь ущелья р. Рейсы («Чертов мост») и вышли с юга к Фирвальдштетскому озеру. Но здесь Суворов узнал, что Римский-Корсаков, разбитый французами, отброшен на север и что в Швице ждут французы в твердой надежде запереть знаменитого Суворова в горах и взять его в плен. Зная, что французская армия (генерала Массена) чуть не вчетверо превосходит числом его усталые войска, Суворов отказался от мысли идти к Швицу. Он повернул вправо и, после труднейших маршей по горам без дорог, успел выйти к Боденскому озеру. На пути его войска с необыкновенным мужеством и искусством не раз побеждали французские отряды, желавшие преградить им дорогу. Поход Суворова через Швейцарию восхитил даже его врагов (генерал Массена говаривал, что он «отдал бы все свои кампании за Швейцарский поход Суворова»). Подчиненные Суворову генералы (в особенности Багратион и Розенберг) приобрели этим походом не меньшую славу, чем сам Суворов, которого император Павел возвел в чин генералиссимуса российских войск (незадолго до его смерти, в 1800 г.).

Суворов не был побежден и спас свою армию; но Швейцария вся осталась в руках французов, и союзники были отброшены в Германию. Считая виновниками этой неудачи австрийцев, император Павел разорвал свой союз с ними (1800). Одновременно произошел разрыв и с другой союзницей — Англией. Русский вспомогательный корпус, воевавший вместе с англичанами против французов в Голландии, терпел там военные неудачи и большой недостаток в пище и одежде. За лишения и обиды своих солдат Павел так разгневался на английское правительство, что стал готовиться к войне с Англией. Кроме морских приготовлений, он замыслил сухопутный поход на индийские владения англичан и уже отправил туда донское казачье войско через Оренбург. Смерть императора Павла прекратила этот рискованный марш: казаки были возвращены назад.

С 1800 г. началось сближение императора Павла с Францией, и был заключен с нею мир, причем первый консул Франции Наполеон Бонапарт проявил большое внимание и любезность к русским пленным, освободив их без всяких условий и снабдив всем необходимым.

§ 141. Воспитание и характер императора Александра I

Император Александр I родился в 1777 г. и был воспитан императрицей Екатериной, которая так же отобрала его от родителей, как у нее самой когда-то отобрала сына Павла императрица Елизавета. Воспитывая Александра, Екатерина восхищалась им, находя внука красивым и даровитым мальчиком. Она звала малютку «мой Александр», прочила его себе в наследники и мечтала воспитать и образовать его в своем духе и направлении. Она назначила к нему попечителем генерала Н.И. Салтыкова, а главным наставником Александра сделала швейцарского гражданина Фридриха-Цезаря Лагарпа. Как физическое, так и умственное воспитание Александра шло по «наставлениям», написанным самой Екатериной, и было строго согласовано с либеральными идеями века. Лагарп должен был воспитывать своего питомца «по законам разума и в принципе добродетели». Он умел войти в дружбу с Александром и приобрел его привязанность на всю жизнь. Сам убежденный либерал и республиканец, Лагарп воспитывал в Александре наклонность к политической свободе и к равенству и отвращение от деспотизма. Юный Александр вместе с Лагарпом мечтал о возможности водворения в России республиканских форм правления и об уничтожении рабства. В то же время, следуя за новыми литературными веяниями, Александр усваивал себе сентиментальные вкусы и отличался чрезвычайною мягкостью манер и обращения. Его доброта, веселость, вежливость и обходительность прельщали всех. Казалось, что жизнь молодого великого князя была полна счастья и радости.

Между тем он в глубине души не мог не чувствовать себя несчастным. Положение его между бабушкой и отцом было очень тяжело. Екатерина готовила в Александре прямого себе преемника и против его воли делала Александра соперником отцу его Павлу. Она и не скрывала от Александра своей холодности к Павлу Петровичу. В то же время Павел как бы ревновал Александра к Екатерине и требовал от сына сочувствия к себе. Александр хотел сохранить расположение как отца, так и бабушки и с обоими держался одинаково любовно, скрывая свои истинные мысли и чувства, являясь обоим всегда одинаково преданным и любящим. В

нем выработалась поэтому привычка при всяких обстоятельствах играть роль и носить на себе личину: он всегда превосходно владел собой и умел прятать свое внутреннее настроение под видом внешней любезности и довольства. От многих получил он поэтому название «очаровательного сфинкса»: его обаянию нельзя было не поддаться, но его истинные чувства нельзя было знать.

§ 142. Начало царствования императора Александра I

Кончина императора Павла застала великого князя Александра Павловича совершенно врасплох. Вместе с матерью императрицей Мариею Федоровною и супругою Елизаветою Алексеевною (происходившей из Баденского дома) молодой государь тотчас же переехал из Михайловского замка в Зимний дворец и объявил манифестом о внезапной кончине своего родителя. В том же манифесте он обещал управлять своим народом «по законам и по сердцу» Екатерины Великой и «шествовать по ее премудрым намерениям». Этим Александр свидетельствовал, что не будет продолжать сурового правления Павла. Действительно, в первые же дни он отменил все стеснительные распоряжения императора Павла, восстановил действие жалованных грамот 1785 г. и даровал амнистию всем пострадавшим, сосланным и заключенным без суда в царствование Павла. Обаятельная личность молодого государя, его доброта и любезность, его изящная красота, его неутешная печаль по поводу необычной кончины отца, — все это так влекло к нему сердца, что он пользовался общим поклонением и получил название «ангела», сохраненное им до самой его кончины в кругу его родных и придворных.

Во главе текущего управления Александр на первое время поставил Екатерининских чиновников (Трошинского, Завадовского, Державина и др.). Он уволил на покой «по болезни» того графа Палена, который стоял во главе заговора против Павла и думал было руководить молодым Александром. Александр сумел мягко, но решительно уклониться от такого руководства и сам выбрал себе советников по сердцу. Это были его личные друзья, настроенные одинаково либерально, мечтавшие вместе с Александром о крупных реформах в государстве. Их было четверо (граф Кочубей, Новосильцев, граф Строганов, князь Адам Чарторыйский). Они собирались во дворце частным кружком и вместе с государем обсуждали дела интимно, без всяких формальностей, в живой дружеской беседе. Этот кружок получил со временем название негласного, или интимного, «комитета», потому что император Александр шутя называл его «comité de salut public» ([«комитет общественного спасения»], название одного из французских учреждений времен революции). О заседаниях этого комитета не осталось бы никаких воспоминаний, если бы один из его членов, граф П. А. Строганов, не взял на себя труда вести дневник, в котором записывал все происходившее в совещаниях государя с его друзьями.

Под сильным влиянием интимного комитета были проведены все мероприятия первых лет правления Александра. Между прочим, Александр восстановил значение сената как высшего административного и судебного места в империи. Это значение сената было умалено при императрице Екатерине (§ 126) и не восстановлено императором Павлом. Далее, взамен устаревших коллегий в 1802 г. были учреждены **министерства**, во главе которых стали ответственные министры. На первых порах было образовано восемь министерств (военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения). В некоторых министерствах члены интимного комитета заняли должности министров или товарищей министра (так, граф Кочубей стал министром внутренних дел, а граф Строганов — его товарищем). Для объединения деятельности министерств все министры должны были, собираясь в общие совещания, составлять «комитет министров», в котором часто присутствовал и сам государь. В основание новой системы управления было положено, вместо прежнего коллегиального начала, начало единоличной власти и ответственности: министр один управлял своим ведомством при помощи канцелярии и подчиненных ему иных учреждений; он один должен был и отвечать за все упущения в его министерстве. Для обсуждения же важнейших государственных дел и законов с самых первых дней царствования Александра был им устроен «совет непременный», состоявший из двенадцати членов, взамен случайных и временных совещаний, бывших при императрице Екатерине и императоре Павле. Таким образом, при Александре I были приведены в порядок и получили новый вид центральные правительственные учреждения, расстроенные, как было указано (§ 128), местной реформой императрицы Екатерины II.

Интимный комитет был очень занят мыслью об улучшении быта крепостных людей. Молодой государь, даровав высшим сословиям отнятые у них императором Павлом льготы и права, желал что-нибудь сделать и для освобождения крестьян, для прекращения «рабства» в его государстве. Но трудности освобождения представлялись ему и его советникам столь же неодолимыми, как раньше представлялись они Екатерине.

Поэтому комитет ограничился лишь изданием закона о «свободных хлебопашцах» (1803). Закон этот давал право землевладельцам освобождать своих крепостных и обеспечивать их землей в собственность на известных условиях. Условия, заключенные между помещиками и крестьянами, утверждались правительством, после чего крестьяне входили в сословие свободных хлебопашцев. Правительство надеялось, что таким путем постепенно может свершиться упразднение крепостного права. Но на самом деле лишь очень небольшое число землевладельцев обратилось к этому закону и отпустило на волю своих крестьян. (Во все царствование императора Александра в свободные хлебопашцы было зачислено немного менее 50 тыс. человек.)

Более двух лет продолжалось существование интимного комитета. В течение этого времени государь, по-видимому, убедился в том, что его друзья, отличаясь благородством стремлений и чувств, мало подготовлены к практической государственной деятельности, не знают России и не в силах осуществить коренное преобразование государственного и общественного порядка. Александр понемногу охладил к комитету и стал реже собирать его у себя. А затем комитет и вовсе перестал существовать. Около Александра появляется новое доверенное лицо, с которым государь ведет управление и мечтает о преобразованиях. Это лицо — Михаил Михайлович Сперанский.

§ 143. Деятельность М. М. Сперанского

Сперанский по происхождению был сын сельского священника. По окончании образования в Петербургской «главной семинарии» (духовной академии) он был оставлен в ней преподавателем и в то же время состоял частным секретарем у князя А. Б. Куракина. С помощью Куракина Сперанский попал на службу в канцелярию сената и вышел из духовного ведомства. Талантливый и образованный, он обращал на себя общее внимание необыкновенными способностями и трудолюбием. При образовании министерств (1802) Сперанского пригласили в министерство внутренних дел, где он стал одним из виднейших сотрудников министра графа Кочубея. Вскоре (1806) он стал лично известен императору Александру, который постепенно приблизил его к себе и сделал как бы первым своим министром. Сперанский получил от государя поручение выработать общий план государственного преобразования, не удавшийся интимному кабинету. Сперанский должен был, кроме того, руководить работой комиссии законов, трудившейся над составлением нового кодекса. Наконец, Сперанский являлся докладчиком и советником государя по всем текущим делам управления, чрезвычайно разнообразным. С необыкновенным усердием работал Сперанский несколько лет (1808–1812), проявляя тонкий и гибкий ум, большие политические знания, выдающееся красноречие. Знакомый с языками (французским и английским) и с западной политической литературой, он больше всякого иного чиновника был подготовлен к делу управления, так как соединял в себе прекрасное практическое знакомство с делами и широкую теоретическую подготовку. В этом состояла главная сила Сперанского.

План государственного преобразования, составленный Сперанским, предполагал изменение общественного устройства и перемену государственного порядка. Вместо прежних сословий предполагалось новое разделение граждан по правам на «дворянство», «людей среднего состояния» и «народ рабочий». Все население государства представлялось граждански свободным, а крепостное право упраздненным. За дворянами сохранялось право владения *населенными* землями и свобода от обязательной службы. Среднее состояние составлялось из купцов, мещан, поселян, имеющих у себя *не населенные* крестьянами земли. Народ рабочий состоял из крестьян, мастеровых людей и слуг. Предполагалось разделить государство заново на губернии, округа и волости и создать новый порядок управления. Во главе государства должна была стоять «державная власть» монарха, окруженная «государственным советом». Под их общим руководством должны действовать учреждения: законодательные, исполнительные и судные[22]. Общую цель, или «разум» (смысл), преобразования Сперанский полагал «в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непеременимом законе». Император Александр сочувствовал общему направлению проекта Сперанского и предполагал начать его осуществление с 1810 г. С 1 января этого года были открыты действия нового государственного совета, устроенного согласно с предположениями Сперанского, и сам Сперанский был назначен государственным секретарем при новом совете. Но далее дело не пошло: император изменил свое настроение и как бы устрасился предположенной общей реформы. Знаменитый проект Сперанского остался только проектом.

Одновременно со своими трудами над планом общего преобразования Сперанский руководил действиями «комиссии законов», которая приготовила проект нового гражданского уложения (законы об отношениях семейных, о наследстве, о собственности, о договорных отношениях и т. п.). Этот проект был внесен в государственный совет и там рассмотрен, но остался необнародованным[23]. Несмотря, однако, на такую

неудачу первых законодательных работ Сперанского, они имели для него огромное значение и дали ему юридическую опытность, которой он и воспользовался впоследствии.

Мало-помалу, находясь в большом приближении у государя, Сперанский сосредоточил в своих руках все текущие дела управления: он занимался и финансами, которые были в большом расстройстве, и дипломатическими делами, в которые его посвящал сам государь, и устройством Финляндии, тогда завоеванной русскими войсками. Между прочим, Сперанский заново пересмотрел все подробности произведенной в начале царствования императора Александра реформы центрального управления и во многом изменил и улучшил устройство министерств. Перемены, произведенные в распределении дел по министерствам и в порядке управления ими, были изложены в новом законе о министерствах (изданном в 1811 г. под названием «общего учреждения министерств»). Самое число министерств было увеличено до 11 (прибавлены, между прочим: министерство полиции, путей сообщения, государственный контроль).

Деятельность Сперанского и его быстрое возвышение возбуждали во многих неудовольствие. Одни завидовали личным успехам Сперанского и готовы были на интригу против него. Другие видели в Сперанском слепого поклонника французских идей и порядков и сторонника союза с императором Наполеоном. Считая влияние Франции разрушительным, а союз с Наполеоном постыдным, эти люди из патриотического чувства вооружались против направления Сперанского и считали нужным ему противодействовать. Один из самых талантливых и известных литераторов того времени, европейски образованный Н. М. Карамзин составил для государя записку «о древней и новой России» и в ней доказывал вред и опасность мер Сперанского. Эти меры, по мнению Карамзина, легко и необдуманно уничтожали старые порядки и столь же легко и необдуманно вводили в русскую жизнь французские формы. Хотя Сперанский и отрицал свою приверженность к Франции и Наполеону, однако в глазах всего общества его близость к французским влияниям была неоспорима. Когда отношения России и Франции обострились и русские ожидали нашествия Наполеона на Россию, император Александр дал ход обвинениям против Сперанского и не счел возможным оставить его вблизи себя. Сперанский был уволен от должности государственного секретаря; мало того, по каким-то темным обвинениям и интригам, государь отправил его в ссылку (в Нижний-Новгород, а потом в Пермь), откуда Сперанский был возвращен лишь в конце царствования Александра.

Таким образом, император Александр и со Сперанским не осуществил своего стремления к государственному преобразованию. Если интимный комитет в первые годы власти Александра обнаружил свою практическую неумелость и потому не мог удовлетворить желаниям государя, то Сперанский, напротив, был очень опытным и умелым бюрократом и мог бы осуществить задуманную реформу. На нее недостало решимости у самого государя, и потому все начинания Сперанского были остановлены на полдороге. Сперанскому удалось только придать центральным учреждениям России такой законченный и отделанный вид, что они надолго восстановили утраченную при Екатерине II централизацию управления и укрепили бюрократический порядок в государстве.

§ 144. Внешняя политика императора Александра I до 1812 г.

Вступая на престол, император Александр намеревался сохранять мир и нейтралитет. Он остановил приготовления к войне с Англией и возобновил дружбу как с этой державой, так и с Австрией. Отношения с Францией должны были стать от этого хуже, чем были пред кончиной императора Павла, так как Франция в то время находилась в острой вражде с Англией. Однако никто в России не думал о войне с французами в первые годы правления императора Александра. Война сделалась неизбежна только после целого ряда недоразумений между Наполеоном и русским правительством. Наполеон стал пожизненным консулом (1802), а затем императором Франции (1804) и таким образом превратил Французскую республику в монархию. Его громадное честолюбие раздражало Александра, а его бесцеремонность в делах средней и южной Европы казалась опасною и недопустимою. Наполеон, не обращая внимания на протесты русского правительства, насильственно распорядился в Германии и Италии, и это заставило Александра постепенно готовить новую коалицию против Франции. Главными союзниками его были Австрия и Англия.

В 1805 г. открылась война с Наполеоном. Русские войска, под командой одного из учеников Суворова, Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, двинулись в Австрию на соединение с австрийскими войсками. Но раньше, чем они достигли театра военных действий, Наполеон разбил и пленил австрийскую армию и взял Вену. Кутузов успел увернуться от неравного боя с Наполеоном и искусными маршами отвел свои войска назад, на север от Вены. Однако, вслед за тем, по личному настоянию императора Александра он принял бой с Наполеоном у г. Аустерлица, хотя и не верил в победу над французами своих усталых солдат и расстроенных

неудачами австрийцев. Действительно, под Аустерлицем Наполеон разбил русских и австрийцев и принудил императора Франца к миру. Русская же армия должна была вернуться на русскую границу. Так окончилась кампания 1805 г.

В следующем, 1806 г. император Александр возобновил войну против Наполеона в союзе с Пруссией. Пруссия не дождалась русских войск и одна начала военные действия. Французы разбили пруссаков одновременно в двух битвах (под Иеною и Ауэрштедтом). Наполеон занял Берлин и овладел прусскими землями до самой Вислы. Прусский король (Фридрих-Вильгельм III) укрылся со своим двором в Кенигсберге и решил с русской помощью продолжать войну. Всю зиму 1806–1807 гг. шла кровопролитная борьба вблизи Кенигсберга. Русская армия под начальством Бенигсена оказала упорное сопротивление французам, между прочим, отразив армию Наполеона в большом сражении при г. Прейсиш-Эйлау. Но летом 1807 г. Наполеону удалось разбить русских под г. Фридландом, и война окончилась. Все Прусское королевство оказалось в руках Наполеона, а русская армия ушла на правый берег Немана, в русские пределы.

Император Александр заключил с Наполеоном перемирие и имел с ним свидание у г. Тильзита в павильоне, поставленном на плотках среди р. Немана. Настроенный ранее не в пользу Наполеона, Александр после первого свидания вошел с ним в дружбу. Оба монарха лично договорились об условиях мира. Александр настоял на том, чтобы не уничтожать Прусского королевства (как того хотел Наполеон); но он не мог сохранить за прусским королем всех его владений. У Пруссии была отобрана добрая половина земель. (Между прочим, из большей части тех польских областей, которые достались Пруссии при разделах Польши, было образовано «герцогство Варшавское», отданное саксонскому королю. Россия получила при этом от Пруссии Белостокскую область.) Кроме того, Пруссия подпала вполне влиянию Наполеона и должна была принять в свои города французские гарнизоны. Россия выходила из неудачной войны без потерь и унижения. Но император Александр, не ограничиваясь заключением мира, вступил с Наполеоном в союз, условия которого были тайно выработаны в Тильзите. Основой союза было признание за Наполеоном права господства на западе Европы, а за Александром права господства на востоке. Наполеон прямо указывал Александру, что Россия должна усилиться за счет Швеции и Турции, оставив Наполеону Германию и Италию. Оба государя согласились действовать сообща против Англии, и Александр принял измышленную Наполеоном «континентальную систему». Она состояла в том, что континентальные страны отказывались от торговых сношений с Англией и не пускали в свои гавани английских кораблей и товаров; Наполеон думал достигнуть этим путем экономического разорения Англии. Тильзитский мир и союз был укреплен в следующем году (1808) при дружеском свидании Александра и Наполеона в германском городе Эрфурте. Это была минута наибольшего сближения России с Францией.

Как естественные последствия Тильзитского союза явилась война императора Александра со Швецией. Поводом к ней был отказ Швеции приступить к союзу против Англии. Русские войска в 1808 и 1809 гг. вытеснили шведов из Финляндии после ряда упорных боев (из которых самым значительным был удачный для русских бой при с. Оровайсе). Зимой, совершив труднейший переход по льду, русские отряды под начальством генералов Багратиона и Кульнева взяли Аландские острова, а оттуда перешли на шведский берег и таким образом перенесли войну в самую Швецию. Швеция была вынуждена к миру и по договору 1809 г. (во Фридрихсгаме) уступила России Финляндию до р. Торнео. Еще до заключения мира, овладев Финляндией, император Александр объявил о ее присоединении к России. Весною 1809 г. в г. Борго были созваны депутаты от финляндских сословий на общий сейм. Император Александр сам открыл сейм манифестом и речью, в которых удостоверял, что желает сохранить в силе местное устройство, «религию, коренные законы, права и преимущества» жителей «великого княжества Финляндии». Таким образом, с присоединением этой провинции к России в ней было установлено особенное управление, основанное на начале широкого местного самоуправления.

Вражда Турции к России, не прекращавшаяся со времен императрицы Екатерины II, усилилась, по разным случайным поводам, в первые годы царствования Александра. Открытая же война началась с 1806 г. и шла с перерывами до 1812 г. Наполеон, склонный сначала поддерживать Турцию, отрекся от нее в Тильзите, предоставив России свободу действий на Балканском полуострове. Русские не раз переходили через Дунай и достигали Балкан. Но только Кутузову удалось (1811) решительным ударом (при Слободзее, на левом берегу Дуная) уничтожить турецкую армию и принудить турок к миру. По мирному договору 1812 г. (в Бухаресте) Россия приобрела Бессарабию (земли между реками Днестром и Прутом).

Таким образом, начав с решительных действий против Наполеона, Александр силою обстоятельств был приведен к союзу с ним. Желая сохранить мир, он втянулся в многолетние войны, и притом, вследствие союза с Наполеоном, воевал с державами, с которыми ранее не желал воевать. Со Швецией он начал войну самостоятельно; а когда Наполеон совершил новый разгром Австрии (1809), Александр послал на австрийские границы свой корпус для помощи новым своим союзникам-французам против старых своих

союзников-австрийцев. Перемена в политике Александра произошла, словом, настолько резкая, что вызвала общее удивление и ропот в России. Русские люди не понимали, как мог император Александр дружить с «исчадием революции», Наполеоном. Русских обижало и раздражало появление в Петербурге после Тильзита французского посольства, его развязное и самоуверенное поведение, его влияние на Александра. Принятие Александром континентальной системы нанесло большой вред русской торговле: сократился вывоз русского сырья, которое вывозили главным образом англичане. Упадок торговли повлиял на падение государственных доходов. Не имея денег, казна выпускала массу ассигнаций и этим обесценивала их: курс ассигнаций упал до того, что бумажный рубль стоил не более серебряного четвертака. Понятно, как росло вследствие этого народное недовольство. В довершение всего многих очень смущали слухи о том, что Сперанский тайно готовит реформы во французском духе, переводит французские законы, укрепляет французское влияние в России. Настроение общества было очень возбуждено, вражда к Наполеону росла, и император Александр не мог не видеть, что его политика не встречает никакого сочувствия в его государстве.

С другой стороны, новый союзник императора Александра, Наполеон, совсем не оправдывал приязни к нему русского государя. Хотя он и был внимателен и любезен при личных встречах, тем не менее, действовал своекорыстно и бесцеремонно. Так, он высказывал неудовольствие на Александра за то, что тот недостаточно строго выдерживал континентальную систему и мало помогал французам против австрийцев; а сам, со своей стороны, не помогал русским против турок и не соблюдал интересов России и Александра. Он подавал полякам надежды на восстановление Польши. В Германии он отнял владения у дяди Александра, герцога Ольденбургского[24], и не вознаградил его другими землями. Вместе с Ольденбургским герцогством было присоединено к Франции все побережье Немецкого моря до Эльбы и вся Голландия, причем это было сделано не в силу Тильзитского трактата и без соглашения с Россией. Совершая грубые захваты немецких земель и располагая в немецких городах свои гарнизоны, Наполеон все более и более придвигал свои войска к русским границам и, таким образом, принимал по отношению к Александру угрожающее положение.

Александр с 1810 г. чувствовал разочарование в своей дружбе с Наполеоном. Она не приводила к добру. Недовольство подданных, торговые потери, расстройство финансов, удары самолюбию и угрозы миру, — вот что стяжал Александр этой дружбой. Охладев понемногу к Наполеону, Александр начал протестовать против его действий и начал постепенно готовиться к войне на тот случай, если Наполеон нападет на него. В свою очередь, Наполеон вел приготовления для вторжения в Россию. Обе стороны старались скрывать свои военные приготовления и обвиняли друг друга в стремлении уничтожить дружбу и нарушить мир.

Так подготовлялась война между Россией и Францией. Причина ее лежала в глубокой противоположности стремлений французской и русской политики. Наполеон стремился к мировому владычеству и желал подчинения России его видам. Александр не только не считал возможным подчиниться Наполеону, но сам желал влиять на дела Европы как преемник Екатерины, при которой Россия достигла необыкновенных политических успехов и большого международного значения. Со стороны Франции продолжался еще завоевательный порыв; со стороны России сказывалось чувство национальной силы и гордости. Франция желала господства над Россией, Россия — равенства с Францией. Борьба была неизбежна, и обе стороны имели к ней достаточные поводы.

§ 145. 1812 год — Отечественная война

Отечественная война 1812. Вторжение Наполеона. Провал попыток разбить Барклая и Багратиона поодиночке. Битва под Смоленском. Бородинское сражение. Совет в Филях. Занятие Москвы французами. Пожар Москвы. Кутузов в Тарутино. Отступление Наполеона. Партизанская война. Переправа через Березину. Изгнание французов из России

Уже в 1811 г. близость разрыва между Францией и Россией чувствовалась всеми. С начала 1812 г. император Александр усиленно готовился к войне. Он решился не нападать, а только обороняться, и отклонил проекты наступательных действий. Более 200 тыс. русских войск ожидали нашествия врага. Войска были расставлены на границе, вдоль р. Немана, и разделены на две армии: первой командовал военный министр генерал М.Б.Барклай-де-Толли, второй — генерал суворовской школы, князь П. И. Багратион[25].

Сам император Александр находился при войсках, в г. Вильне. Было большою ошибкою разбросать войска на значительном расстоянии и не соединить их в одну сильную армию. Наполеон заметил эту ошибку и хотел ею воспользоваться, чтобы разделить и ослабить русские силы. С громадной армией в 600 тыс. человек он в июне 1812 г. без объявления войны переправился через Неман в пределы России (у г. Ковно) и почти безо

всякого сопротивления со стороны русских разрозненных отрядов, бывших перед ним, быстро дошел до Вильны, где и остановился на полмесяца для окончательного устройства своей армии, составленной из войск как французских, так и союзных (немецких, польских, голландских, швейцарских и т. д.).

Русские армии Барклая-де-Толли и Багратиона оказались отрезанными одна от другой и настолько слабыми, что, по неравенству сил, не могли и думать о генеральном сражении с врагом. В эту тяжелую минуту окружающие императора Александра убедили его оставить театр войны и уехать в Москву, а затем в Петербург, для общего руководства государственной обороной. Главное начальство над войсками получил Барклай.

Михаил Барклай де Толли (портрет Д. Доу)

Понимая невозможность открытого боя с Наполеоном, Барклай принял систему отступления внутрь страны и повел свою армию на Витебск и Смоленск, приказав и Багратиону отступать и идти на соединение с ним. Мысль о необходимости и пользе отступления принадлежала не одному только Барклаю. Многие тогда вспоминали пример Петра Великого, отступавшего перед шведами до Полтавы (§ 105), и рассчитывали, что, отступая, русская армия легко может быть усилена рекрутами и снабжена всем необходимым, тогда как неприятель тем больше ослабевает и истощается, чем дальше отойдет от своей родины. Так рассуждали многие; но Барклай яснее всех понимал, как именно следует исполнить отступление и до каких пор его вести. Он искусно уклонялся от больших боев с преследовавшим неприятелем и старательно берег свою армию от потерь и внутреннего расстройств. Он благополучно достиг Смоленска и там соединился с Багратионом, который пришел к Смоленску от Немана с великим трудом, постоянно преследуемый французами. Таким образом, отступление удалось в том смысле, что Наполеон не успел ни разъединить русские армии, ни разбить их порознь. В военном отношении это был большой успех.

Князь Пётр Багратион (портрет Д. Доу)

Однако постоянным отступлением Барклая не были довольны ни государь, ни армия, ни все русское общество. Русские люди стыдились того, что армия как будто боялась открытого боя с врагом. Почти никто не понимал, что в военном отношении отступление не было позорным делом, и все обвиняли Барклая или в трусости, или даже в измене. Общественное мнение требовало смены Барклая. Император Александр думал о том же; по совету приближенных, он назначил главнокомандующим М. И. Голенищева-Кутузова. Но еще раньше, чем послать его в армию, государь требовал от Барклая, чтобы отступление было, наконец, приостановлено. Вследствие такого желания государя и под влиянием общего настроения, Барклай из Смоленска попытался было начать наступление на французов к Витебску, но вовремя остановился. Оказалось, что Наполеон кружным путем спешил в обход русских к Смоленску и чуть было не отрезал нашей армии от Смоленска и Москвы. С большими усилиями русским отрядам (генералов Неверовского, Раевского и Дохтурова) удалось задержать французов под Смоленском, пока главная армия наша вернулась с Витебской дороги мимо Смоленска на Московскую дорогу. Несколько дней шел бой под древними стенами Смоленска раньше, чем Барклай приказал оставить эту крепость и продолжать отступление к Москве. Он видел, что еще не пришла пора помериться силами с Наполеоном. В это время (16 августа), на пути армии от Смоленска к Можайску, приехал в армию новый главнокомандующий, Кутузов. Он 26 августа решился дать Наполеону генеральное сражение при селе Бородине (на берегах речки Колочи, впадающей в р. Москву, верстах в 10 от Можайска). Это сражение показало, что Барклай был прав и что русские еще не в силах победить врага. Дав битву в угоду общественному мнению, Кутузов после боя продолжал отступление по примеру Барклая.

Бородинская битва — одна из самых кровопролитных в истории: до 100 тыс. человек было убито, ранено и пропало без вести в один день из обеих сразившихся армий. Со стороны русских в бою было около 110 тыс. человек, со стороны французов — около 130 тыс.

А. Шепелюк. Кутузов при Бородино

Весь день Наполеон вел атаку на русские позиции; после отчаянного боя (в котором погиб Багратион) неприятелям удалось оттеснить русские войска на несколько сот сажен назад. Но вечером французы оставили взятые ими русские укрепления и ушли ночевать в свой лагерь. Русские же ночевали на поле битвы, и казацкие разъезды тревожили врага во всю ночь. Обе стороны имели трофеи: отбили друг у друга пушки, знамена, пленных. Каждая армия считала себя победительницей.

Н. Самокиш. Атака лейб-гвардии Семёновского полка при Бородино

Сгоряча Кутузов решил наутро возобновить бой и напасть на врага. Но когда обнаружилось, что половина русской армии уничтожена в бою, он понял, что следует отойти и сохранить оставшиеся силы от окончательного разгрома. Русские потянулись к Москве. Следом за ними наступали французы, надеясь на

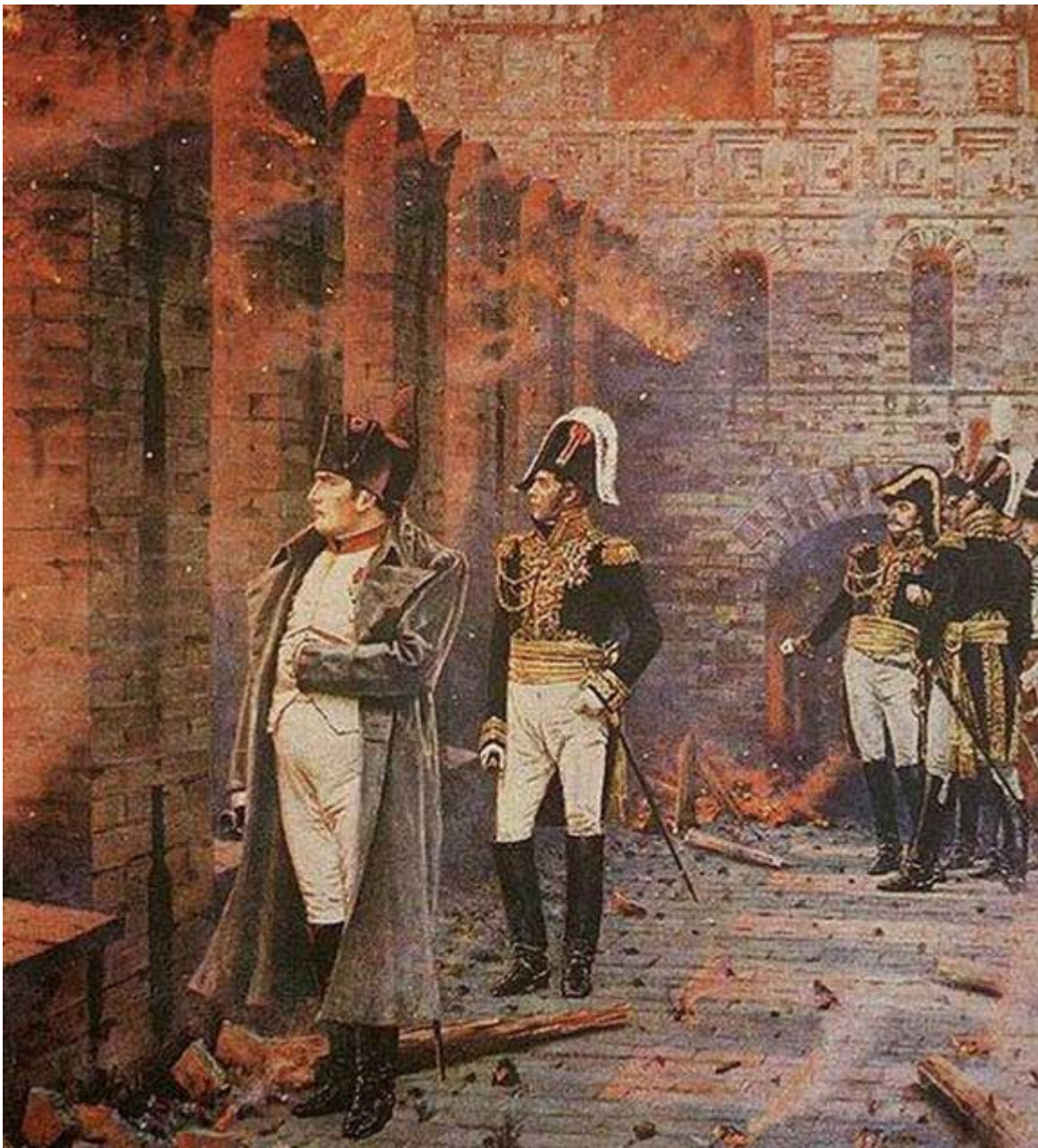
скорое окончание войны со взятием Москвы. Под Москвою (в деревне Филях) Кутузов собрал военный совет и, обсудив положение дел, решил оставить Москву без битвы. Он надеялся на то, что, сохранив и усилив свои войска, он заморит ослабевшую неприятельскую армию в опустелой Москве.

А. Кившенко. Совет в Филях

Москва была оставлена войсками. Еще ранее, узнав о приближении французов, стали покидать Москву ее жители. Московский генерал-губернатор граф Ф.В. Ростопчин, сначала возбуждавший москвичей к вооруженной защите Москвы, затем необыкновенно энергично хлопотал об оставлении ее и даже, говорят, приготовил людей к тому, чтобы зажечь город. 2 сентября в брошенную столицу вступил Наполеон.

Вопреки ожиданиям французов, занятие ими Москвы не привело к миру. Попытки Наполеона начать переговоры окончились неудачей. Император Александр не отвечал Наполеону, потому что твердо решил вести войну до последней возможности и не полагать оружия, пока хотя один враг останется в русских пределах. С первых же дней пребывания французов в Москве город стал гореть и весь обратился в развалины: в нем нельзя было зимовать и нечем было питаться. Кутузов с армией стал немного южнее Москвы; он получал из черноземных губерний все необходимое и увеличивал свои боевые силы, а французов не допускал запасаться провиантом в окрестностях столицы, окружив ее казаками. Наполеон не имел возможности двинуться и на Петербург, потому что Петербург был защищен особой армией (графа Витгенштейна), а кроме того, Кутузов мог в этом случае напасть на врага с тыла. В довершение всего французская армия, очень расстроенная дальним походом и Бородинской битвой, окончательно потеряла порядок в Москве, где она скоро привыкла к грабежу и распушенности.

В. Верещагин. Наполеон из Кремля смотрит на пожар Москвы

Сообразив все невыгоды своего положения, Наполеон решил покинуть Москву и отступить на зимовку в Смоленск и Вильну, с тем, чтобы на будущую весну возобновить военные действия. Такую решимость поддержало в нем известие о поражении его передового отряда русскими у села Тарутина (близ г. Малого Ярославца). Кутузов напал здесь на маршала Мюрата и разбил его наголову.

В середине октября французская армия покинула Москву, сожженную и разграбленную, с оскверненными храмами и взорванными стенами Кремля. Наполеон сделал попытку пройти от Москвы к Калуге, чтобы отступить не старую разоренную дорожку. Но Кутузов не допустил этого: он дал отпор французам при Малом Ярославце, после чего они повернули на Смоленск. Русская армия шла параллельно неприятельской, и Кутузов совсем не стремился к открытому бою с ней, говоря, что она развалится и без боя. Действительно, армия Наполеона разваливалась с необыкновенною быстротою. Тому были многие причины. Во-первых, пребывание в Москве, грабеж и мародерство настолько расшатали дисциплину среди французов, что боевая сила их войск заметно упала. Французы отступали беспорядочно, нуждаясь в необходимом, но волоча за собой награбленную в Москве добычу. За исключением немногих полков (гвардии), они напоминали собой простые шайки грабителей. Во-вторых, вокруг французской армии загорелась народная война: жители коренных русских губерний поднялись на врага.

А. Ивонн. Солдаты Нея загнаны в лес в сражении под Красным

Вооружаясь чем попало, они нападали на отдельные французские отряды и истребляли их, жгли французские запасы, громили неприятельские обозы, словом, наносили врагу, какой только могли, вред. При таком возбуждении народа маленькие отряды кавалеристов и казаков, посланные на французов из русской армии, могли с чрезвычайной легкостью и удобством вредить врагу, нападая на него со всех сторон внезапно и украдкой, ведя с ним «партизанскую войну». (Среди партизан особенно были известны Фигнер, Давыдов и Сеславин.) Народ всячески помогал партизанам, укрывал их, доставлял им сведения о движении неприятеля, поддерживал их в боях. Народная и партизанская война страшно вредила французской армии и расстраивала ее. В-третьих, наконец, холода, наступившие в ноябре, причинили страшное бедствие французам, не имевшим теплой одежды и надлежащей обуви. Ни сражаться, ни двигаться, ни добывать пищу они не были в состоянии и устилали дороги трупами замерзших и голодных.

И. Прянишников. Отступление французов в 1812

Когда Наполеон со своей бедствующей армией подошел к р. Березине (приток р. Днепра), у города Борисова русскими была сделана попытка окружить его. Но она не удалась: Наполеон успел переправиться и уйти к Вильне. Однако от Березины шла уже не армия, а лишь жалкие ее остатки. Они добежали до Вильны,

не смогли в ней удержаться и побежали дальше к Неману. В самый день Рождества Россия торжественно праздновала (и до сих пор церковно празднует) избавление от нашествия французов и «с ними два-десяти язык». Наполеон вывел с собой из России не более 15–20 тыс. солдат, сохранивших строй и дисциплину; все остальное погибло, или осталось в плену, или же обратилось в бродяг. Так кончился поход Наполеона в Россию.

§ 146. Борьба за освобождение Европы. Священный союз и конгрессы

Многие русские люди полагали, что с изгнанием Наполеона из России война окончена и что русским можно спокойно выжидать дальнейших событий. Сам Кутузов, по-видимому, был такого мнения. Но император Александр думал иначе: он желал воспользоваться поражением Наполеона, чтобы окончательно сломить его силы и избавить от его гнета европейские государства. По велению государя русские войска вслед за французами перешли русскую границу. Россия начала войну за освобождение Европы, и Александр призывал всю Германию к борьбе с Наполеоном. На его зов первая отозвалась Пруссия, затем после некоторых колебаний Австрия. К новой коалиции пристали Швеция и Англия. К лету 1813 г. Наполеон сумел собрать новую армию и встретил своих противников в Германии. Борьба разыгралась на Эльбе. После многих упорных битв (при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме) произошло генеральное сражение при Лейпциге. Оно длилось четыре дня; в нем действовало до полумиллиона человек и было убито и ранено более 100 тыс. В бою лично принимали участие императоры Наполеон и Александр, присутствовали император Австрийский (Франц) и короли Прусский и Саксонский. В этой «битве народов» Наполеон был разбит и с громадными потерями отступил за Рейн. Союзники преследовали его и вторглись в его империю. Это случилось ровно через год после изгнания французов из России: в день Р.Хр., в 1813 г., император Александр объявил своей армии поход в самую Францию. Так совершилось освобождение Германии от долгого французского господства. Энергия императора Александра поставила его во главе этого дела, и он занял первое место среди союзных государей.

Обессиленная Наполеоновскими войнами Франция не могла оказать большого сопротивления громадным союзным армиям. Отвлекая Наполеона в сторону от Парижа, союзники поспешили сами к Парижу и овладели им после сражения с войсками парижского гарнизона. Император Александр с прусским королем торжественно въехали в Париж 19 (31) марта 1814 г. Французский сенат, выражая собой неудовольствие всей Франции на чрезмерные тягости наполеоновской политики, объявил Наполеона лишенным императорского престола. Побежденному Наполеону не оставалось иного исхода, кроме отказа от власти. В городе Фонтенбло подписал он акт отречения от престола Франции и получил от союзников остров Эльбу (лежащий между его родным островом Корсикой и Итальянским берегом). Во Франции была восстановлена королевская династия Бурбонов (в лице Людовика XVIII). Было решено созвать через несколько месяцев в Вене конгресс государей и дипломатов для того, чтобы восстановить в европейских государствах нормальный порядок, нарушенный завоевательной политикой Франции. Под влиянием поразительных успехов Александра высшие учреждения России (государственный совет, синод и сенат) поднесли государю прошение о принятии им наименования «благословенный» (1814). Хотя Александр и не изъявил на то прямого согласия, такое наименование было ему усвоено впоследствии официально.

Конгресс в Вене состоялся в том же 1814 г. Устроив дела второстепенных государств, монархи России, Австрии и Пруссии обсудили вопрос и о вознаграждении своих держав за жертвы и потери, понесенные ими в борьбе с Наполеоном. Это вознаграждение главным образом намечалось в землях прежней Польши. Император Александр с большой настойчивостью желал соединить польские области под своей властью в одно государство с Россией. Союзники сначала не соглашались на это, и дело едва не дошло до разрыва и войны. Согласились, однако, на том, что император Александр получил почти все герцогство Варшавское под именем «Царства Польского», но уступил Познань Пруссии и Галицию Австрии.

Во время занятий конгресса в Вену (1815) пришло известие, что Наполеон прибыл с о. Эльбы во Францию и восстановил там свою империю. Снова на границы Франции отправились союзные армии; но еще до прихода русских войск Наполеон был разбит англичанами и пруссаками (при Ватерлоо), отдался в руки англичанам и был ими отвезен на о. Св. Елены. Тем не менее русская армия была опять введена в пределы Франции и в Париж и оставалась там некоторое время до полного утверждения порядка и спокойствия. Прибывший вторично в Париж император Александр составил там план так называемого «священного союза», к которому примкнули понемногу, вслед за Пруссией и Австрией, все европейские государства (не примкнули султан и папа).

Акт «священного союза» (14 сентября 1815 г.) говорил о том, что союзные монархи решились весь порядок

взаимных своих отношений «подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя», и в политических отношениях «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сея святых веры, заповедями любви, правды и мира». Взаимно обязались они пребывать в вечном мире и всегда «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь», а подданными своими управлять «как отцы семейств», в том же духе братства. Императором Александром при составлении этого акта руководил высокий религиозный порыв и искреннее желание внести в политическую жизнь умиротворенной Европы начала христианской любви и правды. Но союзники Александра, в особенности австрийские дипломаты (с Меттернихом во главе), воспользовались новым союзом в практических целях. Обязанность государей всегда и везде помогать друг другу была истолкована так, что союзные государи должны вмешиваться во внутренние дела отдельных государств и поддерживать в них законный порядок. Обычай «вмешательства» был укреплен на тех конгрессах, которые созывались после Венского конгресса (в 1818–1822 гг. в г. Ахене, Троппау, Лайбахе и Вероне) и имели целью полюбовное разрешение разных международных дел по принципам «священного союза». Собиравшиеся на этих конгрессах государи и их дипломаты обсуждали, между прочим, внутренние замешательства, происходившие в государствах всех трех южных полуостровов Европы, и пришли к тому решению, чтобы вооруженной силой вмешаться в дела Италии и Испании и поддержать там законные правительства против народных восстаний. Во имя идей «священного союза» происходило подавление всякого национального движения и поддержка непопулярных и недостойных правителей. Даже восстание греков-христиан против притеснений турок вначале рассматривалось как недозволительный бунт против законного государя. Император Александр видел в этом восстании «революционный признак времени» и не считал себя вправе заступиться за угнетенных единоверцев. Такая деятельность «священного союза» (его прямолинейный легитимизм и принцип вмешательства) восстановила против него европейское общество, и союз получил славу реакционной силы, противной всякому движению вперед. Благородная мысль императора Александра на практике выродилась в несоответственные ей формы, потому что Александр допустил во всем акте «священного союза» смешение идей совершенно различных порядков. Он надеялся подчинить право и политику велениям морали и религии, а на деле политика в ловких руках Меттерниха обратила мораль и религию в свое практическое средство.

В последний период своего царствования император Александр всей душой отдавался заботе об устройстве и умиротворении Европы, сам руководил всеми дипломатическими делами и посещал европейские конгрессы. Благодаря тому, что со времени освободительной войны за Германию он вошел в теснейшие отношения с западноевропейскими политическими сферами, около него образовался целый круг советников и помощников нерусского происхождения (корсиканец Поццо-ди-Борго, грек Каподистрия, немцы Штейн, Нессельроде). Принимая их на русскую службу, император Александр поручал им ответственные дела и высокие должности, причем они естественно пользовались большим влиянием на русскую политику. Такое расположение Александра к инородцам доходило до того, что вызывало недоумение и ропот в русской придворной и военной среде, находившей, что государь явно предпочитает чужих людей своим подданным.

Особое внимание императора Александра вызывали в эту эпоху польские дела. Получив в свою власть Царство Польское и присоединив его к Российской империи, он дал его населению особое политическое устройство, определенное «учредительной хартией» 1815 г. В силу этой конституционной хартии Царство Польское становилось как бы особым государством, даже со своей особой армией, и получало представительный образ правления. Власть исполнительная поручалась «совету» министров под председательством наместника Царства Польского. Для дел законодательных каждые два года созывался «сейм», состоявший из двух палат. Верхняя называлась «сенатом» и состояла из церковной и светской знати. Нижняя называлась «посольской избой» и состояла из выборных представителей населения[26]. В 1818 г. открылись впервые действия польского сейма; вскоре же на сеймах обнаружилась сильная оппозиция правительству, а в стране началось революционное движение. Цель стремлений польских патриотов (среди которых действовал и бывший любимец Александра, князь Адам Чарторыйский) заключалась в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить Польше наибольшую свободу, а с другой — восстановить Речь Посполитую в ее старых пределах, как было до разделов XVIII в. Политика императора Александра не могла идти так далеко; поэтому настроение поляков глубоко его огорчало и раздражало. В конце своего царствования Александр начал даже ограничивать данные полякам права.

§ 147. Последние годы царствования императора Александра I

Великие события 1812 г. произвели сильнейшее впечатление на императора Александра. Отечественная война совершила в нем целый переворот. Страх сковывал его душу в первый период войны, когда наши

войска торопливо отступали перед непобедимым Наполеоном, когда дело дошло до потери первопрестольной Москвы. В порывах отчаяния Александр готовился к падению своего государства, но все-таки хотел защищаться до последнего солдата, хотя бы, по его словам, ему пришлось уйти в далекую Сибирь. Последовавшее затем отступление Наполеона и скорая гибель его «великой» армии наполнили душу Александра умилением перед благостью Промысла. Равнодушный до тех пор к религии, он стал отличаться глубоким благочестием и обнаружил большую склонность к мистицизму, стремясь, как все мистики, к внутреннему таинственному единению с Божеством. На себя он стал смотреть как на ничтожного и слабого человека, которого перст Божий избрал своим орудием, чтобы наказать властолюбие Наполеона. Вознесенный на высоту славы, ставший во главе всей Европы, Александр, тем не менее, тяготился почестями и охотно уединялся. В нем стало даже заметно разочарование жизнью: он как будто изверился во всем том, чем увлекался в молодости, перестал доверять людям, потерял веру в свои идеалы. На него начали влиять люди мистического образа мыслей, ханжи и изуверы. (За границу, например, Александр подпал влиянию экзальтированной баронессы Крюденер, в России — влиянию архимандрита Фотия.) Внутреннее управление государством перестало занимать Александра, и он возложил его на тех немногих людей, которым еще верил.

Первое место среди этих людей занимал граф А. А. Аракчеев, происходивший из офицеров Гатчинского войска (§ 138) императора Павла[27]. При нем управление государством стало напоминать эпоху императора Павла. Жестокая солдатчина, пренебрежение к просвещению, самоуправство раздражали и путали всех. Тщетно было жаловаться на произвол временщика: государь не верил жалобам или же они не доходили до государя. Главною заботою Аракчеева было устройство так называемых «военных поселений». Государственные крестьяне в нескольких губерниях (по р. Волхову, на нижнем течении Днепра и в других местах) были обращены в «военных поселян», и в то же время в этих местностях были водворены на жительство целые полки солдат. Военные поселяне и пахотные солдаты должны были одновременно вести сельское хозяйство на своих землях и в то же время готовиться к строевой службе. Дети их («кантонисты») также попадали с раннего возраста в военную службу и соответственно обучались в военных поселениях. Цель военных поселений заключалась в том, чтобы возможно легче и дешевле пополнять армию большим количеством заранее обученных солдат. Но эта цель не могла быть достигнута: поселения стоили очень дорого, а поселяне не делались ни исправными крестьянами, ни хорошими солдатами. Жестокое управление и трудности «поселенной» жизни, где все подчинялось мелочным правилам и тягостному надзору, озлобляли поселян и вели к постоянным волнениям, даже открытым беспорядкам и бунтам. По этим причинам поселения не имели успеха и продолжали распространяться лишь по упрямству Аракчеева, который убедил государя в их пользе и приятности для населения.

В то время, как гражданское и военное управление сосредоточилось в руках всемогущего Аракчеева, другому любимцу Александра, князю А.Н. Голицыну, были вверены дела народного просвещения и церковные, соединенные в одно ведомство в новом «министерстве духовных дел и народного просвещения». Учрежденное в 1802 г. министерство народного просвещения успело многое сделать для распространения образования в России. Были учреждены университеты в Дерпте (ныне Юрьеве, 1802), Казани (1804), Харькове (1804); тогда же был устроен в Петербурге педагогический институт, позднее преобразованный также в университет (1819). Почти во всех губернских городах были открыты «гимназии», а в уездных — «уездные» и «приходские» училища. Это были основные типы общеобразовательных школ, принятые правительством еще при императрице Екатерине II (§ 130). Кроме них, учреждались учебные заведения нового, типа — «лицеи», соединявшие в себе университетский и гимназический курсы (Царскосельский Александровский лицей, Ярославский Демидовский, Нежинский графа Безбородка и др.). С умножением учебных заведений и самое министерство народного просвещения росло и развивалось. Но в 1817 г., под влиянием идей «священного союза» и духа реакции, это министерство было преобразовано: его соединили с духовным ведомством, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Осуществить эту задачу было поручено князю Голицыну, отличавшемуся мистическим настроением. Он должен был исправить недостатки университетов и других школ, искоренить из них «лжеумствования» и посредством цензуры бороться со свободным духом литературы. Сам князь Голицын обладал гуманностью и мягкостью; но некоторые чиновники его ведомства отличались необыкновенной нетерпимостью и с озлоблением начали гонение на все, что им казалось «безбожеством» и «вольнодумством»[28]. Однако новое направление в деле народного просвещения не привело к добру. Действия министерства не могли достигнуть своей благочестивой цели, потому что в большинстве случаев имели характер грубого и невежественного произвола. Вера и нравственность среди учащихся и служащих насаждались страхом и насилием, угрозами и наказаниями. Вместо истинных благочестивых чувств естественно развивалось лицемерие и показное ханжество. Подчиняясь наружно требованиям начальства, внутренне ненавидели его и тяготились навязанными чувствами и обязанностями. Мелочный надзор за поведением и образом мыслей вел к доносам и сыску, к мелочным преследованиям. В конце концов сам князь Голицын навлек на себя ряд обвинений в неправоверии (со стороны архимандрита Фотия) и был вынужден оставить свою должность.

Гнет Аракчеева и ему подобных, конечно, должен был вызывать общее неудовольствие. Становилось ясно, что в своем разочаровании и утомлении жизнью император Александр утратил веру в идеалы своей молодости и дал ход открытой реакции против всех тех преобразовательных начинаний, какими раньше увлекался. Постоянно мрачное и унылое настроение государя отзывалось и на всем обществе, сообщая печальный тон общественной жизни. Всякое общественное движение таилось и пряталось из боязни гонений. Между тем в обществе того времени нарождалось сильное внутреннее брожение.

§ 148. Общественное движение в Александровскую эпоху

Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813–1814 гг. имели очень большое влияние на умственную жизнь русского образованного дворянства. Под влиянием законодательных льгот императрицы Екатерины II и строгостей императора Павла русские дворяне перестали стремиться в военную службу. Отечественная война снова привлекла дворян в ряды армии на защиту отечества; а войны за освобождение Европы, перебросив русские войска за границу, познакомили служивших в них дворян с западноевропейской жизнью. Ранее поездки русских людей на запад были редким явлением, теперь, в пору освободительных войн, русские люди во множестве оказались на чужбине и долго там жили. Разумеется, они подпали сильному влиянию европейских порядков и идей, близко познакомились с умственным движением времени, вывезли домой на Русь целые библиотеки. Успехи европейской гражданственности под влиянием освободительных идей XVIII в., развитие немецкого национального сознания, расцвет немецкой идеалистической философии поражали и восхищали русских людей, возбужденных великою борьбою за собственное отечество. Сравнив европейскую жизнь с отечественною, наши предки получили возможность критически смотреть на русскую действительность, видели ее недостатки, понимали ее отсталость и сознавали устарелость того крепостного права, которое лежало в основе русского общественного порядка и которое уже исчезло в Западной Европе.

Два течения образовались в русском обществе под влиянием знакомства с западом. Одно было философским: русские почитатели модной тогда немецкой философии стремились глубже изучить ее, распространить ее взгляды и выводы между русскими людьми и с точки зрения этой философии понять и истолковать русскую историю и действительность. Другое течение было политическим: русские люди стремились перенести на Русь те учреждения и порядки, какие были выработаны в новейшую эпоху в европейских государствах. В государственном устройстве они желали представительной (даже республиканской) формы правления; в общественной жизни они стремились к отмене крепостного права. Чем сильнее делалась реакция и «аракчеевщина» в России, тем резче сказывалось стремление к реформе у людей этого освободительного направления. Почти тотчас по возвращении армии из заграничного похода, в войсках, среди образованного офицерства, стали складываться политические кружки, к которым примыкали и гражданские лица. Целью всех подобных кружков было, с одной стороны, гражданское воспитание их членов, а с другой — подготовка либеральных государственных и общественных реформ в России. Члены таких кружков занимались самообразованием и вносили в свои служебные отношения и в товарищескую жизнь более гуманные нравы и обычаи: отказывались от вина и карт, не допускали никакой распущенности, не били солдат, учили их грамоте и т. п. В своих кружковых беседах они рассуждали о необходимых преобразованиях русского быта и о средствах достигнуть этих преобразований; в кружках шли речи о необходимости бороться с реакцией, осуждалась «аракчеевщина», доказывалась неизбежность переворота.

Из многих подобных кружков, имевших иногда масонский характер (§ 131), особенное значение приобрел один, учрежденный с определенным уставом (1816) и получивший название «союза спасения». В основе его лежала не только забота о личном самоусовершенствовании его членов и не только общее стремление к либеральным преобразованиям, но и определенное требование перехода к представительному образу правления, к конституции. Через два года «союз спасения» был преобразован в тайный «союз благоденствия» (отчасти из подражания немецкому патриотическому обществу «Tugendbund», которое действовало в Германии во времена наполеонова ига); а «союз благоденствия», в свою очередь, скоро распался на два союза, прямо уже революционных, — «северный» и «южный». Во главе северного союза стали братья Муравьевы (также кн. Трубецкой, поэт Рылеев); союз этот основался в Петербурге. Во главе южного союза был полковник Пестель, командир одного из армейских полков. Местом действия южного союза была русская «вторая армия», расположенная в Киевской и Подольской губерниях. В составе союзов преобладало офицерство; но были и лица гражданские и неслужащие дворяне. Оба союза находились в постоянных сношениях друг с другом и имели одну общую цель — совершить насильственный переворот в России. Какой порядок будет после переворота, заговорщики решали различно. Одни желали ограниченной монархии, другие — республики. Самый обстоятельный проект будущего устройства России принадлежал Пестелю и назывался

«русской правдою». В этом проекте, не вполне обработанном, Россия представлялась республикой с весьма демократическим устройством. В мечтах других заговорщиков Россия получала даже федеративное устройство в роде Северо-Американских Штатов. Таким образом, настроение в союзах было резко революционным, а потому члены союзов держали свои планы в совершенном секрете.

Несмотря, однако, на осторожность заговорщиков, правительство узнало о существовании заговора. Императору Александру его придворные докладывали о существовании кружков в гвардии еще тогда, когда кружки были в зародыше. Государь снисходительно отнесся к членам этих кружков, считая их такими же мечтателями, каким он сам был в дни юности; «не мне их карать», — говорил он. Позднее о существовании определенного тайного заговора против действовавшего государственного порядка стали доносить лица из армии (в особенности ценные сведения дал унтер-офицер из дворян Шервуд). Аракчеев собрал точные данные о вожаках движения, о планах заговорщиков, о месте их деятельности и послал большой доклад об этом деле императору Александру в г. Таганрог, где тогда находился государь (1825). Доклад пришел туда поздно: Александр скончался в Таганроге, не успев сделать никаких распоряжений по делу.

§ 149. Смерть императора Александра I. Преемство престола. Декабристы

Император Александр прибыл в 1825 г. в Таганрог вместе со своею супругою императрицею Елизаветою Алексеевною для лечебных целей. Грудная болезнь императрицы (чахотка) требовала климатического лечения. Врачи указали на Таганрог как на подходящий по климату город южной России. Устроив свою супругу в Таганроге во временном дворце, Александр отправился в Крым для осмотра войск и укреплений. В Крыму он схватил простуду, не поберегся и возвратился в Таганрог совершенно больным. Простуда перешла в тиф, и 19 ноября 1825 г. император скончался.

Так как у императора Александра не было детей (две его дочери умерли во младенчестве), то наследовать престол, по закону 1797 г. (§ 139), должен был старший из его братьев, цесаревич Константин Павлович. Так и подумали сопровождавшие Александра в Таганрог вельможи: о кончине Александра они известили **императора** Константина Павловича, находившегося в Варшаве. То же полагали и в Петербурге: по получении в Зимнем дворце известия о смерти государя, великий князь Николай Павлович, третий сын императора Павла, тотчас же привел войска и народ к присяге императору Константину. Между тем Константин, женатый на простой польке (Грудзинской), не желал трона и давно (еще в 1823 г.) отказался от него; Александр же особым манифестом утвердил его отречение и передал право на престол следующему из братьев — Николаю. Только манифест об отречении Константина, по не известным никому причинам, не был обнародован. Он хранился в тайне (запечатанный в пакете самим Александром) в Москве, в Успенском соборе, и в Петербурге — в синоде, государственном совете и сенате. Тайна была так строга, что самому Николаю Павловичу не объявили прямо об ожидавшем его высоком жребии; лишь по некоторым намекам старших братьев мог он смутно догадываться о происшедшей перемене в престолонаследии. По смерти Александра пакеты в Петербурге были вскрыты, согласно надписи на них самого покойного государя («хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия»). Но Николай Павлович не счел возможным принять трон в отсутствии брата Константина и надеялся, что сам Константин лично перед ним подтвердит свое отречение. Таким образом, столица, а за ней и вся Россия присягнула Константину. Константин же в Варшаве, согласно с своим прежним отречением, присягнул Николаю и совсем не имел в виду ехать в Петербург подтверждать свое отречение. Таким образом, в России оказалось сразу два императора, из которых ни один не желал вступить на престол. Между Варшавою и Петербургом происходили торопливые сношения, и младший великий князь Михаил Павлович, приехавший от Константина в Петербург, служил как бы посредником между своими старшими братьями.

Замешательство в царском семействе не осталось скрытым от петербургского населения. Члены северного союза, мечтавшие о политическом перевороте, решились так или иначе воспользоваться этим замешательством для своих целей. Они повели агитацию в войсках, надеясь добиться с их помощью желательных политических перемен. По предположению заговорщиков, было всего удобнее начать движение тогда, когда вместо недавней присяги Константину призовут к новой присяге Николаю. Новая присяга в отсутствии самого Константина могла смутить солдат, не знавших о добровольном отречении его от трона. Легко было возбудить в них различные сомнения и подозрения и затем привести их к открытому послушанию. Расчеты заговорщиков до известной степени оправдались. Некоторая часть солдат действительно стала сомневаться в том, благополучен ли Константин и правильно ли властью овладевает Николай. Подозревая зло и обман, эта часть солдат вышла из послушания и не приняла присяги Николаю Павловичу. Но из того не

получилось никакой пользы для заговорщиков. Они не в состоянии были произвести переворот с горстью возмущившихся солдат; напротив, сами они вскоре были открыты и понесли жестокую кару.

Обстоятельства военного беспорядка и бунта, произведенного заговорщиками, были таковы. Получив в письме решительное отречение Константина от престола и отказ его прибыть в Петербург, император Николай решил принять власть и 14 декабря 1825 г. издал манифест о своем воцарении, призвав к присяге себе войска и население. Во всех полках, стоявших в Петербурге, присяга совершилась в порядке. Только в двух полках (Московском и Лейб-Гренадерском) произошло замешательство: часть солдат не присягнула, а двинулась с оружием из казармы на условленное место — к зданию сената и стала толпой у памятника Петра Великого (поставленного Екатериной II в 1772 г.). К солдатам присоединились гвардейские матросы и простонародье. Толпа кричала: «Ура, Константин!», «Ура, конституция!», но ничего не предпринимала, потому что ждала прибытия вожakov; а вожак не являлись, вследствие различных между ними недоразумений. Между тем, император Николай поставил против бунтовщиков все гвардейские войска и окружил их со всех сторон (выход оставался только в Галерную улицу). Начали с увещаний. Речи духовенства не подействовали на толпу. Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович (герой 1812 г.) подъехал к мятежникам и своею речью, своею личностью возбудил было внимание и сочувствие бунтовавших солдат. Однако во время речи он был убит из пистолета одним из руководителей мятежа. Тогда на мятежников была пущена конница; но мятежники отбились. Ввиду наступавших сумерек прибегли к решительному средству: пушечными выстрелами рассеяли скопище. При первой крови толпа разбежалась, и в ночь трупы были убраны, порядок на улицах восстановлен, и многие участники и руководители беспорядка пойманы. Почти в то же время на юге южным союзом также была произведена попытка вооруженного восстания, причем восставшие думали было идти походом на Киев, но скоро были остановлены и задержаны.

Началось следствие. Дня за два до мятежа на Сенатской площади император Николай получил из Таганрога тот доклад о революционном движении, который был изготовлен для императора Александра (§ 148). В докладе уже значились имена главарей движения. Поэтому легко было всех их привлечь к ответу как истинных виновников мятежа и руководителей революционного заговора. Было арестовано более ста причастных к делу лиц, получивших от бунта 14 декабря название «декабристов». Все они были преданы «верховному уголовному суду», в состав которого вошли важнейшие сановники, члены государственного совета, сената и синода. На суде раскрылась вся картина политического движения, направленного против династии и самодержавия. Верховный суд приговорил почти сорок человек к смертной казни, остальных же — к ссылке и каторжной работе; так суровы были законы того времени в отношении к политическим преступлениям. Император Николай несколько смягчил приговор. Смертной казни было предано только пять главарей союзов (между прочими Пестель и Рылеев). Остальные были отправлены в Сибирь, где и поселены навсегда. Лишь те из декабристов, которые дожили до кончины императора Николая, получили помилование от его преемника, императора Александра II (1856).

§ 150. Личность императора Николая I и обстановка его воцарения

Император Николай Павлович вступил на престол еще очень молодым человеком. Он родился в 1796 г. и рос вместе со своим младшим братом Михаилом (род. в 1798 г.) отдельно от старших братьев, Александра и Константина, которые были старше их чуть не на 20 лет. Так как младших великих князей не готовили к престолу, то их образование не вызывало особенных забот. Очень любя свою няню-англичанку (Лайон), Николай, по-видимому, мало был привязан к своему воспитателю (генералу Ламсдорфу) и к своим учителям. Он сам говорил, что мало вынес из своих учебных занятий. С детства был он привержен к военным играм, а затем к военному делу. Очень настойчивый и упрямый по натуре, Николай был, однако, поклонником дисциплины и сам, когда начал служить, показывал примеры служебного повиновения и скромности. С незначительной должностью бригадного генерала Николай Павлович соединял обязанности главного инспектора по инженерной части в войсках; вполне занятый своею службою, он очень далеко стоял от государственных дел и жизни большого двора. Он был женат на дочери прусского короля (Фридриха-Вильгельма III) Александре Федоровне, был очень счастлив в семейной жизни и ничего не искал вне семьи и службы. Лет за шесть до своей кончины император Александр в первый раз намекнул Николаю и его супруге, что их в будущем ожидает высокий государственный жребий. Николай не вполне понял, что разумел в своих намеках Александр, однако стал готовить себя к управлению государством. Он сам пополнял чтением недостатки своего первоначального образования и приобрел много новых знаний. Но все-таки надлежащей подготовки и навыка к делам он не получил до самого своего воцарения, так как Александр не приобщал его к текущим делам управления и держал его по-прежнему далеко от себя. Вполне поэтому

понятно, что когда пришла в Петербург весть о кончине императора Александра и приближенные (князь А.Н. Голицын) сообщили Николаю, что есть распоряжение о передаче престола именно ему, Николай не считал для себя возможным принять трон. Надобно было Константину настойчиво подтвердить свое отречение, чтобы Николай, наконец, принял власть.

Обстоятельства воцарения Николая были очень смутны. Сам он с горем писал брату Константину, что получил престол «ценою крови своих подданных». Дело декабристов имело для молодого государя, как и дня всего государства, громадное значение. Оно оказало сильнейшее влияние на всю правительственную деятельность императора Николая и очень отразилось на общественном настроении его времени. (Поэтому-то дело декабристов пользовалось всегда большой известностью, несмотря на то, что все его подробности составляли государственную тайну.) Император Николай во все свое царствование помнил «своих друзей 14 декабря» (так он выражался о декабристах). Лично знакомый с их делом, сам участвуя в допросах и следствии, Николай имел возможность вдуматься в обстоятельства дела.

Первое, что он вынес из своего знакомства с делом, было заключение о неблагонадежном настроении всего вообще дворянства. Очень большое количество людей, прикосновенных к революционным союзам, было поголовно из дворянства. Заметив это, император Николай был склонен считать заговор сословным дворянским движением, охватившим все круги и слои дворянства. Он поэтому не доверял дворянству и подозревал дворян в стремлении к политическому господству в государстве. Править при помощи и посредстве дворянского сословия, как правила, например, Екатерина II, Николай не хотел, страшась за полноту своей власти. Потому он постарался создать вокруг себя бюрократию и править страной посредством послушного чиновничества, без помощи дворянских учреждений и деятелей. Это ему и удалось. При императоре Николае была очень усилена централизация управления: все дела решались чиновниками в министерских канцеляриях в Петербурге, а местные сословные учреждения (§ 128) обратились в простые исполнительные органы для министерств.

С другой стороны, император Николай из дела декабристов убедился, что желание перемен и реформ, которое руководило декабристами, имело глубокие основания. Крепостное право на крестьян, отсутствие хорошего свода законов, пристрастие судей, произвол правителей, недостаток просвещения, словом, все то, на что жаловались декабристы, было действительным злом русской жизни. Его нужно было исправить. Покарав декабристов, император Николай понял, что правительство само должно было произвести это исправление и законным путем начать реформы. К таким реформам Николай сразу же показал свою готовность — под условием неизменности самодержавного строя, на который покушались декабристы. Поэтому в начале правления императора Николая мы видим оживленную правительственную работу, направленную на улучшение администрации, суда и финансов и на улучшение быта крепостных людей.

Таким образом, молодой государь, мало подготовленный к делу управления своим воспитанием, отличался, однако, большой энергией и любовью к дисциплине. Из обстоятельств воцарения своего он вынес, вместе с желанием охранить самодержавие, также определенную склонность к бюрократической форме управления. Вместе с тем он понял необходимость реформ и выразил готовность их произвести. Но при том недоверии к дворянскому обществу, какое у него образовалось вследствие заговора декабристов, Николай имел в виду вести свои реформы без участия общественных сил, исключительно силами бюрократии.

В свою очередь, и дворянство сторонилось от близости с бюрократией нового царствования. Оно было запугано делом декабристов. Сотни семей дворянских так или иначе были задеты этим делом: оплакивали судьбу своих сосланных родных — мужей, сыновей и братьев; страшились преследования за близость к декабристам. Со времен Петра Великого и Анны не было такого трепета в обществе и такого числа пострадавших и наказанных. В ссылке погиб для общественной жизни цвет дворянской молодежи, и эта утрата отразилась не только на настроении дворянства, но и на его силах. Сословие оскудело людьми и само устранилось от общественной деятельности. Между властью и обществом произошел, таким образом, как бы разрыв и отчуждение. Конечно, это облегчило для императора Николая переход к бюрократии, но в то же время дурно отразилось на силах самого правительства. В своих начинаниях оно не встречало сочувствия и содействия общества, а потому не всегда могло осуществлять свои хорошие намерения и достигать своих добрых целей.

§ 151. Важнейшие внутренние мероприятия императора Николая I

Тотчас по вступлении на престол император Николай устранил от дел знаменитого Аракчеева и явил

полное свое равнодушие к мистицизму и религиозному экстазу. Настроение при дворе резко изменилось по сравнению с последними годами Александрова царствования. К деятельности были призваны иные люди. Снова получил большое значение Сперанский; во главе государственного совета был поставлен Кочубей, сотрудник императора Александра в годы его юности; стали на виду и другие деятели первой половины царствования Александра. Решимость императора Николая начать реформы сказывалась не только в речах его, но и в мероприятиях. Одновременно с отдельными мерами в разных отраслях управления был в конце 1826 г. учрежден под председательством Кочубея особый секретный комитет (известный под названием «комитета 6-го декабря 1826 г.») для разбора бумаг императора Александра и вообще «для пересмотра государственного управления». Работая в течение нескольких лет, этот комитет выработал проекты преобразования как центральных, так и губернских учреждений, а кроме того, приготовил обширный проект нового закона о сословиях, в котором предполагалось, между прочим, улучшение быта крепостных. Из трудов комитета многое осталось без дальнейшего движения. Закон о сословиях был внесен в государственный совет и им одобрен, но не был обнародован вследствие того, что революционные движения 1830 г. на западе внушили страх перед всякой реформой. С течением времени лишь некоторые меры из проектов «комитета 6-го декабря 1826 г.» были осуществлены в виде отдельных законов. Но в целом труды комитета остались без всякого успеха, и реформа, проектированная им, не удалась.

Пока комитет обсуждал общий план необходимых преобразований, правительство принимало целый ряд практических мер для улучшения разных отраслей администрации и для упорядочения государственной жизни. Из таких мер наиболее замечательны: 1) устройство отделений «собственной Его Величества канцелярии»; 2) издание Свода Законов; 3) уничтожение ассигнаций; 4) меры для улучшения быта крестьян, и 5) меры в области народного просвещения. **Собственная Его Величества канцелярия**

1. Собственная Его Величества канцелярия существовала и до императора Николая, но не играла заметной роли в управлении государством, служа лично канцеляриею государя по делам, которые он брал в свое личное ведение. При императоре Николае в личное ведение государя взято было столько дел, что маленькая канцелярия очень разрослась и была поделена на четыре постоянных отделения[29], сверх коих бывали еще и временные. Император Николай все свое царствование держался обычая брать в свое непосредственное управление те дела, успех которых его особенно интересовал. Поэтому канцелярия императора Николая в государственном управлении стала играть громадную роль. **Полное Собрание Законов Российской Империи и Свод Законов Российской Империи**

2. Мы знаем (§ 126), что в XVIII ст. попытки привести в порядок действующее законодательство не удались. Не увенчались успехом и позднейшие законодательные работы Сперанского (§ 143). Тотчас по воцарении император Николай обратил особое внимание на беспорядок в законах и поручил **второму отделению** своей канцелярии дело кодификации. Составление законодательного кодекса было вверено знаменитому Сперанскому, который сумел постепенно приобрести полное доверие и привязанность Николая. Сперанский повел дело таким образом, что сначала собрал все законы, изданные с 1649 г., то есть со времени Уложения, а затем из этого собрания законодательного материала составил систематический свод действующих законов. Такой способ работы был указан самим императором Николаем, который не желал «сочинения новых законов», а велел «собрать вполне и привести в порядок те, которые уже существуют». В 1833 г. труд Сперанского был закончен. Было отпечатано два издания: во-первых, «Полное Собрание Законов Российской Империи» и, во-вторых, «Свод Законов Российской Империи». Полное Собрание заключало в себе все старые законы и указы, начиная с Уложения 1649 г. и до воцарения императора Николая. Они были расположены в хронологическом порядке и заняли 45 больших томов[30]. Из этих законов и указов было извлечено все то, что еще не утратило силы действующего закона и годилось для будущего свода. Извлеченный законодательный материал был распределен по содержанию в известной системе («Основные государственные законы», «Учреждения», «Законы о состояниях», «Законы гражданские» и т. п.). Эти-то законы и были напечатаны в систематическом порядке в 15-ти томах под названием «Свода Законов».

Так было завершено крупное и трудное дело составления кодекса. Оно удалось благодаря исключительным способностям и энергии Сперанского, а также благодаря упрощенному плану работы. Собрать и систематизировать старый русский законодательный материал было, конечно, легче и проще, чем заимствовать материал чуждый и согласовать его с потребностями и нравами русского общества или же «сочинять новое уложение» на отвлеченных, еще не испытанных жизнью принципах. Однако и более простой прием, принятый при императоре Николае, удался так блестяще лишь потому, что во главе дела был поставлен такой талантливый и усердный человек, как Сперанский. Понимая все трудности кодификации, Сперанский не удовольствовался тем, что было им сделано для составления Свода; он предложил план устройства постоянных работ над исправлением и дополнением Свода в будущем[31]. **Финансовые мероприятия в правление Николая I. Канкрин**

3. Император Николай наследовал от времени Александра большое расстройство финансовых дел. Борьба с Наполеоном и действие континентальной системы потрясли государственное хозяйство России (§ 144). Усиленные выпуски ассигнаций были тогда единственным средством покрывать дефициты, из года в год угнетавшие бюджет. В течение десяти лет (1807–1816) было выпущено в обращение более 500 млн. руб. бумажных денег. Немудрено, что курс бумажного рубля за это время чрезвычайно упал: с 54 коп. он дошел до 20 коп. на серебро и только к концу царствования Александра поднялся до 25 коп. Так и укрепился обычай вести двойной счет деньгам: на серебро и ассигнации, причем один серебряный рубль стоил приблизительно 4 ассигнационных. Это вело ко многим неудобствам. При расчетах продавцы и покупатели обыкновенно условливались, какими деньгами (монетой или бумажками) произвести платеж; при этом они расценивали самые деньги, и более ловкий из них обманывал или прижимал менее догадливого. (Так, например, в 1830 г. в Москве рубль крупным серебром ценили в 4 руб. ассигнациями, рубль мелким серебром — в 4 руб. 20 коп. ассигнациями, а за рубль медью давали на ассигнации 1 руб. 08 коп.) При такой путанице люди бедные и мало понимавшие в расчетах несли убытки при каждой сделке и покупке. В государстве не существовало устойчивого курса ассигнаций; само правительство не могло установить его и сладить с произвольной расценкой денег (с «простонародными лажами»). Попытки правительства уменьшить количество ассигнаций не привели к хорошему результату. В последние годы Александра было уничтожено много ассигнаций (на 240 млн. руб.); но их осталось еще на 600 млн., и ценность их несколько не поднялась. Надобны были иные меры.

Министром финансов при императоре Николае был ученый финансист генерал Е.Ф. Канкрин, известный своею бережливостью и умелою распорядительностью. Ему удалось составить в государственном казначействе значительный запас золота и серебра, с которым можно было решиться на уничтожение обесцененных ассигнаций и на замену их новыми денежными знаками. Помимо случайных благоприятных обстоятельств (большая добыча золота и серебра), образованию металлического запаса помогли выпущенные Канкриным «депозитные билеты» и «серии». Особая депозитная касса принимала от частных лиц золото и серебро в монете и слитках и выдавала вкладчикам сохранные расписки, депозитные билеты, которые могли ходить как деньги и разменивались на серебро рубль за рубль. Соединяя все удобства бумажных денег с достоинствами металлических, депозиты имели большой успех и привлекли в депозитную кассу много золота и серебра. Такой же успех имели и серии, то есть билеты государственного казначейства, приносившие владельцу небольшой процент и ходившие как деньги с беспрепятственным разменом на серебро. Депозитки и серии, доставляя казне ценный металлический фонд, в то же время приучали публику к новым видам бумажных денежных знаков, имевших одинаковую ценность с серебряною монетою.

Меры, необходимые для уничтожения ассигнаций, составили предмет долгого обсуждения, в котором деятельное участие принимал, между прочим, Сперанский. Было решено (1839) объявить монетной единицей серебряный рубль (такого же веса, как наш нынешний) и считать его «законной мерой всех обращающихся в государстве денег». По отношению к этому рублю был узаконен постоянный и обязательный для всех курс ассигнаций по расчету 350 руб. ассигнациями за 100 руб. серебром. (Таким образом была совершена «девальвация», то есть узаконение пониженного курса бумажных денег.) А затем (1843) был произведен выкуп по этому курсу в казну всех ассигнаций с обменом их на серебряную монету или же на новые «кредитные билеты», которые разменивались на серебро уже рубль за рубль. Металлический запас и был необходим для того, чтобы произвести этот выкуп ассигнаций и чтобы иметь возможность поддерживать размен новых кредитных билетов. С уничтожением ассигнаций денежное обращение в государстве пришло в порядок: в употреблении была серебряная и золотая монета и равноценные этой монете бумажные деньги.

Крестьянский вопрос при Николае I. Министерство государственных имуществ и генерал Павел Киселев

4. Начиная со времени императора Павла (§ 139), правительство обнаруживало явное стремление к улучшению быта крепостных крестьян. При императоре Александре I, как мы знаем (§ 142), был дан закон о свободных хлебопашцах, в котором как бы намечался путь к постепенному и полюбовному освобождению крестьян от власти их владельцев. Однако этим законом помещики не воспользовались почти вовсе, и крепостное право продолжало существовать, несмотря на то, что возбуждало против себя негодование прогрессивной части дворянства. Вступая на престол, император Николай знал, что перед ним стоит задача разрешить крестьянский вопрос и что крепостное право в принципе осуждено его державными предшественниками. Настоятельность мер для улучшения быта крестьян не отрицалась никем. Но по-прежнему существовал страх перед опасностью внезапного освобождения миллионов рабов. Поэтому, опасаясь общественных потрясений и взрыва страстей освобождаемой массы, Николай твердо стоял на мысли освобождать постепенно и подготавливать освобождение секретно, скрывая от общества подготовку реформы.

Обсуждение мер, касающихся крестьян, производилось при Николае в секретных комитетах, не один раз

для этой цели образуемых. Началось оно в секретном «комитете 6-го декабря 1826 г.» и коснулось как государственных крестьян, так и крестьян владельческих. В отношении государственных, «казенных», крестьян были выработаны более существенные и удачные меры, чем в отношении крепостных. Положение первых было улучшено более, чем положение вторых.

В «комитете 6-го декабря 1826 г.» Сперанский заговорил о необходимости «лучшего хозяйственного управления для крестьян казенных»[32] и высказал мнение, что такое управление «послужило бы образцом для частных владельцев». Мысль Сперанского встретила одобрение государя, который привлек к этому делу графа П. Д. Киселева. Это был один из образованных русских людей, сделавших походы 1812–1814 гг. и видевших европейские порядки. Приближенный императором Александром, Киселев еще в его время интересовался крестьянским делом и представил государю проект уничтожения крепостного права. Как знаток крестьянского вопроса он обратил на себя внимание императора Николая и приобрел его доверие. Киселеву было поручено все дело о казенных крестьянах. Под его управлением временно возникло (1836) пятое отделение Собственной Его Величества канцелярии для лучшего устройства управления государственными имуществами вообще и для улучшения быта казенных крестьян. Это пятое отделение скоро было преобразовано в министерство государственных имуществ (1837), которому и вверено было попечительство над казенными крестьянами. Под ведением министерства государственных имуществ в губерниях стали действовать «палаты» (теперь «управления») государственных имуществ. Они заведовали казенными землями, лесами и прочими имуществами; они же наблюдали и над государственными крестьянами. Эти крестьяне были устроены в особые сельские общества (которых оказалось почти 6 тыс.); из нескольких таких сельских обществ составлялась волость. Как сельские общества, так и волости пользовались самоуправлением, имели свои «сходы», избирали для управления волостными и сельскими делами «голов» и «старшин», а для суда (волостной и сельской «расправы») особых судей. Так было устроено, по мысли Киселева, самоуправление казенных крестьян, впоследствии оно послужило образцом и для крестьян частновладельческих при освобождении их от крепостной зависимости. Но заботами о самоуправлении крестьян Киселев не ограничился. При его долгом управлении министерство государственных имуществ провело ряд мер для улучшения хозяйственного быта подчиненного ему крестьянства: крестьян учили лучшим способам хозяйства, обеспечивали зерном в неурожайные годы; малоземельных наделяли землей; заводили школы; давали податные льготы и т. д. Деятельность Киселева составляет одну из светлых страниц царствования императора Николая. Довольный Киселевым, Николай шутиливо называл его своим «начальником штаба по крестьянской части».

В отношении крепостных крестьян сделано было меньше, чем в отношении казенных. Император Николай не раз образовывал секретные комитеты для обсуждения мер к улучшению быта крепостных. В этих комитетах Сперанский и Киселев немало поработали над уяснением истории крепостного права и над проектами его уничтожения. Но дело не пошло далее отдельных мер, направленных на ограничение помещичьего произвола. (Была, например, запрещена продажа крестьян без земли и «с раздроблением семейств»; было стеснено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь.) Самую крупную меру в отношении крепостного права был предложенный Киселевым закон 1842 г. об «обязанных крестьянах». По этому закону, помещик получал право освобождать крестьян от крепостной зависимости, давая им земельный надел (в наследственное пользование на известных условиях, определяемых добровольным соглашением). Получая личную свободу, крестьяне оставались сидеть на владельческой земле и за пользование ей обязаны были (откуда и название «обязанных») нести повинности в пользу владельца. Закон об обязанных крестьянах был торжественно обсуждаем в государственном совете, причем император Николай в пространной речи высказал свой взгляд на положение крестьянского дела в его время. «Нет сомнения (говорил он), что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь — было бы злом, конечно, еще более гибельным». Поэтому крестьянское освобождение государь считал делом будущего и думал, что оно должно совершиться лишь постепенно и с неперменным сохранением права помещиков на их землю. В этом смысле и был дан закон 1842 г., сохранявший крестьянские наделы в вечной собственности помещиков. Однако и на таком условии помещики не стали освобождать своих крепостных, и закон об обязанных крестьянах не получил почти никакого применения в жизни.

Между тем общий ход русской жизни так влиял на всю систему крепостных хозяйств и крепостных отношений, что надобно было ждать скорого падения крепостного строя. Патриархальные формы крепостного труда уже не соответствовали изменившимся общественным условиям: крепостной труд вообще был мало производителен и невыгоден. Помещичьи хозяйства были почти бездоходны и впадали в задолженность, особенно в неурожайные годы, когда помещики должны были кормить своих голодных крестьян. Масса дворянских населенных имений была заложена в казенных ссудных учреждениях; считают, что к концу царствования императора Николая в залоге находилось больше половины крепостных крестьян

(около 7 млн. человек из 11 млн. крепостных мужского пола). Естественным выходом из такой задолженности была окончательная уступка заложенной земли и крестьян государству, о чем и думали некоторые помещики. К экономическим затруднениям помещиков присоединялась боязнь крестьянских волнений и беспорядков. Хотя в царствование императора Николая не было бунтов вроде Пугачевского, но крестьяне волновались часто и во многих местах. Ожидание конца крепостной зависимости проникло в их массу и возбуждало ее. Вся жизнь складывалась так, что вела к ликвидации крепостного права. **Народное просвещение в правление Николая I, Уваров**

5. Меры в области народного просвещения при императоре Николае I отличались двойственностью направления. С одной стороны, очевидны были заботы о распространении образования в государстве; с другой же стороны, замечен был страх перед просвещением и старания о том, чтобы оно не стало проводником революционных идей в обществе.

Заботы о распространении образования выразились в учреждении весьма многих учебных заведений. Учреждались специальные учебные заведения: военные (кадетские корпуса и академии, военная и морская), технические (технологический институт и строительное училище в Петербурге, межевой институт в Москве); возобновлен был (§ 147) главный педагогический институт для приготовления преподавателей. Все эти учебные заведения имели в виду удовлетворение практических нужд государства. Для образования общего сделано также немало. Учреждено было несколько женских институтов. Основывались пансионы с гимназическим курсом для сыновей дворян. Были улучшены и мужские гимназии (§ 147). По мысли министра народного просвещения графа С. С. Уварова, среднее образование, даваемое гимназиями, должно было составлять удел лишь высших сословий и предназначалось для детей дворян и чиновников. Оно было сделано «классическим», чтобы «основать новейшее русское образование тверже и глубже на древней образованности той нации, от которой Россия получила и святое учение веры, и первые начатки своего просвещения» (то есть Византии). Для детей купцов и мещан предназначались уездные училища (§ 147), причем правительство принимало некоторые меры к тому, чтобы лица из этих сословий не попадали в гимназии. Однако стремление к знанию настолько уже созрело в населении, что эти меры не приводили к цели. В гимназии вместе с дворянами поступали в большом числе так называемые «разночинцы», то есть лица, уволенные из податных сословий, но не принадлежащие к дворянам потомственным или личным. Наплыв разночинцев в гимназии и университеты составлял интересное и важное явление того времени: благодаря ему, состав русского образованного общества, «интеллигенции», перестал быть, как прежде, исключительно дворянским.

Опасения правительства относительно того, что учебные заведения станут распространителями вредных политических влияний, выразились в ряде стеснительных мер. Устав университетов, выработанный (1835) графом Уваровым, давал университетам некоторые права самоуправления и свободу преподавания. Но когда на западе в 1848 г. произошел ряд революционных движений, русские университеты подверглись чрезвычайным ограничениям и исключительному надзору. Преподавание философии было упразднено; посылка за границу молодых людей для подготовки к профессуре прекращена; число студентов ограничено для каждого университета определенным комплектом (300 человек); студентов стали обучать военной маршировке и дисциплине. Эта последняя мера была введена и в старших классах гимназий. Министерство народного просвещения, которому была в то время подчинена цензура, чрезвычайно усилило цензурные строгости, запрещая всякую попытку в журналах, книгах и лекциях касаться политических тем. Последние годы царствования императора Николая I заслужили поэтому славу необыкновенно суровой эпохи, когда была подавлена всякая общественная жизнь и угнетена наука и литература. Малейшее подозрение в том, что какое-либо лицо утратило «непорочность мнений» и стало неблагонадежным, влекло за собой опалу и наказание без суда.

§ 152. Русско-персидская война 1826-1828, Русско-турецкая война 1828-1829, Кавказская война

В первые годы царствования императора Николая I Россия вела большие войны на востоке — с Персией (1826-1828) и Турцией (1828-1829).

Отношения с Персией замутились в начале XIX в., вследствие присоединения к России Грузинского царства на Кавказе. Это древнее христианское государство в течение многих веков отстаивало свою самостоятельность от турок и персов и уже в XVI ст. искало опоры в православной Москве. Внутренние

неурядицы постепенно ослабили грузин и повели к тому, что персы и турки стали торжествовать над ними. Тогда от угнетений мусульман грузины начали стремиться в подданство России. Со своей стороны, русское правительство во второй половине XVIII в. само принимало меры к подчинению Грузии. После завоеваний императрицы Екатерины II (§ 134) владения России дошли до р. Кубани и р. Терека[33] и таким образом приблизились к Кавказскому хребту. Новая Кавказская «линия» (граница) не была обеспечена от нападений беспокойных горских племен Кавказа и требовала особых забот. Русским казалось, что с присоединением Грузии горцы будут замирены и будет мирным путем приобретена богатая страна. Поэтому как Екатерина II, так и Павел I охотно шли навстречу исканиям грузинских царей. При Екатерине было формально установлено покровительство России над Грузией (1783), а Павел I издал манифест об окончательном присоединении Грузии к Российской империи (1801). Однако надежды на умиротворение Кавказа не оправдались: горцы еще смелее, чем раньше, продолжали тревожить нашу «линию», а Персия объявила России войну за Грузию. При императоре Александре эта война тянулась восемь лет (1805–1813) и закончилась тем, что Россия укрепилась как в Грузии, так и на западном берегу Каспийского моря (Дербент, Баку).

При императоре Николае I война с Персией возобновилась в 1826 г. Персияне вторглись в русские владения в Закавказье без объявления войны. Главнокомандующий на Кавказе генерал Ермолов не располагал достаточными силами для наступательных действий и держался оборонительно до прибытия подкреплений. Они подоспели под начальством генерала Паскевича, которому и было поручено главное руководство русскими силами. Паскевич разбил персиян под г. Елисаветполем, взял важную персидскую крепость Эривань, перешел р. Араке, овладел г. Тавризом и пошел на столицу Персии, Тегеран. Персия не могла более сопротивляться; шах просил мира. В начале 1828 г. (в деревне Туркманчай, между Тавризом и Тегераном) был подписан мирный трактат, по которому Персия уступила России земли по левому берегу р. Аракса с г. Эриванью и выплатила большую контрибуцию. Этот мир навсегда положил предел притязаниям Персии на кавказские земли. Важность его была очевидна, и император Николай удостоил Паскевича большой награды, пожаловав ему титул графа «Эриванского» и часть персидской контрибуции.

Утвердившись в Закавказье, русская власть должна была обратить особое внимание на горские племена Кавказа. Живя в горах между русскими владениями, полудикие кавказские народцы (черкесы, чеченцы и др.) мешали сообщениям русских с Закавказским краем и беспокоили русские поселения на Кубани и Тереке. Как раз в то время, когда было уничтожено враждебное нам влияние Персии на кавказские дела, среди кавказских горцев-мусульман выросло самостоятельное движение против русских. Это был так называемый «мюридизм» — религиозное возбуждение. Его представителями и вожаками были «святые старцы» — имамы и шейхи. Они стремились поднять усердие народа к исламу и набирали себе «мюридов», то есть послушников. Возбуждая их против русской власти, вожаки обещали мюридам, что за их веру и благочестие Аллах даст им победу над их врагами, русскими, и возродит могучий халифат. Среди горцев учение проповедников имело большой успех: горские племена стали объединяться и задумали «газават» — священную войну против русских. Во главе восставших был имам Кази-мулла, а позже — имам Шамиль. Начиная с 1825 (приблизительно) года, в течение сорока лет, горцы находились в упорной борьбе с русскими войсками и не только защищались от русских экспедиций в горы, но и сами нападали на русские крепости и отряды русских войск. Во все царствование императора Николая I шла война на Кавказе; требовались большие усилия для того, чтобы постепенно, шаг за шагом, овладевать важнейшими пунктами в горных областях, проводить «военные» дороги («Военно-грузинская дорога» и др.), рубить просеки в глухих лесах и ставить крепости для устрашения горцев. Все эти меры были необходимы; они стоили дорого и требовали больших жертв. Тем не менее императору Николаю не суждено было дожить до умиротворения Кавказа; оно совершилось лишь при его преемнике.

Причиной Турецкой войны (1828–1829) послужили греческие дела. Еще во время императора Александра I греки начали борьбу с турками за свое освобождение и успели возбудить в Европе большое сочувствие к себе и к своему делу. Зверства турок над греками и обаяние греческого имени, славного древней культурой Греции, вызывали в европейском обществе большое движение в пользу восставших. Но правительства европейские, в том числе и русское, под влиянием тенденций «священного союза» (§ 146) долго не решались заступиться за мятежных греков пред их законным государем, султаном. Император Николай, вступая на престол, застал отношения России и Турции очень недружелюбными; но все-таки он не видел необходимости воевать с турками из-за греков. Он согласился лишь на то, чтобы совместно с Англией и Францией принять дипломатические меры против турецких зверств и постараться примирить султана с греками. Только в 1827 г., когда стало ясно, что дипломатия бессильна и что нельзя допускать дальнейших истязаний греческого населения, Англия, Франция и Россия условились силой прекратить борьбу турок с греками. Соединенные эскадры, русская, английская и французская, заперли турецкий флот, действовавший против греков в гавани г. Наварина (древний Пилос на западном берегу Пелопоннеса) и сожгли его после кровопролитной битвы (20 октября 1827 г.). Наваринская битва была турками приписана враждебному

влиянию русского правительства, и Турция стала готовиться к войне с Россией.

Война началась в 1828 г. Русские войска перешли Дунай и осадили турецкие крепости Варну и Шумлу. Взятие Варны позволило русским получать припасы морем, при посредстве своего флота, и открыло дорогу за Балканы. Но Шумла не сдалась и послужила оплотом для многих наступательных движений турок. Положение русской армии не раз становилось трудным. Только тогда, когда русскому главнокомандующему генералу Дибичу удалось выманить турецкую армию из Шумлы и нанести ей страшное поражение (у д. Кулевчи), дела изменились к лучшему. Дибич двинулся за Балканы и взял Адрианополь, вторую столицу Турции. В то же время в Азиатской Турции граф Паскевич успел взять турецкие крепости Каре и Ахалцых и после удачных боев с турецкой армией занял г. Эрзерум. Победы русских получили решительный характер, и турки просили мира. Мир был заключен в 1829 г., в Адрианополе, на следующих условиях: Россия приобретала левый берег нижнего Дуная, с островами в дунайских устьях, и восточный берег Черного моря (от устья р. Кубани до порта Св. Николая, также г. Ахалцых с его областью). Кроме того, турецкое правительство давало свободу торговли русским в Турции и открывало свободный проход через Босфор и Дарданеллы кораблям всех дружественных наций.

Важным условием мира было еще и то, что подвластные Турции княжества Молдавия, Валахия и Сербия получили полную внутреннюю автономию и стали под покровительство России. По русскому настоянию была также признана турками независимость греческих земель на юге Балканского полуострова (из этих земель в 1830 г., по соглашению держав, образовано было королевство Греция). Таким образом, в силу условий Адрианопольского мира Россия получила право вмешательства во внутренние дела Турции как заступница и покровительница одноплеменных и единоверных ей подданных султана. Вскоре (1833) сам султан прибег к помощи России во время восстания против него египетского паши. Русский флот пришел в Константинополь и высадил войска на Малоазиатский берег для защиты Босфора от египетских войск. Дело не дошло до боя, так как европейская дипломатия успела склонить восставших к покорности султану. Но султан в благодарность за защиту заключил с Россией особый договор, которым обязался запереть Босфор и Дарданеллы для военных судов всех иностранных держав. Этим договором создано было преобладающее влияние России в ослабевшей Турции. Из врага, наиболее грозного и ненавидимого Турцией, Россия превратилась как бы в друга и защитника «больного человека», — так император Николай называл разлагавшуюся Турецкую империю.

Преобладание России в турецких делах, создавшееся очень быстро, произвело тревогу среди европейских правительств и придало острый характер «восточному вопросу». Под общим именем «восточного вопроса» тогда стали разуметь все вопросы, какие только возникали в связи с распадом Турции и с преобладанием России на Балканском полуострове. Европейские державы не могли быть довольны политикой императора Николая, который считал себя одного покровителем балканских славян и греков. Его притязаниями нарушалось политическое равновесие Европы; от его побед чрезмерно, в глазах европейских правительств, вырастали силы и влияние России. Европейская дипломатия поэтому постаралась парализовать успехи России и добилась того, что новые междоусобия, происшедшие в Турции, были переданы на суждение общеевропейской конференции. Эта конференция (собравшаяся в Лондоне в 1840 г.) установила общий протекторат над Турцией пяти держав: России, Англии, Австрии, Франции и Пруссии. С тех пор «восточный вопрос» стал общеевропейским, и влияние России на Балканском полуострове начало падать столь же быстро, как быстро возникло.

§ 153. Польское восстание 1830-1831 и вопрос об Унии

Было уже указано, что возбуждение умов в Царстве Польском началось тотчас по введении в действие дарованной Александром I «учредительной хартии» (§ 146). Польские патриоты мечтали о восстановлении Речи Посполитой в ее старых пределах — «от моря до моря»; иначе говоря, они желали присоединения к своему Царству литовских и русских областей, принадлежавших Польше до раздела 1773 г. С другой стороны, они были недовольны русской властью, и в частности цесаревичем Константином Павловичем, который был главнокомандующим всех польских войск и, живя в Варшаве, сильно влиял на ход управления вообще. Пределы своей конституционной свободы поляки считали слишком узкими. Одни из них желали прямо республики (демократическая партия с историком Лелевелем во главе); другие же стояли за реформу конституции и расширение прав нации (аристократическая партия, в которой виднейшее место принадлежало бывшему любимцу Александра I, князю Адаму Чарторыйскому). В польском движении отразилось влияние подобных же движений, происходивших тогда на западе Европы. Патриоты, недовольные постановлениями Венского конгресса и реакционной политикой «священного союза», начали упорную борьбу

за национальное объединение и народную свободу в странах, разделенных между многими правительствами и управляемых в реакционном духе (Германия, Италия). Как на западе, так и в Польше движение руководилось тайными обществами, патриотическими и революционными. Они существовали в польских войсках и среди молодежи, подготавливая отложение от России и внутренний переворот. Французская и Бельгийская революции 1830 г. своим успехом дали толчок польскому движению, и в конце 1830 г. в Варшаве началось открытое восстание. Цесаревич Константин Павлович едва избежал смерти от рук заговорщиков, офицеров и черни и благополучно ушел из Варшавы с теми русскими войсками, которые при нем состояли. Отступление слабого русского отряда сначала из столицы Польши, а затем и из Царства в русские области подняло дух восставших и позволило им организовать в Царстве свой порядок. В Варшаве было устроено временное правительство с диктатором во главе. Оно пробовало добиться от императора Николая независимости Польши и присоединения к ней Литвы и Западной Руси; но, не получив на это никакой надежды, созвало сейм. Сейм решился низложить династию Романовых с польского престола и таким образом сделал войну неизбежной.

Император Николай отправил (1831) в пределы Польши большую армию под начальством графа Дибича. Дибич нанес польским войскам и польскому ополчению сильное поражение под Варшавою (у с. Грохова), но не воспользовался победой и затянул войну. К тому же военным действиям препятствовала страшная эпидемия холеры, прошедшая тогда по всей России. (От нее скончались в русской армии цесаревич Константин и граф Дибич.) Новый главнокомандующий граф Паскевич повел дело энергично и быстро: он подошел к Варшаве и взял ее штурмом, после чего загнал в Пруссию и Австрию остатки польских войск и таким образом овладел Царством. Польша была завоевана русским оружием и потеряла возможность сохранить свою конституцию.

Учредительная хартия была отменена; сейм уничтожен; уничтожено отдельное польское войско; отменено особое финансовое устройство; закрыты высшие учебные заведения (Варшавский университет). Царство Польское было разделено на губернии и включено в состав империи. Особою грамотою, получившей название «органического статута» (1832), был определен новый порядок управления Польши. Во главе Царства был поставлен наместник (граф Паскевич-Эриванский, получивший титул «князя Варшавского»); он управлял с помощью «совета» из главных чиновников края. Важнейшие дела и законодательные вопросы рассматривались в «государственном совете Царства Польского», составленном из лиц по назначению государя. С течением времени русский элемент в крае усиливался все более и более: русские люди назначались на польские должности, русский язык признан обязательным в деловых сношениях, русским раздавались земли в польских областях. Самое управление принимало все более и более характер общерусский. Польша теряла все остатки политической особенности и обращалась в русскую провинцию.

То же направление имела политика императора Николая в литовских и западно-Русских областях. Восстание из Царства Польского распространилось на те области, которые отошли от Польши к России по разделам XVIII в. (§§ 133, 137). Польское панство и шляхетство, составлявшее в этих областях высший землевладельческий класс, сохраняло свои связи с Польшею и поддерживало польский дух в местной общественной жизни. При императоре Александре I правительство не обращало внимания на преобладание польского элемента в западно-Русском крае. Князь Адам Чарторыйский, имевший звание попечителя Виленского учебного округа, деятельно и без всяких препятствий учреждал в округе польские школы с целью окончательной полонизации Литвы и Белоруссии. (Таким же колонизатором русских земель, Волыни, Украины и Подолии, явился польский патриот Чацкий, бывший там наблюдателем, или «визитатором», училищ при Александре I.) Немудрено, что основанный в Вильне (1803) университет обратился в очаг польского национального движения и стал центром польских патриотов, мечтавших о возрождении Речи Посполитой. При университете образовались патриотические польские общества, подготовившие участие университета в польском восстании. (Одним из виднейших вожаков восстания в Польше был виленский профессор истории Лелевель.) Когда восстала Польша, началось движение и в литовских областях. Но оно не имело успеха, так как русские войска, занимавшие Вильну, дали отпор отрядам повстанцев и вытеснили их из края. После подавления восстания Виленский университет был закрыт, и правительство приняло ряд мер для уничтожения польского влияния в крае. Оно обратило внимание на образование юношества в русском духе и вместе с низшими русскими школами открыло в Киеве русский университет (1834). Было конфисковано много земель у мятежных польских владельцев и передано в русские руки. Были приняты меры для улучшения быта православно-русских крестьян, живших на панских землях. Наконец, дан был ход делу присоединения к православной церкви так называемых «униатов».

Уния, введенная в западной и южной Руси в конце XVI в. (§ 92), вызвала тяжелую борьбу православного населения за свою веру. Православие не было истреблено вовсе; но все-таки большинство западно-русского дворянства и большое количество крестьянства перешло в унию и стало под сильное влияние католической иерархии. Гонения за веру в Речи Посполитой продолжались до самых разделов, и униаты страдали от них

едва ли менее православных. Заступничество императрицы Екатерины II (§ 133), а затем переход униатов в русское подданство после польских разделов — прекратили давление на униатов католического духовенства. Началось сближение униатского духовенства с православным. В среде самих униатов возникла мысль о прекращении зависимости от папы и о восстановлении более тесной связи с православием. Эта мысль понемногу перешла в решимость вовсе упразднить унию и воссоединить униатов с православной церковью, от которой униаты когда-то были оторваны. Носителем идеи воссоединения был один из униатских архиереев — епископ Литовский Иосиф Семашко. После усмирения Польского восстания он встретил со стороны государя и синода большое сочувствие. В 1839 г. в г. Полоцке все униатские епископы постановили просить у императора Николая «дозволения им присоединиться к прародительской православной всероссийской церкви». Государь дал это дозволение, и синод торжественно совершил акт воссоединения униатов. Уния прекратилась везде, за исключением Холмской епархии, где население оставалось в унии до 70-х годов XIX в., частью же остается и теперь.

Таковы были последствия польского движения 1830–1831 гг. Польское государство погибло после неудачного восстания; польская народность понесла тяжелые жертвы и разорение; польскому влиянию в Западной Руси нанесен был тяжелый удар.

§ 154. Славянофилы и западники при Николае I

Мы видели (§ 148), что под влиянием освободительных войн Александровской эпохи в русском обществе образовалось два умственных течения. Одно — политическое — привело к декабрьскому восстанию 1825 г. и к тяжелой ответственности его участников. Другое — философское течение — создало в среде русских образованных людей философские кружки мирного характера. Члены их занимались изучением европейской, главным образом германской, философии и желали применить эту философию к объяснению русской жизни. В Германии того времени господствовали две «идеалистические» философские системы, именно Шеллинга и Гегеля. Под их влиянием русские мыслители разделились на два направления. Одно из них получило название славянофильского, другое — западнического.

Славянофилы стояли на такой точке зрения, что каждый народ живет своей самостоятельной, «самобытной» жизнью. В основе ее лежит глубокое идейное начало, «народный дух». Этим «народным духом» проникнута вся история народа, все стороны народной жизни. Для того, чтобы познать народ, понять его жизнь и историю, необходимо уразуметь, в чем заключается «народный дух», какими идеальными началами одухотворен этот народ. По мнению славянофилов, самобытность русского народа выражалась как в особенностях нашего православия (близкого к истинному христианскому «любомудрию» древней восточной церкви), так и в особенностях нашего государственного и общественного быта. В отличие от европейского Запада, вся жизнь которого построена на рассудочности и начале личной свободы, древняя Русь жила началами веры и общинности. На Западе государства и общества строились насилием и завоеванием; на Руси государство создавалось мирным признанием княжеской династии, а общество не знало внутренней вражды и борьбы классов. В этом и заключалось превосходство Руси перед Западом. Обладая «внутренней правдой» истинного христианства и преимуществами общинного, «мирского» устройства, Русь могла бы служить высоким примером для всего Запада и явить ему сокровища своего «народного духа». Но этому помешала реформа Петра Великого. Она повела русское государство на путь ненужных заимствований, воспитала образованные классы в чуждом западноевропейском духе и потрясла устои древнего русского быта. Укрепить их и вернуть русскую жизнь в старое, самобытное русло — в этом задача русской современности. Таково было учение славянофилов, созревшее к 40-м годам XIX в. (старшими его представителями были А.С. Хомяков и братья Киреевские, младшими — Ю.Ф. Самарин и братья Аксаковы).

Западники, напротив, верили в единство человеческой цивилизации и полагали, что Россия стала цивилизованным государством лишь со времен Петра Великого, благодаря именно реформам Петра. В допетровской России господствовала одна лишь косность, и не было никакого исторического движения; наши предки прозябали в покое азиатского невежества и не жили культурной жизнью. Поэтому у них не могло быть никакой «самобытности», а была лишь дикость. Привив своему народу начатки образованности, Петр Великий создал для него возможность общения с культурным человечеством и открыл ему путь к культурному совершенствованию. Задача современного русского общества, по мнению западников, заключалась в том, чтобы теснее примкнуть к европейскому Западу и слиться с ним воедино, образовав одну общечеловеческую культурную семью. С особенным интересом западники следили за умственным движением в Германии и за общественным брожением во Франции, жадно усваивая себе все результаты европейской науки и все новости

политической жизни передовых европейских стран. (Представителями западничества были известный критик В. Г. Белинский, профессор Т. Н. Грановский и эмигрант А. И. Герцен.)

При тогдашних условиях общественной жизни в России ни славянофилы, ни западники не могли свободно выражать в печати свои взгляды. Мешала этому строгость цензуры. Правительство запрещало писать критически о русском государственном и общественном строе. После первых же журнальных статей, написанных в духе славянофильском и западническом, власти стали неблагосклонно относиться к их авторам и сочли их неблагонадежными людьми. Правительство имело свой взгляд на основы русской народной жизни: этими основами оно считало **православие, самодержавие, народность**. Противопоставляя их основам жизни Запада, где была иная вера и иной политический строй, правительство считало русский быт совсем особенным, и притом образцовым, не подлежащим критике и осуждению. Между тем, как ни спорили между собой западники и славянофилы по многим вопросам их учения, они совершенно сходились в критике современных им русских порядков. И тем и другим не нравился бюрократизм управления; и тех и других тяготило недоверие власти к обществу и вытекавшие отсюда строгости цензурные и полицейские. Больше же всего возмущались мыслящие люди обоих направлений крепостным правом, против которого правительство не принимало никаких гласных мер. Людям, не посвященным в тайны управления, не были известны труды секретных комитетов и отношение государя к крепостному праву (§ 151). Им казалось, что власть поддерживает, во что бы то ни стало, права помещиков на крестьян. Понимая вред для государства и общества крепостных форм хозяйства и рабской безответности крестьян, западники и славянофилы одинаково мечтали об отмене крепостного права. При этом, сравнивая русскую действительность с жизнью культурного Запада, западники стремились изучить новейшие формы чтимой ими европейской общественности и увлекались не только конституционным строем западных стран, но и социалистическими утопиями представителей тогда еще нового социализма.

Таким образом, оба направления, а в особенности западническое, оказались в оппозиции правительству и вызывали его подозрение и гонение. Между тем, проникнув из частных кружков в литературу и овладев журналами, эти направления увлекли за собой всю русскую интеллигенцию и сделали ее оппозиционной. Отрицательное отношение к правящей бюрократии распространилось всюду; между правительством и обществом образовалась как бы пропасть, разъединившая их. Это было несчастьем для обеих сторон. Лишенная сочувствия общества власть ослабела. Когда умерли лучшие сотрудники императора Николая, действовавшие в первой половине его царствования, то на смену им некого было взять из среды общества. Император Николай не верил обществу и довольствовался поэтому канцелярскими исполнителями, не подготовленными к широкой политической деятельности. За исключением графа Киселева, к концу правления Николая I не осталось сколько-нибудь заметных и способных сотрудников императора. В управлении государством царил застой, беспорядки и злоупотребления. Грозная снаружи, Россия внутри оказалась расстроенной и ослабленной. С другой стороны, устраненная от общественных и государственных дел интеллигенция привыкла к осуждению правительственных порядков и взглядов и, следуя космополитическим убеждениям западников, стала переносить свое отрицание с временной политической системы Николая I на особенности русской жизни вообще. Отсюда было уже недалеко до утраты того горячего патриотического чувства, которым была богата и сильна старая Русь и которым сравнительно стали бедны ближайшие к нам поколения интеллигенции.

§ 155. Восточная [Крымская] война 1853-1855 гг.

Было уже сказано (§ 152), что политика императора Николая в «восточном вопросе» возбуждала неудовольствие и подозрения европейских правительств. Европейская дипломатия не считала возможным допускать преобладание России на Балканском полуострове и вмешательство ее во внутренние дела Турции. На западе Европы «политика вмешательства», созданная Венским конгрессом и «священным союзом» (§ 146), скоро отжила свой век. Император же Николай твердо держался старых принципов и считал для себя обязательным поддержание законного порядка не только у себя дома, но и в других государствах. Таким образом, не простое столкновение случайных интересов на Востоке, а принципиальное различие политики разделяло Россию и Западную Европу. Европейские правительства и европейское общество не раз имели случай видеть, с какой готовностью император Николай склонялся к вмешательству в чужие дела. Кроме действий в пользу султана против мятежных египетских войск (§ 152), русские войска в 1849 г. действовали в Австрийской монархии против возмущившихся венгров. Большая русская армия по просьбе австрийского императора Франца-Иосифа вступила в Венгрию, подавила там национальное восстание и восстановила в Венгрии австрийскую власть. При совершавшихся в Европе, особенно же во Франции, политических

переворотам император Николай всегда объявлял себя против правительств, возникших из революции. Между прочим, и император Наполеон III, восстановивший империю во Франции (1852), на себе испытал недружелюбие России, когда из президента республики задумал превратить себя в монарха: император Николай открыто высказывался против совершенного Наполеоном переворота. Много лет Европа видела в императоре Николае сторонника старых начал политической реакции и врага демократических движений; много лет склонность России к вмешательству в дела других государств казалась угрозой миру. И правительства, и народы Европы боялись и не любили России и императора Николая с его рыцарской преданностью отжившим принципам.

Такова была общая почва, на которой «восточный вопрос» получил особенную важность и остроту. Противодействуя русскому влиянию, английская и французская (в особенности английская) дипломатия к середине XIX в. сумела достичь больших успехов в Константинополе. Турки не теряли своего страха перед русскими, но охотно уходили от русских дипломатов под защиту и под влияние англичан и французов. Престиж русского имени падал в Турции. Это выражалось в ряде отдельных мелочей, пока, наконец, не произошло случайного, но крупного столкновения между русским и турецким правительством по вопросу о святых местах в Палестине. Султан дал некоторые преимущества католическому духовенству в ущерб духовенству греческому, православному (между прочим, ключи от Вифлеемского храма были взяты от греков и переданы католикам). Император Николай вступился за православных и потребовал восстановления их привилегий. Султан, под влиянием ходатайств французской дипломатии, ответил отказом. Тогда император Николай ввел русские войска в находившиеся под властью султана автономные княжества Молдавию и Валахию — «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». Турция протестовала. Державы, участвовавшие в протекторате над Турцией (§ 152), созвали в Вене конференцию по турецким делам (из уполномоченных Франции, Англии, Австрии и Пруссии). Россия показывала склонность подчиниться решению этой конференции. Но когда султан обнаружил упорство, то и император Николай отказался от всяких уступок. Дело кончилось тем, что Турция объявила России войну (осенью 1853 г.), а флоты Англии и Франции появились в Босфоре, как бы угрожая России.

Военные действия начались на Дунае и в Закавказье. На Черном море (в ноябре 1853 г.) русская эскадра под начальством адмирала Нахимова истребила после жаркого боя турецкий флот, стоявший в бухте города Синопа (в Малой Азии). После этой славной битвы английская и французская эскадры вышли из Босфора в Черное море, не скрывая, что имеют в виду помогать туркам. Следствием этого был открытый разрыв России с Англией и Францией. Император Николай увидел, что за Турцией стоят более грозные враги, и стал готовиться к защите на всех русских границах. К довершению зла, даже и те державы, которые не объявили прямой войны императору Николаю, именно Австрия и Пруссия, обнаруживали неблагоприятное для России настроение. Приходилось держать войска и против них. Таким образом, император Николай оказался один против могущественной коалиции, не имея союзников, не возбуждая к себе сочувствия ни европейских правительств, ни европейского общества. Россия должна была теперь нести последствия своей политики «вмешательства», которая со времен Венского конгресса заставляла Европу бояться вторжения русских войск.

В 1854 г. русская армия перешла за Дунай и осадила крепость Силистрию, но ввиду враждебных действий Австрии была вынуждена вернуться на левый берег Дуная. Австрия потребовала от России очищения княжеств Молдавии и Валахии как автономных и нейтральных земель (§ 152). Русским становилось невозможно вести войну на Дунае при том условии, что австрийцы будут грозить им в тыл и сбоку. Поэтому русские войска оставили княжества, и война на Дунае прекратилась. Россия везде, кроме Закавказья, перешла к оборонительному образу действий. Союзники же не сразу обнаружили, куда они направят свои удары. Они на Черном море бомбардировали Одессу, на Белом море — Соловецкий монастырь. В то же время на Балтийском море англо-французская эскадра взяла Аландские острова и появлялась пред Кронштадтом. Наконец, неприятельские суда действовали на Дальнем Востоке, даже у Камчатки (бомбардировали Петропавловск). Но нигде союзники не предпринимали решительных действий, заставляя русских очень разбрасывать свои силы и напрягать внимание. К осени 1854 г. обнаружилось, что главным театром войны неприятели избрали Крым и в частности Севастополь. В этом городе находилась главная стоянка нашего черноморского флота; союзники рассчитывали, взяв Севастополь, истребить русский флот и уничтожить все военно-морское устройство России на Черном море. В сентябре 1854 г. близ города Евпатории (на западном берегу Крыма) высадилось значительное количество французских, английских и турецких войск (более 60 тыс.), под прикрытием огромного флота. Флот союзников заключал в себе много паровых судов и потому был совершеннее и сильнее русского, состоявшего почти исключительно из парусных кораблей. Ввиду явного перевеса неприятельских сил русским судам нельзя было отважиться на бой в открытом море. Пришлось защищаться в Севастополе. Так началась знаменитая Крымская кампания.

§ 156. Оборона Севастополя

Союзники, подвигаясь на юг к Севастополю, встретили 30-тысячное русское войско на р. Альме (впадающей в море южнее Евпатории). Русские были здесь побеждены и открыли врагу дорогу на Севастополь. Если бы союзники знали, что Севастополь с севера защищен слабо, они могли бы сразу овладеть им. Но враги не надеялись на скорый успех. Они прошли мимо Севастополя и укрепились на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Оттуда они начали добывать Севастополь правильной осадой.

Оборона Севастополя была поручена на первое время морякам под командою адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина. Они с горем решились затопить свои боевые корабли при входе в Севастопольскую бухту, чтобы сделать невозможным вторжение в нее с моря. Пушки и прочее вооружение с кораблей были переданы на береговые укрепления. Вокруг Севастополя, не имевшего стен, военный инженер Тотлебен проектировал ряд земляных сооружений (бастионов и батарей), которые заменили собой сплошную крепостную стену. Эти бастионы и батареи были сооружены усиленной работой матросов, солдат и жителей города. Когда неприятель начал свои подступы, Севастополь уже мог защищаться. На бомбардировку неприятеля наш город отвечал такой же бомбардировкой из сотен орудий. Штурмы отбивались с отчаянным мужеством. Направив свои силы против самого южного бастиона (№ 4), неприятель не имел никакого успеха. Осада затянулась.

Но и русским не удавалось стянуть к Севастополю большие силы и выбить врага из его укрепленного лагеря. Войска были нужны на других театрах войны и на границах австрийской и прусской. Поддерживать далекий Севастополь и снабжать его всякими припасами без хороших дорог и морского пути было очень трудно. Не особенно большая русская армия стояла вблизи Севастополя (под командой сначала князя Меншикова, а затем князя Горчакова). Она помогала гарнизону крепости, чем могла; но все ее попытки перейти в наступление и штурмовать неприятельский лагерь (сражения при с. Инкермане и на р. Черной) оканчивались неудачами. Обе стороны были бессильны одержать решительный верх одна над другой. Осада продолжалась многие месяцы (всего 350 дней). Погибли славные предводители русского флота, адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин, убитые на бастионах. Город был разрушен бомбардировками. Укрепления, разбиваемые неприятелем, едва держались. Но гарнизон не падал духом и действовал с необыкновенным мужеством. Тогда враги, оставив надежду овладеть южным, «четвертым», бастионом, перенесли свое внимание на восточную часть укреплений, на «Малахов курган». Однако Тотлебен сумел и здесь укрепиться и надолго задержать неприятеля. Севастопольская осада сосредоточила на себе все усилия боровшихся сторон [34] и стала предметом общего удивления. Император Николай, в воздаяние мужества и страданий севастопольцев, приказал считать за год каждый месяц службы в Севастополе. Так истек тяжелый 1854 год.

В начале 1855 г. (18 февраля) император Николай скончался. 19 февраля началось царствование его преемника, императора Александра II.

В ходе Крымской кампании ничего не изменилось. Крепость держалась. Каждый шаг вперед союзники покупали ценою больших усилий и потерь. Только в августе 1855 г. им удалось подвести свои траншеи совсем близко к боевой ограде Малахова кургана, и 27 августа они начали общий штурм Севастополя. На этот раз французам удалось ворваться на Малахов курган и овладеть им. Во всех же других местах штурм был отбит. Однако после потери Малахова кургана нельзя было держаться в городе, так как с высокого кургана враг видел весь город, легко мог войти в него и с тыла взять остальные его укрепления. Поэтому было решено оставить Севастополь (собственно, его южную сторону). Русские перешли из города по мосту через рейд (залив) на север и все, что могли, уничтожили в самом Севастополе. Неприятель не преследовал и, не спеша, занял развалины крепости. Так окончилась одна из самых славных кампаний в русской истории.

§ 157. Личность и воспитание императора Александра II

Неожиданная кончина императора Николая Павловича, умершего от случайной простуды, послужила началом важных перемен в жизни Русского государства. С императором Николаем отошла в вечность его правительственная система. Преемник его был совсем иной человек. Император Александр II во многом составлял противоположность своему отцу. Отец отличался суровым и непреклонным характером; сын был мягок и доступен влияниям. Отец не получил в свою пору хорошего образования, сын же был тщательно

воспитан и подготовлен к предстоящему высокому делу правления государством. Александр вступал на престол 36-ти лет от роду (родился в 1818 г.), зрелым человеком, достаточно опытным в делах. Русские люди ждали от него много доброго — и не ошиблись.

Воспитание императора Александр II было поставлено прекрасно. С малых лет воспитателем его был гуманный и умный человек капитан Мердер. Лет девяти Александр начал учиться под главным руководством своего «наставника» — известного поэта В. А. Жуковского. Жуковский предварительно составил глубоко обдуманый «план учения» цесаревича, утвержденный императором Николаем. По этому плану целью всего учения было сделать будущего государя человеком просвещенным и всесторонне образованным, сохранив его от преждевременных увлечений мелочами военного дела. Жуковскому удалось осуществить свой план. Цесаревич много учился и имел хороших учителей; между прочим, знаменитый Сперанский вел с ним «беседы о законах». Домашние занятия дополнялись образовательными поездками. Из них особенно памятно было большое путешествие по России и Западной Сибири (в 1837 г.). Двадцати трех лет цесаревич вступил в брак с Марией Александровною, принцессою Гессен-Дармштадтской, с которою он познакомился во время большого заграничного путешествия.

С этого времени началась служебная деятельность Александра Николаевича. Император Николай систематически знакомил сына с разными отраслями государственного управления и даже поручал ему общее руководство делами на время своих отъездов из столицы. В течение десяти лет наследник престола был ближайшим помощником своего отца и свидетелем всей его правительственной работы. Император Николай нежно относился к сыну; он говорил ему перед самой своею кончиною: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое... Провидение судило иначе».

Провидение судило иначе. Император Александр II вступал во власть в очень тяжкое время. Трудная и неудачная война потрясла государство и требовала больших усилий и большого искусства для того, чтобы сохранить честь империи и привести дело к хорошему миру. Все внимание нового государя было устремлено в эту сторону.

§ 158. Окончание Восточной (Крымской) войны

После падения Севастополя осенью 1855 г. русским войскам удалось достигнуть блестящего успеха на Азиатском театре войны. Генералом Н.Н. Муравьевым была взята важная турецкая крепость Карс. Во всех остальных местах военные действия шли вяло, и к зиме везде настало полное затишье. Государь осенью посетил Крым и лично благодарил многострадальную Севастопольскую армию за ее подвиги и труды. Личное знакомство с положением дел на юге убедило императора Александра в том, что продолжать войну очень трудно; а победа под Карсом давала ему возможность начать переговоры о мире без ущерба для чести его государства. Со своей стороны император Наполеон желал мира и даже сам искал случая начать переговоры. В начале 1856 г. (при посредстве Австрии и Пруссии) удалось собрать в Париже конгресс европейских дипломатов для заключения мира. Мирный трактат был подписан в марте 1856 г. на условиях, довольно тяжких для России.

По Парижскому трактату Россия получала обратно потерянный ею Севастополь в обмен на Карс, возвращаемый Турции. В пользу Молдавии Россия отказалась от своих владений в устьях Дуная (и, таким образом, перестала быть в непосредственном соседстве с Турцией). Россия потеряла право иметь военный флот на Черном море^[35]; Черное море было объявлено нейтральным, и проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты для военных судов всех государств. Наконец, Россия теряла право покровительства над христианскими подданными Турции, которые были теперь поставлены под протекторат всех великих держав.

Объявляя особым манифестом о заключении мира, император Александр II заканчивал этот манифест определенным пожеланием внутреннего обновления России: «Да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности»... В этих словах заключалось как бы обещание внутренних реформ, необходимость которых чувствовалась одинаково как правительством, так и обществом.

Действительно, вскоре же наступила «эпоха великих реформ» императора Александра II. Прежде всего было упразднено крепостное право на крестьян (1861). Затем последовали реформа земская и реформа судебная (1864). Было дано новое городовое положение (1870). Была введена всеобщая воинская повинность

(1874). Кроме того, последовал ряд мер по народному образованию, по цензуре, по финансам. Словом, все стороны государственной и общественной жизни подверглись изменениям: эпоха реформ охватила все слои русского общества.

§ 159. Крестьянская реформа 1. Освобождение крестьян

1. Было уже сказано (§ 151), что вопрос о крепостном праве составлял тяжелую заботу для правительства еще во время императора Николая I. Крепостной строй явно устарел. Нельзя было далее оставлять крестьян в бесправном состоянии рабства. Нельзя было ожидать роста и развития государственных сил при господстве в России отживших форм крепостного помещичьего хозяйства. Восточная война ясно показала отсталость и слабость нашего государства и необходимость внутренних перемен. Все понимали, что эти перемены должны были начаться именно с крепостного права, с «улучшения быта крепостных крестьян», как тогда принято было выражаться о крестьянском освобождении.

Вскоре после заключения мира (1856) император Александр II, беседуя с дворянскими депутатами в Москве, сказал знаменитые слова о том, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу». Эти слова имели в виду беспокойное состояние крепостных, которые ждали освобождения и волновались год от году заметнее и сильнее. Слова государя произвели очень большое впечатление на все русское общество. Обсуждение крестьянского вопроса стало на очередь не только в правительственных сферах, но и в частных кругах. В печати и в обществе образовались разные направления. В то время как одни старались по возможности сохранить старый порядок и оградить права землевладельцев, другие стремились достичь освобождения крестьян с наилучшими для них условиями. В том и другом направлении составлялись проекты и записки, отчасти попадавшие в печать, отчасти же в рукописном виде представляемые правительству. Ранее, чем правительство успело приступить к работам по освобождению крестьян, возникли частные проекты освобождения. Самые основательные из них считали необходимым совершить освобождение крестьян с наделением их землей. За такой именно способ освобождения высказывались близкие к государю лица — брат его, великий князь Константин Николаевич, и великая княгиня Елена Павловна (вдова великого князя Михаила Павловича). Благодаря их личному влиянию к делу крестьянской реформы были привлечены столь выдающиеся лица, как Николай Алексеевич Милютин, князь В. А. Черкасский, Юрий Федорович Самарин и другие такие же горячие поборники крестьянских интересов. За освобождение крестьян с землей стал и граф Яков Иванович Ростовцев, любимец государя и его близкий сотрудник по управлению военно-учебными заведениями. Ростовцев в ряде письменных и устных докладов разъяснил государю технические подробности предстоявшей крестьянской реформы и убедил его в необходимости наделить крестьян землей, чтобы не сделать их безземельными батраками. Таким образом, сам государь усвоил мысль о желательности земельных наделов для крестьян. **2. Внешний ход крестьянской реформы**

был таков. В начале 1857 г. стал действовать «секретный» комитет, учрежденный государем для обсуждения мер по устройству быта крестьян. Комитет предложил совершить освобождение крестьян постепенно, без крутых и резких переворотов. Но это не соответствовало намерениям императора Александра, который желал скорого и определенного решения крестьянского вопроса. Поэтому, когда в комитет поступило заявление дворян литовских губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) о желании их освободить своих крестьян без земли, то государь приказал ускорить обсуждение этого дела. Мнения по данному делу в комитете разделились; часть членов комитета (во главе с великим князем Константином Николаевичем) высказалась за то, чтобы разрешить освобождение с землей, а не без земли, и притом сделать это гласно — так, чтобы все узнали о намерении правительства немедленно приступить к преобразованию крестьянского быта. Государь одобрил это мнение, и рескрипт государя, данный (в ноябре 1857 г.) виленскому генерал-губернатору Назимову, возвестил всему государству о том, что реформа началась. Литовским дворянам было указано образовать по губерниям дворянские **губернские комитеты** для обсуждения условий освобождения крестьян и составления проекта «положений» об устройстве крестьянского быта. Правительство ожидало, что, узнав об учреждении губернских комитетов в литовских губерниях, дворянские общества прочих губерний сами поймут необходимость приступить к обсуждению условий крестьянской реформы и станут ходатайствовать об устройстве у себя таких же губернских комитетов по крестьянскому делу. Действительно, из разных губерний стали поступать адреса дворянства с выражением готовности приняться за улучшение быта крестьян, и государь разрешал открытие в губерниях губернских комитетов, составленных из местных дворян. Для руководства занятиями этих комитетов была дана общая для всех их программа. Для объединения же всех мер по крестьянскому делу «секретный»

комитет был преобразован в **главный комитет** под председательством самого государя (1858).

Так началось обсуждение крестьянской реформы. Когда губернские комитеты изготовили свои проекты положений об улучшении быта крестьян, они должны были представить их на рассмотрение главного комитета и прислать в Петербург своих депутатов для совместного обсуждения дела в главном комитете. Так как проекты губернских комитетов во многом различались между собой, то для их рассмотрения и согласования была образована при главном комитете особая редакционная комиссия под председательством Я. И. Ростовцева (1859). Комиссия эта по ходу дела была разделена на четыре отделения, или четыре **редакционные комиссии**. В состав их вошли как чиновники разных министерств, так и дворяне по приглашению Ростовцева. Кроме того, дворянские депутаты из губерний дважды вызывались в Петербург для занятий в редакционных комиссиях. С их участием комиссии обсудили все основания крестьянской реформы и составили проект положения об освобождении крестьян. Проект этот был очень благожелателен для крестьян благодаря стараниям прогрессивных членов комиссий, Н. А. Милютина, князя Черкасского, Ю. Ф. Самарина и др. В самый разгар работ комиссий их председатель Я. И. Ростовцев скончался и на его место был назначен граф Панин. Ростовцев был горячим сторонником освобождения крестьян; Панина же считали «крепостником». Тем не менее работы редакционных комиссий продолжались и при Панине в том же духе, как при Ростовцеве. В конце 1860 г. комиссии окончили свое дело и были закрыты. Составленные ими законопроекты были переданы в главный комитет.

Главный комитет, под председательством великого князя Константина Николаевича, рассмотрел выработанный комиссиями проект положения об освобождении крестьян и придал ему окончательную форму. После этого, в начале 1861 г., проект был внесен в государственный совет и по желанию государя немедленно рассмотрен. Государь лично открыл занятия государственного совета по крестьянскому делу и в пространной речи указал совету, что на уничтожение крепостного права «есть его прямая воля». В исполнение этой воли совет рассмотрел и одобрил проект закона об освобождении крестьян. В годовщину, своего вступления на престол, 19 февраля 1861 г., император Александр подписал знаменитый манифест об отмене крепостного права и утвердил «положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Великое дело «царя-освободителя» было совершено: 5 марта «воля» была обнародована и принята народом спокойно, без всяких общественных потрясений. **3. Основания крестьянской реформы**

были таковы. Крепостное право помещиков на крестьян было отменено навсегда, и крестьяне признаны свободными безо всякого выкупа в пользу помещиков. Государственная власть не видела в этом никакого нарушения прав помещиков. В своей речи государственному совету император Александр указывал на то, что крепостное право в России имело государственный характер: «право это установлено самодержавной властью, и только самодержавная власть может уничтожить его». В то же время земля, на которой жили и работали крестьяне, была признана собственностью помещиков. Крестьяне освобождались с тем, что помещики предоставят им в пользование их усадьбную оседлость и некоторое количество полевой земли и других угодий («полевой надел»). Но крестьяне за усадьбу и полевые наделы должны были отбывать в пользу помещиков повинности деньгами или работой. По закону крестьяне получили право выкупить у помещиков свои усадьбы и, сверх того, могли по соглашению со своими помещиками приобрести у них в собственность полевые наделы. Пока крестьяне пользовались наделами, не выкупив их, они находились в зависимости от помещиков и назывались **временнообязанными** крестьянами. Когда же соглашение о выкупе было достигнуто (на что предполагался срок в два года), то крестьяне получали полную самостоятельность и становились **крестьянами-собственниками**. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне соединялись по месту жительства в «сельские общества», из которых для ближайшего управления и суда составлялись «волости». В селах и волостях крестьянам дано было самоуправление по тому образцу, какой был установлен для крестьян государственных при графе Киселеве (§ 151). В сельских обществах было установлено общинное пользование полевой землею, при котором крестьянский «мир» переделывал землю между крестьянами и все повинности со своей земли отбывал за круговую порукою.

Одним из самых трудных и сложных вопросов в деле крестьянской реформы было определение размеров крестьянского полевого надела. Земледелие не везде было главным занятием крестьян. Только в южном черноземном районе крестьяне усиленно пахали и на себя, и на помещиков, отбывая на барском поле тяжелую «барщину». В центральных же областях, где земледелие не было прибыльно, крестьяне чаще «ходили на оброке», то есть занимались промыслами на стороне и вместо барщинного труда платили ежегодно помещикам условленную сумму — оброк. На юге помещику было выгоднее отпустить крестьян на волю без земли, а землю удержать за собою, потому что именно земля там и представляла главную ценность. На севере же помещикам была невыгодна потеря именно крестьянского оброка, а не земли. Поэтому одни помещики старались по возможности уменьшить крестьянские земельные наделы, а другие были к этому равнодушны. С другой стороны, в южных губерниях пахотной земли было много, а население не густо, и

потому крестьяне пользовались землею без стеснений; в центре же государства при большом росте населения сильно чувствовалось малоземелье. Под влиянием столь разнообразных местных условий и приходилось определять размеры крестьянского полевого надела особо для каждой «полосы» государства (нечерноземной, черноземной и степной) и для отдельных губерний и даже уездов. Размеры надела определились от 1 до 12 десятин на «душу» (то есть на лицо, записанное в крестьянах за помещиком по ревизии). Дворовые же люди, находившиеся в личном услужении помещикам и не пахавшие земли, освобождались без земельного надела и по прошествии двух лет временно-обязанного состояния под властью помещиков могли приписаться к какому-либо сельскому или городскому обществу.

Указанный в законе выкуп усадеб и полевых наделов для крестьян был бы невозможен, если бы правительство не пришло на помощь крестьянству — устройством особой «выкупной операции». В положении 19 февраля было определено, что помещики могут получать от правительства немедленно «выкупную ссуду», как только устроены будут их земельные отношения с крестьянами и будет точно установлен крестьянский земельный надел. Ссуда выдавалась помещику доходными процентными бумагами и засчитывалась за крестьянами как казенный долг. Крестьяне должны были погасить этот долг в рассрочку, в течение 49 лет, «выкупными платежами». **4. Осуществление крестьянской реформы**

предполагалось путем соглашения между помещиками и их крестьянами как о размерах надела, так и о всяких обязательных отношениях крестьян к их бывшим господам. Это соглашение надлежало изложить в «уставной грамоте» в течение двух лет со дня освобождения. Конечно, нельзя было надеяться на то, что помещики и крестьяне сами сумеют достигнуть мирного и справедливого конца своих давних отношений, не всегда согласных и гладких. Для разбора могущих возникнуть недоразумений, споров и жалоб была учреждена должность **мировых посредников**, избираемых из местных дворян. Мировые посредники должны были следить за правильностью и справедливостью сделок помещиков с их крепостными, выходящими на волю. Они утверждали уставные грамоты. Они наблюдали за ходом крестьянского самоуправления в сельских обществах и волостях. Важнейшие и сомнительные дела посредники докладывали уездному мировому съезду, состоявшему из мировых посредников всего уезда. Общее же руководство делом крестьянской реформы по губерниям было возложено на **губернские по крестьянским делам присутствия**. (Эти присутствия действовали под председательством губернатора и состояли из важнейших чинов губернии и представителей местного дворянства.)

Так было совершено великое дело отмены крепостного права. Освобождение крестьян существенно изменило все основы русского государственного и общественного быта. Оно создало в центральных и южных областях России новый многолюдный (21–22 млн.) общественный класс. Прежде для управления им довольствовались помещичьей вотчинной властью. Теперь же управлять им должно было государство. Старые Екатерининские учреждения, установившие в уездах дворянское самоуправление (§ 128), уже не годились для нового разнородного уездного населения. Надобно было создать заново местную администрацию и суд. Крестьянская реформа, таким образом, неизбежно вела к другим преобразованиям.

§ 160. Земское и городское самоуправления

Уже в 1864 г. дано было новое «**положение о губернских и уездных земских учреждениях**». Прежние законы знали только сословное самоуправление (§ 128). Теперь созданы были учреждения всесословные. К заведованию хозяйственными делами каждой губернии и каждого уезда привлекались выборные лица от населения. Именно все землевладельцы, торговцы и промышленники, обладающие недвижимыми имуществами определенной ценности, а также сельские общества получили право избирать из своей среды на три года представителей («гласных») в **уездные земские собрания**. Эти собрания, под председательством уездного предводителя дворянства, собираются ежегодно на короткий срок для руководства хозяйственными делами уезда. Уездное земское собрание избирает из своей среды **уездную земскую управу**, состоящую из председателя и двух членов. Управа есть учреждение постоянное: на основании закона и полномочий земского собрания она ведает все земские дела своего уезда. Каждый год в губернском городе происходит съезд депутатов от уездных земских собраний всей губернии. Под председательством губернского предводителя дворянства эти депутаты составляют **губернское земское собрание**. Оно имеет своим предметом общее руководство хозяйственными делами целой губернии. Для постоянного ведения этих дел оно избирает из своей среды **губернскую земскую управу**, состоящую из председателя и нескольких членов. Деятельность земских учреждений («земств») подчинена надзору губернаторов и министерства внутренних дел. В случаях недоразумений земствам предоставлено обращаться

с жалобами в сенат.

Ведению земств подлежат дела по народному образованию, попечение о народном здравии, продовольственное дело, дорожное дело, страховое дело, ветеринарное дело. Школы, благотворительность, медицинская помощь, устройство дорог и мостов, взаимное страхование от огня и прочие земские дела требуют больших средств. Поэтому земствам предоставлено право облагать население уездов сборами и повинностями на земские нужды, образовывать земские капиталы, приобретать имущества. При своем полном развитии земская деятельность должна была достичь большой сложности и охватить собой все стороны местной жизни. Таким образом, новые формы местного самоуправления не только сделали его всеобщим, но и расширили круг его полномочий. Ранее, до реформ, всем уездом управляла дворянская корпорация, представлявшая собой весь состав полноправного уездного населения. Право самоуправления имело тогда в виду односословные, дворянские интересы. В новых земствах за дворянами было сохранено преобладание; но к участию в ведении земского хозяйства были привлечены и все прочие жители уезда, обладающие имущественным цензом, а также и крестьянские общества. Место сословных интересов заслужили общеземские нужды и интересы. Самоуправление получило столь широкий характер, что многими было понято как переход к представительному образу правления. Поэтому со стороны правительства, вскоре же по введении земских учреждений, стало заметно намерение удерживать деятельность земств в круге исключительно местных дел и не допускать общения между собой земских корпораций различных губерний.

Немногим позднее земского самоуправления созданы были новые формы городского самоуправления. «Городовое положение 1870 г.» оставило в силе старое разделение горожан на купцов с их гильдиями, ремесленников с их цехами и т. д. (§§ 109, 128). Независимо от этих корпораций, по новому закону все горожане, платящие городские повинности с их земли, торгового или промысла, получили право сообща избирать гласных в **городскую думу**, которая должна была весть городское хозяйство так же, как земства ведали земское хозяйство. Главные избирают из своей среды городского голову и членов городской управы. Дума собирается по мере надобности; управа же действует как постоянный исполнительный орган думы. Срок выборных полномочий в городах — четырехлетний. За деятельностью городских дум и управ наблюдает **губернское по городским делам присутствие** под председательством губернатора.

Не только новый порядок управления, но вместе с тем и общая перемена в общественном строе повлияла благотворно на развитие городской жизни в России во второй половине XIX в. До крестьянской реформы в большинстве губерний продолжалось господство патриархальных форм крепостного помещичьего хозяйства, сохранявшего в себе до последнего времени черты хозяйства натурального. Города имели мало покупателей и потребителей из уездов, были скудны капиталами; население их не отличалось предприимчивостью, было бедно и невежественно. С освобождением крестьян оживилась уездная жизнь; возникло земство с его хозяйственными предприятиями; началась усиленная постройка железных дорог; явилось много торгово-промышленных предприятий и банков. Рост хозяйственной жизни государства отозвался на городах самым решительным образом: города ожили и, пользуясь новым самоуправлением, приняли иной вид. Из административных центров они стали превращаться в центры народно-хозяйственной деятельности.

§ 161. Судебная реформа

Одновременно с земскою реформою была подготовлена и судебная. В **1864 г.** были изданы новые «судебные уставы», изменившие старые формы нашего судоустройства и судопроизводства.

Вместо сословных Екатерининских судов (§ 128) был учрежден суд бессословный, «равный для всех подданных». Мелкие дела были отнесены к ведомству **мирового суда**. **Мировые судьи**, избираемые уездными земскими собраниями и городскими думами, должны были судить в уездах и городах мелкие уголовные преступления и разбирать тяжбы, склоняя по возможности стороны к примирению и полюбовному решению дел. Недовольные приговором мирового судьи могли жаловаться на него в местный **съезд мировых судей**. Мировым судьям было подведомственно все население «мировых участков», кроме крестьян, которым были дарованы особые волостные суды для решения дел, возникающих в крестьянской среде. Для суда по делам более важным в губернских городах были открыты **окружные суды** с отделениями уголовными и гражданскими. Дела в них решались судьями (**председателем и членами суда**), назначаемыми правительством. По наиболее важным уголовным делам в состав суда сверх того входили **присяжные заседатели**, привлекаемые по жребию из местного населения. Присяжные заседатели решали по совести вопрос о виновности или невинности подсудимого; судьи же на основании вердикта присяжных или освобождали его от суда, или же приговаривали к соответственному наказанию. На решения окружных судов,

постановленные без присяжных заседателей, можно было приносить жалобы в **судебные палаты**, учрежденные в важнейших городах. На решения же судов с присяжными заседателями жалобы направлялись в **правительствующий сенат**. В сенат же поступали жалобы и на приговоры съездов мировых судей и судебных палат. Таким образом, сенату (его **кассационным департаментам**) принадлежал общий надзор за отправлением правосудия в государстве.

При таком порядке новые суды, во всех инстанциях, были обособлены от администрации. Судьям была дана несменяемость и независимость. В суды был введен общественный элемент в лице присяжных заседателей и выборных мировых судей. Приняты меры к ускорению делопроизводства определением точных сроков для различных судебных действий. Император Александр с полным основанием мог сказать, что дает своему государству «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных».

В новых судах были изменены все основания судопроизводства. Старые суды не обеспечивали правосудия. Они находились под сильным влиянием администрации и были доступны подкупам. Следствие велось полицией неумело, мешкотно; подозреваемого в преступлении стращали и истязали, чтобы добиться признания. Самый суд происходил в отсутствии обвиняемого, на основании бумажных сведений о деле. Защиты не существовало. Приговор постановлялся не по живому убеждению судей, а по формальным соображениям. Жаловаться на приговор было трудно. Судебные уставы 1864 г. ввели новые порядки. Следствие о всяком деле поручается особому **судебному следователю**. Добытый им на «предварительном следствии» обвинительный материал поступает в суд. Суд в своем заседании, в присутствии обвиняемого и присяжных заседателей, производит новое «судебное следствие» по делу. У обвиняемого при этом должен быть защитник из опытных адвокатов-юристов. На суде может присутствовать публика. Таким образом, суд производится устно и гласно. Обвинитель-прокурор и адвокат-защитник принимают все меры к выяснению дела и в конце следствия в особых речах выясняют присяжным обстоятельства дела, первый — в интересах обвинения, второй — в интересах защиты. Между ними происходит как бы состязание, высшая цель которого — обнаружение истины в деле. На основании судебного следствия присяжные выносят свой вердикт (после тайного совещания), а суд постановляет приговор. В гражданских делах тяжущиеся стороны (истец и ответчик или же их поверенные — адвокаты) представляют суду доказательства своей правоты и основания своих исков. Суд, оценив объяснения сторон, постановляет свое решение в пользу той, которую признает правой. Таким образом, и здесь, как в делах уголовных, судопроизводство имеет характер состязательный, дающий возможность участникам дела выяснить все его подробности.

Судебные уставы 1864 г. пользуются прекрасной славой, как по высоким гуманным началам, положенным в их основу, так и по достоинствам своего исполнения. Они дали государству хорошие суды, заслужившие любовь и доверие населения, и положили начало воспитанию нашего общества в чувствах законности. Одновременно с введением новых судебных установлений была значительно смягчена и система наказаний, существовавшая в России; именно, были отменены разные виды телесных наказаний (розги, плети, шпицрутены или палки, наложение клейм на преступников и т. п.).

§ 162. Всеобщая воинская повинность

В связи с общим обновлением русской общественной жизни стояла реформа воинской повинности. В 1874 г. дан был устав о всеобщей воинской повинности, совершенно изменявший порядок пополнения войск. При Петре Великом, как мы знаем (§ 110), все сословия привлекались к военной службе: дворянство поголовно, податные сословия — поставкою рекрут. Когда законами XVIII в. дворянство постепенно было освобождено от обязательной службы, рекрутчина оказалась уделом низших классов общества, и притом беднейших, так как богатые могли откупаться от солдатства, нанимая за себя рекрута. В такой форме рекрутская повинность стала тяжелым и ненавистным бременем для населения. Она разоряла бедные семьи, лишая их кормильцев, которые, можно сказать, навсегда уходили от своих хозяйств. Срок службы (25 лет) был таков, что человек, попав в солдаты, на всю жизнь отрывался от своей среды.

По новому закону к отбыванию воинской повинности призываются ежегодно все молодые люди, достигшие в данном году 21 года. Правительство определяет каждый год потребное для войск общее число новобранцев и по жребию берет из всех призывных только это число. Остальные зачисляются в ополчение. Взятые в службу числятся в ней 15 лет: 6 лет в строю и 9 в запасе. Выйдя из полка в запас, солдат лишь время от времени призывается в учебные сборы, настолько короткие, что они не препятствуют его частным занятиям или крестьянской работе. Образованные люди находятся в строю менее 6 лет, вольноопределяющиеся — также. Новая система комплектования войск, по самой идее своей, должна была привести к глубоким

переменам в военных порядках. Вместо суровой солдатской муштровки, основанной на взысканиях и наказаниях, вводилось разумное и гуманное воспитание солдата, несущего на себе не простую сословную повинность, как было раньше, а священный гражданский долг защиты отечества. Кроме военной выучки, солдат учили грамоте и старались развить в них сознательное отношение к своему долгу и понимание своего солдатского дела. Долговременное управление военным министерством графа Дмитрия Алексеевича Милютина было ознаменовано рядом просветительных мероприятий, имевших целью насадить военное образование в России, поднять дух армии, улучшить военное хозяйство[36].

§ 163. Государственное хозяйство

Военные расходы, вызванные Восточной войной, и предпринятая правительством выкупная операция (§ 159) заставляли правительство выходить из рамок обыкновенного бюджета. Государственных доходов не хватало на покрытие расходов; требовались займы для погашения ежегодных дефицитов. Правительство было вынуждено обращаться к кредиту: оно занимало деньги за границей, прибегало к внутренним (выигрышным) займам и делало новые выпуски кредитных билетов все в большем и большем количестве. Последствия таких мер выражались в том, что платежи процентов по займам очень отягощали бюджет, а кредитные билеты стали падать в цене, как в былое время падали ассигнации (§ 151). Перед правительством становилась задача — упорядочить государственное хозяйство, чтобы восстановить равновесие в бюджете и поднять курс бумажных денег. Были предприняты некоторые финансовые реформы (1863). Установлен определенный и точный порядок составления ежегодных смет прихода и расхода по всем ведомствам. Общая государственная роспись доходов и расходов ежегодно публиковалась во всеобщее сведение. Введено было «единство кассы», при котором движение всех денежных сумм в казначействах империи подчинялось общему распоряжению министерства финансов, тогда как прежде каждое министерство имело свои особые кассы и само собирало свои доходы и производило расходы. За правильностью исполнения смет должен был следить заново преобразованный государственный контроль (§ 143). Таким образом достигнута была большая правильность финансового управления и установлен больший порядок в ведении государственного хозяйства. Но равновесие бюджета достигнуто не было.

Для увеличения государственных доходов был принят ряд мер, из которых наиболее замечательна отмена винных откупов, существовавших у нас со времени Екатерины II. Старый порядок состоял в том, что частные лица покупали у правительства («откупали») право продажи вина в известном округе за определенную сумму. По новому порядку, установленному при Александре II, вино могло продавать всякое частное лицо; но все вино, поступавшее в продажу, облагалось «акцизом» (особым налогом в пользу казны). Таким же акцизом были обложены табак и соль (также сахар). Были увеличены некоторые таможенные пошлины. Главным же средством поднять экономическую жизнь страны и государственное хозяйство считалась постройка сети железных дорог. Не имея возможности строить дороги казенными средствами, правительство привлекало к этому делу на очень льготных условиях частных лиц и иностранные капиталы. Несмотря на то, что к железнодорожному строительству устремилось много недобросовестных дельцов, эксплуатировавших казну и дороги для своей наживы, сеть железных дорог (в 20 тыс. верст) была сооружена в скором времени и оказала громадное влияние на развитие русской промышленности и торговли. В связи с постройкой дорог наш иностранный отпуск вырос в десять раз; почти также увеличился и ввоз товаров в Россию. Число торговых и промышленных предприятий, фабрик и заводов заметно умножилось. Явились кредитные учреждения — банки, во главе которых стал государственный банк (1860). Россия начала терять характер патриархального земледельческого государства. Освобожденный от крепостной зависимости и других стеснений народный труд находил себе применение в разных отраслях промышленности, созданных новыми условиями общественной жизни.

§ 164. Цензура и печать

Со вступлением на престол императора Александра II были отменены все те стеснительные меры, какие в царствование его отца принимались относительно цензуры и учебного дела (§ 151).

Сначала был фактически смягчен цензурный надзор за печатью. Цензура была передана из министерства народного просвещения в министерство внутренних дел, где для нее было образовано особое «главное

управление по делам печати». Затем (1865) был дан закон о печати, имевший в виду предоставить отечественной печати возможные облегчения. По этому закону цензура сохранилась лишь для брошюр и небольших сочинений. Толстые книги (свыше 160 страниц оригинальные, свыше 320 страниц переводные) могли выходить в свет без цензуры. Издатели книг отвечали перед судом, если в книгах заключалось что-либо противозаконное. Журналы и газеты могли выходить без цензуры с особого разрешения власти. Если в таких бесцензурных журналах и газетах появлялось что-либо «вредное» или противозаконное, то изданию объявлялось «предостережение». После третьего предостережения издание запрещалось.

Новый порядок дал печати небывалую до тех пор свободу после грозной опеки, которая тяготела над нею раньше. Время великих реформ произвело в обществе чрезвычайное брожение, сильно отразившееся и в печати. Печать отзывалась на каждое правительственное начинание, обсуждала все реформы, оценивала их последствия, приветствовала созданный реформами новый общественный строй, основанный на демократическом бессословном начале. Общественные мечты шли дальше намерений правительства. Дарование местного земского самоуправления возбуждало надежды на то, что земство будет призвано и к участию в управлении государством; высказывалась мысль о представительном правлении. Падение крепостной зависимости, уравнивание всех перед судом, создание новых либеральных форм общественной жизни привели к небывалой ранее свободе личности. Чувство этой свободы вело к желанию развить ее до последних пределов. Создались мечты об установлении новых форм семейной и общественной жизни — таких, которые бы обеспечивали полное равенство людей и безусловную свободу каждой отдельной личности. Люди, мечтавшие о такой свободе, отрицали весь современный им порядок жизни и ни в чем не признавали его для себя обязательным; поэтому они и получили название «нигилистов». (Интересен роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» с его героем «нигилистом» Базаровым.) Основ будущего идеального устройства отрицатели искали в европейском социализме, с которым усиленно знакомили русскую публику. Таким образом создались крайние, «радикальные», направления в политических и социальных вопросах и образовалась «отрицательная» литература. Представителями ее были журналы «Современник» и «Русское Слово» в России и «Колокол» за границей. («Современник», во главе с публицистами Чернышевским и Добролюбовым, имел характер политический; «Русское Слово», с Писаревым во главе, занималось проповедью нигилизма. Что же касается до лондонского «Колокола», то его издатель, эмигрант А.И. Герцен, в конце 50-х годов главной целью своей считал добиться освобождения крестьян и свободы печати в России; влияние «Колокола» в эти годы было очень велико.) Развитие радикальной журналистики доставляло правительству много неудовольствий и опасений. Уже в начале 60-х годов было признано необходимым ограничить свободу журнальной печати. Когда же 4 апреля 1866 г. революционер Каракозов выстрелил в государя у ворот Летнего сада, то власти усилили цензурные строгости и навсегда закрыли «Современник» и «Русское Слово». Однако влияние отрицательной литературы настолько распространилось, что эта мера не остановила умственного брожения. В некоторой части общества стало зреть революционное настроение, требовавшее прямого государственного и общественного переворота; мало-помалу сложились революционные кружки, обнаружившие свою разрушительную деятельность уже в 70-х годах.

Другие направления в русской печати того времени пользовались меньшим успехом в публике. Славянофильские журналы («Молва», «Русская Беседа») не были популярны и не вызывали к себе доверия власти, которая видела в славянофилах оппозиционную партию. Из числа умеренно-прогрессивных журналов один «Русский Вестник», издаваемый Катковым, имел устойчивый успех, особенно возросший в те годы (1862–1863), когда политические осложнения в Польше вызвали блестящие патриотические статьи Каткова. М.Н. Каткову (писавшему как в «Русском Вестнике», так и в «Московских Ведомостях») удалось вызвать в русском обществе подъем национального сознания и стать выразителем глубоких русских чувств, направленных против польского восстания и против европейского вмешательства в отношения России и Царства Польского. С тех пор, на почве патриотизма, Катков стал держаться охранительных начал и получил большое влияние на высшие правительственные сферы.

§ 165. Народное просвещение

В самом начале своего царствования император Александр II отменил те стеснительные меры, которые были приняты в отношении учебных заведений в последние годы императора Николая I (§ 151). Преподавание в университетах получило больше свободы; комплекты студентов были уничтожены; мало того, был открыт доступ в университеты вольнослушателям. В 1863 г. дан был общий устав университетов, по которому профессорская корпорация получила самоуправление. Совет профессоров в каждом университете избирал всех университетских должностных лиц и заведовал хозяйством университета; попечителю учебного округа

принадлежало только наблюдение за законностью действий совета. Но учащиеся в университете студенты рассматривались как отдельные посетители, не имеющие права на корпоративное устройство; посторонние же лица и вовсе не допускались к посещению лекций. Такое положение учащихся давало им поводы к неудовольствию и «студенческим беспорядкам», составлявшим одно из частных и печальных явлений той эпохи.

Под влиянием общественного брожения и студенческих беспорядков задумана была министром народного просвещения графом Д. А. Толстым реформа средней школы. В начале царствования императора Александра II (при министре А. В. Головнине) доступ к гимназии был открыт для детей «всех состояний без различия звания и вероисповедания». Самые гимназии были двоякого типа: классические (с древними языками) и реальные (без древних языков, с преобладанием естествознания). Граф Толстой (поддерживаемый Катковым) находил, что реальное образование есть «одна из важных причин так сильно охватившего наше учащееся юношество материализма, нигилизма и самого пагубного самомнения». Единственным средством борьбы с этим злом министр считал установление строго-классической системы образования в гимназиях. В 1871 г. он составил новый устав гимназий, одобренный государем. Классическая гимназия сделана была единственным типом общеобразовательной и всесословной средней школы, питомцы которой одни имели право поступления в университеты. Реальные гимназии были заменены «реальными училищами»; цель их была в том, чтобы доставлять учащемуся юношеству всех состояний общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний. Реформой гр. Толстого было создано полное преобладание классической школы в государстве[37].

Одновременно с реформой мужской средней школы шли мероприятия в области женского образования. До времени императора Александра II для девиц существовали только институты и частные пансионы; в них получали образование почти исключительно дворянки. С конца 50-х годов начинают возникать женские гимназии для приходящих учениц всех сословий. Сначала эти гимназии основывались в ведомстве учреждений императрицы Марии (по почину Николая Алексеевича Вышнеградского), а затем и в ведомстве министерства народного просвещения; Параллельно с ними в духовном ведомстве, для дочерей лиц духовного звания, стали открываться женские епархиальные училища с соответствующим курсом. Таким образом, в царствование императора Александра дело женского образования было поставлено широко. Естественно рождалась мысль о возможности и высшего образования для женщин. Первую попытку в этом направлении сделал начальник петербургских женских гимназий Николай Алексеевич Вышнеградский; по его мысли, при женских гимназиях были основаны «педагогические женские курсы» для приготовления преподавательниц (1863). Затем кружком передовых женщин, при содействии профессора К. Н. Бестужева-Рюмина (1878), были открыты «высшие женские курсы» («бестужевские») в Петербурге. Наконец, в Петербурге же существовали некоторое время (с 1872 г.) медицинские женские курсы для женщин-врачей. По примеру Петербурга и в других университетских городах стали возникать по частному почину высшие женские курсы. Таким образом, вопрос о высшем образовании женщин получил успешное разрешение.

В отношении низшего — начального, или народного, — образования в царствование императора Александра II достигнуты были большие результаты. Создан был, кроме старого типа начальных народных училищ — церковно-приходских школ, новый тип светской начальной школы, перешедшей на попечение земств. К концу царствования Александра II народные школы считались уже десятками тысяч и составляли одну из самых важных забот земства. Для приготовления учителей в начальные школы как министерство народного просвещения, так и земства устраивали «учительские семинарии». Несмотря, однако, на ряд усилий поднять народную грамотность, в эпоху реформ она стояла еще на низком уровне.

§ 166. Некоторые последствия произведенных реформ

Таков был круг великих преобразований императора Александра II. Основная реформа его царствования — освобождение крестьян — внесла коренную перемену в русский общественный порядок и необходимо повлекла за собой остальные реформы. С падением крепостного права пали прежние формы преобладания дворянства в русской жизни, созданные законами императрицы Екатерины II (§ 128). В дореформенной России дворянское сословие было господствующим как в местной жизни, так и в правительственном управлении. В уездах землевладельческое дворянство правило всеми, дедами безраздельно; все правительственные должности замещались в губерниях и в столице чиновниками из дворян; другие классы населения в государственной жизни не пользовались никаким значением. С отменой же крепостного права, в уездах рядом с дворянскими обществами создались крестьянские сельские общества; появились землевладельцы и

из горожан. Ожилась деятельность торгово-промышленная; города расцвели с освобождением крестьян (потому что падение крепостных хозяйств и освобождение крестьянского труда создало для городских рынков новых потребителей, открыло новые сферы для предприимчивости, привлекло рабочие руки). Между городами и уездами создались новые связи, уничтожавшие прежнюю сословную разобщенность. Жизнь получила характер бессословный и демократический.

За таким направлением жизни следовало законодательство, создавая всеобщие суды, всеобщее земство, всеобщую школу, всеобщую воинскую повинность. На дворянство как на образованную среду правительство возлагало руководство новым земским самоуправлением; из дворян по-прежнему назначались высшие чиновники. Но это уже не был старый порядок, при котором дворянству по праву принадлежало исключительное господство в государстве. Дворянство было теперь только первым из прочих граждански-равноправных общественных классов. Утратив свое исключительное льготное положение вследствие реформы, дворянство пережило вместе с тем тяжелый материальный кризис. Оно в большинстве не смогло перейти от старых форм хозяйства при даровом крепостном труде на новые формы с трудом наемным и потому разорилось и потеряло массу своих земель, перешедших в крестьянские и купеческие руки.

Таким образом, упадок дворянства и демократизация общества были первым последствием реформ 60-х годов XIX столетия.

Вторым последствием реформ было умственное брожение радикального политического характера. Преобразование государственного и общественного строя, предпринятое императором Александром II, не имело в виду изменить в России образ правления и ввести политическое представительство. За дарованием новых учреждений, судебных и земских, в которых действовали выборные представители общества, не последовало политической реформы, которая бы привлекла этих представителей общества к высшему управлению государством. Напротив, в конце 60-х годов правительство усвоило охранительную политику. Между тем, возбужденное рядом глубоких перемен, русское общество не могло быстро успокоиться. Некоторая часть его была настроена очень радикально и, не довольствуясь совершенными преобразованиями, мечтала о насильственном переходе к конституционному правлению и даже о социальном перевороте. В 70-х годах XIX в. в разных городах стали образовываться революционные кружки, поставившие себе целью распространение в народе социалистических идей и подготовку революции. Деятельность этих кружков вызвала преследование со стороны властей. В течение 70-х годов происходили большие политические процессы, показавшие значительные размеры революционной пропаганды в обществе. Ссылка и другие наказания, постигавшие агитаторов, не могли подавить движения. Напротив, оно принимало все более и более крайний характер. Одна из революционных организаций, малолюдная, но очень крайняя (усвоившая себе название «земли и воли», а позже «народной воли»), желала достигнуть своей цели — революционного переворота — путем «террора», то есть ряда насильственных актов против правительственных лиц. В конце 70-х годов начались покушения и на жизнь самого государя. Россия, таким образом, вступила в период тяжелой внутренней смуты.

§ 167. Польское восстание 1863 г.

В течение четверти века после польского восстания 1831 г. польские области были спокойны. Конечно, поляки-патриоты не могли помириться с потерей политической автономии. При первой же возможности они должны были проявить свое недовольство порядком вещей, установившимся в Царстве Польском после подавления неудачного мятежа (§ 153). Благоприятная минута для этого наступила с воцарением императора Александра II. Тяжелый режим наместника Польши, «князя Варшавского» Паскевича, был тогда смягчен. Польским эмигрантам было разрешено вернуться в Царство; дана амнистия сосланным за мятеж в Сибирь полякам. Одним этим было уже поднято настроение польского общества. Видя начало реформ в России, оно стало ждать и требовать реформ у себя. В польских городах начались политические демонстрации: ношение национального траура, пение патриотических песен, процессии и т. п.

Правительство не было чуждо мысли произвести в Польше преобразования. Руководясь советами польского патриота, маркиза Велёпольского, государь решил дать Царству Польскому самоуправление (1861). Был учрежден государственный совет для Царства из поляков; для местного самоуправления устроены по губерниям советы из выборных от населения; суд, школы и церковные дела предположено было отдать в ведение местных польских «комиссий» (министерств). Во главе всей польской администрации был поставлен сам Велёпольский. Наместником же Царства был назначен великий князь Константин Николаевич, сторонник либеральных преобразований в Польше. Но мысль Велёпольского — спасти порядок в Польше

посредством умеренной реформы — совершенно не удалась. Патриоты польские не пошли за Велёпольским. Они, в расчете на уступчивость русского правительства, требовали восстановления государственной независимости и старых границ Польши («Короны» и «Княжества») до Западной Двины и Днепра. Они вели дело к открытому мятежу. На жизнь великого князя было сделано покушение: насильственным нападениям подвергся и Велёпольский. Наконец, в январе 1863 г. разразился открытый бунт. В условленный день в разных местах Польши и Литвы банды «повстанцев» напали на русские войска, и началась война. Мятежом руководил тайный комитет с именем «ржонда народного», то есть народного правительства. Он держал в страхе всю страну системой террора и казнями лиц, шедших против восстания.

Мятеж повел к тому, что политика Велёпольского была оставлена. Решено было подавить мятеж крутыми мерами. В Царстве Польском это было поручено новому наместнику, графу Бергу, а в Литве — Михаилу Николаевичу Муравьеву. Муравьев быстро справился со своею задачею. С твердостью и беспощадностью, доходившей до жестокости, он преследовал мятежников; с чрезвычайной настойчивостью и последовательностью он защищал русское население своего края от влияния и насилий революционного польского элемента. В полгода он задавил мятеж в своем крае, снискав себе жгучую ненависть поляков и грозную славу среди западно-русского населения, им поднятого и ободренного. В Царстве Польском дело подавления восстания шло медленнее. Но и там к лету 1864 г. был водворен порядок; вожаки движения частью были захвачены, а частью бежали за границу.

В разгар мятежа (в апреле 1863 г.) послы Англии, Франции и Австрии обратились к русскому министру иностранных дел, князю А. М. Горчакову, с заявлением, что их правительства надеются на скорое дарование прочного мира польскому народу. Это было вмешательство во внутренние дела России. Летом 1863 г. оно повторилось со стороны многих европейских держав, причем Франция и Англия требовали созвания европейской конференции по польскому вопросу для того, чтобы совместно обсудить будущее устройство Царства Польского. России, недавно пережившей Восточную войну, грозила, в случае отказа от предлагаемой конференции, опасность возбудить против себя новую европейскую коалицию. Однако император Александр не нашел для себя возможным согласиться на требования держав. Он приказал князю Горчакову ответить твердым отказом и протестом против стороннего вмешательства в дела России. Ответ князя Горчакова был опубликован и вызвал в русском обществе живейшее сочувствие. При первых же слухах о вмешательстве держав все слои русского общества обнаружили высокий подъем патриотического чувства. Выразителем его, наиболее ярким и решительным, явился московский публицист М. Н. Катков; своими статьями о «польском вопросе» в «Московских Ведомостях» он много содействовал тому, что русское общество стало сознательно относиться к польским притязаниям и горячо поддержало правительство в борьбе с мятежом. Мужественный ответ, данный государем на представления европейских держав, вызвал в обществе восторженный отклик. Державы могли убедиться в том, что в России народилось общественное мнение и что оно оказывает власти могучую нравственную помощь. Быть может, в этом была главная причина, почему европейская дипломатия не повела далее своего вмешательства и предоставила Польшу ее участи.

Вслед за усмирением мятежа последовало переустройство Царства Польского. Самое название Царства было уничтожено. Разделенное заново на 10 губерний, Царство получило наименование «Привислинского края». В крае прежде всего была проведена крестьянская реформа на основаниях, близких к «положениям 19 февраля 1861 г.» (§ 159). Крестьяне были освобождены с землей, и выкуп их земли был произведен немедленно, без «временно-обязанных» отношений к помещикам. Крестьянам было даровано самоуправление в сельских гминах (волостях). Устройство крестьянского дела в Польше было возложено на Н. А. Милютина, виднейшего деятеля крестьянской реформы в России, и проведено им с его друзьями и сотрудниками (князем Черкасским, Ю. Самариным и др.). Целью крестьянской реформы в Польских губерниях было привязать к России низшие классы польского населения и в них получить опору для русской власти. Другие классы польского общества были лишены самоуправления. В польских губерниях была введена общерусская администрация, с делопроизводством на русском языке. Русский язык стал обязательным и в школах. Привислинский край был занят большим количеством войск. Наконец, последние представители унии в Холмской епархии (Люблинской губернии) были присоединены к православию (1875). Таким образом, последовало уничтожение всех особенностей, отличавших Польшу в порядке самоуправления от прочих частей империи. Таковы были для поляков последствия их неудачного восстания.

В западных губерниях, где коренное население, русское или литовское, подвергалось ополячению и отчасти было увлечено в мятеж, после подавления мятежа началась усиленная работа М. Н. Муравьева над уничтожением польского преобладания. Он хотел достигнуть того, «чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским». С этой целью он желал в крае «упрочить и возвысить русскую народность и православие», «поддержать русское духовенство», в администрацию допускать лишь русских людей, создать русскую колонизацию и русское землевладение в крае и всячески

устранять из края враждебный Руси польский элемент. Ряд мер, проведенных в этом духе, подорвал силу польского влияния и уничтожил внешние признаки польского преобладания в западных и юго-западных губерниях. Преследование польских помещиков и польского духовенства за прикосновенность к мятежу, гонение на польский язык в школах и публичных местах создали Муравьеву репутацию деспота в тех кругах, которые от него терпели. Русские же деятели, трудившиеся вместе с Муравьевым в западном крае, сохранили уважение к его патриотизму, твердости и прямоте в деле обрусения вверенного ему края.

§ 168. Присоединение к России Средней Азии, Приамурья, победа над Шамилём

В царствование императора Александра II Россия приобрела в Азии значительные пространства земли.

На Дальнем Востоке путем дипломатических переговоров с Китаем была приобретена уступленная Китаю при царице Софье (§ 99) обширная Амурская область (по Айгунскому договору 1858 г., заключенному графом Н. Н. Муравьевым-Амурским); а затем присоединен был Уссурийский край (по договору графа Игнатьева в Пекине в 1860 г.). Таким образом, для русской колонизации открыты были оба берега Амура и было приобретено устье этой важной реки. Далее, в обмен на Курильские острова, от японцев была получена южная половина о. Сахалина. Пустынная северо-западная оконечность Американского материка (Аляска), принадлежавшая России по праву первой заимки, была тогда же уступлена Северо-Американским Соединенным Штатам за 7 млн. долларов.

В Средней Азии (Туркестане, Туране) была твердо укреплена русская власть. В Среднеазиатской низменности существовали тогда три мусульманские ханства: **Кокан** — на правом берегу р. Сыр-Дарьи, **Бухара** — между реками Сырдарьей и Амударьей, **Хива** — на левом берегу р. Аму-Дарьи. В зависимости от них находились частью оседлые, частью кочующие (тюрко-монгольские) народцы: киргизы, туркмены, узбеки и т. д. Окруженные песками и степями, Среднеазиатские ханства были трудно уязвимы. Пользуясь выгодами своего положения, коканцы, бухарцы и хивинцы издавна не только торговали с Русью дорогими азиатскими товарами, но и грабили Пограничные русские места, уводя в пески русских пленников. При Петре Великом начались попытки русского правительства взять под свое главенство Среднюю Азию. Хотя хивинские ханы и изъявляли Петру Великому на словах покорность и просили его помощи в своих междоусобицах, однако при случае истребляли русские отряды, отправляемые к ним. (Так, в 1717 г. погиб целый отряд князя Бековича-Черкасского.) Приходилось медленно приближаться к враждебным ханствам, строя в степях и песках укрепления для защиты колонизируемых русскими окраин. Наступление велось с двух сторон: с севера — от Сибири и р. Урала, и с запада — от Каспийского моря. Главными опорными пунктами для этого наступления в XVIII в. были города: Оренбург, Орск, Семипалатинск — с севера, Красноводск при Каспии — с запада. В середине XIX в. киргизы северного Туркестана были уже покорены, и русские отряды стали прочно на р. Сырдарье (крепость Перовск) и на левом берегу р. Или (г. Верный). А затем началось покорение самих ханств.

В 60-х годах генералы Веревкин и Черняев начали наступление на Кокан и взяли важнейшие города этого ханства, Туркестан и Ташкент. Лишенный части своих владений, коканский хан был приведен в полную зависимость от России. Когда же в 70-х годах в Кокане началось, на почве религиозного фанатизма, мятежное движение против русских, то русские войска под начальством генерала Скобелева подавили восстание и завладели всем ханством (1876). Оно было обращено в Ферганскую область. С Бухарой началась война вскоре после первых столкновений с Коканом. Часть Бухарских земель с городом Самаркандом была присоединена к России (1868), в остальной же части хан сохранил свою власть под русским протекторатом, при условии уничтожения рабства и открытия Бухарских рынков для русских купцов. В 1873 г. настала очередь и Хиве. После труднейшего похода через безводные пески русские отряды, направленные с трех сторон (от Каспийского моря, от Самарканда и с Сырдарьи), подошли к Хиве и взяли этот город. Хивинский хан сдался генералу Кауфману. Хану была оставлена часть его владений в полной зависимости от России. Таким образом, был положен конец многовековому безначалию, какое господствовало в Средней Азии. Оставалось только умиротворить полукочевые разбойничьи племена туркменов, что и было достигнуто в короткий срок. Продвигаясь к персидским, афганским и китайским границам, русские отряды постепенно умиротворяли беспокойное туземное население. В особенности сильный удар был нанесен генералом Скобелевым туркменскому племени «теке» взятием их крепости Геок-тепе (1881). Когда русские войска продвинулись до Афганистана и приблизились к пределам Британской Индии, английская дипломатия проявила некоторое беспокойство. Соседство русских с Индостаном казалось угрозой для английской власти над индийскими племенами и Афганистаном. Поэтому англичане стремились всеми средствами сдержать движение русских в Средней Азии и ставили России ряд дипломатических требований. Переговоры принимали по временам

тревожный характер, но до войны дело не дошло. Движение России не могло быть остановлено до тех пор, пока ею не были достигнуты твердые границы и пока не был водворен прочный порядок среди беспокойных и некультурных среднеазиатских племен. Культурная работа русских в Средней Азии составляет одну из славнейших страниц в истории той эпохи.

На Кавказе в царствование императора Александра II было достигнуто окончательное замирение. Мюридизм (§ 152), получивший наибольшее развитие в начале деятельности имама Шамиля, стал затем быстро падать по мере того, как остывал религиозный порыв, его вызвавший. Власть Шамиля на время объединила горские народцы восточного Кавказа, но не в силах была образовать из них прочного союза. Когда наместник Кавказа князь А. И. Барятинский начал (1857) систематическое наступление против Шамиля в горы Дагестана, многие приверженцы стали покидать Шамиля, и население некоторых аулов легко подчинялось русским. В три года князю Барятинскому удалось покорить весь восточный Кавказ (от Военно-грузинской дороги до Каспийского моря). Геройское сопротивление Шамиля было сломлено; сам Шамиль, осажденный в ауле Гуниб, сдался в плен и был увезен в Россию (1859). Оставалось еще замирить западный Кавказ, прилегающий к Черному морю. Русские войска кольцом охватили области «немирных» черкесов и вытесняли жителей мятежных аулов из гор на равнину и морской берег. Черкесам предоставляли или селиться на указанных русскими местах, или же уезжать в Турцию. До 200 тыс. горцев выехало с Кавказа, переселяясь в Турцию; остальные покорились русской власти. Кавказ, таким образом, был окончательно замирен (1864).

§ 169. Русско-турецкая война 1877-1878 и Берлинский конгресс

После Парижского мира 1856 г. (§ 158) «восточный вопрос» для России не потерял своей остроты. Русское правительство не могло отказаться от старого права покровительства и защиты православных подданных султана, тем более что другие державы, приобретя право протектората над балканскими славянами, не добились лучшего устройства их быта и охраны их безопасности. Нежелание турок смягчить свое управление в славянских областях, заселенных сербами и болгарам, вело за собою вмешательство русской дипломатии. Это вмешательство озлобляло турок и вызывало беспокойство и ревность со стороны Англии, так как Англия боялась соперничества России и Турции, как боялась его и в Средней Азии. Таким образом, мало-помалу создавалась постоянная неприязнь между Россией и Англией по поводу балканских дел. Вступаясь в турецкие дела, Россия всегда имела против себя Англию.

Положение на Востоке обострилось в 1875 г., когда вспыхнуло против турок восстание в населенных сербами турецких областях Боснии и Герцеговине, а затем и в Болгарии. Восстание возникло вследствие притеснений при сборе податей. Турки подавляли его с невероятными жестокостями, но безуспешно. Турецкие зверства вызвали негодование против турок и сочувствие восставшим со стороны княжеств Черногории и Сербии. Несмотря на попытки держав погасить возбуждение, Черногория и Сербия открыто (1876) начали войну с Турцией. Во главе сербских войск действовал отставной русский генерал Черняев (покоритель Ташкента). Вторгнувшись в пределы Турции, он, однако, не мог одолеть турок и должен был отойти обратно к границам Сербии. Там на крепких позициях (у г. Алексинца) Черняев геройски удерживал наступление турецкой армии в течение целых трех месяцев и только осенью 1876 г. был отброшен со своих позиций. В эту минуту Россия потребовала от турок прекращения военных действий и тем спасла Сербию от окончательного разгрома.

Страдания балканских славян под игом турок и самоотверженная борьба черногорцев и сербов за своих угнетенных братьев вызвали в русском обществе необыкновенное возбуждение. Громко и решительно высказывалось сочувствие борцам за национальное освобождение. Особые «славянские комитеты» собирали пожертвования в пользу восставших. В разных городах формировались отряды «добровольцев» и спешили на помощь сербам, в армию Черняева. Желание помочь «братьям-славянам» охватило все русское общество. После могучего подъема патриотических чувств по поводу польского мятежа 1863 г. это было второе, столь же могучее выражение народных чувств во имя славянского единения. Общественное движение увлекло правительство к более решительным действиям. Так как Турция не желала дать самоуправление и амнистию восставшим областям, то Россия повела дело к тому, чтобы созвать европейскую конференцию и общими силами держав повлиять на турок. Конференция европейских дипломатов состоялась в Константинополе в начале 1877 г. и потребовала от султана прекращения зверств и немедленных реформ для славянских провинций. Султан после долгих переговоров и объяснений отказался следовать указаниям конференции. Тогда император Александр II объявил Турции войну (12 апреля 1877 г.). Княжество Румыния (образованное в

1859 г. из Молдавии и Валахии) не только согласилось пропустить через свои земли русские войска к Дунаю, но и само объявило войну Турции.

К лету русская армия под начальством великого князя Николая Николаевича была уже на берегах Дуная и совершила (15 июня) переправу за Дунай у Систова. Передовой русский отряд под начальством генерала Гурко быстро дошел от Дуная до Балканских гор и овладел горными проходами на юг (Шипкинским перевалом и др.). Но здесь пока прекратились русские успехи. Турки успели собраться с силами и остановили генерала Гурко; а турецкий генерал Осман-паша засел на правом фланге русской армии, в укрепленном лагере при городе Плевне, и производил оттуда вылазки. Русским надо было справиться с Плевной; без этого нельзя было идти на Балканы. Генерал Гурко получил поэтому приказание отойти назад. На Шипкинском перевале оставлен был генерал Радецкий, геройски отражавший все попытки турок овладеть Шипкою. С востока защищал русские позиции отряд цесаревича Александра Александровича. Главные же русские силы приступили к осаде Плевны, в которой сосредоточилась значительная турецкая армия. Дело затянулось надолго, до прибытия сильных подкреплений из России.

Такая же задержка произошла и на Азиатском театре войны. Русские отряды, бывшие под общим начальством великого князя Михаила Николаевича, начали было весною 1877 г. наступление к Батуму и Карсу, но были остановлены неожиданно энергичным сопротивлением врага и кое-где даже отступили под напором турок. Только осенью удалось русским разбить турок, осадить Карс и взять его (16 ноября), после чего русские войска быстро дошли до Эрзерума и зимовали в виду этого города.

Почти одновременно со взятием Карса был достигнут решительный успех и под Плевной. С прибытием на театр войны русской гвардии, удалось окружить Плевну железным кольцом русских войск. Попытка Османа-паши пробиться сквозь русские ряды была отбита, и 28 ноября Плевна сдалась. Одушевленные этой победой русские войска не прекратили на зиму военных действий. Решено было немедленно перейти через Балканы в Румелию, где мягче климат и где было много продовольствия. Начался геройский зимний поход на южную сторону Балкан. Трудности его были чрезвычайны, но и успех необыкновенно велик. Сопротивление турок было сломлено: город сдавался за городом; сдавались целые корпуса турецких войск. Отряды Гурко, Радецкого и Скобелева заняли города Филиппополь и Адрианополь и приблизились к самому Константинополю. Султан просил мира.

Но мирные переговоры очень осложнились вследствие вмешательства Англии. Приближение русской армии к Босфору вызвало собою посылку английского флота в Мраморное море. Появление русских в виду Константинополя послужило для англичан поводом поставить свой флот у Принцевых островов, также в виду Константинополя. На вызывающий образ действий англичан Александр II ответил тем, что приказал перенести главную квартиру русской армии в местечко Сан-Стефано, на берегу Мраморного моря, верстах в 10–15 от стен Константинополя. Там 19 февраля 1878 г. были подписаны условия «прелиминарного» (предварительного) мирного договора. По этому договору Турция признавала независимость Черногории, Сербии и Румынии; уступала Черногории и Сербии некоторые области; соглашалась на образование из своих болгарских и македонских областей особого княжества Болгарии; обязывалась ввести в Боснии и Герцеговине необходимые реформы. России Турция уступала обратно устья Дуная, отошедшие от России в 1856 г., а сверх того — города Батум и Карс с окружающей территорией.

Условия Сан-Стефанского мира были опротестованы Англией и Австрией, которые не соглашались на столь чувствительное ослабление Турции и желали извлечь из обстоятельств свою пользу. Отношения этих держав к России обострились настолько, что Россия стала усиленно готовиться к новой войне. Посредничество Германии привело к тому, что война была предупреждена европейским конгрессом в Берлине. Однако предложенный германским канцлером Бисмарком конгресс был направлен не в пользу России. Под давлением всей европейской дипломатии представители России (с князем Горчаковым во главе) должны были сделать некоторые уступки и изменить условия мира, выработанные в Сан-Стефано. Приобретения Сербии и Черногории были сокращены; вместо единой Болгарии были созданы две болгарские области, а именно княжество Болгария (между Дунаем и Балканами) и автономная провинция Восточная Румелия (на юг от Балкан). Сербия и Румыния были признаны независимыми королевствами, а Болгария и Восточная Румелия оставались под главенством Турции. Наконец, Босния и Герцеговина поступили во временное распоряжение Австро-Венгрии — для устройства в них нормального управления.

Берлинский трактат 1878 г. вызвал глубокое недовольство всего русского общества и повел к охлаждению отношений России не только с Англией и Австрией, но и с Германией. Никто в России не мог примириться с тем, что европейские державы умалили плоды русских побед и испортили результаты освободительной войны. Бисмарка, называвшего себя на конгрессе «честным маклером», русские люди считали злым врагом и предателем России. Настроение общественного мнения и недовольство правительства в России были для

Бисмарк столь явны, что он счел нужным составить — на случай войны с Россией — тайный союз Германии с Австрией, а затем и с Италией («тройственный союз»).

С другой стороны, освобожденные войной 1877–1878 гг. Балканские государства и народности не получили от России и Европы всего того, на что они надеялись. Называя императора Александра своим «освободителем», они, однако, не скрывали своего недовольства и разочарований. Между Россией и Балканскими государствами (Румынией, Сербией и особенно Болгарией) началось охлаждение и недовольства. Таким образом, следствия войны за освобождение балканских славян были мало удовлетворительны. Военный успех не сопровождался соответствующим политическим результатом. Россия не добилась своих целей и осталась совершенно изолированной, без союзников и друзей. Вот почему в русских людях Восточная война и Берлинский конгресс вызвали чувство глубокой неудовлетворенности и разочарования.

§ 170. Кончина императора Александра II

Восточная война, направив силы русского общества на борьбу с внешним врагом, отвлекла его внимание от внутреннего брожения. С окончанием же войны это внутреннее брожение дало себя знать рядом насильственных актов не только против высших должностных лиц, но и против самого государя. На жизнь императора Александра II покушения шли одно за другим: в него стреляли на улице, готовили взрыв полотна железной дороги под его поездами, даже устроили взрыв в одной из зал Зимнего дворца в Петербурге. Никто не думал, что все эти покушения исходят из одного малочисленного революционного кружка «народной воли» (§ 166); напротив, всем казалось, что действует какая-то таинственная многолюдная организация. К подобному выводу приводило и то обстоятельство, что в обществе было вообще много недовольных и желавших продолжения внутренних реформ. Правительство прибегало к чрезвычайным мерам, падавшим не только на действительно виновных в покушениях лиц, но и на все общество. Преследованию подвергались все те, кто казался мало-мальски подозрительным и неблагонадежным человеком. Однако эта необыкновенная строгость не помогала: революционный террор не прекращался. Общество же, запуганное репрессиями, было взволновано и раздражено.

В таких обстоятельствах император Александр II в начале 1880 г. учредил для борьбы с крамолой особую «верховную распорядительную комиссию», начальник которой граф Лорис-Меликов получил обширнейшие полномочия и стал как бы первым министром в государстве. Лорис-Меликов составил свою программу действий: по его плану, надлежало подавлять революционную деятельность тайных организаций, но в то же время с доверием отнестись к прочему обществу и, постепенно успокоив его, возратить государство к законному течению дел. В этом направлении Лорис-Меликов и повел дело. Ему вскоре же показалось, что он достиг успеха и что можно упразднить верховную распорядительную комиссию. Она и была закрыта. Лорис-Меликов занял должность министра внутренних дел с особыми полномочиями и готовил проекты новых реформ с тем, чтобы удовлетворить ожиданиям либеральной части русского общества (между прочим, он проектировал привлечение представителей земств в государственный совет). Но главные деятели «народной воли» оставались не открытыми и не думали о прекращении своих покушений.

В начале 1881 г. они устроили подкоп под Екатерининскую улицу в Петербурге, по которой ездил император Александр. 1 марта, ожидая проезда государя, они готовы были взорвать этот подкоп и в то же время расставили своих людей с бомбами и в других местах предполагаемого маршрута государя. Государь не поехал мимо подкопа; однако это не спасло его. На Екатерининском канале царский экипаж был взорван бомбою; когда же государь вышел из поврежденной кареты, он был тяжело изранен вторым снарядом, брошенным ему в ноги. Отвезенный в Зимний дворец, он скончался в тот же день. На престол вступил его сын, цесаревич Александр Александрович[38]. Граф Лорис-Меликов был уволен в отставку, и программа его реформ оставлена. Деятели «народной воли» вскоре были обнаружены и, осужденные за цареубийство, казнены.

§ 171. Император Александр III Александрович (1881–1894)

Главную целью своей деятельности император Александр III поставил утверждение самодержавной власти и поколебленного государственного порядка. Цель эта должна была достигаться прежде всего твердым

подавлением всякой «крамолы», а затем пересмотром и «улучшением» законов и учреждений, созданных в эпоху реформ Александра II. Борьба с крамоллой завершилась успехом: революционное движение временно было подавлено, и террористические покушения прекратились. Пересмотр узаконений времени императора Александра II коснулся всех сторон государственной и общественной жизни и был направлен к тому, чтобы усилить надзор и влияние правительства в сфере суда и общественного самоуправления, а также вообще укрепить и поднять авторитет правительственной власти. В общем, в либеральные учреждения 1860-х годов было введено немало ограничений, сообщавших всей деятельности императора Александра III строго охранительный и реакционный характер.

В частности надлежит отметить следующие важные мероприятия времени императора Александра III.

1. В отношении **сословий** был проведен ряд мер, имевших целью упорядочить их расстроенное положение. **Дворянство** переживало после крестьянской реформы тяжелый экономический кризис. Его хозяйство пришло в расстройство с потерей дарового крестьянского труда. Земли уходили из рук дворян со значительной быстротой, а вместе с тем, с продажей усадеб, и сами дворяне покидали уезды. Правительство рядом мер стремилось всячески поддержать упавший класс. Дворянам было предоставлено преобладание в земствах (путем соответственного изменения в порядке земских выборов). Была в уездах учреждена должность «земских участковых начальников». Они заменили собою мировых судей и в то же время получили большую административную власть над крестьянскими обществами. Предоставленная по закону местным дворянам, должность земского начальника должна была, конечно, поднять значение дворянства в уездах. В то же время правительство пришло на помощь и материальным нуждам дворянского сословия. Был учрежден «дворянский земельный банк» для выдачи дворянам ссуд под залог их земель на очень льготных условиях.

Одновременно правительство делало попытки и к улучшению материального быта **крестьян**. Во многих местах крестьянские наделы оказались недостаточными для того, чтобы обеспечивать возросшее крестьянское население. Появилась острая нужда в земле. Ввиду этого для крестьян был учрежден «крестьянский земельный банк», выдававший ссуды крестьянам для приобретения земель покупкою. Другим средством для борьбы с малоземельем явилось крестьянское переселение на свободные земли в Сибири и Средней Азии. Правительство пыталось упорядочить переселенческое движение и направлять его; оно приходило на помощь переселенцам, указывая им земельные участки и облегчая им трудности далекого пути. Малоземелье гнало крестьян из деревень в города и на фабрики. Рост фабричного производства в России во второй половине XIX в. повел к тому, что в городах и фабричных центрах образовался многочисленный **рабочий класс**, оторванный от земли и не обеспеченный ничем, кроме фабричного труда. Отношения между фабрикантами и рабочими иногда обострялись, вели к столкновениям и стачкам. Власть была поставлена в необходимость регулировать эти отношения законом. При императоре Александре III не только началось фабричное законодательство, но и была учреждена должность фабричных инспекторов для наблюдения за фабричными порядками с целью ввести дисциплину среди рабочих и охранить их законные интересы от эксплуатации хозяев.

2. В отношении **финансов и государственного хозяйства** при императоре Александре III были приняты важные меры. Финансовое положение России после войны 1877–1878 гг., вследствие различных причин (§ 163), было неудовлетворительно. Курс кредитных билетов был низок (доходил до 60 коп. за рубль и даже менее) и постоянно колебался. Каждый год в бюджете бывали дефициты. Император Александр III прибег к чрезвычайной бережливости и усвоил систему покровительственных пошлин, высоко облагая привозные товары и поощряя русское производство. Министры финансов (Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте) один за другим последовательно проводили эту финансовую политику и не только достигли прекращения дефицитов, но успели, сверх того, образовать значительный запас золотой наличности. С ее помощью была подготовлена реформа денежного обращения, произведенная уже при императоре Николае II [39]. В видах экономического подъема восточных окраин и более тесной связи их с государственным центром была предпринята постройка великой Сибирской железной дороги, соединившей Европейскую Россию с Тихим океаном, и Закаспийских железных дорог, соединивших Среднюю Азию с Россией.

3. **Внешняя политика** императора Александра III отличалась определенностью и устойчивостью. Строго охраняя национальные русские интересы, он решительно уклонялся от вмешательства в Европейские дела и всегда обнаруживал неизменное миролюбие. При первых проявлениях со стороны южных славян недовольства русским протекторатом император Александр III отступил от него и предоставил Болгарию и Сербию их собственным силам. Он не поддерживал старых связей и с прусскими Гогенцоллернами, будучи очень недоволен германской политикой на Берлинском конгрессе (§ 169). Основанный в те годы под гегемонией Германии «тройственный союз» ее с Австрией и Италией император Александр III считал угрозой европейскому миру и интересам России и Франции. Поэтому он сблизился именно с Францией и вошел с ней в оборонительный союз, восстановивший политическое равновесие в Европе и надолго ставший оплотом

европейского мира. Постоянство русского государя в поддержании общего мира и искренность его миролюбия дали ему наименование «миротворца». Во все царствование Александра III Россия имела лишь одно мелкое вооруженное столкновение с афганцами (1885) на р. Кушк по случаю присоединения к России Мервского оазиса и оазиса Пенде. Поражение афганского отряда генералом Комаровым не вызвало никаких дальнейших осложнений ни с Афганистаном, ни с покровительницей его Англией, и спорные земли остались за Россией.

4. Будучи представителем строго-национальной политики внешней, император Александр и внутри своего государства являлся носителем **русской национальной идеи**. Он стремился к тесному объединению инородческих окраин с государственным центром и к возможному обрусению инородцев. Объединительная политика особенно сильно коснулась Остзейского края. Там вместо старых немецких форм управления и самоуправления были введены общегосударственные учреждения с русским языком; а немецкий университет в г. Юрьеве (носившем до 1893 г. название Дерпта) был преобразован в русский. В польских губерниях также делались шаги к усилению русского влияния. В отношении же Финляндии были приняты решительные меры. В царствование императора Александра II финляндцам удалось достигнуть таких форм самоуправления, которые обращали Финляндию из автономной русской провинции как бы в особую страну. Финляндскому населению было разрешено иметь свою монету (марки и пенни), свою почту, свою таможенную систему, свои железные дороги, даже свое войско. Нет сомнения, что все эти признаки внутренней самостоятельности и обособленности должны были воспитать в финляндцах взгляд на свою родину как на особое государство, находящееся лишь в унии с Россией. Ко времени императора Александра III этот взгляд повел уже ко многим неудобствам и недоразумениям между правительством и финляндскими сеймом и сенатом. Не сочувствуя финляндскому обособлению, государь объявил (1890), что великое княжество Финляндское состоит «в собственности и державном обладании империи Российской» и что надлежит возвратить его в более тесное единение с прочими частями Русского государства. Сообразно с этим принципом был усилен правительственный контроль за финляндским управлением и намечены, а частью и осуществлены, меры к ограничению финляндской автономии.

Обладавший большими физическими силами и крепким здоровьем, император Александр III на 50-м году жизни неожиданно захворал болезнью почек и скончался 20 октября 1894 г. в Ливадии (около г. Ялты), в Крыму. После его кончины на русский престол вступил его старший сын Николай Александрович[40].

§ 172. Император Николай II Александрович (1894-1917)

В первые же месяцы своего правления молодой государь с особенной силой выразил намерение следовать системе своего отца во внутреннем управлении государством и обещал «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно», как охранял его Александр III. В политике внешней Николай II также желал следовать миролюбию своего предшественника и в первые годы царствования не только не уклонялся практически от заветов императора Александра III, но и поставил перед всеми державами теоретический вопрос о том, как могла бы дипломатия, путем международного обсуждения дела, «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья». Результатом такого обращения русского императора к державам было созвание в г. Гааге двух «Гаагских мирных конференций» (1899 и 1907 гг.), главной целью которых было изыскать средства для мирного решения международных столкновений и для общего ограничения вооружений. Цель эта, однако, достигнута не была, ибо соглашения о прекращении разоружении не последовало, и постоянный международный суд для решения распри не был учрежден. Конференции ограничились рядом частных гуманитарных постановлений о законах и обычаях войны. Они не предотвратили никаких вооруженных столкновений и не остановили развития так называемого «милитаризма» с его громадными расходами на военное дело.

Одновременно же с работами первой Гаагской конференции Россия была вынуждена принять деятельное участие во внутренних делах Китая. Началось с того, что она помешала Японии удержать за собой завоеванный ей у Китая Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артуром (1895). Затем (1898) Россия сама взяла у Китая в аренду Порт-Артур с его областью и провела туда одну из ветвей своей Сибирской железной дороги, а это поставило в косвенную зависимость от России и другую китайскую область, Манчжурию, через которую прошла русская железная дорога. Когда в Китае началось восстание (так называемых «боксеров», патриотов, приверженцев старины), то русские войска, вместе с войсками других европейских держав, приняли участие в его усмирении, взяли Пекин (1900), а затем открыто заняли Манчжурию (1902). В то же время русское правительство обратило свое внимание на Корею и сочло возможным занять некоторые пункты

в Корею для своих военных и торговых целей. Но Корея давно составляла предмет вожделений Японии. Затронутая передачей Порт-Артура в русское обладание и обеспокоенная утверждением России в китайских областях, Япония не считала возможным отказаться от своего преобладания в Корею. Она оказала противодействие России и после длительных дипломатических переговоров начала с Россией войну (26 января 1904 г.).

Эта война была очень несчастною для России. Силы Японии оказались гораздо значительнее, чем их представляло себе русское правительство. Для России же было чрезвычайно трудно вести войну на далекой окраине, которая была связана с центром государства только одной железнодорожной линией (притом малой провозоспособности). Японцы высадили на материк большую армию, осадили Порт-Артур с суши и с моря, ослабили в боях русскую эскадру, бывшую в Порт-Артуре, и оттеснили русскую армию из южной Манчжурии к северу. В конце 1904 г. после упорной защиты Порт-Артур сдался японцам, а в начале 1905 г. русские войска проиграли генеральное сражение под г. Мукденом. В мае 1905 г. русский флот, посланный против японцев из Балтийского моря и совершивший громадный морской поход кругом Африки, был разбит и уничтожен в морской битве у о. Цусима. Россия потеряла надежду выиграть войну, но и Япония была истомлена тяжелою войною; при посредстве президента Северо-Американских Соединенных Штатов (Рузвельта) начались в г. Портсмуте переговоры о мире, и в августе 1905 г. мир был заключен. Россия потеряла Порт-Артур, перешедший к Японии; она отказалась от всяких претензий на влияние в Корею и южной Манчжурии и уступила Японии южную половину острова Сахалина (§ 168).

Война нанесла чувствительный удар политическому престижу России и показала слабость ее военной организации. Перед правительством стала трудная задача возрождения военно-морской мощи государства. Казалось, что для этого необходимо продолжительное время и что Россия долго не сможет принимать активное участие в международной политической жизни. В таком предположении центральные европейские державы, Германия и Австро-Венгрия, стали менее стесняться в отношении России. Они имели много поводов вмешиваться в дела Балканского полуострова, где шли войны Балканских государств с Турцией и между собою. Главное давление оказывала Австро-Венгрия на Сербию, имея в виду подчинить это государство своему полному влиянию. В 1914 г. австрийским правительством был поставлен Сербии ультиматум, посягавший на политическую независимость Сербского королевства. Россия вступилась, против ожиданий Австрии и Германии, за дружественный ей сербский народ и мобилизовала армию. На это Германия, и за ней Австрия объявили войну России, а с ней одновременно и Франции, давней ее союзнице. Так началась (в июле 1914 г.) та ужасающая война, которая охватила, можно сказать, весь мир. Царствование императора Николая II, несмотря на миролюбивые заявления монарха, омрачилось необыкновенными военными грозами и тяжелыми испытаниями в виде военных поражений и утраты государственных областей.

Во внутреннем управлении государством император Николай II считал возможным и желательным держаться тех же начал, на которых покоилась охранительная политика его отца. Но политика Александра III имела свое объяснение в смутных обстоятельствах 1881 г. (§ 170); она ставила своей целью борьбу с «крамолой», восстановление государственного порядка и успокоение общества. При вступлении во власть императора Николая порядок был укреплен, о революционном терроре не было и речи. Зато жизнь выдвинула на первый план новые задачи, требовавшие особых усилий власти. Неурожай и голод, в 1891–1892 гг. поразившие с чрезвычайной силой земледельческие области государства, обнаружили несомненный общий упадок народного благосостояния и безуспешность тех мероприятий, которыми до тех пор правительство думало улучшить сословную жизнь (§ 171). В наиболее хлебородных областях крестьянство, благодаря малоземелью и недостатку скота, не могло поддерживать земельное хозяйство, не имело запасов и при первом же неурожае терпело голод и нищету. На заводах и фабриках рабочие были в зависимости от предпринимателей, недостаточно ограниченных законом в эксплуатации труда. Страдания народных масс, с необыкновенной ясностью обнаружившиеся в голодный 1891–1892 год, вызвали большое движение в русском обществе. Не ограничиваясь сочувствием и материальною помощью голодающим, земства и интеллигенция постарались поставить перед правительством вопрос о необходимости изменить общий порядок управления и от бюрократии, бессильной предупредить разорение народа, перейти к единению с земствами. Некоторые земские собрания, воспользовавшись переменою царствования, в первые дни власти императора Николая II обратились к нему с соответствующими адресами. Однако они получили отрицательный ответ, и правительство осталось на прежнем пути охраны самодержавного строя с помощью бюрократии и полицейских репрессий.

Резко выраженное охранительное направление власти было в столь явном несоответствии с вопиющими нуждами населения и настроением интеллигенции, что неизбежно было возникновение оппозиционных и революционных движений. В последние годы XIX ст. начались выступления против правительства учащейся молодежи в высших учебных заведениях и волнения и стачки рабочих в фабричных районах. Рост

общественного недовольства вызывал усиление репрессий, направленных не только на избалованных в движении лиц, но и целиком на все общество, на земства и на печать. Однако репрессии не препятствовали образованию тайных обществ и подготовке дальнейших выступлений. Неудачи в Японской войне дали окончательный толчок общественному недовольству, и оно вылилось в ряде революционных вспышек. В городах устраивались манифестации, на фабриках забастовки; начались политические убийства (великого князя Сергея Александровича, министра Плеве). Небывалая по размерам манифестация произошла в Петрограде 9 января 1905 г.: массы рабочих сошлись к Зимнему дворцу с петицией к царю и были разогнаны с применением огнестрельного оружия. С этой манифестации начался открытый революционный кризис. Правительство пошло было на некоторые уступки и выразило готовность создать законосовещательное народное представительство. Однако это уже не удовлетворяло народа: летом произошли аграрные беспорядки и ряд восстаний во флоте (Черноморском и Балтийском), а осенью (в октябре) началась всеобщая политическая забастовка, остановившая правильную жизнь страны (железные дороги, почту, телеграф, водопроводы, трамваи). Под давлением необычных событий император Николай II издал 17 октября 1905 г. манифест, даровавший населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; вместе с тем обещано было широкое развитие начала общего избирательного права и было установлено незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий правительства.

Манифестом 17 октября Россия была обращена в конституционное государство. Весною 1906 г. собралось первое представительное собрание — Государственная дума, в которой преобладали народные представители оппозиционного направления. Деятельность этой «первой думы», направленная на безотлагательное проведение широких политических и социальных реформ, не нравилась правительству, и потому летом 1906 г. первая дума была распущена и одновременно созывалась новая дума на февраль 1907 г. Однако «вторая дума» оказалась еще радикальнее первой и так же, как первая, подверглась роспуску 3 июня 1907 г. В этот же день опубликован новый избирательный закон, сузивший круг лиц, имеющих избирательные права. Открытая осенью 1907 г. «третья дума» была избрана на основании нового закона и начала свои работы в период значительного общественного успокоения. Она работала в большем согласии с правительством и создала определенный порядок думской жизни. Отношения ее к правительству были облегчены тем, что во главе совета министров (с 1906 по 1911 г.) находился талантливый оратор и очень симпатичный по личным свойствам человек П. А. Столыпин. Казалось, с установлением благожелательных отношений думы и правительства и с успокоением общества Россия вступит на путь правильной и мирной политической жизни и постепенно пойдет к действительному осуществлению начал, провозглашенных 17 октября 1905 г.

Однако дело было расстроено тем, что в руководящих придворных и бюрократических кругах преобладали влияния, враждебные всякому обновлению политической жизни России. Там не желали соблюдать обещания, данные в манифесте 17 октября; почитали самодержавие не отмененным и неизменным; не верили в необходимость и прочность представительных учреждений; не считали необходимыми демократические реформы и заботились об укреплении дворянских узкосословных льгот и преимуществ. Словом, вопреки общему ходу вещей, там питали резко реакционные надежды. Сам Столыпин под влиянием высших «сфер» стал как будто склоняться в сторону реакции. Когда же (1 сентября 1911 г.) Столыпин был убит в Киеве (обстановка его убийства недостаточно разъяснена), правительство стало определенно реакционным и обозначился его явный разлад с думой. Следующая за третьей «четвертая дума» (1912 г.), весьма умеренная по составу, не раз проявляла резкое осуждение правительственному курсу, но не могла его изменить. Государство явно возвращалось к старому порядку, и народное представительство постепенно обращалось в простую декорацию.

В таких внутренних условиях застала Россию война 1914 г. Недостатки русской военной организации и ее несоответствие громадному размаху военных операций сказались прежде всего в продовольственном и санитарном деле. Правительство допустило здесь, в помощь военным властям, общественные организации: образовались всероссийские союзы земств и городов и распространили свою работу на всю страну и на весь фронт. Когда же в 1915 г. обнаружился недостаток военного снаряжения и снарядов, общественные организации перешли и к военным заготовкам. Участие земских сил в деле обороны страны позволило обществу близко и точно узнать недостатки и слабость правительственных учреждений, работавших на оборону, и недобросовестность и неумелость многих правительственных лиц (военный министр Сухомлинов был заподозрен даже в прикосновенности к государственной измене). Дума много раз указывала правительству на необходимость изменить режим, призвать к власти лиц, пользующихся общественным доверием, устранить вредные безответственные влияния со стороны интриганов, проникавших во дворец

темными путями. В заседании думы 1 ноября 1916 г. подъем гражданского чувства достиг необычной высоты; в речах народных представителей звучали высокий патриотизм и безупречная лояльность, но вместе с тем и твердая решимость добиться перемен в правительстве и ответственного министерства. Требования думы были поддержаны государственным советом, объединенным дворянством и другими общественными организациями. Но общий голос страны не был понят императором Николаем II, и его правительство осталось в уверенности, что оно может управлять страной вопреки настроению всего населения. Тогда и последовал государственный переворот.

Внешним поводом для него послужило расстройство железнодорожных доставок провианта и топлива в столицы. С 24 февраля 1917 г. в Петрограде начались уличные демонстрации с требованием «хлеба». В следующие дни толпы пробовали двинуть войска, но 27 февраля они перешли на сторону народа, и 28 февраля правительство пало. С возникновением беспорядков оно решилось распустить думу, но дума не разошлась и из своей среды избрала «исполнительный комитет», с председателем думы М. В. Родзянко во главе. Рабочая и солдатская масса в то же время выдвинула из своей среды «совет рабочих и солдатских депутатов». По соглашению этих органов революции было установлено «временное правительство» с председателем князем Г. Е. Львовым. Мгновенно оно было признано Москвою и всей страной. Император Николай II, застигнутый движением на фронте, не успел возвратиться в Петроград и во Пскове 2 марта отрекся от престола за себя и за сына Алексея в пользу своего брата Михаила Александровича. Но Михаил Александрович на другой же день отказался принять «тяжелое бремя» власти и предоставил «учредительному собранию своим решением об образе правления выразить волю народа».

Этого учредительного собрания теперь и ждет Россия, имея в своих пределах еще не побежденного внешнего врага. Да поможет ей Господь в трудную годину народных испытаний!

Апрель 1917

Хронологическая таблица к учебнику русской истории Платонова

Хронологический перечень

- 860. Первое нападение руси на Царьград.
- 862. Призвание варяжских князей.
- 862–879. Князь Рюрик в Новгороде.
- 907. Поход Олега на Царьград.
- 912. Кончина Олега.
- 957. Путешествие княгини Ольги в Царьград.
- 972. Кончина князя Святослава.
- 988– 989. Крещение Руси.
- 1015. Кончина св. князя Владимира.
- 1054. Кончина князя Ярослава Мудрого.
- 1113–1125. Владимир Мономах в Киеве.
- 1147. Первое известие о Москве.
- 1157. Кончина князя Юрия Владимировича Долгорукого.
- 1175. Кончина князя Андрея Юрьевича Боголюбского.
- 1176–1212. Князь Всеволод III Большое Гнездо во Владимире.

1187. Кончина князя Ярослава Осмомысла Галицкого.

1199. Князь Роман Мстиславич Волынский овладел Галичем.

1223. Битва на р. Калке.

1237–1238. Нашествие Батыя. Битва на р. Сити.

1240. Взятие Киева татарами.

1240. Победа св. князя Александра Невского над шведами.

1242. Победа его над немцами (Ледовое побоище).

1263. Кончина св. князя Александра Невского.

1263. Кончина князя Миндовга.

1264. Кончина князя Даниила Галицкого.

1317–1341. Князь Гедимин в Литве.

1328–1341. Великий князь Иван I Данилович Калита.

1341–1359. Великие князья Семен Иванович Гордый и Иван II Иванович Красный.

1341–1377. Князь Ольгерд в Литве.

1359–1389. Великий князь Дмитрий Иванович Донской.

1380. Куликовская битва.

1386. Уния Литвы с Польшей.

1392–1430. Князь Витовт в Литве.

1410. Битва при Грюнвальде и Танненберге.

1413. Городельский сейм.

1425. Кончина великого князя Василия I Дмитриевича.

1439. Флорентийская уния.

1450. Победа великого князя Василия II Васильевича Темного над князем Дмитрием Шемякою.

1462–1505. Великий князь Иван III Васильевич.

1472. Брак Ивана III с Софией Палеолог.

1478. Падение Великого Новгорода.

1480. Свержение татарского ига.

1485. Присоединение Твери к Москве.

1505–1533. Великий князь Василий III Иванович.

1510. Падение Пскова.

1514. Взятие Смоленска Москвою.

1523. Присоединение к Москве последних (Северских) уделов.

1530. Рождение Ивана Грозного.

1533–1584. Великий князь и царь Иван IV Васильевич Грозный.

1547. Принятие царского титула и брак Ивана Грозного.

1550–1551. Судебник и Стоглав.

1552. Покорение Казани.

1556. Покорение Астрахани.

1558. Начало Ливонской войны.

1560. Кончина царицы Анастасии.

1565. Опричнина.

1569. Люблинская уния и образование Речи Посполитой.

1582. Покорение Сибири.

1582–1583. Мир Грозного с Баторием и Швецией.

1584–1598. Царь Федор Иванович.

1589. Учреждение патриаршества в Москве.

1591. Кончина царевича Дмитрия в Угличе.

1596. Церковная Брестская уния.

1598. Прекращение Московской династии и воцарение Бориса Годунова.

1605. Смерть царя Бориса и воцарение Лжедмитрия.

1606–1610. Царь Василий Иванович Шуйский.

1610. Избрание на Московский престол королевича Владислава.

1611. Ополчение Прокопия Ляпунова.

1611–1612. Ополчение князя Пожарского и К. Минина.

1612. Освобождение Москвы.

1613 (21 февраля). Избрание в цари Михаила Федоровича Романова.

1613–1645. Царь Михаил Федорович.

1617. Мир со Швецией (Столбовский).

1618. Мир с Речью Посполитой (Деулинское перемирие).

1632–1634. Война с Речью Посполитой и Поляновский мир.

1637–1642. Вопрос об Азове.

1645–1676. Царь Алексей Михайлович.

1649. Соборное Уложение.

1652–1658. Патриаршество Никона и исправление церковных книг.

1653–1654. Присоединение Малороссии.

1654–1667. Войны с Речью Посполитой и Андрусовское перемирие (1667).

1656–1659. Шведская война.

1666–1667. Церковные соборы и низложение Никона.

1670–1671. Бунт Стеньки Разина.

1672. Рождение Петра Великого.

1676–1682. Царь Федор Алексеевич.

1682. Воцарение Петра Великого и стрелецкий бунт.

1682–1689. Правление царевны Софьи.

1686. Вечный мир с Речью Посполитой.

1695–1696. Азовские походы.

1697–1698. Заграничное путешествие Петра Великого.

1700–1721. Великая Северная война.

1703. Основание Петербурга.

1709. Полтавская битва.

1711. Прутский поход. Учреждение Сената.

1714. Победа при Гангуте.

1721. Ништадтский мир. Учреждение Св. Синода.

1721. Принятие Императорского титула.

1722. Закон о престолонаследии. «Правда воли Монаршей».

1725. Кончина Петра Великого.

1725–1727. Императрица Екатерина I.

1727–1730. Император Петр II.

1730–1740. Императрица Анна.

1740–1741. Император Иоанн VI Антонович.

1741–1761. Императрица Елизавета.

1757–1761. Участие России в Семилетней войне.

1761–1762. Император Петр III.

1762–1796. Императрица Екатерина II.

1767–1768. Комиссия для составления проекта нового Уложения.

1768–1774. Первая Турецкая война и мир в Кучук-Кайнарджи.

1773–1775. Пугачевщина.

1773. Первый раздел Речи Посполитой.

1775. Учреждение об управлении губерний.

1783. Присоединение Крыма.

1785. Жалованные грамоты сословиям.

1787-1791. Вторая Турецкая война и мир в Яссах.

1788-1790. Шведская война.

1793 и 1795. Второй и третий разделы Речи Посполитой.

1796-1801. Император Павел.

1797. Учреждение об Императорской Фамилии.

1799. Поход Суворова в Италию и Швейцарию.

1801. Присоединение Грузии.

1801-1825. Император Александр I.

1802. Учреждение Министерств.

1805. Аустерлиц.

1807. Тильзитский мир.

1809. Присоединение Финляндии.

1810. Учреждение Государственного Совета.

1812. Присоединение Бессарабии.

1812. Отечественная война.

1813-1814. Война за освобождение Европы.

1815. Венский конгресс.

1825-1855. Император Николай I.

1826-1828. Персидская война.

1827. Наварин.

1828-1829. Турецкая война и Адрианопольский мир.

1830-1832. Восстание поляков и Органический статут.

1833. Свод Законов Российской Империи.

1839-1843. Финансовая реформа.

1842. Закон об обязанных крестьянах.

1849. Венгерский поход.

1853-1855. Восточная война и Парижский мир.

1855-1881. Император Александр II.

1858. Присоединение Амурской области.

1860. Присоединение Уссурийского края.

1861 (19 февраля). Освобождение крестьян.

1863. Восстание поляков.

1864. Замирение Кавказа.

1864. Судебная реформа. Земские учреждения.

1868. Присоединение Бухары.

1870. Городовое положение.

1873. Присоединение Хивы.

1874. Всеобщая воинская повинность.

1876. Присоединение Кокана (Ферганы).

1877–1878. Восточная война и Берлинский конгресс.

1881–1894. Император Александр III.

1894–1917. Император Николай II.